Власть истории – История власти

Том 12. Часть 6. (№72)

The Power Of History – The History Of Power

Volume 12. Issue 6. (№72)

Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-61481 от 24 апреля 2015 г.

Эл № ФС77-61482 от 24 апреля 2015 г.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Власть истории – история власти» обязательна.

Рукописи рецензируются.

Журнал входит в Перечень **ВАК** (№ 694)

Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад в поддержку проекта.

ISSN 2415-7015
8 номеров в год
E-mail: etnosocium@mail.ru
Сайт: http://etnosocium.ru/vi
Язык: русский, английский.

Зам. гл. ред. С.В. Рыбаков
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro
Формат 60x90/16. Тираж экз. 500
Усл. п. л. 30,625

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «Этносоциум»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «Этносоциум», 105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Москва 2026

Certificate of registration of mass media

ПИ № ФС77-61481 Founded in April 24, 2015

Эл № ФС77-61482 Founded in April 24, 2015

The journal is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

"The Power Of History" aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

The journal is included in the list of **HAC** (№ 694)

We express our gratitude of the outstanding scientists and public figures, who made a financial contribution to the project.

ISSN 2415-7015
8 issues per year
E-mail: etnosocium@mail.ru
Website: http://etnosocium.ru/english/The-Power-Of-History-vi-iv
Languages: Russian, English

Deputy Chief Editor: Rybakov S.V.
Corrector: Belousova E.A.
Paper: offset
Types: Minion Pro
Format: 60x90
Copies: 500

The original layout was prepared by the International Publishing Center «Ethnosocium»
Printed in the printing house of the International Publishing Center «Ethnosocium»
105066, Moscow, Spartakovskaya st., 19, building 3.

Moscow 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Зам. Главного Редактора, руководитель проекта:

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Рыбаков С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долгенко А.Н., доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков. Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ненарокова М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник, отдел Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения. Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ) РАН. Переводчик.

Нагорнова Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Никашина Н.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Клименко Д.А., кандидат филологических наук, специалист по Италии.

Мурашко С.Ф., кандидат психологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Ивакин Г.А., доктор исторических наук, профессор, эксперт. Заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО».

Наумова Г.Р., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ковалева Н.А., доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР).

Летуновский П.В., кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Варсонофьев В.В., кандидат политических наук, военный эксперт.

Чапкин С.В., почетный академик, президент «Академии экологии и права».

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Вражнова М.Н., доктор педагогических наук, профессор, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Курбонзода Хонали, доктор исторических наук, Ректор Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Платонова Н.М., доктор исторических наук, профессор кафедры «Социально-гуманитарные науки» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск).

Ашрапов Б.П., кандидат филологических наук. Доцент кафедры английского языка, ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова».

Степанов С.А., доктор исторических наук, профессор. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Юридический институт, кафедра публичной политики и истории государства и права.

EDITORIAL BOARD

Deputy. Chief Editor and Project Manager:

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Rybakov S.V., Doctor of historical sciences, Associate Professor of the history of Russian Ural Federal University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of National and Federal Relations of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of Russian and Foreign Languages at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Nenarokova M.R., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Leading Researcher, Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature. Institute of World Literature RAN. Interpreter/Translator.

Nagornova E.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at the Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Nikashina N.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Klimenko D.A., Candidate of Philology, specialist in Italy.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Expert. Deputy Director of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Psychological Institute of the Russian Academy of Education".

Naumova G.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councellor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kovaleva N.A., Doctor of Philology, Associate Professor. Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Institute of Foreign Languages of Nanjing University (PRC).

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the A.M. Vassilevsky Soviet Union.

Varsonofiev V.V., Candidate of Political Science, Military expert.

Chapkin S.V., Honorary Academician, President of the "Academy of Ecology and Law".

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor.

Vrajnova M.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Road Construction University (MADI).

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences, Rector of the «National Institute of professional development and training of educators».

Platonova N.M., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

Ashrapov B.P., Candidate of Philological Sciences. Associate Professor, Department of English, Khujand State University named after Academician Bobojon Gafurov.

Stepanov S.A., Doctor of Historical Sciences, Peoples' Friendship University of Russia, Law Institute, Department of Public Policy and History of State and Law.

Содержание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЛИНГВИСТИКА

Гареева Г.Н., Салаватова Ф.Р., Ахтарова З.А. Тема войны
и образ героя-защитника в произведениях А. Хакимова и В. Астафьева...14

Амитрова М.В. Креолизованный текст на знаках отличия военной
формы РФ во время проведения специальной военной операции.....26

Усмонова М.Н. Некоторые теоретические
взгляды на функционально-семантические
особенности формул таджикского и английского этикета.....37

Ашрафзода Б.П. Морфологические особенности
и словообразовательный потенциал таджикского
суффикса –манд в таджикском литературном языке XVIII и XIX вв.....46

Бажутова М.А., Чубарова Ю.Е., Орлова Т.А., Резепова Н.В.
Фонетическая интерференция в англоязычной
речи русских студентов: экспериментальный анализ
сегментных и просодических ошибок и их перцептивная значимость.....59

Ваджибов М.Д. Русские заимствования в повести табасаранского
писателя Шахвеледа Шахмарданова «Грушевое дерево».....68

Вехова Е.А., Чубарова Ю.Е., Иванова М.Е.
Перевод французского молодежного слэнга на английский язык:
лингвистические, культурные и трансформационные
аспекты (на основе произведений песенного жанра).....77

Исхакова Р.Р., Абсалямова Л.Ф., Байтурина Ю.М.
Англицизмы в речи современной
русскоговорящей молодежи: функциональный аспект.....87

Мирзоева П.В. Структурно-сопоставительный анализ глагольных
фразеологических единиц таджикского и английского языков
в аспекте перевода (на материале произведений С. Айни).....93

Нго Суан Биен Роль авторских ремарок
в понимании русского художественного текста:
некоторые аспекты развития навыков чтения на русском языке.....106

Окилова Х.А. Морфологико-семантические особенности
таджикского союза «Вагарна» и его английских
эквивалентов (на основе материала «Гуломона» С. Айни).....115

Пеньковская И.И. Дискурсивная реконструкция
дефиниций операционных терминов в лекциях
С.М. Эйзенштейна (на материале термина «композиция»).....127

Садовникова И.И. Специфика
словарного состава эвенских пословиц.....136

Юсупова М.А. Морфологические особенности
таджского союза азбаски и его английских эквивалентов
(на основе материала «Гуломона» С. Айни).....144

Усмонова М.Н. Теоретические основы
изучения речевого этикета в различных лингвокультурах.....155

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Минакова И.В., Дедюхин В.С. Репрезентация освобождения
нацистского концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау
(Освенцим) в российских и зарубежных официальных текстах.....169
Долгушина П.С., Шостак В.А., Синегубов С.Н.
Генезис термина «серийное убийство» и трансформация
фигуры серийного маньяка в контексте идеологического
противоборства СССР и США в период холодной войны.....182
Герасимов М.С. Образ ирландца
в британской прессе после великого голода (1850–1856).....190
Вурал Мюжган Налоговая политика
Ильханов в Анадолу: от традиционных монгольских налогов
к местным и произвольным налоговым обязательствам.....198
Каун С.Б., Набока Д.Ю. Дипломатия Густава Штреземана
как инструмент антикризисной политики Веймарской Республики.....215
Сорокин Н.О. Идеология и прагматизм в корейской
политике в отношении Китая (садэ и «ёндэ» в эпоху Вана Тхэджона)....231
Ткач Е.Е. Американская помощь
советским республикам: миссия „Джойнта“ в 1917–1922 гг.....243
Шмидт А.К. Искусственный интеллект
в реставрации исторических аудиовизуальных материалов:
методологические проблемы и экспериментальный анализ.....254
Ли Ли, Ху Сыюань, Лин Хуанье
Процесс институционализации европейской интеграции
на примере Европейского объединения угля и стали.....267
Лозовая А.М. Темпоральная архитектура
академической среды Китайской Народной Республики.....279

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Упоров И.В. Особенности формирования и полномочия
органов политического сыска в XVII – начале XVIII вв.....286
Рубцова М.В., Павенков В.Г., Рубцова А.В.
К когнитивной истории
Санкт-Петербурга XVIII века: обзор современной литературы.....296
Файзуллин С.А. Трансформации
внешних границ Актанышского района Татарстана.....307

Вурал Чагатай Нашивные бляшки на одежде
из курганов скифов северного Кавказа: социокультурная оценка
на основе сетевого анализа и комбинаторных критериев.....317
Чебарев В.В. Сравнительный анализ деятельности
офицерской артиллерийской школы в начале XX века (1904-1909 гг.)....330
Рущенко Г.С. Друзья, нейтралы и враги:
семантический контент-анализ социальных
категорий в воззвании анархиста Я.В. Махайского 1902 г.....342
Абрамов Д.М. Проблемы межконфессиональных
и внутри-церковных отношений
на Русском Северо-Западе и в Балтии в первой половине XIII века.....351
Алиева Л.В., Гарчу Надежда
Региональная пресса и формирование образа врага:
«Псковские губернские ведомости» в годы первой мировой войны.....367
Бобровский И.А. К вопросу формирования
частей особого назначения на территории
Воронежской губернии в период гражданской войны.....378
Лукьянченко Е.Е., Волошин Г.Р.,
Унанян Г.А., Костин К.Н., Петров Н.Ю. Почему
Олимпийские игры остаются главным спортивным событием мира.....386
Горкуш С.В., Климочкина А.Ю., Мышева А.А.
Базы данных о жертвах геноцида как исторический
источник периода Великой Отечественной Войны (1941-1945 гг.).....394
Кириллова А.И. Китобойный и морской
зверобойный промыслы в Охотско-Камчатском крае
в начале XX в.: в чьих руках он был сосредоточен?.....404
Ларина Ф.Ш. Внедрение искусственного интеллекта
(ИИ) в истории развития военной дипломатии.....413
Левашов О.Е. Восстановление и модернизация
системы радиофикации курской области в 1946–1965 годах.....421
Морозов А.С. Государственное регулирование рынка труда
в условиях кадрового дефицита: опыт Советской России
1920-х годов на примере восточного Подмосковья.....434
Нагаева Г.А. Трактирный промысел
в российской провинции конца XIX – начала XX вв.
(на примере портового города Новороссийск).....443

Аннотации.....456
Авторы.....484

Content

PHILOLOGICAL SCIENCES, LINGUISTICS

Gareeva G.N., Salavatova F.R., Akhtarova Z.A.
The theme of war and the image
of a hero-defender in the works of A. Khakimov and V. Astafyev.....14
Amitrova M.V. Creolized text on the Russian military
uniform insignia during a special military operation.....26
Usmonova M.N. Certain theoretical views on functional
and semantic features of Tajik and English etiquette formulas.....37
Ashrafzoda B.P. Morphological peculiarities
word-building potential of the Tajik suffix –манд
in the Tajik literary language referring to the 18th and 19th centuries.....46
Bazhutova M.A., Chubarova Yu.E., Orlova T.A., Rezepova N.V.
Phonetic interference in the English speech
of Russian-speaking students: an experimental study
of segmental and prosodic errors and their perceptual significance.....59
Vadzhibov M.D. Russian loanwords in the novella
"The pear tree" by Tabasaran writer Shakhveled Shakhmardanov.....68
Vekhova E.A., Chubarova Yu.E., Ivanova M.E.
Translation of French youth slang into English: linguistic,
cultural and transformational aspects (based on song discourse).....77
Iskhakova R.R., Absalyamova L.F., Baiturina Yu.M. Anglicisms
in the speech of modern Russian-speaking youth: the functional aspect.....87
Mirzoeva P.V. Structural and comparative
analysis of Tajik and English verbal phraseological units
in the aspect of translation (based on the works of S. Aini).....93
Ngo Xuan Bien The role of authorial remarks in understanding
Russian literary texts: some aspects of developing Russian reading skills.....106
Oqilova H.A. Morphologico-semantical features
of the Tajik conjunction Вараҳа and its English equivalents
(on the material of "Ghulomon" by S. Aini).....115
Penkovskaia I.I. Discursive reconstruction
of definitions of operational terms in the lectures
of S.M. Eisenstein (based on the term "composition").....127
Sadovnikova I.I. The specifics of the vocabulary of even proverbs.....136
Yusupova M.A. Morphological peculiarities
of the Tajik conjunction азбаски and its English
equivalents (on the material of "Ghulomon" by S. Aini).....144

Usmonova M.N. Theoretical basis
for the study of speech etiquette in various linguocultures.....155

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND GENERAL HISTORY

Minakova I.V., Dedyukhin V.S. Representation
of the liberation of the nazi concentration camp
Auschwitz-Birkenau (Oswiecim) in Russian and foreign official texts.....169
Dolgushina P.S., Shostak V.A., Sinegubov S.N.
The genesis of the term "serial murder" and the transformation
of the figure of a serial maniac in the context of the ideological
confrontation between the USSR and the USA during the Cold War.....182
Gerasimov M.S. The image of the Irish
in the British press after the great famine (1850–1856).....190
Vural Müjgan Ilkhanıd tax polıcy ın Anatolıa:
from tradıtıonal mongolıan taxes to local and arbıtrary tax lıabılıtıes.....198
Kaun S.B., Naboka D.Yu. Gustav Stresemann's diplomacy
as an instrument of the anti-crisis policy of the Weimar Republic.....215
Sorokin N.O. Ideology and pragmatism in Korean Policy
toward China («sadae» and «yondae» during the reign of King Taejong).....231
Tkach E.E. American aid
to the Soviet Republics: the "Joint" mission, 1917–1922.....243
Schmidt A.K. Artificial intelligence in the restoration of historical
audiovisual materials: methodological issues and experimental analysis.....254
Li Li, Hu Siyuan, Lin Huangye
The institutionalization of European integration:
the case of the European coal and steel community.....267
Lozovaya A.M. Temporal architecture
of the academic environment of the People's Republic of China.....279

ACTUAL QUESTIONS OF HISTORICAL SCIENCES

Uporov I.V. Features of the formation and powers
of political investigation bodies in the 17th – early 18th centuries.....286
Rubtsova M.V., Pavenkov V.G., Rubtsova A.V.
On the cognitive history
of St. Petersburg in the 18th century: a review of modern literature.....296
Faizullin S.A. Transformations
of external borders Aktanyshsky district of Tatarstan.....307

Vural Cagatay Sewn plaques on clothing from scythian burial mounds in the north Caucasus: a sociocultural assessment based on network analysis and combinatorial criteria.....317

Chebarev V.V. Comparative analysis of the activities of the officer artillery school in the early 20th century (1904-1909).....330

Rushchenko G.S. Friends, neutrals, and enemies: semantic content analysis of social categories in the 1902 appeal by anarchist J.W. Machajski.....342

Abramov D.M. The problems of interfaith and intra-church relations in the Russian Northwest and the Baltic region in the first half of the 13th century.....351

Alieva L.V., Garchu Nadezhda The regional press and the construction of the image of the enemy: «Pskov Provincial Gazette» during World War I.....367

Bobrovsky I.A. On the issue of formation of special-purpose units on the territory of the Voronezh Gubernia during the Civil War.....378

Lukyanchenko E.E., Voloshin G.R., Unanyan G.A., Kostin K.N., Petrov N.Yu. Why the Olympic games remain the main sporting event in the world.....386

Gorkush S.V., Klimochkina A.Yu., Mysheva A.A. Databases on genocide victims as a historical source of the Great Patriotic War (1941-1945).....394

Kirillova A.I. Whaling and marine mammal hunting in the Okhotsk-Kamchatka region at the beginning of the 20th century: in whose hands was it concentrated?.....404

Larina F.Sh. The introducing of artificial intelligence (AI) in the history of military diplomacy.....413

Levashov O.E. Restoration and modernization of the radio system of the Kursk region in 1946–1965.....421

Morozov A.S. State regulation of the labor market in conditions of personnel shortage: the experience of Soviet Russia in the 1920s on the example of the Eastern suburbs.....434

Nagaeva G.A. The tavern trade in the Russian provinces in the late 19th and early 20th centuries (a case study of the port city of Novorossiysk).....443

Abstracts.....471

Authors.....487

Гареева Г.Н.

Доктор филологических наук, профессор, доцент. Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа. SPIN-код: 9864-4231

Салаватова Ф.Р.

Нандидат филологических наук, доцент. Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа. SPIN-код: 1354-5164

Ахтарова З.А.

Независимый исследователь, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа.

Тема войны и образ героя-защитника в произведениях А. Хакимова и В. Астафьева*

Аннотация. В своих произведениях Ахияр Хакимов и Виктор Астафьев исследуют трагические события военных лет, показывая их влияние на жизнь народа, передают дух времени и чувства персонажей, создавая глубокий эмоционально насыщенный образ военного времени. Произведения этих писателей-фронтовиков отличаются не только глубиной повествования, но и аутентичностью описания событий. Авторы активно используют различные жанровые приемы, формируя сложный психологический портрет военного времени и привлекая читателей к размышлениям о ценности мира и мирной жизни.

В. Астафьев и А. Хакимов не ограничиваются внешним описанием сражений и военных действий, но также анализируют внутренний мир своих героев; показывают, как война влияет на психику солдата, меняет привычный образ жизни человека и взаимоотношения с близкими людьми; исследуют концепцию подвига, отражая определенные нравственные идеалы и ценности. Писатели передают сложность морального выбора, с которым сталкиваются их герои, акцентируют внимание на общепризнанных добродетелях, помогающих преодолеть трудности военного времени.

Результаты исследования показали, что в произведениях А. Хакимова и В. Астафьева внешне сдержанное изложение драматических событий снижает накала сюжета. Авторы используют прием монтажа: прошлое героев переплетается с их настоящим, действие периодически переносится из одного времени в другое, что дает

* © Гареева Г.Н., Салаватова Ф.Р., Ахтарова З.А., 2026.

основание говорить о сложной композиции произведений. Перестановка хроники событий продиктована желанием авторов «переключить» внимание читателей с внешней стороны происходящего на их глубинный смысл. Автобиографический характер произведений сближает читателя с героями, дает возможность дополнить документальную основу сюжета личными переживаниями писателя.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, башкирская и русская литература, проза, повесть, жанр, синтез, драматизм, герой-воин.

Gareeva G.N.
Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Ufa University of Science and Technology, Ufa. SPIN-code: 9864-4231

Salavatova F.R.
Candidate of Philology, Associate Professor. Ufa University of Science and Technology, Ufa. SPIN-code: 1354-5164

Akhtarova Z.A.
Independent researcher. Ufa University of Science and Technology, Ufa.

The theme of war and the image of a hero-defender in the works of A. Khakimov and V. Astafyev

Abstract. In their best works, Akhiyar Khakimov and Viktor Astafyev explore the tragic events of the war years, showing their impact on the lives of the people, conveying the spirit of the time and the feelings of the characters, creating a deep and emotionally charged image of wartime. The works of these frontline writers are characterized not only by their depth of storytelling, but also by their authenticity in describing the events. The authors actively use various genre techniques to create a complex psychological portrait of wartime and engage readers in reflecting on the value of peace and a peaceful life.

V. Astafyev and A. Khakimov do not limit themselves to external descriptions of battles and military operations, but also analyze the inner world of their characters, showing how war affects the psyche of soldiers, changes their usual way of life and relationships with their loved ones, and explores the concept of heroism, reflecting certain moral ideals and values. The writers convey the complexity of the moral choices faced by their characters, emphasizing the universally recognized virtues that help overcome the challenges of wartime.

The results showed that in the works of A. Khakimov and V. Astafyev, the seemingly calm presentation of dramatic events does not contradict the logic of the plot development. The authors use the technique of montage, where the past of the characters is intertwined with their present, and the action is periodically shifted from one time to another, which allows us to speak of a retrospective composition of the works. The reordering of

the chronology of events is driven by the authors' desire to shift the readers' attention from the surface aspects of the events to their deeper meaning. The autobiographical nature of the works brings readers closer to the events depicted, making the main character more relatable, while the use of fictional names allows for the expansion and deepening of the documentary basis of the depicted events.

Key words: Great Patriotic War, Bashkir and Russian literature, prose, story, genre, synthesis, drama, warrior hero.

Введение

В силу текущей геополитической ситуации в мире художественная литература о Великой Отечественной войне выдвигается на первый план в деле укрепления духа патриотизма у подрастающего поколения, любви к Родине, готовности встать на защиту суверенитета отчизны. Литература, посвященная военной тематике, предоставляет уникальную возможность исследовать человеческую природу в экстремальных условиях, проанализировать моральные дилеммы, эволюцию человеческого духа.

Произведения о войне остаются актуальными в XXI веке, благодаря их исторической и эмоциональной значимости, они продолжают играть важную роль в понимании человеческой природы, в сохранении исторической памяти и в осмыслении настоящих и будущих вызовов. Всё перечисленное выше обусловливает актуальность данного исследования.

Цель исследования – анализ темы войны и образов героев-воинов в творчестве Ахияра Хакимова и Виктора Астафьева.

Новизна исследования состоит в том, что военная тематика и образ защитника Родины, а также художественные средства создания характера, с точки зрения сопоставительного анализа, в произведениях именно указанных писателей до настоящего времени не изучались. Сравнение характеров героев произведений А. Хакимова и В. Астафьева позволяет выявить как универсальные, так и национально-специфические черты в изображении человеческой личности в экстремальных обстоятельствах.

Задачей исследования является: анализ произведений А. Хакимова и В. Астафьева в контексте изучения военной прозы в башкирском и русском литературоведениях; изучение принципов формирования образа героя в произведениях А. Хакимова и В. Астафьева; исследование особенностей репрезентации темы войны в прозе указанных писателей.

Материалы и методы исследования

Материалы исследования составили следующие литературные произведения:

– Хакимов, А. Перелетные птицы. – Уфа, 1974;

– Хакимов, А. Мост. – Уфа: Башкнигоиздат, 1975;
– Хакимов, А. Свадьба. – Уфа: Башкнигоиздат, 1977;
– Хакимов, А. Байга. – Уфа: Башкнигоиздат, 1977;
– Хакимов, А. Сполохи: повести / пер. с башк. И. Каримова, Р. Максютова. – Москва: Советский писатель, 1978;
– Хакимов, А. Млечный Путь: роман / пер. с башк. автора. – Москва: Современник, 1990;
– Астафьев, В. Избранное: Прокляты и убиты: роман. – [в 2-х кн.] / коммент. В. Астафьева. – Москва: Терра, 1999. – 640 с.;
– Астафьев, В. Сквозь время и годы // Военные страницы: повести и рассказы. – Москва: Молодая гвардия, 1986.

Теоретическая база исследования основана на трудах Д.С. Лихачева [1], В.А. Косолапова [2], В.А. Гейдеко [3], П.А. Гончарова [4], А.И. Горбачева [5], А.В. Смольякова [6], И.И. Стрелковой [7], П.М. Топера [8], в которых разбирается типология жанра военной повести, а также выявляются особенности конфликта, сюжетно-композиционной организации произведений писателей-фронтовиков (в частности, В. Астафьева).

История изучения рассматриваемой темы прослеживается в таких фундаментальных трудах, как «История башкирской литературы» [9], «История башкирской советской литературы» [10], в публикациях академика Г.Б. Хусаинова [11], Р.Н. Баимова [12; 13; 14], А.Х. Вахитова [15; 16], Г.Н. Гареевой [17; 18; 19], С.Г. Сафуанова [20] и др. Подробному изучению в приведенных работах подвергаются различные аспекты освещения башкирскими писателями темы войны и образа воина – защитника Родины; отдельное место отводится изучению творчества Народного писателя Башкирии А. Хакимова, раскрытию индивидуального стиля автора и принципов отражения действительности в его произведениях.

В статье применяются следующие методы исследования: сравнительно-типологический, герменевтический и контент-анализ.

Теоретическая значимость исследования обусловлена важностью полученных результатов для расширенной характеристики военной прозы с учетом произведений А. Хакимова и В. Астафьева.

Практическая значимость состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы при разработке учебных пособий по курсу дисциплин «История русской литературы», «История башкирской литературы», а также при составлении учебных планов в процессе преподавания башкирской и русской литературы.

Обсуждение и результаты

В 1970–1980-е годы Ахияр Хакимов продолжил освоение традиций военной прозы на национальной почве: за повестью «Скачки» последовал це-

лый ряд других его литературных работ в жанре военной повести – «Мост», «Хромая волчица», «Свадьба», «Радуга», «Опавшие листья» и др., ознаменовавших собой новый этап в становлении башкирской прозы о войне.

В повести «Хромая волчица» Ахияр Хакимов создает жанровую форму, которая позволяет рассматривать события с двух сторон. Характер, нравственная его сущность проявляются в героях не вдруг, не в решающую минуту, а раскрываются постепенно, в незаметных, на первый взгляд, деталях.

Центральным конфликтом повести является противопоставление жизненных принципов двух героев – Иргалина Рамазана и Суминова. Этот конфликт выполняет структурно-организационную функцию: в произведении повествование организовано с точки зрения то одного, то другого героя. Одни и те же ситуации каждый из героев оценивает в соответствии со своим характером, миропониманием, жизненными принципами. В то же время, параллельно с этими сюжетными коллизиями, развивается линия событий с Хромой волчицей, образ которой придает повествованию формат притчи.

Акцентируя внимание на общности судеб людей и животного, А. Хакимов вызывает в художественной памяти читателя архетипические образы. Символизм образа волчицы состоит в том, что животное не только олицетворяет землю-мать, но и сам народ, который поначалу потерял почву под ногами, но затем сумел побороть в себе духовно смятение и поднялся на борьбу (в произведении описывается как постепенно из небольшой группы смельчаков вырос целый партизанский отряд).

Тема взросления молодого человека в условиях фронта, раскрываемая автором в произведениях «Скачки», «Мост» и «Хромая волчица», строится на проблеме нравственного выбора. Писатель подчеркивает важность самосознания каждого человека и роль его ответственности за судьбы родины. Символическое значение образа Хромой волчицы расширяет и укрепляет эту тему, подчеркивая значение не только матери-земли, но и народной силы, способной добиться победы даже в невероятно трудных условиях.

А. Хакимов уделяет большое внимание душевным порывам, определяющим поведение героев в моменты суровых испытаний. Писатель мастерски использует особенности ретроспективной композиции, в частности, прием монтажа разновременных событий: действие периодически переносится из одного времени в другое, из фронтового бытия – на родину героя. Через освещение воспоминаний о прошлом писатель предлагает своим персонажам найти ответы и способы разрешения проблем в настоящем [17, С. 1452–1457].

В композицию военных повестей «Скачки», «Мост», «Хромая волчица» органично входят вставные новеллы, которые, рассказывая о судьбах лю-

дей, расширяют общую картину повествования. Пространственные перестановки, являющиеся весомой частью композиционной линии, дополняющей архитектонику повестей, диктуются желанием автора переключить внимание читателей с внешней стороны происходящего на внутреннее состояние персонажей. А. Хакимов, обращаясь к образам-символам волка, птиц и т.д., использует башкирские фольклорные сюжеты и мотивы, что придает художественному пространству произведения психологическую глубину и внеисторическую значимость.

В основе сюжета лежит развитие мыслей и чувств, движение души человека под действием неоднозначных мотивов. В произведениях А. Хакимова образ человека-воина раскрывается не только через его поступки, но и посредством внутреннего монолога.

Повесть «Мост», пронизанная личными впечатлениями автора, воевавшего на территории Венгрии и Австрии; принимавшего участие в операциях на Рабе и Балатоне, воплотила важнейшие особенности военной прозы и стала подлинным открытием в башкирской военной литературе.

В центре повествования находится становление характера молодого парня – младшего лейтенанта Ахтяма Кадырова. Он оказывается на фронте в последние дни войны, когда в воздухе уже ощущается запах победы. Шагнув во фронтовую реальность со школьной скамьи, молодой лейтенант не согнулся под гнетом лишений и трудностей. Он осознает свою ответственность за жизни других людей, чья судьба зависит от его решений, от его поступков, от его сочувствия, от его не только командирских, но и человеческих качеств.

С первых дней перед молодым офицером встают сложные вопросы – например, как завоевать уважение солдат, нужно ли с ними общаться запросто, по-товарищески или следует соблюдать дистанцию; как следует поступить в критической ситуации? На протяжении всей повести Кадыров духовно растет и крепнет. Уроки военной и мирной жизни помогает усвоить ему командир роты Васильев. Солдаты любят Васильева за сдержанность, человечность, спокойный нрав, духовное богатство; уважают за храбрость и справедливость.

На войне всё должно выполняться в соответствии с уставом. Но есть и «неписаные» принципы, определяющие меру нравственности поступков. Ахтям понимает, что несет ответственность за жизнь каждого своего солдата и что необдуманные действия, нелепые поступки здесь недопустимы [21]. В ситуации, когда Долгов уходит без разрешения из расположения части, Кадыров оказывается перед сложным выбором: если он сообщит о проступке солдата, то Долгова ожидает трибунал, а если оставить подчиненного без наказания – этот случай может стать поводом для дальнейшего произвола в подразделении. Он умолчал об этой ситуации, и таким обра-

зом уберег солдата от негативных последствий. И его человечный поступок подчиненные оценили по достоинству.

В финале повести Ахтям Кадыров предстает перед нами как бесстрашный офицер, бесконечно преданный своему народу, умелый военный руководитель, творчески решающий многие тактические вопросы. Именно такие командиры и их отважные солдаты приближали день Великой Победы. Кадыров не смог дожить до победы, он погиб за десять дней до нее.

Война безжалостно вторгалась в жизнь людей. Описывая жестокие уроки войны, А. Хакимов стремился раскрыть процесс нравственного возмужания. Смысловая контрастность – как символ противоборства непримиримых сил – становится характерной чертой его произведений. В рассмотренных нами повестях «Хромая волчица» и «Мост» защитники Родины – Рамазан Иргалин, Ахтям Кадыров – ценою своей жизни обрели бессмертие, но были и такие, как Суминов, – те, кто трусливо прятался за чужими спинами.

Вместе с ненавистью к захватчикам, священная любовь к Родине, горячий патриотизм и осознание высокого воинского долга были главной движущей силой на пути к победе. Не только месть и ненависть, но, главным образом, любовь к непреходящим ценностям составляли сущность патриотизма и гуманизма – в этом главная идея повестей А. Хакимова о войне.

Таким образом, в повестях А. Хакимова «Скачки», «Хромая волчица», «Мост» всесторонне раскрываются человеческие характеры, поднимаются серьезные нравственно-философские проблемы. Писатель, интересующийся формированием мировоззрения молодых солдат, процессом преодоления ими своего страха, глубоко раскрыл их психологию. Перед читателем развертывается процесс постепенного осознания героями себя как личности, как части расколотого войной «на до и после» мира.

В произведениях другого широко известного многим поколениям советских и российских читателей писателя – Виктора Астафьева – воплощается приверженность к справедливости, стремление передать видение войны. Главная тема у В. Астафьева – столкновение человека с жестокостью военного времени. Наиболее полно она выражена в первом его произведении – повести «Пастух и пастушка» (1967).

Это по-настоящему трагическое повествование, поскольку автор, противопоставляя любовь и смерть, не делает ожидаемого вывода о победе любви над смертью. Проясняет центральную тему повести ее жанровое определение – «современная пастораль», – в которой есть любовь (идиллические образы пастуха и пастушки, романтический ореол героини, темы любви и чувствительности человека, есть счастье – главные приметы пасторали как формы подачи сюжета). Писатель рядом со словом «пастораль»

поставил слово «современная», подчеркнув тем самым определенность времени, безжалостного к человеческим судьбам, к тонким и трепетным порывам души.

В повести «Пастух и пастушка» война определяет и обрывает судьбы неожиданно полюбивших друг друга персонажей. Пасторальная любовь посреди войны дала возможность автору рельефнее выявить сущность войны и любви как противоположных явлений.

Глава «Бой», открывающая повесть, виртуозно передаёт атмосферу боя, как апофеоза ужаса, беспорядка и хаоса. Безличные предложения – «Его обдало пламенем и снегом; ударило в лицо комками земли; забило всё ещё вопящий рот землёю; катануло по траншее, будто зайчонка» – создают представление о грозной и злой, иррациональной силе.

Другой особенностью стиля писателя является философичность и космизм пейзажей: «На поле, в ложках, в воронках и особенно густо возле изувеченных деревцев лежали убитые, изрубленные, подавленные немцы. Попадались ещё живые, изо рта их шёл пар, они хватались за ноги, ползали следом по истолчённому снегу, запятнанному комками земли и кровью, взывали о помощи» [22]. Включение в описание объектов окружающей природы (исковерканная земля, изуродованные деревья, снег, поля) создает образ поруганной человеком земли и определяет масштаб осмысления: война идёт не среди людей, а на всей земле, – это вселенская трагедия, но творимая не стихией, а человеческими руками [23].

В поэтике В. Астафьева спустившаяся на землю, закованная в металлические доспехи звезда – скорбный символ на могиле погибшего за отчизну воина, как в прологе его современной пасторали «Пастух и пастушка». Символ, стёртый безжалостным временем, не пощадившим ни воина, ни его надежды и любовь: «Может, была когда-то на пирамидке звёздочка, но отопрела».

В лирико-эпической миниатюре «Звёзды и ёлочки» из книги В. Астафьева «Затеси» автор-повествователь во время одной из поездок по Вологодчине видит «звёздочки, прибитые к торцам углов сельских изб». Красный цвет звёздочки траурно выделяется на тёмном избяном фоне, восстанавливая в ассоциативной сфере астафьевского читателя мотив Памяти – вечной памяти о погибших в годы войны.

Генезис, структура, семантика и функция ряда образов «Звездопада» – символический образ звезды и звездопада, контраст любви и войны, смерти – в сопряжении со специфическим юмором и трагедийными интонациями придают «Звездопаду» значительную оригинальность.

В повести «Весёлый солдат» В. Астафьев исследует чувства и мысли солдат, выводя их на философский уровень, пытаясь понять закон сопричастности всего живого движению бытия. Образ ямы в повести, оказываясь во

многом итоговым образом писателя, символизирует трагическое прошлое России.

В повести В.П. Астафьева «Где-то гремит война» можно выделить три основных мотива: мотив тревоги, мотив взросления и мотив одиночества. Понимание этих мотивов важно для понимания поступков и чувств главного героя, а также для осознания главной идеи произведения. В. Астафьев не просто подчеркивает беспощадность и аномальность войны, он показывает, как она может быть прочувствована (даже на расстоянии), как молодой человек осознает и переживает все ужасы этого страшного явления.

Название повести «Весёлый солдат» имеет символический смысл. Оно отсылает к образу Василия Тёркина, фольклорного героя, который олицетворял жизнестойкость и оптимизм русского народа во время Великой Отечественной войны. В. Астафьев возрождает этот образ, показывая, что даже в самых трагических обстоятельствах человек может сохранить бодрость, надежду и силу духа.

Военная проза В. Астафьева, лишенная пафоса и высокопарного слога, но пронизанная ужасом и холодом, описывает войну не только на передовой, но и внутри человека. Автор рассматривает войну как инструмент обесчеловечивания личности, разрушающий эмоциональное и физическое состояние человека.

Натуралистичность описаний и уровень обобщения в осмыслении человека на войне отличают военные произведения В. Астафьева. Главным для него становится указание на корёжащее человека начало войны. Героизм солдат известен писателю и не подвергается сомнению, он подразумевается естественным образом, но акцентируется не героизм, а слом жизни людей.

Писатель исследует войну как средство и систему, вызывающую пагубные последствия для человечества. Любовь, с другой стороны, рассматривается Астафьевым как источник жизни, возможность обновления и преображения человека. Земля, в свою очередь, символизирует начало источника жизни, труда и созидания.

В. Астафьев в своем творчестве следует традициям русской классической литературы, создавая героя, который удивляет и восхищает своей стойкостью, верой, смирением, самопожертвованием и любовью к ближним.

Заключение

В произведениях А. Хакимова и В. Астафьева отсутствует всякая патетика, а внешне спокойное изложение драматических событий не противоречит логике развития сюжета. Авторы используют прием монтажа – прошлое героев переплетается с их настоящим, действие периодически переносится из одного времени в другое, что даёт основание говорить о

ретроспективной композиции произведений. Перестановка хроники событий продиктована желанием рассматриваемых авторов переключить внимание читателей с внешней стороны происходящего на глубинный смысл событий, раскрыть внутренний мир героев.

Писатели-баталисты доказывают, что война – это бессмысленное уничтожение человека человеком. Зачастую в произведениях нет установки на подлинность, хотя в основе их лежат воспоминания самих авторов, но биографии героев шире биографий писателей, ибо в них отображается многообразие жизни. Автобиографический характер произведений приближает читателей к изображаемым событиям, делает главных героев понятнее читателю, дает возможность дополнить документальную основу изображаемого.

Военная проза Виктора Астафьева продолжает традиции, заложенные Л.Н. Толстым и В.М. Гаршиным, она отличается высоким уровнем правдивости. В авторском видении войны значимое место занимают бытовые детали и особенности фронтовой жизни. Уже в ранний период творчества В. Астафьев включал в свои произведения (например, «Звездопад», «Пастух и пастушка») натуралистичные и жестокие описания сражений. Писатель часто делал акцент на любовной линии, возникшей не в то время и не в том месте. Герои его произведений, как и персонажи других авторов, таких как Э. Хемингуэй, Э.М. Ремарк, Ю. Бондарев, Г. Бакланов, стремятся не только к победе над врагом, но и к победе над разрушительным воздействием войны на их собственные души. В центре внимания оказываются противоборствующие силы – любовь и война. Астафьевский герой выделяется открытостью своего внутреннего мира.

В творчестве А. Хакимова также большое внимание уделяется душевным порывам, определяющим поведение героев в драматических ситуациях. Автор стремится показать их внутренний мир с помощью художественных обобщений и символизма (например – образ моста в одноименной повести, образ хромой волчицы). Он, так же как Астафьев, задействует ретроспективное построение сюжета – монтаж разновременных событий: прошлое героев переплетается с их настоящим.

Композиция военной прозы рассматриваемых авторов усложняется и благодаря вставным новеллам, рассказывающим о судьбах других персонажей, что вводит дополнительное измерение в ход повествования. Хронологические перестановки, усложняя архитектуру произведений, выражают желание писателей перенаправить внимание читателей с внешней стороны событий на внутриличностный драматизм. А. Хакимов также интегрирует башкирские фольклорные символы и мотивы, добавляя глубину и историческую перспективу в свои произведения.

Библиографический список:

1. Лихачев Д.С. Неравнодушная проза // Кузьмин А.И. Повесть как жанр литературы / Д.С. Лихачев. – Москва: Знание, 1984. – С. 3-7.
2. Косолапов В.А. Армия и литература // Оружием слова. Военно-патриотическая тема в современной литературе: сборник статей / В.А. Косолапов. – Москва: Художественная литература, 1978. – С. 11-57.
3. Гейдеко В.А. Постоянство перемен. Социально-нравственные проблемы современной русской советской прозы / В.А. Гейдеков. – Москва: Современник, 1978. – 233 с.
4. Гончаров П.А. Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы второй половины XX века: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.01.01: защищена: 27.04.2004 / Гончаров Петр Андреевич. – Тамбов, 2004. – 48 с.
5. Горбачев А.И. Военная тема в прозе 1940–1990-х годов // Русская литература XX – начала XXI века // URL: http://www.bsu.by/Cache/pdf/242843.pdf (Дата обращения: 18.05.2026).
6. Смольяков А.В. Память сердца. Герои Виктора Астафьева на сцене Театра наций / А.В. Смольяков // Литературная газета. – 2007. – 20–26 июня. – С. 9.
7. Стрелкова И.И. Правда о войне / И.И. Стрелкова // Наш современник. – 2005. – № 7. – С. 240-243.
8. Топер, П.М. Ради жизни на земле. Литература и война. Традиции. Решения. Герои: монография / П.М. Топер. – Москва: Советский писатель, 1985. – 656 с.
9. История башкирской литературы: [в 7 т.]. – Т. 6. (1966–1994 гг.) (на башкирском языке). – Уфа: Китап, 1996. – 710 с.
10. История башкирской советской литературы. – Москва: Наука, 1977. – 528 с.
11. Хусаинов Г.Б. Литература и наука: избранные труды / Г.Б. Хусаинов. – Уфа: Гилем, 1998. – 614 с.
12. Баимов Р.Н. Истоки и устья. Заметки о башкирской литературе / Р.Н. Баимов. – Уфа: Китап, 1993. – 350 с.
13. Баимов Р.Н. Поискам нет конца. Современная башкирская проза / Р.Н. Баимов. – Москва: Современник, 1980. – 205 с.
14. Баимов Р.Н. Судьба жанра. Взаимодействие и развитие жанровых форм башкирской прозы. Литературоведческая монография / Р.Н. Баимов. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1984. – 320 с.
15. Вахитов А.Х. Жанр и стиль в башкирской прозе. Литературоведческая монография / А.Х. Вахитов. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982. – 352 с.
16. Вахитов А.Х. Закономерности жанрово-стилевого развития башкирской прозы / А.Х. Вахитов. – Уфа: Китап, 2007. – 464 с.
17. Гареева Г.Н. Человек и война: идеи гуманизма в башкирской военной прозе 60-80-х годов XX века / Г.Н. Гареева // Вестник Башкирского университета. – 2009. – № 4. – Т. 14. – С. 1452-1457.
18. Гареева Г.Н. Особенности сюжетосложения и композиции в башкирской прозе: монография / Г.Н. Гареева. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – 154 с.
19. Гареева Г.Н. Основные идейно-художественные направления башкирской прозы второй половины XX в. Принципы отражения действительности: научная монография / Г.Н. Гареева. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – 132 с.
20. Сафуанов С.Г. Прошел караван по свету (о жизни и творчестве народного писателя Башкортостана Ахияра Хакимова) / С.Г. Сафуанов (на башкирском языке). – Уфа: Китап, 2009. – 192 с.
21. Хакимов А. Сполохи: Повести / А. Хакимов; пер. с башк. И. Каримова, Р. Максютова. – Москва: Советский писатель, 1978. – 368 с.
22. Астафьев В. Сквозь время и годы // Военные страницы: повести и рассказы / В. Астафьев. – Москва: Молодая гвардия, 1986. – 462 с.
23. Смольяков А.В. Память сердца. Герои Виктора Астафьева на сцене Театра наций / А.В. Смольяков // Литературная газета. – 2007. – 20–26 июня. – С. 9.

Reference

1. Likhachev D.S. Prose That Cares // Kuzmin A.I. The Novella as a Literary Genre / D.S. Likhachev. – Moscow: Znanie, 1984. – P. 3-7.
2. Kosolapov V.A. The Army and Literature // With the Weapon of the Word: The Military-Patriotic Theme in Contemporary Literature: A Collection of Articles / V.A. Kosolapov. – Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1978. – P. 11-57.
3. Geydeko V.A. The Constancy of Change: Social and Moral Issues in Contemporary Russian Soviet Prose / V.A. Geydeko. – Moscow: Sovremennik, 1978. – 233 p.
4. Goncharov P.A. The Work of V.P. Astafyev in the Context of Russian Prose of the Second Half of the 20th Century: Abstract of a Doctoral Dissertation in Philology: 10.01.01: Defended: April 27, 2004 / Goncharov Petr

Andreyevich. – Tambov, 2004. – 48 p.
5. Gorbachev A.I. The War Theme in Prose of the 1940s–1990s // Russian Literature of the 20th and Early 21st Centuries // URL: http://www.bsu.by/Cache/pdf/242843.pdf (May 18, 2026).
6. Smolyakov A.V. Memory of the Heart: Viktor Astafyev's Characters on the Stage of the Theatre of Nations / A.V. Smolyakov // Literaturnaya Gazeta. – 2007. – June 20–26. – P. 9.
7. Strelkova I.I. The truth about the war / I.I. Strelkova // Our contemporary. – 2005. – № 7. – P. 240-243.
8. Toper, P.M. For the sake of life on earth. Literature and war. Traditions. Solutions. Heroes: monograph / P.M. Topper. – Moscow: Soviet writer, 1985. – 656 p.
9. History of Bashkir literature: [in 7 volumes]. – T. 6. (1966–1994) (in Bashkir language). – Ufa: Kitap, 1996. – 710 p.
10. History of Bashkir Soviet literature. – Moscow: Nauka, 1977. – 528 p.
11. Khusainov G.B. Literature and science: selected works / G.B. Khusainov. – Ufa: Gilem, 1998. – 614 p.
12. Baimov R.N. Sources and mouths. Notes on Bashkir literature / R.N. Baimov. – Ufa: Kitap, 1993. – 350 p.
13. Baimov R.N. There is no end to the search. Modern Bashkir prose / R.N. Baimov. – Moscow: Sovremennik, 1980. – 205 p.
14. Baimov R.N. The fate of the genre. Interaction and development of genre forms of Bashkir prose. Literary monograph / R.N. Baimov. – Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1984. – 320 p.
15. Vakhitov A.Kh. Genre and style in Bashkir prose. Literary monograph / A.Kh. Vakhitov. – Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1982. – 352 p.
16. Vakhitov A.Kh. Patterns of genre and style development of Bashkir prose / A.Kh. Vakhitov. – Ufa: Kitap, 2007. – 464 p.
17. Gareeva G.N. Man and war: ideas of humanism in Bashkir military prose of the 60-80s of the XX century / G.N. Gareeva // Bulletin of the Bashkir University. – 2009. – № 4. – Vol. 14. – P. 1452-1457.
18. Gareeva G.N. Features of plot and composition in Bashkir prose: monograph / G.N. Gareeva. – Ufa: RIC BashGU, 2021. – 154 p.
19. Gareeva G.N. The main ideological and artistic directions of Bashkir prose of the second half of the twentieth century. Principles of reflecting reality: scientific monograph / G.N. Gareeva. – Ufa: RIC UUNiT, 2023. – 132 p.
20. Safuanov S.G. A caravan passed around the world (about the life and work of the people's writer of Bashkortostan Akhiyar Khakimov) / S.G. Safuanov (in Bashkir). – Ufa: Kitap, 2009. – 192 p.
21. Khakimov A. Flashes: Stories / A. Khakimov; lane from the head I. Karimova, R. Maksyutova. – Moscow: Soviet writer, 1978. – 368 p.
22. Astafiev V. Through time and years // Military pages: stories and stories / V. Astafiev. – Moscow: Young Guard, 1986. – 462 p.
23. Smolyakov A.V. Memory of the heart. Heroes of Viktor Astafiev on the stage of the Theater of Nations / A.V. Smolyakov // Literary newspaper. – 2007. – June 20-26. – P. 9.

Амитрова М.В.
Кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков. Московское высшее общевойсковое командное училище. SPIN-код: 3817-5480 / ORCID: 0000-0002-7272-1224

Креолизованный текст на знаках отличия военной формы РФ во время проведения специальной военной операции*

Аннотация. Статья посвящена изучению роли креолизованных текстов на знаках отличия военной формы РФ при проведении Специальной военной операции. В статье рассматривается содержание, структура, функции креолизованного текста, отличие креолизованного текста от других видов текста (поликодового и дикодового). Подчеркивается, что креолизованный текст выступает как отдельный вид текста, поскольку вербальная и невербальная часть представляют собой единую сложную структуру, которая воздействует на восприятие его смысла и значения для адресата. Выполняя различные функции, креолизованный текст объединяет реципиентов в социальные и профессиональные группы. В военно-профессиональной сфере креолизованный текст служит источником информации о звании, подразделении военнослужащего. В период проведения Специальной военной операции роль креолизованного текста на нашивках, шевронах, патчах дополнилась неформальным значением для передачи ценностей, взглядов, создания новых смыслов близких для военнослужащих в непростой период.

Ключевые слова: креолизованный текст, поликодовой текст, дикодовый текст, шеврон, патч, военная сфера, военнослужащие, адресат.

Amitrova M.V.
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Moscow Higher Combined Arms Command School. SPIN-code: 3817-5480 / ORCID: 0000-0002-7272-1224

Creolized text on the Russian military uniform insignia during a special military operation

Abstract. This article examines the role of creolized texts on Russian military uniform insignia during the Special Military Operation. It analyzes the content, structure,

* © Амитрова М.В., 2026.

and functions of creolized texts, as well as their differences from other types of text (polycode and dicode). It emphasizes that creolized texts act as a distinct type of text, as the verbal and nonverbal components form a single, complex structure that influences the recipient's perception of their meaning and significance. By fulfilling various functions, creolized text unites recipients into social and professional groups. In the military and professional sphere, creolized text serves as a source of information about a service member's rank and unit. During the Special Military Operation, the role of creolized text on stripes, chevrons, patches was supplemented by informal meaning, conveying values and views, and creating new meanings for servicemen during a difficult period.

Key words: creolized texts, polycode texts, dicode texts, chevrons, patches, military sphere, servicemen, recipient.

В условиях переизбытка информации, креолизованные тексты за счёт своей структуры (текст и символ) играют важную роль в быстром донесении до реципиента, основной идеи, смысла информационного сообщения, передаче определённого эмоционального состояния, обладающего лаконичностью, легкостью расшифровки, оценки, восприятия, формирующего мотивацию к последующему действию.

Креолизованный текст позволяет быстро воспринимать, анализировать, формировать собственное отношение, эмоциональный отклик в цифровом пространстве, наполненным текстами, сочетающими в себе вербальные и невербальные элементы. Социальные сети и мессенджеры, реклама, медиа источники создают каждый день новые креолизованные тексты, которые быстро распространяются, дополняются, наполняются новыми смыслами.

Актуальность изучения креолизованного текста подчеркивается его многообразием и особенностями восприятия в различных видах дискурса, содержанием и функциями.

Анализу креолизованных текстов посвящены работы по следующим направлениям:

• структура, содержание, функции креолизованного текста (С.В. Зотова, Ю.А. Сорокин, Е.Е. Анисимова, И.В. Вашунина, Е.Ф. Тарасов и др.) [1, 2, 3, 4];

• креолизованный текст и поликодовый текст (Г. В. Ейгер, В.Л. Юхт, М.Б. Ворошилова, О.И. Максименко и др.) [5, 6, 7];

• креолизованный текст в различных дискурсах (Е.В. Тумакова, А.В. Теремкова, Е.Н. Пищерская и др.) [8, 9, 10];

• языковые и стилистические особенности креолизованных текстов (М.В. Карпенко, М.И. Кривошеев, Н.С. Попова, М.М. Бородавкина и др.) 11, 12].

Классическое определение креолизованного текста представлено его авторами – Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым. «Креолизованный текст –

это текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [2, С. 180–181]. О.В. Пойманов, А.Г. Сонин, И.В. Вашунина подчёркивают гомогенную двухкомпонентную структуру креолизованного текста, состоящую из вербального и невербального компонента [4]. Е.Е. Анисимова характеризует креолизованный текст как сложное текстовое образование с однородной структурой, объединённое единым смыслом, выполняющее определенные функции, целью которого является письменное и визуальное воздействие на адресата. Видами креолизованного текста являются тексты с нулевой, частичной и полной креолизацией. Данные виды отличаются степенью представленности изобразительного компонента и глубиной взаимодействия между вербальным и невербальным компонентом [13]. Е.Е. Анисимова отдельно выделяет функции изобразительного элемента в креолизованном тексте: аттрактивная, информативная, экспрессивная, эстетическая [13].

Образуя единое целое, вербальный и невербальный компонент креолизованного текста оказывают воздействие на его восприятие реципиентом (И.В. Вашунина, В.В. Красных, Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев, Д.А. Удод и др.) [4]. Восприятие креолизованного текста это сложный процесс, основанный на одновременной обработке иконического изображения и текста, при этом текст воспринимается сложнее в зависимости от наличия ассоциации с этим текстом в сознании реципиента. Вербальная и невербальная часть проходят схожие этапы обработки, но на этапе осмысления, происходит выбор приоритетов между вербальной и невербальной частью креолизованного текста. Если изображение привлекает внимание, интерпретация образа происходит сразу же, без осмысления вербальной части, которая в данном случае играет уточняющую или корректирующую роль по отношению к невербальному элементу. Если вербальный и невербальный элемент совпадают по значению для реципиента, их смысл усиливается и закрепляется в сознании. Если вербальный и невербальный элемент противоречат друг другу, происходит конфликт, который побуждает реципиента задумываться о смысле и искать решение данного конфликта. В зависимости от выраженности вербального и невербального компонентов в креолизованном тексте происходит воздействие на сенсорные каналы восприятия потока информации.

Креолизованный текст, в результате многочисленных научных изысканий и дискуссий, можно отнести как к поликодовому, так и к дикодовому виду [14]. В научных кругах креолизованный текст определяют как вид поликодового текста (Ю.М. Сергеева, Е.А. Уварова и др.), так как они обладают общими научными характеристиками, однако, термин поликодовый текст применяется « … в более широком семиотическом контексте и из-

начально лишен лимитов, относящихся к вербальности его компонентов» [15, С. 128].

Данное утверждение подчёркивается определением поликодового текста «случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы» [5, С. 26]. Речь идёт не только о невербальном компоненте в виде изображения, но и об аудио, видео материале.

Наравне с поликодовыми текстами, Л.С. Большакова описывает структуру монокодовых и дикодовых текстов. По мнению исследователя, креолизованные тексты относятся к дикодовым текстам, так как состоят из двух знаковых систем [16].

По нашему мнению, по своей структуре и сложности восприятия креолизованные тексты представляют собой отдельный вид, так как включают в себя элементы разных знаковых систем, вступающих в сложное взаимодействие или в конфликт при их восприятии реципиентом.

Анализ научных работ позволил определить структуру креолизованного текста, состоящую из вербального (текста) и невербального компонента (изображение, звук и т.д.). Содержание креолизованного текста представляет собой языковой письменный текст и визуальное изображение предметов, влияющих на восприятие этого текста реципиентами и их последующие действия в ходе общения для реализации собственных потребностей в общении. Основными функциями креолизованного текста являются: информативная, аттрактивная, нормативная, символическая и экспрессивная. Креолизованный текст часто ассоциируется с поликодовым текстом, однако некоторые учёные выделяют различия между ними. Креолизованный текст используется в различных дискурсах, преимущество в медиа пространстве. Стилистические приёмы креолизованных текстов разнообразны, среди них часто выделяют метафору, антитезу, паремию, метонимию, сравнение и олицетворение.

Как считают многие исследователи креолизованных текстов, структура текстов, состоящая из вербальных и невербальных компонентов, представляет собой набор речевых действий, способствующих организации и осуществлению коммуникации с целью управления поведением и организации совместной деятельности. Данная деятельность объединяет коммуникантов. удовлетворяет их потребности в общении и деятельности.

В процессе профессиональной коммуникации происходит обмен профессионально-ориентированной информацией, использование символов и знаков, с целью вовлеченности и сплоченности коммуникантов, удовлетворения их потребностей, создания общей социальной, информационной среды, характерной для данной профессиональной области.

Военно-профессиональная коммуникация наполнена знаками, символами и смыслами. Информация в процессе военно-профессиональной

коммуникации передается с помощью вербальных и невербальных средств. Сочетание вербальных и невербальных средств в одном информационном сообщении в виде креолизованного текста служит для более глубокого осознания, восприятия военно-профессиональной информации, вызывает эмоциональную реакцию, служит стимулом для последующего действия и выполняет различные функции: аттрактивную, экспрессивную, символическую, иллюстративную, аргументирующую, функцию создания имиджа, а также воспитательную и образовательную.

В военно-профессиональной культуре одними из таких символов, объединяющих военнослужащих, в то же время, выступающих средством выделения их от других профессиональных сообществ, являются шевроны, нашивки, патчи, которые помогают идентифицировать принадлежность к тому или иному роду войск, подразделению, обозначают звание. Они располагаются на рукавах формы и могут быть выполнены в виде звезд, полос, геометрических фигур и других символов.

С началом проведения Специальной военной операции (СВО) шевроны, нарукавные знаки и патчи стали играть важную роль не только для передачи информации о принадлежности к роду войск, подразделению или званию, но и для выражения патриотических чувств, боевого духа, связи исторических событий и поколений, собственной индивидуальности, отношения к происходящему, иронии и самоиронии в военное время, превратились в важный элемент современной военно-полевой культуры [17].

В нашей статье мы обращаемся к тем шевронам, патчам, нашивкам, которые отвечают структуре, содержанию креолизованного текста и выполняют его функции, а именно: состоят из вербальной и невербальной части, отражают актуальную обстановку, влияют на восприятие данного текста реципиентами, создают общую социальную, информационную среду, характерную для данной профессиональной области, удовлетворяют потребности в общении, выполняют аттрактивную, экспрессивную, символическую, иллюстративную, аргументирующую, функцию создания имиджа, а также воспитательную (воспитание патриотических чувств, солидарности, чувство воинского долга, поднятие морального духа) и образовательную (развитие кругозора, сохранение исторического наследия).

Эмпирический материал составил 25 креолизованных текстов с полной, частичной и нулевой креолизацией. По характеру невербального компонента (изображения или символа) креолизованный текст на шевронах, патчах, нашивках можно подразделить на тактические креолизованные тексты с изображением тактических знаков, военной символики, а также патриотические, религиозные, исторические, военные креолизованные тексты с мифологическими, мультипликационными персонажами.

Самым узнаваемым и распространенным примером креолизованного

текста является нашивка, патч с изображением латинских букв Z, V и O. Вербальная часть данного текста очень лаконична, передается в белом цвете или цветах российского флага, имеет различные трактовки, основная идея которых заключается в пробуждении патриотических чувств, призыв к отстаиванию своих национальных интересов, к противодействию искажения истории, проявлению мужества и отваги, защите своего населения, победе над врагом, создает ассоциации с преемственностью поколений. Однотонный фон нашивки, патча усиливает смысл и значение данных букв [17].

Следующим примером использования креолизованного текста на нашивках, патчах может послужить изображение исторических личностей (В.И. Ленин, И.В. Сталин) с буквами Z, V или с вербальной частью в виде текста.

Обращение к историческим личностям при создании креолизованного текста не случайно: во-первых, В.И. Ленин и И.В. Сталин являются символами нашей страны, внесшими огромной вклад в ее становление, развитие в трудный экономический, политический и социальный период; во-вторых подчёркивается преемственность поколений, которая заключается в том, что в настоящее время военнослужащие продолжают их дело, защищая Родину от врага и активно участвуя в экономических и социальных процессах страны, в восстановлении мирной жизни в пострадавших регионах; в-третьих, они смогли объединить страну для повышения уровня жизни простых людей, достижения национального единства, поддержания и сохранения мира.

Вербальная часть в виде надписи с метафорой «Эффективный менеджер», латинской буква V, риторического вопроса «Заждались?» ассоциируется с профессиональными и личностными качествами В.И. Ленина и И.В. Сталина: ответственность перед страной, целеустремленность при достижении поставленных задач, работоспособность, самоотверженность, выбор общественного над личным.

Соединение изображения В.И. Ленина и И.В. Сталина с речевыми средствами на шевронах и патчах мотивирует военнослужащих к служению своему Отечеству, достижению поставленных целей в Специальной военной операции ради мира и процветания в нашей стране.

Следующая категория креолизованного текста на нашивках и патчах представлена в виде изображения черепа с костями или «Адамовой головы». Данное изображение часто видно на нашивках, патчах, шевронах элитных подразделений. Череп с костями символизирует отвагу, бесстрашие, смелость, храбрость на войне, презрение к смерти, искупление грехов через веру, надежду и победу в бою. С военной точки зрения, данный символ выражает отвагу, боевой дух, самопожертвование, верность Отече-

ству и воинской присяге. Вербальная часть передается с помощью таких стилистических средств как гипербола, метонимия, сравнение, противопоставление, оксюморон. Например: «Не так страшна война, как русские солдаты», «Шторм – Последнее слово за нами», «Враги, которые останутся в живых, будут завидовать мертвым». Сложная и ритмичная структура предложений передает угрозу, выносит приговор врагу. Использование устрашающего изображение в виде черепа с костями и речевых средств в вербальной части креолизованного текста (противопоставления «живые – мертвые», инверсии («страшна война, как русские солдаты»), метафоры «последнее слово») усиливает угрожающий для врага смысл, заложенный в шевронах и патчах, мотивирует солдата, носящего данный шеврон и патч к бесстрашию, проявлению храбрости и отваги в бою, способности идти до конца и побеждать.

Размещение на шевронах, патчах узнаваемых изображений мультипликационных героев в виде невербального компонента вызывает эмоциональный отклик, воспоминания, связанные с героями мультипликационных фильмов, символизируют конкретные ценности, создают коммуникацию с адресатами. По частоте использования мультипликационных изображений преобладает Винни-Пух, Пятачок, Волк из мультфильма «Ну, погоди!», также встречаются бурундуки из мультфильма «Чип и Дейл спешат на помощь», Вовка из мультфильма «Вовка в Тридевятом царстве». Винни-Пух, Пятачок, бурундуки Чип и Дейл связаны с дружбой, стремлением прийти на помощь, взаимовыручкой, проявлением юмора в нестандартных ситуациях. Волк из «Ну, погоди!» ассоциируется с хитростью, целеустремленностью, враждебностью по отношению к Зайцу, хулиганством, юмором и иронией, но в тоже время данный персонаж вызывает сочувствие своей неуклюжестью и невезучестью. Вовка из Тридевятого царства – ленивый персонаж, мечтающий, что все случится само собой без всяких усилий. Несмотря на отрицательные характеристики Волка и Вовки, данные персонажи пробуждают теплые детские воспоминания, демонстрируют трансформацию образа в следствии пережитых событий, выбор путь добра и труда, преодоление отрицательных характеристик своего персонажа. Вместе с вербальным компонентом данные изображения выполняют воспитательную, аттрактивную, экспрессивную, символическую, иллюстративную функцию.

Речевые средства, которые сопровождают изображения: ирония, метонимия, оксюморон, метафора, аллюзия. В качестве знака препинания используется многоточие, чтобы сделать и задуматься над содержанием вербальной части. Например: «Секундочку… сначала кофе! Пух и Прах. Несите ружьё, это какие-то неправильные пчёлы. Никого не жаль».

Разговорный язык в вербальной части («Спокуха») свидетельствует о

солидарности военнослужащих с простыми людьми, разделение невзгод, а также о поддержке мирного населения, внушении доверия, чувстве покоя в непростое время.

Защита и сохранение традиционных ценностей, важная роль семьи передается с помощью шевронов, патчей с изображением сказочных женских персонажей и наличием вербального текста с аллюзиями, метафорами, иронией, выражающими: «Передаю привет твоей боеукладке. Жена сказала надеть. Жена сказала вернуться живым».

Архетипы медведя, волка на изображениях невербальной части креолизованного текста говорят о внутренней решительности, силе защищать своих близких, своё Отечество до последней капле крови, о готовности пожертвовать своей жизнью, преданности своему делу. При этом волк ассоциируется с военнослужащими, а медведь с защитой семейного очага. Изображение архетипов с оскалом формирует восприятие данного креолизованного текста как ответной реакции на угрозу со стороны внешнего врага, которому будет дан отпор в любой ситуации, готовность вступить в бой и выиграть.

Разговорная лексика, рассуждение, переходящее в оценку, сложная структура предложений делает высказывания резкими, бескомпромиссными. Лаконичная структура вербальной части способствуют быстрому восприятию и запоминанию креолизованного текста.

Языковые и стилистические средства (противопоставление, метафора, параллелизм) подчеркивают символику изображения, воздействуют на адресата, формируют морально-волевой дух, чувство преданности воинскому долгу, солидарности. Например: «Волку наплевать, что думают о нем шакалы». «Не важно кто напротив, важно, кто рядом». «Когда заканчиваются силы, начинается характер».

Структура фразы «Волку наплевать, что думают о нем шакалы» представлена в виде простого предложения, категоричность которого усиливается за счёт зооморфизмов (волк, шакалы). Присутствие разговорной сниженной лексики (глагол «наплевать») создает эффект пренебрежения, морального и силового превосходства, которое подчёркивается с помощью противопоставления «Волк» (символ силы, защиты) и «Шакалы» (стайные падальщики, символ низости и зависти). Вербальный текст служит мотивационным лозунгом, повышает самооценку адресата, ставя его на место «Волка», чтобы почувствовать свою силу, избранность перед толпой тех, кто не разделяет его взгляды и ценности. Если в предыдущем креолизованном тексте вербальная часть воздействует на моральные качества, мотивирует отстаивать свои ценности, бороться за свои взгляды, то в следующей вербальной части креолизованного текста заложен смысл сохранения близкого круга друзей, товарищей по оружию, тех, кто разделяет с тобой

ценности и взгляды. Структура сложноподчиненного предложения с грамматическим противопоставлением выделяет свой круг общения, тех, кто близок по духу. Предлог «напротив» символизирует внешнюю среду, врагов, чужих людей и показывает, таким образом поле битвы. В то время, как предлог «рядом» акцентирует значение семьи, близкого круга друзей, однополчан, соратников, родных на войне. Изображение стаи волков на фоне триколора усиливает значение вербальной части подчёркивая ее смысл и значение.

Невербальная часть в виде медведя с оскалом и вербальная часть «Когда заканчиваются силы, начинается характер» демонстрируют силу воли, преодоление себя, включение всех своих внутренних резервов для достижения цели. Временное придаточное («Когда... начинается»), оксюморон акцентируют трансформацию жизненного пути, пробуждение своих скрытых возможностей. Изображение медведя и вербальная часть формирует героический образ защитника Отечества, способного противостоять любому врагу на поле боя.

Таким образом, актуальность использования креолизованного текста на знаках отличия военной формы РФ во время проведения Специальной военной операции, состоящего из вербального и невербального компонента, отвечает потребностям военнослужащих и мирных граждан, так как вызывает эмоциональный отклик, соответствует запросам адресатов, поскольку выражает патриотические чувства, поддержку в непростое время. Ироничные высказывания на шевронах и патчах помогают снизить трудности военного времени, вызывать положительные эмоции и чувства. Ярко выраженный невербальный компонент креолизованного текста на военных шевронах и нашивках ускоряет восприятие смысла и значения данного военного знака. Вербальная часть в виде различных стилистических и языковых средств усиливает воздействие данного креолизованного текста на реципиента, облегчая понимание и устанавливая двустороннее взаимодействие между коммуникантами, обеспечивая процесс обмена опытом, эмоциями и информацией, увеличивая смысловую нагрузку и скорость запоминания информации, представленной на военном знаке отличия.

Библиографический список:

1. Зотова С.В. Прагматические возможности креолизованных текстов на примере календарей Сухопутных войск Италии / С.В. Зотова // Филология: научные исследования. – 2024. – № 7. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskie-vozmozhnosti-kreolizovannyh-tekstov-na-primere-kalendarey-cuhoputnyh-voysk-italii (Дата обращения: 14.06.2026).

2. Сорокин Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия: сб. ст. / отв. ред. Р.Г. Котов. – М.: Наука. – 1990. – С. 180-186.

3. Анисимова Е.Е. О целостности и связности креолизованного текста / К постановке проблемы / Е.Е. Анисимова // Филологические науки. – 1996. – № 5. – С. 75-79.

4. Вашунина И.В., Нистратов А.А. Креолизованный текст: обзор экспериментальных исследований / И.В. Вашунина, А.А. Нистратов // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 2 (44). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyy-tekst-obzor-eksperimentalnyh-issledovaniy (Дата обращения: 10.06.2026).

5. Ейгер Г.В. К построению типологии текстов / Г.В. Ейгер, В.Л. Юхт // Лингвистика текста: Материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза. – М.: – 1974. – С. 24-27.

6. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: монография. / М.Б. Ворошилова / Екатеринбург. – Урал. гос. пед. ун-т. – 2013. – 194 с.

7. Максименко О.И. Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии / О.И. Максименко // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2012. – № 2. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/polikodovyy-vs-kreolizovannyy-tekst-problema-terminologii (Дата обращения: 10.06.2026).

8. Тумакова Е.В. Креолизованный текст в художественном и медийном дискурсе / Е.В. Тумакова // МИРС. 2016. – № 2. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyy-tekst-v-hudozhestvennom-i-mediynom-diskurse (Дата обращения: 08.06.2026).

9. Теремкова А.В. Реклама как креолизованный текст / А.В. Теремкова // Вестник магистратуры. – 2014. – № 6-1 (33). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reklama-kak-kreolizovannyy-tekst (Дата обращения: 14.06.2026).

10. Пищерская Е.Н. Креолизованный текст как объект изучения в лингвистике / Е.Н. Пищерская // Litera. – 2023. – № 5. – С. 55-65. // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40748

11. Карпенко М.В. Особенности и способы перевода военных креализованных текстов / М.В. Карпенко, М.И. Кривошеев // Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. – 2024. – № 10 (124). // URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/18298

12. Попова Н.С. Использование креолизованного текста на уроке иностранного языка как средства формирования осознанности / Н.С. Попова, М.М. Бородавкина // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2020. – № 16. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-kreolizovannogo-teksta-na-uroke-inostrannogo-yazyka-kak-sredstva-formirovaniya-osoznannosti (Дата обращения: 14.06.2026).

13. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов / Е.Е. Анисимова/ М.: Academia. – 2003. – 128 с.

14. Сигачев Д.С. Креолизованный vs поликодовый vs синкретический текст / Д.С. Сигачев // Первые шаги в романистике: сборник научных статей студентов института иностранных языков / Московский городской педагогический университет. Том Выпуск 2. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2022. – С. 183-192. – EDN ZFGSQJ.

15. Сергеева Ю.М. Поликодовый Текст: особенности построенияи восприятия / Ю.М. Сергеева, Е.А. Уварова // Наука и школа. –2 014. – № 4. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/polikodovyy-tekst-osobennosti-postroeniyai-vospriyatiya (Дата обращения: 14.06.2026).

16. Большакова Л.С. О содержании понятия «Поликодовый текст» / Л.С. Большокова // Вестник СамГУ. – 2008. – № 63. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-soderzhanii-ponyatiya-polikodovyy-tekst-1 (Дата обращения: 15.06.2026).

17. Чарыкова И.А. Креолизованный текст в эпоху спецоперации: коммуникативные стратегии и тактики (на примере политических и социальных баннеров юга России) / И.А. Чарыкова // Политическая лингвистика. – 2023. – № 3 (99). – С. 126-135.

Reference

1. Zotova S.V. Pragmatic Potential of Creolized Texts: A Case Study of Italian Army Calendars / S.V. Zotova // Philology: Scientific Research. – 2024. – № 7. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskie-vozmozhnosti-kreolizovannyh-tekstov-na-primere-kalendarey-cuhoputnyh-voysk-italii (14.06.2026).

2. Sorokin Yu.A. Creolized Texts and Their Communicative Function / Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov // Optimization of Speech Impact: Collection of Articles / Ed. R.G. Kotov. – Moscow: Nauka. – 1990. – P. 180-186.

3. Anisimova E.E. On the Integrity and Coherence of Creolized Text: Defining the Problem / E.E. Anisimova // Philological Sciences. – 1996. – № 5. – P. 75-79.

4. Vashunina I.V., Nistratov A.A. Creolized Text: A Review of Experimental Studies / I.V. Vashunina, A.A. Nistratov // Issues of Psycholinguistics. – 2020. – № 2 (44). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyy-tekst-obzor-eksperimentalnyh-issledovaniy (10.06.2026).

5. Eiger G.V. Towards a Typology of Texts / G.V. Eiger, V.L. Yukht // Text Linguistics: Proceedings of the Scientific Conference at the Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages. – Moscow, 1974. – P. 24-27.

6. Voroshilova M.B. Political Creolized Text: Keys to Interpretation: Monograph. / M.B. Voroshilova / Yekaterinburg. – Ural State Pedagogical University. – 2013. – 194 p.
7. Maksimenko O.I. Polycode vs. Creolized Text: The Problem of Terminology / O.I. Maksimenko // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2012. – № 2. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/polikodovyy-vs-kreolizovannyy-tekst-problema-terminologii (10.06.2026).
8. Tumakova E.V. Creolized Text in Literary and Media Discourse / E.V. Tumakova // MIRS. – 2016. – № 2. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyy-tekst-v-hudozhestvennom-i-mediynom-diskurse (08.06.2026).
9. Teremkova A.V. Advertising as Creolized Text / A.V. Teremkova // Vestnik Magistratury. – 2014. – № 6-1 (33). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reklama-kak-kreolizovannyy-tekst (14.06.2026).
10. Pishcherskaya E.N. Creolized Text as an Object of Study in Linguistics / E.N. Pishcherskaya // Litera. – 2023. – № 5. – P. 55-65. // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40748
11. Karpenko M.V. Features and Methods of Translating Military Creolized Texts / M.V. Karpenko, M.I. Krivosheev // Universum: philology and art history: electron. scientific magazine – 2024. – № 10 (124). // URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/18298
12. Popova N.S. Using Creolized Text in Foreign Language Lessons as a Means of Fostering Awareness / N.S. Popova, M.M. Borodavkina // Issues in Romance-Germanic Philology, Pedagogy, and Foreign Language Teaching Methodology. – 2020. – № 16. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-kreolizovannogo-teksta-na-uroke-inostrannogo-yazyka-kak-sredstva-formirovaniya-osoznannosti (June 14, 2026).
13. Anisimova E.E. Text Linguistics and Intercultural Communication (Based on Creolized Texts): A Textbook for Students of Foreign Language Faculties / E.E. Anisimova / Moscow: Academia. – 2003. – 128 p.
14. Sigachev D.S. Creolized vs. Polycode vs. Syncretic Text / D.S. Sigachev // First Steps in Romance Studies: A Collection of Research Articles by Students of the Institute of Foreign Languages / Moscow City University. Issue 2. – Moscow: "Languages of the Peoples of the World" LLC, 2022. – P. 183-192. – EDN ZFGSQJ.
15. Sergeeva Yu.M. Polycode Text: Features of Construction and Perception / Yu.M. Sergeeva, E.A. Uvarova // Nauka i shkola. – 2014. – № 4. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/polikodovyy-tekst-osobennosti-postroeniyai-vospriyatiya (14.06.2026).
16. Bolshakova L.S. On the Content of the Concept "Polycode Text" / L.S. Bolshakova // Vestnik SamGU. – 2008. – № 63. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-soderzhanii-ponyatiya-polikodovyy-tekst-1 (15.06.2026).
17. Charykova I.A. Creolized Text in the Era of the Special Operation: Communicative Strategies and Tactics (Based on Political and Social Banners in Southern Russia) / I.A. Charykova // Politicheskaya lingvistika. – 2023. – № 3 (99). – P. 126-135.

Усмонова М.Н.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и грамматики английского языка факультета иностранных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", Республика Таджикистан, г. Худжанд. ORCID: 0009-0001-9453-3830

Некоторые теоретические взгляды на функционально-семантические особенности формул таджикского и английского этикета*

Аннотация. В данной статье представлен всесторонний теоретический анализ функциональных и семантических особенностей формул речевого этикета в таджикском и английском языках с точки зрения сравнительной прагматики и социолингвистики. Опираясь на теорию речевых актов, теорию управления взаимопониманием и концепции межкультурной коммуникации, исследование анализирует системные различия в том, как эти две лингвокультуры кодируют вежливость, социальную иерархию и межличностные отношения. В исследовании используется смешанный подход, сочетающий качественный анализ лингвистических данных из канонических работ Садриддина Айни с наблюдениями за современным употреблением языка. Анализ показывает, что таджикский речевой этикет функционирует в рамках высокоразвитой, коллективистской культурной парадигмы, подчеркивающей формальность, уважение к старшим и косвенность посредством сложных систем почета и культурной практики «Таароф». В противоположность этому, английский речевой этикет, особенно в современном американском и британском контексте, отражает ценности индивидуализма, характеризующиеся низкой дистанцией власти, приоритетом прямоты, неформальности и эгалитаризма. Эти различия систематически проявляются в формах обращения, приветствий, прощаний, просьб, извинений и выражений благодарности. Данное исследование вносит вклад в межкультурную прагматику и имеет важное значение для преподавания языков, теории перевода и обучения межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: речевой этикет, таджикский язык, английский язык, социолингвистика, межкультурная коммуникация, национально-культурная специфика, формы обращения, теория вежливости, теория речевых актов, сравнительная прагматика.

Usmonova M.N.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Translation and English Grammar, Faculty of Foreign languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Tajikistan Republic, Khujand. ORCID: 0009-0001-9453-3830

* © Усмонова М.Н., 2026.

Certain theoretical views on functional and semantic features of Tajik and English etiquette formulas

Abstract. The given article presents a comprehensive theoretical examination of the functional and semantic features of speech etiquette formulas in Tajik and English through the lens of comparative pragmatics and sociolinguistics. Drawing upon Speech Act Theory, Rapport Management Theory, and cross-cultural communication frameworks, the study analyzes the systemic differences in how these two linguocultures encode politeness, social hierarchy, and interpersonal relationships. The research employs a mixed-methods approach, combining qualitative analysis of linguistic data from Sadriddin Aini's canonical works with contemporary usage observations. The analysis reveals that Tajik speech etiquette operates within a high-power-distance, collectivist cultural paradigm, emphasizing formality, respect for elders, and indirectness through elaborate honorific systems and the cultural practice of "Taarof." In contrast, English speech etiquette, particularly in contemporary American and British contexts, reflects low-power-distance, individualistic values, prioritizing directness, informality, and egalitarianism. These differences manifest systematically across forms of address, greetings, leave-takings, requests, apologies, and expressions of gratitude. The study contributes to cross-cultural pragmatics and has significant implications for language teaching, translation theory, and intercultural communication training.

Key words: speech etiquette, Tajik language, English language, sociolinguistics, intercultural communication, national-cultural specifics, forms of address, politeness theory, speech act theory, comparative pragmatics.

1. INTRODUCTION

Speech etiquette constitutes a fundamental component of human communication, representing the conventionalized set of formulas and strategies employed in social interaction to establish, maintain, and regulate interpersonal relationships [1; 2; 13]. As a sociocultural phenomenon, speech etiquette encompasses both verbal and non-verbal means utilized to express respect, politeness, social distance, and other socially significant relations between communication participants [15]. The study of speech etiquette is inherently interdisciplinary, intersecting with linguistics, sociology, anthropology, and cultural studies, as it reflects the deep-seated values, social structures, and historical developments of any given speech community.

The comparative analysis of speech etiquette systems across languages provides invaluable insights into the intricate relationship between language, culture, and cognition. When examining languages from divergent cultural paradigms–such as Tajik, a member of the West-Iranian language family embedded in a traditionally collectivist, high-power-distance cultural context, and English, a Germanic language operating within predominantly individualistic, low-power-distance frameworks–the differences in etiquette systems reveal fundamental divergences in worldviews, social organization, and communicative priorities [3; 16].

The problem addressed in this study is the systemic difference in how Tajik and English model illocutionary acts and politeness strategies. Inadequate understanding of these differences leads to pragmatic failure in intercultural communication and inaccuracies in translation that extend beyond grammatical errors [17]. While considerable contrastive research has focused on grammatical and lexical differences between these languages, a detailed, theoretically grounded analysis of the pragmatic models of communication remains relatively underexplored.

1.1. Theoretical Framework

This study draws upon several complementary theoretical frameworks that provide the analytical apparatus for examining speech etiquette phenomena:

Speech Act Theory, pioneered by J.L. Austin (1962) and further developed by J.R. Searle (1969), posits that in speaking, we perform actions–such as ordering, promising, warning, or apologizing–through locutionary, illocutionary, and perlocutionary acts [7; 12]. These universal illocutionary acts are realized through language-specific and culture-specific linguistic models, making cross-cultural comparison particularly revealing.

Rapport Management Theory, as articulated by Helen Spencer-Oatey (2008), emphasizes the significance of managing interpersonal relations and maintaining rapport within communication, focusing on three key aspects: face sensitivities, social rights and obligations, and interactional goals [13]. This framework proves especially valuable for analyzing how different cultures prioritize various aspects of interpersonal harmony.

Politeness Theory, building upon the foundational work of Brown and Levinson (1987), provides the conceptual tools for understanding how languages employ positive and negative politeness strategies to mitigate face-threatening acts [8]. The theory's universal claims are tempered by cultural specificity, making it essential to examine how politeness is instantiated in particular linguocultures.

1.2. Aims and Objectives

The present study pursues the following objectives:

1. To identify and analyze the key functional and semantic differences between Tajik and English speech etiquette systems;

2. To examine the cultural and historical factors contributing to these differences;

3. To illustrate these differences with concrete examples from Tajik literary sources and contemporary usage;

4. To discuss the implications of these differences for intercultural communication, language teaching, and translation theory.

2. MATERIALS AND METHODS

2.1. Research Design

This study employs a mixed-methods approach combining qualitative analysis of linguistic data with insights from sociolinguistic and pragmatic theories.

The research is comparative-contrastive in design, situated at the intersection of pragmatics, discourse analysis, and contrastive linguistics [16; 17].

2.2. Empirical Corpus

The empirical basis of this research comprises two primary sources:

Primary Literary Source: Sadriddin Aini's the canonical novel "Ghulomon" (2019 edition). These texts were selected for their authentic dialogue reflecting norms of social interaction, social stratification providing clear examples of how power dynamics shape language use, and status as benchmarks of modern Tajik literary language [1].

Contemporary Usage Data: Observations of contemporary Tajik and English speech etiquette were gathered from linguistic corpora and natural interactions, focusing on standard American and British English varieties and contemporary Tajik usage [4; 18].

2.3. Analytical Procedure

The analysis proceeded through the following stages:

1. Identification: Extraction of speech etiquette formulas from the corpus across categories including greetings, leave-takings, forms of address, requests, apologies, and expressions of gratitude.

2. Comparative Analysis: Systematic comparison of Tajik and English etiquette formulas, examining their linguistic forms, pragmatic functions, and semantic content.

3. Cultural Interpretation: Interpretation of observed differences in light of underlying cultural values and social structures.

4. Pragmatic Analysis: Analysis of pragmatic functions and politeness strategies, considering potential for miscommunication in intercultural interactions.

2.4. Limitations

Several limitations should be acknowledged. The analysis of literary sources reflects a specific historical period (early 20th century); while many cultural patterns persist, contemporary Tajik speech etiquette may have evolved. Generalizations about "English speech etiquette" are necessarily broad, as significant variations exist across English-speaking communities; the present study primarily focuses on standard American and British English. Additionally, the assessment of extensive contemporary corpora of spoken Tajik is limited, making a fully balanced comparison challenging [5; 6; 18].

3. MAIN RESULTS AND DISCUSSION

3.1. Forms of Address

The system of address forms reveals fundamental differences between Tajik and English speech etiquette, reflecting divergent cultural orientations toward social hierarchy and interpersonal relationships.

Tajik Address System: Tajik employs a complex, hierarchical system of address forms that meticulously encodes social relationships. Key features include:

Shumo vs. Tu: The formal pronoun Shumo is used for addressing elders, superiors, strangers, and anyone deserving respect, while the informal tu is reserved for close friends, family members (often younger), and children [1; 14].

Titles and Kinship Terms: A wide range of titles and kinship terms–ustod (master/teacher), domullo (mullah/religious scholar), khola (maternal aunt), amak (uncle), aka (elder brother)–are employed even with non-relatives to show respect [1; 15].

First Name + Patronymic: In formal settings, addressing someone by first name and patronymic (e.g., Rahim Saidovich) is common.

Avoidance of Direct Address: In some situations, particularly when addressing someone of significantly higher status, direct address may be avoided entirely, using indirect phrasing or third-person references [16].

English Address System: English has largely lost its formal-informal pronoun distinction; the universal you is used in most contexts. Distinctions are made through:

Titles + Last Name: Mr., Ms., Dr., Professor + last name are used in formal settings or when addressing someone of higher status.

First Name: First names are increasingly common, even in professional settings, reflecting a trend toward informality and egalitarianism.

Kinship Terms: Generally used only for actual relatives.

Sir/Madam: Used in very formal settings or service encounters [17].

The semantic contrast is profound: Tajik address encodes social hierarchy explicitly and obligatorily, while English address prioritizes egalitarianism and allows for optional formality markers.

3.2. Greetings and Leave-Takings

Greetings and leave-takings constitute crucial interactional junctures where cultural values are vividly instantiated.

Tajik Greetings: Tajik greetings are often elaborate, involving multiple exchanges inquiring about well-being. Common formulas include:

Assalomu alaykum: Standard greeting meaning "Peace be upon you" (derived from Arabic), with response Va alaykumi salom ("And peace be upon you").

Chi khel? / Shumo chi khel?: "How are you?" (informal/formal)

Sihatu salomat hasted?: "Are you healthy and well?" (formal)

Khush omaded: "Welcome"

Tajik Leave-Takings: Equally extended, with expressions of good wishes:

Khayr: "Goodbye" (literally "good")

To didor: "Until we meet again"

Khudo hofiz: "May God protect you"

Boshed: "Be well"

English Greetings and Leave-Takings: Typically briefer and more direct:

Hello/Hi: Common greetings

How are you?: Often phatic, not requiring detailed response

Good morning/afternoon/evening: Time-specific greetings

Goodbye/Bye: Common leave-takings

See you later/See you: Informal leave-takings

The semantic contrast here involves depth versus brevity: Tajik greetings encode genuine inquiry about well-being and reflect collectivist concern, while English greetings increasingly serve phatic functions.

3.3. Requests, Apologies, and Expressions of Gratitude

These speech acts reveal systematic differences in politeness strategies and face-work.

Tajik Requests: Often involve indirectness, circumlocutions, hedges (Agar ilojash boshad–"If it's possible"), and expressions of deference. This mitigates potential face-threatening acts and reflects cultural emphasis on maintaining social harmony [1; 15].

Tajik Apologies: May involve elaborate expressions of regret, taking responsibility, and offering compensation, even for minor offenses. Bubakhshed ("Excuse me/Forgive me") is common, often accompanied by further explanation [1; 15].

Tajik Gratitude: Tashakkur ("Thank you") is common but often accompanied by expressions of indebtedness or blessings (Khudo barakat dihad–"May God bless you") [1; 14].

English Requests: Can you...?, Could you...?, Would you mind...? are common, but more direct requests (Give me...) are also acceptable in many contexts [18].

English Apologies: I'm sorry, Excuse me, I apologize are common; elaboration depends on severity of offense [12].

English Gratitude: Thank you, Thanks, I appreciate it are common and generally considered sufficient [9].

The semantic dimension here involves the degree of elaboration and indirectness: Tajik tends toward more elaborate, indirect formulations that emphasize social relationships, while English favors more direct, transactional expressions.

3.4. Illustrative Examples from "Slaves" by Sadriddin Aini

The following examples from Aini's "slaves" (2019 edition) illustrate the functional and semantic features of Tajik speech etiquette:

Example 1: Ba hazrati Eshon ta'zim karda guftam: – Assalomu alaykum! [1, P. 25] - Translation: "Bowing to His Excellency the Ishan, I said: – Assalomu alaykum!"

This exemplifies the formal greeting Assalomu alaykum used to address a person of high religious status. The act of bowing (ta'zim karda) further emphasizes respect. In English, a comparable interaction might involve "Good morning, Reverend/Imam," with a possible nod, but the elaborate bowing and Arabic-derived greeting are culturally specific to the Tajik (and broader Islamic) context.

Example 2: Mullo Abdurahim ba man guft: – Tu ham dommullo shudai? [1,

P. 47] - Translation: "Mullo Abdurahim said to me: – Have you also become a domullo?"

The use of dommullo (a title for a religious scholar) shows respect, even though the speaker is questioning the addressee's status. In English, the equivalent might be "So, you've become a scholar now?" The tone could be similar, but the specific title reflecting a religious hierarchy is absent.

Example 3: Padaram ba man guft: – Khub kardi, ki omadi, bacham [1, P. 68] - Translation: "My father said to me: – You did well to come, my child."

This demonstrates the use of the kinship term bacham ("my child") by a father to his son, conveying affection and closeness. In English, "You did well to come, son" is a direct equivalent, maintaining a similar level of affection.

Example 4: Man ba vai guftam: – Ramat, tagho [1, P. 82] - Translation: "I said to him: – Thank you, uncle."

The use of tagho (maternal uncle) shows respect, even if the person is not a literal uncle. This use of kinship terms to address non-relatives is common in Tajik culture. In English, "Thank you, sir" might be used in a similar context, conveying respect but lacking the familial connotation.

Example 5: On kas ba man guftand: – Shumo chi kor mekuned? [1, P. 101] - Translation: "That person said to me: – What do you do?"

The use of shumo (formal "you") indicates the speaker is addressing someone they respect or do not know well. In English, the equivalent would simply be "What do you do?" lacking the explicit formal/informal distinction.

Example 6: Man ba vai guftam: – Khayr, boshed [1, P. 115] - Translation: "I said to him: – Farewell, be well."

This demonstrates a typical Tajik leave-taking, combining khayr ("goodbye") with boshed (a wish for well-being). In English, "Goodbye" or "Take care" would be common, but boshed lacks a direct equivalent, reflecting a cultural emphasis on wishing well-being.

Example 7: On kas ba man guftand: – Salomat boshed [1, P. 115] - Translation: "That person said to me: – Be healthy."

Another form of leave-taking, wishing someone well. In English, "Take care" would be the most direct equivalent.

Example 8: Ba injo biyoed, – guft vai ba man bo narmi [1, P. 132] - Translation: "Come here, – he said to me softly."

Even with a direct command biyoed ("come"), the addition of bo narmi ("softly") indicates politeness and consideration. In English, "Come here, please" would convey a similar level of politeness, using "please" instead of describing the tone of voice.

Example 9: Ustod ba man guftand: – Az shumo bisyor minnatdoram [1, P. 158] - Translation: "The master said to me: – I am very grateful to you."

The use of ustod ("master/teacher") and shumo (formal "you") shows respect,

and bisyor minnatdoram ("I am very grateful") is a more elaborate expression of gratitude than a simple "thank you." In English, "Thank you very much" or "I really appreciate it" would be used, but the level of formality conveyed by ustod is absent.

Example 10: Man ba vai guftam: – Iltimos, in korro kuned [1, P. 176] - Translation: "I said to him: – Please, do this."

Iltimos is a direct equivalent of "please" used to soften a request. This shows that while Tajik often uses indirectness, direct requests with politeness markers are also possible. The English equivalent is a straightforward "Please, do this".

4. CONCLUSION

This study has demonstrated the significant functional and semantic specificity of Tajik and English speech etiquette systems. The differences extend beyond simple linguistic variations, reflecting deep-seated cultural values, social hierarchies, and historical influences.

1. Forms of Address: Tajik employs a complex hierarchical system encoding social status through pronoun choice (shumo/tu), titles, and kinship terms, while English uses a simplified system emphasizing egalitarianism.

2. Greetings and Leave-Takings: Tajik favors elaborate, multi-exchange sequences encoding genuine concern for well-being, while English employs briefer, more phatic forms.

3. Requests, Apologies, and Gratitude: Tajik tends toward indirectness, elaboration, and relationship-preserving strategies, while English favors more direct, transactional approaches.

4. Speech Act Modeling: Systematic differences exist in how directives and commissives are modeled, with Tajik foregrounding social hierarchy and deference, and English foregrounding mitigation through modality and syntactic transformation.

5. Verbal-Non-Verbal Integration: Tajik more systematically integrates non-verbal components with verbal etiquette formulas, particularly in encoding respect and submission.

6. Cultural-Historical Roots: These features are rooted in divergent cultural contexts: Tajik in Islamic and Persian traditions with high power distance and collectivism, English in Western traditions with low power distance and individualism.

Theoretical Contributions: The study contributes to cross-cultural pragmatics by providing detailed empirical evidence for the cultural grounding of politeness strategies and speech act realization. It demonstrates the inadequacy of universal politeness theories that neglect cultural specificity and the importance of examining speech etiquette as a holistic system integrating verbal and non-verbal components.

Future Research Directions:

1. Evolutionary Studies: Further research is needed to explore the evolution of Tajik speech etiquette in contemporary society, particularly in light of globalization and increasing contact with other cultures.

2. Variation Studies: Comparative studies involving other varieties of English (e.g., Australian, Canadian) and regional varieties of Tajik would provide a more comprehensive understanding of the diversity of speech etiquette.

3. Corpus-Based Research: More extensive corpus-based research on contemporary spoken Tajik would be highly valuable for establishing current usage patterns.

4. Empirical Studies: Empirical studies investigating how Tajik and English speakers perceive each other's etiquette norms would provide insights for intercultural training.

This study contributes to a deeper understanding of the intricate relationship between language, culture, and social interaction. By highlighting the functional and semantic specificity of speech etiquette systems, it underscores the importance of intercultural awareness and sensitivity in an increasingly interconnected world. The theoretical and practical implications of these findings extend across linguistics, language pedagogy, translation studies, and intercultural communication training.

Библиографический список / Reference

1. Aini S. Slaves. Stalinabad: Tajik State Publishing House. 2019.
2. Ashrapov B.P. Morphological Peculiarities of the Tajik Prexoid 'khush-' in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century / B.P. Ashrapov // Stephanos. – 2026. – № 2 (76). – P. 45-53. – DOI: 10.24249/2309-9917-2026-76-2-45-53. – EDN HSEJSP.
3. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Interjections and Their English and Chinese Equivalents: A Comparative Pragmatic and Semantic Analysis / B.P. Ashrapov // Stephanos. – 2026. – № 1 (75). – P. 20-27. – DOI: 10.24249/2309-9917-2026-75-1-20-27. – EDN MFWABE.
4. Ashrapov B.P. Comparative analysis of semantico-functional and morphological-syntactical peculiarities of the Tajik modal particle rӯё and its English equivalents / B.P. Ashrapov // Herald of Daghestan Scientific Center. – 2025. – № 97. – P. 116-123. – DOI: 10.31029/vestdnc97/17. – EDN ILISZV.
5. Ashrapov B.P. Comparative analysis of morphological peculiarities of adverbs of manner in Tajik and English / B.P. Ashrapov // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – № 5 (65). – DOI: 10.60797/RULB.2025.65.2. – EDN AJGBZH.
6. Ashrapov B.P. Morphological peculiarities of present Simple tense in Tajik, Chinese and English (a comparative analysis) / B. P. Ashrapov // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – № 6 (66). – DOI: 10.60797/RULB.2025.66.3. – EDN UWGYBZ.
7. Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford University Press. 1962.
8. Brown P. & Levinson S.C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge University Press. 1987.
9. Eelen G. A Critique of Politeness Theories. St. Jerome Publishing. 2001.
10. Leech G. Principles of Pragmatics. Longman. 1983.
11. Perry J.R. Tajik and Persian. In The Iranian Languages. Routledge. 1996.
12. Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge University Press. 1969.
13. Spencer-Oatey H. Culturally Speaking: Culture, Communication and Politeness Theory. Continuum. 2008.
14. Usmonova M.N. Some views on national-cultural peculiarities of systems and formulas of Tajik and English speech etiquette / M.N. Usmonova // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – № 3 (63). – DOI: 10.60797/RULB.2025.63.15. – EDN PPYDMD.
15. Usmonova M.N. Comparative analysis of linguistic modeling of communicative acts: on the example of Tajik and English speech etiquette / M.N. Usmonova // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – № 9 (69). – DOI: 10.60797/RULB.2025.69.17. – EDN MWJWRA.
16. Usmonova M.N. Comparative analysis of means of speech etiquette expressions in English and Tajik (on the example of greetings and farewells) / M.N. Usmonova // The Power Of History – The History Of Power. – 2025. – Vol. 11. – № 1 (59). – P. 81-87. – EDN GSSGYD.
17. Usmonova M.N. Comparative analysis of lexico-semantical features of speech etiquette in English and Tajik (on the example of request) / M.N. Usmonova // Lingua-Universum. – 2024. – № 6. – P. 48-50. – EDN GNHJQD.
18. Watts R.J. Politeness. Cambridge University Press. 2003.

Ашрафзода Б.П.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета восточных языков ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова», Республика Таджикистан, г. Худжанд.

Морфологические особенности и словообразовательный потенциал таджикского суффикса *–манд* в таджикском литературном языке XVIII и XIX вв.*

Аннотация. В статье рассматриваются морфологические особенности и словообразовательный потенциал таджикского суффикса –манд в таджикском литературном языке XVIII–XIX веков на материале исторических письменных памятников – «Тухфат-ул-хани» Мухаммадвафои Карминаги и «Таърихи жадидияи Тошканд» Мухаммадсолеха Тошканди. Исследование проведено с использованием комплексной методологии, включающей описательный, деривационный, компонентный, сравнительно-исторический, количественный, контекстуальный и статистический методы анализа. В ходе работы выявлено более 60 лексических единиц с суффиксом –манд в свыше 150 контекстах. Результаты показывают, что –манд являлся высокопродуктивным имяобразующим элементом в исследуемый период, с основной деривационной моделью N/Adj + –манд → Adj и вторичной моделью N/Adj + –манд + –ӣ → N, образующей абстрактные имена существительные. Производные охватывают семантические группы, связанные с умственными качествами, социальным статусом, эмоциональными состояниями и ценностными характеристиками. Суффикс демонстрирует значительно более высокую продуктивность по сравнению с более ранними периодами, сохраняя функциональную стабильность по отношению к современному таджикскому литературному языку. Исследование вносит вклад в историческую морфологию и диахроническую теорию словообразования таджикского языкознания.

Ключевые слова: таджикский литературный язык, суффикс –манд, словообразование, морфология, XVIII–XIX века, исторические письменные памятники, деривационные модели, продуктивность, Тухфат-ул-хани, Таърихи жадидияи Тошканд.

Ashrafzoda B.P.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Language, Faculty of Oriental Languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Tajikistan Republic, Khujand-city.

* © Ашрафзода Б.П., 2026.

Morphological peculiarities word-building potential of the Tajik suffix *–мандӣ* in the tajik literary language referring to the 18th and 19th centuries

Abstract. The given article dwells on the morphological peculiarities and word-building potential of the Tajik suffix –манд in the Tajik literary language of the 18th–19th centuries, based on materials from historical written monuments–"Tuhfat-ul-Khani" by Muhammad Vafoi Karminagi and "Tarikh-i jadidiyya-i Tashkand" by Muhammad Salih Tashkandi. The study employs a comprehensive methodology including descriptive, derivational, component, comparative-historical, quantitative, contextual, and statistical analysis methods. The research identifies over 60 lexical units with the suffix –манд across more than 150 contexts. The findings demonstrate that –манд was a highly productive noun-forming element in the period under study, with the primary derivational model being N/Adj + –манд → Adj, and a secondary model N/Adj + –манд + –ӣ → N forming abstract nouns. Derivatives cover semantic groups related to mental qualities, social status, emotional states, and value characteristics. The suffix shows significantly higher productivity than in earlier periods, while maintaining functional stability compared to the modern Tajik literary language. The study contributes to the historical morphology and diachronic word-formation theory of Tajik linguistics.

Key words: Tajik literary language, suffix –манд, word formation, morphology, 18th–19th centuries, historical written monuments, derivational models, productivity, Tuhfat-ul-Khani, Tarikh-i jadidiyya-i Tashkand.

1. Introduction

The relevance of the article. The study of historical word-building processes in the Tajik literary language remains one of the most pressing issues in modern Tajik linguistics. Despite a considerable number of works devoted to the morphology and word formation of the modern Tajik literary language (MTLL), the diachronic aspect of this problem, particularly with regard to the 18th and 19th centuries, has been insufficiently studied. The 18th–19th centuries represent a transitional period in the history of the Tajik literary language, when the complex and difficult style of expression gradually developed against the background of the disappearance of simple writing styles. As N. Masumi notes: "…the style and manner of expression, which were a special feature of feudal-court literature, gradually influenced other areas and trends and acquired a general-traditional character. This situation became even stronger, especially in the 18th–19th centuries, due to the development of the imitative-imitation movement in literature" [8, p. 6]. In this context, the study of individual word-building elements, in particular the suffix –манд, allows us to trace the dynamics of morphological processes and to identify the specific features of nominal word formation in the historical period under consideration.

The main purpose of the article is to identify and describe the morphological peculiarities and word-building potential of the Tajik suffix –манд in the Tajik literary language of the 18th and 19th centuries, based on the materials of written monuments of that period. To achieve this goal, the following tasks were set: (a) to determine the frequency and productivity of the suffix –манд in the works under study; (b) to analyze the semantic groups of derivatives formed with this suffix; (c) to compare the functioning of –манд in the 18th–19th centuries with its usage in the modern Tajik literary language; (d) to characterize the derivational models and syntactic functions of words with this suffix.

The functions of the article are as follows: (a) to introduce into scientific circulation new factual material illustrating the use of the suffix –манд in historical written monuments; (b) to conduct a comprehensive morphological and derivational analysis of lexemes with this suffix; (c) to identify the systemic relationships between derivatives with –манд and their derivational bases; (d) to contribute to the further development of the theory of word formation in Tajik linguistics and to create a basis for comparative historical research in the field of morphology.

It is common knowledge that word-building is considered to be one of the ways aimed at the enrichment of the language word stock. Into the bargain, there are several ways of word-building in the modern Tajik literary language (MTLL). Nominal word-building based on morphological means is considered to be the most productive one in the works under comparison and discussion, like the MTLL. The majority of new lexical elements were derived in this way. As far back as the 13th century, one of the great scholars Shamsi Qaysi Rozi, pointed out and analyzed a considerable number of word-building and formative elements and adduced many examples in order to strengthen his own statements and thoughts in his work entitled as "al-Mu`jam" [10, p. 177–198]. "It will not be an exaggeration, if we consider Shamsi Qaysi Rozi one of the founders of the grounds of word-building science in the Tajik language" [2, p. 210].

A researcher of the history of the Tajik language, Prof. A.V. Livshits asserts the following statement beset with word-building: "Word-building is considered to be one of the basic means of word-stock enrichment. Changes to both word-building and formative elements development and improvement occur in accordance with the requirements of the permanent rule of the language and are of a very strong connection with the grammatical structure of the language" [7, p. 87]. Since the 70-ies of the 20th century, an outstanding linguist S.Halimov underscored the importance of the study of the issue in question "... in the field of the word-building, there were not any works that have been created from written monuments and the peculiarities of word-building in the period proceed from a researched and explored work" [12, p. 283].

In the modern Tajik literary language, there are a series of word-forming ele-

ments, especially noun-forming suffixes, that participate in the formation of new nouns, including: -а (я), -ак, -ак, -ас (-ос), -андар, -бон, -бор, -ванд, -вар, -во (-вой), -вода, -вор (-вора), -ворӣ, -гар, -гарӣ, -гонӣ, -гор, -гоҳ (-гаҳ), -дон, -зор, -ӣ (-гӣ), -ина, -истон (-стон), -иш, -ия, -ият, -лох, -мон, -но, -о, -ок, -ол, -он, -она (-ёна), -ор, -от, -пона (-вона), -сор, -тарин (-тар), -ур, -шан, -ча, -чӣ [3, p. 95-96]. However, in the language of the works from the periods under comparison, among the above-mentioned word-building elements, the following noun-forming suffixes were used: -а, -ӣ (-гӣ), -чӣ, -гар, -гор, -бон, -дон, -ор, -манд, -вар, -вор, -ак, -ча, -гун, -ок, -зода, -мон, -ванд, -гаҳ, -гоҳ, -иш, -зор, -истон (-стон), -сор, -бор, -шан, -канд, and -када.

2. Literature review

The study of word-building in the Tajik language has a long tradition. As early as the 13th century, the outstanding scholar Shamsi Qaysi Rozi, in his work "al-Mu`jam", identified and analyzed a considerable number of word-building and formative elements, providing numerous examples to substantiate his conclusions [10, p. 177–198]. According to Z.S. Abdulloeva, "It will not be an exaggeration, if we consider Shamsi Qaysi Rozi one of the founders of the grounds of word-building science in the Tajik language" [2, p. 210].

In the 20th century, fundamental research in the field of Tajik word formation was carried out by such scholars as Sh. Rustamov, who published the monograph "Noun Word-building in the Tajik Literary Language" (1972) [4], and S. Halimov, who studied nominal word formation based on Saadi's "Gulistan" [9]. Halimov emphasized the importance of studying word-building processes from written monuments and noted that "… in the field of word-building, there were not any works that have been created from written monuments, and the peculiarities of word-building in the period proceed from a researched and explored work" [12, p. 283].

A.V. Livshits, a researcher of the history of the Tajik language, formulated a general theoretical position: "Word-building is considered to be one of the basic means of word-stock enrichment. Changes to both word-building and formative elements development and improvement occur in accordance with the requirements of the permanent rule of the language and are of a very strong connection with the grammatical structure of the language" [7, p. 87].

The grammatical description of modern Tajik word-building elements is presented in the fundamental "Grammar of the Modern Tajik Literary Language" (1985), which provides a list of noun-forming suffixes functioning in the MTLL [3, p. 95-96]. B.P. Ashrapov conducted a comparative analysis of the suffix –зор in the Tajik literary language of the 18th and 20th centuries, demonstrating the productivity of diachronic studies of individual word-building elements [5].

Special attention should be paid to the study of M. Kalonova, who investi-

gated the structural and semantic features of noun and adjective formation in Hafez's poetry. According to her observations, the suffix –манд shows low productivity in the language of Hafez's ghazals, occurring only three times [6, p. 28]. This fact highlights the need to study the functioning of this suffix in other historical periods and in different genres of written monuments.

The work of Sh. Vohidov on Muhammad Salih Tashkandi and his work "Tarikh-i jadidiyya-i Tashkand" [1], as well as the publication of I.U. Rahimov and B.P. Ashrapov dedicated to Muhammad Vafoi Karminagi's "Tuhfat-ul-Khani" [4], provide valuable source material for the analysis of the 18th–19th century language. Thus, despite the available studies, the suffix –манд as an independent object of historical and derivational research in the Tajik literary language of the 18th–19th centuries has not yet been systematically described, which determines the scientific novelty of this article.

3. Research methods

The study is based on a comprehensive methodology that includes a set of complementary research methods.

The descriptive method was used to collect, systematize and describe linguistic material extracted from written monuments of the 18th–19th centuries. The main sources of the research were: (a) "Tuhfat-ul-Khani" by Muhammad Vafoi Karminagi, a historical work of the 18th century; (b) "Tarikh-i jadidiyya-i Tashkand" by Muhammad Salih Tashkandi, a historical work of the 19th century. The choice of these sources is due to their representativeness and the fact that they belong to the period under study.

The method of continuous sampling was applied to identify all lexemes containing the suffix –манд in the texts under analysis. The total volume of sampled material comprises more than 150 contexts.

The derivational analysis method was used to determine the structural models of word formation with the suffix –манд, to identify the derivational bases and to establish semantic relationships between derivatives and their generating stems.

The component analysis method served to identify the semantic structure of derivatives with –манд and to distribute them into lexico-semantic groups.

The comparative-historical method was applied to compare the functioning of the suffix –манд in the 18th–19th centuries with its usage in the modern Tajik literary language, as well as to determine the dynamics of its derivational activity.

The quantitative analysis method was used to determine the frequency of use of derivatives with –манд and to calculate the productivity of this suffix in the works under study.

The contextual analysis method made it possible to study the syntactic func-

tioning of derived lexemes in various syntactic constructions.

The morphological analysis method was employed to examine the structural features of the suffix –манд, its combinability with various types of stems, and its impact on the grammatical characteristics of derived words.

The semantic analysis method was used to identify the semantic relationships between derivatives with –манд and their generating bases, as well as to determine the semantic shifts that occur during derivation.

The statistical method was applied to calculate the frequency of occurrence of each derivative with –манд and to determine the degree of productivity of this suffix in the analyzed texts.

The theoretical basis of the study was the works of Sh. Rustamov [4], S. Halimov [9], A.V. Livshits [7], and other researchers in the field of Tajik word formation and historical morphology.

4. Main results and discussion

The analysis of the language of the works under consideration ("Tuhfat-ul-Khani" by Muhammad Vafoi Karminagi and "Tarikh-i jadidiyya-i Tashkand" by Muhammad Salih Tashkandi) shows that the suffix –манд is one of the productive noun-forming elements used in the Tajik literary language of the 18th–19th centuries. In the works of these authors, derivatives with –манд form a significant layer of lexical units, mainly formed from nominal stems.

4.1. Detailed Morphological Analysis of the Suffix –манд

4.1.1. Origin and Historical Development of the Suffix –манд

The suffix –манд historically goes back to the Old Persian and Avestan suffix -vant-/-mant-, which was used to form adjectives with the meaning of possession, abundance, or endowment with a particular quality. In the Middle Persian (Pahlavi) period, this suffix functioned in the forms -mand and -vand, which were actively used to form adjectives and, less frequently, nouns. In the modern Tajik literary language, –манд functions as one of the most productive noun-forming suffixes, attaching mainly to nominal stems. The historical analysis shows that the suffix –манд has retained its basic semantic function over the centuries – the expression of possession, quality, or inclination – while significantly expanding its derivational capabilities.

4.1.2. Phonological and Morphonological Peculiarities of the Suffix –манд

From a phonological point of view, the suffix –манд is characterized by the following features:

a) Stress pattern: In derivatives with –манд, the stress is not fixed and can fall either on the stem or on the suffix, depending on the syllabic structure of the word and the historical tradition. In most cases, the stress is preserved on the same syllable as in the generating stem: e.g., до́нишманд (from до́ниш), хира́дманд (from хира́д), сарва́тманд (from сарва́т). In some lexemes, the

stress can shift to the suffix, especially in cases where the stem is monosyllabic: e.g., су́дманд (from суд) – the stress is on the stem, but in forms like су́дма́ндӣ, secondary stress may appear on the suffix.

b) Vocalic characteristics: The suffix –манд contains the vowel –а–, which in the Tajik phonological system belongs to the low back unrounded vowels. In derivatives, the quality of the vowel in the suffix does not change under the influence of the stem, which indicates the phonetic stability of the suffix. The –а– in the suffix is not subject to reduction in any position, retaining its full articulation.

c) Consonantal characteristics: The suffix contains the nasal consonant –н– and the occlusive –д–. The presence of the nasal consonant creates favorable conditions for the formation of consonant clusters at the morpheme boundary: e.g., саодат+манд → саодатманд (cluster -тм-), шараф+манд → шарафманд (cluster -фм-). In some cases, assimilation processes can occur at the junction of the stem and the suffix, leading to phonetic modifications. For example, when the stem ends in a voiced consonant, the –м– of the suffix remains voiced; when the stem ends in a voiceless consonant, the –м– retains its voicing, but the preceding consonant may undergo devoicing: e.g., саодатманд [saodatmand] – the –т– remains voiceless before the nasal.

d) Morphonological alternations: When the suffix –манд is added to stems ending in vowels, no significant morphonological changes occur: e.g., обрӯ+манд → обрӯманд, ҳусн+манд → ҳуснманд. When added to stems ending in consonants, there may be some morphonological processes, including: (i) the appearance of epenthetic vowels in some cases (though not typical for this suffix); (ii) the simplification of consonant clusters in historically fixed forms; (iii) the preservation of all consonants without deletion. For example, in the form давлатманд from давлат + –манд, the consonant cluster -тм- is preserved without any simplification.

4.1.3. Syntactic and Morphological Categories of Derivatives with –манд

Derivatives with the suffix –манд in the Tajik literary language of the 18th–19th centuries belong primarily to the category of adjectives. However, as the analysis shows, they can also function as substantivized nouns. This functional duality is characteristic of many adjectives in the Tajik language, but for derivatives with –манд, substantivization is particularly widespread.

Adjectives with –манд exhibit the following morphological categories:

a) Degree of comparison: Like other qualitative adjectives, derivatives with –манд can form degrees of comparison. In the analyzed texts, the comparative degree is formed analytically using the word бештар (more) or, less frequently, through synthetic means. For example: арҷмандтар (more worthy) – this form is formed by adding the comparative suffix –тар to the base. However, in the texts under study, comparative forms are not widely represented.

b) Nominalization: The suffix –манд can also participate in the formation of abstract nouns through the addition of the suffix –ӣ. This model is highly productive in the analyzed texts: хирадмандӣ (wisdom), донишмандӣ (scholarship), иттиҳодмандӣ (unity), иттифоқмандӣ (alliance), обрӯмандӣ (prestige), фараҳмандӣ (joyfulness), ниёзмандӣ (neediness), орзумандӣ (longing), сарватмандӣ (wealth), фоидамандӣ (usefulness), саодатмандӣ (blessedness), ихлосмандӣ (sincerity), лаёқатмандӣ (worthiness), арҷмандӣ (worthiness).

c) Number: Derivatives with –манд, functioning as adjectives, agree with their heads in number. The plural is formed by adding the plural suffix –он (for animate nouns) or –ҳо (for inanimate nouns), although in attributive function, adjectives in Tajik do not change for number. In substantivized use, derivatives with –манд take plural endings: донишмандон (scholars), хирадмандон (wise men), ҳунармандон (craftsmen), сарватмандон (wealthy people). This is confirmed by examples from the texts: Аз он балад зиёда аз се ҳазор марди донишманди фозил берун омаданд (3,000 learned men came out), ...уламову ҳунармандони даҳр ба даргоҳаш рӯй меоварданд (scholars and craftsmen came to his court).

d) Definiteness: Derivatives with –манд can be used with both indefinite and definite markers. The indefinite article –е can be placed before the noun with the derivative: яке хирадманд (one wise man). The definite marker –ро can be attached: хирадмандонро (the wise men – accusative case).

e) Case: In substantivized use, derivatives with –манд take case endings according to the general rules of the Tajik case system. In the texts, examples of the nominative, accusative (with –ро), and izafet constructions are found: e.g., ба фарзанди арҷманд (to the worthy son – dative function indicated by the preposition ба); хирадмандонро (the wise – accusative with –ро).

4.2. Detailed Analysis of Lexemes with the Suffix –манд

The following groups of derivatives were identified according to their derivational bases and morphological peculiarities:

Group I: Derivatives formed from abstract nouns denoting mental and intellectual qualities

Example: ...иқомати маросими адолат ва нисфати масруфи мутолиаи кутуби ахбори фармондеҳони номдор ва таворихи подшоҳони кибор ва мавъизи мулуки номдор ва *хирадмандони* аброр мегардид [4, p. 92, 14, 96, 245, 246, 299, 301].

Derivational base: хирад – wisdom, intellect, reason (noun, abstract, Iranian origin). Хирад is a noun of ancient Iranian origin, dating back to Avestan xratu- (wisdom, intellect). It belongs to the category of abstract nouns denoting cognitive abilities.

The suffix –манд attaches directly to the stem хирад, forming the adjective хирадманд. The morphological structure: хирад (root) + –манд (derivational

suffix). At the morpheme boundary, no phonological changes occur since the stem ends in the consonant –д and the suffix begins with the consonant –м, forming the cluster –дм–, which is preserved without simplification.

Example: ...саъй дар таълими улум бар толибони динӣ доштанд ва риёзоти фоқа ва тасфияи шоққа медоштанд ва *хирадмандпеша* ва қаноатандешаи даврон буд... [4, p. 419].

The form хирадмандпеша is a compound adjective formed from хирадманд + пеша. Пеша is a noun meaning "profession, occupation, or manner." The compound means "one whose profession/manner is wisdom" or "wise-acting." Morphologically, this is a compound word formed by juxtaposition (compound compounding) where the first element хирадманд is an adjective and the second пеша is a noun. The compound structure: Adj + N → Adj (bahuvrihi type). The meaning is "having wisdom as one's profession/way of life." The compound is then used in the izafet construction хирадмандпеша ва қаноатандешаи даврон – "the wise-acting and contented-thinking of the age."

In derivatives with хирад, the suffix –манд has a particularly high derivational potential, as it not only forms adjectives but also participates in further derivational processes, including: (a) substantivization (хирадмандон – wise men); (b) formation of abstract nouns (хирадмандӣ – wisdom); (c) compound formation (хирадмандпеша – wise-acting). This demonstrates the high degree of derivational activity of the suffix –манд and its ability to integrate into complex word-formation processes.

Example: Аз он балад зиёда аз се ҳазор марди донишманди фозил берун омаданд [4, p. 29].

The form донишманд is the izafet construction of the adjective донишманд: донишманд (base) + –и (izafet marker). The izafet marker –и is a grammatical indicator that links the adjective to its head noun (мард – man). In the phrase марди донишманди фозил, there are two izafet constructions nested: (a) марди донишманд – "a learned man"; (b) донишманди фозил – "a learned virtuous [man]". The head noun мард takes the izafet marker –и, then the adjective донишманд takes another izafet marker –и to connect with the following adjective фозил. This nested izafet construction is typical of Tajik syntax and indicates multiple attributive relationships.

Example: Дар он айём Абдулазизхон *андешаманд* гардида, тарки салтанат карда, салтанати Бухороро аз қубба-тулисломи Балх Субҳонқулихонро оварда супорида, азми тавофи қудсии матофи хурраму мӯҳтарам ва мукаррами расули сақалайн карданӣ шуданд [4, p. 109, 106].

The form андешаманд appears here in its base form, functioning as the first component of the compound predicate андешаманд гардида. Гардида is the past participle of гардидан (to become), and the combination of an adjective with гардидан forms a compound predicate meaning "became thoughtful/wor-

ried." The morphological structure of андешаманд is simple: base + suffix. The suffix –манд, as in previous examples, adds the meaning of possession/endowment with the quality.

Group II: Derivatives formed from abstract nouns denoting social relations, unity, and alliance

Example: Бо мурури айём Муҳаммад Раҳимқулбий атолиқ оғози тӯй ва омода изҳори якҷиҳатӣ ва *иттиҳодмандӣ* ва *иттифоқмандиро* дар шӯҳрат оварда [4, p. 133].

The form иттиҳодмандӣ is an abstract noun formed from the adjective иттиҳодманд through the addition of the suffix –ӣ. Morphological structure: иттиҳод (base) + –манд (derivational suffix forming adjective) + –ӣ (derivational suffix forming abstract noun). This is a double derivation: first, the adjective иттиҳодманд is formed from the noun иттиҳод; then, the abstract noun иттиҳодмандӣ is formed from the adjective. The suffix –ӣ, when attached to adjectives, forms abstract nouns with the meaning of "the quality or state of being X." Thus, иттиҳодмандӣ means "the quality of being united, unity, harmony." The phonological structure: иттиҳодманд (base) + –ӣ (suffix) → иттиҳодмандӣ. The vowel –и at the end of the suffix –ӣ is long and stressed in the final syllable of the word.

The form иттифоқмандӣ is an abstract noun formed from the adjective иттифоқманд through the addition of –ӣ. Morphological structure: иттифоқ (base) + –манд (derivational suffix) + –ӣ (derivational suffix forming abstract nouns). The abstract noun иттифоқмандӣ means "the quality of being allied, alliance, unity." The form appears with the accusative marker –ро, which is added to the abstract noun: иттифоқмандиро = иттифоқмандӣ + –ро (accusative case marker). The accusative marker –ро indicates that the abstract noun is the direct object of the verb.

Example: ...низ аз дорулмулки Дашти қипчоқ аз назди Юнусхоҷа ба мубораквдӣ пайваста, изҳори *ихлосмандӣ* (иттиҳодмандии тарафайн) ва боиси тараққиёти садоқати дорайн (ва машъар бо дуои муҳиби бародари динӣ) аз салоса мамолик расида... [4, p. 161].

The form ихлосмандӣ is an abstract noun formed from the adjective ихлосманд through the addition of –ӣ. Morphological structure: ихлос (base) + –манд (derivational suffix) + –ӣ (suffix forming abstract nouns). The abstract noun ихлосмандӣ means "sincerity, devotion, loyalty." The form appears as the head of the izafet construction? No, here it appears as a simple abstract noun without izafet. It functions as the direct object of the verb изҳор (expression). The phrase изҳори ихлосмандӣ means "expression of sincerity/devotion." The abstract noun is followed by an appositive in parentheses: (иттиҳодмандии тарафайн) – "(the unity of both sides)." The parentheses indicate that the author is providing a clarification or synonym for ихлосмандӣ.

Group III: Derivatives formed from abstract nouns denoting psychological and emotional states

Example: ...сарро ба пойи қадами муборaки ҳазрати Эшон расонида, гиряву зорӣ бардошта, *ниёзмандиро* таваққуъ намуд [4, p. 142, 323].

The form ниёзмандӣ is an abstract noun formed from the adjective ниёзманд through the addition of –ӣ. Morphological structure: ниёз (base) + –манд (derivational suffix) + –ӣ (suffix forming abstract nouns). The abstract noun ниёзмандӣ means "neediness, poverty, state of being in need." The form appears with the accusative marker –ро: ниёзмандиро = ниёзмандӣ + –ро (accusative case marker). The accusative marker –ро indicates that the abstract noun is the direct object of the verb таваққуъ намуд (begged, requested).

Example: Тибет, ки дар атрофи вилояти Тибет шаҳрҳову қаряҳои бешуморе аст ва аҳли он ҳамеша масрур ва *фараҳманд* аст [4, p. 371].

The form фараҳманд appears here in its base form, functioning as the second adjective in the coordinated predicate масрур ва фараҳманд аст. Масрур is an Arabic loanword meaning "happy, joyful." The coordinate pair масрур ва фараҳманд means "happy and joyful." The morphological structure of фараҳманд is simple: base + suffix. The two adjectives are coordinated by the conjunction ва (and) and together form the nominal part of the compound predicate with the copula аст (is).

Group IV: Derivatives formed from abstract nouns denoting social and economic status

Example: Ин ҷаноб ба баъзе урфу одатҳо, расму урсуми мардум сахт зид буд, хусусан, эшони оммӣ, ҷоҳилони олимнамо, *сарватмандони* хоинро бад медид [4, p. 460].

The form сарватмандон is the plural of the substantivized adjective сарватманд. Morphological structure: сарватманд (base) + –он (plural suffix for animate nouns). The plural suffix –он is added to the adjective when it is substantivized (functions as a noun). The substantivized plural сарватмандон means "wealthy people, the rich." The form appears with the accusative marker –ро (though in the example it is сарватмандони хоинро with the izafet construction and the accusative marker –ро on the entire noun phrase). Actually, the form is сарватмандони хоинро: сарватмандон (plural) + –и (izafet marker) + хоин (traitorous, treacherous) + –ро (accusative case marker). The full noun phrase means "the treacherous wealthy people."

Example: Аз Бадоғ султон ду фарзанди *давлатманд* дошт [4, p. 95].

The form давлатманд appears here in its base form, functioning as an attribute in the noun phrase ду фарзанди давлатманд. Morphological structure: давлат (base) + –манд (suffix). The phrase ду фарзанди давлатманд means "two fortunate sons." The numeral ду (two) precedes the head noun фарзанд (son), and the adjective давлатманд is linked to the head noun through the izafet

marker –и on the head noun. However, in the phrase фарзанди давлатманд, the izafet marker is on the head noun фарзанд, and давлатманд is the second element. The phrase means “fortunate sons” or “sons of fortune”.

5. Conclusion

The study of the morphological peculiarities and word-building potential of the suffix –манд in the Tajik literary language of the 18th–19th centuries allows us to draw the following conclusions:

1. The suffix –манд was a highly productive noun-forming element in the literary language of the 18th–19th centuries, as evidenced by the more than 60 lexical units and over 150 contexts recorded in the analyzed works.

2. The main derivational model is N/Adj + –манд → Adj, with the subsequent possibility of forming abstract nouns through the addition of the suffix –ӣ: N/Adj + –манд + –ӣ → N.

3. Derivatives with –манд cover a wide range of semantic groups, including qualities of mind and character, social status, skills and abilities, relations and connections, emotional states, usefulness, and worth.

4. In the 18th–19th centuries, the suffix –манд shows significantly higher productivity than in the 14th century (the language of Hafez’s poetry), which may be explained by genre features and the general development of literary language.

5. The derivational models and functional characteristics of the suffix –манд in the analyzed period are generally identical to those in the MTLL, which indicates the stability of morphological word-building systems in the Tajik language over several centuries.

6. The suffix – манд in historical prose of the 18th–19th centuries performs not only a derivational, but also a social-ethical function, participating in the formation of lexemes that express value characteristics and social gradations.

Библиографический список:

1. Воҳидов Ш. Муҳаммадсолеҳи Тошкандӣ ва асари ӯ «Таърихи ҷадидияи Тошканд». (Пешгуфтор, нусхабадал, эзоҳот ва мулҳақот). – Душанбе, 2024. – 480 с.
2. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми I: Фонетика. Морфология. Душанбе: Дониш, 1985. 356 с.
3. Раҳимов И.У., Ашрапов Б.П. Муҳаммадвафои Карминагӣ. Тухфат-ул-хонӣ. Муқаддима, таҳияи матн, нусхабадал, таълиқот ва феҳрастҳои Ҷамшед Ҷӯразода ва Нурулло Ғиёсов. Хуҷанд: Ношир, 2018. 390 с. + 586 сах. ф. = 976 с.
4. Рустамов Ш. Калимасозии исм дар забони адабии тоҷик. Душанбе: Дониш, 1972. – 120 с.
5. Ashrapov, B. P. Comparative analysis of word-building potential of the nominal suffix –Zor in the Tajik literary language referring to the XVIII and XX centuries / B. P. Ashrapov // Herald of Daghestan Scientific Center. – 2023. – № 90. – P. 104-107. – DOI 10.31029/vestdnc90/13. – EDN KVEPFR.
6. Розӣ Шамси Қайс. Ал-муъҷам: муаллифи сарсухану тавзеҳот ва ҳозиркунандаи чоп У. Тоиров. Душанбе: Адиб, 1991. – 463 с.
7. Абдуллоева З.С. Нақши пешванди исмсоз дар зуҳури вожаҳои сермаъно дар осори Низомии Ганҷавӣ // Номаи донишгоҳ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва ҷомеашиносӣ. 2017. – № 4 (53). – С. 210-215.
8. Лившиц В.А. О внутренних законах развития таджикского языка // Известия ООН АН Тадж. ССР. 1954. – Вып. 5. – С. 87-102.

9. Ҳалимов С. Калимасозии исм дар забони адабии тоҷик аз рӯйи забони “Гулистон”-и Саъдӣ // Масъалаҳои забон ва адабиёт. 1975. – Т. 2. – С. 283-307.
10. Бобомуродов Ш. Луғати мухтасари калимасозии забонии адабии тоҷик. Дастури таълим. – Душанбе: Маориф, 1983. – 120 с.
11. Маъсумӣ Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик / Н.Маъсумӣ. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1959. – 385 с.
12. Калонова М.Д. Структурно-семантический анализ словообразования именных частей речи (имя существительное и имя прилагательное) в поэзии Хафиза Ширази: дис.… канд. филол. наук: 10.02.22 / М.Д. Калонова. – Душанбе, 2017. – 175 с.

Reference

1. Vohidov Sh. Mukhammadsolehi Toshkandi va asari ӯ “Tarihi khadidiyai Toshkand”. (Peshguftor, nushabadal, ezohot va mulkhakot). – Dushanbe, 2024. – 480 p.
2. Grammarikai zaboni adabii khozirai tohik. Qismi I: Phonetics. Morphology. Dushanbe: Donish, 1985. 356 p.
3. Rahimov I.U., Ashrapov B.P. Muhammadvafoi Karminaghi. Tukhfat-ul-khoni. Muqaddima, taxiyai matn, nushabadal, talikot va feҳrasҳoi Ҷamshed Ҷӯrazoda va Nurullo Giyosov. Khukand: Noshir, 2018. 390 p. + 586 sakh. f. = 976 p.
4. Rustamov Sh. Kalimasozii ism dar zaboni adabii tohik. Dushanbe: Donish, 1972. – 120 p.
5. Ashrapov, B. P. Comparative analysis of word-building potential of the nominal suffix –Zor in the Tajik literary language referring to the XVIII and XX centuries / B. P. Ashrapov // Herald of Daghestan Scientific Center. – 2023. – № 90. – P. 104-107. – DOI 10.31029/vestdnc90/13. – EDN KVEPFR.
6. Rozi Shamsi Kays. Al-muҷam: muallifi sarsukhanu tavzehot va gozirkunandai chop U. Toirov. Dushanbe: Adib, 1991. – 463 p.
7. Abdulloeva Z.S. Naqshi peshvandi ismsoz dar zukuri vozhahoi sermano dar osori Nizomii Gankavi // Nomai donishgoҳ. Silsilai ilmhoi humanitariani va homeashinosi. 2017. – № 4 (53). – P. 210-215.
8. Livshits V.A. On the internal laws of development of the Tajik language // News of the UN Academy of Sciences of the Tajik SSR. 1954. – Issue. 5. – P. 87-102.
9. Khalimov S. Kalimasozii ism dar zaboni adabii tohik az ruyi zaboni “Guliston”-i Sadi // Masalaҳoi zabon va adabiyot. 1975. – Vol. 2. – P. 283-307.
10. Bobomurodov Sh. Lugati mukhtasari kalimasozii zabonii adabii tojik. Dasturi talim. – Dushanbe: Maorif, 1983. – 120 p.
11. Ma’sumi N. Essay on id ba inkishofi zaboni adabii tok / N. Ma’sumi. – Stalinobod: Nashriyoti davlatii Tokikiston, 1959. – 385 p.
12. Kalonova M.D. Structural-Semantic Analysis of the Word Formation of Nominal Parts of Speech (Noun and Adjective) in the Poetry of Hafiz Shirazi: Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences: 10.02.22 / M.D. Kalonova. – Dushanbe, 2017. – 175 p.

Бажутова М.А.
Магистр факультета иностранных языков. Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева.

Чубарова Ю.Е.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода. Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева.

Орлова Т.А.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков 2 отделение языковой подготовки ОАФ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Резепова Н.В.
Доцент кафедры русского и иностранного языков, Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова (ВГИК), Российский государственный геологоразведочный университет имени С. Орджоникидзе.

Фонетическая интерференция в англоязычной речи русских студентов: экспериментальный анализ сегментных и просодических ошибок и их перцептивная значимость*

Аннотация. В статье рассматривается проблема фонетической интерференции русского языка в английской речи русскоязычных студентов. Анализируются основные типы интерференции на сегментном уровне (согласные и гласные фонемы) и суперсегментном уровне (интонация, ударение) с опорой на различные классификации. Особое внимание уделяется влиянию фонетических ошибок на понимание речи и коммуникацию в целом, переносу произносительных навыков родного языка, усугублению интерференции из-за отсутствия аутентичной языковой среды. На основе анализа научной литературы и экспериментальных данных выделены наиболее типичные отклонения от произносительных норм английского языка, такие как замена межзубных звуков [θ] и [ð], звука [w] и носового [ŋ], оглушение конечных звонких согласных, неспособность различать долгие и краткие гласные, а также интонационные ошибки в вопросах, просьбах и этикетных фразах. В работе раскрывается понятие звукосмысловых ошибок, которые ведут к искажению содержания высказывания и нарушению акта коммуникации. Уделено внимание достижению «удобопонимаемости» речи. Предлагаются практические рекоменда-

* © Бажутова М.А., Чубарова Ю.Е., Орлова Т.А., Резепова Н.В., 2026.

ции по преодолению фонетической интерференции в процессе обучения английскому языку.

Ключевые слова: русскоязычные студенты, английское произношение, звукосмысловые ошибки, понимание речи, межкультурная коммуникация, неконтактное двуязычие.

Bazhutova M.A.
Master's student, Faculty of Foreign Languages, National Research Mordovia State University.

Chubarova Yu.E.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Speech Theory and Translation, National Research Mordovia State University.

Orlova T.A.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Rezepova N.V.
Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages, Gerasimov Institute of Cinematography; Sergo Ordzhonikidze Russian State Geological Prospecting University.

Phonetic interference in the English speech of Russian-speaking students: an experimental study of segmental and prosodic errors and their perceptual significance

Abstract. The article examines the problem of phonetic interference from Russian in the English speech of Russian-speaking students. The main types of interference are analyzed at the segmental level (consonant and vowel phonemes) and suprasegmental level (intonation, stress) drawing on various classifications. Particular attention is devoted to the impact of phonetic errors on speech comprehension and communication in general, to the transfer of native-language pronunciation habits, and to the aggravation of interference due to the absence of an authentic language environment. Drawing on an analysis of scholarly literature and experimental data, the study identifies the most typical deviations from English pronunciation norms, including substitutions of interdental sounds [θ] and [ð], the sound [w], and the nasal [ŋ]; devoicing of word-final voiced consonants; inability to distinguish long and short vowels; and intonational errors in questions, requests, and

formulaic polite phrases. The paper elucidates the concept of phonolexical (phonological) errors, which distort utterance meaning and disrupt the communicative act. Attention is also paid to achieving "comprehensibility" of speech. Practical recommendations are proposed for overcoming phonetic interference in English language instruction.

Key words: Russian-speaking students, English pronunciation, phonolexical errors, speech comprehension, intercultural communication, non-contact bilingualism.

Introduction

In the context of globalization and expanding intercultural contacts, the ability to convey meaning accurately in English acquires particular significance; however, the acquisition of pronunciation is complicated by the effect of language interference [7, p. 171].

Phonetic interference implies the distortion of norms of the second language system due to the intersection in the individual's consciousness of the phonetic structures of the native and target languages [2, p. 1]. This manifests in the fact that language learners subconsciously substitute unfamiliar sounds of the foreign language with equivalents from their native speech, thereby imparting to them a foreign articulatory coloring. At the same time, students often fail to recognize such substitution [7, p. 172]. The mechanism of interference emergence is linked to the fact that the bilingual's auditory system is attuned to the native language: the individual perceives sounds of two systems, registering only their similarities while ignoring their differences [4, p. 42].

The key factor in phonetic interference in the English speech of Russian-speaking students is the fundamental typological discrepancies between the phonological structures of English and Russian, aggravated by the non-contact method of instruction, in which learners lack regular immersion in a natural language environment [6, p. 150]. Phonetic deviations from the target standard, distorting the acoustic shell of words, manifest particularly prominently, causing significant difficulties and provoking high communicative barriers [5, p. 171].

The aim of the present study is to identify the main types of phonetic interference from Russian in the English speech of Russian-speaking students and to determine the degree of their influence on comprehension in the process of intercultural communication.

To achieve this aim, the following objectives are set:

- to elucidate the essence of the concept of phonetic interference and characterize its main types as applicable to Russian-English bilingualism;
- to identify typological differences between the phonological systems of Russian and English that create a potential field for interference;
- to analyze, using concrete examples, the most typical deviations from English pronunciation norms at the segmental (consonant and vowel phonemes)

and suprasegmental (intonation) levels;

• to determine the nature of the influence of phonetic interference on semantic perception of speech and communication in general.

The research method employed is a comparative-contrastive analysis of the phonetic systems of Russian and English, along with an analysis of specific cases of deviations from pronunciation norms.

The practical significance of the work lies in the possibility of using the obtained results in teaching English for predicting, preventing, and correcting typical pronunciation errors caused by interference.

The theoretical part of the work is supported by the results of empirical research conducted by the authors at the Department of Foreign Languages at Mordovia State University. The experiment involved 2nd–4th year students (aged 19 to 22) studying English as their first foreign language and possessing proficiency at levels B1–B2.

The empirical base of the study comprised three types of speech samples: 1) reading a list of isolated words and sentences containing phonemes relevant to Russian-English interference; 2) reading dialogic fragments modeling communicative situations of requests and various interrogative constructions; 3) an unprepared monologue on a given topic (lasting 1.5–2 minutes).

In total, 1200 realizations of consonants, 800 realizations of vowels, and 180 intonation contours were recorded and analyzed. The recordings were evaluated by English phonetics instructors with experience in teaching pronunciation, and additionally underwent selective acoustic analysis (measurement of vowel duration and fundamental frequency). Statistical processing was conducted by calculating the proportion of errors of each type relative to the total number of corresponding realizations.

Main Body

Phonetic interference represents a distortion or deviation from the norms of the secondary language system, provoked by the confrontation in the individual's speech consciousness of the phonological systems of the native and foreign languages [2, p. 171]. This phenomenon manifests in the superimposition of pronunciation skills developed on the basis of the contacting systems, and affects both the production of oral utterances and their auditory perception.

The key factor provoking the emergence of phonetic interference in the English speech of students with a Russian linguistic background is the typological discrepancies between the phonological structure of Russian and English. Any discrepancy between two language systems is capable of acting as a trigger for interference, regardless of which system was acquired first [5, p. 172]. In conditions of non-contact bilingualism, learners acquire pronunciation primarily in classroom settings [5, p. 171; 10].

A significant role in the emergence of interference is played by the subconscious belief in the identity of the patterns of the native and target languages [1, p. 2]. The auditory system of a bilingual is oriented toward the native language, so it grasps only coinciding elements and fails to register discrepancies between them [6, p. 42]. Students automatically replace unfamiliar acoustic patterns with familiar ones from their native language [5, p. 172]. As L.V. Shcherba noted, we inevitably substitute similar Russian sounds for foreign ones, since at first glance there is no practical reason to pay attention to the differences [5, p. 173].

U. Weinreich identified four types of manifestation of interference [2, p. 172]. The first type is underdifferentiation, i.e., incomplete differentiation of phonemes of the secondary language system. This accounts for about 77% of cases of deviations from pronunciation norms in the realization of English consonants, and manifests in the confusion of phonemes of Russian and English [4, p. 151–152]. The second type is overdifferentiation, which consists of transferring distinctions that are important in the native language to the target language, where these distinctions are not relevant. The third type is reinterpretation, the essence of which amounts to a regrouping of the distinctive features of phonemes belonging to the secondary language system. The fourth type is substitution, which implies the replacement of sound units of the acquired language with articulatorily close analogues from the native language, with irrelevant features of phonemes not being taken into account [2, p. 172].

It is fundamentally important to emphasize that underdifferentiation, overdifferentiation, and reinterpretation affect the distinctive features of phonemes, whereas substitution encompasses those cases of violation that pertain to the level of integral features [2, p. 172].

L.V. Shcherba divided pronunciation errors into articulatory (phonetic) errors, which merely create an accent without affecting meaning, and phonolexical (phonological) errors, which lead to distortion of content [2, p. 175]. E.A. Bryzgunova added mixed-type errors, generated simultaneously by discrepancies in the articulatory base and differences in the phonological structure of the contacting languages [2, p. 176].

Phonetic interference is capable of affecting various linguistic levels. In particular, a distinction is made between the segmental level, which includes vowel and consonant phonemes, and the suprasegmental, or prosodic, level, which unites such phenomena as stress, rhythmic structure, and intonation [4, p. 151]. Interference at the intonational level represents the transfer of intonational patterns of the native language to the prosodic system of the target language, which can result in serious communication breakdowns [3, p. 112].

In terms of direction, a distinction is made between impressionistic interference (in perception) and expressive interference (in production) [1, p. 2]. Impressionistic interference is directly linked to comprehension, since the lis-

tener involuntarily projects phonetic features of the native language onto the perceived material, which can lead to erroneous word recognition and distortion of meaning.

At the level of consonant phonemes, underdifferentiation is the most frequent: students replace English sounds with similar Russian ones [4, p. 151]. Thus, the interdental [θ] and [ð] are regularly substituted by [s], [t], [z], or [d]. For example, *think* [θɪŋk] ('to think') may sound like *sink* [sɪŋk] ('to sink'), and *there* [ðeə] ('there') as *dare* [deə] ('to dare') [4, p. 151]. The phoneme [w] is replaced by the sound [v], for example, *wine* [waɪn] – *vine* [vaɪn] [7, p. 982], and the velar nasal [ŋ] by the sound [n]: *sing* [sɪŋ] – *sin* [sɪn] [4, p. 151]. Also characteristic is the devoicing of word-final voiced consonants, as a result of which *bad* [bæd] ('bad') is perceived as *bat* [bæt] ('bat'), and *and* [ænd] ('and') as *ant* [ænt] ('ant') [4, p. 152].

In addition, English voiceless consonants [p, t, k] are pronounced without aspiration; palatalization of consonants before front vowels is also observed, for example, in the words *tea*, *pencil*; and apical sounds are replaced by dorsal ones [6, p. 42].

Interference at the level of vowel phonemes is rooted in the fact that vowel length and shortness do not perform a distinctive function in Russian, whereas in English this is a differential feature. Learners substitute both phonemes with a single Russian vowel [5, p. 172]. For example, the failure to distinguish [iː] and [ɪ] turns *sheep* ('sheep') into *ship* ('ship'), and *lead* [liːd] ('to lead') into *lid* [lɪd] ('lid'). The confusion of [ɑː] and [ʌ] leads to *heart* [hɑːt] ('heart') sounding like *hut* [hʌt] ('hut, shanty'). Particular difficulty is presented by "similar" sounds: the substitution of [æ] with [e] creates pairs: *pan* [pæn] ('pan') – *pen* [pen] ('pen'), *bad* [bæd] ('bad') – *bed* [bed] ('bed') [5, p. 172–173]. Substitution of diphthongs with monophthongs (e.g., [e] instead of [eɪ]) and the appearance of the sound [ɨ] in words ending in *-ing* are also observed [6, p. 42–43].

At the prosodic level, interference manifests in the superimposition of the intonational systems of the native language onto the target language. In English, categorical statements, commands, and wh-questions are accompanied by a falling tone, while requests and yes/no questions are accompanied by a rising tone. Russian has seven types of intonational constructions, with the same construction capable of serving different communicative purposes [3, p. 114]. The zones of greatest risk are requests, yes/no and tag questions, and politeness formulas. Experimental data show that the similarity of the intonation of requests to the RP standard is only 34% [3, p. 117]. In English, the request *Come here, will you* is pronounced with a high level tone followed by a low rising tone, whereas the Russian analogue has a rising-falling tone [3, p. 116]. Incorrect intonation may be perceived by native speakers as a command or rudeness.

The research shows that native speakers are fairly tolerant of grammatical

errors, whereas a distorted intonation pattern is often perceived as a manifestation of unfriendliness or irritation on the part of the interlocutor [3, p. 112]. As early as 1924, H.E. Palmer noted that foreign accent is largely created precisely by intonational disruptions, which seriously impede comprehension [3, p. 112]. S.G. Ter-Minasova emphasizes that errors in cultural code and intonational miscalculations produce a much more negative impression than grammatical deficiencies [3, p. 113].

The authors' empirical research confirmed the described tendencies. At the segmental level, underdifferentiation accounted for 74% of all errors in the realization of consonants. Substitution of interdental phonemes was recorded in 68% of cases, replacement of [w] with [v] in 61%, substitution of [ŋ] with the combination [ng] or the sound [n] in 81%, and devoicing of word-final voiced consonants in 45%. Among vowels, confusion of the oppositions [ɔ:] – [ɒ] reached 67%, [ɑ:] – [ʌ] – 64%, and [æ] and [e] – 58%. At the suprasegmental level, the similarity of the intonation contour of yes/no questions to RP was 48%, tag questions – 44%, and requests – only 29%. Moreover, 60% of requests were assessed by experts as commands or neutral statements, confirming the risk of communication breakdown.

In linguistic literature, one sometimes encounters the opinion that phonetic errors are not as important as grammatical ones and are quite permissible in the speech of language learners. However, such a view is erroneous [2, p. 172]. L.V. Shcherba quite justifiably pointed out that errors in sound production are no less harmful than errors in gender or case forms, and often surpass them [7, p. 979]. Phonetically defective speech requires significant additional effort from the listener, reducing the communicative motivation of both parties [2, p. 174].

G.P. Torsuev proposed and developed the concept of "comprehensibility" – the phonetic organization of speech in which the listener is fully focused on the content, without being distracted by the sound form [3, p. 113]. Achieving this level of pronunciation is an important task, since phonetically incorrect speech distracts from content and reduces interest in communication [2, p. 174; 9]. This is precisely why work on overcoming phonetic interference and forming correct pronunciation is of such importance in the process of teaching English.

Conclusion

The conducted analysis allows for a number of conclusions regarding the main types of phonetic interference from Russian in the English speech of Russian-speaking students and its influence on comprehension.

At the segmental level, the dominant type of interference is underdifferentiation, which, according to the literature, accounts for about 77% of all deviations from pronunciation norms and was confirmed in the authors' own experiment (74%). The most problematic areas for students are the interdental sounds [θ]

and [ð], which are replaced by Russian [s], [t], [z], or [d]. Significant difficulties are also caused by the bilabial sound [w], absent in Russian, and the nasal [ŋ], which students tend to replace with the familiar [n]. Another common problem is associated with the devoicing of word-final voiced consonants, which is a direct transfer of Russian pronunciation rules. At the vowel level, the main difficulty lies in the absence in Russian of the opposition of long and short vowels, which leads to the leveling of this distinctive feature. Particular attention should also be paid to the similar vowels [æ] and [e], which students often confuse.

At the suprasegmental level, the most vulnerable are yes/no and tag questions, requests, as well as politeness formulas – farewells, apologies, expressions of gratitude. It is precisely in these types of sentences that intonational interference manifests most prominently, as evidenced by the low indicators of similarity to the standard pronunciation both in the work of other researchers (34% for requests according to A.I. Nikolaev and I.T. Artemyev) and in our experiment (29%).

As regards the influence on comprehension, the greatest communicative damage is caused by phonolexical, or phonological, errors, which lead to a change in word meaning. It is precisely such errors that turn *think* into *sink*, *sheep* into *ship*, *bad* into *bat*, completely distorting the meaning of the utterance. No less serious consequences are associated with intonational errors, which are capable of changing the communicative purpose of the utterance: a request may be perceived as a command, and a greeting as a farewell. Intonational errors are assessed by native speakers much more strictly than grammatical ones, since they are perceived not as a linguistic inaccuracy, but as a manifestation of a negative attitude on the part of the interlocutor.

To overcome phonetic interference, a number of practical recommendations can be proposed. First and foremost, it is necessary to systematically incorporate phonetic difficulties into communicative exercises in language classes, without limiting work on pronunciation only to the initial stage of instruction. An important role is played by the conscious analysis of differences between the phonological systems of the native and target languages – understanding precisely how English sounds differ from Russian ones helps students consciously control their pronunciation. At the initial stages, the use of sound analogies can be effective: for example, the sound [æ] can be explained through the Russian “myau” (meow), and [θ] through a sibilant sound.

Thus, phonetic interference represents a serious obstacle to successful communication in English. However, understanding its mechanisms, knowledge of the most typical zones of risk, and targeted work on overcoming errors make it possible to significantly improve the quality of pronunciation and make speech more comprehensible to native speakers.

Библиографический список / Reference

1. Baryshnikova, Yu.V., Emets, T.V., Vtorushina, Yu.L. (2018). Sistema raboty po predotvrashcheniyu interferentsii rodnogo yazyka pri obuchenii angliyskomu yazyku studentov-bakalavrov pedagogicheskogo napravleniya [System of work on preventing native language interference in teaching English to bachelor's students of pedagogical direction]. Perspektivy nauki i obrazovaniya [Prospects of Science and Education], 6(36), 173–181.
2. Budnik, E.A. (2012). Foneticheskaya interferentsiya i inostrannyy aktsent pri obuchenii russkomu proiznosheniyu [Phonetic interference and foreign accent in teaching Russian pronunciation]. Metodika prepodavaniya yazyka [Language Teaching Methodology], 3(36), 1–9.
3. Nikolaev, A.I., Artemyev, I.T. (2011). Interferentsiya na urovne intonatsii v kommunikativnykh tipakh predlozheniya v situatsii iskusstvennogo mnogoyazychiya [Interference at the level of intonation in communicative types of sentences in the situation of artificial multilingualism]. Vestnik SVFU [Bulletin of NEFU], 8(4), 111–118.
4. Antonyuk, E.Yu., Balykina, G.A., Biryulin, I.V., et al. (2024). Sotsiokul'turnye i lingvokommunikativnye praktiki sovremennoy Rossii [Sociocultural and Linguocommunicative Practices of Modern Russia]. Saratov: RANEPA.
5. Orlova, T.A., Chubarova, Yu.E., Rezepova, N.V. (2023). Korrelyatsiya neverbal'nykh i verbal'nykh kommunikativnykh kodov v angloyazychnom prozaicheskom tekste [Correlation of non-verbal and verbal communicative codes in English prose text]. Vlast' istorii i istoriya vlasti [The Power of History – The History of Power], 9(3(45)), 33–40.
6. Tregubova, Yu.A. (2017). Interferentsiya soglasnykh fonem v angliyskoy rechi russkikh bilingvov [Interference of consonant phonemes in the English speech of Russian bilinguals]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 5(71-2), 150–152.
7. Tregubova, Yu.A. (2016). Otkloneniya ot proiznositel'nykh norm angliyskogo yazyka vsledstvie foneticheskoy interferentsii v angliyskoy rechi russkikh uchashchikhsya [Deviations from English pronunciation norms due to phonetic interference in the English speech of Russian learners]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 6(60-1), 171–173.
8. Uvarova, T.P. (2002). K voprosu o foneticheskoy interferentsii ili kak govorit' po-angliyski bez russkogo aktsenta [On the question of phonetic interference or how to speak English without a Russian accent]. Vestnik MGUL. Lesnoy vestnik [MSFU Bulletin. Forest Bulletin], 42–44.
9. Filippov, M.A., Rekunov, A.K., Kushnaryova, T.V. (2025). Rol' interferentsii v izuchenii angliyskogo yazyka kak inostrannogo [The role of interference in learning English as a foreign language]. Vestnik nauki [Bulletin of Science], 5(86-3), 978–991.
10. Chubarova, Yu.E. (2007). Rol' diskursivnykh elementov v formirovanii institutsional'nogo kharaktera uchebno-nauchnogo diskursa [The role of discursive elements in shaping the institutional character of educational-scientific discourse]. Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena [Bulletin of Herzen Russian State Pedagogical University], 20(49), 393–396.
11. Chubarova, Yu.E. (2016). Formirovanie sotsiokul'turnoy kompetentsii kak osnovy mezhkul'turnogo obshcheniya studentov v usloviyakh dialoga kul'tur [Formation of sociocultural competence as a basis for intercultural communication of students in the context of dialogue of cultures]. In: Gumanitarnoe znanie: osobennosti, istoricheskie i sovremennye problemy [Humanities Knowledge: Features, Historical and Contemporary Problems]. Nizhny Novgorod: Professional Science, 36–45.
12. Agafonova, M., Starozhuk, A. (2022). Manifestation of Phonetic Interference in the Speech of Students Learning German as a Second Foreign Language. In: Z. Anikina (Ed.), Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Intercultural Perspectives. Cham: Springer, 545–552.
13. Chubarova, Yu.E., Orlova, T.A., Rezepova, N.V. (2024). Lack of mediation competencies as a destructive risk factor in the process of teaching a foreign language. The Power of History – The History of Power, 10(2(52)), 86–94.
14. Gnevsheva, K. (2020). Topic affects perception of degree of foreign accent in a non-dominant language. Linguistics, 58(1), 101–121.
15. Gutierrez-Mangado, M.J., Martínez-Adrián, M., Gallardo-del-Puerto, F. (Eds.) (2020). Cross-Linguistic Influence: From Empirical Evidence to Classroom Practice. Cham: Springer. (Second Language Learning and Teaching).
16. Lin, K. (2020). Perceptions and Social Implications of Non-Native Accents in Russia. Columbus: The Ohio State University.
17. Lukyanchenko, A., Gor, K. (2020). Perception of Russian Speech in Noise by Heritage Speakers and Late L2 Learners of Russian. Frontiers in Psychology, 11, 1–18.
18. Roon, K.D., Kang, J., Whalen, D.H. (2020). Effects of Ultrasound Familiarization on Production and Perception of Nonnative Contrasts. Phonetica, 77(5), 350–393.

Ваджибов М.Д.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала. SPIN-код: 8032-4534 / ORCID: 0009-0002-6450-0357

Русские заимствования в повести табасаранского писателя Шахвеледа Шахмарданова «Грушевое дерево»*

Аннотация. Целью исследования является описание заимствований из русского языка, которые были использованы табасаранским писателем Шахведедом Шахмардановым в своей повести «Грушевое дерево», написанной в 80-е годы XX столетия. В анализе в сравнительно-сопоставительном плане применены и лексемы, не представленные в повести. Новизна такой работы заключается в том, что она проводится впервые, а актуальность связана с тем, что результаты научного изыскания могут быть внедрены в преподавательскую деятельность и задействованы при составлении словарей. В подготовленном нами перечне наличествуют русизмы: 20 существительных, одно прилагательное и два глагола. К этим лексемам, которые проникли в табасаранский язык и обогатили его, активно обращались носители табасаранского языка в советский период. Правда, рецепция некоторых рассматриваемых слов, очевидно, происходила не в период создания произведения, ибо несколько заимствований, использованных в повести, вероятно, подверглись адаптации еще до появления повести. Употребленные в произведении русизмы реализуются в табасаранской речи и сегодня. Возможно, ряд слов из списка исчезнет из табасаранского языка в силу тех или иных причин.

Ключевые слова: русизмы, табасаранский язык, русский язык, художественная речь, заимствование, адаптация, лингвистические процессы, употребление, обогащение, лексема.

Vadzhibov M.D.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Methodology of Teaching Russian Language and Literature, Dagestan State University, Makhachkala. SPIN-code: 8032-4534 / ORCID: 0009-0002-6450-0357

Russian loanwords in the novella “The pear tree” by Tabasaran writer Shakhveled Shakhmardanov

* © Ваджибов М.Д., 2026.

Abstract. The aim of this study is to describe the Russian loanwords used by the Tabasaran writer Shakhveled Shakhmardanov in his novella "The Pear Tree", written in the 1980s. The comparative analysis also incorporates lexical items not found in the novella itself. The novelty of this work lies in the fact that it is being conducted for the first time, while its relevance stems from the potential to incorporate the research findings into teaching practice and utilize them in dictionary compilation. The list we have compiled includes the following Russian loanwords: 20 nouns, one adjective, and two verbs. These loanwords, which entered and enriched the Tabasaran language, were actively used by Tabasaran speakers during the Soviet era. However, the adoption of some of the words in question evidently predated the writing of the novella, as several of the borrowed terms likely underwent adaptation before the work appeared. The Russian loanwords used in the novella remain in use in Tabasaran speech today. It is possible, however, that some words on the list may eventually disappear from the Tabasaran language for various reasons.

Key words: Russianisms, Tabasaran language, Russian language, literary speech, borrowing, adaptation, linguistic processes, usage, enrichment, lexeme.

Табасаранский язык постоянно заимствует иноязычные слова, а в настоящее время обогащается благодаря русскому языку, с помощью которого в автохтонных языках Дагестана появляются новые слова. В своем исследовании в первую очередь мы описываем лексемы, заимствованные только из русского языка и использованные в повести Шахведеда Шахмарданова «Жихрин гьар» «Грушевое дерево» [1, С. 3-119], написанной в 80-е годы XX столетия. Оговоримся, что при необходимости мы обращаемся и к другим лексемам, которые не представлены в произведении.

В последние два столетия табасаранский язык в основном заимствовал слова из русского языка или через его посредство [2, С. 27]. Если сегодня русизмы проникают в дагестанские языки через электронные средства и среду общения, то во времена создания повести русскую лексику табасаранский язык приобретал «*через письменную речь* (*художественную литературу, СМИ: печатные – газеты и журналы; электронные – телевидение и радио и т.д.*)» [3, С. 337]. А ученый, профессор Г.Г. Буржунов писал о том, что к началу 80-х годов XX столетия русизмы составляют более 11 % лексики не только собственно табасаранского языка, но и других дагестанских языков [4, С. 56]. Такому обогащению способствовала и местная художественная речь на национальных языках. В ней часто начали использовать русизмы в связи со сложившейся ситуацией: реалии того советского периода развития общества, на наш взгляд, подсказывали важность употребления рассматриваемых заимствований в этнической литературе.

В повести «Грушевое дерево» на табасаранском языке писатель Ш. Шахмарданов обращался к русизмам, учитывая те или иные описываемые обстоятельства. Это не означает, что в указанном выше художественном

произведении не использованы слова из других языков, в том числе из восточных и европейских. Таких слов в тексте предостаточно, ср.: греческое *метр* [5, С. 391], латинское *август* [6, С. 14], французское *кило* [7, С. 227], персидское *кюмек* «помощь» [8, С. 43)], тюркское *кюмюр* «уголь» [8, С. 43], арабское *мирас* «родственник по отцовской линии» [9, С. 79] и др. Если европеизмы, по всей вероятности, проникали в дагестанские языки через посредство русского языка, то ориентализмы в местных автохтонных языках, очевидно, появлялись еще задолго до установления связей с русской культурой. При этом русскими лексемами автор пользовался при условии, что в родном языке отсутствовали подходящие аналоги или же в табасаранском языке эти иноязычные словарные единицы активно использовались в 80-е годы XX столетия, а сегодня реализуются повсеместно. Даем перечень русизмов в начальных формах: *ведро, вертолет, власть, завал, заведующий, заряд, лопата, отпуск, платье* (в значении одежда), *пожарник, пожарный, правление, председатель, склад, совет, стол, указание, участок, часть, четверть, член*. Большинство лексем из этого перечня проникли в кавказские языки в так называемый советский период, ср.: *совет, правление, отпуск, пожарник, пожарник* и др.

Излагаем и частотность употребления данного выше списка русизмов, указывая в скобках их словоформы в художественном тексте, ср.: *председатель* (председатель «им.п.» (2 раза), председатели «акт.п.» (2 раза), председателин «род.п.», пирсидатил «обращение в речи персонажа») – 6, *совет* (совет «прил.» (5 раз), совет «сущ.») – 6, *платье* (палат «ед.ч.», палтар «мн.ч.» (74, 100 – 2 раза)) – 3, *правление* (правлениейин «род.п.» (2 раза), правлениейи «акт.п.») – 3, *завал* (завал, завалин «род.п.» - 2, *член* (член, членари «акт.п, мн.ч.») – 2, *стол* (столиъ «буквально: о стол», на стол) – 1, *ведро* (бедре) – 1, *вертолет* (вертолетар «вертолеты») – 1, *власть* (властдин «род.п.») – 1, *заведующий* (заведиш) – 1, *заряд* (зарядар «заряды») – 1, *лопата* (лапатка) – 1, *отпуск* (отпускайин «род.п.») – 1, *пожарник* (пожарникар «пожарники») – 1, *пожарный* (пожарный) – 1, *склад* (складарик «дат п., мн.ч.») – 1, *указание* (указанийра «указания») – 1, *участок* (участок) – 1, *часть* (частар «части») – 1, *четверть* (четвер) – 1.

Некоторые из этих слов подверглись фонетическим изменениям. В научной литературе отмечено: «*Больше всего подвергается изменениям фонетическая (звуковая) сторона русского заимствования, потому что фонетическая система заимствующего табасаранского языка значительно расходится с фонетико-фонологической системой русского языка*» [10, С. 125].

Из этого небольшого списка заимствований полностью адаптированными к живым законам табасаранского языка являются следующие лексические единицы: «*четверть» «четверть» → четвер, заведующий» → заведиш,*

«председатель» → «пирсидатил, «ведро» → бедре, «лопата» → лапатка́, «платье» → пала́т. Возможно, некоторые изменения имели место до периода написания рассмат-риваемого прозаического произведения.

В лексемах *четвер, заведиш* и *палат* произошла утрата последних звуков в результате приспособления русизмов к фонетической системе табасаранского языка, а в существительном *пирсидатил*, употребленном в речи персонажа, имеет место ряд лингвистических процессов, которые привели к такому звучанию:

1) выпадение звука Т (Д Т перед глухим);

2) перестановка согласного Р и последующего за ним гласного, подвергшегося изменениям;

3) замена всех гласных **Е** во всех положениях звуком **И**;

4) чередование мягкого сонорного Л твердым того же способа и места образования.

Слово *палат* образовалось от русского *платье* «одежда», что первоначально означало кусок материи [11, С. 271]. Для табасаранского языка не характерно стечение согласных в анлауте слова, что способствовало появлению гласного **А** между консонантами **П** и **Л**. Вероятно, повторение корневого гласного связано с законом сингармонизма.

Переход **В** в **Б**, **О** в **Е** в лексеме бедре «ведро» и появление **К** в слове *лапатка* «лопата», возможно, являются спорадическими историческими явлениями. Что касается перехода русского безударного **О** в гласный звук **А** в табасаранском в словарной единице *лапатка* «лопата», очевидно, мотивировано тем, что в табасаранский язык вначале проникали слова так, как они произносились в русском языке, затем происходили звуковые процессы. Важно отметить, в что табасаранском языке в слове ударение обычно падает на последний слог основы. Видимо, поэтому ударным в лексеме *лапатка* является последний гласный.

Лексему *член* в живой речи табасаранцев в настоящее время обычно произносится как ***чӀйла́н*** с кратким гласным между согласными в анлауте, что объясняется отсутствием в начале табасаранского слова стечения согласных **Ч** и **Л**.

В художественном тексте прослеживается образование на табасаранском языке нового слова благодаря заимствованию из итальянского языка посредством русского языка. Так, слово *фашиствал*, которое означает фашизм [7, С. 521], скорее мы должны рассматривать как авторский неологизм, который сгенерирован по аналогии: суффикс –вал, встречающийся в лезгинских языках, имеет обычно такое же значение, что и интернациональный суффикс –изм или же русские суффиксы –б, - ость, -ств, ср.: *дуствал* «дружба», *адми-вал* «человечность», *кӀубан-вал* «смелость», *угъри-вал* «воровство» и др.

Лексема *совет*, использованная в повести, в синтагме может выступать в роли существительного и прилагательного. В словосочетаниях частеречная принадлежность определяется в зависимости от того, какое место в них занимают те или иные слова: прилагательное стоит на первом месте, а существительное – на втором. В четырех примерах *совет халкь* «советский народ», *совет мектеб* «советская школа», *совет власть* «советская власть», *совет гьюкум* «советская власть» перед нами фигурирует прилагательное, потому что в словосочетании оно занимает препозицию и не изменяется. Повторяем: в таких синтагмах прилагательные не склоняются. В сочетании *гъулан совет*, естественно, *совет* стоит в постпозиции и поэтому является существительным и изменяется. В тексте прослеживаем возникновение омонимичной пары в табасаранском языке вследствие заимствования. Кстати, в табасаранских селах до недавнего времени использовали слово *сельсовет*, то есть сельский совет, как было принято в Советском Союзе. До сих пор в устной коммуникации вместо понятия *администрация* произносят «селсовет» с немягким Л, т.к. в табасаранском языке отсутствует категория мягкости-твердости. Очевидно, судьба данной аббревиатуры такова: вероятно, она исчезнет из табасаранского языка. Такой же участи, возможно, ожидает и слово *колхоз*.

Слово *совет* дважды продемонстрировано в поэтической речи в роли прилагательного (*совет мектеб* «советская школа»), а остальные русизмы мы находим в основном в повествовании героя-подростка, от 1 лица которого велся рассказ, и реже в речах персонажей (*четвер, пирсидатил, палтар* и др.).

Следует отметить, что, возможно, лексема *совет* в значении «орган, власть» исчезнет из табасаранского языка, как и аббревиатуры «сельсовет» и «колхоз», и превратится в историзм, но лексема *совет* в значении «рекомендация, наставление» в языке сохранится. В табасаранской живой речи и сегодня имеет место широкое употребление понятия *совет*.

Автор использовал синонимичные выражения: *совет гьюкум* и *совет власть*. Если в первом случае существительное *гьюкум* является заимствованием из арабского языка и означает «приказание, повеление, правительство» [8, С. 26], а прилагательное *совет* русизмом, то во втором словосочетании оба слова по происхождению являются русскими. Кстати, в современной устной коммуникации табасаранцев вместо сочетание *совет власть* используется более популярное сочетание *советарин власть*, что и означает советскую власть. При этом в слове *власть* последний звук обычно произносят не мягко. Констатируем также, что в тексте представлено еще одно словосочетание, в котором оба слова являются русизмами: *правлениейин член* «член правления».

Русский глагол *мешать* в повести реализован в семи разных анали-

тических глагольных формах, состоящих из основной и вспомогательной частей, ср.: *машат гъапIнуш* «если помешал», *машат апIурдар* «не будет мешать», *машат апIури* «мешая», *машат апIуз* «мешать», *машат апIурайибра* «буквально: то, что мешал», *машат апIурайи* «мешал», *машат апIура* «мешает». При этом интересно то, что эти формы употреблены только единично и не повторяются.

Глагол *пьянеть* или *пьянить,* трижды использованный в повести также аналитически, выглядит следующим образом, ср.: *пиян духънайир* «опьяненный, выпивший, пьяный», *пиянди гъюри* «когда шел пьяный, когда видел, что идет пьяный», *пиянди айиганра* «когда пьяный». В табасаранском языке, как и в лезгинском, распространено употребление лексемы *пияниска* с отрицательной коннотацией, что является аналогом русского слова *пьяница*. Каким образом в дагестанских языках появилась данная лексическая единица, мы пока затрудняемся определить, хотя как бы видим суффиксальный показатель **–К** и конец слова, который похож на русское окончание **А**.

В повести представлено русское прилагательное *пожарный*, которое мы рассматриваем как в качестве неадаптированной к табасаранскому языку лексемы, ибо в нашем языке отсутствует звук Ы, ср.: *пожарный машинар* «пожарные машины». В тексте также прослеживается и обращение к другому заимствованию, этимологически являющемуся европеизмом, которое мы определяем в качестве русизма, т.к. данное слово образовалось суффиксальным способом. Это слово *квадратный* [1, С. 10] сантиметр, где перед нами предстает следующая деривация: латинизм *квадрат* [12, С. 316] + суффикс **Н** = *квадратный*. Если обычно табасаранская молодежь произносит в таких прилагательных звук Ы, как и в русском языке, то в речи старшего поколения табасаранцев мы не наблюдаем никакой рецепции: взрослые продолжают произносить И вместо Ы. Кстати, в специальном источнике читаем о том, что русизмы «*должны быть даны в орфографическом словаре табасаранского языка так, как они даются в орфографическом словаре русского языка*» [13, С. 129].

Билингвы, двуязычные табасаранцы, обычно русизмы произносят так, как в русском литературном языке. В их табасаранской речи наблюдаем наличие большого количества заимствований из русского языка. Не случайно в одной публикации изложена следующая мысль: ««*Устно-разговорная речь билингва-табасаранца, речь интеллигенции, особенно проживающей в городской местности, школьников и молодёжи, ученых, преподавателей вузов, учителей и врачей насыщена русизмами, в числе которых отдельные слова, русские словосочетания, вводные слова, кальки*» [14, С. 514]. Мы разделяем данную точку зрения. В тексте художественного произведения события в основном разворачиваются в сельской местности, где обычно

общаются на табасаранском языке.

Спорадически в повести использована однокоренная пара: прилагательное *пожарный* и существительное *пожарникар* «пожарники», где показатель –ар в существительном означает множественное число.

Все существительные-русизмы относятся к категории неразумных, кроме понятий *председатель* и *пожарник*, которые входят в класс разумных. Неразумные отвечают на вопрос *что*?, а разумные на вопрос кто? Фактически перед нами такая картина: в повести из русского языка автором применены 20 русизмов: 2 одушевленные и 18 неодушевленных существительных.

Большинство русизмов в повести подано так, как они употребляются в начальных формах в русском языке с добавлением или отсутствием табасаранских аффиксов, ср.: *завал*+ар «завалы», *заряд*+ар «заряды», *вертолет*+ар, *отпуск-айин* «род.п.», *правление-йи* (акт.п.), *участок*, *пожарный* и др.

Русизмами условно будем считать и те сложносокращенные слова, которые появились на русской почве и использовались автором повести: *завхоз, колхоз, райцентр* и др. Естественно, если в аббревиатуре *завхоз* «заведующий хозяйством» первая часть *зав* «заведующий» является исконно русской, а вторая часть *хоз* «хозяйством» – ориентализмом (← от хозяин) [11, С. 453], заимствованием из тюркских языков, то в примерах *колхоз* и *райцентр* обе части по происхождению представляют собой заимствования в самом русском языке: аббревиатура *колхоз* «коллективное хозяйство» образована путем соединения первых слогов латинизма *коллективное* [12, С. 331] и ориентализма *хозяйство*, а в сложносокращенном слове *райцентр*, употребленном в тексте два раза [1, С. 103] мы видим французское слово *район* [12, С. 548] и немецкую лексему *центр* [12, С. 743]. Помимо аббревиатуры «*райцентр*», автор параллельно употребил и сочетание «*райондин центр*». В данном сочетании произошла рецепция прилагательного в табасаранском языке, но оно полностью не адаптировалось к внутриязыковым правилам автохтонного языка, ибо в исконно табасаранской фонологии отсутствует фонема О. При этом мы не считаем русизмом прилагательное *райондин*, хотя в переводе означает «районный», которое образовалось путем русского суффикса -Н по законам русского языка. Возможно, эта грамматическая форма появилась путем калькирования или же способом аналогии, ср.: *йишвандин гъаравул* «ночной охранник», *Аьлдин багъ* «сад Али», *гъумшдин баяр* «дети соседа» и др. В тексте использованы аналогичные прилагательные в форме род.п., ср.: *властдин, колхоздин*.

В качестве русизмов рассматриваем и те единичные слова, которые образовались в русском языке от французских заимствований путем суф-

фикса –К, ср.: *этажерка* [7, С. 594], *командировка* [11, С. 158], *булушка* [11, С. 43]. Эти три слова в художественном тексте склоняются так же, как и другие табасаранские слова, ср.: *этажеркайигъян* саб китаб гъядабгъну [1, С. 27] «вытащив из этажерки одну книгу», *командировкайиъ* айи вахтна [1, С. 102] «во время командировки», *булушкайин* канчIар [1, С. 23] «подол (мн.ч.) платья», *булушкайин* канчIарихъинди жин апIуру [1, С. 55] «буквально: прятала за подол (мн.ч.) платья».

Таким образом, в повести «Грушевое дерево» задействованы следующие русские слова, которые активно использовались и используются в лексической системе табасаранского языка: 20 существительных, одно из которых в тексте выступает и как прилагательное, и как существительное (ср.: совет); прилагательное *пожарный*; 2 глагола: *мешать* и *пьянить* или *пьянеть* – оба глагола-русизма в табасаранской речи реализуются в роли составных частей аналитических форм глаголов. Кроме того, как русизмы мы рекомендуем воспринимать слова и аббревиатуры, образованные от европеизмов и ориентализмов на русской почве: *командировка, квадратный, колхоз, завхоз* и др. Естественно, посредством русизмов произошло в первую очередь обогащение табасаранской художественной речи. Мотивирована такая реализация прежде всего тем, что, очевидно, подходящие по смыслу к описываемым обстоятельствам слова в нашем языке не были представлены в период написания и издания указанного выше произведения.

Наше исследование, очевидно, представляет определенную ценность, поскольку его результаты могут быть внедрены в преподавание филологических дисциплин, а также в процесс создания орфографического, орфоэпического, нормативного, этимологического словарей табасаранского языки и двуязычного (русско-табасаранского или табасаранско-русского) словаря. Поэтому считаем работу актуальной, своевременной, и мы, естественно, достигли поставленной цели.

Библиографический список:

1. Шагьмарданов Ш. Жихрин гьар: Повесть ва ихтилатар / Ш. Шагьмарданов. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1988. – 160 с. (с. 3-119).
2. Ваджибов М.Д. Фонетическая адаптация в речи старшего поколения носителей межгюльского говора табасаранского языка заимствований из русского языка / М.Д. Ваджибов // Русский язык и культура в международном образовательном пространстве: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. – С. 25-36.
3. Ваджибов М.Д. Образование и функционирование омонимов в межгюльском говоре в условиях табасаранско-русского двуязычия / М.Д. Ваджибов // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 5 (96). – С. 336-339.
4. Буржунов Г.Г. Фонетическое освоение русских заимствований дагестанскими языками и его значение в развитии двуязычия / Г.Г. Буржунов // Русский язык и его влияние на развитие дагестанских языков. – Махачкала: ДФАН СССР, 1984. – С. 55-67.
5. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов / И.А. Васюкова. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 640 с.
6. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т. 1 – М.: Флинта: Наука, 2010. – 584 с.
7. Словарь иностранных слов. – 15-е изд., перераб. – М.: Рус.яз., 1988. – 608 с.

8. Алексеев М.Е., Загиров В.М. Школьный этимологический словарь табасаранского языка / М.Е. Алексеев, В.М. Загиров. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1992. – 96 с.
9. Краткий словарь исламского права. / Л.В. Карнаушенко, И.С. Кич, СА. Маркова-Мурашова (отв. ред.), ТВ. Фарой, И.М. Хилы. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007. – 133 с.
10. Загиров В.М., Сафаралиев Н.Э. Русские заимствования в табасаранском языке / В.М. Загиров, Н.Э. Сафаралиев. – М.: Издательство Akademia, 2011. – 200 с.
11. Свиридова М.Н. Этимологический словарь современного русского языка / М.Н. Свиридова. – М.: Аделант, 2014. – 512 с.
12. Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного языка / Т.В. Егорова. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
13. Сафаралиев Н.Э. Правописание русизмов в табасаранском языке / Н.Э. Сафаралиев // Взаимодействие языков и культур при изучении русского языка: опыт и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала, 2023. – С. 127-130.
14. Сафаралиев Н. Э. Об истории возникновения русских заимствований в табасаранском языке / Н.Э. Сафаралиев // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 5. – С. 512-515.

Reference

1. Shagmardanov Sh. Zhikhrin gyar: The Tale of Ikhtilatar / Sh. Shagmardanov. Shaghmardanov. – Makhachkala: Dagestan Book Publishers, 1988. – 160 p. (P. 3–119).
2. Vadzhibov M.D. Phonetic adaptation of Russian loanwords in the speech of the older generation of speakers of the Mezhgyul dialect of the Tabasaran language / M.D. Vadzhibov // Russian Language and Culture in the International Educational Space: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. – Ivanovo: Ivanovo State University, 2021. – P. 25-36.
3. Vadzhibov M.D. Formation and functioning of homonyms in the Mezhgyul dialect under conditions of Tabasaran-Russian bilingualism / M.D. Vadzhibov // World of Science, Culture, and Education. – 2022. – № 5 (96). – P. 336-339.
4. Burzhunov G.G. Phonetic assimilation of Russian loanwords by Dagestani languages and its significance for the development of bilingualism / G.G. Burzhunov // The Russian Language and Its Influence on the Development of Dagestani Languages. – Makhachkala: Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences, 1984. – P. 55-67.
5. Vasyukova I.A. Dictionary of Foreign Words / I.A. Vasyukova. – Moscow: AST-PRESS, 1999. – 640 p.
6. Etymological Dictionary of Modern Russian / Comp. A.K. Shaposhnikov: in 2 vols. Vol. 1 – Moscow: Flinta: Nauka, 2010. – 584 p.
7. Dictionary of Foreign Words. – 15th ed., revised. – Moscow: Russkiy Yazyk, 1988. – 608 p.
8. Alekseev M.E., Zagirov V.M. School Etymological Dictionary of the Tabasaran Language / M.E. Alekseev, V.M. Zagirov. – Makhachkala: Daguchpedgiz, 1992. – 96 p.
9. Concise Dictionary of Islamic Law / L.V. Karnaushenko, I.S. Kich, S.A. Markova-Murashova (exec. ed.), T.V. Faroy, I.M. Khily. – Krasnodar: Kuban State University, 2007. – 133 p.
10. Zagirov V.M., Safaraliev N.E. Russian Loanwords in the Tabasaran Language / V.M. Zagirov, N.E. Safaraliev. – Moscow: Akademia Publishing House, 2011. – 200 p.
11. Sviridova M.N. Etymological Dictionary of the Modern Russian Language / M.N. Sviridova. – Moscow: Adelant, 2014. – 512 p.
12. Egorova T.V. Dictionary of Foreign Words in the Modern Language / T.V. Egorova. – Moscow: Adelant, 2014. – 800 p.
13. Safaraliev N.E. Spelling of Russian Loanwords in the Tabasaran Language / N.E. Safaraliev // Interaction of Languages and Cultures in the Study of the Russian Language: Experience and Prospects. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. – Makhachkala, 2023. – P. 127-130.
14. Safaraliev N.E. On the History of the Emergence of Russian Loanwords in the Tabasaran Language / N. E. Safaraliev // World of Science, Culture, and Education. – 2018. – № 5. – P. 512-515.

Вехова Е.А.
Кандидат культурологии, доцент кафедры теории речи и перевода. Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева.

Чубарова Ю.Е.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода. Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева.

Иванова М.Е.
Старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Перевод французского молодежного слэнга на английский язык: лингвистические, культурные и трансформационные аспекты (на основе произведений песенного жанра)*

Аннотация. В статье анализируется употребление слэнга в современных песнях, написанных на французском языке, и особенности их перевода на английский язык. В данной работе рассматриваются три аспекта: лингвистический, культурный и трансформационный. Авторы исследуют такие феномены молодежного социолекта как вариативность, быстрая адаптация к новой реальности и роль средств массовой информации в их распространении, включение невербальных и графических элементов, активный процесс заимствования из английского и арабского языков, из языков народов Африки и традиционного верлана. Большое внимания уделяется проблемам перевода французского песенного слэнга на английский язык, поскольку от переводчика требуется не только передача смысла, но и другого культурного кода, учет стилистической окраски и эмоционально-выразительного потенциала оригинала. Основываясь на приведенные в статье французские песни, исследование выявляет и описывает основные переводческие трансформации: эвфемизмы и дисфемизмы, конкретизация, обобщение, компенсацию, калькирование, опущение, использование описательных определений и антонимов. В статье приводятся доказательства того, что тексты песен представляют собой один из наиболее сложных обьектов для перевода, поскольку он требует от лингвиста безошибочной передачи смысла, творчества и интуиции, фоновых знаний, а также учет социальной и музыкальной специфики данного жанра.

Ключевые слова: французский слэнг, молодежный социолект, дискурс песенного жанра, перевод на английский, переводческие трансформации, верлан, код культуры, использование эвфемизмов при переводе, эквивалент, межкультурная коммуникация.

* © Вехова Е.А., Чубарова Ю.Е., Иванова М.Е., 2026.

Vekhova E.A.
Candidate of Cultural Studies, Associate Professor at the Department of Speech Theory and Translation. N.P. Ogarev Mordovia State University.

Chubarova Yu.E.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Speech Theory and Translation, National Research Mordovia State University.

Ivanova M.E.
Senior Lecturer, Department of Foreign Languages No. 2. Russian Economic University named after G.V. Plekhanov.

Translation of French youth slang into English: linguistic, cultural and transformational aspects (based on song discourse)

Abstract. The article examines the functioning of slang in modern French and the specifics of its translation into English in song discourse. *The study is carried out in three aspects: linguistic, cultural, and transformational.* The main features of the youth sociolect are analyzed: variability, rapid adaptation to new realities, media-driven dissemination, inclusion of nonverbal and graphic elements, and active borrowings from English, Arabic, and African languages, as well as traditional verlan. Particular attention is paid to the difficulties of translating French song slang into English, including the need to convey not only semantics but also the cultural code, stylistic coloring, and emotional expressiveness of the original. Drawing on examples from French-language songs, the study identifies and describes the main translation transformations: euphemistic and dysphemistic translation, concretization, generalization, compensation, calquing, omission, descriptive translation, and antonymic translation. It is concluded that song discourse is one of the most difficult types of specialized translation, requiring from the translator linguistic precision, artistic intuition, background knowledge, and a deep understanding of the social and musical specificity of the genre.

Key words: French slang, youth sociolect, song genre discourse, translation into English, translational transformations, Verlan, cultural code, use of euphemisms in translation, equivalent, intercultural communication.

Introduction

In the modern world, where the borders between cultures and languages are becoming increasingly permeable, slang is one of the most interesting and relevant topics for research. Slang is an integral part of any language and represents a special lexicon used by certain groups of people to identify themselves in society

[1; 2]. In particular, within this work we examine the place of slang in modern French and the specifics of its translation into English.

French is one of the most widespread and studied languages in the world. It has a rich history, as well as a wide range of dialects and sociolects that reflect the diverse cultures and societies using this language. One such sociolect is slang [2; 3].

Due to the growing importance of French in the world community, as well as the strengthening of intercultural and interlingual ties, the study of slang and its translation is becoming increasingly relevant. This is because slang expressions are often used in various contexts, including songs, films, and social media, and their correct translation can contribute to a deeper understanding of the culture and traditions of the French-speaking community [3; 4].

The aim of the present study is to identify the main features of slang in modern French and to determine the specifics of its translation into English in French-language song discourse.

To achieve this aim, the following objectives are set:

- to characterize slang as a sociolect and an integral part of youth culture;
- to analyze the influence of media and digital communication on the development of French youth slang;
- to identify the main difficulties of translating French song slang into English;
- to describe the translation transformations used in rendering slang expressions in song texts into English.

The research method employed is a linguo-stylistic and translation analysis of French-language song material, along with a comparative analysis of translation techniques.

The practical significance of the work lies in the possibility of using the obtained results in teaching French and English, translation studies, and intercultural communication.

Main Body

1. Slang as an Integral Part of Modern French and Youth Culture

Youth slang is an integral part of both French and any other language in the world. It represents a special lexical layer used by young people for self-identification in society. The composition of the youth sociolect includes slang expressions characteristic of certain age groups or subcultures. Slang provides an opportunity for forming social connections and expressing emotions among young people [2; 5]. The study of word formation in youth slang is also an important area of research, as it reveals the mechanisms of creating new lexical units and their adaptation to the needs of communication [19].

The main characteristic of slang is its variability. Thanks to this, slang quickly

adapts to new realities and changes in society. As an example, one can cite the emergence of social networks, thanks to which slang evolved even more, and many new terms appeared [4; 6]. It is important to note that slang consists not only of words. Slang includes nonverbal signs and graphic elements, for example, the widespread use of emoji in digital communication [6; 14].

French slang forms a unique type of communication among young people. Slang expressions represent a special "youth culture," absolutely unlike the language of older generations. The use of slang in speech changes the language, making it special: alive and expressive, and emphasizes the emotional component of language [14].

The most important factor in the spread of slang is the mass media, such as music, newspapers, films, and TV programs. Young people often borrow lexicon from favorite performers and actors, imitate their speech style, which acts as a catalyst for the spread of slang to the masses. Slangisms often found in media speech tend to spread quickly among young people [6; 14].

Recently, the media platforms TikTok and Twitch have acted as the main paths of slang spread. For example, thanks to these video hostings, Anglicisms penetrated into speech: "stalker" – obsessive observation online, "ghost" – sudden cessation of communication, "flex" – demonstration of one's superiority. Often the use of borrowings and slangisms in French, as in other languages of the world, causes disputes. Many scholars consider these lexical layers to be pollution of the language. However, young people continue to use slang expressions and replenish their vocabulary in this area, and also create hybrid forms by mixing languages, for example, "je suis full chaud" – readiness for action [6; 14].

Youth slang plays an important role in the formation of youth uniqueness and gives ground for creating a special type of communication. It is a means of expression allowing young people to identify themselves, strengthen ties, and get satisfaction from their special language of communication [5; 14].

Modern linguistics pays more and more attention to youth slang, considering it as an independent object of study. In the educational environment, there is a tendency to integrate slang into curricula, which is intended to improve communication between teachers and students. It is assumed that over time some elements of youth jargon will enter the main vocabulary of the language, similar to what happened with the words "cool" and "hashtag," while others will lose their relevance and be replaced by new ones [6; 14].

However, despite its popularity, the use of slang often causes misunderstanding on the part of the older generation or people not belonging to the given youth society. Older people tend to consider slang expressions rude, inappropriate, and distorting language. Nevertheless, specific slangisms may sound too harsh, be inappropriate, and be offensive; therefore, when using slang in one's speech one should consider the setting and situation, for example, excessive use of this type

of vocabulary at work or study is undesirable [3; 5]. Thus, the study of the youth sociolect consists not only in learning new words, but also in the ability to use them correctly in practice.

2. French Slang in Song Discourse: Cultural and Translation Challenges

Slang in French song discourse represents a special cultural and linguistic phenomenon. The translation of this type of discourse into English requires a special approach [15]. The difficulty lies in conveying many slang expressions and selecting their analogues in the target language, in order to adapt the musical work for an English-speaking listener and make it understandable. In this case, context is more important than the dictionary [13]. Many slangisms may be too crude in their form of expression for listeners of another culture; the difficulty in this situation is how to convey them in a softer form while leaving the style unchanged [10; 13].

The specificity of slang in song discourse goes beyond standard language. Its multifaceted system of expressive means is formed by many factors, among them: historical, musical, social. All these factors must be taken into account in translation [11; 13].

French musical slang has absorbed various elements of immigrant dialects, youth language, and even criminal argot, as it was formed alongside urban culture. But it is French slang that has a special distinctive feature – it is a symbiosis of modern Anglicisms, Arabic and African borrowings, and traditional verlan [2; 6; 13].

The main difficulty of translating song discourse into English is the importance of conveying not only the semantics of slang expressions, but also their cultural code. The translation of song slang requires the translator to fully understand not only French, but also the target culture. This follows from the fact that each slangism in a song contains a hidden meaning due to its connection with a certain subculture and historical context. After all, conveying the semantic structure of a song lies at the basis of any translation; for this, when beginning such work, one must prioritize knowledge of the cultural context of the two languages [11; 13].

A special place in the difficulty of translation is occupied by verlan and other language games, which constitute a large part of French rap discourse. These elements rarely lend themselves to direct translation into English, which requires the translator to take a creative approach and search for functional analogues in the target language [13].

The translation of French musical slang into English combines linguistic precision with artistic intuition. The translator in this situation must take into account not only dictionary meanings, but also the cultural background. Such translation cannot be called an ordinary transmission of text, because it is a large

creative work in which the subtle style of the original is preserved [9; 13].

In translations of French slang in songs into English, a balance is always maintained between ethnolinguistic authenticity and artistic expressiveness. In this type of translation, as in many others, success depends on the translator's ability to feel not only the language, but also the culture of that language. This process requires not only knowledge of lexicon, but a deep understanding of the social component of linguistic creativity and the musical specificity of the genre [10; 13].

Thus, it should be noted that the translation of song discourse into English is one of the most difficult types of specialized translation. The translator is required not only to have an ideal command of French, but also of English, as well as possession of solid background knowledge. Song discourse is, first of all, a reflection of the ethnic picture of the world of a people, its cultural course; therefore, the translator's task is to convey not only the form of expression, but also the form of content, which requires much experience and effort [11; 13; 15].

3. Translation Transformations in Rendering French Slang into English

In the case of conveying slangisms into English, one should resort to methods of literal (direct) translation only in rare cases and only when the meaning of the word is understandable to readers without special comments [10]. Much more often, indirect methods of translation or translation transformations are used. They are used to achieve an accurate and adequate translation when there are no direct correspondences in the source language. Thus, the interlinear method of translation is not suitable for this lexical layer, since literalness will violate the principles of translation adequacy and the usual norms of the target language [9; 10].

Most often, when translating slang into English, two types of lexical replacements are used: concretization and generalization. Also, when translating slang, such a technique as calquing is used. Its application is possible only provided that the meaning of the calqued word is clear from the context and the translation does not violate the usual norms and principles of equivalence [10; 11].

When translating slang into English, so-called double calquing is quite often encountered, especially concerning slangisms-borrowings. For example, the same word from English can enter simultaneously English and French youth slang in the form of a calque. Also, methods of translating vulgarisms and jargonisms include euphemistic translation. This technique is used when the source text contains vulgarisms and obscene lexicon [10; 12].

As for the percentage ratio, here the method of euphemistic translation predominates. In the modern French cultural sphere, the existence of slang is a fundamental fact that has become a standard social phenomenon in society. When translating these especially vulgar units into English, the social acceptability of

slang causes doubts about the full preservation of the original expression. In such cases, the translator resorts to euphemistic translation. Euphemistic and dysphemistic translation are most often used for translating vulgarisms and obscene expressions. Euphemistic translation consists in replacing words of the original that contain crude expression with words with less strong expression. Dysphemistic translation, being the opposite, is used extremely rarely. In this method, words with less expressiveness become stronger or cruder in translation [10; 12].

As examples, we can cite slang expressions from the analyzed songs and their English translations:

- "Meuf" – chick; in translation the word acquires a less crude coloring.
- "Gonzesse" – girl.
- "Casser les couilles" – to pester / to bust someone's balls; in this example the translator also avoids profanity in the song text by using "to pester" or "to annoy".
- The phrase "dire merde" cannot be translated literally, because in French the use of the word "merde" is practically the norm, while its English equivalent "shit" is much cruder. Therefore the translator replaces "dire merde" with the more neutral for the English linguistic environment "to tell someone to go to hell" or "to say goodbye in a rude way" [10; 12].
- The word "pédé" means homosexual in French, and is often used as an insult, like the English "fag" or "queer," which, however, have a broader meaning and usage, but contain the semantic component of the original word.
- "Amphéts" represents the name of specific medications used as a narcotic, and the word "pills" is a general and more neutral name for such a type of means.

No examples of dysphemistic translation were found in the songs analyzed by us [13].

The next most common way of conveying slang in songs into English is concretization. Concretization is a translation technique in which a word with a broader meaning is replaced by a word with a narrower meaning:

- "Se prendre un râteau" – the literal translation would sound like "to get a rake," however a more accurate translation would be "to be rejected" or "to get shot down." This expression is used to describe a situation when a person is refused in a request or signs of interest.
- "Kiffer grave" – the literal translation would be "to love strongly," however a more accurate translation would be "to really dig" or "to be really into." This slang expression is used to describe a strong and positive emotional reaction to something.
- "Se prendre une claque" – the literal translation would be "to get a slap," however a more accurate translation would be "to be blown away" or "to get a shock." This expression is used to describe a situation when a person experiences a strong emotional blow or shock [13; 14].

Compensation is a translation technique that is used when the source text contains elements that have no equivalents in the target language. In such cases, the translator uses other means to convey the needed meaning, sometimes in other places of the text. Examples of compensation are the following expressions: "j'fais l'milli'" – "I'm raking in millions"; in this phrase the expressive coloring contained in the abbreviated word "mili" is expressed by the colloquial "raking in," thus in translation the stylistic and expressive features of the whole phrase are preserved; colloq. "devant leur écran comme des merdes" – "in front of their damn screens"; in this case compensation consists in the fact that the pejorative coloring of the word "merde" is expressed through the word "damn," which has the same negative coloring; the syntactic construction of the expression was changed in translation, however the meaning of the statement is conveyed correctly [10; 13].

Calquing is a method of translation when words and phrases are translated literally. Several examples of this method were found. An example can be the word "to get a kick" and its French analogue "kiffer." Calquing occurs in the translation of the French word "tchikiter," which was translated as "we'll tchiki"; this word in both languages belongs to the register of colloquial lexicon, therefore the translation both semantically and stylistically corresponds to the original [10; 11].

Omission is a method of translation in which lexically and semantically redundant words are not included in the translation. Among the words most often subject to omission, one can name interjections, repetitions, paired synonyms, and possessive pronouns. As examples of omission, let us cite the following phrases: "dans un sale pétrin" – "in a mess"; in translating this expression, the word "sale" – "dirty, vile" – is omitted, carrying a semantic load, and this fact affects the accurate conveyance of the expressive coloring of the whole expression – it becomes more neutral. Another example of omission is our recommended variant "On va les Tchiki Tchiki, les Tchikiter" – "we'll tchiki them," in which the translation lacks the words "Tchiki Tchiki," which have no fundamental semantic load for the translation; therefore this variant correctly conveys both the semantics and the stylistic component of the source statement [10; 11].

In generalization, a word (phrase) with a narrower meaning is replaced by a word (phrase) with a broader meaning. This type of translation transformation, such as generalization, is represented in our variant of the translation of the phrase "des petites pépètes," which the translator translated into English as "money" (instead of the slang variant in the original), which is a broader meaning unlike the concreteness in the song text. Another example of such translation is the phrase "Car-en-sac et Mintho caramels," in which specific types of once popular sweets in France are implied, but the translator decides not to specify these nuances and generalizes the phrase – "candies and lollipops" [10; 13].

Descriptive translation is used when there is no direct equivalent; one can describe the slang expression in the target language. The translator resorts to descriptive translation to convey the phrase "mistral gagnant," which is translated as "candies that melt in the mouth like the mistral wind" (explanation of the nostalgic image). Another example is the phrase "faire la brésilienne" – "to do a trick like Brazilian footballers" (unfolding of the sports metaphor) [11; 13].

Among the proposed variants of translating slangisms in the texts of French songs into English, several times the translation was carried out using such a lexical transformation as antonymic translation. The purpose of this replacement was the striving to accurately convey the stylistic coloring of the source slangism and the shade of sarcasm of the original phrase. Let us consider examples of antonymic translation: "galures ont commencées" – "the fun has begun": in this translation the word "galures," meaning "problems" or "difficult situation," was replaced by the contextual antonym "fun," while the meaning of the source expression remained the same, but thanks to antonymic translation we managed to convey the stylistic coloring of the statement; moreover, the sarcastic coloring acquired in the translation of this phrase reflects the general expressive coloring of the source expression. The next example is no less interesting: the expression "j'suis pas un fils adoptif," which is directly translated as "I am not an adopted son," was translated using antonymy as: "I am here by blood" [9; 10; 13].

The analysis of songs by French-speaking performers showed that slangisms are an integral part of youth culture and are actively used in literature and music to convey a specific linguistic style [13; 14].

Conclusion

The study of the use of slang in the texts of songs by French-speaking performers allows us to identify its influence on musical culture and understand how slang is used to create a certain atmosphere and convey emotions.

The study of the place of slang in the lexicon of modern French and the specifics of its translation into English opens wide opportunities for understanding and preserving linguistic and cultural specificity, as well as for developing methods of teaching French and English.

The analysis has shown that French youth slang is a dynamic, variable, and socially significant layer of the language. It is actively influenced by media, digital platforms, English borrowings, Arabic and African elements, and traditional verlan. In song discourse, slang performs not only a communicative but also an expressive, cultural, and identificatory function.

Translation of French song slang into English is one of the most difficult types of specialized translation. It requires the translator to combine linguistic precision with artistic intuition, to take into account the cultural code and hidden meanings of slang expressions, and to maintain a balance between ethnolin-

guistic authenticity and artistic expressiveness. The most common translation transformations are euphemistic translation, concretization, compensation, calquing, omission, generalization, descriptive translation, and antonymic translation. Euphemistic translation predominates, while dysphemistic translation is extremely rare. These findings may be useful for further research in translation studies, lexicology, stylistics, and methods of teaching French and English as foreign languages.

Библиографический список / Reference

1. Calvet L.-J. Les voix de la ville: Introduction à la sociolinguistique urbaine. Paris: Payot. 1994. 310 p.
2. Goudailler J.-P. Comment tu tchatches! Dictionnaire du français contemporain des cités. Paris: Maisonneuve & Larose. 2002. 304 p.
3. Sourdot M. L'argot: un code en mouvement. Paris: PUF. 1991.
4. Ball M.V. Le français populaire. Paris: PUF. 2000.
5. Eble C. Slang and Sociability: In-Group Language among College Students. Chapel Hill: University of North Carolina Press. 1996. 228 p.
6. Merle P. Argot, verlan et tchatches. Toulouse: Milan. 2000. 63 p.
7. Cellard J. Ça mange pas de pain: 400 expressions familières. Paris: Hachette. 1985. 284 p.
8. Lighter J.E. Random House Historical Dictionary of American Slang. New York: Random House. 1994. 1006 p.
9. Komissarov V.N. Theory of Translation (Linguistic Aspects). Moscow: Vysshaya Shkola. 1990.
10. Barkhudarov L.S. Language and Translation. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya. 1975. 240 p.
11. Vinogradov V.S. Introduction to Translation Studies. Moscow: IOSO RAO. 2001. 223 p.
12. Nelyubin L.L. Explanatory Translation Dictionary. Moscow: Flinta. 2003. 320 p.
13. Zaitseva I.P. Translation of French slang in song texts. Vestnik MGLU, 2019. № 8 (824). P. 45-54.
14. Kuptsova E.V. Youth slang in modern French. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice, 2020. № 13(6). P. 112-117.
15. Kudryashova S.A., Chubarova Yu.E. Perevod pesen kak osobyy vid khudozhestvennogo perevoda [Translation of songs as a special type of literary translation]. Ogaryov-Online, 2023. № 11 (196).
16. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation (3rd ed.). London: Routledge. 2018. 370 p.
17. Newmark P. A Textbook of Translation. New York: Prentice Hall. 1988. 292 p.
18. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation (3rd ed.). London: Routledge. 2017. 336 p.
19. Vekhova E.A., Sidorova E.N. K voprosu o slovoobrazovanii v molodezhnom amerikanskom slenge: teoreticheskiy aspekt [On the question of word formation in American youth slang: theoretical aspect]. Kazanskaya nauka [Kazan Science], 2026. № 3. P. 457-459.

Исхакова Р.Р.
Кандидат филологических наук, доцент педагогического факультета. Сибайский институт (филиала) Уфимского университета науки и технологий.

Абсалямова Л.Ф.
Кандидат филологических наук, доцент педагогического факультета. Сибайский институт (филиала) Уфимского университета науки и технологий.

Байтурина Ю.М.
Студентка 3 курса педагогического факультета. Сибайский институт (филиала) Уфимского университета науки и технологий.

Англицизмы в речи современной русскоговорящей молодежи: функциональный аспект*

Аннотация. В данной статье анализируются процессы освоения англоязычной лексики современной российской молодежью. Подробно рассматриваются экстралингвистические факторы, способствующие росту использования элементов английского языка, механизмы их адаптации в системе русского языка, а также функциональные особенности их употребления в молодежной среде. Описывается характер взаимосвязи англицизмов с языковыми нормами; также в рамках статьи рассматриваются этапы адаптации элементов английского происхождения к нормам русского языка.

Ключевые слова: англицизмы, заимствование, русский язык, языковая норма, сленг, этапы адаптации.

Iskhakova R.R.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Faculty of Education. Sibay Institute (Branch) of Ufa University of Science and Technology.

Absalyamova L.F.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Faculty of Education. Sibay Institute (Branch) of Ufa University of Science and Technology.

Baiturina Yu.M.
3rd-year student, Faculty of Education. Sibay Institute (Branch) of Ufa University of Science and Technology.

* © Исхакова Р.Р., Абсалямова Л.Ф., Байтурина Ю.М., 2026.

Anglicisms in the speech of modern Russian-speaking youth: the functional aspect

Abstract. The present article represents the analysis of the processes by which contemporary Russian youth adopt English vocabulary. The article thoroughly examines the extralinguistic factors driving the increased use of English elements, the mechanisms of their adaptation within the Russian linguistic system, and the functional specifics of their usage among young people. The paper describes the character of relationship between Anglicisms and linguistic norms. The stages of adapting English-origin elements to the norms of the Russian language are also considered within the framework of the article.

Key words: anglicisms, borrowing, the Russian language, linguistic norm, slang, linguistic norm.

Язык как живая система находится в состоянии непрерывного движения, и одним из наиболее ярких проявлений языковой динамики выступает процесс заимствования иноязычной лексики. На современном этапе развития многих языков мира, в том числе и русского языка, особую интенсивность приобретает проникновение в речь молодежи англицизмов – слов и выражений, заимствованных из английского языка. Данное явление закономерно привлекает внимание лингвистов разных стран, поскольку масштабы англоязычного влияния на другие языки в последние десятилетия не имеют аналогов в предшествующие исторические периоды[1].

Появление англицизмов в русском языке является следствием целого ряда социальных событий, которые произошли на рубеже XX-XXI веков. Открытость российского общества к разнообразным новшествам в области науки и технологий, развитие интернет-коммуникации, распространение англоязычной массовой культуры – все эти факторы послужили причиной для проникновения иноязычных элементов в повседневную речь русскоговорящих и закрепления некоторых из них в системе языка.

Молодежь, будучи наиболее мобильной и восприимчивой к инновациям социальной группой, первой реагирует на даже самые незначительные изменения в жизни общества, что влечет за собой изменения, прежде всего, в лексическом составе языка. Представители молодежного поколения, чаще всего подростки, следуют глобальным трендам, тем самым трансформируя не только свое отношение к объектам действительности, но и мир вокруг себя[2]. Переоценка ценностей, трансформация идей, изменение

1 *Ширяев Е.Н.* Культура речи как лингвистическая дисциплина // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. – М.: Норма, 2020. 560 с.

2 *Журавлева Л.А., Завьялова Н.В.* Молодежь как инновационная социальная общность // Образование и наука. 2013. № 4 (103). С. 77-90.

мировоззрения приводят к появлению новых лексических единиц в языке, т.е. неологизмов. Поскольку английский язык выступает языком Интернета, в просторах которого проходит большая часть времени современной русскоговорящей молодежи, именно англицизмы активно завоевывают место в словарном фонде русского языка. Естественно, не все заимствованные слова закрепляются в официальных словарях, т.е. не проходят этап лексикализации, но функционируют в повседневной речи носителей языка в течение определенного времени.

А.А. Пучинина и Н.В. Сергиенко отмечают, что англицизмы в молодежной речи выполняют целый спектр функций, выходящих за рамки чисто номинативной. Помимо обозначения новых предметов, понятий и явлений, для которых в русском языке нет необходимого вербального обозначения, англоязычные элементы выражают групповую идентичность, позволяя молодежи демонстрировать принадлежность к тому или иному сообществу, фанбазе в социальных сетях, субкультуре. Использование англицизмов также связано со стремлением к языковой компрессии, поскольку английские слова короче их русских аналогов, а также с желанием придать речи дополнительную экспрессивность и современное звучание[3].

Таким образом, можно утверждать, что современный этап развития молодежного сленга обусловлен господством цифровых технологий: Интернет стал первенствующим источником новых английских заимствований в русском языке.

Анализ лексического материала позволяет выделить несколько тематических сфер, в которых англицизмы представлены наиболее широко:

1) компьютерные технологии и интернет-коммуникация: *девайс* (device), *гаджет* (gadget), *софт* (soft), *апдейт* (update), *юзер* (user), *контент* (content), *репост* (repost), *хейтер* (hater), *троллинг* (trolling) и т.д.;

2) продукты питания: *панкейк* (pancake), *хотдог* (hot-dog), *чизкейк* (cheesecake), *крамбл* (cramble), *трайфл* (trifle) и т.д.;

3) мода и одежда: *худи* (hoodie), *лонгслив* (long sleeve), *свитшот* (sweatshirt), *клатч* (clutch), *лоферы* (loafers) и т.д.;

4) бизнес и работа: *стартап* (startup), *дедлайн* (deadline), *коворкинг* (co working), *тимбилдинг* (teambuilding) и т.д.;

3) межличностные отношения: *краш* (crush), *кринж* (cringe), *рофл* (ROFL – Rolling On the Floor Laughing), *хайп* (hype), *вайб* (vibe), *чилить* (chill), *агриться* (agree), *флексить* (flex).

Вышеперечисленные слова встречаются в повседневной устной речи и переписке в социальных сетях, притом многие из них приняли русские

3 *Пучинина А.А., Сергиенко Н.В.* Англицизмы в речи современной русскоговорящей молодёжи // Вестник Шадринского Госпедуниверситета. 2021. № 3 (51). С. 124-128.

аффиксы, изменяются по падежам и лицам[4]. Например, глагол *чекать* (от англ. *to check – проверять, контролировать*) спрягается по первому спряжению: *я чекаю, ты чекаешь, он чекает, она чекает, мы чекаем, вы чекаете, они чекают*, образуя видовые пары с приставками: *прочекать, зачекать, перечекать*. Это свидетельствует о том, что заимствования не просто механически переносятся из одного языка в другой, а проходят сложный путь адаптации, встраиваясь в системные отношения принимающего языка.

Восприятие англицизмов носителями языка зависит от возраста, уровня образования, коммуникативной среды. Социолингвистические опросы показывают, что молодежь относится к использованию английских заимствований положительно, так как эти языковые элементы позволяют им остроумно выражать мысли, делают речь соответствующей духу времени, помогают лучше понимать друг друга в определенных коммуникативных ситуациях. Однако следует отметить, что использование англицизмов может быть неуместно при разговоре с людьми старшего поколения или определенной категории людей, для которых иноязычное слово может превратиться в языковую лакуну.

Проблема соотношения англицизмов и языковой нормы требует более детального рассмотрения. В лингвистике под нормой понимается совокупность правил, закрепленных в практике образцового использования языка и зафиксированных в словарях и грамматиках. Однако норма не является фиксированным данным; она исторически изменчива и отражает процессы, происходящие в языке. То, что сегодня воспринимается как нарушение нормы, завтра может стать ее неотъемлемой частью, если получит широкое распространение в речи образованных носителей и будет закреплено практикой употребления. В отношении англицизмов наблюдается определенное запаздывание кодификации: многие новейшие заимствования активно функционируют в устной речи и интернет-коммуникации, но еще не попали на страницы академических словарей, что создает ситуацию неопределенности относительно их нормативного статуса[5].

Как считают некоторые лингвисты (Д.Ю. Петранкова, Л.М. Шецко[6],

4 *Баймухаметова И.Х., Исхакова Р.Р., Салимова Г.Н.* Влияние англицизмов на речь современной русскоязычной молодежи // Перспективы лингвистического знания: молодежь и наука: Сб. мат. XVII Всероссийской (с Междунар. участием) науч.-практ. конф. аспирантов, магистрантов, студентов и школьников. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал УУНиТ, 2026. С. 96-101.

5 *Миронова А.А., Чуносова И.А.* Динамика норм современного русского языка XXI века: учебное пособие. – Челябинск, Южно-Уральский научный центр РАО, 2022. 160 с.

6 *Петранкова Д.Ю., Шецко Л.М.* Влияние англицизмов на молодежный сленг современного русского языка // Актуальные проблемы филологии: сб. науч. статей. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины. 2025. Вып. 18. С. 58-62.

Е.В. Маринова[7] и т.д.), англицизмы проходят многоступенчатую адаптацию в принимающем языке. Фонетическая адаптация подразумевает приспособление звуковой формы к русской артикуляционной базе: *нетворкинг* (net working), *ноу-хау* (to know how), *виральный* (viral), *сквер* (square) и т.д.

Морфологическая адаптация проявляется в приобретении англоязычными элементами русских грамматических категорий. Если, например, заимствованное слово оканчивается на согласную, как и большинство слов мужского рода во втором склонении, оно склоняется по падежам и числам:

Именительный падеж: *хайп, дедлайн, тренд*

Родительный падеж: *хайпа, дедлайна, тренда*

Дательный падеж: *хайпу, дедлайну, тренду*

Множественное число: *хайпы, дедлайны, тренды.*

Исключением являются слова, оканчивающиеся на гласные *(смузи, худи, селфи),* которые не склоняются.

Английские глаголы, при переходе в русский язык, принимают суффиксы *–и–* или *–ова–*. Инфинитивная форма образуется при помощи русского суффикса *–ать / –ить: чекать* (to check), *лайкать* (to like), *гуглить* (от Google), *троллить* (to troll), *буллить* (to bully): *я гуглю, ты гуглишь, он гуглит, она гуглит, мы гуглим, вы гуглите, они гуглят* (II спряжение).

Англицизмы также принимают префиксы и суффиксы для выражения категорий завершенности / незавершенности, или длительности действия: *гуглить* (что делать? – несовершенный вид) – *загуглить* (что сделать? – совершенный вид), *хайпить* (что делать? – несовершенный вид) – *хайпануть* (что сделать? – совершенный вид) и т.д.

Семантическая адаптация сопровождается сужением или расширением значения слова или выражения, иногда даже наблюдается некое смещение:

боди – облегающая одежда (значение в англ. “body” – «тело»);

трайфл – бисквитный десерт с заварным кремом в прозрачном стаканчике (значение в англ. “trifle” – «пустяк, безделушка»);

фурнитура – вспомогательные детали и механизмы, без которых невозможно собрать мебель (значение в англ. – «мебель») и т.д.

Подводя итоги, можно констатировать, что процесс англоязычных заимствований в речи современной молодежи представляет собой сложное и многогранное явление, в котором отражаются как общие закономерности языкового развития, так и специфика современной социокультурной ситуации. Массовое проникновение англицизмов не является чем-то исключительным в истории русского языка, который всегда развивался во взаимодействии с другими языками и культурами. Вместе с тем масштабы

7 *Маринова Е.В.* Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI века: проблемы освоения и функционирования. – М.: ЛЕНАНД, 2019. 344 с.

и интенсивность этого процесса в настоящее время требует внимательного изучения и осмысления.

Библиографический список:

1. Ширяев Е.Н. Культура речи как лингвистическая дисциплинами // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. – М.: Норма, 2020. – 560 с.
2. Журавлева Л.А., Завьялова Н.В. Молодежь как инновационная социальная общность // Образование и наука. – 2013. – № 4 (103). – С. 77-90.
3. Пучинина А.А., Сергиенко Н.В. Англицизмы в речи современной русскоговорящей молодёжи // Вестник Шадринского Госпедуниверситета. – 2021. – № 3 (51). – С. 124-128.
4. Баймухаметова И.Х., Исхакова Р.Р., Салимова Г.Н. Влияние англицизмов на речь современной русскоязычной молодежи // Перспективы лингвистического знания: молодежь и наука: Сб. мат. XVII Всероссийской (с Междунар. участием) науч.-практ. конф. аспирантов, магистрантов, студентов и школьников. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал УУНиТ, 2026. – С. 96-101.
5. Миронова А.А., Чуносова И.А. Динамика норм современного русского языка XXI века: учебное пособие. – Челябинск, Южно-Уральский научный центр РАО, 2022. – 160 с.
6. Петранкова Д.Ю., Шецко Л.М. Влияние англицизмов на молодежный сленг современного русского языка // Актуальные проблемы филологии: сб. науч. статей. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины. – 2025. – Вып. 18. – С. 58-62.
7. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI века: проблемы освоения и функционирования. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 344 с.
8. Михайлова Н.В., Нетёсов А.С. Понятие, природа и сущностные признаки политического мифа // Этносоциум и межнациональная культура. – 2026. – № 5 (215). – С. 22-27.

Reference

1. Shiryaev E.N. Speech Culture as a Linguistic Discipline // Russian Language and Modernity: Problems and Prospects for the Development of Russian Studies. – Moscow: Norma, 2020. – 560 p.
2. Zhuravleva L.A., Zavyalova N.V. Youth as an Innovative Social Community // Education and Science. – 2013. – № 4 (103). – P. 77-90.
3. Puchinina A.A., Sergienko N.V. Anglicisms in the Speech of Modern Russian-Speaking Youth // Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University. – 2021. – № 3 (51). – P. 124-128.
4. Baimukhametova I.Kh., Iskhakova R.R., Salimova G.N. The Influence of Anglicisms on the Speech of Modern Russian-Speaking Youth // Prospects of Linguistic Knowledge: Youth and Science: Collection of Materials of the XVII All-Russian (with International Participation) Scientific and Practical Conference of Postgraduate Students, Master's Students, Undergraduates, and Schoolchildren. – Sterlitamak: Sterlitamak Branch of UUNiT, 2026. – P. 96-101.
5. Mironova A.A., Chunosova I.A. Dynamics of Modern Russian Language Norms in the 21st Century: A Study Guide. – Chelyabinsk: South Ural Scientific Center of the Russian Academy of Education (RAO), 2022. – 160 p.
6. Petrankova D.Yu., Shetsko L.M. The Influence of Anglicisms on Youth Slang in Modern Russian // Current Issues in Philology: Collection of Scientific Articles. – Gomel: F. Skorina Gomel State University. – 2025. – Issue 18. – P. 58-62.
7. Marinova E.V. Foreign Words in Russian Speech of the Late 20th – Early 21st Centuries: Issues of Assimilation and Functioning. – Moscow: LENAND, 2019. – 344 p.
8. Mikhailova N.V., Netesov A.S. The concept, nature, and essential features of a political myth // Etnosotsium and international culture. – 2026. – № 5 (215). – P. 22-27.

Мирзоева П.В.

Таджикский международный университет иностранных языков имени С. Улугзаде, соискатель кафедры английской филологии, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Структурно-сопоставительный анализ глагольных фразеологических единиц таджикского и английского языков в аспекте перевода (на материале произведений С. Айни)*

Аннотация. В статье рассматриваются структурные особенности глагольных фразеологических единиц таджикского языка на материале произведений Садриддина Айни и анализируются способы их передачи в английских переводах. Цель исследования заключается в выявлении наиболее продуктивных структурных моделей глагольных фразеологических единиц и определении степени их эквивалентности при переводе на английский язык. В работе использованы методы структурного и сопоставительного анализа. Исследование показало, что наиболее распространённой моделью является Noun + Verb, тогда как модели Noun + Noun + Verb, Prep. + Noun + Verb и Prep. + Subs. + Verb обладают различной степенью продуктивности. Установлено, что при переводе на английский язык в большинстве случаев сохраняется основное семантическое содержание фразеологических единиц, однако их структурная организация и национально-культурная образность нередко подвергаются трансформации. Анализ переводческих решений показал, что таджикские фразеологизмы часто передаются простыми глаголами, свободными словосочетаниями или конструкциями иной грамматической структуры.

Ключевые слова: фразеологическая единица, глагольная фразеология, таджикский язык, английский язык, сопоставительный анализ, перевод, структурная модель, семантическая эквивалентность, национально-культурная специфика.

Mirzoeva P.V.

S. Ulugzoda Tajik International University of Foreign Languages, Candidate for an Academic Degree, Department of English Philology, Republic of Tajikistan, Dushanbe.

Structural and comparative analysis of Tajik and English verbal phraseological units in the aspect of translation (based on the works of S. Aini)

* © Мирзоева П.В., 2026.

Abstract. The article focuses on the structural and semantic characteristics of Tajik verbal phraseological units in the works of Sadriddin Aini and explores their translation into English from a comparative perspective. The aim of the study is to identify the most productive structural models of verbal phraseological units and determine the degree of their equivalence in translation into English. The research employs structural, semantic, and comparative methods of analysis. The comparative analysis shows that the Noun + Verb model is the most productive, whereas the Noun + Noun + Verb, Prep. + Noun + Verb, and Prep. + Subs. + Verb models demonstrate different degrees of productivity. The study shows that the core semantic content of phraseological units is generally preserved in English translation; however, their structural organization and national-cultural imagery often undergo transformation. The analysis of translation strategies demonstrates that Tajik phraseological units are frequently rendered by means of simple verbs, free word combinations, or grammatical constructions with different structural patterns.

Key words: phraseological unit, verbal phraseology, Tajik language, English language, comparative analysis, translation, structural model, semantic equivalence, national-cultural specificity.

Введение.

Фразеологические единицы (ФЕ) представляют собой устойчивые сочетания слов с целостным значением, не сводимым к сумме значений их компонентов. Они отражают культурно-исторический опыт народа, фиксируют особенности мировосприятия и национального характера, а также играют важную роль в экспрессивной и образной передаче мысли. В языковой системе ФЕ выполняют номинативную, коммуникативную и эстетическую функции, служа одним из наиболее выразительных средств языка.

Особое место в общей системе фразеологии занимают **глагольные фразеологические единицы** (ГФЕ). Их основным компонентом является глагол, определяющий грамматические и семантические характеристики всей конструкции. ГФЕ обладают высокой степенью продуктивности, многообразием структурных моделей и значительным функциональным потенциалом, что обусловливает их широкое употребление в устной и письменной речи. Как показывают исследования [Масуми, 1959; Маджидов, 1982; Ахмедова, 2022], именно глагольные ФЕ составляют основное ядро фразеологического фонда таджикского языка, превышая по количеству именные, адъективные и адвербиальные конструкции.

В переводоведении фразеологические единицы относятся к числу наиболее сложных объектов перевода, поскольку их передача требует учёта не только языковых, но и культурных особенностей исходного текста. Как отмечает П. Ньюмарк, культурно маркированные единицы нередко создают значительные трудности при переводе вследствие различий между языками и культурами [16, с. 94-103]. По этой причине сопоставительное иссле-

дование глагольных ФЕ таджикского и английского языков представляет значительный интерес как для теории фразеологии, так и для практики перевода. Тем самым следует подчеркнуть, что интерес лингвистов к данной проблеме возрастает все больше. Вопросам англо-таджикских сопоставлений посвящены работы Г.Б. Баракаевой [1968], А. Ахмеджанова [1970], Э. Бабаева [1976], М.Н. Азимовой [1999, 2006], М.М. Раджабова [2010], Б.Х. Наврузшоева [2011], Ф.А. Ахмедова [2013], Т.С. Талабова [2015], Дустова Х.Д [2010] и др.

Фразеологические единицы (ФЕ) как устойчивые сочетания слов являются важным элементом лексической системы любого языка. Они отражают мировоззрение носителей языка, их исторический и культурный опыт. Сопоставительное изучение ФЕ различных языков даёт возможность глубже понять как универсальные, так и специфические особенности языков. Особый интерес представляет сравнительный анализ фразеологических единиц в таджикском и английском языках на материале произведений Садриддина Айни – основателя современной таджикской литературы, чьё творчество отличается богатым использованием выразительных фразеологических конструкций.

Цель исследования заключается в выявлении и систематизации глагольных фразеологических единиц таджикского языка, представленных в произведениях С. Айни, и в определении оптимальных способов их перевода на английский язык с учётом структурных и семантических особенностей.

Методы исследования. Данное исследование выполнено на материале произведений С. Айни, в чьих текстах глагольные ФЕ являются важнейшим средством художественной выразительности. В работе посредством сравнительного метода и структурно-семантического анализа рассматриваются структурные типы ГФЕ, выделяются основные переводческие приёмы их передачи на английский язык, а также анализируется степень сохранения образности и функционально-стилистического потенциала оригинальных единиц.

Объектом исследования являются глагольные фразеологические единицы таджикского языка, а предметом – их структурные и семантические особенности в сопоставлении с английскими эквивалентами. Научная новизна работы заключается в комплексном структурно-сопоставительном анализе глагольных ФЕ на материале художественных текстов С. Айни с последующей классификацией и описанием способов перевода на английский язык.

Основная часть. Следует отметить, что значительный вклад в изучение и классификацию фразеологических единиц (ФЕ) внёс Н. Масуми. В исследовании «*Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик*» он подразделял

ФЕ на глагольные (феълӣ) и неглагольные (ғайрифеълӣ). На материале повести С. Айни «*Смерть ростовщика*» учёный установил, что глагольные ФЕ составляют одну из наиболее показательных структурно-грамматических групп [11, с. 25].

Структурно-семантические особенности таджикских фразеологических единиц нашли отражение в исследованиях Х.Д. Дустова. Учёный отмечает особое место изафетных фразеологизмов в системе устойчивых выражений таджикского языка, подчёркивая их семантическую целостность и структурную устойчивость [6, с. 18-19].

Особое место в таджикской лингвистике занимает классификация ФЕ, разработанная Х. Маджидовым. Учёный предложил развернутую систему, в рамках которой выделяются глагольно-предикативные, субстантивные (СФЕ), адъективные (АФЕ), адвербиальные (АдФЕ), модальные (МФЕ) и междометные (МежФЕ) единицы. Возможны также ФЕ, соотносимые с местоимениями и союзами, однако их число крайне незначительно [9, с. 134].

Исследователь подчёркивал, что определение категориального значения следует проводить исходя из целостного значения ФЕ, а не только из грамматически опорного компонента. По данным Ф.А. Ахмедовой, удельный вес глагольных ФЕ в общей фразеологической системе достигает 80 % [5, с. 7]. Аналогичной позиции придерживается С.Х. Раджабова, которая рассматривает глагольные фразеологические единицы как наиболее многочисленную и продуктивную группу фразеологического фонда таджикского языка [12, с. 77].

Что касается структуры английской фразеологии, то одной из первых попыток её классификации стала работа Л. Смиз, в которой выделяются:

• **адвербиальные конструкции** сочетания предлогов с существительными или прилагательными, напр.: *for good* – «навсегда» – «абадан»;

• **фразовые глаголы** – сочетания глагола с коротким служебным словом (послелогом/частицей), напр.: *keep down* – «подавлять, держать в подчинении» – «фурӯ нишондан, дар итоати худ нигоҳ доштан» [15, с. 13-14].

Существенное развитие получила функционально-структурная классификация, предложенная А.В. Куниным. А.В. Кунин применяет функциональный подход к классификации фразеологических единиц. Он делит их на следующие четыре класса в зависимости от их функции в коммуникации, определяемой их структурно-семантическими характеристиками:

1. Номинативные фразеологические единицы представлены словосочетаниями, включая те, что состоят из одного знаменательного слова, а также сочинительные словосочетания типа «*wear and tear* – износ–фарсудашавӣ» и «*well and good* – хорошо и ладно – хуб». Этот тип можно подразделить на:

1. субстантивные (именные): «*ways and means* – способы и средства–

усул ва воситаҳо», «*skeleton in the closet/cupboard* – скелет в шкафу – сирри оила»;

2. адъективные (прилагательные): «*weak as a kitten* – слабый как котёнок – мисли гурбаи навзод заиф», «*safe and sound* – цел и невредим – сиҳату саломат»;

3. адвербиальные (наречные): «*to and fro* – взад и вперёд– пешу пас, «*all at once* – вдруг, сразу же – дарҳол, якбора»;

4. вербальные (глагольные): «*wash dirty linen in public* – выносить сор из избы – сирри хонаро фош кардан»;

2. Номинативно-коммуникативные ФЕ — включают глагольные словосочетания, которые превращаются в предложение, когда глагол употребляется в страдательном залоге: *to break the law — the law is broken* – «нарушать закон – закон нарушен» – «қонунро вайрон кардан — қонун вайрон карда шуд».

3. Не номинативные и не коммуникативные ФЕ – включают междометные словосочетания. Примеры: *Holy mackerel!* – «Вот это да!» – «Аҷаб ҳайратовар!».

4. Коммуникативные ФЕ – представлены пословицами и поговорками. Напр: *Haste makes waste* – «Поспешишь – людей насмешишь» – «Ҳафт бор чен кун, як бор бур» [7, с. 172-173].

Ирина Арнольд согласна с классификацией Кунина, однако она считает, что «в рамках каждого из этих классов необходима дальнейшая классификация» Поэтому она предлагает **частеречную классификацию**:

• **Устойчивые выражения, функционирующие как существительные:** *ways and means* (N + N – «способы и средства – усул ва воситаҳо»), *clear sailing* (A + N – «ясный путь — роҳи бемонеа»);

• **Устойчивые выражения, функционирующие как глаголы:** *blow off steam* (V + Prep + N – «выпустить пар – дилро сабук кардан»), *chase rainbows* (V + N – «гнаться за иллюзиями – аз пайи хаёлот гаштан»);

• **Устойчивые выражения, функционирующие как прилагательные:** *fine and dandy* (Adj + conj + Adj – «в полном порядке – олиҷаноб»);

• **Устойчивые выражения, функционирующие как наречия:** *at a (single) glance* (Prp + [Adj] + N – «с первого взгляда – бо як нигоҳ, дар як мижа задан»), *year after year* (N + Prp + N – «год за годом – сол ба сол»);

• **Устойчивые выражения, функционирующие как междометия:** *Alas, poor souls!* («Увы, бедные души!»), *My word!*(«Боже мой! – О, худоё!») [4, с. 172 – 173].

Выбор именно глагольных ФЕ для анализа обусловлен несколькими причинами:

• **частотность**: в обеих языковых системах они составляют наиболее многочисленную группу;

• **семантическая насыщенность**: глагол в составе ФЕ выполняет опорную роль, определяя значение всего выражения;

• **переводческая сложность**: при передаче глагольных ФЕ часто требуется перестройка структуры или поиск функционального эквивалента.

Глагольными ФЕ следует считать те словосочетания, компоненты которых функционально соотносятся с глаголом, т.е. опорным компонентом ФЕ является глагол. Связь между опорным и зависимым компонентами подчинительных ФЕ – объективная. Среди глагольных ФЕ самой многочисленной является модель «Noun»+ «Verb» для таджикского языка. **Что касается английского языка**, то данные современной фразеологической лингвистики А. В. Кунин, и J. Moon свидетельствуют о том, что в английской фразеологии преобладающей является модель **«Verb + Noun» (V + N)**. Эта модель является наиболее продуктивной в системе английских фразеологических единиц, что обусловлено как синтаксической структурой языка, так и высокой степенью глагольной сочетаемости в формировании идиоматических конструкций.

Модель **V + N** рассматривается как доминирующая по нескольким причинам:

1. Глагол выполняет роль структурного ядра фразеологизма и определяет его семантическую специфику.

2. Объектная позиция существительного обеспечивает возможность высокого уровня идиоматизации, поскольку лексическое наполнение объекта формирует образность выражения (например, *break the ice, spill the beans, kick the bucket*).

3. Типологическая особенность английского языка – тенденция к формированию вербоцентричных словосочетаний – способствует количественному преобладанию данной модели.

Таким образом, если для таджикского языка характерна наиболее частотная модель **N + V**, то для английского – структурная схема **V + N**, что отражает типологические различия в синтаксической организации двух языков и обусловливает специфику формирования фразеологических единиц.

С точки зрения структуры и компонентного наполнения глагольные фразеологические единицы таджикского языка характеризуются значительной вариативностью. Они могут быть распределены по следующим типам:

А) Двухчленные глагольные ФЕ. Это означает, что они состоят только из одного существительного и одного глагола. Самый многочисленный подкласс составляют ФЕ со структурой ***Noun+Verb:*** *«хун хурдан – терзаться, мучиться, сильно переживать – to eat one's heart out»; «алам кашидан – мучиться – to suffer torments, to go through agony»; «даст кашидан – от-*

казаться – to wash one's hands of something / to give up on something»; «аҳд бастан – заключить договор с кем-либо – to strike a bargain (with someone)»; «гӯш додан – слушать – to lend an ear / to heed»; «хун гиристан – обливаться кровью (проливать горькие слёзы) – To be bathed in tears»; «чашм андохтан – бросить взгляд – to cast a glance / to steal a glance»; «чашм дӯхтан – устремить взор на кого-либо – to fix one's eyes on / to stare hard at»; «бозӣ додан – оставлять в дураках – to make a fool of someone / to lead someone by the nose» [13, с. 47]. Проанализировав приведённые примеры идиом и их структурные особенности, мы теперь можем сравнить функционирование аналогичных моделей в таджикском и английском языках. К примеру:

Қориишкамба ҳарчанд фикр мекард, аз ин "қазои осмонӣ" роҳи халосӣ намеёфт ва ғайр аз ***хун хӯрдан, алам кашидан***, аз гӯшт фуромадан ва ишкамбаи худро то рафт хурд кардан чораи дигаре надошт [2, с. 150]. // Despite his desperate contemplation, Qori Ishkamba couldn't find a solution for this "heavenly fate." He could only ***weep bitterly, grow sad***, lose weight, and see his stomach shrink, but he couldn't take any concrete measures [14, с. 192].

В приведённом предложении автор использует фразеологизмы «*хун хӯрдан – терзаться, мучиться, сильно переживать – to eat one's heart out*» и «*алам кашидан – мучиться – to suffer torments*» для передачи тяжёлого душевного состояния героя. Оба фразеологизма относятся к структурной модели Noun + Verb, однако различаются семантическими оттенками: «*хун хӯрдан*» выражает глубокие внутренние переживания, тогда как «*алам кашидан*» подчёркивает эмоциональные мучения и горечь. В английском переводе данные единицы переданы конструкциями «*weep bitterly*» и «*grow sad*», построенными соответственно по моделям Verb + Adverb и Verb + Adjective. Несмотря на сохранение общего эмоционального содержания, образность и экспрессивность оригинала утрачиваются. Несмотря на сохранение общего эмоционального содержания, образность и экспрессивность оригинала в переводе подвергаются определённой трансформации. Это связано с различиями в структурно-семантической организации таджикского и английского языков, вследствие чего наблюдается частичная семантическая эквивалентность при отсутствии полного структурного соответствия. Более близкими по значению могли бы быть выражения «to eat one's heart out», to suffer deeply, to suffer torment или to go through agony» [https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/eat-heart-out].

Рассмотрим другой пример: Дигар он ки чаро дӯсти ман маро барои ҳуҷра умедвор карда ба пеши ин гадои бекасукӯй фиристод, ё ин ки ӯ маро ***бозӣ додан*** мехост? [2, с. 12] // Did my friend *trick* me by sending me to this man who seemingly has nothing?... [14, с. 41].

В приведённом предложении употреблён фразеологизм ***«бозӣ додан»,*** который относится к структурной модели Noun + Verb и состоит из су-

ществительного **бозӣ** («игра») и глагола **додан** («давать»). В переносном значении данный фразеологизм выражает действие, связанное с *«обманом, введением в заблуждение или намеренным разыгрыванием человека»*. В английском переводе фразеологизм передан глаголом *«trick»***,** который также обозначает обман или введение в заблуждение. В отличие от таджикского фразеологизма, имеющего структуру Noun + Verb, английское соответствие представлено простым глаголом. Несмотря на различие структурных моделей, семантическое содержание исходной единицы передано достаточно точно.

Б) Многочленные глагольные ФЕ со структурой *(Noun + Noun +Verb)* Приведём примеры: *"дарди сар додан – беспокоить кого-либо – to bother someone / to give someone a headache", "дилу гурда доштан – быть смелым, храбрым – to have courage / to have guts", "дили касе сард шудан – букв. чьё-либо сердце стало холодным; перен. разлюбить кого-либо, утратить привязанность – lit. someone's heart became cold; fig. to grow cold toward someone / to fall out of love"*[13, 48].

Для выявления структурно-семантических особенностей и способов передачи данных фразеологических единиц средствами английского языка рассмотрим их функционирование в контексте произведений С. Айни и проанализируем соответствующие переводческие решения. Например: Мо чаро бе гувоҳии корвонбошӣ ва калонтарини савдогарон ва бе нишон додани вексел ба як одами баобрӯй ***дарди сар диҳем*** [2, с. 141]. // Why should we, without the witness of the korvonboshi and the most powerful merchants, and without showing veksel, *make problem* for an honorable person?" [14, с. 183].

В приведённом предложении употреблён фразеологизм ***«дарди сар додан»,*** который относится к структурной модели Noun + Noun + Verb и состоит из компонентов дард («боль»), сар («голова») и додан («давать»). В переносном значении данная фразеологическая единица обозначает *«беспокоить», «доставлять хлопоты»* или *«создавать проблемы кому-либо»*. В английском переводе фразеологизм передан свободным словосочетанием *«make problem for an honorable person»,* которое выражает общее значение создания неудобств или затруднений. Кроме того, структура исходной единицы (Noun + Noun + Verb) не сохраняется, поскольку в английском переводе используется свободная глагольная конструкция. Более близким фразеологическим соответствием могло бы быть выражение ***«to give someone a headache» [https://dictionary.reverso.net/english-definition/give+someone+a+headache],*** поскольку оно сохраняет образ головы и боли, лежащий в основе таджикского фразеологизма, а также характеризуется более высокой степенью структурной и семантической близости к оригиналу. Рассмотрим другой пример употребления фразеологической единицы данной структурной модели в контексте произведения и проанализиру-

ем особенности её передачи в английском переводе:

Писарам он *дилу гурдаро надорад,* ки дар айёми зимистон, дар вақтҳое, ки ҳамаи ёбонҳо холианд, ба чор санг роҳ рафта омада тавонад [2, с. 58]. // My son is not ***as brave as*** him, so in the wintertime when all the fields are empty, he couldn't make the distance of four sang (32 kilometers) and come back [14, с. 91].

В приведённом предложении употреблён фразеологизм **дилу гурда доштан**, который относится к структурной модели Noun + Noun + Verb и состоит из компонентов **дил** («сердце»), **гурда** («почка») и **доштан** («иметь»). В переносном значении данная фразеологическая единица обозначает смелость, мужество, решительность и способность преодолевать трудности. В английском переводе значение фразеологизма передано прилагательным "brave", которое выражает основную семантику исходной единицы. Однако структура таджикского фразеологизма (Noun + Noun + Verb) в переводе не сохраняется, поскольку английское соответствие представлено простым прилагательным. Кроме того, в английском переводе утрачивается национально-культурная образность, связанная с компонентами «дил и гурда», традиционно символизирующими мужество и внутреннюю силу в таджикском языке. Более близкими соответствиями могли бы быть выражения *«to have courage» или «to have guts» [https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/guts],* которые не только передают значение храбрости, но и в определённой степени сохраняют структурную близость к оригиналу.

В) Многочленные глагольные ФЕ со структурой *(Prep. + Noun. + Verb).*

Многочленные глагольные ФЕ по внешним лексико-грамматическим особенностям представляют, на первый взгляд, расширенные трансформы двух наиболее продуктивных двучленных структурно-семантических типов*: «ба ғазаб овардан – привести в ярость – to drive somebody into a rage / to make somebody furious», «ба ғазаб омадан – разгневаться, прийти в ярость – to become angry / to fly into a rage», «аз даст додан – потерять что-либо – to lose something», «ба назар гирифтан – принимать во внимание – to take into account / to take into consideration», «аз назар гузаронидан – проверять, осматривать, рассматривать – to examine / to inspect / to review», «ба осмон бардоштан – вознести кого-либо до небес, чрезмерно восхвалять – to praise somebody to the skies / to extol somebody to the heavens», «ба миён андохтан – выдвинуть на обсуждение, поднять вопрос, обратить внимание на что-либо – to bring up / to raise an issue / to put forward», «ба гардан гирифтан – взять на себя ответственность за что-либо – to take responsibility for something / to assume responsibility»*[13, с. 48]. Рассмотрим пример употребления фразеологической единицы данной структурной модели в контексте произведения и проанализируем особенности её передачи в английском переводе. Например:

Дар саҳро роҳ ёфтани Қориишкамба ба судхӯрони деҳот нафорид, хусусан, Арбоб Рӯзиро, ки калонтарини судхӯрони деҳаҳои Сангсабз ва Бӯлмахӯрон буд***, ба ғазаб овард*** [2, с. 109]. // The usurers in the villages were displeased with Qori Ishkamba's finding the way to the field, especially Arbob Ruzi, who was the biggest usurer in Sangsabz and Bulmakhuron and who *became angry* [14, с. 149].

В вышеупомянутым предложении фразеологическое единица «*касера ба ғазаб овардан*» на английском переводе фразеологизм передан конструкцией «became angry», которая имеет структуру Verb + Adjective и обозначает состояние гнева. Несмотря на сохранение общего значения, между оригиналом и переводом наблюдается различие в семантических оттенках. Таджикский фразеологизм выражает причинно-следственное действие, то есть указывает на то, что определённое событие вызвало гнев у человека, тогда как английская конструкция акцентирует внимание преимущественно на самом эмоциональном состоянии. Более близкими соответствиями могли бы быть выражения «*fly into a temper/fury*»[https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fly-into-a-rage] или «*to make somebody furious*», поскольку они не только передают состояние гнева, но и указывают на действие или причину, вызвавшую данную эмоциональную реакцию, что в большей степени соответствует значению таджикского фразеологизма.

Другой пример:

Бурда ба Бухоро мондан ва ҷои истиқомат ёфта доданро падарам *ба гардан гирифт* [3, с.39]. // My father undertook to accompany the boys there and see that lodgings were found for them [17, с. 73].

В приведённом предложении употреблён фразеологизм "***ба гардан гирифтан"***, который относится к структурной модели Prep. + Noun + Verb и состоит из компонентов **ба** («на»), **гардан** («шея») и **гирифтан** («брать»). В переносном значении данная фразеологическая единица обозначает принятие на себя определённых обязанностей, ответственности или обязательств. В английском переводе данная единица передана глаголом «*undertook*», который выражает значение добровольного принятия обязательства или ответственности. Несмотря на различие структурных моделей, основное семантическое содержание фразеологизма в переводе сохранено достаточно точно.

Г) Многочленные глагольные ФЕ со структурой *(Prap. + Subs. +Verb.).* Глагольные ФЕ со структурой (Prap. + Subs. + Verb.) можно разделить на личные и безличные. Особенное свойство данного вида заключается в том, что они могут употребляться с показателями личности или без них. В обоих случаях связь с показателями личности существует. В предложении часто ФЕ употребляется с показателями личности [9, с. 230]. К примеру: «*ба гардани касе афтидан – сесть кому-либо на шею,*

стать обузой для кого-либо – to become a burden to somebody / to live off somebody», «дар дили касе гузаштан – думать про себя, мысленно предполагать – to think to oneself / to cross someone's mind», «аз дунболи касе афтодан – преследовать кого-либо – to pursue somebody / to chase somebody / to go after somebody», «аз касе туҳмат боридан – оклеветать кого-либо, возвести напраслину – to slander somebody / to make false accusations against somebody», «касеро аз кор монондан – отрывать кого-либо от работы, мешать работать – to distract somebody from work / to keep somebody from working», «ба сухани касе даромадан – верить кому-либо, поддаваться чьим-либо словам – to believe somebody / to be taken in by somebody's words», «аз хотир тарошида партофтан – вычеркнуть из памяти, забыть – to erase from one's memory / to put out of one's mind».

Например: Қориишкамба гумон кард, ки раги ширинкории тарҷимон чунбида шӯхиҳои навбатиашро сар кард ва ӯ мехоҳад, ба воситаи ин шӯхиҳои бемаврид *ӯро бе аҷал кушад*, ... [2, с. 152]. // Qori Ishkamba thought the translator's sense of humor had gone away and he continued with his untimely jokes, trying to kill Qori`s spirit [14, с. 194].

В приведённом предложении употреблён фразеологизм «бе аҷал куштан», который относится к структурной модели Prep. + Noun + Verb и состоит из компонентов **бе** («без»), **аҷал** («смертный срок», «предначертанная смерть») и **куштан** («убивать»). В переносном значении данная фразеологическая единица обозначает причинение человеку сильных душевных страданий, мучений или тяжёлых переживаний. В английском переводе фразеологизм передан сочетанием «*kill Qori's spirit*», которое имеет структуру Verb + Noun. Данная конструкция также выражает идею сильного психологического воздействия и душевного подавления, вследствие чего основное семантическое содержание оригинала сохраняется.

Для выявления наиболее продуктивных структурных моделей был проведён количественный анализ глагольных фразеологических единиц, выявленных в исследуемом материале. Полученные результаты позволяют определить частотность употребления каждой структурной модели и установить их место в общей системе глагольной фразеологии.

Заключение. В статье были рассмотрены структурные особенности глагольных фразеологических единиц таджикского языка на материале произведений С. Айни и проведён их сопоставительный анализ с английскими переводами. Исследование показало, что наиболее продуктивной структурной моделью является Noun + Verb (32,1%), тогда как модели Prep. + Noun + Verb и Prep. + Subs. + Verb представлены в равной степени (по 28,6%), а модель Noun + Noun + Verb является наименее распространённой (10,7%).

Сопоставительный анализ показал, что при переводе на английский

язык в большинстве случаев сохраняется семантическое содержание таджикских фразеологических единиц, однако их структурная организация нередко подвергается изменениям. Установлено, что фразеологизмы, представленные в таджикском языке моделями Noun + Verb, Noun + Noun + Verb и Prep. + Noun + Verb, в английском переводе часто передаются простыми глаголами, сочетаниями типа Verb + Adverb, Verb + Adjective или свободными словосочетаниями. В результате сохраняется основное значение фразеологической единицы, однако её структурные особенности и национально-культурная образность частично или полностью утрачиваются. Полученные результаты свидетельствуют о национально-культурной специфике таджикской фразеологии и могут быть использованы в дальнейших исследованиях по сопоставительной фразеологии и теории перевода.

Библиографический список:

1. Азимова М.Н. Сопостовательно-типологический анализ фразеологической системы таджикского и английского языков: дисс... д-ра филол.наук / М.Н. Азимова. – Душанбе, 2006. – 328 с.
2. Айнї С. Марги судхўр / Садриддин Айнї. – Душанбе, 1985. – 160 с.
3. Айнї С. Энсиклопедияи насри муосири тоҷик. Ёддоштҳо (чаҳор қисм) / Садриддин Айнї. – Душанбе: Сарредаксияи илмии Энскилопедияи Миллии тоҷик, 2009. – 680 с.
4. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учебник для институтов и факультетов иностранных языков / И.В. Арнольд. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1986. – 295 с.
5. Ахмедова Ф.А. Глагольные фразеологизмы, обозначающие чувства, в русском, английском и таджикском языках: дисс. ... канд. филол. наук / Ф.А. Ахмедова. – Москва, 2013. – 203 с.
6. Дустов Х.Д. Ибораҳои фразеологии изофӣ ва гурӯҳҳои маъноии онҳо // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2016. – № 4/7 (217). – С. 18-20.
7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М.: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
8. Маджидов Х. Фразеология современного таджикского языка / Х. Маджидов. – Душанбе, 1982. – 102с.
9. Маджидов Х. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка / Х. Маджидов. – Душанбе: Деваштич, 2006. – 409 с.
10. Мамадназаров А. Англо-русский словарь / А.Мамадназаров. – Душанбе: Эр-граф, 2015. – 1016 с.
11. Маъсумї Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик / Н. Маъсумї. – Сталинобод, 1959. – 294 с.
12. Рачабова С.Х. Воҳидҳои фразеологӣ бо ҷузъи «забон» дар забони адабии тоҷикӣ // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2025. – № 3. – С. 76-81.
13. Талабов Т.С. Сопоставительный анализ фразеологических единиц таджикского и немецкого языков (на материале повести С. Айни «Смерть Ростовщика») / Т.С. Талабов. – Душанбе, 2015. – 152 с.
14. Ayni Sadriddin. The death of the Usurer, The Executioners of Bukhara. Translated from the Tajik Persian with an introduction and Notes by Adusalom Mamadnzarov/ Sadriddin Ayni. Dushanbe: "R-graph", 2024. – 296 p.
15. Smith L.P. Words and Idioms: Studies in the English Language / L.P. Smith. – London: Constable & Co. Ltd., 1959. – 256 p.
16. Newmark P. A Textbook of Translation / P. Newmark. – New York; London: Prentice Hall International, 1988. – 292 p.
17. The Sand of Oxus, Boyhood Reminiscences of Sadriddin Aini translated from the Tajik Persian with by an introduction and Notes by John R. Perry and Rachel Lehr. / Ayni Sadriddin. – Mazda Publishers, 1998. – 277 p.

Reference

1. Azimova M.N. A Comparative-Typological Analysis of the Phraseological Systems of the Tajik and English Languages: Doctoral Dissertation in Philology / M.N. Azimova. – Dushanbe, 2006. – 328 p.
2. Ayni S. The Usurer's Death / Sadriddin Ayni. – Dushanbe, 1985. – 160 p.

3. Ayni S. Encyclopedia of Modern Tajik Prose: Reminiscences (Four Parts) / Sadriddin Ayni. – Dushanbe: Main Scientific Editorial Board of the National Encyclopedia of Tajikistan, 2009. – 680 p.
4. Arnold I.V. Lexicology of Modern English: A Textbook for Institutes and Faculties of Foreign Languages / I.V. Arnold. – 3rd ed., revised and supplemented. – Moscow: Vysshaya Shkola, 1986. – 295 p.
5. Akhmedova F.A. Verbal Phraseological Units Denoting Feelings in Russian, English, and Tajik: Candidate of Philological Sciences Dissertation / F.A. Akhmedova. – Moscow, 2013. – 203 p.
6. Dustov Kh.D. «Izofat» Phraseological Units and Their Semantic Groups // Bulletin of the Tajik National University. Philology Series. – 2016. – № 4/7 (217). – P. 18-20.
7. Kunin A.V. A Course in Modern English Phraseology. 2nd ed., revised. Moscow: Vysshaya Shkola; Dubna: Feniks, 1996. 381 p.
8. Majidov Kh. Phraseology of the Modern Tajik Language. Dushanbe, 1982. 102 p.
9. Majidov Kh. The Phraseological System of the Modern Tajik Literary Language. Dushanbe: Devashtich, 2006. – 409 p.
10. Mamadnazarov A. English-Russian Dictionary. Dushanbe: Er-graf, 2015. – 1016 p.
11. Ma'sumi N. Essays on the Development of the Tajik Literary Language. Stalinobod, 1959. – 294 p.
12. Rajabova S. Kh. "Phraseological Units Containing the Component 'Zabon' (Language) in the Tajik Literary Language." Bulletin of the Tajik National University. Series: Philological Sciences, 2025. – № 3. – P. 76-81.
13. Talabov T.S. A Comparative Analysis of Phraseological Units in Tajik and German (Based on S. Ayni's Novella 'The Death of the Usurer'). Dushanbe, 2015. – 152 p.
14. Ayni Sadriddin. The death of the Usurer, The Executioners of Bukhara. Translated from the Tajik Persian with an introduction and Notes by Adusalom Mamadnzarov/ Sadriddin Ayni. Dushanbe: "R-graph", 2024. – 296 p.
15. Smith L.P. Words and Idioms: Studies in the English Language / L.P. Smith. – London: Constable & Co. Ltd., 1959. – 256 p.
16. Newmark P. A Textbook of Translation / P. Newmark. – New York; London: Prentice Hall International, 1988. – 292 p.
17. The Sand of Oxus, Boyhood Reminiscences of Sadriddin Aini translated from the Tajik Persian with by an introduction and Notes by John R. Perry and Rachel Lehr. / Ayni Sadriddin. – Mazda Publishers, 1998. – 277 p.

Нго Суан Биен

Кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка института иностранных языков. Хюэский университет. Вьетнам, город Хюэ.

Роль авторских ремарок в понимании русского художественного текста: некоторые аспекты развития навыков чтения на русском языке*

Аннотация. В статье рассматривается роль авторских ремарок в понимании русского художественного текста и и раскрывается их лингводидактический потенциал для развития навыков чтения на русском языке. Исследование носит качественный характер и основывается на описательном, контекстно-семантическом, функциональном и интерпретативном анализе взаимодействия авторских ремарок, реплик персонажей и контекста. Выделены четыре ключевых аспекта авторской ремарки, имеющие решающее значение для понимания художественного текста: контекстуальный, интонационно-речевой, эмоционально-психологический и интерпретативный. Значимость ремарок определяется как их прямым содержанием, так и их взаимодействием с репликами персонажей и коммуникативной ситуацией. В связи с этим в данном исследовании проводится различие между текстовым указанием и последующим выводом, который делает читатель. Был разработан аналитический подход, включающий поэтапные действия: выявление текстового сигнала, осмысление его словесного значения, соотнесение с высказыванием персонажа и окружающим контекстом, формирование смыслового вывода и, наконец, верификацию полученной интерпретации. Было продемонстрировано, что эффективность целенаправленного взаимодействия с авторскими аннотациями улучшает важные подпроцессы чтения. К ним относятся формирование контекстуальных связей, усвоение разнообразных текстовых данных, синтез связного вывода и его последующая интерпретация, подкрепленная обосновывающими аргументами. В этих рамках авторские ремарки концептуализируются не как изолированные инструменты совершенствования навыков, а как целостные текстовые компоненты, способствующие глубокому и нюансированному пониманию произведений русской литературы.

Ключевые слова: авторская ремарка, художественный текст, чтение, понимание текста, русский язык как иностранный, коммуникативный контекст, читательский вывод, интерпретация.

Ngo Xuan Bien

Candidate of Philological Sciences, Lecturer at the Department of Russian Language, Institute of Foreign Languages, Hue University. Hue, Vietnam.

* © Нго Суан Биен, 2026.

The role of authorial remarks in understanding Russian literary texts: some aspects of developing Russian reading skills

Abstract. This article examines the role of authorial stage directions in the comprehension of Russian literary texts and explores their linguodidactic potential for developing Russian-language reading skills. The study is qualitative in nature, relying on descriptive, context-semantic, functional, and interpretive analyses of the interplay between authorial stage directions, character dialogue, and the surrounding context. Four key aspects of authorial stage directions crucial for understanding literary texts are identified: contextual, intonational-speech, emotional-psychological, and interpretive. The significance of these directions is determined by both their explicit content and their interaction with character dialogue and the communicative situation. Accordingly, the study distinguishes between the textual cue itself and the subsequent inference drawn by the reader. An analytical approach was developed comprising a series of steps: identifying the textual signal, grasping its verbal meaning, relating it to the character's utterance and the surrounding context, formulating a semantic inference, and, finally, verifying the resulting interpretation. It was demonstrated that purposeful engagement with authorial stage directions enhances key reading sub-processes. These include establishing contextual connections, assimilating diverse textual data, synthesizing a coherent inference, and subsequently interpreting it with supporting arguments. Within this framework, authorial stage directions are conceptualized not merely as isolated tools for skill improvement, but as integral textual components that foster a deep and nuanced understanding of works of Russian literature.

Key words: author's remark, literary text, reading, understanding of the text, Russian as a foreign language, communicative context, reader's conclusion, interpretation.

Понимание художественных текстов на иностранном языке выходит за рамки простого распознавания значений отдельных слов и грамматических конструкций. Установление взаимосвязей между элементами текста является неотъемлемой частью процесса чтения. Коммуникативные ситуации сопряжены с высказываниями персонажей; при этом учитываются их поведение, эмоциональные реакции и особенности речевого стиля. Кроме того, информация, не всегда выраженная в диалоге эксплицитно, требует интерпретации.

Особенно ярко эта проблема проявляется в диалогических фрагментах художественного текста. Письменная форма передает словесную сторону общения персонажей, но значительная часть особенностей естественного общения - интонация, темп речи, пауза, жест, мимика, движение, эмоциональная реакция - непосредственно не воспринимаются читателем. В художественном произведении часть этой информации получает словесное выражение в авторских ремарках.

И.Б. Морозова обращает внимание на тесную связь ремарки и воспри-

ятия диалога персонажей. Автор определяет предмет своего исследования как исследование роли авторского комментария, или ремарки, «для адекватного восприятия читателем персонажного диалога» [4, с. 36]. Там же отмечается: «Авторское видение ситуации общения находит свое естественное отражение в ремарках-пояснениях» [4, с. 36].

Данное положение имеет важное значение для настоящего исследования по двум причинам. Во-первых, ремарка непосредственно связана с восприятием диалога читателем. Во-вторых, ее смысл раскрывается через соотнесенность с коммуникативной ситуацией: иными словами, реплика рассматривается не изолированно, а в связи с речью и поведением персонажей.

Подобный принцип взаимодействия авторского и характерного компонентов проявляется и в исследованиях драматического паратекста. К.В. Толчеева определяет последнюю как совокупность авторских ремарок, «находящихся в системе корреляций с диалоговой частью пьесы» [6, с. 125]. Следовательно, смыслообразующий потенциал режиссуры проявляется прежде всего через ее отношение к речевой линии.

Современные исследования невербальных компонентов художественной коммуникации также подтверждают продуктивность этого подхода. Н.В. Изотова и Е.Р. Скрыпник рассматривают диалогический фрагмент художественного текста как единство речи персонажей и речи автора и показывают, что ремарки способны передавать эмоциональные состояния и невербальные компоненты общения [2, с. 47].

В сфере преподавания русского языка как иностранного эта задача приобретает особое значение. Изучающий язык должен не только распознать языковой элемент в высказывании, но и определить его связь с самим высказыванием и окружающим контекстом.

В этом отношении показательны наблюдения Т.Ю. Романовой. Автор отмечает, что маркеры, позволяющие составить представление о персонаже, его эмоциональном состоянии и намерениях, присутствуют не только в прямой речи, но и «подкрепляются» авторским комментарием – ремарками и описаниями [5, с. 1049].

Описанная ситуация ставит перед данным исследованием вопрос первостепенной важности: каков механизм, благодаря которому эксплицитная информация, содержащаяся в ремарке, служит основой для построения читателем логических выводов. В связи с этим необходим всесторонний анализ авторских ремарок, выходящий за рамки их функции структурирования литературного диалога и охватывающий их воздействие на процесс чтения. Особую значимость имеет выяснение того, как сведения, передаваемые через ремарки, соотносятся с речью персонажа, встраиваются в более широкий контекст и впоследствии формируют интерпретацию литературного фрагмента. В данной работе предпринимается попытка раскрыть этот

взаимосвязь на материале произведений русской литературы – в частности, пьесы А.П. Чехова «Три сестры», – с целью выявления возможностей для развития навыков чтения на русском языке.

Представлен иной взгляд, отходящий от традиционного фокуса исследований. Утверждение автора рассматривается как значимое не столько с точки зрения классификации, сколько как неотъемлемая часть литературного произведения, с которой читатель сталкивается в процессе его восприятия. Как справедливо отмечает И.Б. Морозова, «для правильной интерпретации реплик в диалоге необходимо изучить авторский текст, непосредственно сопровождающий реплики персонажей » [4, с. 38]. Такой подход делает акцент на вовлеченности читателя и контекстуальных рамках, заданных автором.

Авторский комментарий, связанный с диалогом персонажей как причиной, так и смыслом, наблюдается в литературных произведениях вне драматургии. Это открытие способствует более широкому пониманию ремарки. Их можно интерпретировать как авторский элемент литературного диалога, который служит для выяснения коммуникативного контекста, поведения персонажей, стиля изложения, эмоциональных настроений и других важных факторов, имеющих решающее значение для понимания разворачивающегося повествования.

Эта методология освещает взаимодействие между ремарками и диалогом. Если рассматривать их независимо, такие директивы, как «тихо», «сердито» или «страшно», мало что дают. Их истинная художественная ценность реализуется только в том случае, если они связаны с произнесенными словами персонажа, целевой аудиторией, предыдущими событиями и развивающимся повествованием. Следовательно, фокус смещается от расшифровки отдельных языковых элементов к пониманию их интеграции в более широкую смысловую сеть текста. Значение конкретной языковой единицы не просто понимается изолированно, а интегрируется в более широкую систему смысловых связей текста.

В данном контексте особое значение имеет сочетание литературных и лингводидактических аспектов. Рассматривая художественные произведения в целях преподавания русского языка как иностранного, Н.В. Кулибина отмечает, что пониманию текста способствует выявление его ключевых компонентов и осознание смысловых связей между ними [3, с. 54-58, 78-94]. Для тех, кто изучает язык, это различие играет важную роль. Так, простое знание определения наречия «сердито» существенно отличается от понимания контекстуальных причин, побудивших персонажа выразить гнев. Первое представляет собой чисто языковую задачу, тогда как второе требует синтеза различных текстовых сигналов для формирования обоснованной интерпретации. Умение связать воедино эти разрозненные элемен-

ты необходимо для более глубокого понимания нюансов повествования.

Т.Ю. Романова приводит показательный пример, анализируя пушкинскую реплику «Что вы говорите!» и сопровождающую её авторскую ремарку о том, что героиня побледнела. Как отмечает исследовательница, без этого уточнения высказывание допускало бы неоднозначное толкование; упоминание о бледности позволяет интерпретировать реакцию героини «скорее как страх, нежели как удивление» [5, с. 1049]. Это наглядно демонстрирует различие между тем, что прямо представлено в тексте, и тем, что читатель из него извлекает. Побледнение – это текстовый факт; страх – результат интерпретации этого факта в определенном контексте.

В основе анализа чеховских ремарок лежит это принципиальное различие. Оно позволяет избежать приписывания авторским указаниям смыслов, которые в них самих по себе не заложены. Хотя ремарка и служит для читателя своего рода сигналом, дальнейшее постижение ее значения требует тщательного сопоставления с произносимым диалогом, коммуникативным контекстом и другими элементами текста. В одних случаях такое сопоставление помогает реконструировать обстановку беседы; в других – позволяет уловить интонацию персонажа или понять его эмоциональное состояние. Иногда же оно выявляет смысловое расхождение, которое затем служит отправной точкой для более глубокого истолкования.

Материалом для анализа текстовых компонентов послужила пьеса А.П. Чехова «Три сестры»; текст был взят из академического издания «Полного собрания сочинений и писем» [7, с. 117-188]. Выбор одной пьесы был обусловлен не стремлением к широкому количественному обзору ремарок, а желанием детально изучить динамику их функционирования в рамках конкретного художественного мира. Особое внимание уделялось тем случаям, когда авторские указания были неразрывно связаны с диалогом или коммуникативным поведением персонажа, тем самым влияя на трактовку соответствующей сцены. Анализ включал рассмотрение языкового наполнения ремарок, их взаимосвязи с другими пометками и ситуативным контекстом, а также смысловых выводов, возникающих при их сопоставлении. Данная методология объединяет контекстно-семантический, функциональный и интерпретативный подходы. При этом значимость этих методов заключается не в их формальной классификации, а в их применении как системных способов работы с конкретным художественным материалом.

В пьесе А.П. Чехова «*Три сестры*» уже в самом начале встречается показательная деталь: «*Маша, погруженная в свои мысли, тихо напевает*» [7, с. 120]. На первый взгляд, эта ремарка лишь фиксирует действия героини. Однако наречие «*тихо*» выходит за рамки простого указания на громкость звука. Оно неразрывно связано с состоянием задумчивости Маши и появляется в сцене, где речь идет именно о ней. В результате зритель получа-

ет возможность не только представить себе происходящее, но и ощутить определенную отстраненность героини от окружающей обстановки. Подобное восприятие не вытекает непосредственно из самого слова «*тихо*»; такой вывод становится возможным благодаря его связи с поведением Маши и общей атмосферой повествования.

Именно эта особенность подчеркивает смысловую значимость интонации в произведениях Чехова. В пользу такого подхода свидетельствуют и исследования Ю.В. Доманского, специально рассматривавшего функцию ремарки «т*ихо*» в пьесе «Вишневый сад» и связавшего этот элемент с развитием характеристики персонажа [1, с. 40-47]. Следовательно, для адекватной интерпретации недостаточно просто воспринять указанный автором уровень громкости; необходимо глубже понимать причины, по которым в том или ином эпизоде фиксируются конкретные особенности речевого или неречевого поведения.

Наглядным примером этого служит краткая реплика Маши: «Маша (Ольге, сердито). Не реви!» [7, с. 125]. Если не учитывать заданную эмоциональную окраску, высказывание героини допускает широкий спектр толкований – от проявления явной резкости до нестандартной попытки утешить собеседницу. Хотя авторская ремарка и не снимает полностью двусмысленность реплики, она существенно сужает поле возможных интерпретаций, заставляя принимать во внимание эмоциональный настрой диалога. Тем самым читателя подводят к необходимости соотносить лексико-грамматическое содержание высказывания с нюансами его произнесения.

Авторские ремарки порой не столько проясняют эмоциональные оттенки, сколько ставят перед исследователем задачи, требующие особого толкования. Подобная сложность возникает в связи со словами Маши: «У меня сегодня дурное настроение – я хандрю, – так что не слушай меня. (Смеется сквозь слезы.) Поговорим потом...» [7, с. 124]. Указание «смеется сквозь слезы» совмещает внешние проявления, которые невозможно однозначно свести к какой-либо одной эмоции. Читатель сталкивается с одновременным смехом и плачем, что требует соотнесения этих реакций с выражаемой героиней подавленностью. В данном случае ремарка выходит за рамки простого обозначения эмоции, наделяя состояние персонажа особой сложностью и психологической глубиной.

Аналогичная картина наблюдается и в авторской ремарке к реплике Чебутыкина – «*сквозь слезы, сердито*» [7, с. 126]. Сочетание слез и гневного тона в одной реплике означает, что любая попытка свести состояние героя исключительно к скорби или только к гневу неизбежно обедняет его. Как отмечают Н.В. Изотова и Е.Р. Скрыпник, авторские вставки в диалогах позволяют обозначить эмоциональное состояние и сопутствующие невербальные сигналы говорящего [2, с. 47]. Тем не менее, для аудитории такие

указания служат прежде всего отправными точками; точный смысл эмоциональной реакции раскрывается впоследствии через ее взаимодействие с произносимым текстом и контекстом ситуации.

Особого внимания заслуживают ситуации, в которых между диалогом персонажа и наблюдениями повествования возникает явный смысловой конфликт. В изображенной встрече с Наташей Ольга комментирует: «Ольга (вполголоса, испуганно). На вас зеленый пояс! Милая, это нехорошо!» [7, с. 136]. Если рассматривать чисто буквальное содержание, то высказывание относится к предмету одежды. Тем не менее сопутствующее наречие «нервно» значительно усиливает эмоциональную глубину сцены. Возникает вопрос, почему наблюдение относительно зеленого пояса должно вызвать такую реакцию. Текстовое представление ремарки само по себе не дает легкого объяснения, и именно эта неясность делает ее особенно важной для критического анализа и понимания.

Было бы опрометчиво приписывать «зеленому поясу» какое-то особое символическое значение, основываясь исключительно на ремарке «испуганно». Важно понимать, что эта ремарка призвана подчеркнуть диссонанс между обыденным характером диалога и глубокой эмоциональной напряженностью реакции Ольги. Любая попытка истолковать данную ситуацию должна соотноситься с характером Наташи, динамикой межличностных отношений и развитием событий. В подобных случаях подтекст не задается ремаркой напрямую; напротив, читателю предлагается самостоятельно искать его и сверять складывающееся понимание с дальнейшим ходом повествования.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, как трудно при чтении отделить друг от друга контекстуальные, интонационные, эмоциональные и интерпретационные аспекты ремарки. Хотя подобная классификация полезна для анализа, в художественном произведении эти элементы находятся в постоянном взаимодействии. Указание на интонацию может одновременно обозначать эмоциональное состояние; эмоциональный всплеск способен изменить восприятие ситуации; а наблюдение за поведением, в свою очередь, может послужить основанием для определенного толкования. Следовательно, целесообразнее говорить не об отдельных функциях, а о многогранном процессе формирования смысла, который ремарка инициирует в сознании читателя.

Именно этот контекст определяет лингводидактический потенциал материала. При работе с художественным текстом на иностранном языке учебное задание не должно ограничиваться простым переводом или разъяснением отдельных слов, встречающихся в ремарках. Например, понимание значения слова «сердито» еще не означает, что учащийся осознает его роль в развитии драматического действия. Возникает важный вопрос: как меняется наше восприятие высказывания, если мы понимаем, что оно про-

износится со злостью?

Такой подход естественным образом переключает внимание с грамматической структуры на содержательную суть текста. Сначала читатель воспринимает авторскую ремарку и улавливает ее прямой смысл. Затем, при повторном обращении к диалогу и с учетом сопутствующих обстоятельств, формируется индивидуальная интерпретация. Если дальнейшее развитие сюжета вступает в противоречие с этой трактовкой, первоначальное понимание пересматривается. Этот процесс не обязательно должен быть жестко регламентирован как последовательность педагогических этапов; в ходе непосредственного чтения описанные когнитивные операции могут происходить практически одновременно. Главное заключается в том, что наличие ремарки побуждает читателя синтезировать разрозненные элементы текста, а не рассматривать их изолированно.

Анализ литературных отрывков можно выстроить вокруг вопросов, органично вытекающих из содержания текста. Важное значение имеют такие аспекты, как своеобразие диалога персонажей, дополнительные смысловые оттенки, вносимые авторскими ремарками, а также то, как меняется восприятие текста при их отсутствии. Кроме того, необходимо разграничивать выводы, непосредственно подтверждаемые текстом, и суждения, носящие чисто умозрительный характер. Сосредоточение внимания на небольшом фрагменте позволяет перейти от простой работы с лексикой к более глубокому пониманию литературного контекста.

На наш взгляд, такой подход демонстрирует ключевую роль авторских ремарок в совершенствовании навыков чтения на русском языке. Несмотря на краткость, эти элементы чрезвычайно информативны: они побуждают читателя учитывать контекст, сопоставлять разнородные сведения и обосновывать собственную интерпретацию. Впрочем, мы не утверждаем, что сам по себе анализ ремарок неизбежно ведет к повышению уровня читательской компетенции. Поскольку данная работа не включала в себя педагогический эксперимент, подобные заявления были бы преждевременными. Более обоснованным представляется утверждение о том, что авторские ремарки обладают значительным потенциалом для обучения языку и служат ценным материалом, способствующим глубокому осмыслению литературных произведений.

Из этого анализа можно сделать и более общий вывод. Значимость описательного высказывания определяется не столько объемом предоставляемых им новых сведений, сколько тем местом, которое эти сведения занимают в понимании конкретного фрагмента повествования. Иногда достаточно одного наречия – например, «*тихо*», «*сердито*» или «*испуганно*», – чтобы изменить восприятие высказывания или выявить для читателя смысловой диссонанс. В других случаях высказывание может содержать

множество характеристик, что, напротив, делает эмоциональный настрой персонажа менее ясным. Однако во всех рассмотренных примерах истинный смысл высказывания раскрывается лишь благодаря его взаимодействию с диалогом и окружающим контекстом.

Для зарубежной аудитории это взаимодействие особенно важно, поскольку оно требует перехода от простого владения языком к постижению смыслов. Авторское пояснение служит инструментом понимания не само по себе, а в тот момент, когда читатель улавливает заложенную в тексте подсказку, соотносит ее с развитием событий и использует эту связь для уточнения своей интерпретации. Именно в этом переходе от языковой конструкции к контекстуальному значению и заключается главная ценность таких пояснений, способствующих более глубокому и тонкому восприятию произведений русской литературы.

Библиографический список:

1. Доманский Ю.В. Ремарка «тихо» и ремарка «тихо» в «Вишневом саде» А.П. Чехова // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. – 2012. – № 1. – С. 40-47.
2. Изотова Н.В., Скрыпник Е.Р. Способы репрезентации невербальных компонентов общения в повести А. П. Чехова «Степь» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2024. – Т. 28. – № 1. – С. 47-57. – DOI: 10.18522/1995-0640-2024-1-47-57.
3. Кулибина Н.В. Зачем, что и как читать на уроке: художественный текст при изучении русского языка как иностранного. – СПб.: Златоуст, 2001. – 263 с.
4. Морозова И.Б. Коммуникативно-прагматическая роль авторской ремарки в художественном диалоге // Мова. – 2012. – № 17. – С. 36-41.
5. Романова Т.Ю. Трудности обучения иностранных студентов передаче чужих высказываний в монологической речи (в аспекте русского языка как иностранного) // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 7. – Вып. 10. – С. 1047-1053. – DOI: 10.30853/ped20220167.
6. Толчеева К.В. Изучение драматургического паратекста в отечественной науке: проблемы типологии и взаимодействия с драматургическим диалогом // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 2. – С. 125-129.
7. Чехов А.П. Три сестры // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. – М.: Наука, 1978. – Т. 13: Пьесы. 1895–1904. – С. 117-188.

Reference

1. Domansky Yu.V. The stage direction “quietly” in A.P. Chekhov’s *The Cherry Orchard* // Bulletin of Tver State University. Series: Philology. – 2012. – № 1. – P. 40-47.
2. Izotova N.V., Skrypnik E.R. Methods of representing non-verbal communication components in A.P. Chekhov’s novella *The Steppe* // Proceedings of Southern Federal University. Philological Sciences. – 2024. – Vol. 28. – № 1. – P. 47-57. – DOI: 10.18522/1995-0640-2024-1-47-57.
3. Kulibina N.V. Why, what, and how to read in class: literary texts in teaching Russian as a foreign language. – St. Petersburg: Zlatoust, 2001. – 263 p.
4. Morozova I.B. The communicative-pragmatic role of authorial stage directions in literary dialogue // Mova. – 2012. – № 17. – P. 36-41.
5. Romanova T.Yu. Challenges in teaching foreign students to convey others’ utterances in monologue speech (in the context of Russian as a foreign language) // Pedagogy. Issues of Theory and Practice. – 2022. – Vol. 7. – Issue 10. – P. 1047-1053. – DOI: 10.30853/ped20220167.
6. Tolcheeva K.V. The Study of Dramatic Paratext in Russian Scholarship: Issues of Typology and Interaction with Dramatic Dialogue // Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. – 2014. – № 2. – P. 125-129.
7. Chekhov A.P. Three Sisters // Complete Collected Works and Letters: in 30 vols. Works: in 18 vols. – Moscow: Nauka, 1978. – Vol. 13: Plays. 1895–1904. – P. 117-188.

Окилова Х.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры персидского и китайского языков факультета восточных языков ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова», Республика Таджикистан, г. Худжанд.

Морфологико-семантические особенности таджикского союза «Вагарна» и его английских эквивалентов (на основе материала «Гуломона» С. Айни)*

Аннотация. В данной статье рассматривается морфологическая структура и семантические функции таджикского союза вагарна и его английских эквивалентов на примере романа С. Айни «Гуломон». Исследование определяет морфологический состав вагарны как сложного союза, образованного из условной частицы агар и отрицания на, анализирует его полисемантический характер, охватывающий условно-контрастивные, противительные и условно-предупреждающие значения, и устанавливает систематическое соответствие с английскими эквивалентами, включая otherwise, or else, if not и lest. В исследовании используются описательные, сравнительные и количественные методы, анализируются 53 контекста из романа. Полученные результаты вносят вклад в таджикско-английскую контрастивную лингвистику и исследования перевода, показывая, что выбор английского эквивалента зависит от прагматических факторов, включая коммуникативное намерение, стилистический регистр и контекст дискурса.

Ключевые слова: союз, вагарна, таджикский язык, английские эквиваленты, морфологические особенности, семантические особенности, контрастивный анализ, С. Айни, «Гуломон».

Oqilova H.A.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Persian and Chinese Languages, Faculty of Oriental Languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Tajikistan Republic, Khujand.

Morphologico-semantical features of the Tajik conjunction Вагарна and its English equivalents (on the material of "Ghulomon" by S. Aini)

* © Окилова Х.А., 2026.

Abstract. The given article dwells on the morphological structure and semantic functions of the Tajik conjunction вагарна and its English equivalents based on the material of S. Aini's novel "Ghulomon". The study identifies the morphological composition of вагарна as a compound conjunction formed from the conditional particle агар and the negation на, analyzes its polysemantic nature encompassing conditional-contrastive, adversative, and conditional-warning meanings, and establishes a systematic correspondence with English equivalents including otherwise, or else, if not, and lest. The research employs descriptive, comparative, and quantitative methods, analyzing 53 contexts from the novel. The findings contribute to Tajik-English contrastive linguistics and translation studies, revealing that the choice of English equivalent depends on pragmatic factors including communicative intent, stylistic register, and discourse context.

Key words: conjunction, вагарна, Tajik language, English equivalents, morphological features, semantic features, contrastive analysis, S. Aini, "Ghulomon".

1. Introduction

The study of conjunctions in Tajik and their equivalents in other languages remains one of the underexplored areas of contrastive linguistics, despite the growing interest in Tajik-English translation studies. Conjunctions, as functional parts of speech, play a crucial role in organizing discourse, establishing logical relationships between clauses, and conveying pragmatic nuances of communication. Among the conjunctions of the Tajik language, вагарна occupies a special position due to its complex morphological structure and polysemantic nature, which pose significant challenges for both linguistic description and translation practice [7; 8].

The relevance of this research is determined by several factors. First, the conjunction вагарна is widely used in modern Tajik literary and colloquial speech, yet its systematic description in linguistic literature remains insufficient. Second, the accurate translation of вагарна into English requires a deep understanding of its semantic nuances, which are often context-dependent and cannot be reduced to a single equivalent. Third, the study of this conjunction contributes to the broader field of Tajik-English contrastive grammar, which has been gaining momentum in recent years but still lacks comprehensive studies of functional parts of speech.

Furthermore, the analysis of вагарна within the framework of a literary text–specifically, S. Aini's novel "Ghulomon"–provides valuable insights into the actual usage patterns of this conjunction in authentic discourse, revealing its pragmatic functions and stylistic features that might remain unnoticed in purely theoretical descriptions. The choice of this literary work is motivated by its status as one of the most significant works of Tajik literature, featuring rich linguistic material representative of early 20th-century Tajik language.

The main purpose of this article is to provide a comprehensive analysis of the morphologico-semantical features of the Tajik conjunction вагарна and its English equivalents based on the material of S. Aini's novel "Ghulomon". The

specific objectives include:

1. To identify the morphological structure and etymology of вагарна as a compound conjunction in Tajik.

2. To describe the semantic functions of вагарна in different contextual environments.

3. To establish a systematic correspondence between вагарна and its English equivalents.

4. To analyze the pragmatic factors influencing the choice of English equivalents in translation.

5. To contribute to the development of Tajik-English contrastive linguistics and translation theory.

This article serves several functions within the field of linguistics and translation studies:

Descriptive function: The article provides a systematic description of the morphological structure and semantic functions of the Tajik conjunction вагарна, filling a gap in the grammatical description of Tajik functional parts of speech.

Comparative function: By establishing a correspondence between вагарна and its English equivalents, the article contributes to the development of contrastive linguistics and offers practical guidance for translators working with Tajik-English texts.

Methodological function: The research methodology developed for this study, combining corpus analysis, contextual interpretation, and comparative mapping, can be applied to the study of other conjunctions and functional parts of speech in Tajik and other languages.

Practical function: The findings of this research can be used in the development of Tajik-English dictionaries, translation manuals, and educational materials for teaching Tajik as a foreign language or English to Tajik-speaking learners.

2. Literature review

The study of conjunctions in Tajik linguistics has a relatively long history, with foundational works appearing in the mid-20th century. The academic grammar of the Tajik language (Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик, 1985) [5] provides a systematic description of conjunctions as functional parts of speech, classifying them according to their structure, meaning, and syntactic function. However, the treatment of specific conjunctions, including вагарна, remains general and does not delve into the detailed semantic and pragmatic analysis that modern linguistics demands.

Bozidov's (1985) monograph on conjunctions in contemporary Tajik represents one of the most comprehensive studies of this topic. The author examines the classification of conjunctions, their syntactic functions, and their role in text organization [4]. However, the work focuses primarily on coordinating conjunctions, with less attention given to compound conjunctions like вагарна. Bobomurodov (1983) contributed to the understanding of word formation in

Tajik, including compound conjunctions, but his analysis of вагарна is limited to structural description without extensive semantic analysis [3].

In more recent years, Kamoliddinov (2017) has explored the grammatical means of expressing opposition in Tajik subordinate clauses, touching upon conjunctions used in conditional-contrastive constructions. His work provides valuable insights into the functional semantics of conjunctions like вагарна in expressing hypothetical opposition. However, the study does not extend to comparative analysis with other languages [6].

The comparative study of Tajik and English conjunctions has been the subject of several recent works. Ashrapov (2017) [12] examined the place and role of subordinate conjunctions in the historical text "Tuhfat-ul-khoni", providing diachronic perspective on conjunction usage in Tajik. Ashrapov (2025) [10] conducted a comparative analysis of lexico-functional peculiarities of conjunctions connecting words and phrases in English and Tajik, focusing on coordination at the level of phrasal constituents. Ashrapov (2025b) [11] extended this comparative approach to measure words, demonstrating the applicability of contrastive methodology to different grammatical categories. Ashrafzoda and Boybolaev (2026) [9] investigated the semantico-morphological peculiarities of Tajik prefixoids and their English equivalents, providing a methodological model for studying functional parts of speech in contrastive perspective.

The English equivalents of conjunctions expressing condition and consequence have been studied in English linguistics from various perspectives. Belyaeva (1973) provides a foundational description of English grammar, including the classification and functions of conjunctions [2]. Perry (2005) offers a comprehensive reference grammar of Tajik Persian, including discussion of conjunctions and their usage patterns, though the focus is on Tajik internal structure rather than comparative analysis [13].

Despite these contributions, a dedicated study of the Tajik conjunction вагарна and its English equivalents remains absent from the academic literature. The present article aims to fill this gap by providing a systematic morphologico-semantical analysis of вагарна based on authentic textual material and establishing a functional equivalence with English conjunctions and conjunction-like expressions.

3. Research methods

This study employs a combination of research methods designed to provide a comprehensive analysis of the Tajik conjunction вагарна and its English equivalents:

Descriptive method: The morphological structure of вагарна is described based on the analysis of its constituent elements (агар + на), with reference to the established grammatical descriptions of Tajik language. The semantic functions are identified and classified according to the logical relationships expressed by the conjunction in different contexts.

Comparative method: The comparison between Tajik and English equivalents is conducted at two levels: (1) formal-structural comparison, examining the morphological composition and syntactic behavior of the conjunction in both languages; (2) functional-semantic comparison, establishing equivalence based on the logical and pragmatic functions performed by the conjunction in discourse.

Quantitative method: All occurrences of вагарна in S. Aini's novel "Ghulomon" (53 instances) were identified and classified according to their semantic function and corresponding English equivalent. Frequency analysis was conducted to determine the distribution of different translation equivalents.

Contextual analysis: Each occurrence of вагарна was analyzed within its broader textual context to determine the precise semantic relationship between clauses and the pragmatic factors influencing the choice of English equivalent. This method is essential for capturing the polysemantic nature of the conjunction and understanding how context disambiguates its meaning.

Translation analysis: The English equivalents were analyzed by examining translations of the examples, comparing multiple possible translations where relevant, and identifying the criteria governing the choice of specific equivalents in different contexts.

The material for this study comprises all occurrences of the conjunction вагарна in S. Aini's novel "Ghulomon" (Айнӣ, 2019). The novel, consisting of 488 pages, provides a rich linguistic corpus representing early 20th-century Tajik literary language. The choice of this material is justified by: (1) the text's significance as a landmark of Tajik literature, (2) its authentic representation of Tajik usage, (3) the sufficient frequency of the target conjunction for meaningful analysis, and (4) the availability of comprehensive contextual information for semantic interpretation.

4. Main results

4.1 Morphological structure of вагарна

The analysis of the morphological structure of вагарна reveals that it is a compound conjunction formed from the conditional particle агар (if) and the negation particle на (no/not). The combination of these elements has undergone phonological fusion, resulting in the form вагарна, which functions as a single lexical unit. This morphological structure is significant because it encodes the core meaning of the conjunction: a conditional relationship with a negative consequence or alternative.

The etymological development of вагарна follows a typical pattern for compound conjunctions in Tajik, where functional words combine to create new meanings. The component агар introduces a condition, while на marks the negation of a desirable outcome or the presentation of an alternative scenario. This compound structure is parallel to English expressions like if not or or else, which similarly combine conditional and negative elements.

4.2 Semantic functions of вагарна

Based on the analysis of 53 occurrences in "Ghulomon", the following semantic functions of вагарна were identified:

1. Conditional-contrastive function: In this function, вагарна presents a hypothetical situation that would occur if the preceding condition is not fulfilled. The conjunction introduces a negative consequence that contrasts with a positive or desirable outcome mentioned earlier. This function typically corresponds to English otherwise.

2. Adversative function: вагарна sometimes introduces a clause that presents an alternative perspective or a counterargument to what has been stated previously. In this function, it may be translated as on the other hand or if not that.

3. Conditional-warning function: In imperative and warning contexts, вагарна introduces the negative consequence of failing to comply with a directive or warning. This function often corresponds to English or else.

4. Hypothetical-contrary-to-fact function: вагарна can also introduce a hypothetical situation that contradicts the established facts or assumptions, often corresponding to English otherwise or if it were not for the fact that.

4.3 Comparative analysis of English equivalents

The comparative analysis of 11 representative examples from "Ghulomon" reveals the systematic correspondence between вагарна and its English equivalents. The following analysis examines each example in detail:

Example 1: –Дастҳои якдигаратонро бандед, овозҳотонро набароред. **Вагарна** ҳамаатон кушта мешавед! [1, p. 18] – Tie each other's hands, don't raise your voices. **Otherwise** you will all be killed! [translated by the author].

In this imperative context, *вагарна* introduces the negative consequence of not following the preceding directives. The conjunction clearly expresses a conditional-warning function, where the failure to comply with the command results in a severe punishment. The English equivalent *otherwise* captures this meaning precisely, as it also establishes a conditional relationship between the command and its consequence. The choice of otherwise rather than or else reflects the formal register of the translated text.

Example 2: Равед, хубтар кор кунед, **вагарна** халифа роҳи аз шум очи гуна ниқоргириро медонад, - гуфта гӯё онҳоро ронда бароварда [1, p. 26] - Go, work better, **or else** the caliph knows the way to rid himself of you," he said, as if driving them out [translated by the author].

The relevant example also appears in an imperative context, but the tone is more nuanced. The conjunction *вагарна* here serves both a warning function and a persuasive function, as the speaker is attempting to motivate the listeners to improve their performance. The English equivalent *or else* is particularly appropriate here because it conveys the implied threat more directly than otherwise. The choice of or else reflects the colloquial register of the original text,

where the speaker is addressing subordinates in an informal setting.

Example 3: –Албатта,–гуфт бой,–барои бой шудан ҳамаи ҳаромзодагиҳои дунёро донистан ва кардан лозим аст. **Вагарна** танҳо худи пул ба сари худ ҳеҷ кор карда наметавонад, ҳатто ба дасте, ки дуздӣ ва ҳаромзо- дагӣ накунад, пул ҷамъ ҳам намешавад [56] - Of course, said the rich man, "to become rich, one must know and do all the vileness of the world. **If not**, money alone can do nothing by itself–it won't even accumulate in hands that don't steal or commit wickedness." [translated by the author].

Proceeding from the assumption of the above-mentioned example one can asset that *вагарна* functions in a conditional-contrastive pattern. The preceding clause states a necessary condition (knowing and doing all vileness), and *вагарна* introduces the negative consequence of not fulfilling this condition (money can do nothing). The English equivalent *if not* is particularly appropriate here because it maintains the conditional structure of the original while conveying the negative consequence. The translation if not preserves the logic of the original: the first clause establishes what must be done, and the second clause explains what happens in the absence of such action.

Example 4: Агар бар болои ҳамдиниамон кори савдо ва саноатамонро ҳам бо ҳам гирифта барем, ба муқобили бойҳои кофир кор карда метавонем, вагарна бойҳои урус ҳам шуморо, ҳам моро хароб мекунанд, мешиканонанд [96] - **If** we combine our trade and industry among our co-religionists, we can stand against the infidel rich; **otherwise** the Russian rich will ruin and break both you and us [translated by the author];

So, the above-adduced example presents a classic conditional-contrastive construction where the first clause (introduced by *агар*) states a positive condition and outcome, and *вагарна* introduces the negative alternative. The English equivalent *otherwise* effectively captures this contrast, establishing the relationship between the desired action and its opposite outcome. The structure *If... otherwise...* is a common pattern in English for expressing alternative scenarios.

Example 5: Агар қадре об ояд, ягон чиз мерӯидааст, **вагарна** ҳамроҳи кишт меҳнати деҳқонон ҳам сӯхта ҳамагӣ талаф мешудааст [117] - **If** a little water comes, something will grow; **lest** the farmers' labor along with the crops burn and be entirely lost [translated by the author].

Seemingly, the relevant example is notable for the use of *lest* as an English equivalent. The conjunction *вагарна* here introduces a negative consequence that the speaker wishes to prevent or avoid. The use of *lest* conveys the sense of precaution or avoidance that is present in the original. However, *lest* is somewhat archaic in contemporary English and is typically used in more formal contexts. In this example, the translation choice reflects the literary register of the source text.

Example 6: Вагарна барои ман аз шудани фарзанд нашудани он беҳтар аст. Мо ба дунё омада чӣ дидем, ки фарзандони мо бинанд... [106] - **Or else**

for me, not having children is better than having them. What did we see in this world that our children should see? [translated by the author].

In this example, *вагарна* appears at the beginning of the sentence, functioning as a discourse marker rather than a clause connector in the typical sense. The conjunction introduces an alternative perspective or a different line of reasoning. The English equivalent *or else* is used to introduce this alternative viewpoint, though the exact function here is more adversative than conditional. The choice of or else rather than otherwise reflects the pragmatic function of the conjunction in introducing a contrasting opinion.

Example 7: –Маълум мешавад, ки шумо инҷой нестед, **вагарна** рӯди Ҷилвонро медидед [116] - It turns out you are not from here, **otherwise** you would have seen the Jilvon River [translated by the author].

In reference to it, the above-mentioned example illustrates the hypothetical-contrary-to-fact function of *вагарна*. The first clause states a fact (you are not from here), and *вагарна* introduces a hypothetical situation that contradicts this fact and its consequences (if you were from here, you would have seen the river). The English equivalent *otherwise* captures this meaning by presenting the hypothetical alternative to the established fact. The structure otherwise you would have is a common pattern in English for expressing counterfactual conditionals.

Example 8: –Хайрият, ки домулло,–гуфт,–айнаки шумо ҳам дар хонаатон намонда будааст. **Вагарна** мо маҷбур мешудем, ки хатро бурда ба худи Ҷаноби шариатпаноҳӣ хононем [157] - Thank goodness, Domulla," he said, "that your glasses were not left at home either. **If not**, we would have been forced to take the letter and read it to His Excellency the Protector of Sharia" [translated by the author].

The conjunction *вагарна* in this example introduces a hypothetical consequence that was avoided because of the condition mentioned in the first clause (the glasses were not left at home). The English equivalent *if not* is appropriate here because it maintains the conditional structure while introducing the counterfactual situation. The phrase if not in English can function similarly to *otherwise* but often appears in more explicit conditional constructions.

Example 9: –Хуб аст, ки мӯи сарат рехтааст, **вагарна агар** ман ба кандани риш маҷбур шуда бошам, ту маҷбур мешудӣ, ки мӯи саратро канӣ [181] - It's good that your hair has fallen out, **or else if** I had been forced to pluck your beard, you would have been forced to pluck your hair [translated by the author].

This example presents a complex construction where *вагарна* is followed by an additional conditional clause (агар ман... маҷбур шуда бошам). The conjunction introduces a hypothetical scenario that was avoided, serving a similar function to *or else* in English. The English equivalent *or else* captures the sense of alternative consequence, while the following if clause maintains the explicit conditionality of the original.

Example 10: –Онҳо бояд одамҳои безарар бошанд, **вагарна** бой онҳоро

ба хонааш роҳ намедод [198] - They must be harmless people; **otherwise** the rich man would not let them into his house [translated by the author].

Designing on the premise of the above-given example we can confidently express our opinion that, *вагарна* introduces the logical consequence that follows from the first clause. The first clause states a necessity (they must be harmless), and *вагарна* presents the logical outcome that would follow if they were not harmless (the rich man would not let them in). The English equivalent *otherwise* captures this logical relationship effectively, presenting the consequence of the alternative scenario.

Example 11: Азбаски сар то пои маро ишку муҳаббати ту фаро гирифтааст, ҳар кори худамро оварда ба ҳамин ишку муҳаббат мебандам. Вагарна корҳои ба колхоз зараррасонӣ ва колхоз вайронкуниро, пеш аз он ки бо ту дар ин кор забон як карда бошам, низ карда омадаам [461] - **Since** your love and affection have possessed me from head to toe, I tie all my own deeds to this love. **Lest** you think **otherwise**–I have already done harmful and destructive things to the collective farm even before I agreed with you on this matter [translated by the author].

This final example presents a more complex usage of *вагарна* where the conjunction introduces a clarification or a "*lest... think otherwise*" construction. The conjunction functions as a pragmatic marker to prevent misunderstanding about the speaker's actions. The English equivalent *lest* you *think otherwise* is more elaborate than the simple equivalents discussed above, reflecting the pragmatic complexity of the original. This usage demonstrates that *вагарна* can serve metadiscursive functions beyond simple clause connection.

5. Discussion

5.1 Morphological analysis

The morphological analysis of *вагарна* confirms its status as a compound conjunction formed through the fusion of the conditional particle *агар* and the negation particle *на*. This compound structure is significant from both diachronic and synchronic perspectives. Diachronically, it reflects the grammaticalization process whereby frequent collocations become fixed units with specialized functions. Synchronically, the compound structure encodes the core meaning of the conjunction: a conditional relation with a negative component.

The phonological fusion of агар and на into вагарна involves the loss of the initial vowel of агар (а→о) and the assimilation of the final consonant, resulting in a form that functions as a single phonological word. This fusion is characteristic of compound conjunctions in Tajik, where combining elements often undergo phonological reduction.

The morphological structure of вагарна is not directly paralleled in English, where equivalents like otherwise, or else, if not, and lest are morphologically distinct. Otherwise is derived from other + wise (meaning "in another way"), or else is a phrasal conjunction combining the disjunctive or and the adverbial else, if not is a phrasal conjunction consisting of the conditional subordinator if and the

negation not, and lest is a simple lexical item with etymological origins in Old English þȳ lǣs ("by that less"). This morphological diversity in English equivalents reflects the different conceptualizations of the logical relationship expressed by вагарна in English.

5.2 Semantic analysis

The semantic analysis reveals that вагарна is a polysemantic conjunction with multiple functions that are disambiguated by context. The primary function is conditional-contrastive, where the conjunction introduces a negative consequence that follows from the failure to fulfill a condition or the opposite of a stated situation. This function is most commonly translated as otherwise.

The adversative function of вагарна is closely related to the conditional-contrastive function but places more emphasis on the contrast between two alternatives rather than the consequence of one alternative. In this function, вагарна may be translated as or else or if not, depending on the emphasis of the contrast.

The warning function is particularly salient in imperative contexts, where вагарна introduces the negative consequence of failing to comply with a directive. This function is most commonly translated as or else, which carries a similar warning tone in English.

The hypothetical-contrary-to-fact function occurs in contexts where the speaker presents a counterfactual situation or a hypothetical alternative to established facts. This function is commonly translated as otherwise in English, often accompanied by a conditional verb form.

5.3 Comparative analysis of English equivalents

The comparative analysis of the 11 examples reveals a systematic correspondence between the semantic functions of вагарна and specific English equivalents. The following patterns emerge:

1. Otherwise is the most frequent equivalent, appearing in contexts where вагарна functions in a conditional-contrastive pattern (Examples 1, 4, 7, 10). This equivalent effectively captures the meaning of "if not" or "in the opposite case".

2. Or else appears in contexts where the warning or threat function is prominent (Examples 2, 6, 9). This equivalent carries a slightly more colloquial or emphatic tone than otherwise.

3. If not appears in contexts where the conditional structure is explicit and the emphasis is on the failure to meet a condition (Examples 3, 8). This equivalent maintains the conditional semantics of the original.

4. Lest appears in contexts where the conjunction expresses a precautionary function, introducing a negative outcome to be avoided (Example 5). This equivalent is more formal and somewhat archaic.

5. Lest you think otherwise appears in metadiscursive contexts where the conjunction serves a pragmatic function of preventing misunderstanding (Example 11). This equivalent is more elaborate and reflects the pragmatic complex-

ity of the original.

The choice among these equivalents is influenced by several factors: the syntactic construction (imperative vs. declarative), the pragmatic function (warning vs. logical consequence), the register (formal vs. informal), and the discourse context (narrative vs. dialogue).

5.4 Implications for translation theory and practice

The findings of this study have significant implications for both translation theory and practice. From a theoretical perspective, the analysis demonstrates that functional equivalence in translation must be established at multiple levels: logical, pragmatic, and stylistic. While otherwise, or else, if not, lest, and lest you think otherwise are all plausible equivalents of вагарна, they are not interchangeable in all contexts. The translator must consider the full communicative function of the conjunction in context to select the most appropriate equivalent.

6. Conclusion

This study has provided a comprehensive analysis of the morphologico-semantical features of the Tajik conjunction вагарна and its English equivalents based on the material of S. Aini's novel "Ghulomon". The research has yielded the following main conclusions:

1. Morphologically, вагарна is a compound conjunction formed from the conditional particle агар and the negation particle на, functioning as a single lexical unit.

2. Semantically, вагарна is polysemantic, expressing conditional-contrastive, adversative, conditional-warning, and hypothetical-contrary-to-fact functions that are disambiguated by context.

3. The English equivalents of вагарна include otherwise, or else, if not, lest, and more elaborate expressions such as lest you think otherwise. The choice among these equivalents depends on syntactic construction, pragmatic function, register, and discourse context.

4. The most frequent equivalent is otherwise, which corresponds to the conditional-contrastive function of вагарна in declarative contexts.

5. The systematic correspondence between вагарна and its English equivalents can be represented as a functional mapping that accounts for the multiple semantic and pragmatic dimensions of the conjunction.

The findings of this research contribute to Tajik-English contrastive linguistics, translation theory, and the practical development of translation resources. They also provide a methodological model for the study of other conjunctions and functional parts of speech in Tajik and other languages.

Future research could extend this analysis to other Tajik conjunctions, examine diachronic changes in the usage of вагарна, or investigate the differences between written and spoken usage. Additionally, a corpus-based study of вагарна in contemporary Tajik texts could complement the literary analysis presented

here and provide insights into the current usage patterns of this conjunction.

Библиографический список:

1. Айнӣ С. Ғуломон. Роман. Душанбе: Адабиёти бачагона, 2019. – 488 с.
2. Беляева М.А. Грамматика английского языкаю – М.: 1973. – 375 с.
3. Бобомуродов Ш. Луғати мухтасари калимасозии забонии адабии тоҷик. Дастури таълим. Душанбе: Маориф, 1983. – 120 с.
4. Бозидов Н. Пайвандакҳо дар забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: Маориф, 1985. – 102 с.
5. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми I: Фонетика. Морфология. Душанбе: Дониш, 1985. – 356 с.
6. Камолиддинов Б. Воситаҳои грамматикии алоқаи чумлаи пайрави хилоф дар забони тоҷикӣ // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. 2017. – № 5. – С. 3-7.
7. Мамадназаров А. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣА. Душанбе: Эр-граф, 2021. – 1016 с.
8. Назарзода Сайфиддин. «Аҷоиб-ул-махлуқот» ва вожашиносии таърихи форсӣ-тоҷикӣ / Сайфиддин Назарзода. Душанбе: Дониш, 1999. – 210 с.
9. Ashrafzoda B.P. Semantico-Morphological Peculiarities of the Tajik Prefixoid пур- Denoting Physical Properties and Its English Equivalents (on the material of "Ghulomon" by S. Aini) / B. P. Ashrafzoda, B. E. Boybolaev // Stephanos. – 2026. – № 3 (77). – P. 88-104. – DOI 10.24249/2309-9917-2026-77-3-88-104. – EDN UBSRNL.
10. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) / B. P. Ashrapov // Stephanos. – 2025. – № 1 (69). – P. 28-35. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35. – EDN FKYCCX.
11. Ashrapov B.P. Comparative analysis of morphological peculiarities and level of usage of some measure words quantifying time and distance in Tajik, Chinese and English / B.P. Ashrapov // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – № 6 (66). – DOI: 10.60797/RULB.2025.66.6. – EDN PODLZD.
12. Ashrapov B.P. Consideration on the place and role of subordinate conjunctions in "Tuhfat- ul-khoni" by Muhammad Vafo Karminagi / B.P. Ashrapov // Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences. – 2017. – № 4 (73). – P. 101-109. – EDN YNOIOM.
13. John R. Perry. A Tajik Persian Reference Grammar / Perry J.R. Brill Leiden, – Boston, 2005. – 528 p.
14. Ковальчук М.В. Мотивация сотрудников стартапа: что работает на ранних этапах инновационного бизнеса // Альманах «Крым». 2026. – № 54. – С. 216-224.

Reference

1. Aini S. Gulomon. Novel. Dushanbe: Adabiyoti bachagona, 2019. – 488 p.
2. Belyaeva M.A. English Grammar – M.: 1973. – 375 p.
3. Bobomurodov Sh. Lugati mukhtasari kalimasozii zabonii adabii tojik. Dasturi talim. Dushanbe: Maorif, 1983. – 120 p.
4. Bozidov N. Payvandakko dar zaboni adabii khozirai tohik. Dushanbe: Maorif, 1985. – 102 p.
5. Grammarikai zaboni adabii khozirai tohik. Qismi I: Phonetics. Morphology. Dushanbe: Donish, 1985. – 356 p.
6. Kamoliddinov B. Vositakhoi grammatiki alokai kumlai payravi khilof dar zaboni tokiki // Payomi Donishgogi millii Tokiston. Bakhshi ilmhoi philologists. 2017. – № 5. – P. 3-7.
7. Mamadnazarov A. Farhangi English-toҷikiA. Dushanbe: Er-graf, 2021. – 1016 p.
8. Nazarzoda Saifiddin. "Aҷoib-ul-makhlukot" va vozhashinosiy tarihi forsi-tochiki / Saifiddin Nazarzoda. Dushanbe: Donish, 1999. – 210 p.
9. Ashrafzoda B.P. Semantico-Morphological Peculiarities of the Tajik Prefixoid pur- Denoting Physical Properties and Its English Equivalents (on the material of "Ghulomon" by S. Aini) / B. P. Ashrafzoda, B. E. Boybolaev // Stephanos. – 2026. – № 3 (77). – P. 88-104. – DOI 10.24249/2309-9917-2026-77-3-88-104. – EDN UBSRNL.
10. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) / B. P. Ashrapov // Stephanos. – 2025. – № 1 (69). – P. 28-35. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35. – EDN FKYCCX.
11. Ashrapov B.P. Comparative analysis of morphological peculiarities and level of usage of some measure words quantifying time and distance in Tajik, Chinese and English / B.P. Ashrapov // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – № 6 (66). – DOI: 10.60797/RULB.2025.66.6. – EDN PODLZD.
12. Ashrapov B.P. Consideration on the place and role of subordinate conjunctions in "Tuhfat-ul-khoni" by Muhammad Vafo Karminagi / B.P. Ashrapov // Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences. – 2017. – № 4 (73). – P. 101-109. – EDN YNOIOM.
13. John R. Perry. A Tajik Persian Reference Grammar / Perry J.R. Brill Leiden, – Boston, 2005. – 528 p.
14. Kovalchuk M.V. Motivating startup employees: what works in the early stages of innovative businesses // Almanac "Crimea". 2026. – № 54. – P. 216-224.

Пеньковская И.И.

Соискатель ученой степени кандидата филологических наук. Московский государственный лингвистический университет (переводческий факультет, кафедра русского языка и теории словесности); Московский университет «Синергия» (факультет лингвистики, кафедра филологии). SPIN-код: 2218-7662 / ORCID: 0000-0002-6047-1934

Дискурсивная реконструкция дефиниций операционных терминов в лекциях С.М. Эйзенштейна (на материале термина «композиция»)*

В статье решается задача, поставленная, но не решенная в предыдущей работе авторов: если операционный термин лекционного дискурса С. М. Эйзенштейна принципиально не имеет словарной дефиниции, каким образом она может быть реконструирована лингвистом? Предложен и апробирован шестиэтапный алгоритм дискурсивной реконструкции словарной дефиниции операционного термина: формирование корпуса контекстов, первичная классификация употреблений, выделение смысловых компонентов, разграничение ядра и периферии значения, описание дискурсивных способов дефинирования, построение итоговой формулировки. Алгоритм апробирован на материале лекций «Возвращение солдата с фронта» (Т. 4 избранных произведений С. М. Эйзенштейна, с. 27–535), где лексема «композиция» без учета дериватов употреблена 50 раз; для детального качественного анализа отобрано 33 показательных контекста. Установлено, что ядро значения термина составляют компоненты «организация» и «взаимодействие частей», периферию – «процессуальность», «закономерность», «выразительность» и «эмоциональное воздействие». Выявлены пять дискурсивных способов дефинирования: аналогия, пример, противопоставление, описание действия, объяснение функции. Реконструированная дефиниция подтверждена сопоставлением с единственным эксплицитным авторским определением композиции. Материал и результаты исследования могут быть использованы при составлении терминологических словарей идиостиля, в лексикографической практике, а также в преподавании курсов по теории языковой личности и терминоведению.

Ключевые слова: операционная терминология, дискурсивная дефиниция, реконструкция значения, термин «композиция», алгоритм анализа, лекционный дискурс, С.М. Эйзенштейн.

Penkovskaia I.I.

Applicant for PhD in Philology. Moscow State Linguistic University; Synergy University.

* © Пеньковская И.И., 2026.

Discursive reconstruction of definitions of operational terms in the lectures of S.M. Eisenstein (based on the term “composition”)

Abstract. The article addresses a problem raised but left unresolved in the authors' previous work: if an operational term of S. M. Eisenstein's lecture discourse fundamentally lacks a dictionary definition, how can such a definition be reconstructed by a linguist? A six-stage algorithm for the discursive reconstruction of a dictionary definition of an operational term is proposed and tested: forming a corpus of contexts, classifying usages, identifying semantic components, distinguishing the core and periphery of meaning, describing discursive means of defining, and constructing the final formulation. The algorithm is tested on the lectures “Return of a Soldier from the Front” (Vol. 4 of Eisenstein's selected works, p. 27–535), where the lexeme “composition” (excluding derivatives) occurs 50 times; 33 representative contexts were selected for detailed qualitative analysis. The core of the term's meaning consists of organization and interaction of parts; the periphery includes processuality, regularity, expressiveness, and emotional impact. Five discursive means of defining are identified. The reconstructed definition is confirmed by comparison with the single explicit authorial definition of composition and is applicable to describing other operational terms and idiostyle lexicography.

Key words: operational terminology, discursive definition, meaning reconstruction, the term “composition,” analysis algorithm, lecture discourse, S.M. Eisenstein.

Введение

В предыдущей статье было введено понятие операционной терминологии – типа функционирования специальной лексики, при котором значение термина не фиксируется единой словарной дефиницией, а последовательно разворачивается в дискурсе, оставаясь при этом системно организованным [1]. На материале лекций С. М. Эйзенштейна, прочитанных во ВГИКе в 1933–1934 гг., было показано, что ключевые понятия его профессионального языка – «монтаж», «образ», «композиция», «геометризм» – не получают устойчивой словарной дефиниции, однако функционируют как полноценные термины, обслуживающие профессиональное мышление режиссера-педагога. Лекция при этом рассматривается не как монологическое изложение готового знания, а как форма диалогического взаимодействия, обеспечивающая приращение смыслов и совместное смыслообразование [7, с. 20].

Данная особенность ставит перед исследователем практическую задачу, оставшуюся за рамками первой статьи: если операционный термин не имеет готовой дефиниции, каким образом лингвист может реконструировать его значение в форме, пригодной для словарного описания, например, для терминологического словаря идиостиля или для глоссария к научному из-

данию лекций? Простое цитирование отдельных контекстов не решает эту задачу, поскольку не дает ответа на вопрос о процедуре перехода от множества разрозненных употреблений к единой обобщающей формулировке.

Настоящая статья посвящена решению этой задачи на материале термина «композиция» – одного из наиболее частотных операционных терминов лекционного курса Эйзенштейна. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, отсутствием в терминоведении разработанной процедуры дискурсивной реконструкции дефиниции для терминов, принципиально не имеющих словарной фиксации, а с другой – практической потребностью научного эйзенштейноведения в терминологическом инструментарии, сопоставимом со словарной статьей. Цель настоящей статьи – разработать алгоритм реконструкции словарной дефиниции операционного термина на основе анализа лекционного дискурса С. М. Эйзенштейна и апробировать его на материале термина «композиция»; для этого последовательно решаются задачи определения принципов дискурсивного дефинирования операционного термина, разработки пошагового алгоритма анализа, анализа употреблений термина «композиция» в лекционном курсе и реконструкции его словарной дефиниции.

1. Теоретические основания реконструкции операционного термина

Классическое терминоведение исходит из требования однозначной словарной дефиниции термина [11]. Операционный термин, однако, определяется как тип функционирования специальной лексики, при котором термин выступает не как обозначение уже готового понятия, а как инструмент его порождения [1]; в этом смысле операционная терминология продолжает линию исследований авторского термина, рассматривающих его как результат индивидуального терминотворчества, включенного в конкретную научную концепцию, а не как элемент заранее заданного словаря [5]. Отсутствие у операционного термина единственной дефиниции обусловлено континуально-психологическим (образным) типом мышления его носителя, для которого характерны нечеткость определений и включенность понятия в непрерывный речевой поток [2]; аналогичным образом когнитивный стиль языковой личности, реализующийся в учебном дискурсе, предполагает разворачивание понятия по ходу рассуждения, а не его предварительную формулировку [3], что согласуется и с более широким пониманием языковой личности как объекта, реконструируемого исследователем по совокупности речевых проявлений, а не описываемого через одну исчерпывающую характеристику [4].

Поскольку значение операционного термина распределено по множеству контекстов, ни один отдельно взятый контекст не может считаться его дефиницией: каждый лишь актуализирует одну из граней значения. Источ-

ником дефиниции становится дискурс в целом – совокупность всех употреблений термина, рассматриваемая как единый текст. Следовательно, возникает необходимость разработки специальной процедуры реконструкции значения операционного термина, переводящей множество дискурсивных контекстов в единую словарную формулировку.

2. Алгоритм реконструкции словарной дефиниции операционного термина

Предлагаемый алгоритм, продолжающий сложившуюся в лексикографии практику описания авторской терминологии в виде специализированных словарей [6], включает шесть последовательных этапов.

Этап 1. Формирование корпуса контекстов – сплошная выборка всех употреблений термина в границах анализируемого дискурса.

Этап 2. Первичная классификация употреблений по типу дискурсивной функции: определительные, описательные, оценочные, инструктивные, метафорические.

Этап 3. Выделение повторяющихся смысловых компонентов (сем), актуализируемых в разных контекстах.

Этап 4. Разграничение ядра и периферии значения – определение компонентов, представленных в большинстве контекстов (ядро), и компонентов единичных, контекстно обусловленных (периферия).

Этап 5. Описание дискурсивных способов дефинирования – установление того, через какие риторические средства (противопоставление, аналогия, пример, описание действия, объяснение функции) лектор раскрывает значение термина, не формулируя его напрямую.

Этап 6. Построение итоговой дефиниции – синтез ядерных компонентов значения в форме, структурно сопоставимой со словарной статьей.

Схематически алгоритм может быть представлен как последовательность: контексты → типология употреблений → смысловые компоненты → ядро значения → дискурсивная модель → словарная дефиниция. Предложенная процедура сочетает количественные (частотность) и качественные (риторический анализ способов дефинирования) методы, что соответствует общей тенденции современных психолингвистических исследований к интеграции разных уровней анализа речевой деятельности [9].

3. Материал исследования

Материалом исследования послужили лекции «Возвращение солдата с фронта», составляющие значительную часть четвертого тома избранных произведений Эйзенштейна и охватывающие страницы 27–535 указанного издания [8]. В границах данного диапазона методом сплошного просмотра выявлено 50 словоупотреблений лексемы «композиция» в различных па-

дежных формах (композиция, композиции, композицию, композицией) без учета производных единиц («композиционный» и под.), не относящихся к базовой лексеме. Для детального качественного анализа – классификации по семантическим моделям и дискурсивным способам дефинирования – из полного массива отобрано 33 контекста, представляющих весь спектр выявленных семантических моделей и функций термина; данная выборка сосредоточена преимущественно на страницах 53–512 диапазона, где текстовая плотность употреблений термина наиболее высока. Отдельно, вне корпуса, привлекается единственный развернутый определительный фрагмент из введения к курсу (с. 14), рассмотренный в первой статье [1] и используемый здесь в качестве материала для верификации реконструированной дефиниции (см. «Реконструированная словарная дефиниция»). Опечатки сканирования в цитируемых фрагментах исправлены без специальных оговорок в соответствии с общепринятой практикой цитирования архивных источников.

4. Семантические модели употребления термина «композиция»

Анализ 33 отобранных контекстов (из 50 словоупотреблений в границах лекций, с. 27–535) показал, что термин «композиция» реализует в дискурсе Эйзенштейна шесть устойчиво повторяющихся семантических моделей.

Композиция как организация материала: «опорные точки, узлы и генеральные направления композиции» [8, с. 91]; «условия композиции кадра» [8, с. 115].

Композиция как процесс: «мастерство динамики композиции спектакля» [8, с. 423]; «фактический плацдарм композиции сценического действия» [8, с. 434].

Композиция как принцип (закономерность): «должно следовать закономерности комической композиции» [8, с. 506]; «необходимость именно диагонального строя в композиции» [8, с. 305].

Композиция как средство выразительности: «сила воздействия… заложены прежде всего в композиции» [8, с. 423]; «в плане пластической композиции» [8, с. 439].

Композиция как способ воздействия на восприятие: «…верность… в отношении композиции, и в отношении восприятия» [8, с. 512]; о «полувидении» в формах композиции [8, с. 305].

Композиция как система отношений элементов: «в строении сюжета и содержании вещи в целом» [8, с. 306]; «текст ритмически распределен по времени и по мизансценным переходам» [8, с. 413].

Показательно, что один и тот же контекст нередко актуализирует сразу несколько моделей одновременно (например, [8, с. 423] совмещает организацию и выразительность, дополнительно связывая композицию с от-

ражением социальной действительности), что подтверждает нежесткий, полевой характер значения операционного термина.

5. Ядро значения

Частотное распределение семантических компонентов по 33 проанализированным контекстам представлено в таблице 1.

Таблица 1. Семантическая структура термина «композиция».

Семантический компонент	Частотность (число контекстов из 33)
Организация (упорядоченность элементов)	15
Взаимодействие частей (система отношений)	12
Процесс (динамика становления)	8
Принцип / закономерность построения	7
Выразительность (сила воздействия)	5
Эмоционально-психологическое воздействие	3

Источник: составлено автором на основании [8]. Сумма превышает 33, поскольку отдельные контексты актуализируют более одного компонента.

Ядро значения термина составляют два взаимосвязанных компонента, представленных более чем в четверти контекстов каждый, – организация элементов и взаимодействие (система отношений) частей; периферию – процессуальность, закономерность, выразительность и эмоциональное воздействие, представленные с меньшей регулярностью и, как правило, в сочетании с ядерными компонентами.

6. Дискурсивные способы дефинирования

Не формулируя дефиницию термина напрямую, Эйзенштейн последовательно раскрывает его значение через ограниченный набор риторических приемов.

Аналогия. Композиция сценического целого сопоставляется с иными областями творческой деятельности: с архитектурой («игра статическими архитектурными массами здания – в творчестве архитектора» [8, с. 420]) и с техникой актерской игры – термин «предыгра» вводится указанием на то, что он «вполне отвечает тому, что обозначается этим же термином в технике актерской игры» [8, с. 283], то есть один принцип действует и в композиции сценического действия, и в актерском мастерстве.

Пример. Абстрактное рассуждение о композиции регулярно подкрепляется разбором конкретного случая: общий тезис о том, что законо-

мерности восприятия действуют «во всех областях композиции», иллюстрируется подробным разбором диагональной композиции картины В.И. Сурикова «Боярыня Морозова» [8, с. 305–306].

Противопоставление. Значение прочерчивается через контраст точного и неточного, состоявшегося и несостоявшегося: «отступление или поворот на вершок от композиции способны выбросить актера из фокуса объектива» [8, с. 447]; напротив, «театр, беспомощный в плане пластической композиции, это место комкает и проваливает» [8, с. 439].

Описание действия. Композиция определяется через то, что она делает с материалом: она ритмически распределяет текст во времени и по мизансценным переходам [8, с. 413], а в вопросах сюжета связывает части и содержание вещи в целое [8, с. 306].

Объяснение функции. Композиция вводится через указание на производимый ею эффект – силу воздействия на зрителя [8, с. 423], управление его восприятием [8, с. 512].

Специфика лекционного стиля Эйзенштейна заключается в том, что все перечисленные приемы используются не изолированно, а кумулятивно: характеристика одного и того же понятия последовательно нарастает от лекции к лекции, каждый раз добавляя новый способ его раскрытия, что и составляет операционный механизм функционирования термина.

7. Реконструированная словарная дефиниция

На основании изложенного предлагается следующая реконструированная дефиниция:

КОМПОЗИЦИЯ – закономерная организация элементов сценического или кинематографического целого, обеспечивающая их взаимодействие и единство и определяющая силу эмоционально-выразительного воздействия произведения на зрителя.

Дефиниция синтезирует ядерные компоненты значения (организация, взаимодействие частей), дополненные периферийными, но регулярно сопутствующими им признаками закономерности и выразительно-воздейственной функции – в том числе ее эмоциональной составляющей, роль которой в смыслообразовании подчеркивается и в независимых психолингвистических исследованиях [10].

Работоспособность алгоритма проверяется сопоставлением с единственным фрагментом лекционного курса, где композиция определяется не косвенно, через контекст, а прямо, в форме, близкой к словарной дефиниции. Это вводная записка «A priori» к учебнику режиссуры, предшествующая собственно лекциям:

«Композиция – это закономерность и "плановость" взаимоотношений целого и каждой части и детали, всех элементов между собой и сочетаний

каждого из них со всеми» (Эйзенштейн С. М. Режиссура. Искусство мизансцены // Избранные произведения: в 6 т. – М.: Искусство, 1964–1971. – Т. 4. – М.: Искусство, 1966. – С. 14) [8, с. 14].

Совпадение дефиниции, реконструированной по 33 косвенным контекстам употребления (отобранным из 50 словоупотреблений в границах лекций, с. 27–535), с этим единственным прямым авторским определением (с. 14, из материала, не входящего в основной корпус, – см. «Материал исследования») подтверждает работоспособность предложенного алгоритма: процедура, основанная исключительно на косвенных контекстах, воспроизводит значение, которое лектор лишь один раз в своем курсе сформулировал напрямую.

Выводы

1. Разработан алгоритм реконструкции словарной дефиниции операционного термина, включающий шесть последовательных этапов – от формирования корпуса контекстов до построения итоговой формулировки.

2. Показано, что словарная дефиниция операционного термина может быть восстановлена на основе анализа дискурса, в котором она функционирует, без обращения к единичным авторским формулировкам.

3. На материале 33 контекстов, отобранных из 50 словоупотреблений лексемы «композиция» в границах лекций «Возвращение солдата с фронта» (с. 27–535), установлено, что термин обладает многоуровневой семантической структурой, ядро которой составляют компоненты «организация» и «взаимодействие частей», а периферию – «процессуальность», «закономерность», «выразительность» и «эмоциональное воздействие».

4. Выявлены пять устойчивых дискурсивных способов дефинирования операционного термина в лекциях Эйзенштейна: аналогия, пример, противопоставление, описание действия, объяснение функции.

5. Реконструированная дефиниция подтверждена сопоставлением с единственным эксплицитным авторским определением композиции, что свидетельствует о работоспособности предложенной методики.

6. Предложенный алгоритм может применяться для реконструкции дефиниций других операционных терминов лекционного курса Эйзенштейна – «монтаж», «образ», «геометризм» и др., а также, потенциально, для описания терминологии иных языковых личностей с континуально-психологическим типом мышления.

Библиографический список:

1. Пеньковская И.И. Операционная терминология: к определению понятия и критериям выделения // Начала Русского мира. – 2026. (в печати).

2. Котюрова М.П. Идиостиль (индивидуальный стиль, идиолект) // Стилистический энциклопе-

дический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. – 2-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2006. – С. 95-99.
3. Еремина С.А. Когнитивный стиль языковой личности ученого-историка в учебном дискурсе // Политическая лингвистика. – 2024. – № 4 (106). – С. 46-61.
4. Карасик В.И. Перспективы развития теории языковой личности // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: традиции и инновации: сборник статей XX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием. – М.: РУДН, 2024. – С. 11-21.
5. Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В., Кухно И.Ю. Авторский термин: к определению понятия // Онтология проектирования. – 2018. – Т. 8. – № 1(27). – С. 49-57.
6. Козловская Н.В. Словарь авторских терминов как метод изучения языковой личности философа // Слово. Словарь. Словесность: сборник научных статей памяти профессора В.Д. Черняк. – СПб.: Виктория Плюс, 2025. – С. 46-58.
7. Гусейнова И.А., Горожанов А.И. Реализация концепции «диалога на равных» в вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2024. – № 3 (852). – С. 17-23.
8. Эйзенштейн С.М. Режиссура. Искусство мизансцены // Избранные произведения: в 6 т. – М.: Искусство, 1964–1971. – Т. 4. – М.: Искусство, 1966. – С. 11-738.
9. Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С. Актуальные тенденции развития психолингвистики: итоги и перспективы начала XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2025. – Т. 16. – № 2. – С. 319-336.
10. Пищальникова В.А. Принципы психолингвистического анализа текста и теория эмоций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2023. – Т. 22. – № 1. – С. 5-12.
11. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии: материалы Всесоюзного терминологического совещания. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 46-54.

Reference

1. Penkovskaya I.I. Operational terminology: on defining the concept and criteria for identification // Foundations of the Russian World. – 2026.
2. Kotyurova M.P. Idiostyle (individual style, idiolect) // Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language / ed. by M.N. Kozhina. – 2nd ed. – Moscow: Flinta; Nauka, 2006. – P. 95-99.
3. Eremina S.A. Cognitive style of the linguistic personality of a historian in educational discourse // Political Linguistics. – 2024. – № 4 (106). – P. 46-61.
4. Karasik V.I. Prospects for the development of the theory of linguistic personality // Current Issues in the Russian Language and Methods of Teaching It: Traditions and Innovations: Collection of Articles from the XX All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists with International Participation. – Moscow: RUDN, 2024. – P. 11-21.
5. Slozhenikina Yu.V., Rastyagaev A.V., Kukhno I.Yu. Authorial term: on defining the concept // Ontology of Designing. – 2018. – Vol. 8. – № 1(27). – P. 49-57.
6. Kozlovskaya N.V. A dictionary of authorial terms as a method for studying the linguistic personality of a philosopher // Word. Dictionary. Letters: Collection of Scientific Articles in Memory of Professor V.D. Chernyak. – St. Petersburg: Victoria Plus, 2025. – P. 46-58.
7. Guseynova I.A., Gorozhanov A.I. Implementing the “dialogue among equals” concept in higher education // Bulletin of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences. – 2024. – № 3 (852). – P. 17-23.
8. Eisenstein S.M. Directing. The Art of Mise-en-scène // Selected Works: in 6 vols. – Moscow: Iskusstvo, 1964–1971. – Vol. 4. – Moscow: Iskusstvo, 1966. – P. 11-738.
9. Pishchalnikova V.A., Kardanova-Biryukova K.S. Current trends in the development of psycholinguistics: results and prospects of the early 21st century // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics. – 2025. – Vol. 16. – № 2. – P. 319-336.
10. Pishchalnikova V.A. Principles of psycholinguistic text analysis and the theory of emotions // Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics. – 2023. – Vol. 22. – № 1. – P. 5-12.
11. Reformatsky A.A. What is a term and terminology // Issues of Terminology: Proceedings of the All-Union Terminology Meeting. – Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1961. – P. 46-54.

Садовникова И.И.

Кандидат филологических наук, младший научный сотрудник. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Республика Саха Якутия. SPIN-код: 7665-0570

Специфика словарного состава эвенских пословиц*

Аннотация. Важное звено в эвенском фольклорном наследии представлено паремиологическим фондом – пословицами и поговорками. В данных лаконичных жанрах народной словесности сконцентрирован многовековой опыт эвенов, их мировосприятие и специфика хозяйственного уклада. Лексика этих выражений неразрывно сопряжена с традиционным бытом: в них широко отражена терминология, описывающая оленеводческую деятельность, животный мир, предметы домашнего обихода и климатические особенности региона. В данной работе представлен лингвистический разбор эвенских паремий, в которых отражены особенности взаимодействия этноса с окружающей природной средой (растительным и животным миром), а также специфика предметов традиционного быта. Актуальность работы обусловлена тем, что паремиологический фонд выступает своеобразным «кодом» культуры, в котором зафиксированы многовековые наблюдения народа за окружающей средой. Анализ данных номинаций позволяет реконструировать фрагменты эвенской языковой картины мира и выявить специфику взаимодействия этноса с природным и предметным окружением.

Ключевые слова: Эвенский язык, эвены, пословицы, лексика, фольклор, флора, фауна, зоонимы, метафора.

Sadovnikova I.I.

Candidate of Philological Sciences, Junior Researcher. Institute of Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS, Yakutsk, Republic of Sakha Yakutia. SPIN-code: 7665-0570

The specifics of the vocabulary of even proverbs

Abstract. An important component of the Even folklore heritage is represented by the paremiological fund – proverbs and sayings. These concise genres of folk literature encapsulate the centuries-old experience of the Even people, their worldview, and the specifics of their economic way of life. The vocabulary of these expressions is inextricably linked to traditional way of life: they widely reflect the terminology describing reindeer herding, the animal world, household items, and the climatic features of the region. This

* © Садовникова И.И., 2026.

paper presents a linguistic analysis of Even paroemias, which reflect the specific features of the interaction between the ethnic group and the surrounding natural environment (the plant and animal world), as well as the characteristics of traditional household items. The relevance of the work is due to the fact that the paremiological fund serves as a kind of "code" of culture, in which the people's centuries-old observations of the environment are recorded. An analysis of these nominations makes it possible to reconstruct fragments of the Even linguistic worldview and identify.

Key words: Even language, Evens, proverbs, vocabulary, folklore, flora, fauna, zoonyms, metaphor.

«Статья выполнена в рамках Госзадания № 075-00619-26-00 (проект НИР 124030600003-9)»

Научное изучение и профессиональная собирательская работа в области устного народного творчества эвенов связаны с именем В.Г. Тана-Богораза. Публикация его материалов по фольклору эвенов Колымы и Омолона, увидевшая свет в 1931 г., ознаменовала собой новый этап в изучении эвенского фольклора. Начиная с этого времени ученые-языковеды и педагоги, а также местная интеллигенция ведут работу по собиранию и публикации образцов эвенского фольклора, активно вводят собранные материалы в практику обучения родному языку учащихся эвенов в начальной школе [МЖФ, с. 4].

Первые эвенские пословицы были записаны финским ученым А. Сотавалта в конце 20-х гг. вместе с поговорками и так называемыми пожеланиями (по-эвенски *эен*). Тогда же было записано и эвенское название данного жанра - *гөмкэр* (ед. ч. *гөмкэн*). После этого ни в одной из публикаций образцов эвенского фольклора пословицы не были представлены до середины 60-х гг. В 1965 г. было опубликовано собрание эвенских пословиц, записанных П. Ламутским, которое насчитывает 43 единицы. В этой публикации также представлен для обозначения пословиц редкий термин ***гөмкэр***, ставший позже принятым обозначением пословиц в эвенском языке [Там же, с. 86].

История эвенского фольклора, в частности пословиц, полна сложностей, даже если рассматривать короткие промежутки времени. Со временем многие изречения утратили свой изначальный посыл - отчасти из-за естественных языковых сдвигов, отчасти из-за того, что они были заимствованы из других культур. В результате сегодня бывает крайне непросто расшифровать истинное значение некоторых народных мудростей. Стоит отметить, что проблема семантической деградации или трансформации паремий характерна для многих бесписьменных или младописьменных культур, где устная традиция подвергается интенсивному воздействию доминирующих языков. В случае с эвенским языком ситуация осложняется тем, что многие пословицы, бытующие сегодня, являются продуктом межкуль-

турного синтеза, произошедшего в советский период. Приступая к изучению проблематики, мы выделили ряд ключевых параметров, характерных для паремиологических единиц:

Контекстуальная утрата: Многие пословицы были тесно связаны с кочевым укладом жизни, оленеводством и специфическими обрядами. С переходом к оседлости реалии, описываемые в изречениях, исчезли, превратив метафоры в абстрактные, трудночитаемые формулы.

Диалектная вариативность: Эвенский язык обладает значительной диалектной раздробленностью. Одна и та же пословица в разных ареалах может иметь диаметрально противоположные толкования, что создает дополнительные препятствия для создания единого свода паремий. В диалектах эвенского языка, распространенных на территории Якутии, встречается пословица: *Бака бадарандуй батур*, что в переводе означает: ‘Лягушка у себя в болоте - богатырь’ [МЖФ, с179]. Данное выражение примечательно использованием якутских лексем, интегрированных в эвенский язык: *бака* ‘лягушка’ и *бадаран* ‘болото’.

Для дальнейшего развития темы лексического состава эвенских паремий целесообразно структурировать анализ по тематическим группам, что позволит глубже раскрыть семантическое своеобразие языка.

Флора и фауна в эвенском фольклоре отражены неравномерно. Если животный мир характеризуется широким видовым разнообразием – в пословицах часто встречаются упоминания оленя, собаки, медведя и других зверей, - то в растительный мир в народном творчестве эвенов выражены значительно слабее и представлены гораздо меньшим количеством примеров.

Анализ показывает, что лексический фонд эвенских пословиц можно разделить на несколько ключевых категорий, каждая из которых несет важную этнографическую нагрузку:

Терминология оленеводческого цикла. Культурный код эвенов неразрывно связан с оленеводством, что закономерно отразилось в народной мудрости. В пословицах олень предстает не только как объект хозяйственной деятельности, но и как символ, через который эвены описывают человеческий характер (верность, упрямство, выносливость). Использование зооморфных характеристик в языке - это эффективный способ метафорического осмысления человеческой натуры. Через описание повадок и внешних черт животных в фольклоре раскрываются глубинные качества личности. Ярким примером служат эвенские пословицы, где образ оленя становится мерилом человеческих достоинств и пороков, например:

Эҥэ бэй оранди, ачкан бэй мявунди. ‘Богатый человек оленями богат, а бедный – сердцем богат’ [МЖФ, с. 173], противопоставляется материальное богатство (олени) и духовное (сердце).

Оран икириди хинмаптан, бэй мэргэнди эскэптэн. ‘Оленя выбирают

по костям, человека славят по уму' [Там же, с. 180], проводится параллель между физическими данными оленя и интеллектуальными способностями человека. Сравнение с упрямым животным, например: *Банюк ораучин кулчиӈанри.* 'Как упрямый олень ты упираешься'» [Бокова 1998, с. 72], подчеркивает строптивость характера. А метафора с конским хвостом «*Учикти муран хогдиван хоручагчинни.* 'Как привесивший конский хвост своему верховому оленю'» [Там же, с. 72], служит сатирической характеристикой тщеславия и хитрости. Так же важное значение в традиционной культуре имеют приметы, связанные с поведением оленей. Они интерпретируются как предзнаменования природных явлений или грядущих жизненных испытаний.

К примеру, согласно эвенскому фольклору, если олень стремится убежать от человека, это сулит ухудшение погоды, в частности, сильный ветер и осадки, например: *Оран хускандин - мөнди оннаван мэдукэттэн.* 'Олень убегает от тебя предвещает плохую погоду (ветер и дождь)' [МЖФ, с. 240]. В свою очередь, если ездовой олень во время движения постоянно оглядывается назад, это считается тревожным сигналом о возможной болезни ребенка, например: *Аваскивул хөрэддэкэс, учакас амаски булнинни – куӈа бутэнэлэннэвэн мэдукэнни.* 'Если куда-нибудь едешь, и твой ездовой олень оглядывается назад он извещает, что ребенок заболеет' [Дуткин, 1996. С. 61]. Особо суеверно относятся к случаям, когда олень 'плачет' - такое поведение воспринимается как предвестие скорой кончины владельца животного, например: *Оран хоӈанни - хунӈий ачча оннаван дюлиттэн.* 'Олень плачет предсказывает, что его хозяин умрет' [Бокова, 1998. С. 64].

Значительный сегмент эвенского паремиологического фонда представлен зоонимами - наименованиями диких животных и птиц, а также лексикой, описывающей их повадки и методы охоты. Через подобные метафорические образы в эвенской культуре традиционно характеризуются личностные качества и модели поведения людей. Эти образы служат своеобразным зеркалом, в котором отражаются черты характера и социальное поведение эвенов. Так, через сравнение с животными эвены подчеркивают те или иные недостатки или достоинства человека:

Хвастовство: *Дюлдэ аннанирап уямкан хиддон олгичагчин* (сравнение с женщиной, которая хвастливо «сушит мясо барана») [Бокова, с. 75].

Слабость: *Дилики хилтэду хуклэчэгчинни* (сравнение с горностаем на трухе) [Бокова, с. 75].

Неуклюжесть: *Абага хурэгэнкэн очагчинни* (сравнение с медведем, чьи пальцы кажутся огромными) [МТ, с. 233].

Скрытность/недобрый взгляд: *Чамаккачин эди көетты* (запрет смотреть «как тарбаган») [Бокова, с. 184].

Хитрость: *Долбусак хуличан хогдиван ясунгачинни* (образ волка с чужим лисьим хвостом) [Бокова, с. 72].

Значительный пласт эвенских пословиц посвящен материальной культуре, включая бытовые предметы и утварь:

О хозяйственности: Ай аси тэдэкэн нод кэнели тэдэкэн нелбэр. - 'У рачительной хозяйки подстилка пушистая, а у нерадивой - облезлая и потертая' [Малые жанры фольклора: 171].

О предосторожности: *Гилрэнев иттиди, кукатми эди нёдар.* - 'Увидев нечто блестящее, не спеши хватать (можно обжечься)' [Бокова 1998: 73].

О единстве цели: *Ӈонам-да, урумкун-дэ мавуталкан биси, өмэн-тэ орам дявдип.* - 'Неважно, длинный у тебя мавут или короткий, оленя мы все равно поймаем одного' [там же, 73].

О мастерстве: *Томкачалкан инмэв, унипам нимуэчэ урэчин.* - 'Как будто нитку с иголкой и напёрсток проглотила (женщина-мастерица)', так говорят о женщине-искуснице, сравнивая её ловкость с проглатыванием иголки с ниткой и наперстком [там же, 75].

О мужских слабостях: *Дарамнай мунгэрэлкэн.* - выражение, описывающее мужчину-ловеласа, буквально: 'с сумой-мангуркой на пояснице' [там же, 75].

О гостеприимстве: *Кубэкэ оңатан уркэли эңэттэн.* - 'Носик чайника заглядывает в дверной проем' (так характеризуют женщину, склонную к угощению гостей) [там же, 76].

В эвенских паремиях часто встречаются метафоры, связанные с миром птиц. Например, глубокий философский смысл заложен в выражении: *Ач бугла бэй – чукачан икэй бэричэ*, что переводится как 'Человек без родины – птичка, потерявшая свою песню' [Малые жанры фольклора: 172]. Другой пример демонстрирует сравнение человеческих способностей с полетом: *Бэй өмэн мэргэлкэнни, дэги дёр дэтлэлкэнни истаунан искаран.* - 'У человека одна мысль, но она способна достичь тех же высот, что и птица с парой крыльев' [там же, 179]. Здесь образ птицы служит инструментом для характеристики целеустремленности личности.

Помимо предметного мира, эвенские пословицы выступают зеркалом социальных отношений и гендерных стереотипов, сложившихся в традиционном обществе. Лексика, описывающая быт, тесно переплетается с характеристикой личностных качеств человека.

В эвенской культуре отношение к вещам часто служило маркером социального положения и личных достоинств. Например, упоминание специфических элементов одежды или инструментов в пословицах подчеркивает важность аккуратности и бережливости. Так, через метафоры, связанные с рукоделием, подчеркивается высокий статус мастерицы, чьи руки «не знают покоя», что в эвенском мировоззрении приравнивается к добродетели.

Метафоричность «мужского» и «женского» пространства: Интересен лингвистический аспект пословиц, описывающих поведение. Использование бытовых предметов *кубэк* «чайник», *мунгэрэлкэн* «сума», *мавут* «ар-

кан» в качестве метафор позволяет эвенскому языку лаконично, но емко охарактеризовать человеческие пороки или добродетели. Например, образ «заглядывающего в дверь носика чайника» - это не просто описание утвари, а тонкая ирония над общительностью, переходящей в навязчивость, что демонстрирует наблюдательность эвенского народа.

Связь с кочевым образом жизни: Лексика, связанная с оленеводством *мавут* «аркан», *оран* «олень», пронизывает фольклор, превращая утилитарные предметы в символы жизненного успеха. Пословица о «длине *мавута*» учит коллективизму: индивидуальные различия в инструментах не должны препятствовать достижению общей цели, что отражает философию выживания в суровых условиях Севера.

Эвенские изречения тесно связаны с наблюдениями за сменой сезонов, состоянием снежного покрова и поведением небесных светил. Лексика, описывающая суровые условия Севера, подчеркивает философию выживания и адаптации, свойственную эвенскому этносу все это отразилось в эвенских пословицах, например: *Осикату мөли мэндэри бими, дюли ок-та этэнри бакра*. ‘Если ты ищешь звезды в воде, то своего будущего никогда не найдешь’ [Малые жанры фльклора178]. Данная мудрость предостерегает от подмены реальности иллюзиями: погоня за отражениями мешает человеку обрести истинный жизненный путь. *Нөлтэн өмэн, бяг өмэн, индедек өмэн – аич били!* ‘Солнце одно, луна одна, жизнь одна – хорошо живи!’ [там же, 179]. Здесь подчеркивается ценность человеческого существования, неразрывно связанного с космическими ритмами, что обязывает человека прожить жизнь осмысленно. *Намас иманрала удь аич хавваттан*. ‘На глубоком снегу след всегда хорошо виден’ [Бокова: 148]. Метафора указывает на то, что на нетронутом снежном полотне любой поступок становится очевидным и значимым.

Народная мысль также использует природные явления для описания социальных и бытовых аспектов: *Няниндула ады осикат бисни, төҥэрлэ ады ичун?* ‘Сколько звезд на небосводе, а сколько отразилось в озере?’ [Бокова: 78]. Вопрос о количестве звезд на небе и их отражении в озере служит иносказанием для обсуждения деторождения и состава семьи.

Иманра оин иҥэньси, дон нямси. ‘Снег обманчив: снаружи он ледяной, но внутри хранит тепло)’ [там же, 79] в этой поговорке говорится, о том, что снег обманчив: его ледяная корка скрывает под собой тепло, что учит видеть суть вещей, скрытую за внешней суровостью.

Нөлтэнгидэтки эди тумниграр. ‘Не проявляй неуважения к солнцу, не плюй в его сторону’ [там же, 72]. Это запрет плевать в сторону солнца отражает сакральное уважение эвенов к небесному светилу как к источнику жизни.

Мир флоры и фауны также служит источником образных сравнений: *Кулигадук кулин хулэк.* ‘Комары лучше, чем болото, где они плодятся’ [Ма-

лые жанры фольклора: 172] - пословица о выборе меньшего из зол в трудных обстоятельствах.

Дылкэн кэбэллэ тигчэгчинни». ‘Словно муха в животе’ [75] - так характеризуют суетливого, беспокойного человека, лишенного внутреннего равновесия.

Особое место в эвенской паремиологии занимают наблюдения за поведением животных и птиц, которые служат индикаторами перемен в окружающей среде. Эти изречения демонстрируют не только наблюдательность народа, но и его способность извлекать практические уроки из повадок обитателей тундры и тайги, например: *Ӈик-кэ энтукун ӈэнрэн, хояв иттэн* ‘Тот, кто идет тихо, видит больше’ [Информант Булдукина В.С.]. - эта максима подчеркивает важность осторожности и внимательности в условиях дикой природы, где шум может стать помехой для охотника или путника.

Мунрукан иттэн, хи-дэ итчинри. ‘Заяц видит, и ты увидишь’ [Информант Булдукина В.С.] - эвены часто призывают учиться у животных, чьи инстинкты помогают выживать в экстремальных условиях. Подражание природной бдительности становится залогом безопасности. Философия эвенского этноса также пронизана пониманием цикличности времени и неизбежности перемен. В пословицах, посвященных смене сезонов, отчетливо прослеживается мысль о том, что любое состояние природы - лишь этап в бесконечном круговороте жизни: *Иманра ундин, бокэс кэюндин*. ‘Снег растает, лед сойдет’ [Информант Булдукина В.С.] - это изречение служит утешением в моменты тяжелых испытаний, напоминая о том, что даже самая суровая зима уступает место весеннему обновлению. Оно учит терпению и стойкости перед лицом невзгод.

Нянинтаки көетли, төртэки көетли. ‘Смотри на небо, смотри на землю’ - призыв к гармоничному восприятию мира, где человек должен соизмерять свои действия с законами космоса и земными реалиями [Информант Булдукина В.С.]. Важно отметить, что эвенские пословицы выполняли и воспитательную функцию, формируя у подрастающего поколения этические нормы поведения в коллективе. Отношение к труду, честность и уважение к старшим часто облекались в форму метафор, связанных с природными объектами: *Бэй тамкаваттан дювули - оран мануриргчинни.* ‘Человек познается в деле, как олень в беге’ [Информант Булдукина В.С.] - здесь подчеркивается, что истинные качества личности проявляются не в словах, а в конкретных поступках и способности преодолевать трудности.

При изучении данного пласта языка важно учитывать не только прямое значение слов, но и их коннотативную окраску. Многие лексемы в составе пословиц приобретают переносное значение, становясь носителями морально-этических норм. Например, сравнение человека с тем или иным представителем фауны в пословице всегда опирается на глубокое знание

биологических особенностей вида, что делает эвенскую паремиологию своеобразной «энциклопедией» народных знаний.

Таким образом, эвенский фольклор представляет собой сложную систему знаний, где каждый образ - от крошечного насекомого до бескрайнего звездного неба - является частью единой картины мира. Эти изречения не только сохраняют культурную идентичность эвенов, но и транслируют универсальные ценности, актуальные для любого человека, живущего в согласии с природой и самим собой. Дальнейшее изучение этой лексики позволит не только систематизировать фольклорный материал, но и проследить динамику развития эвенского языка в условиях сохранения традиционного уклада жизни.

Библиографический список:

1. Бурыкин А.А. Малые жанры эвенского фольклора / сост. Бурыкин А.А. – Спб.: «Петербурское Востоковедение», 2001. – 288 с.
2. Бокова Е.Н. Эвен һаньинни. – Якутск: Бичик, 1998. – 95 с.
3. Бокова Е.Н. Эвэды фольклор: Учебное пособие по национальной культуре для учащихся 5-6 классов. Якутск: Бичик, 2002. – 216 с.
4. Дуткин Х.И. Эвенский фольклор. Якутск, 1996. – 66 с.
5. Информант Булдукина В.С., 62 года, п. Березовка, Среднеколымского района, РС(Я), 15.03.2003.
6. Кривошапкин А.В., Кейметинова А.А. Эвенский язык: Учеб. и кн. для чтения для 4 кл. – 3-е изд. – Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1991. – 207 с.
7. Канюкова У.В. Ӈэнукпр. Загадки / Сост. У. В. Канюкова. Магадан, 1993. – 92 с.
8. Лебедева Ж.К. Эвенские приметы и запреты-обереги / Легенды и мифы Севера. – М.: 1985. – 199-200 с.
9. Едукин Е.В. Обычаи и запреты-обереги эвенов Аллаиховской тундры / Айвэрэттэ. Анадырь, 1992. – 43-44 с.
10. Новикова К.А. Эвенские сказки, предания и легенды / Сост. Новикова К.А. Магадан, 1987. – 157 с.
11. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004. – 356 с.
12. Семенова Т.Н., Ситнова Л.И. К вопросу о философии менеджмента образования // Межконфессиональная миссия. 2026. – Том 15. – Часть4. – № 93. – С. 20-29.

Reference

1. Burykin A.A. Small genres of Even folklore / comp. Burykin A.A. – St. Petersburg: “Petersburg Oriental Studies”, 2001. – 288 p.
2. Bokova E.N. Even haninni. – Yakutsk: Bichik, 1998. – 95 p.
3. Bokova E.N. Eweda folklore: A textbook on national culture for students in grades 5-6. Yakutsk: Bichik, 2002. – 216 p.
4. Dutkin H.I. Even folklore. Yakutsk, 1996. – 66 p.
5. Informant V.S. Buldukina, 62 years old, Berezovka village, Srednekolymsky district, Sakha Republic (Yakutia), 03/15/2003.
6. Krivoshapkin A.V., Keimetinova A.A. Even language: Textbook. and book for reading for 4th grade. – 3rd ed. – L.: Enlightenment. Leningr. department, 1991. – 207 p.
7. Kanyukova U.V. Enukpr. Riddles / Comp. U. V. Kanyukova. Magadan, 1993. – 92 p.
8. Lebedeva Zh.K. Even signs and prohibitions-amulets / Legends and myths of the North. – M.: 1985. – 199-200 p.
9. Edukin E.V. Customs and prohibitions - amulets of the Evens of the Allaikhov tundra / Aiverette. Anadyr, 1992. – 43-44 p.
10. Novikova K.A. Even fairy tales, traditions and legends / Comp. Novikova K.A. Magadan, 1987. – 157 p.
11. Robbeck V.A., Robbeck M.E. Even-Russian dictionary. Novosibirsk: Nauka, 2004. – 356 p.
12. Semenova T.N., Sitnova L.I. On the issue of educational management philosophy // Mission confessions. 2026. – Volume 15. – Issue 4. – № 93. – P. 20-29.

Юсупова М.А.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и сравнительной типологии факультета иностранных языков ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова», Республика Таджикистан, г. Худжанд.

Морфологические особенности таджского союза азбаски и его английских эквивалентов (на основе материала «Гуломона» С. Айни)*

Аннотация. Настоящая статья ставит своей задачей провести комплексный морфологический и функциональный анализ союза *азбаски* на материале романа С. Айни «Ғуломон» («Рабы») и установить типологически обоснованную систему его английских эквивалентов. Исследование выполнено в рамках контрастивной лингвистики с использованием смешанной методологии. Из романа извлечён корпус из 56 случаев употребления, из которых отобрано 10 репрезентативных примеров для углублённого анализа с учётом синтаксического окружения, модального контекста и дискурсивной функции. Анализ переводческой эквивалентности проведён с использованием систематически варьируемого набора английских каузальных союзов (*inasmuch as, given that, for the reason that, seeing that, as, due to the fact that, since, considering that, on the grounds that, because*), классифицированных в соответствии с эпистемико-содержательно-иллокутивным различением Сравнительный анализ показывает, что ни один английский эквивалент не передаёт *азбаски* единообразно; вместо этого выявляется дифференцированная система соответствий: *inasmuch as* – для формальной фактической каузальности; *given that* – для презюмируемых причин; *for the reason that* – для медиальных пояснительных клауз; *seeing that* – для инференциальной исторической каузальности; *as* – для контрастивных контекстов; *due to the fact that* – для рестриктивного фокусирования; *since* – для немаркированных фоновых причин; *considering that* – для эпистемического вывода; *on the grounds that* – для обоснования; и *because* – для прототипических каузальных отношений.

Ключевые слова: таджикский язык, английский язык, союз азбаски, каузальные союзы, сравнительное языкознание, морфологический анализ, переводческие эквиваленты, С. Айни, «Гуломон», контрастивная грамматика, каузальные отношения, эпистемическая каузальность.

Yusupova M.A.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Linguistics and Comparative Typology, Faculty of Foreign Languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Tajikistan Republic, Khujand.

* © Юсупова М.А., 2026.

Morphological peculiarities of the Tajik conjunction азбаски and its English equivalents (on the material of "Ghulomon" by S. Aini)

Abstract. The present article aims to provide a comprehensive morphological and functional analysis of *азбаски* as it appears in S. Aini's novel "Ghulomon" and to establish a typologically grounded system of its English equivalents. The study employs a mixed-methods design within a contrastive linguistic framework. A corpus of 56 occurrences was extracted from the novel, from which 10 representative examples were selected for in-depth analysis based on syntactic environment, modal context, and discourse function. Translation equivalence analysis was conducted using a systematically varied set of English causal conjunctions (*inasmuch as, given that, for the reason that, seeing that, as, due to the fact that, since, considering that, on the grounds that, because*), with equivalents classified according to the epistemic–content–speech-act distinction. The comparative analysis demonstrates that no single English equivalent uniformly translates *азбаски*; instead, a nuanced system of correspondences emerges: *inasmuch as* for formal factual causation; *given that* for presupposed causes; *for the reason that* for medial explanatory clauses; *seeing that* for inferential historical causation; *as* for contrastive contexts; *due to the fact that* for restrictive focusing; *since* for unmarked backgrounded causes; *considering that* for epistemic inference; *on the grounds that* for justification; and *because* for prototypical causal relations.

Key words: Tajik language, English language, conjunction азбаски, causal conjunctions, comparative linguistics, morphological analysis, translation equivalents, S. Aini, "Ghulomon", contrastive grammar, causal relations, epistemic causality.

1. Introduction

The study of conjunctions as cohesive devices in literary texts remains a pivotal area of comparative linguistics, particularly when examining languages belonging to different typological families–Tajik (Persian branch of the Indo-Iranian group) [6; 8] and English (Germanic branch of the Indo-European group) [2]. The Tajik conjunction азбаски (from Persian аз 'from' + бас 'enough' + ки 'that') represents a multifunctional causal connective whose semantic and syntactic properties have received insufficient scholarly attention. Despite its high frequency in classical and modern Tajik prose, systematic research on its morphological structure, positional flexibility, and pragmatic functions–alongside adequate English translational equivalents–remains scarce. The literary oeuvre of Sadriddin Aini, particularly his novel "Ghulomon" ("Slaves"), offers a rich corpus for such investigation, as the author's style reflects both classical Persian syntactic traditions and the formative period of modern Tajik literary language.

The relevance of this article is further underscored by the growing interest in contrastive Tajik-English linguistics, the development of translation theory, and

the practical needs of lexicography and foreign-language pedagogy in Tajikistan.

The principal aim of this article is to provide a comprehensive morphological and functional analysis of the Tajik conjunction азбаски as it appears in S. Aini's novel "Ghulomon" and to establish a typologically grounded system of its English equivalents. The study pursues the following specific objectives: (1) to describe the morphological composition and diachronic formation of азбаски; (2) to identify its syntactic positions and combinatorial properties in the original Tajik text; (3) to examine the contextual nuances of causal meaning conveyed by азбаски across diverse narrative and dialogic passages; (4) to propose a scientifically motivated classification of English translational correspondences that captures the semantic, pragmatic, and stylistic variations of the source-language conjunction; and (5) to evaluate the adequacy of these equivalents through comparative analysis of ten representative examples.

The article serves several scholarly functions. Descriptively, it contributes to the grammatical description of Tajik subordinating conjunctions, filling a lacuna in the existing morphological literature. Methodologically, it demonstrates a corpus-based, context-sensitive approach to contrastive conjunction analysis that can be replicated for other parts of speech. Practically, it offers translation guidelines for rendering Tajik causal clauses into English, benefiting both professional translators and language learners. Theoretically, it engages with broader questions of causal expression across languages, testing the applicability of cognitive-linguistic and functional-typological frameworks to Persianate and Germanic syntactic structures.

2. Literature review

The grammatical tradition of Tajik language studies has addressed conjunctions primarily within comprehensive descriptive grammars. The foundational work Grammatikai zaboni adabii hozirai tojik (1985) classifies conjunctions according to structural type (simple, compound, and paired) and syntactic function (coordinating and subordinating), yet devotes limited space to the semantic subclassification of causal connectives [5]. Bozidov's monograph Payvandakho dar zaboni adabii hozirai tojik (1985) provides a more detailed inventory, identifying азбаски as a compound subordinating conjunction of cause, derived from the preposition аз + the intensifier бас + the complementizer ки. However, this work does not explore the conjunction's positional variation or its interaction with sentence modality [4].

Comparative studies of Tajik and English conjunctions are relatively recent. Ashrapov (2017) examined subordinate conjunctions in the historical text "Tuhfat-ul-khoni," highlighting the diachronic stability of causal markers [12]. Ashrapov (2025a) conducted a broader comparative analysis of lexico-functional properties of conjunctions in English and Tajik, using Aini's "Reminiscences" as material, but focused primarily on coordinating connectives [10]. Ashrafzoda

and Boybolaev (2026) investigated the Tajik prefixoid пур- and its English equivalents, demonstrating the value of Aini's prose for contrastive lexical studies [9]. Perry's A Tajik Persian Reference Grammar (2005) offers an authoritative synchronic description of Tajik syntax, including subordinate clauses introduced by ки, yet treats азбаски only peripherally [14].

In English linguistics, the taxonomy of causal conjunctions has been extensively elaborated. Quirk et al. (1985) distinguish between content, epistemic, and speech-act uses of because, since, as, and for, a framework that proves useful for mapping Tajik causal expressions [15]. Biber et al. (1999) further refine this by examining the distribution of causal subordinators across registers. However, these works operate within a purely English-language paradigm and do not address the challenges posed by Persianate causal structures [13].

Lexicographically, the English–Tajik dictionary of Mamadnazarov (2021) [7] offers because, since, and as as primary equivalents for азбаски, without differentiating contextual nuances. Bobomurodov's concise word-formation dictionary (1983) touches upon the morphological composition of compound conjunctions but does not extend to functional analysis [3]. The gap in the literature thus consists in the absence of a dedicated, corpus-driven study that systematically correlates the morphological peculiarities of азбаски with a nuanced set of English **equivalents, accounting for syntactic, semantic, and pragmatic dimensions.**

3. Research methods

The present study employs a mixed-methods design integrating qualitative and quantitative approaches within a contrastive linguistic framework.

Corpus selection and data extraction. The primary material is drawn from S. Aini's novel "Ghulomon" (2019 edition, 488 pp.), a work of social realism that depicts the lives of slaves in late 19th- and early 20th-century Bukhara. All occurrences of the conjunction азбаски were manually identified through close reading of the Tajik text. A total of 56 instances were recorded, from which 10 representative examples were selected for in-depth analysis based on their diversity of syntactic environment, modal context, and discourse function.

Morphological and syntactic analysis. The morphological structure of азбаски was examined diachronically and synchronically, following the descriptive apparatus of Tajik grammar (Grammatika 1985; Возидов 1985). Syntactic positions were coded with respect to clause order (initial vs. medial vs. final occurrence of the conjunction) and clause type (declarative, interrogative, imperative). The syntactic dependency relations between the causal clause and the main clause were also analyzed.

Translation equivalence analysis. Each selected example was translated into English by the author using a deliberately varied set of causal conjunctions–inasmuch as, given that, for the reason that, seeing that, as, due to the fact that, since, considering that, on the grounds that, because. The choice of

equivalents was guided by the following criteria: (a) semantic transparency of causal relation, (b) syntactic compatibility with the English clause structure, (c) stylistic register matching the source text, and (d) pragmatic function (e.g., backgrounding vs. foregrounding of cause).

Comparative-functional framework. The English equivalents were then classified according to a modified version of the epistemic–content–speech-act distinction (after Quirk et al. 1985) [15], and each was correlated with specific contextual features of the Tajik original–namely, tense-aspect marking, modality, negation, and the presence of mitigating or intensifying particles. This allowed for the identification of systematic correspondences between morphological properties of the source conjunction and the selection of target-language variants.

Limitations. The study is limited to a single literary text and does not claim statistical generalizability across all registers of Tajik. However, given Aini's canonical status and the stylistic range of the novel (covering narration, dialogue, historical exposition, and direct speech), the findings are plausibly indicative of broader patterns.

4. Main Results

The analysis of the 10 selected examples yielded the following main results, presented with comparative commentary.

Example 1: Азбаски онҳо дар сояи ҳамин «пеша» пули бисёре ёфта дар қимор ҳамеша «гардкам» мезаданд, қиморбозони дигари Бухоро инҳоро ба «шарафи» лақаби «бойбачагони ҷаноби олӣ» «мушарраф» карда буданд [1, p. 41] - **Inasmuch as** they had amassed considerable wealth through this very "profession" and always "cleaned up" at gambling, the other gamblers of Bukhara had "honoured" them with the epithet "highness's little rich boys" [translated by the author].

The Tajik conjunction opens the sentence and introduces a causal clause that provides a reason for a past-perfect result in the main clause. The causal relationship is one of direct factual causation where the wealth acquisition (cause) logically entails the social honouring (effect). The equivalent *inasmuch as* is particularly apt here because it conveys a formal, literary tone matching the narrative register of Aini's historical prose; it also implies that the reason is not merely incidental but constitutes the very basis of the subsequent action. Morphologically, the compound nature of *азбаски (az + bas + ki)* aligns with the periphrastic form of inasmuch (in + as + much), both encoding a sense of "to the extent that" which in this context shades into causality.

Example 2: Бо вуҷуди ин, **азбаски** амир «пас аз задан ба зиндон фиристода шаванд» гуфта амр дода буд, ин фармоишро бар болои мурда ҳам бошад, иҷро кардан лозим буд [1, p. 43] - Nevertheless, **given that** the emir had commanded "after beating, send them to prison", this order had to be

carried out even over a dead body [translated by the author].

The conjunction appears after the concessive phrase бо вуҷуди ин ("nevertheless"), introducing a presupposed cause–the emir's command is presented as an unquestionable prior fact. The equivalent given that is selected because it functions epistemically, signalling that the causal premise is taken for granted and serves as the ground for the deontic necessity expressed in the main clause (лозим буд). Unlike Example 1, the cause here is not a dynamic event but a static speech-act (a command), and *given that* appropriately backgrounds this information while foregrounding the logical consequence. Morphologically, the Tajik conjunction retains its full form despite the preceding concessive marker, demonstrating positional flexibility.

Example 3: Ман ин пагоҳ ҳам нон нахӯрда лӯбиёшӯрак хӯрда будам, **азбаски** камнамактар шуда будааст, диламро бечо кард [1, p. 121] - This morning I had not eaten bread but had had a bean stew, **for the reason that** it had turned out too undersalted, it upset my stomach [translated by the author].

Here *азбаски* occupies a medial position within the sentence, separating the description of the meal from its physiological consequence. The causal clause explains the speaker's gastric distress, but the cause is framed subjectively–it is the speaker's perception of undersalting that constitutes the reason. The equivalent *for the reason that* is chosen to capture this explanatory, almost justificatory tone typical of first-person narrative. Syntactically, the medial placement of the Tajik conjunction correlates with the English for the reason that, which likewise can appear non-initially to add an explanatory clause after the fact, distinguishing this usage from the more cause-foregrounding initial position seen in Examples 1–2.

Example 4: Азбаски бойҳои тумани мо дар замони қадим қалъачӣ будаанд, бисёр ғулом харида гирифтаанд ва ғуломони хоназоди бисёре ҳам расондаанд, ки авлоди онҳо дар даруни мо хеле бисёр ҳастанд [1, p. 158] - **Seeing that** the wealthy of our district had been fortress-holders in ancient times, they had purchased many slaves and also brought in numerous household-born serfs, whose descendants are still very numerous among us [translated by the author].

The conjunction introduces a historical cause that explains a present-state result (the descendants' numbers). The cause is presented as evident and observable through its consequences, hence seeing that is the optimal equivalent–it encodes an inferential causal relation where the speaker reasons from the present effect back to its historical cause. This differs from the factual causation of Example 1; here, the causal link is more loosely inferential. Morphologically, *азбаски* retains its initial position, but the tense-aspect complex (будаанд – perfective-stative) aligns with the English perfect infinitive and the evidential quality of *seeing that*. The subordinate clause in Tajik is also unusually long and

complex, yet the conjunction effectively anchors it as the causal premise for the entire ensuing narrative.

Example 5: Онҳо манфиати мардумро талаб мекунанд; **азбаски** талаботи онҳо ба манфиати амир, одамони ӯ ва муллоён рост наёмад, онҳоро «кофир, муртад» гуфтан гирифтанд [1, p. 183] - They advocate the people's interests; **as** their demands did not align with the interests of the emir, his men, and the mullahs, they began calling them "infidels, apostates" [translated by the author].

The semicolon preceding the conjunction indicates a textual break where *азбаски* introduces a cause that contrasts with the preceding statement of advocacy. The conjunction here carries a mildly concessive nuance–the demands are presented *as* legitimate, yet the cause (non-alignment) triggers a negative reaction. The equivalent as is selected for its neutrality and its ability to function in what Quirk et al. (1985) [15] term "content" causality, where the cause is presented as a matter-of-fact given. Morphologically, the Tajik conjunction follows the semicolon, a positional variant that signals a shift from the topic (advocacy) to the explanation (misalignment). The English as similarly allows this discourse-organising function.

Example 6: Фақат азбаски имрӯз эҳтиёт карда бисёр наздик наёмаданд, талафотро камтар доданд... [1, p. 211] - Only **due to the fact that** today they had been cautious and had not come very close were losses kept relatively low [translated by the author].

The presence of the restrictive particle *фақат ("only")* before *азбаски* imposes a narrowing condition on the causal relation: the cause is unique and exclusive. This triggers the choice of *due to the fact that*, a periphrastic causal expression that in English often follows restrictive modifiers. The syntactic inversion in the English translation (were losses kept) is necessitated by the fronted only + due to the fact that construction, which mirrors the emphasis conveyed by the Tajik fronting of *фақат азбаски*. Morphologically, the conjunction remains inseparable from the particle, demonstrating that *азбаски* can function as a compound unit within larger focusing constructions.

Example 7: Азбаски рег нарм буд, баргашта ба чукурӣ шорида фуромада онро пур ҳам намекард [1, p. 278] - **Since** the sand was soft, it slid back down into the hollow without filling it [translated by the author].

This example presents a simple, unmarked causal relation between a physical property (soft sand) and a physical consequence (failure to fill the hollow). The equivalent *since* is chosen for its temporal-causal polysemy–here the causal reading is dominant, but since also subtly encodes a temporal sequence (the softness existed prior to and concurrently with the sliding). This aligns with the Tajik original, where the perfective copula буд establishes the state as a given background condition. Unlike *because*, which would foreground the cause, since

backgrounds it, matching the descriptive rather than argumentative tone of this narrative passage.

Example 8: Азбаски пешакӣ тайёр шуда истодаанд, худи онҳое ҳам, ки аз дур милтиқ холӣ кардаанд, гурехта мераванд [1, p. 331] - **Considering that** they had prepared in advance, even those who had fired their rifles from afar now take flight [translated by the author].

The cause here is an inference drawn by the narrator from observable behaviour–the preparation (cause) explains the flight (effect), but the causal link is mediated by the narrator's reasoning. *Considering that* is the most appropriate equivalent because it encodes this epistemic causal relation, where the speaker invites the addressee to consider the premise as the ground for the conclusion. Morphologically, the Tajik conjunction is followed by a complex predicate (тайёр шуда истодаанд – durative-perfective), and the English *considering that* comfortably accommodates this aspectual complexity while preserving the inferential nuance.

Example 9: Азбаски ман шумоёнро худи он кас гумон кардам, „чаро зуд гаштетон?" гуфта пурсидам [1, p. 369] - **On the grounds that** I had mistaken you for that very person, I asked, "Why did you turn back so soon?" [translated by the author].

This example involves a subjectively reported cause–the speaker's mistake is the reason for asking the question, but the cause is presented as the basis (grounds) for the subsequent speech act. *On the grounds that* is selected because it formally encodes the cause as a justification or rationale, which is precisely the function here: the speaker is not merely stating a cause but offering a justification for a potentially puzzling question. Morphologically, the Tajik conjunction opens a clause with a first-person subject and past-tense verb, and the English equivalent preserves this by allowing a that-clause complement with the same tense.

Example 10: Азбаски онҳо ҳаракати колхозиро боздошта натавонистанд, дар роҳи зарар расонандагӣ даромада киштзорҳои колхозро сӯхтанд ва дору дода ҳайвоноти колхозро ҳам дам кунонда куштанд [1, p. 382] - **Because** they could not halt the collective-farm movement, they set out on a course of doing harm–they burned the collective-farm fields and, by administering poison, killed off the collective-farm livestock as well [translated by the author].

The final example presents a direct, unmitigated causal relation where the cause (inability to halt) is presented as the straightforward, factual reason for the consequence (destructive actions). Here because is the optimal equivalent, as it is the unmarked, neutral causal conjunction in English that conveys content-level causality without added epistemic or inferential colouring. The Tajik original similarly uses *азбаски* in its most prototypical sense–without preceding particles, without concessive modifiers, and with a clear cause-effect sequence.

The parallel use of because demonstrates that, in its core function, *азбаски* aligns with the default causal subordinator of English.

5. Discussion

The comparative analysis of the ten examples reveals several systematic patterns linking the morphological peculiarities of азбаски to the choice of English equivalents.

Morphological composition and functional range. The compound structure az + bas + ki (literally 'from + enough + that') endows азбаски with a semantic nuance of sufficiency or extent that is absent in simple because. This explains why equivalents like inasmuch as (Example 1) and seeing that (Example 4) are sometimes preferable: they preserve the sense of "to the degree that" or "given the evidence that" which the Tajik compound encodes. The Persianate origin of the conjunction also contributes to its formal, somewhat elevated register, which in English is mirrored by inasmuch as, given that, and for the reason that rather than the colloquial 'cause or since.

Syntactic position and discourse function. The data show that азбаски can occupy initial (Examples 1, 4, 7, 8, 9, 10), medial (Example 3), and post-semicolon (Example 5) positions, as well as follow focusing particles (Example 6). This positional flexibility correlates with the choice of English equivalent: initial position with straightforward factual causation favours since or because; medial position with explanatory justification favours for the reason that; and post-semicolon with contrastive nuance favours as. The conjunction's ability to appear in multiple syntactic slots, unlike many English subordinators which are more restricted, reflects the looser clausal ordering typical of Persianate syntax.

Epistemic vs. content causality. Following the framework of Quirk et al. (1985) [15], the examples can be classified along an epistemic–content continuum. Content causality (where the cause is an event or state in the real world) appears in Examples 1, 2, 4, 7, and 10, and these primarily select inasmuch as, given that, seeing that, since, and because. Epistemic causality (where the cause is the speaker's reasoning) appears in Examples 3, 6, 8, and 9, selecting for the reason that, due to the fact that, considering that, and on the grounds that. Speech-act causality (where the cause justifies the illocutionary act) is marginal but arguably present in Example 9, where on the grounds that signals justification.

Tense-aspect interaction. The Tajik conjunctive clause exhibits a range of tense-aspect forms: past perfect (ёфта буданд), pluperfect (дода буд), perfect-stative (шуда будааст), simple past (буд), durative (истодаанд), and negative potential (натавонистанд). The English equivalents accommodate these through corresponding perfect, simple, and progressive forms, but the choice of conjunction itself is not affected by tense. This suggests that tense-aspect is not a primary determinant of equivalent selection; rather, semantic-pragmatic factors dominate.

Stylistic and register matching. Aini's literary style combines classical Persian syntactical elaborateness with vernacular dialogue and historical reportage. The equivalents chosen reflect this stylistic range: inasmuch as and for the reason that match the formal historical narrative; since and as suit the descriptive passages; given that and considering that align with the inferential reasoning of the narrator; and because is reserved for the most direct, unadorned causal statements. This register sensitivity is crucial for translation adequacy.

6. Conclusion

The morphological analysis of the Tajik conjunction азбаски reveals a compound structure deriving from the preposition аз ('from'), the intensifier бас ('enough'), and the complementizer ки ('that'), which together encode a causal relation with an additional nuance of sufficiency, extent, or evidentiary basis. This morphological peculiarity conditions the conjunction's functional versatility, allowing it to express content-level, epistemic, and justificatory causality across a range of syntactic positions and discourse contexts.

The comparative analysis of ten examples from S. Aini's "Ghulomon" demonstrates that no single English equivalent uniformly translates азбаски. Instead, a scientifically motivated system of correspondences emerges: inasmuch as for formal factual causation; given that for presupposed or backgrounded causes; for the reason that for medial explanatory clauses; seeing that for inferential historical causation; as for contrastive or mildly concessive contexts; due to the fact that for restrictive focusing; since for unmarked backgrounded causes; considering that for epistemic inference; on the grounds that for justification; and because for prototypical, unmarked causal relations.

These findings contribute to Tajik-English contrastive linguistics by offering a functionally grounded taxonomy that extends beyond dictionary equivalents. They also provide practical guidance for translators of Tajik literary prose, particularly the works of S. Aini, whose complex causal syntax demands nuanced rendering in English. Future research should extend this analysis to other causal conjunctions in Tajik (e.g., зеро, чунки, барои он ки) and explore their equivalents across different genres, including scientific, journalistic, and conversational registers, to further refine the contrastive description of causal expression in the two languages.

Библиографический список:

1. Айнӣ С. Ғуломон. Роман. Душанбе: Адабиёти бачагона, 2019. – 488 с.
2. Беляева М.А. Грамматика английского языкаю – М.: 1973. – 375 с.
3. Бобомуродов Ш. Луғати мухтасари калимасозии забонии адабии тоҷик. Дастури таълим. Душанбе: Маориф, 1983. – 120 с.
4. Бозидов Н. Пайвандакҳо дар забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: Маориф, 1985. – 102 с.
5. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми I: Фонетика. Морфология. Душанбе: Дониш, 1985. – 356 с.
6. Камолиддинов Б. Воситаҳои грамматикии алоқаи чумлаи пайрави хилоф дар забони тоҷикӣ //

Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. 2017. – № 5. – С. 3-7.
7. Мамадназаров А. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣА. Душанбе: Эр-граф, 2021. – 1016 с.
8. Назарзода Сайфиддин. «Аҷоиб-ул-махлуқот» ва вожашиносии таърихи форсӣ-тоҷикӣ / Сайфиддин Назарзода. Душанбе: Дониш, 1999. – 210 с.
9. Ashrafzoda B.P. Semantico-Morphological Peculiarities of the Tajik Prefixoid пур- Denoting Physical Properties and Its English Equivalents (on the material of "Ghulomon" by S. Aini) / B.P. Ashrafzoda, B.E. Boybolaev // Stephanos. – 2026. – № 3 (77). – P. 88-104. – DOI: 10.24249/2309-9917-2026-77-3-88-104. – EDN UBSRNL.
10. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) / B. P. Ashrapov // Stephanos. – 2025. – № 1 (69). – P. 28-35. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35. – EDN FKYCCX.
11. Ashrapov B.P. Comparative analysis of morphological peculiarities and level of usage of some measure words quantifying time and distance in Tajik, Chinese and English / B.P. Ashrapov // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – № 6 (66). – DOI 10.60797/RULB.2025.66.6. – EDN PODLZD.
12. Ashrapov B.P. Consideration on the place and role of subordinate conjunctions in "Tuhfat- ul-khoni" by Muhammad Vafo Karminagi / B.P. Ashrapov // Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences. – 2017. – № 4 (73). – P. 101-109. – EDN YNOIOM.
13. Biber D. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber [et al.]; foreword by R. Quirk. – Harlow: Longman, 1999. – XXVIII. – 1204 p. – ISBN 0-582-23725-4.
14. John R. Perry. A Tajik Persian Reference Grammar / Perry J.R. Brill Leiden, - Boston, 2005. – 528 p.
15. Quirk R. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk [et al.]; index by D. Crystal. – London: Pearson, 1985. – X. – 1779 p. – ISBN 978-8-1317-3343-1.

Reference

1. Aini S. Gulomon. Novel. Dushanbe: Adabiyoti bachagona, 2019. – 488 p.
2. Belyaeva M.A. English Grammar – M.: 1973. – 375 p.
3. Bobomurodov Sh. Lugati mukhtasari kalimasozii zabonii adabii tojik. Dasturi talim. Dushanbe: Maorif, 1983. – 120 p.
4. Bozidov N. Payvandakko dar zaboni adabii khozirai tohik. Dushanbe: Maorif, 1985. – 102 p.
5. Grammarikai zaboni adabii khozirai tohik. Qismi I: Phonetics. Morphology. Dushanbe: Donish, 1985. – 356 p.
6. Kamoliddinov B. Vositakhoi grammatiki alokai kumlai payravi khilof dar zaboni tokiki // Payomi Donishgogi millii Tokiston. Bakhshi ilmhoi philologists. 2017. – № 5. – P. 3-7.
7. Mamadnazarov A. Farhangi English-toçikiA. Dushanbe: Er-graf, 2021. – 1016 p.
8. Nazarzoda Saifiddin. "Aҷoib-ul-makhlukot" va vozhashinosiy tarihi forsi-tochiki / Saifiddin Nazarzoda. Dushanbe: Donish, 1999. – 210 p.
9. Ashrafzoda B.P. Semantico-Morphological Peculiarities of the Tajik Prefixoid пур- Denoting Physical Properties and Its English Equivalents (on the material of "Ghulomon" by S. Aini) / B.P. Ashrafzoda, B.E. Boybolaev // Stephanos. – 2026. – № 3 (77). – P. 88-104. – DOI: 10.24249/2309-9917-2026-77-3-88-104. – EDN UBSRNL.
10. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) / B. P. Ashrapov // Stephanos. – 2025. – № 1 (69). – P. 28-35. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35. – EDN FKYCCX.
11. Ashrapov B.P. Comparative analysis of morphological peculiarities and level of usage of some measure words quantifying time and distance in Tajik, Chinese and English / B.P. Ashrapov // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – № 6 (66). – DOI 10.60797/RULB.2025.66.6. – EDN PODLZD.
12. Ashrapov B.P. Consideration on the place and role of subordinate conjunctions in "Tuhfat- ul-khoni" by Muhammad Vafo Karminagi / B.P. Ashrapov // Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences. – 2017. – № 4 (73). – P. 101-109. – EDN YNOIOM.
13. Biber D. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber [et al.]; foreword by R. Quirk. – Harlow: Longman, 1999. – XXVIII. – 1204 p. – ISBN 0-582-23725-4.
14. John R. Perry. A Tajik Persian Reference Grammar / Perry J.R. Brill Leiden, - Boston, 2005. – 528 p.
15. Quirk R. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk [et al.]; index by D. Crystal. – London: Pearson, 1985. – X. – 1779 p. – ISBN 978-8-1317-3343-1.

Усмонова М.Н.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания иностранных языков факультета иностранных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", Республика Таджикистан, г. Худжанд. ORCID: 0009-0001-9453-3830

Теоретические основы изучения речевого этикета в различных лингвокультурах*

Аннотация. Данная статья представляет собой систематический обзор и критический синтез основных теоретических концепций, лежащих в основе межкультурного изучения речевого этикета. В ней утверждается, что для глубокого понимания коммуникативных норм необходим интегрированный подход, выходящий за рамки простого описания языковых форм и предполагающий объяснение лежащей в их основе прагмалингвистической и социокультурной логики. Методология представляет собой теоретический синтез, в рамках которого критически рассматриваются основные положения, сильные стороны и ограничения каждой концепции. Для обоснования теоретического обсуждения в эмпирическом контексте в статье используется сравнительный анализ показательных примеров из различных лингвокультур (включая английскую, русскую, японскую и другие), демонстрирующий, как каждая теория уникальным образом освещает различные аспекты речевого этикета. Анализ показывает, что, хотя теория речевых актов обеспечивает универсальную основу для коммуникации как действия, именно теория вежливости предлагает мощную, хотя и спорную, модель для объяснения стратегического использования языка. Этнопрагматический подход обеспечивает необходимую культурную глубину, объясняя «почему» существуют те или иные нормы, в то время как интеракционная социолингвистика подчеркивает динамичный, совместно создаваемый характер этикета в реальном взаимодействии. В заключение статьи делается вывод о том, что изучение речевого этикета имеет фундаментальное значение для понимания сложного взаимодействия между языком, культурой и социальной структурой, что имеет глубокие последствия для межкультурной коммуникации, обучения иностранным языкам и глобальной дипломатии.

Ключевые слова: речевой этикет, теоретические основы, прагматика, теория вежливости, теория речевых актов, культурные сценарии, интеракционная социолингвистика, межкультурная коммуникация, лингвокультура.

* © Усмонова М.Н., 2026.

Usmonova M.N.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Methods of Teaching of Foreign Languages, Faculty of Foreign languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Tajikistan Republic, Khujand. ORCID: 0009-0001-9453-3830

Theoretical basis for the study of speech etiquette in various linguocultures

Abstract. The given article provides a systematic review and critical synthesis of the primary theoretical frameworks underpinning the cross-cultural study of speech etiquette. It argues that a robust understanding of communicative norms requires an integrated approach that moves beyond mere description of linguistic forms to an explanation of their underlying pragmalinguistic and sociocultural logic. The methodology is a theoretical synthesis, wherein the core tenets, strengths, and limitations of each framework are critically examined. To ground the theoretical discussion in an empirical context, the article employs a comparative analysis of illustrative examples from diverse linguocultures (including English, Russian, Japanese, and others), demonstrating how each theory uniquely illuminates different facets of speech etiquette. The analysis reveals that while Speech Act Theory provides a universal foundation for communication as action, it is Politeness Theory that offers a powerful, albeit contested, model for explaining strategic language use. The ethnopragmatic approach provides the necessary cultural depth by articulating the "why" behind specific norms, while Interactional Sociolinguistics highlights the dynamic, co-constructed nature of etiquette in real-time interaction. The article concludes that the study of speech etiquette is fundamental to understanding the complex interplay between language, culture, and social structure, with profound implications for intercultural communication, foreign language education, and global diplomacy.

Key words: speech etiquette, theoretical foundations, pragmatics, politeness theory, speech act theory, cultural scripts, interactional sociolinguistics, intercultural communication, linguoculture.

1. INTRODUCTION

Speech etiquette, the system of culturally determined rules for verbal conduct, is a universal feature of human society. It is the invisible architecture that structures social interaction, allowing individuals to navigate complex relationships, manage social distance, and maintain group harmony. Far from being a superficial set of "polite phrases," speech etiquette is a profound linguistic phenomenon that reflects a culture's deepest values, beliefs, and social structures. The study of its principles is therefore not a peripheral concern but a central task for linguistics, anthropology, and intercultural communication [26].

However, the scientific study of speech etiquette is fraught with challenges.

A purely descriptive approach, which simply catalogs the etiquette formulas of a given language, is insufficient. It fails to explain why a particular formula is used, what social work it performs, and how it relates to the broader cultural worldview. To move from description to explanation, a robust theoretical basis is essential.

This article aims to provide a comprehensive overview and critical synthesis of the major theoretical frameworks that have been developed to answer these questions. It seeks to establish a solid theoretical foundation for the empirical study of speech etiquette across diverse linguocultures. The primary goal is to move beyond a siloed presentation of individual theories and to demonstrate how they can be integrated into a more holistic and powerful explanatory model [12; 13; 14; 24].

This article will argue that no single theory is sufficient on its own to capture the multifaceted nature of speech etiquette. Speech Act Theory provides the necessary foundation of communication as action. Politeness Theory offers a powerful, though debated, framework for strategic interaction and face-management. The ethnopragmatic approach, particularly the theory of Cultural Scripts, provides essential cultural-insider explanations for specific norms. Finally, Interactional Sociolinguistics highlights the dynamic, emergent nature of etiquette in real-time conversation. By critically reviewing and integrating these perspectives, this paper aims to equip researchers with the theoretical tools necessary to conduct profound and meaningful studies of speech etiquette in our increasingly globalized world.

2. RESEARCH METHODS

The present study is a theoretical review and synthesis. Its methodology is not based on the collection of primary field data, but on a systematic analysis of existing theoretical literature. The goal is to construct a coherent argument about the state of the field and to propose an integrated framework for future research.

2.1. Research Design

The design is that of a systematic critical literature review. This involves more than simply summarizing existing theories. It entails:

1. Selection: Identifying the most influential and relevant theoretical frameworks in the fields of pragmatics, sociolinguistics, and linguistic anthropology pertaining to speech etiquette.

2. Description: Clearly articulating the core tenets, key terminology, and historical development of each selected theory.

3. Analysis and Comparison: Critically evaluating each theory's explanatory power, scope, and limitations. The theories are compared against a set of consistent criteria, including their treatment of universality versus cultural specificity, their focus on the individual versus social norms, and their applicability to empirical data.

4. Synthesis: Integrating the insights from the different frameworks to build a more comprehensive, multi-layered model for the study of speech etiquette.

2.2. Data Sources

The "data" for this theoretical study consist of the primary and secondary academic literature that constitutes the theoretical landscape. Sources were selected based on their seminal status and influence in the field, with a focus on publications from 2010 to 2023 to ensure contemporary relevance, supplemented by foundational texts. These sources include:

Foundational Monographs: Key books that established the theoretical paradigms (e.g., works by Searle, Brown & Levinson, Wierzbicka, Goffman) [25; 16; 27; 20].

Peer-Reviewed Journal Articles: Contemporary research published in leading journals such as the Journal of Pragmatics, Intercultural Pragmatics, Language in Society, and the Journal of Politeness Research , which showcase the application, critique, and refinement of these theories.

2.3. Method of Analysis and Illustration

The analysis of the theoretical literature is complemented by a method of illustrative empirical application. To avoid a purely abstract discussion, this paper will consistently ground its theoretical points in concrete, albeit constructed, examples of speech etiquette from a variety of linguocultures. These examples are designed to be representative of well-documented communicative patterns in languages such as English (Anglo-American), Russian, Japanese, and others.

This method serves several purposes:

It makes the abstract theoretical concepts tangible and easier to understand.

It allows for a direct, side-by-side comparison of how different theories interpret the same piece of linguistic data.

It highlights the strengths and weaknesses of each theory by showing what aspects of a communicative act it can and cannot explain.

For example, when discussing Politeness Theory, a specific request scenario will be analyzed to show how positive and negative politeness strategies are realized linguistically. When discussing Cultural Scripts, the same scenario might be re-analyzed to articulate the underlying cultural logic that motivates those strategies. This comparative application is the core of the analytical work in this paper and serves as its empirical dimension.

The final synthesis of the findings will be presented both textually and in a summary table, providing a clear and accessible overview of the proposed integrated framework for studying speech etiquette.

3. MAIN RESULTS

This section presents a critical analysis of the four main theoretical paradigms that form the basis for the study of speech etiquette. Each theory is described, analyzed, and illustrated with comparative examples.

3.1. The Foundational Framework: Speech Act Theory

3.1.1. Core Tenets

Developed and systematized by John R. Searle (2012) [25] Speech Act Theory revolutionized the philosophy of language by shifting the focus from the truth-value of sentences to their function as actions. The theory's central claim is that in uttering a sentence, a speaker performs three kinds of acts simultaneously:

Locutionary Act: The literal act of producing a meaningful utterance (the words themselves).

Illocutionary Act: The speaker's intention in producing the utterance; the action being performed in saying something (e.g., requesting, promising, warning, apologizing). This is the core of the theory.

Perlocutionary Act: The effect the utterance has on the hearer; the action performed by saying something (e.g., persuading, frightening, convincing).

Searle's classification of illocutionary acts into categories like Directives, Commissives, Expressives, Declarations, and Assertives provided a universal taxonomy for the kinds of things people do with words.

3.1.2. Application to Speech Etiquette

Speech Act Theory provides the fundamental vocabulary for analyzing etiquette. It allows us to understand that etiquette is not just about "saying polite words" but about "performing social actions in a polite way." An apology is not just the word "sorry"; it is the illocutionary act of apologizing. A greeting is the act of recognizing another's presence.

Illustrative Example: An Apology

Linguistic Form 1: "I apologize." (Explicit performative)

Linguistic Form 2: "I'm sorry." (Expression of feeling)

Linguistic Form 3: "My mistake." (Statement of fact)

Speech Act Theory allows us to see that all three forms, despite their different locutionary content, can be used to perform the same illocutionary act of apologizing.

3.1.3. Strengths and Limitations

Its primary strength is its universalist framework. It provides a stable, cross-linguistically applicable terminology for the actions being performed, allowing for a basis of comparison. We can talk about how "requests" are performed in Japanese vs. English because we have a shared understanding of what a "request" is as an illocutionary act.

The foundational theory is largely asocial and a-cultural. It can identify that an utterance is a request, but it cannot, on its own, explain why a speaker chose a highly indirect form ("I was wondering if you could possibly...") over a direct one ("Please pass the salt"). It lacks the tools to analyze the strategic and social motivations behind the choice of linguistic form. It answers the "what" but not the "how" or "why" of polite communication.

3.2. The Dominant Paradigm: Politeness Theory

3.2.1. Core Tenets

Locher & Watts`s Politeness Theory (2015) [23] is arguably the most influential framework for studying speech etiquette. It builds on Speech Act Theory but adds a crucial social-psychological dimension. Its core concepts are:

Face: An individual's public self-image. This has two aspects:

Negative Face: The desire for autonomy, freedom of action, and freedom from imposition.

Positive Face: The desire to be appreciated, approved of, and seen as a valued member of a group.

Face-Threatening Act (FTA): Many speech acts (like requests, criticisms, or apologies) inherently threaten the face of either the speaker or the hearer. For example, a request threatens the hearer's negative face, while an apology threatens the speaker's positive face.

Politeness Strategies: To mitigate these threats, speakers employ politeness strategies. Brown and Levinson proposed a hierarchy of strategies, from least to most polite (indirect):

1. Bald On-Record: Performing the FTA directly, without mitigation (e.g., "Give me the report.").

2. Positive Politeness: Appealing to the hearer's positive face (e.g., using compliments, solidarity markers, in-group language: "You're so good at this stuff, could you help me with the report?").

3. Negative Politeness: Appealing to the hearer's negative face (e.g., being indirect, using hedges, apologizing for the imposition: "I'm so sorry to bother you, but I was wondering if you might have a moment to look at the report?").

4. Off-Record: Performing the FTA so indirectly that the speaker can deny the intention (e.g., "Wow, that report looks complicated.").

The choice of strategy depends on the perceived weightiness of the FTA, which is calculated based on the social distance, relative power, and degree of imposition.

3.2.2. Application to Speech Etiquette

Politeness Theory provides a powerful engine for explaining why speakers choose one linguistic form over another. It models speech etiquette as a rational, strategic process of face-management.

Illustrative Example: Requesting a Professor's Time

Scenario: A student needs to ask a professor for a meeting. This is a high-imposition FTA threatening the professor's negative face.

Russian (Tendency towards Positive Politeness/Directness):

«Извините, профессор, скажите, пожалуйста, у Вас будет время на этой неделе встретиться?» (Izvinite, professor, skazhite, pozhaluysta, u Vas budet vremya na etoy nedele vstretit'sya? / "Excuse me, professor, tell me, please, will

you have time to meet this week?")

This model uses direct address (`professor`), standard politeness markers (Извините, пожалуйста), and a direct question. It is polite but relatively direct. It respects status but with less syntactic mitigation.

British English (Tendency towards Negative Politeness):

"Excuse me, Professor Smith. I'm so sorry to bother you. I was just wondering if you might possibly have a spare moment to meet sometime this week, if you're not too busy, of course."

This is a classic negative politeness model. It is replete with mitigating devices: apology for imposition (sorry to bother you), hedging (just wondering, possibly), indirectness (framing the request as a thought process), and deference to the hearer's time (if you're not too busy).

3.2.3. Strengths and Critiques

The theory's major strength is its detailed, predictive framework that links social variables (power, distance) to specific linguistic strategies. It provides a rich vocabulary for analyzing polite language and has been enormously influential and generative for research.

Critiques and Limitations:

1. Anglo-centrism: Critics argue that the model, particularly its emphasis on negative face and autonomy, is based on an Anglo-American cultural model of the individual. In many East Asian cultures, for example, concepts of group harmony and interdependence may be more central than individual autonomy (Matsumoto, 1988).

2. Static View: The model can be seen as too static and intentional, presenting speakers as "rational actors" who coolly calculate FTAs. It underplays the dynamic, emergent, and emotional nature of real-life interaction.

3. Universality of "Face": The binary distinction between positive and negative face has been questioned. Some scholars propose alternative or additional concepts, like the "dignity face" in some collectivist cultures [21; 22].

In response to these critiques, post-Brown & Levinson scholars have proposed alternative models like "Relational Work" [23], which focuses on the broader, continuous effort of managing social relationships rather than just mitigating discrete FTAs.

3.3. The Cultural-Semantic Approach: Ethnopragmatics and Cultural Scripts

3.3.1. Core Tenets

Pioneered by linguist Anna Wierzbicka, [27] the ethnopragmatic approach argues that to understand a culture's speech etiquette, one must understand its specific cultural values. The goal is to articulate the "insider's perspective" using a simple, cross-translatable language. The key tools are:

Cultural Keywords: Analyzing culturally significant words that offer a win-

dow into core values (e.g., Russian душа ‘soul’, Japanese amae ‘indulgent dependence’).

Cultural Scripts: Formulating tacit, unspoken cultural rules of conduct in a highly simplified, universal language called the Natural Semantic Metalanguage (NSM). NSM consists of about 65 universal semantic primes (like I, YOU, SOMEONE, DO, SAY, WANT, GOOD, BAD) that are believed to have lexical equivalents in all languages.

This approach rejects the idea of universal politeness strategies and argues that concepts like “directness,” “imposition,” and even “politeness” itself are culture-specific.

3.3.2. Application to Speech Etiquette

Cultural Scripts allow researchers to explain why a particular politeness strategy is preferred in a culture. It moves from the “what” and “how” to the “why.”

Illustrative Example: An Apology

Scenario: A speaker has unintentionally inconvenienced another person.

Typical Japanese Apology:

(Go-meiwaku o okake-shite moushiwake arimasen. / “I have no excuse for causing you trouble/inconvenience.”)

Underlying Cultural Script (Simplified):

“When I do something that causes trouble for another person, it is bad.

I should say something like: ‘I did something bad to you. I feel bad because of this.

I should show that I know I have disrupted social harmony.”

The script emphasizes the consequences of the action on the other person and on the social group (“meiwaku” - trouble). It is about restoring harmony.

Typical American English Apology:

“I’m so sorry! That was completely my fault.”

Underlying Cultural Script (Simplified):

“When I do something bad,

I should say that I know this.

I should say something like: ‘I did this. It was bad.’

I should show that I take personal responsibility for my actions.”

The script emphasizes personal fault and the speaker’s internal state of regret. It is about individual accountability.

3.3.3. Strengths and Limitations

The major strength of this approach is its cultural specificity and explanatory depth. It avoids imposing Western categories on other cultures and seeks to understand etiquette from the inside out. It provides a powerful tool for articulating subtle cultural norms. The methodology can be seen as overly reductive, as it attempts to distill complex cultural norms into very simple sentences. The universality of the proposed semantic primes in NSM is also a subject of ongoing

debate among linguists. Furthermore, it can present culture as static and monolithic, potentially overlooking internal variation and individual agency.

3.4. The Sociological Perspective: Interactional Sociolinguistics

3.4.1. Core Tenets

Associated with the work of Goffman, Interactional Sociolinguistics views communication as a dynamic, co-constructed process. Etiquette is not a set of pre-existing rules to be applied, but something that is actively accomplished and negotiated in real-time interaction [20]. Key concepts include:

Contextualization Cues: The verbal and non-verbal signals (e.g., intonation, prosody, lexical choice, code-switching) that speakers use to frame an utterance and signal how it should be interpreted. A simple "hello" can be a warm greeting or a cold challenge depending entirely on its prosody.

Framing: The process of defining a social situation (e.g., "this is a formal interview," "this is a casual chat"). Etiquette norms are highly frame-dependent.

Presentation of Self: Social interaction is viewed as a performance, where individuals constantly manage the impression they give to others, performing the "face" they wish to project.

3.4.2. Application to Speech Etiquette

This perspective is essential for understanding how etiquette actually works in practice, beyond idealized rules. It emphasizes that the meaning of an etiquette formula is not fixed but is created in the moment of interaction.

Illustrative Example: A Greeting

Scenario: Two colleagues meet in the morning.

Utterance: "Morning."

Interactional Sociolinguistic Analysis: The meaning of this single word is almost entirely dependent on contextualization cues.

Cue Set 1: Said with a rising intonation, a smile, and eye contact. Framed as: A friendly, warm greeting between peers.

Cue Set 2: Said with a flat, low intonation, minimal eye contact, while walking past. Framed as: A perfunctory, minimal acknowledgement of presence, possibly signaling displeasure or preoccupation.

Cue Set 3: Said with a sharp, downward intonation. Framed as: A brusque, almost challenging acknowledgement, signaling irritation.

This theory shows that a study of speech etiquette that only looks at the words on a page is missing most of the picture. The real work of etiquette happens in the performance.

4. DISCUSSION

The critical review of these four theoretical paradigms reveals a rich and complex landscape for the study of speech etiquette. It is clear that a researcher's choice of theory will fundamentally shape their research questions, methods, and

findings. This section discusses the interplay between these theories and argues for an integrated approach as the most fruitful path forward.

4.1. The Interplay and Complementarity of Theories: An Integrated Model

The apparent contradictions between the theories are often a matter of different levels of abstraction and focus. Rather than viewing them as mutually exclusive competitors, it is more productive to see them as complementary lenses that can be layered to create a multi-dimensional picture of speech etiquette.

An integrated research model would proceed as follows:

1. Start with Speech Act Theory: Identify the fundamental communicative action being performed (e.g., this is a directive of the "request" sub-type). This provides a stable, universal point of comparison [17; 18].

2. Apply Politeness Theory: Analyze the strategic linguistic choices made to perform this act. Is the speaker using positive politeness strategies (e.g., showing solidarity) or negative politeness strategies (e.g., being indirect)? How is the weightiness of the FTA (in terms of power, distance, and imposition) reflected in the strategy choice? This explains the strategic "how." [1; 2; 16].

3. Incorporate Ethnopragmatics: Go deeper to explain the cultural logic behind the observed strategy. Why does this culture prefer a negative politeness strategy for this type of request? Formulate a cultural script to articulate the underlying values (e.g., "it is bad to tell other people what to do"). This provides the cultural "why.

4. Use Interactional Sociolinguistics for Fine-Grained Analysis: If analyzing recorded data, examine the dynamic performance. How do prosody, gesture, and timing co-construct the politeness of the act? How do interlocutors negotiate the meaning of the interaction in real-time? This adds the dynamic, performance-based dimension [3; 4].

By combining these frameworks, a researcher can move from identifying an action, to analyzing its strategic form, to explaining its cultural motivation, to describing its real-life performance. This creates a far more robust and holistic analysis than any single theory could provide.

4.2. Navigating the Universality vs. Relativism Debate

The theoretical review brings one of the central debates in pragmatics to the forefront: are the principles of speech etiquette universal or culturally relative?

The Universalist Pole: Brown and Levinson's theory is fundamentally universalist. It posits that "face" is a universal human concern and that the basic strategies for dealing with it are also universal, even if their specific linguistic realizations and frequency of use vary across cultures.

The Relativist Pole: Wierzbicka's ethnopragmatic approach is strongly relativist. It argues that concepts like "face," "politeness," and "imposition" are English folk terms that cannot be universally applied without distorting the local cultural reality [5; 27].

An integrated theoretical perspective allows for a more nuanced position. We can accept that the need to manage social relations and navigate potential interactional friction is a universal human problem. In this sense, "politeness" as a functional domain is universal. However, the specific values, norms, and linguistic strategies used to solve this problem are highly culturally relative. The concept of "face" might be a useful analytical tool, but we must be prepared for the possibility that some cultures prioritize different aspects of it (e.g., a "group harmony face" over an "individual autonomy face") or have entirely different, though analogous, central concepts. A mature theory of speech etiquette must therefore be a "universalism of problems, relativism of solutions." [6; 7].

4.3. Methodological Implications for Future Empirical Research

The synthesis of these theories has direct implications for the design of empirical research on speech etiquette. An ideal research project would be a mixed-methods one that triangulates data from different sources to capture the full complexity of the phenomenon.

1. Discourse Completion Tasks (DCTs) and Role-Plays: These are useful for eliciting conventionalized etiquette formulas in response to controlled scenarios, providing data on the ideal norms (the "cultural scripts").

2. Corpus Linguistics: Analyzing large corpora of natural language (both written and spoken) can reveal patterns of frequency and co-occurrence, showing which strategies are most common in a given linguoculture.

3. Ethnographic Observation: Participant observation within a community provides invaluable insight into how etiquette is used in its natural context and allows the researcher to understand the social meaning of different choices.

4. Interactional Analysis: Recording, transcribing, and analyzing natural conversations is essential for understanding the dynamic, co-constructed, and multi-modal aspects of etiquette, as emphasized by Interactional Sociolinguistics [8; 9].

By combining these methods, researchers can get a picture of what people say they do (DCTs), what they typically do (corpora), and what they actually do in specific, unfolding interactions (interactional analysis), all informed by a deep cultural understanding (ethnography).

4.4. Practical Implications: Beyond the Classroom

A sophisticated theoretical understanding of speech etiquette has vital real-world applications beyond academia.

Intercultural Business and Diplomacy: Failures in negotiation are often failures of pragmatic competence, not linguistic fluency. Understanding whether a counterpart's culture prioritizes directness (mitigated by politeness) versus indirectness and harmony-saving is crucial for success.

Software and AI Development: The design of chatbots, virtual assistants, and other conversational agents requires programming them with appropriate

speech etiquette protocols. A "polite" AI for a Japanese user will need a different set of algorithms than one for an American user.

Foreign Language Education: Language teaching must move beyond grammar and vocabulary to explicitly teach pragmatic competence. This means teaching students not just what to say, but how, when, why , and to whom to say it. The theoretical frameworks reviewed here provide a structured way to design curricula that teach the cultural scripts and strategic choices behind polite language use [10; 11; 12].

5. CONCLUSION

The study of speech etiquette is a complex but essential field that reveals the intricate connections between language, cognition, and social life. This paper has argued that a profound understanding of this phenomenon requires a solid theoretical foundation. Through a critical review of four major theoretical paradigms–Speech Act Theory, Politeness Theory, Ethnopragmatics, and Interactional Sociolinguistics–this article has demonstrated that each offers a unique and indispensable lens for analysis.

Speech Act Theory provides the universal "what," identifying the actions speakers perform. Politeness Theory offers a powerful model of the strategic "how," explaining the logic of face-saving linguistic choices. Ethnopragmatics delivers the culturally specific "why," articulating the deep-seated values and norms that motivate etiquette rules. Finally, Interactional Sociolinguistics captures the dynamic "performance," showing how etiquette is accomplished in the flux of real-time conversation.

The central conclusion of this paper is that these theories are not competing alternatives but complementary components of an integrated analytical framework. A holistic approach that layers these perspectives allows researchers to conduct more comprehensive, nuanced, and culturally sensitive studies. Such an approach moves us beyond a simplistic cataloging of polite phrases and toward a deep understanding of speech etiquette as a fundamental system for structuring human social reality.

In an era of unprecedented global interconnectedness, the need for this kind of deep intercultural understanding has never been greater. The theoretical basis for the study of speech etiquette is therefore not merely an academic exercise; it is a vital tool for fostering more effective, respectful, and successful communication across the diverse linguocultures of our world. Future research must continue to refine these theories, test them with new data from under-researched languages, and explore their application in new domains like digital communication, but the integrated foundation outlined here provides a robust starting point for this critical work.

Библиографический список:

1. Аристов С.А. Основы межкультурной прагматики / С.А. Аристов. – Москва: Р.Валент, 2018. – 232 с.
2. Бейлинсон, Л.С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения / Л.С. Бейлинсон // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 15–26.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева. – Москва: Языки славянской культуры, 2011. – 288 с.
4. Викулова Л.Г. Основы теории коммуникации: практикум / Л.Г. Викулова, А.И. Шарунов. – Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2018. – 320 с.
5. Григорьева В.С. Дискурс-анализ: теория и практика / В.С. Григорьева. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. – 128 с.
6. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы / В.И. Карасик. – Москва: Гнозис, 2019. – 432 с.
7. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации / В.Б. Кашкин. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Флинта: Наука, 2013. – 224 с.
8. Ларина Т.В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация / Т.В. Ларина. – Москва: Языки славянских культур, 2013. – 360 с.
9. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О.А. Леонтович. – Москва: Гнозис, 2015. – 352 с.
10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – 2-е изд. – Москва: Гнозис, 2018. – 280 с.
11. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н.И. Формановская. – Москва: ИКАР, 2014. – 480 с.
12. Ashrapov B.P. Morphological Peculiarities of the Tajik Prexoid 'khush-' in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century / B.P. Ashrapov // Stephanos. – 2026. – № 2 (76). – P. 45-53. – DOI: 10.24249/2309-9917-2026-76-2-45-53. – EDN HSEJSP.
13. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Interjections and Their English and Chinese Equivalents: A Comparative Pragmatic and Semantic Analysis / B.P. Ashrapov // Stephanos. – 2026. – № 1 (75). – P. 20-27. – DOI: 10.24249/2309-9917-2026-75-1-20-27. – EDN MFWABE.
14. Ashrapov B.P. Comparative analysis of morphological peculiarities of adverbs of manner in Tajik and English / B. P. Ashrapov // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – № 5 (65). – DOI: 10.60797/RULB.2025.65.2. – EDN AJGBZH.
15. Ashrapov B.P. Morphological peculiarities of present Simple tense in Tajik, Chinese and English (a comparative analysis) / B.P. Ashrapov // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – № 6 (66). – DOI: 10.60797/RULB.2025.66.3. – EDN UWGYBZ.
16. Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S.C. Levinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 345 p.
17. Culpeper J. Impoliteness: Using Language to Cause Offence / J. Culpeper. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 312 p.
18. Cutting J. Pragmatics: A Resource Book for Students / J. Cutting. 4th ed. – London: Routledge, 2020. – 360 p.
19. Goddard C. Intercultural communication: The challenge of 'cultural scripts' / C. Goddard // Language and Intercultural Communication. 2017. – Vol. 17. – № 2. – P. 94-109.
20. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life / E. Goffman. London: Penguin, 2010. 256 p.
21. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context / G. Hofstede // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. – Vol. 2. – № 1.
22. Kádár D.Z. Politeness, Impoliteness and Ritual: Maintaining the Moral Order in Interpersonal Interaction / D.Z. Kádár. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 286 p.
23. Locher M.A., Watts R.J. Politeness theory and relational work / M.A. Locher, R.J. Watts // Journal of Politeness Research. 2015. – Vol. 1. – № 1. – P. 9-33.
24. Matsumoto Y. Reexamination of the universality of face: Politeness phenomena in Japanese / Y. Matsumoto // Journal of Pragmatics. 1988. – Vol. 12. – № 4. – P. 403-426.
25. Searle J.R. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts / J.R. Searle. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 204 p.
26. Tannen D. The Handbook of Discourse Analysis / D. Tannen, H.E. Hamilton, D. Schiffrin (Eds.). 2nd ed. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2015. – 1008 p.
27. Wierzbicka A. English: Meaning and Culture / A. Wierzbicka. Oxford: Oxford University Press, 2010. – 352 p.

Reference

1. Aristov S.A. Fundamentals of Intercultural Pragmatics / S.A. Aristov. – Moscow: R.Valent, 2018. – 232 p.
2. Beilinson L.S. Professional Discourse as a Subject of Linguistic Study / L.S. Beilinson // Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics. – 2019. – Vol. 18. – № 2. – P. 15-26.
3. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Key Words / A. Wierzbicka; trans. from English by A.D. Shmelev. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2011. – 288 p.
4. Vikulova L.G. Fundamentals of Communication Theory: A Practical Course / L.G. Vikulova, A.I. Sharunov. – Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2018. – 320 p.
5. Grigoryeva V.S. Discourse Analysis: Theory and Practice / V.S. Grigoryeva. – Tambov: G.R. Derzhavin TSU Publishing House, 2016. – 128 p.
6. Karasik V.I. The Linguistic Spiral: Values, Signs, Motives / V.I. Karasik. – Moscow: Gnozis, 2019. – 432 p.
7. Kashkin V.B. Introduction to Communication Theory / V.B. Kashkin. – 4th ed., revised and expanded. – Moscow: Flinta: Nauka, 2013. – 224 p.
8. Larina T.V. English and Russians: Language, culture, communication / T.V. Larina. – Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2013. – 360 p.
9. Leontovich O.A. Russians and Americans: paradoxes of intercultural communication / O.A. Leontovich. – Moscow: Gnosis, 2015. – 352 p.
10. Makarov M.L. Fundamentals of discourse theory / M.L. Makarov. – 2nd ed. – Moscow: Gnosis, 2018. – 280 p.
11. Formanovskaya N.I. Speech interaction: communication and pragmatics / N.I. Formanovskaya. – Moscow: ICAR, 2014. – 480 p.
12. Ashrapov B.P. Morphological Peculiarities of the Tajik Prexoid 'khush-' in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century / B.P. Ashrapov // Stephanos. – 2026. – № 2 (76). – P. 45-53. – DOI: 10.24249/2309-9917-2026-76-2-45-53. – EDN HSEJSP.
13. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Interjections and Their English and Chinese Equivalents: A Comparative Pragmatic and Semantic Analysis / B.P. Ashrapov // Stephanos. – 2026. – № 1 (75). – P. 20-27. – DOI: 10.24249/2309-9917-2026-75-1-20-27. – EDN MFWABE.
14. Ashrapov B.P. Comparative analysis of morphological peculiarities of adverbs of manner in Tajik and English / B. P. Ashrapov // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – № 5 (65). – DOI: 10.60797/RULB.2025.65.2. – EDN AJGBZH.
15. Ashrapov B.P. Morphological peculiarities of present Simple tense in Tajik, Chinese and English (a comparative analysis) / B.P. Ashrapov // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – № 6 (66). – DOI: 10.60797/RULB.2025.66.3. – EDN UWGYBZ.
16. Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S.C. Levinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 345 p.
17. Culpeper J. Impoliteness: Using Language to Cause Offence / J. Culpeper. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 312 p.
18. Cutting J. Pragmatics: A Resource Book for Students / J. Cutting. 4th ed. – London: Routledge, 2020. – 360 p.
19. Goddard C. Intercultural communication: The challenge of 'cultural scripts' / C. Goddard // Language and Intercultural Communication. 2017. – Vol. 17. – № 2. – P. 94-109.
20. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life / E. Goffman. London: Penguin, 2010. 256 p.
21. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context / G. Hofstede // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. – Vol. 2. – № 1.
22. Kádár D.Z. Politeness, Impoliteness and Ritual: Maintaining the Moral Order in Interpersonal Interaction / D.Z. Kádár. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 286 p.
23. Locher M.A., Watts R.J. Politeness theory and relational work / M.A. Locher, R.J. Watts // Journal of Politeness Research. 2015. – Vol. 1. – № 1. – P. 9-33.
24. Matsumoto Y. Reexamination of the universality of face: Politeness phenomena in Japanese / Y. Matsumoto // Journal of Pragmatics. 1988. – Vol. 12. – № 4. – P. 403-426.
25. Searle J.R. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts / J.R. Searle. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 204 p.
26. Tannen D. The Handbook of Discourse Analysis / D. Tannen, H.E. Hamilton, D. Schiffrin (Eds.). 2nd ed. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2015. – 1008 p.
27. Wierzbicka A. English: Meaning and Culture / A. Wierzbicka. Oxford: Oxford University Press, 2010. – 352 p.

История международных отношений и всеобщая история

History of international relations and general history

Минакова И.В.

Доктор экономических науке, профессор, начальник управления международной деятельности, Курский государственный аграрный университет имени И.И. Иванова.

Дедюхин В.С.

Аспирант факультета экономики и управления. Юго-Западный государственный университет, г. Курск.

Репрезентация освобождения нацистского концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау (Освенцим) в российских и зарубежных официальных текстах*

Аннотация. Авторами осуществлен сравнительный анализ репрезентации освобождения нацистского концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау (Освенцим) Красной Армией в современном российском официальном дискурсе и в официальных текстах зарубежных стран. Установлено, что конфликт интерпретаций вокруг освобождения Освенцима является частью более широкой «войны памяти», где каждая сторона использует событие для легитимации собственных политических позиций в настоящем. На основе проведённого анализа выявлены системные расхождения между российским и зарубежным дискурсами по ключевым параметрам: именование освободителя, отношение к дипломатическому участию России и функции исторической памяти. Сделан вывод, что память об освобождении Освенцима превратилась в активный ресурс политической борьбы, обслуживающий противоположные геополические задачи: для России - легитимацию исторического наследия и консолидацию общества, для Запада - дистанцирование от современной России и утверждение нарратива о тоталитарном прошлом. Понимание данного разрыва необходимо для деконструкции взаимных претензий в «войнах памяти» и для сохранения исторической достоверности, которая всё чаще становится заложницей текущей геополитики.

Ключевые слова: Освенцим, Аушвиц-Биркенау, Красная Армия, политизация истории, историческая память, официальный дискурс, историческое наследие, политика памяти, Вторая мировая война.

* © Минакова И.В., Дедюхин В.С., 2026.

Minakova I.V.
Doctor of Economics, Professor, Head of the International Relations Department, Kursk State Agrarian University named after I.I. Ivanov.

Dedyukhin V.S.
Graduate student at the Faculty of Economics and Management, Southwest State University, Kursk.

Representation of the liberation of the nazi concentration camp Auschwitz-Birkenau (Oswiecim) in Russian and foreign official texts

Abstract. The authors conducted a comparative analysis of the representation of the liberation of the Nazi concentration camp Auschwitz-Birkenau (Oswiecim) by the Red Army in contemporary Russian official discourse and in official texts of foreign countries. It was established that the conflict of interpretations surrounding the liberation of Auschwitz is part of a broader "memory war," in which each side uses the event to legitimize its own political positions in the present. Based on the analysis, systemic discrepancies between Russian and foreign discourses were identified according to key parameters: the naming of the liberator, attitudes toward Russia's diplomatic involvement, and the functions of historical memory. The conclusion is drawn that the memory of Auschwitz's liberation has become an active resource in political struggle, serving opposing geopolitical objectives: for Russia, the legitimization of historical heritage and societal consolidation; for the West, distancing from contemporary Russia and the affirmation of a narrative about a totalitarian past. Understanding this divide is necessary for deconstructing mutual claims in the «memory wars» and for preserving historical accuracy, which increasingly becomes a hostage of current geopolitics.

Key words: Auschwitz, Auschwitz-Birkenau, Red Army, politicization of history, historical memory, official discourse, historical legacy, politics of memory, World War II.

Введение

Освобождение нацистского концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау (Освенцим) 27 января 1945 г. войсками 1-го Украинского фронта Красной Армии стало не только важнейшим военным событием завершающего этапа Второй мировой войны, но и обрело символическое значение, выходящее далеко за рамки собственно военной истории. Освенцим превратился в универсальный символ Холокоста, нацистских преступлений против человечности и, одновременно, в поле острой политической борьбы за право интерпретировать прошлое. В современном мире, где историческая память всё чаще становится ресурсом внешней политики и инструментом национальной идентификации, вопрос о том, *кто* освободил Освенцим и

как об этом следует говорить, обрёл новую актуальность [1].

Проблема, таким образом, заключается не в фактическом расхождении (факт освобождения Освенцима советскими войсками не оспаривается даже наиболее критически настроенными западными авторами), а в различной репрезентации одного и того же события в официальных текстах России и зарубежных стран. Эти различия отражают более глубокий кризис общей исторической памяти о Второй мировой войне, разделение единого нарратива на два взаимоисключающих дискурса.

Цель работы – проведение сравнительного анализа репрезентации освобождения Освенцима Красной Армией в российском и зарубежном официальном дискурсе.

Объектом исследования является система официальных текстов (выступления политиков, заявления государственных органов, публикации государственных СМИ, материалы мемориальных церемоний), репрезентирующих освобождение концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау (Освенцим) в медиапространстве.

Предметом исследования выступают дискурсивные стратегии, используемые в российских и зарубежных официальных текстах для интерпретации роли Красной Армии в освобождении Освенцима, а также их трансформация под влиянием политических, идеологических и геополитических факторов.

Авторами статьи реализован **системный подход**, позволяющий рассматривать репрезентацию освобождения Освенцима в российских и зарубежных официальных текстах не как совокупность изолированных высказываний или случайных медийных ошибок, а как целостную, структурно организованную систему. В рамках этого подхода российский официальный дискурс, зарубежный политический дискурс, академическая историография и медийное освещение рассматриваются как взаимозависимые компоненты единой системы, где изменение одного элемента (например, дипломатическое решение не приглашать российскую делегацию на церемонию) влечёт за собой трансформацию других (изменение формулировок в официальных заявлениях, корректировку медийного нарратива, перераспределение символических акцентов в мемориальных практиках). Системный подход также предполагает анализ динамики: выявление того, как система эволюционирует под влиянием внешних факторов (геополитическая напряжённость, политические конфликты, смена политических элит) воспроизводится и закрепляется во времени. Такой взгляд позволяет преодолеть описательный уровень фиксации отдельных фактов умолчания или конфликтных заявлений и выйти на уровень анализа системообразующих факторов – прежде всего, конкурирующих проектов исторической памяти, которые обслуживают задачи национальной идентификации и ле-

гитимации внешнеполитических курсов в современной России и на Западе.

Методическую основу исследования составил комплекс следующих методов: дискурс-анализ, сравнительный анализ, контент-анализ, институциональный анализ.

Освобождение Освенцима Красной Армией, исторический контекст

Концентрационный лагерь Аушвиц-Биркенау (нем. Konzentrationslager Auschwitz-Birkenau), расположенный в окрестностях польского города Освенцим (нем. Auschwitz), был создан нацистами в 1940 г. и превратился в крупнейший и наиболее смертоносный комплекс массового уничтожения людей в истории человечества. Лагерь состоял из трёх основных частей: Аушвиц I (административный центр и первый лагерь), Аушвиц II-Биркенау (основное место уничтожения с газовыми камерами и крематориями) и Аушвиц III-Моновиц (центр принудительного труда на промышленных предприятиях IG Farben). За годы существования лагеря через него прошли не менее 1,3 миллиона человек, из которых около 1,1 миллиона были уничтожены, в том числе примерно 1 миллион евреев, 70-75 тысяч поляков, 21 тысяча цыган, 15 тысяч советских военнопленных и десятки тысяч представителей других национальностей. Освенцим стал не только символом Холокоста – нацистской политики систематического уничтожения европейского еврейства, но и универсальным символом нацистских преступлений против человечности, индустриализированного убийства и тотального отрицания человеческого достоинства [2].

Ход операции по освобождению Освенцима

К середине января 1945 г. советские войска, развивая наступление в рамках Висло-Одерской стратегической операции, подошли к территории, где располагался лагерный комплекс. Освобождение Освенцима было осуществлено силами 1-го Украинского фронта под командованием маршала Ивана Степановича Конева. В операции участвовали соединения 59-й и 60-й армий, в том числе 100-я Львовская стрелковая дивизия и 322-я стрелковая дивизия (таблица 1).

27 января 1945 г. передовые отряды 100-й стрелковой дивизии: 454-й стрелковый полк и 472-й стрелковый полк ворвались на территорию лагеря. В этот же день бойцы 322-й стрелковой дивизии освободили узников в филиале Аушвиц-Биркенау-Аушвиц III-Моновице. В ходе операции советские войска встретили лишь разрозненное сопротивление остатков гарнизона СС, который насчитывал около 700 охранников, большинство из которых бежали на запад, предварительно взорвав крематории и уничтожив значительную часть лагерной документации. Освободителям открылась трагическая картина: около 7 тысяч истощённых, больных узников, оставленных нацистами в лагере, склады с сотнями тысяч комплектов одежды, тоннами женских волос, горами личных вещей убитых, а также свидетель-

Таблица 1. Основные подразделения Красной Армии, участвовавшие в освобождении концентрационного лагеря Освенцим.

Воинское формирование	Командир	Участие в освобождении
1-й Украинский фронт	Маршал Советского Союза И.С. Конев	Общее командование наступлением
100-я Львовская стрелковая дивизия	Генерал-майор Ф.М. Красавин	Основная сила, освободившая центральную часть лагеря (Аушвиц I и Аушвиц II-Биркенау)
322-я стрелковая дивизия	Генерал-майор П.И. Зубов	Освободила филиал Аушвиц III-Моновиц (Моновице)
286-я стрелковая дивизия	Генерал-майор М.Д. Гришин	Обеспечивала освобождение прилегающих территорий (Явожно)
115-й стрелковый корпус	Генерал-майор С.Б. Козачек	Координировал действия дивизий в районе Освенцима и прилегающих территорий
107-я стрелковая дивизия	Полковник В.Я. Петренко	Участие в освобождении и разминировании лагеря

ства массовых убийств в газовых камерах [3].

В военном отношении освобождение Освенцима стало одним из эпизодов стратегического наступления Красной Армии, завершившегося выходом к реке Одер и создавшим предпосылки для последующего штурма Берлина. Однако военное значение события выходит за рамки тактических успехов: ликвидация крупнейшего нацистского лагеря смерти означала крах одного из центральных элементов системы геноцида. С военно-оперативной точки зрения освобождение Освенцима продемонстрировало способность Красной Армии не только нанести поражение вермахту, но и ликвидировать инфраструктуру нацистского террора, что имело важное значение для морального духа войск и союзников [4].

Моральное значение этого события неизмеримо выше. Освенцим стал первым крупным нацистским лагерем уничтожения, освобождённым советскими войсками на территории оккупированной Польши. Увиденное войсками красной армии и командованием стало неопровержимым доказательством масштабов нацистских преступлений. Уже в ноябре 1942 г. была создана Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, работавшая на месте лагеря; материалы комиссии впоследствии легли в основу обвинений на Нюрнбергском процессе. Для советских солдат, освободивших лагерь, это событие стало моральным потрясением, подтверждением справедливости борьбы против нацизма. Для мира Освенцим, освобождённый Красной Армией, стал сим-

волом не только нацистского варварства, но и гуманистической миссии освободителей, ценой собственных жизней положивших конец жестокости режима уничтожения. Именно поэтому 27 января 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН учредила эту дату как Международный день памяти жертв Холокоста, подчеркнув тем самым значение как самого события, так и роли освободителей [5]. Наиболее важные события по увековечиванию памяти об Освенциме как доказательстве преступлений нацизма и героизации Красной Армии в его освобождении представлены в таблице 2.

Российский официальный дискурс: Красная Армия как главный освободитель Освенцима

В российском официальном дискурсе тема освобождения Освенцима занимает особое место, а роль Красной Армии трактуется как исключительная и не подлежащая пересмотру. Президент России в своих ежегодных обращениях по случаю Международного дня памяти жертв Холокоста последовательно подчёркивает, что именно советские солдаты «раскрыли миру правду о злодеяниях нацистов» и «спасли еврейский и другие народы от уничтожения». В послании к 80-й годовщине освобождения Освенцима в 2025 г. В.В. Путин отметил: «В январе 1945 года Красная армия освободила концлагерь Освенцим, открыв человечеству правду о преступлениях нацистов и их приспешников, уничтожавших миллионы евреев, русских, цыган, представителей других народов» [6]. В аналогичных высказываниях президента РФ неизменно акцентируется моральное первенство СССР: не союзники, не международное сообщество, а именно Красная Армия выполнила историческую миссию освобождения.

Министерство иностранных дел РФ в своих официальных заявлениях также последовательно фиксирует и актуализирует тему освобождения Освенцима. В комментариях к годовщинам подчёркивается, что именно Красная Армия, а не какие-либо иные силы, положила конец существованию самого страшного нацистского лагеря смерти [7]. В дипломатических нотах и обращениях к международным организациям российская сторона настаивает на необходимости сохранения исторической точности в формулировках, исключающей подмену конкретного освободителя абстрактными понятиями [8, 9, 10].

В МИД РФ назвали заявление ЕС об освобождении Освенцима переиначиванием истории: «Таким образом, отдельные представители стран Запада в очередной раз демонстрируют двойные стандарты, когда говорят о необходимости помнить тех, кто пал жертвой нацистского режима» [11].

Официальные публикации на сайте Кремля, в «Российской газете» и на ресурсах Минобороны РФ выдерживают единую линию: освобождение Освенцима подаётся как ключевой эпизод, подтверждающий решающую роль СССР в разгроме нацизма и его гуманистическую миссию [12, 13].

Таблица 2. Хронология ключевых событий памяти об Освенциме.

Дата	Событие	Значение (контекст)	Связь с исторической политикой
27 января 1945 г.	Освобождение лагеря Аушвиц-Биркенау войсками 1-го Украинского фронта Красной Армии	Красная Армия освободила около 7 тысяч узников, зафиксированы свидетельства нацистских преступлений	Исторический факт, на котором построен российский нарратив об освободительной миссии
1947 г.	Создание Государственного музея Аушвиц-Биркенау	Первый музей на месте нацистского лагеря смерти	В первые десятилетия подчёркивала роль советских войск в освобождении
1967 г.	Установка памятника жертвам лагеря на территории Биркенау	Символ памяти жертвам фашизма	Сохранение исторической памяти
1 ноября 2005 г.	Учреждение ООН Международного дня памяти жертв Холокоста	Дата 27 января закреплена как день памяти	В резолюции признаётся роль союзников, но формулировка Красная Армия не названа напрямую
27 января 2005 г.	60-я годовщина освобождения	Участие президента РФ и лидеров многих стран	Последняя крупная церемония с участием всех ключевых держав
27 января 2015 г.	70-я годовщина	Участие делегации со стороны РФ	Начало дипломатического охлаждения
2021 г.	Первое отсутствие приглашения российским официальным лицам	Организаторы не пригласили делегацию РФ	Начало систематического дипломатического исключения России
27 января 2023 г.	78-я годовщина	Россия не приглашена, направлено приветственное обращение президента РФ	Дипломатическая изоляция
27 января 2025 г.	80-я годовщина	Крупная церемония, Россия не приглашена, использование формулировки «союзные войска»	Широкий резонанс, российская критика фальсификации истории

Российский официальный дискурс не ограничивается позитивной репрезентацией собственной роли, но включает активную критику западных нарративов, которые принижают или искажают историческую правду. Центральным объектом критики стала формулировка «союзные войска» (англ. Allied forces), систематически используемая руководством Европейского союза в заявлениях, посвящённых годовщинам освобождения Освенцима. В 2024 г. президент Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен, выступая по случаю Международного дня памяти, назвала освободителями лагеря «союзные войска», не упомянув Красную Армию. Российская сторона квалифицировала это как «историческую ошибку» и «сознательное умолчание». Постоянное представительство России при ЕС заявило: «Такие формулировки недопустимы. Именно Красная Армия, а не абстрактные «союзники», освободила Освенцим» [14]. Норвежский историк Гленн Дисен, специалист по истории Второй мировой войны ответил на заявление президента Европейской комиссии: «какой-то смелый исторический ревизионизм со стороны ЕС. Советский Союз был частью союзных войск, но Освенцим освободила именно Красная Армия» [15].

В российской интерпретации такие практики являются не случайными оговорками, а частью систематической политики Запада по пересмотру итогов Второй мировой войны. Официальный дискурс использует понятие «фальсификации истории» для обозначения широкого спектра явлений: от умолчания о роли Красной Армии до героизации коллаборационистов и приравнивания СССР к нацистской Германии. Из заявлений МИД РФ следует, что стремление переписать историю Второй мировой войны, принизить решающий вклад Советского Союза в победу над нацизмом стало устойчивым трендом в ряде европейских стран. Российская критика адресуется не только политикам, но и организаторам мемориальных мероприятий, музейным работникам, редакциям западных СМИ, которые, по мнению Москвы, поддаются этой политике «отмены» исторической правды [16].

Характерной чертой российского официального дискурса является стремление к конкретизации и персонализации освободителей. В отличие от западной практики обобщённых формулировок («союзные войска», «освободители»), российские тексты, учебники и публицистика детально описывают, кто именно освобождал Освенцим. Регулярно упоминаются 1-й Украинский фронт под командованием маршала Ивана Конева, 100-я Львовская стрелковая дивизия генерал-майора Фёдора Красавина, 322-я стрелковая дивизия, 454-й и 472-й стрелковые полки [17, 18].

Особое внимание уделяется командованию войск. В официальных публикациях и выступлениях российских политиков фигурируют имена командиров, непосредственно руководивших освобождением: подполковник Семён Беспрозванный, подполковник Николай Соболев, **полковник Ва-**

силий Петренко, **Генерал-майор Михаил Гришин**, **генерал-майор Фёдор Красавин**, маршал Иван Конев, а также имена других офицеров. Активно тиражируется история о том, что среди освободителей был еврейский офицер Анатолий Шапиро, чья национальная принадлежность подчёркивается как символическое совпадение: сын еврейского народа участвовал в освобождении главного лагеря уничтожения евреев. Эта персонализация выполняет несколько функций: она создаёт живую, эмоционально насыщенную картину исторического события, противопоставленную абстрактному западному нарративу, позволяет конкретизировать понятие «Красная Армия», представляя её не как безликую массу, а как собрание народов со своими героями с именами и судьбами, также она служит инструментом патриотического воспитания, предоставляя конкретные образцы для подражания и гордости. В российской интерпретации знание имён освободителей Освенцима является не просто академическим интересом, а нравственным долгом, противопоставленным западной тенденции к обезличиванию настоящих героев.

Дипломатическая изоляция как элемент политики «размывания» исторической памяти

Важным измерением российского официального дискурса об Освенциме является тема дипломатической изоляции. Начиная с 2020 г. (75-я годовщина) и особенно после 2022 г., российские официальные лица перестали приглашать на памятные церемонии в Государственный музей Аушвиц-Биркенау. Аргументация польской стороны и руководства музея строится на нескольких основаниях. Во-первых, подчёркивается принципиальная позиция: «государство-агрессор, нарушающее международное право и ведущее войну в центре Европы, не может быть почётным гостем на мемориале, посвящённом жертвам нацистского террора». Во-вторых, организаторы апеллируют к позиции выживших узников и Международного комитета Освенцима, многие из которых, как утверждается, выступают против участия российских официальных лиц. В-третьих, акцентируется необходимость сохранить мемориал как пространство, свободное от текущих политических конфликтов, а присутствие российской делегации, по мнению организаторов, неизбежно политизировало бы церемонию [19, 20].

В заявлениях директора музея Петра Цивинского и представителей польского правительства подчёркивается, что отказ в приглашении не означает отрицания исторической роли Красной Армии. В официальной экспозиции музея по-прежнему указано, что 27 января 1945 г. лагерь освободили «солдаты Красной Армии». Однако дипломатическое исключение России из мемориальных практик создаёт парадоксальную ситуацию: страна, чьи военнослужащие совершили акт освобождения, лишена возможности официально участвовать в его коммеморации (таблица 3). Это решение

вызывает резкую критику со стороны Правительства РФ, которая квалифицирует его как политизацию истории и оскорбление памяти жертв [21].

В российском официальном дискурсе эта практика получает однозначную оценку как «оскорбление памяти жертв», «политизация истории» и «разрыв связей с наследием Победы». Представители МИД РФ неоднократно заявляли, что исключение России из памятных церемоний «противоречит самому духу международного сотрудничества в сохранении памяти о Холокосте». Российская сторона подчёркивает парадоксальность ситуации: страна, чьи солдаты ценой жизни освободили лагерь, оказывается не допущенной на место, где чтят память жертв. В этом контексте формулируется нарратив о «предательстве исторической правды» и «отказе Европы от собственного наследия». При этом сам факт отсутствия российских делегаций не означает отказа России от участия в коммеморации: правительство РФ продолжает направлять обращения, а 27 января ежегодно включается в официальный календарь памятных дат страны [22].

Таблица 3. Участие российских официальных делегаций в памятных церемониях в Освенциме.

Год	Участие российской делегации	Примечание
2005	Да	60-летие освобождения, широкое представительство
2006-2014	Да	Ежегодное участие делегаций
2015	Да	70-летие освобождения, участие делегации
2016-2019	Да	Регулярное участие
2020	Частично	75-летие освобождения, приглашение было, ограниченный состав делегации из-за пандемии
2021-2026	Нет	Приглашение не направлено

Зарубежный официальный и медийный дискурс освобождения концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау

В заявлениях руководства Европейского союза, посвящённых Международному дню памяти жертв Холокоста 27 января, в последние годы сформировалась устойчивая тенденция, вызывающая острую критику со стороны российской стороны. Речь идёт о последовательном использовании обобщённой формулировки «союзные войска» (Allied forces) для обозначения освободителей концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау, без упоминания Красной Армии как конкретной силы, осуществившей освобождение.

Характерной особенностью этих заявлений является систематическое исключение Красной Армии из нарратива при сохранении формальной исторической корректности: СССР действительно входил в антигитлеровскую

коалицию, поэтому формулировка «союзные войска» не является фактически неверной. Однако, как отмечают критики (включая российских официальных лиц и независимых историков), такая тенденция создаёт эффект «стирания» конкретного освободителя, растворяя роль советских солдат в обобщённом образе «союзников». При этом в заявлениях по случаю других памятных дат (например, высадки в Нормандии) европейские лидеры, как правило, конкретизируют участников – американские, британские, канадские войска.

Этот факт позволяет квалифицировать использование формулы «союзные войска» не как нейтральную стилистическую особенность, а как элемент политики памяти, направленной на минимизацию исторической роли СССР [23]. Таким образом, политики, особенно на наднациональном уровне (ЕС, ООН), всё чаще используют обобщённые формулировки, стремясь либо избежать неудобной конкретики, либо адаптировать исторический дискурс под текущие геополитические задачи [24].

Параллельно с дискуссией об освободителях в западном медийном пространстве сохраняется проблема неточности терминологии, которая связана с обозначением нацистских лагерей смерти, располагавшихся на оккупированной территории Польши. В зарубежных СМИ периодически возникает формулировка «польские лагеря смерти» (Polish death camps), которая вызывает резкое осуждение как со стороны Польши, так и со стороны России, хоть и по разным, причинам [25].

С точки зрения исторической точности, использование термина «польские лагеря смерти» является искажением фактов: лагеря создавались и управлялись нацистской Германией, а Польша была оккупированной страной, которая понесла огромные потери, однако этот факт выполняет иную дискурсивную функцию: он размывает ответственность нацистской Германии, перенося её на территорию Польши и косвенно на её народ. В российском официальном дискурсе подобные ошибки интерпретируются как искажение истории: если стирается конкретика освободителя и размывается ответственность преступника, то вся картина Второй мировой войны становится уязвимой для политических манипуляций.

Освобождение Освенцима как ресурс реализации политических целей

Сравнительный анализ убедительно показывает, что память об освобождении Освенцима в современном дискурсе перестала быть нейтральным историческим знанием и превратилась в ресурс для решения актуальных политических задач. Одно и то же событие служит в противоположных политических проектах, что и составляет суть «войны памяти» вокруг него.

Для российской политики памяти освобождение Освенцима используется как инструмент:

- легитимизации современной России как наследницы СССР и продолжательницы его исторической миссии;

- консолидации общества вокруг образа страны-освободительницы;
- противостояния западному нарративу через критику «ревизионизма» и «фальсификации истории»;
- внешнеполитической аргументации, где историческая роль СССР служит обоснованием особого статуса России в Европе.

Для западного политического дискурса память об освобождении Освенцима инструментализируется иначе:

- дистанцирование от современной России через отказ от совместной коммеморации, что позволяет провести символическую границу между «демократической Европой» и «агрессивной Россией»;
- утверждение нарратива о тоталитарном прошлом, где нацизм и коммунизм часто ставятся в один ряд, что позволяет ослабить исключительную ответственность Германии и перераспределить её на СССР;
- поддержка внешнеполитического курса Польши и стран Прибалтики, для которых тема «советской оккупации» является основой национальной идентичности и обоснованием членства в НАТО.

Заключение

Проведённый сравнительный анализ российских и зарубежных официальных текстов об освобождении Освенцима выявил существование двух параллельных, взаимоисключающих реальностей. Российский нарратив настаивает на конкретном именовании освободителя – Красная Армия, на детализации подразделений и командиров, встраивая событие в контекст Великой Победы и освободительной миссии СССР. Западный политический дискурс, напротив, тяготеет к обобщённой формуле «союзные войска», что при формальной корректности создаёт эффект умолчания о решающей роли советских солдат. Дипломатическое исключение России из памятных церемоний, начавшееся после 2020 г., стало символическим разрывом, где одна сторона видит «оскорбление памяти жертв», а другая – «принципиальную позицию против государства-агрессора».

Таким образом, память об освобождении Освенцима превратилась из нейтрального исторического факта в инструмент политической борьбы. Россия использует это событие для легитимации своего исторического наследия и консолидации общества, Запад – для дистанцирования от современной России и утверждения нарратива о тоталитарном прошлом. Понимание данного разрыва необходимо для деконструкции взаимных претензий в «войнах памяти» и для сохранения исторической достоверности, которая всё чаще становится заложницей текущей геополитики.

Библиографический список / Reference

1. Auschwitz-Birkenau State Museum. Liberation of Auschwitz camp. // URL: https://www.auschwitz.org/en/education/e-learning/podcast/liberation-on-the-auschwitz-camp/ (Дата обращения: 10.04.2026).

2. Auschwitz-Birkenau State Museum. The number of victims. // URL: https://www.auschwitz.org/en/history/the-number-of-victims/ (Дата обращения: 10.04.2026).
3. Memorial and museum Auschwitz-Birkenau. The final evacuation and liquidation of the camp. // URL: https://www.auschwitz.org/en/history/evacuation/the-final-evacuation-and-liquidation-of-the-camp/ (Дата обращения: 10.04.2026). .
4. Auschwitz-Birkenau State Museum. Holocaust and genocide denial after the war. // URL: https://www.auschwitz.org/en/history/holocaust-denial/holocaust-and-genocide-denial-after-the-war/ (Дата обращения: 10.04.2026).
5. Организация Объединённых Наций. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 60/7 «Память о Холокосте». 21 ноября 2005 г. // URL: https://digitallibrary.un.org/record/559922 (Дата обращения: 10.04.2026).
6. Послание Президента РФ В.В. Путина участникам и гостям мемориальной церемонии к 80-летию освобождения узников концлагеря Аушвиц-Биркенау (Освенцим). 27 января 2025 г. // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/letters/76160 (Дата обращения: 10.04.2026).
7. Департамент государственного протокола Министерства иностранных дел Российской Федерации. К 80-летию освобождения Красной армией концлагеря Освенцим. // URL: https://dgp.mid.ru/currentinfo/events/k-80-letiyu-osvobozhdeniya-krasnoy-armiey-kontslageryа-osventsim/ (Дата обращения: 12.09.2026).
8. Общественная служба новостей. РФ напомнила Еврокомиссии, кто освобождал Освенцим. // URL: https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/rf-napomnila-evrokomissii-kto-osvobozhdal-osventsim/?ysclid=mtn3c0v6ng472027133 (Дата обращения: 10.09.2026).
9. МИД РФ. Выступление Постоянного представителя России при ООН В.А. Небензи в ходе специального торжественного заседания ГА ООН в память обо всех жертвах Второй мировой войны, Нью-Йорк. 7 мая 2025 г. // URL: https://www.mid.ru/ru/maps/de/2015341/ (Дата обращения: 10.04.2026).
10. Дискуссия Валдайского клуба, посвящённая 80-летию освобождения Освенцима. 29 января 2025 г. // URL: https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/vozmozhen-li-dialog-s-alternativnoy-pravdoy/ (Дата обращения: 10.04.2026).
11. Левин Е. МИД РФ назвали заявление ЕС об освобождении Освенцима переиначиванием истории. // URL: https://tvzvezda.ru/news/202012892-Ao9kw.html?ysclid=mtn3rs0nje648016583 (Дата обращения: 14.09.2026).
12. Нарышкин, С.Е. Кто освободил узников Аушвица? // URL: http://www.svr.gov.ru/smi/2025/01/kto-osvobodil-uznikov-aushvitsa.htm (Дата обращения: 15.09.2026).
13. Министерство обороны Российской Федерации. Сергей Нарышкин почтил память узников Освенцима. // URL: https://mil.ru/news/cd685eca-4bf1-493f-9cc5-5fe75cfec3d5 (Дата обращения: 15.09.2026).
14. Представительство РФ при ЕС указало на ошибку фон дер Ляйен в заявлении о холокосте. // URL: https://iz.ru/1640891/2024-01-27/predstavitelstvo-rf-pri-es-ukazalo-na-oshibku-fon-der-liaien-v-zaiavlenii-o-kholokoste?ysclid=mu0xar2m3y552840608 (Дата обращения: 14.09.2026).
15. Отраднов Р. В Норвегии слова фон дер Ляйен об Освенциме назвали историческим ревизионизмом. // URL: https://rg.ru/2024/01/28/v-norvegii-slova-fon-der-liajen-ob-osvencime-nazvali-istoricheskim-revizionizmom.html?ysclid=mu0xesdf7706555901&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (Дата обращения: 14.09.2026).
16. Захарова М.В. Заявление о переписывании Западом истории. 12 августа 2025 г. // URL: https://ria.ru/20250812/zapad-2034722750.html (Дата обращения: 10.04.2026).
17. РИА Новости. Освобождение советской армией лагеря Аушвиц-Биркенау (Освенцим). // URL: https://ria.ru/20250127/osventsim-1995368483.html?ysclid=mu2sbb985j559000155 (Дата обращения: 15.09.2026).
18. ТАСС. Комплекс лагерей, несущих смерть: кто и как освобождал узников Освенцима. // URL: https://tass.ru/obschestvo/22963579 (Дата обращения: 15.09.2026).
19. РИА Новости. Российских дипломатов не пригласили на годовщину освобождения Освенцима. 19 января 2026 г. // URL: https://ria.ru/20260119/osventsim-2068814778.html (Дата обращения: 10.04.2026).
20. Europa Union website. Let no one tarnish the memory of the Holocaust. 26 января 2023 г. // URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/let-no-one-tarnish-memory-holocaust_en (Дата обращения: 10.04.2026).
21. ТАСС. В Польше не планируют приглашать РФ на 80-ю годовщину освобождения Освенцима. 23 сентября 2024. // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21936231 (Дата обращения: 10.04.2026).
22. Послание участникам памятных мероприятий, посвящённых 65-летию освобождения концлагеря Аушвиц-Биркенау. 27 января 2010 г. // URL: http://www.kremlin.ru/catalog/countries/PL/events/6724 (Дата обращения: 10.04.2026).
23. Statement by President von der Leyen ahead of International Holocaust Remembrance Day. 26 Januar 2026. // URL: https://cyprus.representation.ec.europa.eu/news/statement-president-von-der-leyen-ahead-international-holocaust-remembrance-day-2026-01-26_en (Дата обращения: 10.04.2026).
24. Regierungsportal M-V. Schwesig: Den Opfern gedenken, die Demokratie schützen. 27 января 2025. // URL: https://www.regierung-mv.de/Landesregierung/stk/Presse?id=208153&processor=processor.sa.pressemitteilung (Дата обращения: 10.04.2026).
25. Memorial and museum Auschwitz-Birkenau. 72nd anniversary of the liberation of Auschwitz. // URL: https://www.auschwitz.org/en/museum/news/time-72nd-anniversary-of-the-liberation-of-auschwitz-,1238.html (Дата обращения: 10.04.2026).

Долгушина П.С.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Шостак В.А.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Синегубов С.Н.
Доктор исторических наук, профессор, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Генезис термина «серийное убийство» и трансформация фигуры серийного маньяка в контексте идеологического противоборства СССР и США в период холодной войны*

Аннотация. В статье рассматривается проблематика концептуализации образа серийного маньяка и генезиса термина «серийный убийца» в рамках противопоставления идеологий СССР и США во время Холодной войны. Актуальность данного вопроса неоспорима, что подтверждают трудности составления образа убийцы с многочисленными жертвами, в том числе, его поиск, составление психологического портрета и объединения эпизодов убийств в единое дело. Для полноценного восприятия процесса трансформаций судебно – криминалистических действий проблему необходимо рассматривать в контексте идеологического противостояния СССР и США как двух ведущих мировых держав. Проводится анализ исторического контекста, под которым подразумевается влияние внешних условий на течение хода трансформаций криминалистического подхода к работе с неоднократными убийствами одним лицом с характерным почерком. Цель статьи заключается в исследовании генезиса термина «серийное убийство» и подходов к работе с серийными маньяками с точки зрения двух государств с различной идеологией, с учетом криминалистических, психиатрических и юридических аспектов, для составления целостного представления о новой концепции.

Ключевые слова: серийный убийца, идеология, Холодная война, криминалистика, психиатрическая экспертиза, профайлинг.

* © Долгушина П.С., Шостак В.А., Синегубов С.Н., 2026.

Dolgushina P.S.
Student. P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (Branch) of Tyumen State University, Ishim.

Shostak V.A.
Student. P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (Branch) of Tyumen State University, Ishim.

Sinegubov S.N.
Doctor of Historical Sciences, Professor, P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (Branch) of Tyumen State University, Ishim.

The genesis of the term "serial murder" and the transformation of the figure of a serial maniac in the context of the ideological confrontation between the USSR and the USA during the Cold War

Abstract. This article examines the conceptualization of the serial killer and the origins of the term "serial murderer" within the context of the contrasting ideologies of the USSR and the United States during the Cold War. The relevance of this issue is undeniable, as evidenced by the difficulties of defining a killer with multiple victims, including their search, compiling a psychological profile, and integrating murder cases into a single case. To fully understand the transformation of forensic methods, this issue must be considered within the context of the ideological confrontation between the USSR and the United States as two leading global powers. An analysis of the historical context is provided, which understands the influence of external conditions on the transformation of the forensic approach to dealing with multiple murders by a single individual with a distinctive style. The purpose of this article is to examine the origins of the term "serial murder" and approaches to dealing with serial killers from the perspective of two countries with different ideologies, taking into account forensic, psychiatric, and legal aspects. This will allow for a comprehensive understanding of the new concept.

Key words: Serial killer, ideology, Cold War, forensics, psychiatric examination, profiling.

На протяжении всего XX в. СССР и США являлись объектом противопоставлений, начиная от социального устройства государств, заканчивая политическими стратегиями и характером взаимодействия с иными странами мира.

Ключевым аспектом, влияющим на целостное устройство и функ-

ционирование страны, является идеологическая составляющая. Соответственно, разрозненность Советского Союза и Соединённых Штатов Америки берёт своё начало ещё с базового фундамента их становления – идеологии. В то время как, в СССР марксизм-ленинизм предполагал построение коммунистического общества через социализм, преобразование собственности в общественную и отсутствие разделения населения по классам, базовыми направлениями развития США являлись демократия, либерализм, капитализм, предполагающий существование частной собственности и рыночной экономики. Оба государства располагаются по разные стороны идеологического спектра, соответственно, такие глобальные различия ценностного фундамента значительно осложняют коммуникацию и взаимодействие государств.

Постепенно Советский Союз и Соединённые Штаты Америки, являясь лидирующими мировыми государствами, входили в конфронтацию идеологий в попытке занять лидирующее место в рамках сформировавшейся биполярной мировой системы. Которая предполагала борьбу между двумя главенствующими сверхдержавами, определяющими ход мирового политического развития. Такие события стали источником начавшейся между СССР и США Холодной войны, а также условного противостояния советского и западного гражданина [7]. В свою очередь, образ и социальный портрет гражданина той или иной страны являлся подтверждением успеха функционирования идеологической теории. Итак, советский человек являлся отображением коллективизма, плановой экономики и коммунистической идеологии, а американский человек воплощал в себе либерализм, рыночную экономику и индивидуализм [9].

Противостояние СССР и США длилось десятилетиями и не приходило к логичной победе одной из сверхдержав. Это стало причиной, по которой государства начинали вести курс на дискредитацию оппонента. Советский гражданин глазами западного общества выступал в роли жертвы системы, лишённой свободы, права выбора, отступающей от своих потребностей в угоду общественности и коллектива. Параллельно этому, американские граждане представали перед советским социумом в амплуа капиталистических узурпаторов общественных масс во имя прибыли, главная цель которых – мировая гегемония.

Таким образом, главным элементом, отражающим существующую систему, устремления того или иного государства являлся человек – типичный гражданин своей страны. Жизнь такого гражданина всегда окружена событиями, ценностями и идеологическими направлениями развития его государства, что приводило к конкуренции держав, в рамках которой гражданин выступал объектом спора.

Государства проводили сравнительную аналогию не только между при-

мерными, положительными представителями своих государственных систем, но и, в том числе противопоставляли между собой наиболее криминогенных лиц. Это обуславливалось следующим: как и охарактеризованные положительно, так и негативно в ходе устоявшейся практики, граждане являлись олицетворением лучших и худших сторон общественной системы, в которой они были сформированы.

Такие тенденции прослеживались и в сфере насильственных преступлений. Объектом сравнения становилось число преступников и методы их поиска, способы работы с ними. В то время как в Соединённых Штатах Америки уже активно использовался термин «серийный убийца», в Советском Союзе ситуация была иной [3]. Юридический советский источник, опубликованный в 1975 г. [5] проводит градацию между:

1. Умышленным убийством, целью которого является сокрытие иного преступления;

2. Убийством двух и более лиц, совершённым с прямым умыслом;

3. Совершением убийства с прямым умыслом лицом, ранее осуществившим аналогичное преступление;

4. Умышленным убийством, осуществлённым особо опасным рецидивистом.

Данный источник наглядно демонстрирует отсутствие в терминологии советской криминалистики понятия «серийное убийство» или «серийный убийца» на 1975 г.. Несмотря на то, что существование многократных убийств, совершённых одним лицом, не отрицалось, данные преступления расследовались не в рамках отдельной группы серийных убийств, а сквозь призму категорий рецидивов, повторности и др. [6].

Параллельно этому, в Соединённых Штатах Америки в 1970-х гг. формировался генезис отдельной криминалистической категории – работы с серийными убийствами [8]. Новая категория появилась в связи с внедрением в криминалистику метода составления системного психологического портрета маньяка - профайлинга. Его основателями стали агенты ФБР Джон Дуглас и Роберт Ресслер, последний из которых внедрил в криминалистику понятие серийного убийства. Д. Дуглас и Р. Ресслер кардинальным образом преобразовали криминалистическую систему работу с множественными убийствами в США. Итак, в рамках одного исторического периода США и СССР совершенно по-разному подходят к работе с множественными убийствами.

Восприятие маньяка в США и СССР отличалось, в том числе, в сфере распространения в массовых источниках информации на эту тему. Если в США сформировался определённый культ поимки маньяка, то в СССР зачастую подробности дел, связанных с серийными маньяками не разглашались. Это было обусловлено следующими факторами: в 1970-е гг. в

США максимально открыто обсуждали самые громкие дела – преступления Т. Банди, Р. Рамиреса, Ч. Мэнсона и др. Кроме того, к этому моменту уже сформировалась система профайлинга, преступления с характерным почерком объединяли в единое дело, а затем квалифицировали как «серийные убийства». Благодаря гласности американские граждане осознавали размер проблемы и хотели её решить через правосудие. Параллельно этому, В Советском Союзе обсуждение появившихся маньяков обсуждалось в рамках максимально узкого круга профессиональной сферы, действия убийц не оглашались в СМИ. Советские криминалисты работали по старой схеме, поскольку не владели новыми методиками, не могли сформировать эпизоды с единым почерком в полноценное дело, так как самого термина «серийное убийство» не существовало.

Однако остаётся открытым вопрос о том, каким образом в советском государстве в 1975-х гг. рассматривали человека, осуществившего ряд убийств [11]. В СССР механизм расследования и квалификации особо тяжких преступлений, в частности – умышленных неоднократных убийств, реализованных одним лицом, включал в себя анализ совершённых преступлений с позиции оценки психики и ментального здоровья делинквента (преступника) [12].

Итак, немаловажную роль в оценке действий и криминалистического портрета лица, совершившего неоднократные убийства, представляет собой характеристика вменяемости, определяемая официальной психиатрической экспертизой в ходе судебного разбирательства [13]. Советская судебно-психиатрическая система рассматривала понятия вменяемости и виновности комплексно: возможное наличие психических нарушений не являлось гарантией признания делинквента невменяемым [14]. Таким образом, преступник рассматривался одновременно с двух сторон – как личность с девиациями и как лицо, осознанно совершившее преступление.

Переломным эпизодом в рассмотрении аналогичных судебных вопросов стало дело Андрея Чикатило. Ряд убийств с характерным почерком одного человека невозможно было рассматривать обособленно друг от друга [1]. В ходе деятельности следствие начинает работу по объединению эпизодов между собой, постепенно формируется психологический портрет преступника. В соответствии с результатами трёх судебно-психиатрических экспертиз у Андрея Чикатило было выявлено множество психических нарушений, тем не менее, он был признан вменяемым. То есть, несмотря на патологичность его психики, он может рассматриваться в контексте преступника с девиациями психики, но оставаться субъектом преступлений способным понести ответственность перед судом за содеянное.

Появление дела Чикатило во многом изменило подход судебно-психиатрической системы страны. Его криминалистический портрет уже было

невозможно трактовать как «лицо, совершившее повторное убийство», теперь советская система воспринимала его как делинквента, который эпизодично реализует серию аналогичных преступлений [2]. Именно это даёт толчок в появлении среди советской юридической и криминалистической литературы появления термина «серийный убийца».

Окончательное оформление термина в рамках криминалистических расследований происходит в период 1986 – 1992-х гг. в деле С. Головкина, совершавшего систематические убийства мальчиков с характерным почерком. Это дело стало основополагающим в рамках закрепления терминологии и смены подхода криминалистов в расследовании [10].

Спустя несколько убийств, следствие рассматривало преступления не как отдельные друг от друга преступные деяния, а как эпизоды деятельности одного маньяка, затем объединённые в единое дело. Таким образом, помимо закрепления новой терминологии, следствие систематизировалось в рамках единой фигуры серийного убийцы. Затем такая система стала функционировать и в иных делах, связанных с серийными убийствами, позволив советским криминалистам более эффективно выявлять серийных маньяков и работать с ними.

Разрозненность СССР и США в рамках терминологических особенностей, системы поиска, выявления и работы с серийными убийцами целесообразно рассматривать не с точки зрения наличия или отсутствия феномена серийного убийства, а с точки зрения расхождения в постановке концепции работы с неоднократными, эпизодическими убийствами с характерным почерком. Таким образом, в Советском Союзе убийства, делящиеся на множество эпизодов, объединённых общими чертами и схожей схемой действий, де-юре признавались и рассматривались с точки зрения схожих категорий убийств. Тем не менее, генезис чётко очерченного портрета и образа серийного убийцы оформлялся постепенно, параллельно с этим изначально смешиваясь с иными классификациями: убийцы – рецидивиста, лица с девиациями психики, обладающего нарушениями ментального здоровья и иных форм особо тяжких нарушений.

В свою очередь, посредством введения работы модели профайлинга [4] уже к началу 1970-х гг. в терминологии и следственном процессе США появлялась новая категория – «серийные убийства».

Однако в разрезе советской и американской систем работы с серийными убийствами, советская система длительное время отказывалась от полноценного введения термина «серийное убийство». Пытаясь тем самым подтвердить гипотезу о том, что советские граждане не способны на совершение подобных преступлений. Тем самым, работа в контексте серийных убийств в СССР в значительной степени осложнилась и замедлилась, в то время как, в США успешно разрабатывались новые способы поиска

маньяков, открыто обсуждались криминалистические действия в СМИ. Это создавало благоприятную систему для освещения проблемы и работы с серийными убийствами в Америке.

Однако со временем, советская система признала необходимость постановки проблемы и внедрения новых методов работы. Новая концепция работы положительно отразилась на криминалистической системе СССР, позволив более эффективно находить маньяков, объединять эпизоды убийств в единые дела, тем самым, снизив число разрозненных между собой дел. Даже в рамках идеологической войны между США и СССР [15], в контексте разницы механизмов работы, серийные убийства существовали в обеих странах, отличался лишь поиск и попытки объяснить феномен.

Библиографический список:

1. Cullen R. The killer department // URL: https://archive.org/details/citizenx00robe/mode/2up (Дата обращения: 03.09.2026).
2. Антонян Ю.М., Ткаченко А.А. Сексуальные преступления: Чикатило и другие // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/95-01-028-antonyan-yu-m-tkachenko-a-a-seksualnye-prestupleniya-chikatilo-i-drugie-m-amalteya-1993-319-s/viewer (Дата обращения: 03.09.2026).
3. Ахмедшина Н.В., Ахмедшин Р.Л. О генезисе понятия «серийный преступник» // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-genezise-ponyatiya-seriynyy-prestupnik/viewer (Дата обращения: 03.09.2026).
4. Брюхнов А.А., Ковальчук В.А. Профайлинг как метод определения психолого-криминалистического портрета // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/profayling-kak-metod-opredeleniya-psihologo-kriminalisticheskogo-portreta/viewer (Дата обращения: 03.09.2026).
5. Инструкция о производстве судебно-психиатрической экспертизы в СССР от 27.10.1970 // URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=50821 (Дата обращения: 03.09.2026).
6. Кольцов М.И. Серийные убийства в истории советского и российского уголовного правоприменения // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/seriynye-ubiystva-v-istorii-sovetskogo-i-rossiyskogo-ugolovnogo-pravoprimeneniya?ysclid=msx55urua7136306271 (Дата обращения: 03.09.2026).
7. Куприянов А.В. Холодная война как особый тип конфликта – URL:https://cyberleninka.ru/article/n/holodnaya-voyna-kak-osobyy-tip-konflikta?ysclid=msx6quo6jy770770419 (Дата обращения: 03.09.2026).
8. Лозовский Д.Н. Особенности развития криминалистики в США – URL:https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-kriminalistiki-v-ssha?ysclid=msx7nyjrzp173304874 (Дата обращения: 03.09.2026).
9. Лопаткин И.Н. «Американская мечта» и «Советский образ жизни» - базисные основы идеологии противостояния // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskaya-mechta-i-sovetskiy-obraz-zhizni-bazisnye-osnovy-ideologii-protivostoyaniya/viewer (Дата обращения: 03.09.2026).
10. Милаева М.Ю. Современный взгляд на криминологический портрет серийного убийцы // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-vzglyad-na-kriminologicheskiy-portret-seriynogo-ubiytsy?ysclid=msx6soldcd576491646 (Дата обращения: 03.09.2026).
11. Стацура А.Г. Криминогенная ситуация в СССР и изменение государственной правоохранительной политики в 1967-1977 гг. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminogennaya-situatsiya-v-sssr-i-izmenenie-gosudarstvennoy-pravoohranitelnoy-politiki-v-1967-1977-gg/viewer (Дата обращения: 03.09.2026).
12. Таликина А.К. Некоторые аспекты судебно-психиатрической экспертизы в отношении серийных маньяков // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-sudebno-psihiatricheskoy-ekspertizy-v-otnoshenii-seriynyh-manyakov/viewer (Дата обращения: 03.09.2026).
13. Тарасов-Родионов П.И. Советская криминалистика // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-kriminalistika?ysclid=msx7mqd7u120179754 (Дата обращения: 03.09.2026).
14. Шеслер А.В. Личность преступника в криминологических исследованиях советского периода // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-v-kriminologicheskih-issledovaniyah-sovetskogo-perioda?ysclid=msx7n5hsbp535635302 (Дата обращения: 03.09.2026).
15. Штоль В.В., Задохин А.Г. Холодная война: истоки, наследие и альтернативы когнитивный аспект // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/holodnaya-voyna-istoki-nasledie-i-alternativy-kognitivnyy-aspekt?ysclid=msx7mei2xd87827268 (Дата обращения: 03.09.2026).

16. Лукашенко Д.В. Интеграция технологий искусственного интеллекта в педагогический процесс: влияние на развитие критического мышления обучающихся в условиях цифровой трансформации образования // Альманах Казачество. 2026. № 93 (4). С. 13-20.

Reference

1. Cullen R. The killer department // URL: https://archive.org/details/citizenx00robe/mode/2up (Дата обращения: 03.09.2026).
2. Antonyan Yu.M., Tkachenko A.A. Sexual Crimes: Chikatilo and Others // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/95-01-028-antonyan-yu-m-tkachenko-a-a-seksualnye-prestupleniya-chikatilo-i-drugie-m-amalteya-1993-319-s/viewer (03.09.2026).
3. Akhmedshina N.V., Akhmedshin R.L. On the Genesis of the Concept of "Serial Offender" // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-genezise-ponyatiya-seriynyy-prestupnik/viewer (03.09.2026).
4. Bryukhnov A.A., Kovalchuk V.A. Profiling as a Method for Determining a Psychological-Forensic Profile // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/profayling-kak-metod-opredeleniya-psihologo-kriminalisticheskogo-portreta/viewer (03.09.2026).
5. Instruction on Conducting Forensic Psychiatric Examinations in the USSR dated October 27, 1970 // URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=50821 (03.09.2026).
6. Koltsov M.I. Serial Murders in the History of Soviet and Russian Criminal Law Enforcement // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/seriynye-ubiystva-v-istorii-sovetskogo-i-rossiyskogo-ugolovnogo-pravoprimeneniya?ysclid=msx55urua7136306271 (03.09.2026).
7. Kupriyanov A.V. The Cold War as a Distinct Type of Conflict – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/holodnaya-voyna-kak-osobyy-tip-konflikta?ysclid=msx6quo6jy770770419 (03.09.2026).
8. Lozovsky D.N. Specifics of the Development of Criminalistics in the USA – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-kriminalistiki-v-ssha?ysclid=msx7nyjrzp173304874 (03.09.2026).
9. Lopatkin I.N. The "American Dream" and the "Soviet Way of Life": Foundational Bases of the Ideology of Confrontation // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskaya-mechta-i-sovetskiy-obraz-zhizni-bazisnye-osnovy-ideologii-protivostoyaniya/viewer (03.09.2026).
10. Milaeva M.Yu. A Modern Perspective on the Criminological Profile of a Serial Killer // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-vzglyad-na-kriminologicheskiy-portret-seriynogo-ubiytsy?ysclid=msx6soldcd576491646 (September 3, 2026).
11. Statsura A.G. The criminogenic situation in the USSR and changes in state law enforcement policy, 1967–1977 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminogennaya-situatsiya-v-sssr-i-izmenenie-gosudarstvennoy-pravoohranitelnoy-politiki-v-1967-1977-gg/viewer (03.09.2026).
12. Talikina A.K. Certain aspects of forensic psychiatric evaluation regarding serial maniacs // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-sudebno-psihiatricheskoy-ekspertizy-v-otnoshenii-seriynyh-manyakov/viewer (03.09.2026).
13. Tarasov-Rodionov P.I. Soviet criminalistics // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-kriminalistika?ysclid=msx7mqd7u120179754 (03.09.2026).
14. Shesler A.V. The offender's personality in criminological research of the Soviet period // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-v-kriminologicheskih-issledovaniyah-sovetskogo-perioda?ysclid=msx7n5hsbp535635302 (03.09.2026).
15. Shtol V.V., Zadokhin A.G. The Cold War: Origins, Legacy, and Alternatives — The Cognitive Aspect // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/holodnaya-voyna-istoki-nasledie-i-alternativy-kognitivnyy-aspekt?ysclid=msx7mei2xd87827268 (September 3, 2026).
16. Lukashenko D.V. Integration of artificial intelligence technologies into the pedagogical process: impact on the development of critical thinking in students in the context of digital transformation of education // Almanac Cossacks. 2026. № 93 (4). P. 13-20.

Герасимов М.С.
Аспирант. Саратовский государственный университет, Институт истории и международных отношений, г. Саратов.

Образ ирландца в британской прессе после великого голода (1850–1856)*

Аннотация. Статья посвящена образу Ирландии и ирландцев в британской периодической печати первых лет после Великого голода. На материалах журнала *Punch* и газеты *The Spectator* рассматриваются основные стереотипы, посредством которых британская пресса описывала население Ирландии в 1850–1856 гг. Особое внимание уделяется представлениям об ирландской бедности, массовой эмиграции, католицизме, склонности к нарушению закона и политической «бунтажности». В качестве теоретической основы исследования используется концепция Другого Жака Лакана, позволяющая рассматривать образ ирландца как элемент конструирования британской коллективной идентичности. Анализ публикаций показывает двойственность сложившегося образа: ирландец мог выступать объектом сочувствия как жертва голода и социально-экономического кризиса, однако одновременно воспринимался как носитель черт, противопоставлявших его нормативному представлению об англичанине. Делается вывод о том, что в британской прессе рассматриваемого периода сохранялся устойчивый комплекс национальных и конфессиональных стереотипов, впоследствии оказывавший влияние на восприятие ирландского вопроса британским обществом.

Ключевые слова: Ирландия, ирландцы, Великобритания, Великий голод, британская пресса, Punch, The Spectator, национальные стереотипы, образ Другого, Жак Лакан.

Gerasimov M.S.
Postgraduate student Saratov State University, Institute of History and International Relations, Saratov.

The image of the Irish in the British press after the great famine (1850–1856)

Abstract. The article examines representations of Ireland and the Irish in the British periodical press during the first years after the Great Famine. Based on materials published in *Punch* and *The Spectator*, the study identifies the principal stereotypes used by the Brit-

* © Герасимов М.С., 2026.

ish press to portray the Irish population between 1850 and 1856. Particular attention is paid to representations of Irish poverty, mass emigration, Catholicism, lawbreaking, and political rebelliousness. Jacques Lacan's concept of the Other is employed as the theoretical framework of the study, making it possible to interpret the image of the Irishman as an element in the construction of British collective identity. The analysis demonstrates the ambivalent nature of this image. The Irish could be portrayed sympathetically as victims of famine and social and economic hardship, while at the same time being represented as bearers of characteristics that distinguished them from the normative image of the Englishman. The article concludes that British periodicals of the period reproduced a persistent set of national and confessional stereotypes that subsequently influenced British public perceptions of the Irish question.

Key words: Ireland, Irish people, Great Britain, Great Famine, British press, Punch, The Spectator, national stereotypes, the Other, Jacques Lacan.

XIX век, эпоха не только стали и пара, но и массовой прессы. Газеты и журналы не только доносили читателям свежие новости, сообщали о книжных новинках и веселили фельетонами, но и являлись носителями и культиваторами национальных стереотипов. Давняя колония Англии, Ирландия, не могла стать исключением. О ней писали, её и её население высмеивали, журили, обсуждали её политиков. Период после Великого Голода в Ирландии являлся по своему уникальным с точки зрения имагологии. Опустошённый остров привлекал внимание жителей метрополии. Для не интересующих политикой это была земля, населённая чудаковатым народов. Для вовлечённых в политическое Зелёный остров был источником проблем, которые решить могла лишь заботливая патронесса Британия. Рассматриваемый период – с 1850 по 1856 гг. – характеризовался относительным затишьем в политической сфере Ирландии [1, p. 688]. По этой причине образы были не столь ярки как в последующие эпохи [2]. Однако от этого период не становится менее значимым, ведь зафиксировав основные стереотипы об Ирландии, мы сможем лучше понять и политическое последующих эпох. Стереотипы – вещь крайне живучая.

В качестве основного метода для рассмотрения образа Другого был выбран подход, использовавшийся Лаканом. И этот выбор совершенно не случаен, ведь его мысль о Большом и маленьком другом лучше многих других помогает трактовать представления одного народа о другом. Остановимся на методе подробнее. В соответствии с идеями Лакана, которые, к слову, развивались на протяжении его жизни, человеку, чтобы существовать, требуется признание другого [3, с. 67]. «Кто я есть – определяется другим и в отношении с другим»[3, с. 68]. С другим (с маленькой буквы у Лакана) человек вступает в игру престижа, организованное соперничество [4, с. 374]. Если другой схож с Я, то отношения могут быть на уровне любви.

Если различен – наоборот [3, с. 92]. Лакан также использует термин Большой Другой для описания инстанции, что задаёт ценностные ориентиры, координатную плоскость для Я [3, с. 79]. От его воли зависит и отношения с малым другим.

Нетрудно понять, как это ложится на воображаемые взаимоотношения читателя британских газет в метрополии с малым другим, Ирландцем. Большой Другой, Викторианская система ценностей и идеалов, задаёт оные как единственно правильные для жителя условного Лондона. Смотря на Ирландца, он осознаёт, что тот не схож с ним по многим параметрам. Это вызывает определённое отторжение, что и выражается на страницах прессы. Сложно оценить, сколь реальны данные стереотипы, однако это и не имеет совершенно никакого значения, ведь образы, появившись, уже работают.

Целью данной работы является не анализ каждого источника на предмет наличия или отсутствиях у их авторов определённых политических взглядов, а разработка совокупной модели образов, бытовавших в обществе той эпохи. Во-первых, иной подход привёл бы к чрезмерному усложнению текста и концепции. Во-вторых, иное было бы попросту невозможным в силу упомянутой множественности авторов источников. Когда одну колонку мог написать первый автор со своими взглядами, иную заметку в той же газете мог написать более радикальный или же умеренный журналист.

Разобравшись с методом, можно перейти к рассмотрению самого образа Ирландца на страницах прессы. Как уже отмечалось ранее, тема Голода не могла не быть на слуху сразу же после его окончания. «Картофель спасен. Если бы он погиб… Все народы всех уголков земли сочувствовали бы пострадавшей Ирландии, в то время как бессердечные… саксонцы объедались бы говядиной ирландских сынов» [5, p. 102] – чёрно иронизирует автор заметки в журнале Punch. Он затрагивает и тему бунтажности, но об этом пойдёт речь далее. Образ Ирландца становится связан с основным источником его питания в период до Голода – картофелем. Особой темой, на которую рассуждают авторы заметок в газетах, является бедность как самого Зелёного острова, так и его жителей. Так в одной из заметок в газете The Spectator страна вовсе называется «несчастной» [6, p. 518]. Или, в другой: «Голод, чума, смертность, изгнание, нищета во всех её проявлениях прошли над ирландцами» [7, p. 1189].

Очевидно, что практически единственным способом спастись в условиях Голода при крайней бедности являлась эмиграция. Эту тему так же не обходят стороной публицисты. «Путешественник в западной части Ирландии сообщает, что народность кельтов стремительно исчезает из своей особой провинции. На многие мили вокруг не осталось и следа земледелия

или поселений…» [8, p. 298]. Как и проблему Голода, «феномен» исхода ирландцев с собственных земель отрицать было попросту невозможно, как и игнорировать. Естественно, встречались разные позиции по данному явлению. Так, Punch в собственной манере позволяет себе находить это даже забавным: «Старый лозунг «Ирландия для ирландцев» скоро утихнет… ибо если эмиграция увеличится… в Ирландии скоро не останется ни одного ирландца, и лозунг придётся заменить на «Ирландия для англичан» или любого, кто решит в ней жить.» [5, p. 167] Однако в колкой иронии есть доля правды, население Ирландии не восстановилось к показателям до Великого голода и по сей день. «Ирландские эмигранты в основном покидают свою страну с чувством гнева, если не ненависти, к Англии» [9, p. 801] – пишет автор колонки в The Spectator. Истоки этой ненависти неудивительны, если вспомнить о политике Лондона во время своего голода, однако целью данной работы не является оценка отмеченных действий.

Двойственность феномена ирландской эмиграции отмечает автор иной заметки в The Spectator. «Эмиграция делает с социальными болезнями Ирландии то же, что потогонные средства… делают с естественными болезнями человеческого организма… Она отвлекает не только население, считающееся избыточным, но и уменьшает необходимый запас рабочей силы.» [10, p. 852-853] Мысль по-своему циничная, однако подчёркивающая глубину осознания проблемы в метрополии. Действительно, утекающее население, нередко агрессивно настроенное, как было отмечено ранее, своим уходом приносит не только спокойствие Родине, но и даёт ей возможность для экономического развития. Естественно, речь не идёт о судьбах тех, кто вынужден был покинуть земли. Автор лишь отмечает, что «эмигранты… посылают через Атлантику не просто слова поддержки, но и деньги, чтобы их друзья и родственники последовали за ними.» [10, p. 852-853]

Что же мы имеем на данный момент? Ирландец действительно отличается от Англичанина. Последнего не коснулся голод. Клеймо бедности не лежит на нём как на всей нации. Миграция не имеет тех же темпов и не носит столь же опустошительный, или же «оздоровительный», по мнению некоторых, характер. Ирландец здесь выступает другим во всех смыслах этого слова, даже вне обозначенном во введении. Однако всего этого безусловно мало для некой ненависти и неприязни. Система отличий в данном случае, пока что, не носит столь разграничительный характер. Однако данными различиями всё не ограничивается.

Даже в либеральный XIX век, когда во всю шла секуляризация в странах Евро-Атлантического мира, быть католиком в Англии означало отличаться кардинально от англичанина. Не просто протестанта, а англиканина. В Англии, пишет Рене Ремон, церковь являлась основой истеблишмента. [11, с. 124] То есть, по своей сути, не быть англиканином

означало не быть в полной мере верным монарху и государству. Безусловно, от этого принципа уже происходил постепенный уход, католикам даже было дозволено заседать в парламенте, однако, как мы увидим на примерах, старые предрассудки оставались живы и в век секуляризации. Более того, именно в середине XIX века происходило наступление Католической церкви в Англии. Так, в 1850 г. папа Пий IX восстановил католическую иерархию в этой стране, [11, с. 137] что не могло быть воспринято истеблишментом никак положительно.

«Эмиграция ирландцев называется Исходом. Мы хотели бы, чтобы это сходство с тем знаменитым исходом было завершено тем, что во главе экспедиции стояли бы их священнослужители.» [12, p. 84] – уже не столь сочувствующее заявление о вынужденной миграции ирландцев от члена редакции журнала Punch. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, именно священство из метрополии видится главным подстрекателем, прибавляя к этому высказанный ранее тезис о католицизме. Иронизирует на эту же тему автор и другой заметки: «Римско-католические священники очень любят хвастаться своими чудесными деяниями; но есть одно чудо, которое им до сих пор не удалось совершить… Умиротворение Ирландии!» Влияние католического священства на население Зелёного острова отмечается так же и в другом выпуске: «Почему ирландцы могли бы стать первоклассными аукционистами? Потому что они готовы сбить с полок всё, что угодно, по приказу своего священника». В оригинале здесь используется оборот «knock down», подразумевающий насилие. Ужасные священники подбивают ничего не понимающее население острова на бунт. Эта мысль вполне укладывается в колониальную логику жителя метрополии. Логика вполне в духе наследия эпохи Просвещения, что подразумевает необходимость «переучить» нерадивое население.

Но есть черта ирландца, которая в эту эпоху выделяется редко в силу смещения фокуса на голод и эмиграцию, но которая так же является недопустимой для существования с позиций английского менталитета. Речь идёт о хитрости. «Планируемое распространение подоходного налога на Ирландию – это мера великой справедливости… Конечно, ирландские налоговые декларации… несомненно будут отличаться исключительной точностью» [12, p. 259] – иронизирует редактор журнала Punch. Сомнение в том, что ирландцы способны следовать английскому закону – вопрос дальнейшего повествования, однако уже сейчас можно отметить, что отличий между ирландцем и англичанином достаточно для взаимной нелюбви.

Ирландия, Зелёный остров – это не все названия географического объекта, расположенного в Северо-Западной Европе. Её так же порою называют бунтующим островом. В этом нет ничего удивительного. История англо-ирландского противостояния уходит корнями в века, если осмыслять

это через призму современных национальных нарративов. Однако даже если отбросить все предрассудки, навязанные эпохой Романтизма, мы не можем отрицать непрекращающуюся череду войн и восстаний, которые сопровождали те самые «века». XIX век, век национализма, или даже «национализмов», не мог не бросить дров в этот огонь противостояния.

Начать следует с того, что англичанин видит истоки бунтажности в неверном толковании ирландцами базовых метафизических положений. «Проклятие Ирландии в том, что она никогда не услышит из уст местных жителей голоса просто и неискажённой правды; он всегда замаскирован моральным ирландским акцентом.» [13, p. 783-784] Далее идёт речь о том, ирландец живёт в некоем мире, полном мифов о справедливом положении дел, что не имеют нигде отражения на практике. Так, борьба за справедливое земледержание вместо системы лэндлордизма, когда землёй владеет узкая прослойка лиц, сразу же становится чем-то, что легко подвергнуть осуждению как погоню за несбыточным. Не будем пытаться с данных позиций оценить борьбу ирландцев, отметим лишь, что это крайне удобная позиция для колонизатора. Представить своего противника бунтарём без причины, раз корни проблемы разрешить «невозможно» в желаемом бунтующими ключе. Справедливости ради, стоит отметить, что автор заметки признаёт необходимость изменений, но, естественно, виднее должно быть метрополии.

Ирландец не только абстрактный бунтовщик, но и нарушитель конкретных законов. Старая традиция аграрного насилия [14, p. 56] не утихала и в XIX веке. На убийство занимавшегося выселениями неплательщиков мистера Томаса Дугласа Бейтсона автор колонки в The Spectator реагирует так: «Мистер Бейтсон был приятным человеком, но он занимался выселениями… Его уважали все, кто знал, он выполнял свой долг и был безоружен; но его убили. Рядом были люди; но помощь не пришла. Истинные ирландцы присутствовали и одобрили это деяние… Ирландия остаётся неизменной.» [7, p. 1189] Далее автор пытается осмыслить данные деяния, регулярно совершаемые на этой неспокойной земле, однако нам следует остановиться на сути. Ирландец ненавидит всё, связанное с английской властью, ненавидит искренне. Настолько, что готов убивать тех, кто выполняет свои должностные обязанности, связанные с реализацией этой самой власти. Называть это бунтажностью не вполне правильно, однако этот «термин» отражает суть проблемы. Ирландец для англичанина противопоставляет себя законной и легитимной власти.

Особое отражение это черта воображаемого ирландца находит в сатирической прессе. Богатство заметок на эту тему невероятно. «Похоже, что в следующем году перепись населения Ирландии будет проводить полиция. Это назначение не так уж и нелепо, как может показаться на первый взгляд;

ведь, учитывая воинственный характер страны, вполне логично, что никто не подходит для переписи населения Ирландии лучше, чем полиция.» [15, p. 133] – пишет автор заметки журнала Punch. Заметка, отражающая тот факт, что для англичанина никакой представитель закона в Ирландии не может быть в безопасности. Опять же, при рассмотрении образа Ирландца не имеет значения обоснованность данных предубеждений.

Ирония доходит до того, что предлагается избавиться от неспокойного острова вовсе. «Американским освободителям, потерпевшим неудачу на Кубе настоятельно и с глубоким уважением предлагается аннексировать остров, расположенный у американского побережья, под названием Ирландия». [5, p.118] В другой заметке автор иронизирует над тем, что именно на кельтах «держится вся страна» [12, p. 194], словно подчёркивая, что остров мало того, что бунтажный, так ещё и не приносит никакую «пользу» всему обществу метрополии.

«Возможно, из-за недавней дождливой погоды, за последние две недели было очень мало случаев стрельбы по лэндлордам» [12, p. 239]. Автор возвращает нас к вопрос о безопасности нахождения для англичанина, коими нередко являлись лэндлорды, на территории Ирландии.

Рассмотрев примеры проявления отношения англичан к ирландцам, следует подвести некие общие выводы. Ирландец представляется англичанину неким частичным антиподом самого себя. Он крайне беден, порою до голода, он стремится всеми силами покинуть свою Родину в таких масштабах, которые и не снились англичанам. Что хуже всего, он католик, который не признаёт законную власть короны. Всё это вступает в противоречие с тем, что говорит английский Большой Другой: мораль, этика, нормы общества. Так, уважение к королевской власти является, очевидно, элементов этих норм. Следует отметить, что Ирландец как маленький другой может вызывать сочувствие из-за своих бед. Но он уже иной, при этом отличающийся от англичанина. Безусловно этот стереотип, взгляд на малого другого, будет распространяться лишь Ирландца в вакууме, а не на каждого частного кельта. Однако всё это задаёт настроения конкретных людей, в том числе отвечающих за политические решения. Как уже было сказано во введении, если другой не схож со мной – отношения с ним могут выстраиваться на основе антагонизма, от которого бывает сложно уйти даже самым рациональным политикам.

Библиографический список / Reference

1. Kanter, D. Post-Famine Politics, 1850–1879 / D. Kanter // The Cambridge history of Ireland. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. Vol. 3. P. 128-153.

2. Герасимов М.С. Образ ирландца и Ирландии по материалам журнала «Punch» (1875-1882) / М.С. Герасимов // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. 2023. Т. 4. № 4. С. 3-11.

3. Узланер Д.А. Жак Лакан: введение / Д.А. Узланер. – Москва: РИПОЛ классик, 2022. 288 с.
4. Лакан, Ж. Написанное: в 2 томах. Том I / Жак Лакан ; перевод с французского А. Черноглазова; редакторы: А. Власик, С. Лосева. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2024. 493 с.
5. Punch. – London, 1851. Vol. XXI. 312 p. [Электронный ресурс]: [сайт]. // URL: https://archive.org/details/sim_punch_1851_21_0 (Дата обращения: 08.09.2026).
6. The Spectator. – London, 1851. P. 505-528. [Электронный ресурс]: [сайт]. // URL: https://archive.org/details/sim_spectator-uk_1851-05-31_24_1196 (Дата обращения: 08.09.2026).
7. The Spectator. – London, 1851. P. 1177-1200. [Электронный ресурс]: [сайт]. // URL: https://archive.org/details/sim_spectator-uk_1851-12-13_24_1224 (Дата обращения: 08.09.2026).
8. The Spectator. – London, 1854. P. 285-308. [Электронный ресурс]: [сайт]. // URL: https://archive.org/details/sim_spectator-uk_1854-03-18_27_1342 (Дата обращения: 08.09.2026).
9. The Spectator. – London, 1852. P. 789-812. [Электронный ресурс]: [сайт]. // URL: https://archive.org/details/sim_spectator-uk_1852-08-21_25_1260 (Дата обращения: 08.09.2026).
10. The Spectator. – London, 1851. P. 842-864. [Электронный ресурс]: [сайт]. // URL: https://archive.org/details/sim_spectator-uk_1851-09-06_24_1210 (Дата обращения: 08.09.2026).
11. Ремон Р. Религия и общество в Европе. Процесс секуляризации в XIX–XX веках (1789–2000) / пер. с фр. О. Акимовой. – СПб.: Александрия, 2022. 320 с.
12. Punch. – London, 1852. Vol. XXIII. 312 p. [Электронный ресурс]: [сайт]. // URL: https://archive.org/details/sim_punch_1852_23 (Дата обращения: 08.09.2026).
13. The Spectator. – London, 1850. P. 769-792. [Электронный ресурс]: [сайт]. // URL: https://archive.org/details/sim_spectator-uk_1850-08-17_23_1155 (Дата обращения: 08.09.2026).
14. Murray A.C. Agrarian violence and nationalism in nineteenth–century Ireland: The myth of ribbonism // Ir. Econ. Soc. Hist. 1986. Vol. 13. P. 56-73.
15. Punch. – London, 1850. – Vol. XIX. – 312 p. [Электронный ресурс]: [сайт]. // URL: https://archive.org/details/sim_punch_1850_19 (Дата обращения: 08.09.2026).

Вурал Мюжган
Аспирант факультета Истории. Государственный академический университет гуманитарных наук при Правительстве Российской Федерации.

Налоговая политика Ильханов в Анадолу: от традиционных монгольских налогов к местным и произвольным налоговым обязательствам*

Аннотация. В данной статье всесторонне исследуются налоговая политика, проводимая государством Ильханидов в Анатолии, социально-экономические последствия этой системы, а также усилия центральной власти по проведению финансовых реформ. Налоговые сборы, составлявшие основные источники доходов государства, подвергаются детальному анализу; одновременно с этим с исторической точки зрения рассматриваются проблемы, вызванные несбалансированной финансовой структурой, а также экономический упадк государства.

Ключевые слова: Государство Ильханидов, налоговая система, Анадолу, Монгольская империя, история экономики.

Vural Müjgan
PhD student at the Faculty of History, State Academic University of Humanities under the Government of the Russian Federation.

Ilkhanıd tax polıcy ın Anatolıa: from tradıtıonal mongolıan taxes to local and arbıtrary tax lıabılıtıes

Abstract. This article provides a comprehensive examination of the tax policy pursued by the Ilkhanid state in Anatolia, the socio-economic consequences of this system, and the central government's efforts to implement financial reforms. Tax revenues, which constituted the state's main sources of income, are analysed in detail; at the same time, the problems caused by an unbalanced financial structure, as well as the economic decline of the state, are examined from a historical perspective.

Key words: Ilkhanate, tax system, Anatolia, Mongol Empire, economic history.

Введение

Когда Монгольская империя появилась на исторической арене, осно-

* © Вурал Мюжган, 2026.

ву её политической и экономической системы составляли культура кочевых степных народов и трофеи, добытые в результате завоеваний. Однако по мере расширения естественных границ империи она столкнулась с новыми проблемами.[1] В частности, потребности в продовольствии и рост военных расходов, связанный с переброской монгольских войск в новые районы, показали, что система, основанная исключительно на грабежах и военной добыче, не может быть устойчивой.[2] В прошлом суммы, которые монгольские военачальники требовали беспорядочно и произвольно исключительно для удовлетворения сиюминутных нужд армии, оказались недостаточными для обеспечения потребностей расширяющегося государства, в результате чего возникла необходимость в создании более упорядоченной и систематической налоговой политики в завоеванных регионах.[3] В результате этой необходимости монгольское государственное образование, изначально созданное как «государство, основанное на военной добыче», в короткие сроки претерпело трансформацию и превратилось в полноценное «налоговое государство».[4]

Эта административная система смогла сформироваться лишь благодаря привлечению к государственной службе китайских, уйгурских и местных иранских чиновников, обладавших богатым опытом бюрократической работы.[5] Государство Ильханидов (1256–1335) стало государством, в котором эти структурные экономические преобразования проявились наиболее ярко. Ильханиды создали двойную (дуальную) административную систему, состоящую из местных кадров и монгольских управленцев, с целью более эффективного контроля над полуавтономными государствами и вновь завоеванными оседлыми народами.[6] В финансовой сфере также сформировалась аналогичная двойная структура; монгольская культура, опиравшаяся на законы Чингис-хана и уйгурские традиции, смешалась с исламско-иранскими финансовыми традициями. В этом контексте, в то время как в мусульманских государствах продолжали взиматься традиционные сельскохозяйственные и земельные налоги (харадж, ошур и т. д.), к ним добавились новые монгольские налоги (копчур, тамга, калан и т. д.), происходящие из кочевых традиций и со временем адаптированные к оседлому населению.[7]

1 *Kirişoğlu A.* “İlhanlılar Döneminde İkta”. Türkiye İktisat Kongresi Bildiriler Kitabı. Ed. Pustu Y., Şenel A., Karacabey H. Y. Ankara 2024. Türk Tarih Kurumu Yayınları. P. 94.

2 *Kirişoğlu A.* “İlhanlılar Döneminde İkta”. P. 95-96.

3 *Morton N.* The Mongol storm: making and breaking empires in the medieval Near East. Newyork 2022. Basic Books. P. 111, 125.

4 *Koç H.* İlhanlı Devleti’nin İktisadi Hayatı (дис. … д-ра ист. наук). Konya 2024. P. 287.

5 *Aigle D.* “Persia under Mongol domination. The effectiveness andand failings of a dual administrative system”. Bulletin d’études orientales. 2006. P. 67-68.

6 *Aigle D.* “Persia under Mongol domination”. P. 72.

7 *De Nicola B.* Women In Mongol Iran (The Khātūns, 1206–1335). Edinburgh University

Что же касается территории Анатолии (султанат Рум), то после битвы при Кёседаге в 1243 году она стала одним из регионов, где эта налоговая система ощущалась наиболее остро в условиях постепенно усиливающегося господства. Первоначально Султанат Рум, имевшая статус подчиненного государства, уплачивавшего определенную ежегодную дань, со временем была низведена до положения провинции, непосредственно управляемой Ильханами и доходы которой конфисковались ими.[8] Основной целью налоговой политики монгольской администрации было доведение степени эксплуатации до максимального уровня и получение максимального дохода, необходимого для поддержания гигантского имперского механизма. Однако произвольные методы взимания налогов, применяемые монгольскими чиновниками, многократное взимание одних и тех же налогов и тяжёлые финансовые обязательства оказали разрушительное давление на население, занимавшееся сельским хозяйством и торговлей на территории Анатолии и Ирана, что стало причиной масштабного экономического и демографического коллапса.[9]

Основные статьи доходов финансов Ильханатской империи

Могольская экономика, изначально основанная на военной добыче и грабежах, с установлением стабильных границ государства была вынуждена перейти к устойчивой налоговой системе. В этом контексте основу финансов Ильхани составляли налоги монгольского происхождения- «Калан», «Копчур» и «Тамга», вытекающие из кочевых традиций и со временем адаптированные к оседлому населению, а также «Харадж» и «Джизья», унаследованные от сельджукской/исламской традиции.

Калан (Кылан): «Калан»-слово уйгурского происхождения, обозначающее основной земельный налог, взимавшийся в государстве Ильханитов с оседлого населения, занимавшегося сельским хозяйством, и с крестьян.[10] Доерфер определил этот налог как «основной налог; земельный налог, взимаемый с крестьян».[11] После захвата уйгурских земель монголы переняли этот вид налога и распространили его на другие завоеванные ими оседлые регионы. Налог «калан», как правило, взимался в размере одной десятой (1/10) сельскохозяйственной продукции и чаще всего в натуральной (в

Press. 2017. P. 149.

8 *Yuvalı A.* "İlhanlıların Anadolu Politikası ve Doğu Anadolu Şehirlerinin Vergi Potansiyeli". XI. Türk Tarih Kongresi: Ankara 5-9 Eylül 1990 Kongreye Sunulan Bildiriler. V:II Ankara 1994. Türk Tarih Kurumu. P. 584.

9 *Petrushevsky I. P.* "The Socio-Economic Condition of Iran under the Il-Khans". Cambridge History of Iran. V:5. Ed. Boyle J. A. London 1968. P. 483.

10 *Gökbulut R., Şahintürk D.A., Akyol Ö., Tunçay B.* "Türk Maliye Tarihinde İlk Dönemlerde Vergi Anlayışı", Ed. Gökbunar A.R., Uğur A. Sümerlerden Türkiye Cumhuriyeti'ne Maliye Tarihi, İstanbul 2016. Beta Yayıncılık. P. 48.

11 *Doerfer, G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, V: III, Franz Steiner Verlag GMBH. Wiesbaden 1967. P.489.

виде продукции) или денежной форме, аналогично налогу «шур» в исламской системе,[12] Кочевое монгольское население было полностью освобождено от этого налога.[13]

Термин «калан» время от времени обозначал не только прямой налог, взимаемый исключительно с сельскохозяйственной продукции, но и более широкую обязанность, заключавшуюся в выполнении требований государства или феодальных владык о предоставлении повседневных трудовых услуг.[14] В результате разрушительной политики Ильханидов в некоторых регионах обязательства по уплате «калана» значительно усугубились, что привело к тому, что крестьяне были вынуждены покидать свои земли.

Копчур (Шумаре-и Копчур / Мерау): один из важнейших источников дохода Монгольской империи и Ильханидов, имеющий уйгурское происхождение и представляющий собой налог, взимаемый с кочевников за пастбища и стада скота.[15] Первоначально он взимался только с кочевников, владеющих 100 головами скота одного вида, из которых взималась 1 голова (то есть 1 %). Если у человека было менее 100 голов скота, он полностью освобождался от этой пошлины.[16]

Однако по мере расширения империи и роста финансовых потребностей в период правления хань Мёнке (Менгу) (1251–1259) характер налога «копчур» претерпел коренные изменения. С этого периода копчур перестал быть просто налогом, взимаемым с стад скота, и превратился в своего рода «подушную подать» (Шумаре-и копчур), взимаемую наличными с оседлого населения, купцов и взрослых мужчин в завоеванных регионах.[17] Эта трансформация привела к огромному неравенству между богатыми и бедными; ведь бывали периоды, когда с богатых и бедных взимали налог в одинаковом размере, что приводило народ к катастрофе. Чтобы устранить эту несправедливость, эмир Аргун, регулировавший гражданское управление в Анатолии и Иране, ввёл дифференцированную шкалу сборов «Копчур»: для богатых она составляла не более 500 динаров, а для бедных-1 динар.[18] Тем не менее, нередко наблюдались случаи, когда мутасарифы и сборщики

12 *Togan Z. V.* Umumi Türk Tarihine Giriş. Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları. İstanbul 2019. P. 426.

13 *Özyetgin A. M.* Eski Türk Vergi Terimleri. KÖKSAV. Ankara 2004. P. 26.

14 *Jackson P.* The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion. New Haven; L.: 2017. P. 112.

15 *Keleş E.* "İlhanlıların Anadolu'da Kurduğu Vergi Nizamı ve Neticeleri". Türk Dünyası Araştırmaları. V:124 (244), 2020, P. 14.; *Barthold W.* "İlhanlılar Devrinde Mali Vaziyet", Türk Hukuk ve İktisat Tarihi Mecmuası, V. I. 1931. P. 152.

16 *Alaaddin Ata Melik Cüveynî*. Tarih-i Cihan Güşa. Çev. Mürsel Öztürk. Ankara 2013. Türk Tarih Kurumu. P.430-431.

17 *Petrushevsky I.P.* "The Socio-Economic Condition of Iran under the Il-Khans". P.531.; *Özyetgin A.M.* Eski Türk Vergi Terimleri. P. 90.

18 *Cüveynî*. Tarih-i Cihan Güşa. P. 431.

налогов, прибегая к принуждению и насилию, взимали «Копчур» более одного раза в год.

Тамга и бач: Налог «тамга» являлся крупнейшей статьёй доходов Ильханатского государства, получаемых от торговой деятельности, ремесленников, купцов и городских ворот. Впервые введенная в Северном Китае по инициативе китайского советника Чингис-хана Йе-лю Чу-цая, тамга[19] стала применяться в финансовой системе Ильханатской империи с приходом Хулагу-хана на Ближний Восток.

Этот налог, получивший название от процедуры опечатывания/маркировки товаров при торговых сделках, взимался, как правило, в размере от 5 до 10 процентов от стоимости товара.[20] Несмотря на то что этот налог не основывался на исламском налоговом праве (шариате) и время от времени вызывал недовольство улемов, от него не могли отказаться из-за огромных доходов, которые он приносил казне; даже такие реформаторские правители, принявшие ислам, как Газан-хан, вместо полной отмены этого налога ограничивались лишь снижением его ставки вдвое (как правило, до 5 %).[21] Налог «тамга» взимался с особой тщательностью специальными чиновниками, называемыми «тамгачи».[22]

Ещё одним торговым налогом, упоминаемым наряду с тамгой, был «бач». Бач в основном обозначал сбор за проход или обеспечение безопасности на дорогах, который караваны уплачивали при прохождении через городские ворота или таможенные посты. Столица Ильханидов Тебриз, Самарканд, Бухара и некоторые крупные торговые центры в Анатолии (например, Анкара и Ани) были освобождены от уплаты налогов «Калан» и «Копчур» с целью поощрения транзитной торговли; этим городам предписывалось уплачивать только налоги «Тамга» и «Бач».[23]

Харадж и джизья: Помимо налогов, присущих степным народам, Ильхани также вводили традиционные исламские налоги на завоеванных территориях-харадж, и джизью.

Харадж: основной сельскохозяйственный налог, взимаемый с землевладельцев и крестьян в денежной или натуральной форме в размере, как правило, одной десятой (1/10) или одной двадцатой (1/20) от площади земельного участка или урожая, причём его размер варьировался от региона

19 *Koç H.* İlhanlı Devleti'nin İktisadi Hayatı. P. 257.

20 *Petrushevsky I.P.* "The Socio-Economic Condition of Iran under the Il-Khans". P. 506.; *Pochekaev R. Yu.* "Tamgha And The Struggle Against It: On The History Of Medieval Turkic-Mongol Taxation System". Golden Horde Review. № 4 (6). 2014. P. 81-82.

21 *Pochekaev R. Yu.* "Tamgha And The Struggle Against It: On The History Of Medieval Turkic-Mongol Taxation System". P.82.; *Jackson P.* The Mongols and the Islamic World. P. 301.

22 Four C. "Mongol Administration in Greater Armenia (1243-1275)". Ed. Bayarsaikhan Dashdondog. The Mongol and Armenians (1220-1335). Brill 2011. P. 114.

23 *Koç H.* İlhanlı Devleti'nin İktisadi Hayatı. P. 259, 316.

к региону.[24] В некоторые периоды налоги «Харадж» и «Калан» заменяли друг друга или применялись совместно.

Джизья (подушная подать): этот налог, взимаемый с немусульман в исламских государствах, в первые годы правления монголов (поскольку не делалось различия по вероисповеданию) не применялся слишком строго. Однако в период правления Газана-хана и, особенно, Олджайту-хана, по мере полного исламизации элиты Ильханидов налог «джизья» вновь стали строго взимать с христианского и иудейского населения, причем в увеличенном размере, что создало тяжелое давление на немусульманские меньшинства.[25]

Ильхани создали весьма жёсткий и открытый для эксплуатации финансовый механизм, охватывающий все социальные слои: в сельской местности крестьяне облагались налогами «Калан» и «Харадж», кочевники и взрослые мужчины- «Копчур», а горожане и купцы- «Тамга».

Специфические для Анатолии и местные (локальные) налоги

Финансовая политика Ильханидов в Анатолии не ограничивалась лишь основными налогами, унаследованными от законов Чингисхана или перенятыми из исламской традиции. Местные правители Анатолии и назначенные в регион монгольские военные наместники (шихне/даруги) изобрели различные местные и произвольные налоги, ложащиеся непосредственно на плечи населения, чтобы удовлетворить нескончаемые требования центральной власти и покрыть свои личные расходы.

Буют (Юют) и Мал-и Бозорк (Улуг-Мал / Далай): Перване Муинеддин Сулейман, возведённый в звание генерал-губернатора Ильханидов в Анатолии и фактически управлявший государством, с целью покрытия растущих расходов монгольской армии и удовлетворения монгольских полководцев ввёл для населения Анатолии (реяи) четыре новых налоговых обязательства: «Буют» (Юют), «Мал-и Ям», «Налбаха» и «Мал-и Бозорк». Большая часть этого пакета из четырёх налогов была введена непосредственно для удовлетворения военных нужд монгольской армии.[26] Из них «Буют» (Юют) взимался на общие нужды, а «Мал-и Бозорк» (Улуг-мал), также известный на монгольском языке как «Далай», представлял собой налог на общие расходы, который направлялся непосредственно в центральную казну государства.[27]

*Ресум-и Авамиль (налог на тягловы скот)***:** Региональный сельскохозяйственный налог «Ресум-и Авамиль» представлял собой тяжёлое налоговое

24 *Petrushevsky I. P.* "The Socio-Economic Condition of Iran under the Il-Khans". P. 531.

25 *Özyetgin A.M.* Eski Türk Vergi Terimleri. P.33.; *Koç H.* İlhanlı Devleti'nin İktisadi Hayatı. P. 251-252.

26 *Aksarayi K.M.* Müsameratü'l Ahbar ve Müsayeratü'l Ahyar. Çev.: Mürsel Öztürk. Ankara 2000. P .68.; *Erdem İ.* "Türkiye Selçuklu-İlhanlı İktisadi, Ticari İlişkileri ve Sonuçları". Tarih Araştırmaları Dergisi. 22 (33). 2003. P. 53.

27 *Koç H.* İlhanlı Devleti'nin İktisadi Hayatı. P.264.; *Melville C.* Anatolia under the Mongols // The Cambridge History of Turkey. 2009. P. 65.

бремя, взимаемое в Анадолу с каждой пары волов (тягловых животных), обрабатывавших землю. Злоупотребления этим налогом достигли таких масштабов, что Низамеддин Яхья, один из чиновников, направленных в Анадолу для проведения финансовых реформ, в Эрзинджинском регионе значительно увеличил этот налог-с прежних 2–3 тысяч динаров до 50 тысяч динаров. Аналогичным образом, в период пребывания в должности илханского сборщика налогов Шерефэддина Османа также взимался чрезвычайно высокий сельскохозяйственный налог-100 динаров за каждую пару волов, пашущих землю.[28]

Табкур (Табкюр / Такбур): ещё одним местным налогом, взимаемым с горожан под предлогом благоустройства городов, ремонта плотин и мостов, а также обеспечения потребностями в строительных материалах, был табкур.[29] Этот налог, признанный незаконным и отмененный в результате масштабных финансовых реформ, проведенных правителем Ильханидов Газаном-ханом, к сожалению, был вновь введен в период правления Олджайту-хана и стал взиматься в денежной форме в размере 2 серебряных динаров в год с каждой семьи, проживающей в деревнях или городах.[30]

Шахнаги (Шахнелик / Даругалык): В администрации Ильханидов высших чиновников, ответственных за военную и административную безопасность городов, а также за сбор налогов, называли «шахне» или «даруга». Для покрытия расходов этих должностных лиц и их многочисленной свиты с населения взимался специальный налог под названием «шахнаги» (шахнелик). Этот налог, как правило, взимался один раз в год, и 3 % от суммы собранных налога на продукцию оставлялись шахне.[31]

Матрах-и-Сабун (мыльная пошлина) и Кёче-пара (уличный налог): Стремление могольских налоговых чиновников (мутасаррифов и битикчи) взимать налоги с любой коммерческой и социальной деятельности привело к появлению узконаправленных местных налогов. Как видно из исторических указов и надписей, касающихся Киршехира и его окрестностей, «Матрах-и Сабун» (мыльный сбор), взимаемый с мыла, импортируемого из Алеппо или производимого на местных фабриках, а также «Кёче-пара» (уличный сбор), взимаемый с населения под предлогом использования улиц, являются наиболее яркими примерами таких произвольных практик.[32]

Дополнительные налоги, введенные для финансирования армии, бюрократии и элиты

28 *Merçil E.* Selçuklularda Vergiler. Bilge Kültür Sanat Yayınları. İstanbul 2021. P. 94.; *Aksarayi K. M.* Müsameratü'l Ahbar ve Müsayeratü'l Ahyar. P. 195 и далее.

29 *Gördegir E.* Olcaytu Han ve Zamanı (1304-1316). Iksad Publications. Ankara 2021. P. 132

30 *Hınz W.* "Ortaçağ Yakın Şarkına Ait Vergi Kitabeleri". Belleten. 13 (52). 1949. P. 780.

31 *Hınz W.* "Ortaçağ Yakın Şarkına Ait Vergi Kitabeleri". P. 779-780.

32 *Koç H.* İlhanlı Devleti'nin İktisadi Hayatı. P.242.; *Hınz W.* "Ortaçağ Yakın Şarkına Ait Vergi Kitabeleri". P. 780.

С переходом Ильханского государства от экономики, основанной на военной добыче, к налоговой экономике, крупнейшими статьями расходов государства стали пропитание огромной монгольской армии, расходы на бюрократию и нескончаемые роскошные потребности монгольской элиты (эмиры, нояны, хатуны). В тех случаях, когда основных сельскохозяйственных и торговых налогов не хватало для поддержания этого огромного механизма, вводились бесчисленные дополнительные налоги, предназначенные непосредственно для покрытия военных нужд или дворцовых расходов. Эти налоги зачастую вводились под предлогом временных или чрезвычайных обстоятельств, но со временем становились постоянными и превращались в основные факторы, ломавшие хребет народам Анадолу и Ирана.

Мал-и-Ям (Улаг / Почтовый налог): В бескрайней Монгольской империи существовала огромная почтовая система (Ям), систематизированная во времена хана Огедея с целью обеспечения безопасной связи, разведки и передвижения купцов и послов.[33] Расходы на лошадей, провиант, персонал и логистику этих станций (ям), расположенных через определённые расстояния, ложились непосредственно на плечи местного населения. Мал-и Ям, один из четырёх крупных налогов, введённых в Анатолии при Перване Муинеддине Сулеймане, представлял собой тяжёлый налог, взимаемый с населения для удовлетворения потребностей почтовых служащих и послов.[34] Со временем злоупотребление этой системой со стороны послов, хатун и государственных чиновников в личных интересах привело к тому, что население тратило на эту организацию не только своё имущество, но и свой труд.[35]

Налоги на военные нужды

Подробности налогов, введенных непосредственно для удовлетворения фронтовых и логистических нужд армии, показывают, как монгольская администрация превратила народ в инструмент военного финансирования:

• *Налбаха:* слово «налбаха», образованное от арабского «нал» (обувь/ботинок) и персидского «баха» (стоимость/цена), обозначает военный налог, взимаемый с населения под предлогом покрытия расходов на подковы лошадей солдат или стоимости подарков, преподнесенных местным правителем, когда монгольская армия и гарем проходили через какой-либо регион. Этот налог, официально введённый Перване в Анатолии, был непосредственно направлен на удовлетворение потребностей монгольской армии.[36]

• *Герек (Йерек):* это налог, введённый для удовлетворения потребностей

33 Moğolların Gizli Tarihçesi. Çev. Mehmet Levent Kaya. Kronik Yayınları. İstanbul 2018. P. 223-224.

34 *Cüveynî*. Tarih-i Cihan Güşa. P. 90-91.

35 *Reşîdu'd-dîn Fazlullâh-i Hemedânî*. Câmi'u't-tevârîh (Tarih-i Hind u Sind u Keşmir). Cilt.II. neşr. Muhammed Rûşen. Tahran 1384. P. 1445

36 *Merçil E.* "Na'l-Baha ve Kullanılışına Dair Örnekler". Belleten. 60 (337). Ankara 1996. P. 21.; *Koç H.* İlhanlı Devleti'nin İktisadi Hayatı. P. 262

армии в боеприпасах и оружии. Более того, в необходимых случаях с жителей городов и деревень взимался отдельный налог под названием «*Мал-эс-Силах*» для изготовления оружия.[37]

• *Нюзл (Эсбаб-и Нюзл):* обязательство по размещению военного отряда или дивизии, а также по обеспечению их продовольствием и фуражем в натуральной форме. Это практика, при которой налоговые чиновники или военные размещались в домах населения и возлагали все расходы на них.[38]

Личные расходы элиты: «Ширбаха» и «Савери»

Пожалуй, наиболее яркими примерами монгольской налоговой системы являются налоги, взимаемые с населения не столько для удовлетворения официальных нужд государства, сколько для покрытия личных и произвольных расходов правителей:

• *Ширбаха (налог на приданое):* Этот налог, означающий «приданое», в основном ложился непосредственно на плечи народа с целью покрытия огромных личных расходов, возникающих во время свадеб детей монгольских эмиров.[39]

• *Савери (налог на одежду и питание):* Это специальный налог, взимавшийся с народа в размере 10 % сверх обычной дани для покрытия расходов монгольских феодалов, эмиров и непосредственно Ильхана на личную одежду, предметы роскоши и питание.[40]

Сусун, охотничья пошлина и Колтка (взятка/подарок)

Такие налоги, как «Сусун», предусматривавший закупку продовольствия во время поездок монгольских правителей и государственных чиновников, «Охотничий сбор», покрывавший расходы на развлечения и групповые охоты, «Мостовой сбор» для ремонта мостов и «Колтка» в смысле взятки/подарка, который обязательно предстояло давать чиновникам, были дополнительными обязательствами, взимаемыми с населения наряду с расходами системы «ям».[41]

Налоги на чрезвычайные ситуации

Немери: это слово, означающее «добавляемый, связанный», обозначало чрезвычайный налог, взимаемый с населения в случае опустошения казны, войны или чрезвычайных чрезвычайных ситуаций. Часто он взимался в дополнение к другим налогам.[42]

Авариз: чрезвычайный налог, взимаемый диваном в военное время для

37 *Koç H*. İlhanlı Devleti'nin İktisadi Hayatı. P. 265.

38 *Togan Z. V*. "Reşideddin'in Mektuplarında Anadolu'nun İktisadî ve Medenî Hayatına Dair Kayıtlar". İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. Cilt.15. sayı.1/14. 1953. P. 35.

39 *Priyev V*. Azerbaycan XIII ve XIV. Yüzyıllarda. Nurlan yayınları. Bakü 2003. P. 218.

40 *Priyev V*. Azerbaycan XIII ve XIV. Yüzyıllarda. P. 223.

41 *Kemaloğlu İ.* "Büyük Moğol İmparatorluğu", Ed:Hayrunnisa Alan, İlyas Kemaloğlu. Avrasya'nın Sekiz Asrı Cengizoğulları. Ötüken Neşriyat. İstanbul 2016. P. 55.

42 *Barthold W*. "İlhanlılar Devrinde Mali Vaziyet". P. 155.

покрытия расходов на праздники, торжества и пиры.[43]

Ихракат: этот налог, означающий «расходы и затраты», взимался принудительно как в определённые периоды на постоянной основе, так и произвольно в виде крупных сумм под предлогом оплаты зарплат чиновников и удовлетворения потребностей различных региональных управленцев.[44]

Налоги на инфраструктуру и охрану

Монгольская империя придавала большое значение безопасности торговых путей. В обмен на охрану караванов, предотвращение разбойничьих нападений и сопровождение по дорогам взимался специальный налог на безопасность дорог, называвшийся «Бедрака» (Badraga).[45] Кроме того, для финансирования строительства, содержания и ремонта городских стен, плотин и мостов с населения взимались дополнительные налоги на строительство под названием «Вогух-е Эмарат» (Вуджух-и Имарат).[46]

Тяжёлое налоговое бремя, коррупция и социально-экономический коллапс

Финансовая система, созданная государством Ильханитов на территории Анатолии и Ирана, вскоре превратилась в механизм эксплуатации в результате нескончаемых требований монгольской военной элиты и неудержимой жадности местных налоговых чиновников (мутасаррифов, мухассилов и битикчи). В периоды ослабления центральной власти государства или в провинциях, удаленных от центра, сбор налогов полностью оставался на усмотрение местных чиновников и мултезимов, что привело к беспрецедентному ущербу для населения.

Действия сборщиков налогов выходили далеко за рамки могольских законов или исламских норм, превращаясь в откровенное грабежничество. Согласно источникам, такие налоги, как *«копчур»*, которые в нормальных условиях должны были взиматься один или два раза в год, мутасарифы и сборщики налогов могли взимать в течение одного и того же года от 20 до 30 раз, прибегая к принуждению и насилию.[47] Даже прибытие в город монгольского посланника или государственного чиновника считалось достаточным поводом для введения нового повторного налога на население под предлогом покрытия расходов этого лица.[48]

Эти огромные суммы, насильно взимаемые с населения, зачастую не поступали в государственную казну; мутассарифы присваивали собранные

43 *Kirişoğlu A.* İlhanlı Devleti'nin İktisadî ve Mâlî Tarihi. (дис. … д-ра ист. наук). Isparta 2026. P. 306.

44 *Kirişoğlu A.* İlhanlı Devleti'nin İktisadî ve Mâlî Tarihi. P. 306-307.

45 *Bedirhan Y.* "Türkiye Selçukluları Devrinde Anadolu'nun Ticaret Şehirler". Tarih Okulu Dergisi. Sayı. XXIV. Aralık 2015. P. 37.

46 *Koç H.* İlhanlı Devleti'nin İktisadi Hayatı. P. 266.

47 *Petrushevsky I. P.* "The Socio-Economic Condition of Iran under the Il-Khans". P. 531.

48 *Kaya A.* İlhanlılar'da Ticaret (1256-1340). (дис. … д-ра ист. наук). İstanbul 2023. P. 132.

налоги. Чтобы скрыть эти злоупотребления и защититься от центра, военным наместникам (*шахне*) и *битикчи*, ведущим финансовую отчетность, регулярно давали взятки. Когда же наступало время отчитываться перед казной, придумывался предлог о том, что «налоги с населения не были собраны», и сборщики, получив от центра новые грамоты (документы, дающие полномочия), вновь незаконно приступали к взысканию с крестьян.[49]

Обращение с населением, неспособным уплатить налоги, было крайне жестоким. Исторические источники свидетельствуют о том, что налоговые инспекторы нападали на деревни, вешали людей на веревках, подвергали их пыткам с избиениями и прибегали к невообразимым методам, чтобы заставить бежавших крестьян выдать местонахождение своих соседей.[50] Настолько, что под давлением налогового бремени, когда сборщики налогов, словно стрелы, выпущенные из лука, разлетелись по всей стране, а некоторые семьи, оказавшиеся беспомощными перед лицом применяемого насилия, были вынуждены оставлять своих детей в заложники или продавать их в рабство, чтобы погасить долги.[51]

Тяжёлое налоговое бремя и отсутствие безопасности жизни привели к огромному демографическому перемещению и сельскохозяйственному краху на территории Анатолии и Ирана. Оседлые крестьяне и фермеры, не желая подвергаться пыткам или лишиться последнего имущества, начали покидать свои деревни, плодородные поля и дома, спасаясь в горы или в приграничные районы (пограничные области).[52] В частности, в Анатолии население, утомлённое тяжёлыми налогами, укрывалось в западных приграничных районах, где власть Ильханидов была слабой, что ускорило тюркизацию Западной Анатолии, но привело к полному краху сельскохозяйственного производства во Внутренней и Восточной Анатолии.[53]

Масштабы этого демографического и сельскохозяйственного коллапса ярко отражены в статистических данных того времени. В регионе Хемедан, где до монгольского вторжения насчитывалось 660 деревень, их число сократилось до 212; в Исфаране, где было 451 деревня, это число сократилось всего до 50.[54] Из-за заброшенности сельскохозяйственных угодий и разрушения водных и оросительных каналов произошли масштабные голода, а заброшенные плодородные земли превратились в пастбища для монгольских стад, что нанесло огромный удар по сельскому хозяйству.[55]

49 *Özgüdenli* O. G. Gazan Han ve Reformları. Kaknüs Yayınları. İstanbul 2009. P. 285-286.

50 *Petrushevsky I.P.* "The Socio-Economic Condition of Iran under the Il-Khans". P. 527-528.

51 *Howorth H.H.* History of the Mongols. Vol.III. L.: 1888. P. 598.

52 *Özgüdenli* O.G. Gazan Han ve Reformları. P.285-286.; *Akdağ M.* Türkiye'nin İktisadî ve İçtimaî Tarihi. 1243 1453. Cilt:1. İstanbul 1979. P.453-454.

53 *Kaya A.* İlhanlılar'da Ticaret (1256-1340). P. 223.

54 *Kirişoğlu A.* İlhanlı Devleti'nin İktisadî ve Mâlî Tarihi. P. 288-289.

55 *Koç H.* İlhanlı Devleti'nin İktisadi Hayatı. P. 341.

Перед лицом произвольных конфискаций частной собственности со стороны государства и монгольских ноянов, а также бесконечных налоговых требований, гражданское население и владельцы имущества разработали новую формулу , чтобы защитить своё имущество. Землевладельцы, стремясь предотвратить разграбление своих земель монгольскими сборщиками налогов или обложение их двойными налогами, начали массово передавать свою частную собственность в качестве вакфа религиозным учреждениям, теке или медресе. Вакифы, обладавшие законным правом на освобождение от налогов, в этот период активно использовались как своего рода механизм «уклонения от налогов и убежища», защищавший право собственности.[56]

Явный ущерб, нанесённый экономике разрушительной финансовой политикой Ильханидов, проявился в резком снижении общей суммы налогов, уплачиваемых государству. Если в период существования Румского султаната годовой налоговый доход, поступавший в казну из Анатолии, составлял 15 000 000 динаров, то в результате разрушительной политики эксплуатации Ильханидов, массового исхода населения, обремененного тяжелым налоговым бременем, и краха сельского хозяйства эта цифра сократилась до 3 300 000 динаров.[57] Аналогичным образом, во времена Румского султаната из региона Армении/Ахлата собиралось 2 000 000 динаров налогов, то в эпоху Ильханидов эта сумма сократилась до 390 000 динаров.[58] Эта драматическая потеря доходов свидетельствует не только о чистом количественном сокращении, но и явно доказывает обнищание населения, остановку производства и то, что финансовая система Ильханидов, «подрезав ветку, на которой сама сидела», была обречена на неуклонный крах.

Попытки реформ, налоговые надписи, привилегии

Финансовая политика Ильханидского государства, основанная на военной добыче и произвольной эксплуатации, к концу XIII века привела к краху сельскохозяйственного производства как в Анатолии, так и на территории Ирана, что вынудило крестьян покидать свои земли и поставило казну на грань банкротства.[59] С целью остановить эту разрушительную тенденцию Газан-хан (1295-1304) и его знаменитый везир Рашид ад-Дин Фазлуллах ввели в действие пакет радикальных финансовых реформ в масштабах всей империи.[60]

56 *Pfeiffer J.* "Protecting private property vs negotiating political authority: nur 'al-din b. jaja and his endowments in thirteenth-century Anatolia". FerdowsI, the Mongols and the HIstory of Iran. edited by: Robert Hillenbrand, Andrew C.S. Peacock, Firuza Abdullaeva. London 2013. I.B. Tauris & Company. P. 151.

57 *Melville C.* Anatolia under the Mongols. P. 98.

58 *Petrushevsky I.P.* "The Socio-Economic Condition of Iran under the Il-Khans". P. 498.

59 *Petrushevsky I.P.* "The Socio-Economic Condition of Iran under the Il-Khans". P. 490.

60 *Hope M.* Power, Politics, Tradition in Mongol Empire and Īlkhānate. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 173-174.

Газан-хан, стремясь предотвратить коррупцию и произвол в налоговой системе, в первую очередь перевёл сбор налогов под непосредственный контроль центрального дивана и запретил систему «*барат*» (хавале, предписание на сбор налога), позволявшую военным наместникам (шаханам) произвольно взимать налоги с населения. Чтобы облегчить бремя крестьян и предотвратить злоупотребления, он распорядился взимать сельскохозяйственные налоги только два раза в год-весной и осенью-в течение определённых двадцатидневных периодов.[61] Поскольку исламский лунный календарь не совпадал с сельскохозяйственным циклом, для обеспечения единообразия при взимании налогов был введён новый солнечный календарь под названием «Таквим-и Ильхани)» (Ильхани-и календарь).[62]

Наиболее примечательным аспектом реформ Газана Хана является принцип прозрачности. Было приказано выгравировать квоты, указывающие, какую именно сумму налога должна уплатить государству каждая деревня или поселок, на деревянных, каменных, медных или железных табличках и вывесить их у входов в деревни, на стенах мечетей или площадей.[63] Таким образом, народ должен был быть защищён от алчных чиновников, требующих с него налоги сверх установленного законом размера. Кроме того, чтобы предотвратить постоянные грабежи населения со стороны армии, была реорганизована традиционная система *икта*: солдатам выделялись сельскохозяйственные угодья, чтобы они могли обеспечивать себя за счёт земли и вносить вклад в производство.[64]

Хотя реформы Газана-хана и обеспечили краткосрочное оживление, после его смерти военная элита и сборщики налогов вскоре вернулись к прежним привычкам. В период правления Абу Саида-хана (1316-1335), когда власть Ильханидов ослабла, в связи с растущим числом жалоб были высечены на камне и увековечены указы, направленные непосредственно на защиту народа.[65]

Одним из ярчайших примеров этого является надпись на крепости Анкара, датированная 1330 годом. В этой надписи указывается, что налоговые чиновники незаконно взимали с крестьян Анкары «*копчур*» (налог на скот/

61 *Petrushevsky I.P.* "The Socio-Economic Condition of Iran under the Il-Khans". P. 494-495.

62 *Brack J.Z.* Mediating Sacred Kingship: Conversion and Sovereignty in Mongol Iran. дис. … д-ра ист. наук. University of Michigan, 2016. P. 133-134.

63 *Hope M.* Power, Politics, Tradition in Mongol Empire and Īlkhānate. P. 173-174.; *Howorth H.H.* History of the Mongols. P. 499.

64 *Koç H.* İlhanlı Devleti'nin İktisadi Hayatı. P. 141.; Lane G.E. "The Mongols in Iran', in Touraj Daryaee" ed: The Oxford Handbook of Iranian History, Oxford Handbooks 2012. online edn. Oxford Academic. 18 Sept. 2012. P. 261.

65 *Pfeiffer J.* "Protecting private property vs negotiating political authority: nur 'al-din b. jaja and his endowments in thirteenth-century Anatolia". P. 151-152.

перепись) и *«хазр-и галле»* (сбор за определение объёма упожая зерна), и объявлялось, что те, кто потребует даже на один киле зерна сверх установленного законом предела, подвергнутся проклятию Аллаха.[66] Еще одним важным документом является надпись на мечети Ани-Менючехр на границе с Арменией (1319-1335). В этом указе подчеркивается, что из-за чрезмерного налогового бремени население покидает город; на камне высечено заверение о том, что в городе могут взиматься только налоги *«тамга»* и *«бач»*, а никаких дополнительных сельскохозяйственных налогов (таких как *«калан»* и т. п.) взимать нельзя.[67]

Еще одной важной составляющей налоговой системы Ильханидов были налоговые льготы, предоставляемые привилегированным сословиям. Благодаря институту «тарханлык» высшие военные чины, а также духовенство всех конфессий (имамы, шейхи, христианские священники и буддийские монахи) были полностью освобождены от уплаты основных налогов, таких как *«копчур»* и *«калан»*.[68] Кроме того, элите, оказавшей государству выдающиеся услуги, под названием «Союргал» (Soyurgal) даровались обширные земельные владения, обладавшие как финансовой, так и административной неприкосновенностью и передававшиеся по наследству от отца к сыну.[69]

С другой стороны, гражданское население и местные землевладельцы, стремясь защититься от бесконечных произвольных конфискаций и тяжёлых налогов со стороны монгольских сборщиков, быстро преобразовывали свою личную собственность (имущество) в вакфные земли, разработав таким образом легальный механизм уклонения от налогов и получения убежища.[70]

Система, созданная монгольским/ильханским правлением на Ближнем Востоке и в Анатолии, представляет собой историческое отражение попытки насильственного преобразования завоевательской культуры «воинской добычи» в «налоговую» экономику. Десятки различных налоговых статей-таких как «Калан», «Копчур», «Тамга», «Ям» и «Налбаха», возникших в результате слияния исламских и монгольских традиций,-превратились в инструмент безграничной эксплуатации. Даже реформы, высеченные на налоговых надписях Газана-хана, или указы Абу Саида-хана не смогли навсегда положить конец коррупции местных чиновников.

Цена этой разрушительной политики оказалась очень высокой: общие доходы региона, превышавшие 100 миллионов динаров до монгольского вторжения, в последние годы правления Ильханидов в результате краха

66 *Hınz W.* "Ortaçağ Yakın Şarkına Ait Vergi Kitabeleri". P. 773.

67 *Hınz W.* "Ortaçağ Yakın Şarkına Ait Vergi Kitabeleri". P. 778.

68 *Jackson P.* The Mongols and the Islamic World. P. 299.

69 *Petrushevsky I.P.* "The Socio-Economic Condition of Iran under the Il-Khans". P.520.; *Kirişoğlu A.* İlhanlı Devleti'nin İktisadî ve Mâlî Tarihi. P. 183-184.

70 *Pfeiffer J.* "Protecting private property vs negotiating political authority: nur 'al-din b. jaja and his endowments in thirteenth-century Anatolia". P. 151-152.

сельского хозяйства и заброшенности деревень сократились до уровня всего 19 % (примерно 19 миллионов динаров).[71] Кроме того, то, что плодородные земли Анатолии, приносившие в эпоху Румского султаната 15 миллионов динаров налогов, под разрушительным финансовым давлением Ильханидов сократили свои доходы до уровня 3,3 миллиона динаров, является самым ярким доказательством того, насколько неустойчивой была проводимая налоговая политика и какое разрушительное социально-экономическое разрушение она оставила после себя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Монгольская империя, основанная в результате завоеваний Чингисхана и изначально имевшая степную экономику, основанную на добыче и грабеже, с расширением своих границ и столкновением с оседлыми цивилизациями претерпела вынужденную структурную трансформацию. В Анатолии эпохи Ильханидов-одном из регионов, где эта трансформация проявилась наиболее ярко, -государство в короткие сроки перестало быть «государством, основанным на добыче», превратившись в «налоговое государство», зависящее от производственной и торговой деятельности своих подданных, чтобы выжить. Однако эта новая двойственная (дуальная) финансовая структура, возникшая в результате слияния традиций исламско-иранской бюрократии с кочевым монгольским военным менталитетом, превратилась не в инструмент устойчивого экономического развития, а в механизм безграничной эксплуатации.

При анализе налоговой политики Ильханидов в Анатолии видно, что наряду с традиционными исламскими налогами (*харадж и джизья*) на оседлое население ложилось тяжёлое бремя основных налогов, *унаследованных* от законов Чингисхана, таких как *копчур и тамга*. В дополнение к этим основным налогам десятки произвольных и чрезвычайных сборов (*авариз, ихракат*), таких как «*ям*», «*налбаха*», «*шахнаги*», «*табкур*» и «*Ресум-и Авамиль*», введенных местными правителями и монгольской военной элитой, воспользовавшимися слабостью или удаленностью центральной власти, парализовали социально-экономическую жизнь населения Анадолу. Тот факт, что сборщики налогов (мутасаррифы и битикчи) ради собственной выгоды взимали одни и те же налоги с применением принуждения и насилия более одного раза в год, свидетельствует о том, насколько система разложилась и вышла из-под контроля.

Цена этой разрушительной налоговой политики оказалась чрезвычайно высокой для Анатолии и Ближнего Востока. Из-за чрезмерного налогового давления, коррупции и отсутствия безопасности жизни крестьяне, занимавшиеся сельским хозяйством, были вынуждены покидать свои дома

71 *Petrushevsky I.P.* "The Socio-Economic Condition of Iran under the Il-Khans". P. 488-499.

и переселяться в отдалённые районы, плодородные сельскохозяйственные угодья превратились в пастбища, а сельское население резко сократилось. Владельцы частной собственности, стремясь избавиться от монгольских конфискаций и тяжёлых налогов, быстро переводили свои земли в собственность вакфов, разработав таким образом своего рода механизм «уклонения от налогов и укрытия».

Наиболее наглядным и ярким свидетельством того разрушения, которое финансовая система Ильханидов принесла Анатолии, являются цифры по сбору налогов, отраженные в статистике того времени. В самый расцвет Румского султаната годовой налоговый доход, получаемый из Анатолии, составлял 15 000 000 динаров, однако в результате разрушительной политики эксплуатации Ильханидов, краха сельского хозяйства и демографического спада эта цифра сократилась до 3 300 000 динаров. Аналогичным образом доходы таких торговых центров, как Ахлат (армянский регион), сократились с 2 000 000 динаров до 390 000 динаров. Эти данные ясно показывают, как налоговая политика Ильханидов, вместо того чтобы стимулировать производство, привела к разрушению государства изнутри, истощая имеющееся богатство.

В период правления Газана-хана и его везира Решид ад-Дина Фазлуллаха с целью остановить этот упадок была проведена централизация финансовой системы, сроки сбора налогов были закреплены в *«Такилими-Ильхани»*, а квоты, в соответствии с принципом прозрачности, были высечены на каменных и деревянных табличках и обнародованы перед народом. Высечение на камне в эпоху Эбу Саида Хана в таких городах, как Анкара и Ани, указов, запрещающих незаконные налоги, также является продолжением этих защитных мер. Однако эти реформы казались неустойчивыми из-за коррупции некомпетентных чиновников, бесконечных борьбы за престол и не прекращающихся военных расходов.

Налоговая политика Ильханидов в Анатолии, лишенная принципа «живи, чтобы государство жило», полностью основывалась на краткосрочной концепции эксплуатации. Эта система не только истощила многовековые экономические и демографические накопления Анатолии, но и оставила после себя многоплановые «социально-экономические руины», которые, вытеснив население в отдалённые районы, ускорили тюркизацию Западной Анатолии и подготовили почву для появления новых политических образований, таких как Османская империя. Эта налоговая политика, которая, по сути, подрезала ветку, на которой сидела Ильханская империя, сделала неизбежным банкротство её казны и окончательный крах.

Библиографический список / Reference

1. Aigle D. “Persia under Mongol domination. The effectiveness andand failings of a dual administrative

system". Bulletin d'études orientales. 2006. P. 65-78.
2. Akdağ M. Türkiye'nin İktisadî ve İçtimaî Tarihi. 1243 1453. Cilt:1. İstanbul. 1979.
3. Aksarayi K.M. Müsameratü'l Ahbar ve Müsayeratü'l Ahyar. Çev.: Mürsel Öztürk. Ankara. 2000.
4. Alaaddin Ata Melik Cüveynî. Tarih-i Cihan Güşa. Çev. Mürsel Öztürk. Ankara 2013. Türk Tarih Kurumu. Pochekaev R.Yu. "Tamgha And The Struggle Agaınst It: On The Hıstory Of Medıeval Turkıc-Mongol Taxatıon System". Golden Horde Revıew. 2014. № 4 (6). P. 77-95.
5. Barthold W. "İlhanlılar Devrinde Mali Vaziyet", Türk Hukuk ve İktisat Tarihi Mecmuası, 1931. V. I. P. 135-159.
6. Bedirhan Y. "Türkiye Selçukluları Devrinde Anadolu'nun Ticaret Şehirler". Tarih Okulu Dergisi.
7. Brack J.Z. Mediating Sacred Kingship: Conversion and Sovereignty in Mongol Iran. дис. … д-ра ист. наук. University of Michigan, 2016.
8. De Nicola B. Women In Mongol Iran (The Khātūns, 1206–1335). Edinburgh University Press. 2017.
9. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, V: III, Franz Steiner Verlag GMBH. Wiesbaden, 1967.
10. Erdem İ. "Türkiye Selçuklu-İlhanlı İktisadi, Ticari İlişkileri ve Sonuçları". Tarih Araştırmaları Dergisi. 22 (33). 2003. P. 49-67.
11. Four C. "Mongol Administration in Greater Armenia (1243-1275)". Ed. Bayarsaikhan Dashdondog. The Mongol and Armenians (1220-1335). Brill. 2011. P. 99-120.
12. Gökbulut R., Şahintürk D.A., Akyol Ö., Tunçay B. "Türk Maliye Tarihinde İlk Dönemlerde Vergi Anlayışı", Ed. Gökbunar A.R., Uğur A. Sümerlerden Türkiye Cumhuriyeti'ne Maliye Tarihi, İstanbul 2016. Beta Yayıncılık. P. 41-56.
13. Gördegir E. Olcaytu Han ve Zamanı (1304-1316). Iksad Publications. Ankara 2021.
14. Hınz W. "Ortaçağ Yakın Şarkına Ait Vergi Kitabeleri". Belleten. 1949. № 13 (52). P. 772-793.
15. Hope M. Power, Politics, Tradition in Mongol Empire and İlkhānate. Oxford: Oxford University Press, 2016.
16. Howorth H.H. History of the Mongols. Vol.III. L.: 1888.
17. Jackson P. The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion. New Haven; L.: 2017.
18. Kaya A. İlhanlılar'da Ticaret (1256-1340). (д-ра ист. наук). İstanbul. 2023.
19. Keleş E. "İlhanlıların Anadolu'da Kurduğu Vergi Nizamı ve Neticeleri". Türk Dünyası Araştırmaları. 2020. V. 124 (244). P. 11-24.
20. Kemaloğlu İ. "Büyük Moğol İmparatorluğu", Ed:Hayrunnisa Alan, İlyas Kemaloğlu. Avrasya'nın Sekiz Asrı Cengizoğulları. Ötüken Neşriyat. İstanbul. 2016. P. 29-67.
21. Kirişoğlu A. "İlhanlılar Döneminde İkta". Türkiye İktisat Kongresi Bildiriler Kitabı. Ed. Pustu Y., Şenel A., Karacabey H. Y. Ankara 2024. Türk Tarih Kurumu Yayınları. P. 89-118.
22. Koç H. İlhanlı Devleti'nin İktisadi Hayatı (д-ра ист. наук). Konya 2024.
23. Lane G.E. "The Mongols in Iran', in Touraj Daryaee" ed: The Oxford Handbook of Iranian History, Oxford Handbooks 2012. online edn. Oxford Academic. 18 Sept. 2012. P. 243-270.
24. Melville C. Anatolia under the Mongols // The Cambridge History of Turkey. 2009.
25. Merçil E. "Na'l-Baha ve Kullanılışına Dair Örnekler". Belleten. 60 (337). Ankara. 1996. P. 21-32.
26. Merçil E. Selçuklularda Vergiler. Bilge Kültür Sanat Yayınları. İstanbul. 2021.
27. Moğolların Gizli Tarihçesi. Çev. Mehmet Levent Kaya. Kronik Yayınları. İstanbul. 2018.
28. Morton N. The Mongol storm: making and breaking empires in the medieval Near East. Newyork 2022. Basic Books.
29. Özgüdenli O.G. Gazan Han ve Reformları. Kaknüs Yayınları. İstanbul. 2009.
30. Özyetgin A.M. Eski Türk Vergi Terimleri. KÖKSAV. Ankara. 2004.
31. Petrushevsky I.P. "The Socio-Economic Condition of Iran under the Il-Khans". Cambridge History of Iran. V: 5. Ed. Boyle J.A. London. 1968. P. 483-537.
32. Pfeiffer J. "Protecting private property vs negotiating political authority: nur 'al-din b. jaja and his endowments in thirteenth-century Anatolia". FerdowsI, the Mongols and the HIstory of Iran. edited by: Robert Hillenbrand, Andrew C.S. Peacock, Firuza Abdullaeva. London 2013. I.B. Tauris & Company. P. 147-165.
33. Priyev V. Azerbaycan XIII ve XIV. Yüzyıllarda. Nurlan yayınları. Bakü. 2003.
34. Reşîdu'd-dîn Fazlullâh-i Hemedânî. Câmi'u't-tevârîh (Tarih-i Hind u Sind u Keşmir). Cilt.II. neşr. Muhammed Rûşen. Tahran 1384. Sayı. XXIV. Aralık. 2015. P. 25-50.
35. Togan Z. V. "Reşideddin'in Mektuplarında Anadolu'nun İktisadî ve Medenî Hayatına Dair Kayıtlar". İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. Cilt.15. sayı.1/14. 1953.
36. Togan Z. V. Umumi Türk Tarihine Giriş. Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları. İstanbul. 2019.
37. Yuvalı A. "İlhanlıların Anadolu Politikası ve Doğu Anadolu Şehirlerinin Vergi Potansiyeli". XI. Türk Tarih Kongresi: Ankara 5-9 Eylül 1990 Kongreye Sunulan Bildiriler. V:II Ankara 1994. Türk Tarih Kurumu. P. 581-600.

Каун С.Б.
Старший преподаватель кафедры источниковедения исторического факультета, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, г. Минск.

Набока Д.Ю.
Студент факультета экономики и менеджмента, учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Республика Беларусь, г. Минск.

Дипломатия Густава Штреземана как инструмент антикризисной политики Веймарской Республики*

Аннотация. В статье анализируется дипломатическая деятельность Густава Штреземана в 1923–1929 гг. как инструмент антикризисной политики Веймарской республики. Особое внимание уделяется стратегии «политики выполнения», планам Дауэса и Юнга, а также Локарнским договорам 1925 г., которые позволили Германии выйти из международной изоляции, стабилизировать хозяйственную систему и добиться частичного пересмотра версальских ограничений.

Ключевые слова: Густав Штреземан, Версальский мирный договор, Веймарская республика, гиперинфляция, дипломатия, «политика выполнения», план Дауэса, Локарнские договоры.

Kaun S.B.
Senior Lecturer, Department of Source Studies, Faculty of History, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.

Naboka D.Yu.
Student, Faculty of Economics and Management, Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus.

Gustav Stresemann's diplomacy as an instrument of the anti-crisis policy of the Weimar Republic

Abstract. The article analyzes the diplomatic activity of Gustav Stresemann in 1923-

* © Каун С.Б., Набока Д.Ю., 2026.

1929 as an instrument of the anti-crisis policy of the Weimar Republic. Special attention is paid to the strategy of the "policy of implementation", the Dawes and Jung plans, as well as the Locarno Treaties of 1925, which allowed Germany to break out of international isolation, stabilize the economic system and achieve a partial revision of the Versailles restrictions.

Key words: Gustav Stresemann, Treaty of Versailles, Weimar Republic, hyperinflation, diplomacy, "policy of fulfillment," Dawes Plan, Locarno Treaties.

Актуальность исследования обусловлена тем, что дипломатическая деятельность Густава Штреземана представляет собой значимый объект для междисплинарного анализа, позволяющего проследить взаимосвязь внешнеполитического курса Веймарской республики в контексте межвоенного периода в истории Европы. Его подход к преодолению экономического кризиса, а также международной изоляции Германии демонстрирует, как дипломатия может выступать не просто инструментом международного сотрудничества, но и полноценным механизмом антикризисного управления: через «политику выполнения» и Локарнские договоры удалось вывести республику из системного кризиса и запустить краткосрочный экономический рост.

Цель исследования: проанализировать дипломатию Густава Штреземана (1923–1929 гг.) и выявить её значимость в контексте антикризисной политики.

В 1918 г. завершилась Первая мировая война. Её итоги для Германии были закреплены в ***Версальском мирном договоре***, условия которого разрабатывались в условиях полной изоляции немецкой стороны.

На Парижской конференции, открывшейся 18 января 1919 г., судьба побеждённой страны решалась «Большой тройкой» (США, Великобританией, и Францией). Доминирующей фигурой на переговорах стал французский премьер-министр Жорж Клемансо, чья политика была направлена на максимальное ослабление Германии. Немецкую делегацию во главе с У. фон Брокдорф-Ранцау пригласили лишь 7 мая, где ей в ультимативной форме вручили текст договора, условия которого, по признанию самих делегатов, делали невозможным «достойное существование» государства [1].

Территориальные и демографические потери оказались колоссальными. Германия утратила 13,5% довоенной территории (около 73,5 тыс. км^2) и 10% населения (7,3 млн человек), из которых примерно половина составляли этнические немцы (рисунок 1). Основные уступки включали возвращение Эльзаса и Лотарингии Франции, передачу Северного Шлезвига Дании, Мемеля – Литве, а также отход к Бельгии Эйпена и Мальмеди. Наиболее болезненным ударом по немецкому национальному самосознанию и геополитике стало наличие «польского коридора», который отрезал

Рисунок 1. Территориальные изменения Германии по условиям Версальского мирного договора.

Источник: [2].

Восточную Пруссию от основной территории страны (передача Западной Пруссии, Познани Польше, а также частично и Верхней Силезии), и объявление Данцига «вольным городом» под управлением *Лиги Наций* (межправительственная организация, созданная «для содействия международному сотрудничеству и для достижения международного мира и безопасности»). Кроме того, Германия потеряла все свои колониальные владения (3 млн км^2), а Саарская область на 15 лет переходила под контроль Лиги Наций с передачей угольных шахт Франции [1].

Однако территориальные потери имели не только политические, но и катастрофические экономические последствия. Отторгнутые регионы лишали ***Веймарскую республику*** (условное название Германии, установленное в результате Ноябрьской революции 1918 г. от города Веймар, где в 1919 г. собралось Национальное собрание и приняло новую конститу-

цию) 10% ежегодных производственных мощностей, 20–28% объёмов добычи каменного угля, 75% запасов железной руды и 75% цинка, а также значительной доли сельскохозяйственных угодий. Реки Рейн, Эльба и Одер объявлялись свободными для иностранного судоходства, а немецкий торговый и военный флот подлежали передаче победителям (что привело к массовому затоплению кораблей в Скапа-Флоу в июне 1919 г.) [1].

Военные ограничения, навязанные Версальским договором, носили беспрецедентный характер и были направлены на полное лишение Германии способности к ведению современной войны. Германская армия (рейхсвер) ограничивалась 100 тысячами профессиональных солдат при полном запрете всеобщей воинской повинности, что делало невозможным быстрое создание мобилизационного резерва. Военно-морской флот был сокращён до 6 линкоров, 6 легких крейсеров и 12 эсминцев при строгом запрете на строительство подводных лодок. Германии также категорически запрещалось иметь военную авиацию, танки, тяжелую артиллерию и химическое оружие. Отдельным и крайне болезненным ударом по военным традициям стал принудительный роспуск Великого генерального штаба и всех аналогичных формирований [1].

В дополнение к этому, демилитаризация левого берега Рейна и 50-километровой зоны на правом берегу, а также прямой запрет на аншлюс (объединение) с Австрией окончательно закрепили статус Германии как государства «второго сорта» [1].

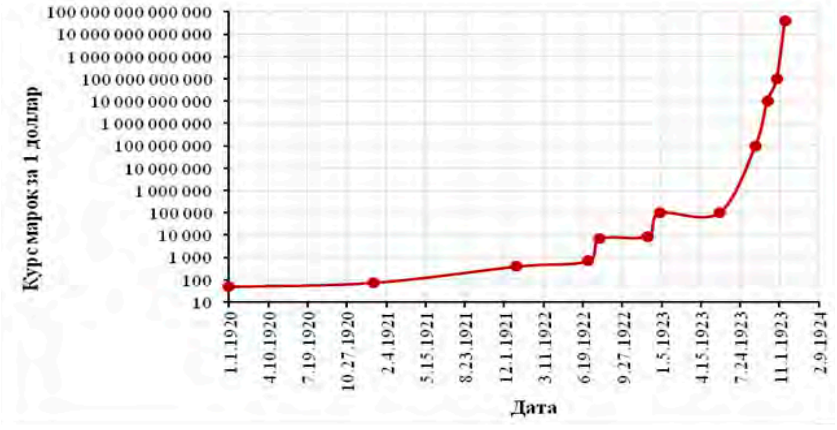
Именно поэтому в общественном мнении договор носил ярко негативный характер. Появлялись различного рода мифы и теории заговоров. Например, «нож в спине» - миф о том, что Германия не была побеждена на поле боя, а предана изнутри. А национальное унижение стало одним из главных лозунгов радикальных пропагандистов.

Финансовое бремя, возложенное на Германию, стало фундаментом послевоенного кризиса. Помимо необходимости нести «оккупационные расходы» на содержание войск Антанты в Рейнской области (с ноября 1918 г. по апрель 1921 г. на эти цели было израсходовано 3,64 трлн золотых марок), на страну возлагалась обязанность выплатить огромные репарации. Хотя точная сумма в тексте договора не указывалась (её должна была определить специальная комиссия), в ходе переговоров фигурировали цифры от 35 до 50 млрд долл. Дополнительно были арестованы и секвестрованы германские заграничные активы в размере 7 млрд долл. [1].

Генри Киссинджер в своей книге «Дипломатия» дал следующую оценку Версальского договора:

«Версальский договор представлял собой наихудшее из всех возможных решений. Он был достаточно суровым, чтобы вызвать вечную обиду, но недостаточно жёстким, чтобы навсегда ослабить Германию. Он создал

Рисунок 2. Стоимость 1 доллара США в немецких марках.

Источник: собственная разработка авторов на основе статистических данных [4].

вакуум власти в Центральной Европе, который в конечном счёте заполнил Гитлер» [3].

Тем не менее, правительство социал-демократов во главе с рейхсканцлером Йозефом Виртом (1921–1922 гг.) решило выплатить репарации. Но как платить, если в кубышке нет золота, а экономика не растёт? Ответ нашли опасный: государство включило печатный станок на полную мощность, чтобы покрывать колоссальный внутренний дефицит, делая политическую ставку на то, что хаос гиперинфляции вынудит страны Антанты пересмотреть условия выплат [4]. Это была игра с огнём, которая быстро превратилась в гигантский пожар (рисунок 2).

Золотой паритет 1914 г. (4,2 марки за доллар) остался в прошлом. Далее динамика выглядела следующим образом (таблица 1).

Таблица 1. Стоимость 1 доллара США в немецких марках.

Дата	Марок за один доллар США
1 января 1920 г.	50 марок
1 января 1921 г.	75 марок
1 января 1922 г.	190 марок
1 июля 1922 г.	400 марок
1 августа 1922 г.	1000 марок
1 декабря 1922 г.	7000 марок
1 января 1923 г.	9000 марок

1 июня 1923 г.	100 000 марок
1 сентября 1923 г.	10 000 000 марок
10 октября 1923 г.	10 000 000 000 марок
25 октября 1923 г.	1 000 000 000 000 марок
15 ноября 1923 г.	4 200 000 000 000 марок

Источник: [4].

Цены на еду в Берлине удваивались каждые два дня. Семья из четырёх человек, тратившая в 1919 г. 60 марок в неделю на питание, к концу 1922 г. уже не укладывалась в тысячи [4].

В этих условиях власти предприняли отчаянные, но непоследовательные шаги, которые лишь усугубили хаос:

1. Политика «субсидирования безработицы»: государство начало выдавать дотации убыточным предприятиям, лишь бы они не закрывались и не увольняли рабочих. Это сохраняло видимость занятости, но наполняло рынок деньгами, не подкреплёнными реальными товарами [4].

2. Замораживание цен и административный контроль: правительство пыталось указом ограничить рост цен на хлеб, уголь и транспорт. Это привело к тотальному дефициту: товары исчезали из легальных магазинов и уходили на чёрный рынок, где продавались в 5–10 раз дороже [4].

3. «Налоговый кризис»: в 1921 г. были введены жёсткие налоги (20% корпоративный налог, налог на прирост капитала и увеличенный подоходный). Однако из-за стремительного обесценивания денег собирать налоги стало физически невозможно: пока чиновники обрабатывали документы, деньги теряли ценность. Эти меры не закрыли и трети бюджетной дыры [4].

Экономический коллапс немилостиво отразился и на политической карте Германии. В 1921 г., несмотря на результаты плебисцита (где большинство проголосовало за Германию), Лига Наций приняла компромиссное решение, отдав Польше восточную часть богатейшего угольно-промышленного района Верхней Силезии. Это вызвало не просто возмущение, но и новые вооружённые столкновения, в которых участвовали немецкие фрайкоры. Для Берлина эта потеря означала не просто удар по патриотическим чувствам, но и потерю 75–80% добычи цинка и огромных пластов угля, что делало восстановление индустрии невозможным без дорогостоящих закупок за границей [3].

В отличие от бунтующей Силезии, Бавария стала эпицентром правого политического радикализма. Мюнхен превратился в «гнездо контрреволюции». В 1921–1922 гг. баварское правительство во главе с Густавом фон Каром открыто игнорировало распоряжения Берлина, отказывалось вы-

полнять общегерманские законы о защите республики и укрывало у себя военизированные формирования. Убийство министра иностранных дел Вальтера Ратенау 24 июня 1922 г. правыми экстремистами из организации «Консул» наглядно показало, что Берлин не контролирует ситуацию в собственной стране. Бавария фактически стала «государством в государстве», где открыто зрели планы по свержению демократического строя. Именно туда, в пивные Мюнхена, стекались озлобленные инфляцией и Версальским договором обыватели, отчаянно ищущие виноватых и «сильную руку» [3].

На фоне паралича центральной власти в Берлине, Париж окончательно убедился в том, что Веймарская республика намеренно саботирует выполнение репарационных обязательств. Однако за этим «саботажем» стояла куда более прозаическая причина: Германия просто не могла платить. Гиперинфляция, уничтожившая национальную валюту, и экономический коллапс сделали невозможным выполнение финансовых обязательств перед победителями. Но для французского правительства, пережившего четыре года войны и разрушений, подобные объяснения звучали как отговорки [3, 5].

Инициатором силового решения стал премьер-министр Франции Раймон Пуанкаре. Юрист по образованию и складу мышления, Пуанкаре воспринимал Версальский мирный договор не как хрупкий политический компромисс, требующий гибкости, а как строгий юридический контракт, который должен исполняться неукоснительно. Когда в конце 1922 г. Германия допустила задержки в поставках угля и леса в счёт репараций, Пуанкаре воспользовался этим формальным поводом [3, 5].

11 января 1923 г. французские и бельгийские войска пересекли границу и оккупировали Рурскую область – индустриальное сердце Германии, дававшее львиную долю её угля и стали. Цель была проста: если Германия не может или не хочет платить репарации деньгами, она будет платить местными сырьевыми ресурсами, добытыми под контролем оккупационных властей [5].

В ответ правительство канцлера Вильгельма Куно провозгласило политику «пассивного сопротивления». Немецкие власти призвали население Рура к гражданскому неповиновению и забастовкам, что фактически парализовало экономику региона. Рабочим было официально разрешено не работать на предприятиях, перешедших под контроль оккупационных властей. При этом немецкое правительство взяло на себя обязательство выплачивать заработную плату бастующим рабочим и компенсировать убытки предприятиям [3, 5].

Реакция Великобритании и Соединённых Штатов на оккупацию Рура была резко отрицательной, хотя и проявилась в разных формах. Соединённые Штаты, формально не являвшиеся участником Лиги Наций и не

имевшие войск в Европе, заняли позицию принципиального, но пассивного неприятия. А Британское правительство опасалось, что отчаявшееся немецкое правительство может пойти и на сближение с Советской Россией (что отчасти и произошло в Рапалло в 1922 г.), создав тем самым враждебный евразийский блок [3].

На этом фоне на авансцену истории вышел человек, которому суждено было стать архитектором «возрождения» послевоенной Германии. ***Густава Штреземана*** по праву считают вторым после Отто фон Бисмарка величайшим немецким дипломатом. Будучи глубоким знатоком истории и страстным поклонником эпохи Наполеоновских войн, Штреземан прекрасно понимал принципы *Realpolitik* и хрупкость европейского баланса сил [3, 6].

В сентябре 1923 г., на пике Рурского кризиса, Густав Штреземан (сначала в качестве канцлера, а затем министра иностранных дел) предложил стратегию, вошедшую в историю как ***«политика выполнения»*** (*Erfüllungspolitik*). Парадокс этой стратегии заключался в том, что сам Штреземан, как и подавляющее большинство немцев, ненавидел Версальский договор, считая его унизительным диктатом. Однако, в отличие от националистов, призывавших к открытому реваншизму, он предложил гениальный в своей циничности ход: демонстрировать внешнее согласие и «выполнять» условия Версальского договора настолько, насколько это физически возможно. ***Дипломатия*** становилась главным оружием для мирного, но неуклонного демонтажа Версальской системы [3].

Также этот курс был жизненно необходим с точки зрения экономического выздоровления. Неотъемлемой частью этого процесса стали внутренние финансовые реформы: к 15 ноября 1923 г. министр финансов Ганс Лютер остановил гиперинфляцию, введя рентную марку (Rentenmark). Она не была привязана к золотому стандарту, а обеспечивалась земельными и промышленными активами через выпуск специальных облигаций (Rentenbriefe). Эмиссия новой валюты была жёстко ограничена до 2,4 млрд марок (для сравнения: в обращении находилось более 400 квинтиллионов бумажных марок). Также радикальное сокращение государственных расходов и сбалансирование бюджета создали твёрдую финансовую базу, позволившую перевести экономику из режима выживания в режим восстановления [4].

При этом Штреземан исходил из фундаментальной логики: Германия сможет выплачивать репарации только в том случае, если её экономика будет сильна и стабильна. А чтобы восстановить эту силу, стране необходимо было выйти из международной изоляции и привлечь иностранные, прежде всего американские, инвестиции [3].

Поэтому успех этой стратегии опирался на глубокое понимание геополитических противоречий между старыми победителями.

Во-первых, Штреземан учитывал геополитическое положение Германии, расположенной в самом центре Европы и окружённой потенциальными противниками. Единственным способом выжить было не допустить создания единого антигерманского фронта [3].

Во-вторых, он мастерски использовал стратегический раскол между Великобританией и Францией. После Первой мировой войны Лондон видел главную угрозу европейскому балансу сил не в слабой и разоружённой Германии, а в доминирующей Франции, которая контролировала континентальную Европу. Британская дипломатия стремилась к «умиротворению» и всеобщему разоружению [3].

Однако французы категорически не могли пойти на эту уступку. Париж прекрасно осознавал демографическое и промышленное превосходство Германии. Французские стратеги понимали: если их страна разоружится наравне с Германией, она мгновенно окажется под угрозой уничтожения. Поэтому Франция настаивала на том, что немецкое разоружение должно быть абсолютным и постоянным. Чтобы компенсировать отсутствие надёжных гарантий со стороны Лондона, Франция отчаянно пыталась создать систему безопасности на Востоке, заключив военные союзы с Польшей, Чехословакией и другими государствами Малой Антанты, чтобы взять Германию в клещи [3].

Штреземан прекрасно знал, что Великобритания никогда не пойдёт на войну ради защиты восточноевропейских союзников Франции. Британские политики разделяли мнение, сформулированное ещё фон Бисмарком относительно интересов Германии на Балканах: ни один британский (равно как и померанский) гренадёр не должен сложить голову ради Данцига или «польского коридора» [3].

Однако, чтобы превратить «политику выполнения» из красивой теории в работающий механизм, требовался конкретный инструмент, который навсегда лишил бы Францию возможности действовать в одностороннем порядке и диктовать свои условия.

К началу 1924 г. французская оккупация Рура не приносила Парижу ожидаемых экономических выгод. Великобритания и, что было гораздо важнее, Соединённые Штаты осознали, что дальнейшая дестабилизация обстановки в Центральной Европе угрожает их собственным интересам, в первую очередь – возврату европейских военных долгов за поставки оружия во время Первой мировой войны.

Именно в этот момент Штреземан сделал свой мастерский ход. Вместо того чтобы просто отвергнуть французские требования, он согласился на создание международной экспертной комиссии для объективной оценки реальной платёжеспособности Германии. Тем самым он интернационализировал проблему: вопрос репараций перестал быть двусторонним

конфликтом между Парижем и Берлином и превратился в вопрос общеевропейской, а точнее, трансатлантической стабильности, решать который должны были все великие державы [3].

Результатом этого арбитража стал ***план Дауэса***, разработанный комитетом экспертов под руководством американского банкира Чарльза Дауэса. Представленный в апреле, он был подписан в Лондоне 16 августа 1924 г., а 29 августа ратифицирован рейхстагом (таблица 2) [7].

Таблица 2. Основные положения плана Дауэса, 1924 г.

Параметр	Описание
Главная цель	Стабилизация немецкой валюты, реструктуризация репараций.
Финансовая поддержка	Предоставление Германии международного займа в размере 800 млн золотых марок (включая 110 млн долл. от банков США).
График выплат	От 1 до 1,75 млрд марок в первые 5 лет, затем – 2,5 млрд марок в год (с учётом роста экономики).
Источники выплат	Косвенные налоги, таможенные сборы, налоги на транспорт (не просто плата за проезд, а специальный механизм финансирования репараций, привязанный к работе немецких железных дорог).
Финансовый контроль	Реорганизация Рейхсбанка (получение независимости от правительства), создание агентств по сбору репараций.
Политический итог	Начало периода экономического роста («Золотые двадцатые»).

Источник: собственная разработка авторов на основе данных [7].

Гениальность плана (и скрытая ловушка для Франции) заключалась в смене самой парадигмы: вместо того чтобы просто выжимать из Германии деньги, план предусматривал предоставление ей международного займа. Фактически запускался замкнутый, но работающий финансовый круг: американские кредиты поступали в Германию, Германия выплачивала репарации Франции и Великобритании, а последние, в свою очередь, возвращали свои военные долги перед США [7].

Для Франции это означало, что она, наконец, начнёт получать репарации, но ценой утраты монополии на контроль над немецкой экономикой. Для Германии же план Дауэса стал первым реальным шагом к экономическому возрождению и, что было не менее важно для Штреземана, юридическим признанием того, что Германия не может платить больше, чем позволяет её экономика. Более того, в 1924 г. рентная марка была заменена на полноценную рейхсмарку (Reichsmark), уже обеспеченную золотом. Параллельно с этим Рейхсбанк получил независимость от правительства, что исключило возможность бесконтрольной эмиссии денег для покрытия бюджетного дефицита [3, 4].

Но в дальнейшем, понимая, что план Дауэса носил лишь временный характер, Штреземан продолжил курс на постепенное ослабление версальских ограничений. Итогом его настойчивых переговоров стал принятый на Гаагской конференции 1929–1930 гг. *план Юнга*, разработанный группой из 14 финансовых экспертов под председательством американца Оуэна Юнга (таблица 3) [8].

Таблица 3. Основные положения плана Юнга, 1929 г.

Параметр	Описание
Главная цель	Окончательное снижение репарационного бремени, ликвидация иностранного финансового контроля.
Общая сумма репараций	Сокращение до 113,9 млрд золотых марок.
График выплат	Растянут на 37 лет (до 1966 г.).
Ежегодные платежи	В среднем около 2 млрд марок в год.
Экономические уступки	Отмена репарационного налога на промышленность, сокращение обложения транспорта.
Финансовый контроль	Ликвидация иностранных контрольных органов; создание Банка международных расчётов (БМР) вместо репарационной комиссии.
Политический итог	Досрочный вывод оккупационных войск из Рейнской области к 1930 г. (на 5 лет раньше срока), восстановление полного экономического и политического суверенитета Германии.

Источник: собственная разработка авторов на основе данных [8].

Как итог, благодаря реализации планов Дауэса и Юнга и внутренних денежных реформ Германия добилась не только экономического выздоровления, но и роста (рисунок 3).

За период 1918–1928 гг. ВВП страны продемонстрировал неравномерную, но в целом положительную динамику. После резкого спада в 1919 г. на 19,55% (до 249,57 млрд долл. в ценах 2011 г.) последовало восстановление в 1920–1922 гг., которое было прервано гиперинфляцией 1923 г., когда темп прироста сократился на 16,92% к 1922 г. Однако с 1924 г., после внедрения плана Дауэса, начался уверенный подъём: среднегодовые темпы прироста в 1924–1927 гг. составили около 10%, а к 1928 г. ВВП достиг 419,78 млрд долл., превысив уровень 1918 г. на 35,33% [9].

Но экономический рост Германии не решал главной политической и стратегической дилеммы межвоенной Европы: проблемы безопасности. Франция, даже получив удобный график выплат, продолжала чувствовать себя уязвимой перед лицом потенциально более мощного немецкого соседа и настойчиво требовала односторонних гарантий и права на превентивные

Рисунок 3. Цепные, базисные (к 1918 г.) темпы роста ВВП Веймарской республики в 1918–1928 гг., %.

Источник: собственная разработка авторов на основе статистических данных [9].

действия, тогда как Германия оставалась оккупированной страной-изгоем.

Поэтому Штреземан предложил западным державам своеобразную «большую сделку». Суть его стратегии, которую он успешно продвигал в диалоге с французским министром иностранных дел Аристидом Брианом и британским коллегой Остином Чемберленом, заключалась в геополитическом размене, блестяще реализованном в ***Локарнских договорах 1925 г.*** (подписанных в Лондоне 1 декабря 1925 г.) [10].

Основные положения договоров включали:

1. Центральным документом конференции стал ***Рейнский пакт*** – арбитражное соглашение между Германией, Францией и Бельгией. В рамках этого пакта Германия официально и бесповоротно признавала свои западные границы, отказываясь от претензий на Эльзас, Лотарингию, а также округа Эйпен и Мальмеди, и соглашалась с сохранением демилитаризованного статуса Рейнской области. Ключевым элементом здесь выступало то, что гарантами этих границ выступали Великобритания и Италия, взяв на себя обязательство оказать немедленную помощь той стороне, которая подвергнется неспровоцированному нападению [10].

2. В отличие от западных рубежей, восточные границы Германии (с Польшей и Чехословакией) не получили никаких международных гарантий нерушимости. Берлин заключил с Варшавой и Прагой лишь ***арбитражные договоры***, обязуясь решать территориальные споры исключительно мирным путём (через Лигу Наций или международные суды). Однако это никоим образом не означало отказа Германии от самой идеи политической

ревизии восточных границ. Более того, эта конструкция фактически обесценила франко-польский военный союз 1921 г.: в случае конфликта между Польшей и Германией Франция не могла бы оказать Варшаве военную помощь, не вступив при этом в войну с Великобританией и Италией [10].

3. Германия приняла на себя официальное обязательство подать заявление ***о вступлении в Лигу Наций***. При этом Берлин выдвинул жёсткое условие: Германия отказывалась автоматически участвовать в санкциях против любой страны-агрессора (согласно 16-й статье Устава Лиги), желая сохранить за собой право на нейтралитет в потенциальных конфликтах между другими великими державами. Эта позиция, вызвавшая поначалу резкое недовольство Лондона и Парижа, в итоге была принята. 8 сентября 1926 г. Германия официально стала членом Лиги наций и заняла место постоянного члена Совета [10].

Это событие стало личным триумфом Штреземана. В том же году он, наряду с Аристидом Брианом, был удостоен Нобелевской премии мира 1926 г. В Европе воцарился так называемый «*дух Локарно*» – эйфория от кажущегося наступления эры вечного мира и сотрудничества. Настолько велика была вера в этот новый курс, что бывший премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж вскоре заявил: «*Если «политика примирения» продолжится в том же духе, Германия сможет и мирным путём вернуть себе утраченные восточные территории*» [3, 10].

Но Внутри самой Германии Локарно вызвало ожесточённые споры. Правые силы (в частности, Немецкая национальная народная партия) вышли из правительства в знак протеста против «уступок» Западу, а крайние левые опасались объединения Германии с капиталистическим Западом против СССР. Тем не менее, рейхстаг ратифицировал соглашения в ноябре 1925 г. [10].

При этом за фасадом «духа Локарно» и пацифистской риторики скрывалась суровая реальность немецкой *Realpolitik*. Символом этого внутреннего дуализма стало избрание в 1925 г. на пост рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга – фельдмаршала кайзеровской Германии и национального героя Первой мировой войны. Его избрание послало чёткий сигнал консервативным элитам: хотя Веймарская республика и подписывает договоры о разоружении, её вооружённые силы (рейхсвер) под руководством Ханса фон Секта сохраняют кадровый потенциал, военные традиции и «лицо» старой императорской армии (методично и тайно обходя версальские ограничения) [3].

Более того, параллельно с интеграцией в западные структуры Штреземан был вынужден проводить тонкую дипломатическую игру на восточном направлении. Вступление Германии в Лигу Наций и участие в Локарнских соглашениях вызвали глубокое беспокойство в Москве, где усмотрели

в этом создание потенциального антисоветского блока [3, 11].

Чтобы нейтрализовать советские подозрения и сохранить за собой пространство для манёвра (включая тайное военное сотрудничество, начатое ещё в Рапалло), Штреземан инициировал подписание Берлинского договора с Советским Союзом в апреле 1926 г. Этот пакт о нейтралитете и ненападении гарантировал Москве, что программа перевооружения Германии не будет использована против СССР, позволяя первой виртуозно балансировать между двумя враждебными друг другу мирами [11].

И тем не менее, несмотря на эти значительные успехи (даже после подписания 27 августа 1928 г. пакта Бриана-Келлога (Парижского пакта), провозгласившего отказ от войны в качестве инструмента национальной политики), выстроенная Штреземаном система не принесла Германии долгосрочной стабильности. Её фундамент оказался слишком хрупким, поскольку опирался на непрерывный поток американских кредитов. 3 октября 1929 г., в самый канун глобальной катастрофы, не стало самого Густава Штреземана. А спустя всего три недели, в «чёрный четверг» 24 октября 1929 г., обвал фондового рынка на Уолл-стрит положил начало Великой депрессии.

Мировой экономический кризис нанёс сокрушительный удар по хрупкой конструкции, возведённой в 1920-е гг. Американские банки, спасая собственную экономику, начали массовый отзыв краткосрочных кредитов из стран Европы.

В результате планы Дауэса и Юнга, базировавшиеся на непрерывном потоке американского капитала, были фактически обесценены и свёрнуты. Германия, и без того погрязшая в долгах, столкнулась с катастрофическим оттоком капитала и необходимостью их срочного возврата. Страна, которая ещё недавно демонстрировала бурный рост хозяйственной системы, стремительно погрузилась в пучину глубочайшего экономического спада, что в конечном итоге привело к социальному взрыву и краху Веймарской республики.

Анализ внешнеполитического курса Густава Штреземана позволяет выделить ряд фундаментальных принципов, которые сохраняют свою актуальность (таблица 4).

В заключение, следует отметить, что дипломатическая деятельность Густава Штреземана стала мощным и эффективным инструментом успеха Веймарской республики. Благодаря гибкой «политике выполнения» и умелому использованию противоречий между странами-победителями, ему удалось вывести страну из международной изоляции, стабилизировать экономику и добиться частичного пересмотра унизительных условий Версальского договора. Тем не менее, эта внешнеориентированная стратегия имела фатальный изъян: она критически зависела от непрерывного потока иностранных кредитов и хрупкого равновесия.

Таблица 4. Актуальные принципы дипломатии Густава Штреземана.

Принцип	Описание
Дипломатия как катализатор восстановления экономики	В условиях, когда инструменты государственного суверенитета (например, военная сила, политика протекционизма) ограничены или недоступны, дипломатия становится главным инструментом обеспечения национальной безопасности. Экономическая дипломатия должна рассматриваться не как второстепенная функция; она должна идти параллельно с макроэкономической стратегией государства и стать драйвером снятия барьеров и привлечения инвестиций.
Использование геополитических возможностей государства (многовекторность)	В многополярном мире государство не должно искусственно ограничивать себя выбором в пользу одного геополитического вектора. Способность балансировать между различными центрами силы и использовать их конкуренцию в своих интересах позволяет даже ослабленным странам сохранять стратегическую автономию и добиваться уступок от более сильных государств-партнёров.
Опасность зависимости от внешнего капитала	Экономическая безопасность, опирающаяся исключительно на внешние кредиты и займы, а также иностранные инвестиции без развития внутреннего потенциала и финансовой системы, создаёт критическую уязвимость. Государство должно стремиться к диверсификации источников роста и снижению зависимости от конъюнктуры мировых рынков.
«Политика выполнения» как инструмент мягкой силы	Открытая конфронтация с международным сообществом в условиях изоляции ведёт лишь к ужесточению санкций и консервации кризиса. Демонстрация доброй воли, выполнение взятых на себя обязательств и активное участие в международных структурах часто оказывается более эффективными методами для достижения намеченных целей и изменения невыгодных договоров, чем риторика конфронтации.

Источник: собственная разработка авторов.

Опыт Штреземана доказывает, что дипломатия, безусловно, способна выступать полноценным механизмом антикризисного управления, но лишь при условии, что она опирается на внутренний экономический потенциал. Когда этого фундамента нет, даже самый гениальный дипломат бессилен перед лицом мирового кризиса.

Библиографический список:

1. Космач В.А. «Унижение в Версале»: итоги Первой мировой войны для Германии // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. С. 155-167.
2. Версальско-Вашингтонская система международных отношений / Профильное обучение. Всемирная история XIX – начало XXI в. // URL: https://profil.adu.by/mod/book/tool/print/index.php?id=4071. (Дата обращения: 16.07.2026)
3. Дипломатия / Генри Киссинджер; [перевод с английского В. Верченко]. – Москва: Издательство

АСТ, 2026. 896 с.
4. Поташов С. Кризис в Германии: гиперинфляция 1919-1923 годов/ Биржевой Лидер // URL: http://www.profi-forex.org/journal/number14/page12.html. (Дата обращения: 16.07.2026)
5. Магадеев И.Э. Рурский кризис 1923 г. и трансформация международных отношений в Европе после окончания Первой мировой войны // Genesis: исторические исследования. 2024. № 3. С. 57-75.
6. Штреземан // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.
7. Под ред. Е.М. Жукова. Дауэса план // Советская историческая энциклопедия. - М.: Советская энциклопедия. 1973-1982.
8. Юнга план // Советская историческая энциклопедия. – Советская энциклопедия / Под ред. Е.М. Жукова. – М.: 1973-1982.
9. Gross domestic product (GDP), 1918 to 1928 // Our World in Data // URL: https://ourworldindata.org/grapher/gdp-maddison-project-database?tab=line&time=1918..1928&country=~DEU&mapSelect=~DEU&globe=1&globeRotation=49.28%2C21.77&globeZoom=5. (Дата обращения: 16.07.2026)
10. Хахалкина Е.В., Дзюба В.С. Локарнские соглашения 1925 г. в контексте трансформации Версальской системы: взгляд из Лондона // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 1. С. 157-195.
11. Гамидов Н.Г. Густав Штреземан и подписание берлинского договора между Веймарской Республикой и СССР // Вестник магистратуры. 2018. № 12-4 (87). С. 62-64.
12. Гречихина А.С., Блинов А.К. Культурная память в художественных практиках современных российских авторов // Культура Мира. 2026. Том 14. Вып. 4. (№ 55). С. 137-149.

Reference

1. Kosmach V.A. “Humiliation at Versailles”: The Aftermath of World War I for Germany // Pskov Military-Historical Bulletin. 2015. № 1. P. 155-167.
2. The Versailles-Washington System of International Relations / Specialized Education. World History: 19th – Early 21st Centuries // URL: https://profil.adu.by/mod/book/tool/print/index.php?id=4071. (July 16, 2026)
3. Diplomacy / Henry Kissinger; [translated from English by V. Verchenko]. – Moscow: AST Publishers, 2026. 896 p.
4. Potashov S. Crisis in Germany: Hyperinflation of 1919–1923 / Birzhevoy Lider // URL: http://www.profi-forex.org/journal/number14/page12.html. (July 16, 2026)
5. Magadeev I.E. The Ruhr Crisis of 1923 and the Transformation of International Relations in Europe After World War I // Genesis: Historical Studies. 2024. № 3. P. 57-75.
6. Stresemann // Great Soviet Encyclopedia: [in 30 vols.] / Ed.-in-Chief A.M. Prokhorov. – 3rd ed. – Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1969-1978.
7. Ed. by E.M. Zhukov. Dawes Plan // Soviet Historical Encyclopedia. – Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. 1973-1982.
8. Young Plan // Soviet Historical Encyclopedia. – Sovetskaya Entsiklopediya / Ed. by E.M. Zhukova. – Moscow: 1973-1982.
9. Gross domestic product (GDP), 1918 to 1928 // Our World in Data // URL: https://ourworldindata.org/grapher/gdp-maddison-project-database?tab=line&time=1918..1928&country=~DEU&mapSelect=~DEU&globe=1&globeRotation=49.28%2C21.77&globeZoom=5. (July 16, 2026)
10. Khakhalkina E.V., Dzyuba V.S. The Locarno Treaties of 1925 in the Context of the Transformation of the Versailles System: A View from London // Moscow University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics. 2021. Vol. 13. № 1. P. 157-195.
11. Gamidov N.G. Gustav Stresemann and the Signing of the Berlin Treaty between the Weimar Republic and the USSR // Master’s Bulletin. 2018. № 12-4 (87). P. 62-64.
12. Grechikhina A.S., Blinov A.K. Cultural memory in the artistic practices of contemporary Russian authors // Culture of World. 2026. Vol. 14. Issue 4. (№ 55). P. 137-149.

Сорокин Н.О.
Аспирант третьего курса, лаборант-исследователь Отдела Китая, Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), г. Москва.

Идеология и прагматизм в корейской политике в отношении Китая (садэ и «ёндэ» в эпоху Вана Тхэджона)*

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются китайско-корейские отношения в правление вана Тхэджона (1400–1418) и императора Чжу Ди (1402–1424). Доказывается, что идеология садэ («служение великому») в этот период выполняла функцию прагматического инструмента обеспечения безопасности Чосон: анализ дипломатических эпизодов 1403–1417 гг. показывает, что Тхэджон соблюдал внешние формы вассальной зависимости от Мин, руководствуясь при этом рациональным расчётом, соответствующим логике «ёндэ» («использования великого»).

Ключевые слова: Китайско-корейские отношения, Чосон, Мин ван Тхэджон, Чжу Ди, садэ, ёндэ.

Sorokin N.O.
Third-year postgraduate student, research assistant at the Department of China, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (IOS RAS), Moscow.

Ideology and pragmatism in Korean Policy toward China («sadae» and «yondae» during the reign of King Taejong)

Abstract. The article highlights the features of Sino-Korean relations at the onset of the 15th century during the reign of Taejong of Joseon (1400-1418) and the Ming Emperor Zhu Di (1402-1424). The given constructivist and realist interpretations determine Confucian norms of sadae and its derivative yondae as the core bias of bilateral diplomacy. Taejong of Joseon is stated to have embraced pragmatism in his political intercourse with China.

Key words: Sino-Korean relations, Joseon, Min Wang Taejong, Zhu Di, sadae, yongdae.

* © Сорокин Н.О., 2026.

Садэ – основа конфуцианского порядка – форма дипломатических практик в отношении Китая на протяжении всей истории государства Чосон (кит. 朝鮮王朝, 1392-1897 гг.), за время которой влияние китайской культуры на Корею стало довлеющим, прямым и всеобъемлющим. Китай, традиционно считавшийся культурным центром Северо-Восточной Азии, с позиций конфуцианства завладевал умами корейской аристократии.

Согласно конструктивисткой теории международных отношений, конфуцианство может приниматься в качестве интерсубъектной культуры, которую разделяли корейцы и китайцы.[1] По существу, принятие конфуцианского догмата заставляло корейцев признать существование китайского мира и детерминировать Чосон как вассальное государство, что объясняет корейскую дипломатическую практику в соответствии с китаецентричным мировоззрением, или идеологии «служения старшему» (кит. /кор. *садэ дзюуи* 事大主義).[2]

Применение идеологемы *садэ* во внешней политике Кореи прослеживается еще с периода Троецарствия[3] (57 г. до н. э. – 668 г. н. э.) в корейской истории, во время которого Китай эпохи Тан (618–907 гг.) превратился в доминирующую державу, с которой Силла вступила в вассальные отношения для уравновешивания соседних Когурё и Пэкче. Практика *садэ* позже продолжится в международных отношениях Корё (918–1392) с династиями Сун (960–1279) и Юань (1271–1368)[4]. Однако именно в межгосударственных отношениях между Чосон (1392–1910) и Китаем эпох Мин (1368–1644) /Цин (1644–1912) *садэ* официально утвердилось в качестве основного принципа внешней политики Чосон по отношению к Китаю и институализировался для дипломатических целей на протяжении пяти столетий взаимодействия государств.[5]

Из идеологемы *садэ* возникает вера в китаецентричные ценности – основанные на конфуцианской оптике представления о порядке. *Садэ* обеспечивала культурную идентичность конфуцианцам династии Чосон, так как, те считая себя продолжением китаецентричного «мира», входили в

1 Sadae (serving the great) in Korea-Great power(s) relations since 1392 Kong Chan MA Deakin, MBA ANU, BA S DAKOTA, 2016. P. 35.

2 Wang, Sixiang. Co-constructing Empire in Early Chosŏn Korea: Knowledge Production and the Culture of Diplomacy, 1392–1592 / Sixiang Wang. – N.Y.: Columbia University, 2015. P. 39-40.

3 Период «Трёх корейских государств», или Самгук (кор/кит. 三國), - Когурё, Силла и Пэкче. A history of Korea, An Episode Narrative. By Kyung Moon Hwang. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. P. 28.

4 Wang, Sixiang. Co-constructing Empire in Early Chosŏn Korea: Knowledge Production and the Culture of Diplomacy, 1392–1592 / Sixiang Wang. – N.Y.: Columbia University, 2015. P. 59.

5 Название гос-ва – «Чосон» - утверждалось Минским императором Чжу Юаньчжаном (1328-1398). "Korean Eunuchs as Imperial Envoys: Relations with Chosŏn through the Zhengde Reign." In *The Ming World*, edited by Kenneth Swope, 460–80. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2020. P. 462.

сферу китайской, власти китайского императора, – «всего, что под небом» (кит. тянься 天 下). Архетипическим образом *садэ* часто представляется высказывание Мэн-цзы:[6]

齊宣王問曰：「交鄰國有道乎?

«孟子對曰：有。惟仁者為能以大事小。是故，湯事葛，文王事昆夷。惟智者為能以小事大 **(кит. shì dà)** 。

故大王事獯鬻，句踐事吳。以大事小者，樂天者也。以小事大者，畏天者也。樂天者保天下，畏天者保其國。《詩》云：畏天之威，于 時 保 之。

Циский царь Сюань-ван спросил: «Имеется ли путь в налаживании отношений с соседними княжествами?»

«Имеется» – ответил Мэнцзы – «Только тот, кто человечен, может великое [направить] на служение малому. Вот почему Тан служил Гэ, царь Просвещенный – инородцам куньи. Тот же, кто умен, может малое [направить] на **служение великому**, поэтому царь Великий служил сюньюйцам, Гоуцзянь – княжеству У. Кто [направляет] великое на служение малому, радуется Небу; кто [направляет] малое на служение великому, трепещет перед Небом. Кто радуется Небу, сберегает Поднебесную; кто трепещет перед Небом, сберегает свое княжество. В «Песнях»[7] говорится:

Трепещу перед могучим Небом,
Чтоб так сберечь его [щедроты].»[8]

Изречение Мэн-цзы о том, что «маленькое государство должно служить большому государству», наряду с его философией доброжелательного правления, было нормативной идеей, в которой отношения власти регулировались посредством морали. Идея *садэ* легла в основу международных этических рамок, которые узаконили систему подчинения и институты, сопутствующие отношениям высшей и низшей власти.

Учитывая неравенство сил и географическую близость между Китаем и Кореей, а также существование в регионе агрессивной Японии, рассмотрение *садэ* окажется неполным, если исключить анализ геополитической обстановки. Материальные факторы, такие как военный потенциал и экономические выгоды побуждали чосонскую аристократию концептуализировать *садэ*; выдающееся положение и распространённость конфуцианства

6 Мэн-цзы (372-289 до н.э.) – китайский философ– конфуцианец. Составил один из канонов конфуцианства «Мэнцзы». Мэн-цзы. Предисл. Л.Н. Меньшикова. Пер. с китайского, указ. В.С. Колоколова / Под. ред. Л.Н. Меньшикова. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. С. 5.

7 «Песни» Шицзина 詩經, «Гимны Чжоу» Чжоу суп 周颂， песня «Я подношу» Бо цзян 我將 [В ней] говорится, что царь Совершенный (Чэнван) трепетал перед могуществом Неба, и так мог сохранить свой путь благоденствия. Мэнцзы: в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си / исследование, перевод с китайского, примечание и приложения И.И. Семененко. – М.: Наука - Восточная литература, 2016. С. 220.

8 Там же, С. 217.

в Восточной Азии превратили её из этической нормы в формулу межгосударственных отношений.

Неоконфуцианство в Корё (918-1392) распространялось с 1289 г. усилиями ряда ученых-чиновников – Ан Хяна (1243-1306)[9], Ли Сэка[10] (1328-1396), Чон Монджу (1337-1392) и Чон Донджон (1342-1398); ученые-конфуцианцы критиковали буддизм и даосизм за продвижение абстрактных идей, которые поощряли отступничество от реальности и разрыв связей в обществе, для конфуцианца не было ничего важнее, чем самосовершенствование при помощи принципов гуманности, служение своей семье и стране (*сыновняя почтительность*, кит. 孝).[11]

Корёским аристократам (янбанам, кор. 兩班) с конца XIII в. неоконфуцианство представлялось эффективным выходом из сложного положения, в котором оказалось корейское общество, подвергнутое влияниям буддийских и даосских практик. Чон Монджу высоко целился как мастер неоконфуцианства в Корё и был одним из профессоров, преподавших в академии конфуцианства Сонгюнгван (кор. 成均館), он критически относился буддизму, однако в вопросе, следует ли свергать династию Корё, он придерживался конфуцианской этики лояльности и отказался сотрудничать с Ли Сонге (1335-1408)[12] в заговоре по свержению последнего корёского вана Конъяна (кор. 恭讓王 1345-1394). Его преданность монарху Корё в конце концов привела к смерти – он был убит реформистами всего за три месяца до провозглашения новой династии Чосон.[13] После Чон Монджу считался мучеником, преданно посвятившим себя конфуцианским принципам в отношениях между монархом и министром. Таким образом, представление о лояльности оказалось основной, на которой позже развивался идейный аспект *садэ*.[14]

Чон Дочжон использовал неоконфуцианское учение в полемике с буддизмом – Чон получил высокую оценку со стороны Ли Сонге, поскольку призывал радикально реформировать Корё и сформулировал на конфуцианской основе довод свергнуть недобродетельного короля. Поддержав Ли

9 Ан Хян – ученый, основоположник корейского неокунфуцианства. В 1290 г. представил в Корё философию Чжу Си. Seth, Michael J. A Concise History of Premodern Korea: From Antiquity through the Nineteenth Century. Rowman & Littlefield Publishers, 2016. P. 130.

10 Ли Сэк – философ, последователь учения Чжу Си, призывал заменить буддизм на неоконфуцианство. Ibid P.130

11 Ibid, P. 130-131.

12 Основатель династии Ли, первый ван Чосон - Тхэджо, военный чиновник до 1392 г. A history of Korea, An Episode Narrative. By Kyung Moon Hwang. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. P. 75-79.

13 Фракция радикальных реформаторов во главе с Ли Сонге. Ibid PP. 80-1; Seth, Michael J. A Concise History of Premodern Korea: From Antiquity through the Nineteenth Century. Rowman & Littlefield Publishers, 2016.. P. 138.

14 Sadae (serving the great) in Korea-Great power(s) relations since 1392 Kong Chan MA Deakin, MBA ANU, BA S DAKOTA, 2016. P. 48.

Сонге в перевороте, Чон был назначен главным советником и начал выстраивать государство в соответствие с конфуцианскими принципами, с этого момента конфуцианство превратилось в национальное идеологию Чосон на следующие пять столетий, став основой социальных норм.[15]

Из вышеприведенного можно допустить, что *садэ* несет в себе три аспекта: *садэ* как идея (конфуцианская, или философская), как институт (как институционально образующая норма) и как система властных отношений (международный порядок). Эти три аспекта могут соотноситься как *садэ дзюуи,* институт дани (посольских миссий) и *садэ*-политике. Китайско-корейские отношения внутри китаецентричного порядка выражались взаимосвязанными звеньями – идей, норм и властных отношений (интересов).

Тем не менее насколько бы идея ни была фундирована философским каноном, она по своему существу отражает природу властных отношений, основанных на превосходстве Китая и слабом положении Кореи – такая конструкция более всего соответствует парадигме *реализма* в теории международных отношений. Классический реализм выводит как минимум два положения: государства – ключевые акторы мировой политики в рамках анархической международной системы и баланс сил (поскольку у государств нет иного инструмента реализовать собственные интересы кроме войны, слабые гос-ва вынуждены формулировать свою внешнюю повестку так, чтобы гарантировать собственную безопасность, и любые идеологические построения могут служить этой цели).[16]

Комплексное содержание *садэ,* реализованная через «данническую» систему «Китай-варварская периферия», составляло механизм обеспечения безопасности Мин/Цин и Чосон и позволяло регулировать властные отношения между большим и малым государствами.[17]

Для Китая «данническая» система упорядочивала международные отношения и часто выступала экономическим инструментом построения международный безопасности – включение периферийных гос-в в систему сопровождалось рядом формальностей: инвеститура (титулование зарубежных правителей и вручение регалий власти – золотой печати, грамоты, парадной одежды и т.п.), принятие китайского календаря и летоисчисления. Приведенным «варварским» правителям присваивались титулы «вассальных князей» (кит. ван 王). Присваивая титул вана периферийным правителям, Сын Неба (кит. 天子), с одной стороны, включал территории

15 Ibid, P. 49, A history of Korea, An Episode Narrative. By Kyung Moon Hwang. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. P. 76-77.

16 Sadae (serving the great) in Korea-Great power(s) relations since 1392 Kong Chan MA Deakin, MBA ANU, BA S DAKOTA, 2016. P. 20, 68-70.

17 In-Sung Jang, "Reconsidering the Concept of Sadae in China-Korea Tributary Relations", Concepts and Contexts in East Asia № 3, Chuncheon, Hallym Academy of Science, 2014. P. 69-70.

в систему империи и расширял пространство своей власти, с другой стороны, становясь китайскими подданными периферийные князья признали над собой власть Сына Неба.[18] Порядок инвеституры расценивался китайской стороной как акт введения «варвара» в сан владетельного князя и как акт, узаконивающий его власть над прежним уделом. Сановникам князей аналогично присваивались должностные ранги в соответствие с китайской системой чинов – инвеститура более низкого уровня интегрировала новоявленных сановников в бюрократическую среду.[19]

Включение в Поднебесную обязывало периферийных правителей отправлять регулярные «даннические» посольства, от князя требовалось приезжать к императору продлевать инвеституру и удостоверять вассальный статус в силу того, что титул вана не передался по наследству, а требовал повторного возведения. «Варварские» миссии зачастую приезжали в Срединное государство с практическим целями – реализовать права на торговлю данью (поскольку китайская сторона как правило «отдаривала» дань), получить богатые дары и подкрепить свой статус императорским благоволением.[20] Китай поддерживал функционирование «даннической» системы как главный принцип китаецентричной системы международного порядка, особенно для тех «варваров», которые принимали элементы китайской цивилизации (Корея, Вьетнам, Япония), применялся принцип «добродетельного правителя» согласно конфуцианскому учению.

Поскольку, корейцы смотрели на мир через призму конфуцианства, принимая порядок старшинства, то и признавали грань между цивилизованной и варварской страной как постулатом конфуцианской культуры – идентификация с восточными «варварами» (кит. дунъи 東夷).[21] Подразумевается, национальная идентичность Чосон изменяема при целенаправленных усилиях – из варварской страны возможно стать цивилизованной.

Корейское общество в последние годы династии Корё было пронизано буддизмом. Ли Сонгё и Чон Донджон отделили буддизм от государственной политики как причину, приведшую страну к упадку – конфуцианское учение в силу противоположности постулатов было взято на вооружение новой династии. Первый же ван Тхэджо культивировал практическое применение конфуцианства – при дворе проводились штудии (кор. кёнён 經筵) для изучения истории и канонических трудов.[22] Чон Донджон

18 *Бокщанин А.А.* Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. М.: Наука, 1968. С. 23-4, 30, 36.

19 Sadae (serving the great) in Korea-Great power(s) relations since 1392 Kong Chan MA Deakin, MBA ANU, BA S DAKOTA, 2016. P. 61.

20 *Бокщанин А.А.* Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. М.: Наука, 1968. С. 37-38.

21 Sadae (serving the great) in Korea-Great power(s) relations since 1392 Kong Chan MA Deakin, MBA ANU, BA S DAKOTA, 2016. P. 51-52.

22 Ibid, P. 59.

в 1394 г. составил «Уложения по управлению государством Чосон» (кор. *Чосон кёнгукчон* 祿茗筵糊術) с ссылкой на кодекс «Установления династии Чжоу» (кит. Чжоу Ли 周禮).[23] Другой неоконфуцианский ученый Гвон Гын (1352-1409, кор. 權近) написал труд вводного уровня «Диаграммы и объяснения для начинающих» (кор. Ипхак тосоль 入學圖說).[24]

В Корё еще с 958 г. существовала система государственных экзаменов – *кваго* (кор. 科擧) – аналогичная китайской *кэцзюй*. Во времена Чосон *кваго* был систематизирован на три категории – литература (, кор. мунхва 文科), боевые искусства (кор. мухва 武科) и прочие предметы (кор. чапква 雜科). В отличие от Китая к экзаменам допускались только аристократы – кандидаты отбирались в зависимости от уровня знания конфуцианского канона и письменного китайского языка (*вэньянь)*.[25] Структура центрального аппарата – (кор. *Ыйчжонбу* 議政府), государственный совет, и Шесть палат (кор. *Юкчо* 六曹),, во многом повторяли китайские *Нейгэ* (кит. 内阁), государственную канцелярию, и систему министерств (кит. *Сан Шэн Лю Бо* 三省六部).[26]

Что касается места китайского языка в Чосон, то его изучали систематически, учебные пособия начального и среднего уровня распространялись по всей стране. В 1407 г. Гвон Гын выступил с инициативой перед ваном Тхэджо ввести дополнительный предмет в *кваго* для проверки умения кандидатов читать и писать официальные китайские документы, без чего осуществление китайско-корейских отношений едва ли было возможно. Реализация *садэ* создавала потребность в компетентных чиновниках, владеющих китайским языком, этой миссии служили Бюро переводчиков (кор. Саёвон 司譯院) и Бюро дипломатической переписки (кор. Сынмувон 承文院).[27]

Ради получения более высокого национального статуса в иерархической системе корейцы поместили в императив изучение китайского языка и конфуцианских канонов. Чосон превратился буквально в конфуцианское гос-во, что делало его именование «маленького Китая» (кор. Сочжунхва, 小中華) ближе всего к Китаю в «цивилизационно-варварском» миропорядке.[28]

23 *Пироженко О.С.* Из истории корейского законодательства в XIV–XV вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2023. Т. 67. № 3. С. 23.

24 Sadae (serving the great) in Korea-Great power(s) relations since 1392 Kong Chan MA Deakin, MBA ANU, BA S DAKOTA, 2016, P. 59.

25 *Seth, Michael J.* A Concise History of Premodern Korea: From Antiquity through the Nineteenth Century. Rowman & Littlefield Publishers, 2016. P.144-146; Sadae (serving the great) in Korea-Great power(s) relations since 1392 Kong Chan MA Deakin, MBA ANU, BA S DAKOTA, 2016. P. 60.

26 Sadae (serving the great) in Korea-Great power(s) relations since 1392 Kong Chan MA Deakin, MBA ANU, BA S DAKOTA, 2016. P. 61.

27 Ibid, P. 62.

28 *Чеснокова Н.А.* Дипломатия на грани фола: «Верность», «Долг» и «Садэ» в Корее в XVII-XVIII вв / Н.А Чеснокова. - Текст: непосредственный // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения, 2017. С. 116.

Помимо вышеприведенных традиционных даннических обменов и инвеституры в сфере дипломатии существовал священный принцип, согласно которому «те, кто служит, не участвуют в частных [или международных] отношениях (кит. 人臣無私[外]交)». Этот порядок, закрепленный в китайском конфуцианском каноне «Ли цзи» (кит. 禮記) требовал от верного вассала избегать несанкционированных отношений с посторонними «акторами», чтобы не приобрести двух сюзеренов. Внешняя политика была строгой прерогативой правителей. Доверенные лица допускались к участию в «законной» дипломатии, в частном порядке вести же сношения не дозволялось и было наказуемо.

Этот принцип на практике приводил к разногласиям и противоречиям – когда послы вана Чонджона преподнесли в дар лошадей по просьбе «властителя Янь» (кит. 燕王, будущего императора Чжу Ди), действующий император Чжу Юаньчжан (1368-98 гг.) арестовал и сослал послов Чосон в Юньнань с формулировкой, что вану Чосон недозволительно иметь частные отношения.

Рационалисты при дворе Чосон интерпретировали *садэ* как гарантия существования государства. Для них служение великому, который мог и не быть Ханьским или Танским Китаем, оправдывалось тем, что служило выживанию Чосона. Поскольку Мэн-цзы утверждал, что для маленькой страны мудро служить большей для собственной самозащиты, Чосон находил иррациональным придерживать увядающую империю Юань. Поэтому *садэ* имела иную плоскость – прагматическую *ёндэ* («использование старшего», кор/кит. 用大).[29] Следовательно, *садэ* порой сводилось к номинальным ритуалам и формальностям, за которыми формулировались и имплементировались сугубо политические цели Чосон.

Ярким проявлением подхода *ёндэ* в отношении династии Мин в лице императора Чжу Ди представляется политика третьего вана Тхэджона (г.п. 1400-1418), который, как и предыдущие два вана, пришел к власти в результате переворотов. В августе 1398 г. Тхэджон вынудил отречься от престола своего отца вана Тэджо, передав трон второму по старшинству брату, вану Чонджону (1398-1400), а в январе 1400 г. осуществил второй переворот – принудив Чонджона назначить его наследником, отправил брата в изгнание.[30]

Следует прежде отметить, что первому вану Тэджо так и не удалось добиться инвеституры от императора Чжу Юаньчжана (1368-1398) несмотря на череду чосонских посольств (1392-1398 гг.). В мае 1393 г. существовала угроза объявления войны между государствами из-за обвинений в узурпа-

29 Sadae (serving the great) in Korea-Great power(s) relations since 1392 Kong Chan MA Deakin, MBA ANU, BA S DAKOTA, 2016. P. 57.

30 The Cambridge History of China Volume 8: The Ming Dynasty, 1368-1644, Part 2/ edited by Denis Twitchet and Frederick W.Mote. Cambridge University Press, 1998. P. 278.

ции королевского титула. Однако Ли Сонге продолжал в соответствии с конфуцианским принципом приличия последовательно отправлять миссии в Нанкин, которые во многом эскалировали «инвеститурный» кризис.[31] На первом этапе китайско-корейских отношений *садэ* носило характер прагматического внешнеполитического курса, который требовал мириться с вассальным положением Чосон как минимум для избегания прямого военного конфликта, тем не менее уровень политической (конфуцианской) культуры вана Тэджо оказался недостаточным, чтобы добиться искомого признания титула.

Уже пятый сын Ли Сонге, ван Тхэджон, в своем внешнеполитическом курсе конфуцианскую риторику *садэ* с прагматическим курсом, который в историографии формулируется термином *ёндэ* – служение династии Мин с целью обезопасить Чосон от гегемона, возглавляемого воинственным Чжу Ди. Он формулировал отношения с Империей Мин как служение Небу (согласно *Тхэджон Силлок*), во многом предпринимая предупредительные меры в взаимодействии с китайским императором.[32] В октябре 1402 г. отправил поздравительное посольство с связи с восшествием на престол Чжу Ди, и уже в апреле 1403 г. Тхэджон получил императорскую печать вместе с указом отправить 2 тыс. лошадей в Китай. Ван поручил своим чиновникам выполнить требование, хотя раннее в 1401 г. он заявлял минским послам императора Чжу Юньвэня (1398-1402), что Корея не та страна, где разводят лошадей.[33]

Первая серьезная эскалация случилось из-за пограничного спора. В декабре 1402 г. Чжу Ди создал Цзяньчжоуский *вэй* (кит. 建州衛, военный округ) на территории вокруг реки Туманган, в то время как Чосон считал местных чжурчжэней своими подданными. В октябре 1406 г. корейский чиновник представил доклад вану, в котором говорилось о том, что минский император создает вассальные владения, чтобы переманить подданных. В конце концов, Тхэджон отправил к Нанкин прощение закрепить владения южнее р. Туманган за Кореей. Чжу Ди удовлетворил претензию, но при этом Чосон частично утратил своё влияние к северу от реки.[34]

Напряженность двусторонних отношений отчетливо просматривается в контексте военных инициатив Чжу Ди: завоевание Дайнгу (кит. 大虞)[35]

31 Ibid, P. 277.

32 Sadae (serving the great) in Korea-Great power(s) relations since 1392 Kong Chan MA Deakin, MBA ANU, BA S DAKOTA, 2016. P. 118.

33 The Cambridge History of China Volume 8: The Ming Dynasty, 1368-1644, Part 2/ edited by Denis Twitchet and Frederick W.Mote. Cambridge University Press, 1998. P. 278.

34 *Головачев В.Ц.* «Страна Нургань» и внешняя политика династии Мин в XIV-XV вв. Общество и государство в Китае: Т. XLII, Ч. 3 С. 136-137; The Cambridge History of China Volume 8: The Ming Dynasty, 1368-1644, Part 2 / edited by Denis Twitchet and Frederick W.Mote. Cambridge University Press, 1998. P. 286-287.

35 Вьетское государство, бывшее Дайвьет. В 1406 г. произошла смена династий (ди-

в мае 1407 г. и кампании против монголов в феврале 1409 г.[36] Император в сентябре 1407 г. представил с очередным даннического посольством реляцию для чосонского двора о своей победе над Дайнгу. Оба прецедента сопровождались требованиями отправки дани в форме лошадей (3 тыс. и 10 тыс. соответственно). *Саганвон*[37] (кор. 司諫院) призывал вана пересмотреть приоритеты, поскольку соблюдение *садэ* подрывало военный потенциал Чосон, страна едва могла справиться с представлением такого количества лошадей, все же минский двор дважды требовал (в ноябре 1409 г. и февраля 1410 г.) исполнить вышеуказанное.[38] В марте 1410 г. вану удалось выслать дань, а своё решение рационализировал как единственное верное исполнение *садэ*.

В 1417 г. произошла очередная эскалация отношений. Чжу Ди вынашивал планы вторжение в Японию из-за регулярных налетов пиратов *вако* (яп./кит. 倭寇), и чосонскому вану вменялось нарушение вышеприведенного принципа частных дипломатических контактов.[39] Дело в том, что 1404 и 1406 гг. благодаря посольствам вана Тхэйдона (направленным на совместную с империей борьбу с японскими пиратами) удалось наладить официальные отношения с сёгунами клана Асикага.[40] Однако ещё в 1403 г. сёгун Асикага Ёсимоти получил золотую печать от Чжу Ди – в этот момент Япония формально встроилась в китаецентричный международный порядок с аналогичными чосонским даннических нормами.[41] Кризис не получил дальнейшего развития, ван Тхэджо понимал, что империя скована враждебными отношениями с монголами и вьетами.

Внешнеполитический курс вана Тхэджона в отношении империи Мин сочетал конфуцианскую риторику *садэ* с прагматическими соображения-

настию Чан сверг Хо Куи Ли), Чжу Ди начал вторжение после убийства китайской делегации – саботировалось требования вернуть чанскую династию. The Cambridge History of China Volume 8: The Ming Dynasty, 1368-1644, Part 2 / edited by Denis Twitchet and Frederick W.Mote. Cambridge University Press, 1998. P. 317.

36 Ibid, P. 229-230.

37 *Цензорат,* Канцелярия официальных предостережений – «система сдержек и противовесов», одно из ведомств Трех канцелярий (кор. Самса, 三司). Пироженко О.С. Об особенностях системы регионального управления Кореи в XIV–XV вв.: роль института уполномоченных чиновников на примере деятельности Хан Мёнхве из рода чхонджусских Ханов // Корееведение. 2022. № 1. С. 57.

38 Sadae (serving the great) in Korea-Great power(s) relations since 1392 Kong Chan MA Deakin, MBA ANU, BA S DAKOTA, 2016. P. 79.

39 Official Relations between China and Japan, 1368–1549. By Wang Yi-T'ung. Harvard-Yenching Institute Studies IX. Cambridge: Harvard University Press, 1953. P. 47-48.

40 The Cambridge History of Japan Volume 4: Early Modern Japan / Ed. by John Whitney Hall and James L. McClain. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 242.

41 Official Relations between China and Japan, 1368–1549. By Wang Yi-T'ung. Harvard-Yenching Institute Studies IX. Cambridge: Harvard University Press, 1953. P. 23-24.

ми. Чосон, встроенный в вассальные отношения с империей, соблюдением на практике конфуцианского порядка обеспечивал собственную безопасность от агрессивной политики Чжу Ди. Корейские династийные хроники (*Тхэджо силлок*) фиксируют «неконфуцианские» подходы к *садэ* вана Тхэджона:[42]

8 апреля 1407 г. Тхэджон осудил императора Чжу Ди за неосмотрительное вторжение во Вьетнам, а 20 июня 1414 г. то же вторжение признал ошибкой.

23 февраля 1410 г. Тхэджон выразил мнение о том, что императору не мудро выступать против монголов, которые даже не пересекали границ империи, и что, если Мин потерпят поражение, это будет посмешищем.

26 июля 1413 г. Тхэджон указал придворным на факт, что император Юнлэ возвел себя на трон без императорского указа отца (Чжу Юаньчжана), тот начал гражданскую войну (Война ради преодоления трудностей 1399-1402 гг.), осадил столицу и вынудил племянника покончить жизнь самоубийством, указывая на сомнительную преемственность Чжу Ди на престоле.

Ван Тхэджон поэтому представляется одним из монархов эпохи Чосон, который пользовался *садэ* с прагматическими целями, прежде всего гарантировать выживаемость государства и встроиться в международной порядок с единственным гегемоном. Культурное (конфуцианское) поглощение Кореи оказалось единственным механизмом имплементации взаимовыгодной внешней политики в конфигурации с империй Мин.

Библиографический список:

1. Бокщанин А.А. Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. / А.А. Бокщанин. – М.: Наука, 1968. 268 с.
2. Мэнцзы: в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си / исследование, перевод с китайского, примечание и приложения И.И. Семененко. – М.: Наука – Восточная литература, 2016. 656 с.
3. Головачев В.Ц. «Страна Нургань» и внешняя политика династии Мин в XIV–XV вв. / В.Ц. Головачев // Общество и государство в Китае. – Т. XLII, ч. 3. – М.: ИВ РАН, 2012. С. 129-152.
4. Пироженко О.С. Из истории корейского законодательства в XIV–XV вв. / О.С. Пироженко // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2023. Т. 67. № 3. С. 40-53.
5. Пироженко О.С. Об особенностях системы регионального управления Кореи в XIV–XV вв.: роль института уполномоченных чиновников на примере деятельности Хан Мёнхве из рода чхонджусских Ханов / О. С. Пироженко // Корееведение. 2022. № 1. С. 11-26.
6. Сумина А.И. Дипломатические отношения Кореи и Китая в средние века / А.И. Сумина // Корееведение в России: направление и развитие. 2020. Т. 1. № 1. С. 160-164.
7. Чеснокова Н.А. Дипломатия на грани фола: «Верность», «Долг» и «Садэ» в Корее в XVII–XVIII вв. / Н.А. Чеснокова // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. № 4 (10). С. 114-122.
8. Hwang, K.M. A History of Korea: An Episode Narrative / K.M. Hwang. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 320 p.
9. In-Sung, Jang. Reconsidering the Concept of Sadae in China-Korea Tributary Relations / Jang In-Sung // Concepts and Contexts in East Asia. № 3. – Chuncheon: Hallym Academy of Science, 2014. P. 85-110.

42 Sadae (serving the great) in Korea-Great power(s) relations since 1392 Kong Chan MA Deakin, MBA ANU, BA S DAKOTA, 2016. P. 81.

10. Ma, Kong Chan. Sadae (Serving the Great) in Korea-Great Power(s) Relations Since 1392 / Kong Chan Ma. – Melbourne: Deakin University, 2016. – 184 p.
11. Seth M.J. A Concise History of Premodern Korea: From Antiquity through the Nineteenth Century / M. J. Seth. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2016. 386 p.
12. Swope K. (ed.). The Ming World / ed. by K. Swope. – Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2020. 612 p.
13. The Cambridge History of Japan. Volume 4: Early Modern Japan / ed. by J. W. Hall, J.L. McClain. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 860 p.
14. Тхэджон силлок Подлинные записи династии Чосон: правление вана Тхэджона // Национальная история Кореи: электронный архив. // URL: history.go.kr (Дата обращения: 06.05.2024).
15. The Cambridge History of China. Volume 8: The Ming Dynasty, 1368–1644, Part 2 / ed. by D. Twitchett, F.W. Mote. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 1231 p.
16. Wang, S. Co-constructing Empire in Early Chosŏn Korea: Knowledge Production and the Culture of Diplomacy, 1392–1592 / S. Wang. – New York: Columbia University, 2015. 461 p.
17. Wang, Yi-T'ung. Official Relations between China and Japan, 1368–1549 / Yi-T'ung Wang. – Cambridge: Harvard University Press, 1953. 128 p.
18. Щупленков О.В. Интеграционная связь развития информационно-коммуникационных технологий в образовании и цифровой компетентности преподавателя вуза // Альманах Казачество. 2026. № 93 (4). С. 21-32.

Reference

1. Bokshchanin A.A. China and the Countries of the Southern Seas in the 14th–16th Centuries / A.A. Bokshchanin. – Moscow: Nauka, 1968. 268 p.
2. Mencius: A New Translation with Classical Commentaries by Zhao Qi and Zhu Xi / Research, translation from Chinese, notes, and appendices by I.I. Semenenko. – Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura, 2016. 656 p.
3. Golovachev V.Ts. "The Land of Nurgan" and the Foreign Policy of the Ming Dynasty in the 14th–15th Centuries / V.Ts. Golovachev // Society and State in China. – Vol. XLII, Part 3. – Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (IV RAN), 2012. P. 129-152.
4. Pirozhenko O.S. From the History of Korean Legislation in the 14th–15th Centuries / O.S. Pirozhenko // Bulletin of Moscow University. Series 13: Oriental Studies. 2023. Vol. 67. № 3. P. 40-53.
5. Pirozhenko O.S. On the Features of the Regional Administration System in Korea in the 14th–15th Centuries: The Role of the Institution of Special Commissioners as Exemplified by the Activities of Han Myung-hoe of the Cheongju Han Clan / O.S. Pirozhenko // Korean Studies. 2022. № 1. P. 11-26.
6. Sumina A.I. Diplomatic Relations Between Korea and China in the Middle Ages / A.I. Sumina // Korean Studies in Russia: Directions and Development. 2020. Vol. 1. № 1. P. 160-164.
7. Chesnokova N.A. Diplomacy on the Edge: "Loyalty," "Duty," and "Sadae" in Korea in the 17th–18th Centuries / N.A. Chesnokova // RSUH/RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations. 2017. № 4 (10). P. 114-122.
8. Hwang K.M. A History of Korea: An Episode Narrative / K.M. Hwang. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 320 p.
9. In-Sung Jang. Reconsidering the Concept of Sadae in China-Korea Tributary Relations / Jang In-Sung // Concepts and Contexts in East Asia. – № 3. – Chuncheon: Hallym Academy of Science, 2014. P. 85-110.
10. Ma Kong Chan. Sadae (Serving the Great) in Korea-Great Power(s) Rela-tions Since 1392 / Kong Chan Ma. – Melbourne: Deakin University, 2016. 184 p.
11. Seth M.J. A Concise History of Premodern Korea: From Antiquity through the Nineteenth Century / M.J. Seth. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2016. 386 p.
12. Swope K. (ed.). The Ming World / ed. by K. Swope. – Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2020. 612 p.
13. The Cambridge History of Japan. Volume 4: Early Modern Japan / ed. by J.W. Hall, J.L. McClain. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 860 p.
14. Taejon Sillok Original records of the Joseon dynasty: the reign of Wang Taejong // National history of Korea: electronic archive. // URL: histo-ry.go.kr (05.06.2024).
15. The Cambridge History of China. Volume 8: The Ming Dynasty, 1368–1644, Part 2 / ed. by D. Twitchett, F.W. Mote. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 1231 p.
16. Wang S. Co-constructing Empire in Early Chosŏn Korea: Knowledge Production and the Culture of Diplomacy, 1392–1592 / S. Wang. – New York: Columbia University, 2015. 461 p.
17. Wang Yi-T'ung. Official Relations between China and Japan, 1368–1549 / Yi-T'ung Wang. – Cambridge: Harvard University Press, 1953. 128 p.
18. Shchuplenkov O.V. The integration link between the development of information and communication technologies in education and the digital competence of university teacher // Almanac Cossacks. 2026. № 93 (4). P. 21-32.

Ткач Е.Е.
Соискатель, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург.

Американская помощь советским республикам: миссия „Джойнта“ в 1917–1922 гг.*

Аннотация. Статья посвящена анализу гуманитарной деятельности Американского еврейского распределительного комитета («Джойнт») на территории советских республик в период с 1917 по 1922 год. В работе подробно рассматривается эволюция стратегии организации: от попыток дистанционного перевода финансовых средств до вынужденного перехода к физическому присутствию своих представителей в условиях жесткой политической изоляции и Гражданской войны в Советской России. Особое внимание уделяется ключевому этапу – вхождению «Джойнта» в коалицию с Американской администрацией помощи (ARA) летом 1921 года для борьбы с масштабным голодом. На основе архивных документов исследуются конкретные механизмы доставки грузов через балтийские порты, функционирование прозрачной купонной системы и развертывание разветвленной сети пунктов питания и госпиталей в наиболее пострадавших регионах, включая Украину и Тираспольский уезд. В статье подчеркивается прагматичный подход комитета, выразившийся в привлечении местных медицинских кадров и расширении помощи на все нуждающиеся группы населения без национальных ограничений. Делается вывод, что опыт экстренного спасения голодающих заложил прочный фундамент для перехода к долгосрочным советско-американским проектам в сфере развития еврейского сельского хозяйства в рамках корпорации «Агро-Джойнт».

Ключевые слова: American Jewish Joint Distribution Committee, Джойнт, Американская администрация помощи, ARA, Советская Россия, гуманитарная помощь, борьба с голодом, архивные документы, Тираспольский уезд, Агро-Джойнт.

Tkach E.E.
Degree Applicant, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg.

American aid to the Soviet Republics: the “Joint” mission, 1917–1922

Abstract. The article analyzes the humanitarian activities of the American Jewish Joint Distribution Committee (JDC/Joint) within the Soviet republics from 1917 to 1922.

* © Ткач Е.Е., 2026.

The study provides a detailed overview of the evolution of the organization's strategy, shifting from early attempts at remote financial transfers to an essential transition toward a physical presence of its representatives amidst severe political isolation and the Civil War in Soviet Russia. Special attention is given to the critical phase in the summer of 1921, when the Joint entered into a coalition with the American Relief Administration (ARA) to combat the widespread famine. Based on archival records, the paper examines the specific mechanisms of cargo delivery through Baltic ports, the operation of a transparent food draft coupon system, and the deployment of an extensive network of feeding stations and hospitals in the hardest-hit regions, including Ukraine and the Tiraspol Uyezd. The paper highlights the committee's pragmatic approach, which manifested in recruiting local medical staff and extending relief to all populations in need regardless of nationality. It is concluded that the experience of emergency relief laid a solid foundation for transitioning to long-term Soviet-American projects aimed at developing Jewish agricultural settlements under the Agro-Joint corporation.

Key words: American Jewish Joint Distribution Committee, the Joint, American Relief Administration, ARA, Soviet Russia, humanitarian aid, famine relief, archival documents, Tiraspol Uyezd, Agro-Joint.

Введение

К началу XX века еврейское население восточной части Европы оказалось в катастрофическом положении, вызванном разрушительными последствиями экономического кризиса и военных конфликтов. В подобных условиях еврейские общины оказались неспособны самостоятельно справиться с массовыми бедствиями – потребовалась внешняя поддержка.

Американские еврейские организации, осознав масштаб гуманитарного кризиса, начали искать пути решения для оказания экстренной помощи пострадавшим общинам. Стоит отметить, что разрозненные благотворительные инициативы не смогли бы обеспечить нужного объема ресурсов – требовался единый централизованный орган, который смог бы объединить пожертвования тысяч людей и распределить их по наиболее пострадавшим регионам Восточной Европы [3, с. 45]. Поэтому, в 1914 году был основан American Jewish Joint Distribution Committee (Джойнт) – координационный орган, созданный несколькими ведущими еврейскими благотворительными комитетами.

Изначально миссия Джойнта была сосредоточена на практических задачах: организации сбора пожертвований, закупке и транспортировке продовольствия, одежды, медикаментов, а также предоставлении денежных средств местным благотворительным организациям. Кроме того, комитет финансировал работу различных медицинских учреждений и детских домов.

После событий октября 1917 года и заключения Брестского мира в мар-

те 1918 логистические и финансовые каналы, связывавшие американские благотворительные организации с бывшей Российской империей, оказались практически полностью парализованы. Ранее отлаженное взаимодействие Джойнта с ЕКОПО (Еврейским комитетом помощи жертвам войны) в Петрограде стало невозможным из-за наступившей политической и экономической изоляции Советской России [13, с. 142].

Переломным моментом, показавшим попытку Джойнта подстроиться под новую реальность, стало официальное обращение президента организации к Госсекретарю США от 16 августа 1918 года. В этом письме подводился итог первому этапу работы. В нем говорилось, что к середине 1917 года американские евреи направили на помощь своим единоверцам в России около 2,5 миллионов долларов, которые распределили по городам и местечкам страны. Однако автор документа прямо заявлял, что «недавние события в России помешали продолжению этих усилий». В итоге местное население осталось в таком же беспомощном положении, как при царском и Временном правительствах [6]. Именно это письмо показывает, что Джойнт решил отказаться от перевода денег издалека и перешел к стратегии прямого присутствия своих представителей на советской территории. С этого момента, несмотря на дипломатическую блокаду, начинается новый этап работы организации в Советских республиках.

Материалы и методы

Первую группу образуют неопубликованные делопроизводственные материалы и переписка из зарубежных архивов, прежде всего Архива Американского еврейского распределительного комитета (JDC Archives, Нью-Йорк) и Архива Гуверовского института (Stanford, США). В их число вошли официальные отчеты представителей организации, телеграммы, заявления граждан и служебная переписка, отражающие логистическую, финансовую и организационную стороны распределения гуманитарных грузов [5]. Второй блок составляют нормативно-правовые акты и официальные соглашения, регулировавшие статус американских миссий на советской территории, включая Рижское соглашение между РСФСР и ARA от 20 августа 1921 года [1], соглашения между ARA и JDC [2; 7], а также последующий договор правительства СССР с «Агро-Джойнт» от 1924 года. Третью группу составили информационные материалы, включая официальные пресс-релизы «Джойнта» под руководством Ф. Варбурга [8] и этнографические/санитарные обследования регионов.

Методологическую основу работы составили принципы историзма, объективности и системности. На основе системного подхода гуманитарная деятельность «Джойнта» рассмотрена как комплексная структура, сочетавшая в себе финансовые, медицинские, продовольственные и логисти-

ческие компоненты, функционировавшие в тесной связи с Американской администрацией помощи (ARA) [2] и советскими государственными институтами (Наркомздрав, КомЗЕТ).

В ходе работы использовались следующие специально-исторические методы:

1. Историко-генетический метод позволил проследить эволюцию стратегии «Джойнта» от дистанционной финансовой поддержки общин до стратегии вынужденного физического присутствия эмиссаров на местах и последующего перехода к долгосрочному аграрному проектированию.

2. Сравнительный метод применялся для сопоставления подходов, ресурсов и правового статуса ARA и «Джойнта», а также для анализа динамики развертывания сети пунктов питания (на примере Тираспольского уезда в мае–июле 1922 года).

3. Метод историко-системного анализа помог выявить внутренние и внешние факторы (политическая изоляция РСФСР, Гражданская война, позиция органов госбезопасности), влиявшие на эффективность и поэтапное сворачивание чрезвычайной помощи.

Литературный обзор

В отечественной науке значительное внимание уделяется общим механизмам борьбы с первым советским голодом и специфике межинституционального взаимодействия. Так, в работах Ю.Ю. Хмелевской детально анализируется феномен американской филантропии на региональном уровне, оценивается эффективность деятельности Американской администрации помощи (ARA) и специфика ее восприятия советским обществом и властью. Вопросы межведомственных конфликтов, скрытого политического контекста и жесткой конкуренции между различными иностранными благотворительными миссиями, действовавшими в РСФСР, подробно исследованы в публикациях А.А. Русинова.

Специфика деятельности религиозных и национальных организаций, координировавших свои действия с ARA, рассматривается в ряде специализированных работ. Например, зарубежная помощь по конфессиональной линии (на примере меннонитов) исследована Т.П. Назаровой. Истории становления и правовой трансформации локальных еврейских комитетов помощи (таких как ЕКОПО) в предреволюционный и ранний советский периоды посвящены труды Е. Певзнер.

Важнейший пласт историографии составляют региональные исследования, позволяющие оценить реальные масштабы и результаты работы «Джойнта» на местах. В этом контексте ключевое значение имеют труды А.П. Трыгуба и Л.А. Вовчук, в которых на основе богатого местного архивного материала реконструирована продовольственная и вещевая кампания

американской коалиции в Тираспольском районе. Переход от экстренной помощи к долгосрочным аграрным проектам в рамках корпорации «Агро-Джойнт» и сопутствующие этому процессу политические мифы исследованы в работах К.Ю. Могаричева.

Зарубежная историография (работы Робертса, Давыдовича, Залашика, Гранта) традиционно фокусируется на роли американских банковских кругов в финансировании проектов, международном медицинском сотрудничестве в условиях эпидемий, а также на идеологических аспектах сохранения здоровья и идентичности еврейского населения Восточной Европы в межвоенный период.

Таким образом, несмотря на наличие ценных трудов по смежной тематике, комплексный анализ эволюции стратегии «Джойнта» от дистанционной поддержки к самостоятельному администрированию и последующей интеграции в ARA (особенно на основе ранних документов 1918–1920 гг.) остается недостаточно освещенным, что и определяет научную новизну данной статьи.

Результаты исследования

Первые шаги по этой схеме принесли организации хорошие результаты. Прямой контакт с советской стороной подтверждают архивные документы. В телеграмме из Ревеля от 2 июля 1920 года А. Пумпянский докладывал в нью-йоркский офис организации, что первая большая партия помощи с парохода «Santcroix» успешно передана представителям Московского комитета – Мюльштейну и Шурену, которые приехали в Эстонию [4]. Документ показывает, как быстро работала доставка: товары на 53 000 долларов (1150 ящиков одежды, обуви и лекарств) сразу перегрузили в вагоны и отправили в Москву ближайшим прямым поездом.

Подробно о структуре и доставке американской помощи рассказывает отчет Пумпянского от 22 сентября 1920 года. Он был адресован директору Парижского бюро организации доктору Фрэнку Розенблатту [9]. Из отчета видно, что к осени 1920 года «Джойнт» смог собрать на складах в Эстонии огромный объем грузов для отправки в Россию – на сумму более 400 000 долларов. Список грузов из отчета Пумпянского показывает, какую именно помощь Джойнт планировал привезти в советские города в 1920 году. Организация выбрала четыре главных направления.

Во-первых, это срочная медицинская помощь. Для борьбы с эпидемиями тифа и холеры в РСФСР требовалось огромное количество лекарств. Только в составе «третьего транспорта» в сентябре 1920 года в Ревель приехали 204 ящика с медикаментами и хирургическими инструментами. А «восьмой транспорт» из Лондона целиком состоял из лекарств и мыла на сумму более 17 тысяч фунтов.

Во-вторых, обеспечение продовольствием детей. Отчет фиксирует покупку и доставку в балтийские порты больших партий калорийных американских продуктов для голодающих жителей России. В этих грузах было около 3000 ящиков сгущенного молока на 38 750 долларов (транспорт №6), еще одна партия из 2397 ящиков сгущенки (транспорт №7) и 200 бочек хлопкового масла (транспорт №5).

В-третьих, базовые нужды – одежда и гигиена. Советская Россия страдала от тяжелого дефицита тканей и одежды. Для раздачи в России Джойнт привез в Ревель 539 ящиков обуви, сотни ящиков готовой одежды, нижнего белья, а также тысячи ящиков мыла, которое было необходимо для дезинфекции.

В-четвертых, транспорт. Чтобы американские представители могли свободно передвигаться по разрушенным российским дорогам, Джойнт привез через Данциг три автомобиля. Они предназначались лично для доктора Розенблатта и его проверяющей группы.

Данные из отчета доказывают, что самая первая, пробная партия («первый транспорт») стоимостью 53 000 долларов из 1150 ящиков одежды, обуви и лекарств успешно уехала из Ревеля и добралась до Москвы еще в июне 1920 года. Однако, как пишет Пумпянский, после этого массовая отправка грузов застряла. Эстонские власти ввели жесткий транзитный контроль, требуя специальных разрешений, выставить вооруженную охрану у таможенных складов, из-за чего позже начались юридические проблемы.

Однако, как показывают дальнейшие документы, «Джойнту» удалось успешно решить проблемы с доставкой и страховкой в Эстонии. Главным успехом всей приграничной схемы стал официальный пресс-релиз организации, выпущенный под руководством ее председателя Феликса Варбурга. В нем сообщалось об отправке из Ревеля в Москву огромного поезда с гуманитарной помощью общей стоимостью 500 000 долларов [8, с. 1]. Этот документ раскрывает принципиально важные детали организации миссии на исходе 1920 года. Во-первых, американской стороне удалось достичь компромисса с большевистским руководством: эшелон следовал вглубь РСФСР под официальным вооруженным конвоем, предоставленным советским правительством. Во-вторых, стратегия физического присутствия американских эмиссаров была полностью реализована: в Москве уже развернул работу один из представителей JDC, доктор Фрэнк Розенблатт, координировавший распределение грузов совместно с Московским комитетом. Наконец, сам набор грузов (одежда, обувь, хирургические инструменты, лекарства и сгущенное молоко) покрывал самый острый дефицит у мирных жителей, который возник из-за многолетней войны и разрухи. При этом Государственный департамент США официально одобрил эту поставку.

Наличие вооруженного советского конвоя и присутствие Розенблатта в Москве в конце 1920 года доказывают, что Джойнт смог найти пути для официального и самостоятельного сотрудничества с советской властью еще до начала массового голода в Поволжье. Тем не менее, этот уникальный опыт самостоятельного администрирования поезда на полмиллиона долларов показал, что для борьбы с надвигающейся гуманитарной катастрофой масштаба всей страны ресурсов одной, даже столь мощной организации, уже недостаточно. Это сделало неизбежным вхождение JDC в состав коалиции американских благотворительных организаций под эгидой Американской администрации помощи (ARA) сразу после начала катастрофического голода летом 1921 года.

При сотрудничестве с ARA «Джойнт» сохранял организационную автономность: самостоятельно распределял средства, закупал продовольствие и медикаменты и определял направления помощи, прежде всего на Украине, в Белоруссии и Поволжье. Сотрудники организации, включая Бориса Богдена, работали по мандатам ARA, получая доступ к ее дипломатическим привилегиям, транспорту и складам. Совместный характер деятельности отражало обозначение «столовые ARA-JDC»; участие «Джойнта» в финансировании при этом не скрывалось [2; 7].

Во второй половине 1921 – начале 1922 года важное место занимала адресная помощь. Письмо Номеровского из Норвуда от 20 января 1922 года содержало просьбу найти возможность отправить в Россию муку для выпечки мацы его родственникам на Украине [5]. Подобные запросы, связанные с религиозными и национальными потребностями, ARA передавала специалистам «Джойнта», лучше знавшим специфику бывшей черты оседлости [12, с. 74]. Этот опыт подготовил расширение миссии.

К маю 1922 года продовольственная помощь превратилась в сеть пунктов питания и складов, действовавших совместно с ARA [15, с. 59]. Помимо продуктовых и вещевых посылок, «Джойнт» бесплатно снабжал углем детские учреждения, больницы и школы. В Тирасполе уездным властям предоставили 4000 пудов угля; в марте 1923 года поступило еще 10 вагонов (9885 пудов), из которых 900 пудов получили больницы, интернаты и столовые [15, с. 61]. Групповые посылки американских еврейских землячеств направлялись в Тирасполь, Дубоссары и другие населенные пункты [5; 15], а детские дома получали одежду, обувь, одеяла и белье независимо от национальности воспитанников [15, с. 62].

Медицинская программа предусматривала сеть лечебных пунктов и госпиталей [10; 18] и взаимодействие с Наркомздравом РСФСР. Для борьбы с инфекциями, прежде всего сыпным тифом [17, с. 127], открывались бани, выдавалось мыло и проводилась санитарно-просветительная работа. Использовался и фильм, объяснявший пути передачи тифа и меры профилак-

тики. Особое значение имела доступность информации на родном языке.

Первоначально обсуждалась отправка американских врачей, однако Уильям Вовчин считал ее малоэффективной из-за незнания языка и местной культуры и выступал против назначения американских руководителей. Поэтому «Джойнт» опирался на местных врачей, знакомых с традициями и эпидемиологической обстановкой, что повышало практическую эффективность программ.

Еще одним направлением стала финансовая поддержка общин и учебных заведений. Гранты и ссуды предоставлялись на гибких условиях; помощь могла быть возвратной и безвозвратной, а выплаты – отсрочены или списаны [19, с. 9-37]. Средства позволяли ремонтировать синагоги и школы; топливная помощь поддерживала детские учреждения, больницы и школы [15, с. 61]. Поддержка хедеров, талмуд-тор и библиотек сочетала экстренную помощь с сохранением культурной инфраструктуры.

Стипендии для молодежи и интеллигенции предоставлялись учащимся еврейских и нееврейских техникумов, сельскохозяйственных школ и краткосрочных курсов. Подготовка учителей, врачей и агрономов помогала сохранять квалифицированные кадры; часть выпускников направлялась в новые еврейские села, связывая образовательную поддержку с будущими сельскохозяйственными проектами.

Масштаб продовольственной кампании особенно заметен на примере Тираспольского уезда [14; 15]. К июню 1922 года здесь действовал 81 пункт питания, ежедневно получали обеды 32 787 детей, а взрослым было распределено 10 тыс. сухих пайков [15, с. 59]. В мае работали 15 столовых на 5892 ребенка, в июне – 65 на 24 286, в июле – 76 на 26 215 детей [15, с. 60]. К середине июля официально голодал 81 713 человек, включая 39 284 детей [15, с. 59].

Адресность доставки обеспечивала купонная система ARA [5; 7]: за 10 долларов покупался купон, который получатель обменивал на посылку весом около 53 кг с мукой, рисом, чаем, жиром, сахаром и сгущенным молоком. Себестоимость составляла 6,5 доллара плюс 1 доллар за перевозку и страховку; разница направлялась на детские столовые. По расчетам ARA, одной посылки хватало семье из пяти человек на неделю. «Джойнт» дополнял эту систему групповыми посылками от еврейских землячеств США, особенно востребованными в Тирасполе и Дубоссарах [5; 15, с. 62].

Сворачивание чрезвычайной помощи началось после прохождения пика голода; ARA работала до лета 1923 года. Одновременно осложнялись советско-американские отношения: советская сторона усиливала контроль над иностранными благотворителями, а органы госбезопасности рассматривали их деятельность как политически подозрительную [16, с. 71]. В начале июля 1923 года стали закрываться столовые ARA и прекращаться

массовые поставки [15, с. 63].

Завершение чрезвычайной программы не означало разрыва сотрудничества. 29 ноября 1924 года был подписан договор правительства СССР с «Агро-Джойнтом», утвержденный 16 декабря [11, с. 453]. Организация получила законный статус и налоговые льготы, но должна была отчитываться перед КомЗЕТом. Тем самым экстренная гуманитарная помощь сменилась долгосрочной программой развития еврейского сельского хозяйства под государственным контролем.

Заключение

В 1917–1922 годах стратегия «Джойнта» прошла путь от дистанционного финансирования к непосредственной работе на советской территории. Транзитный коридор через Ревель и поставки 1920 года продемонстрировали возможность официального взаимодействия с новой властью, а масштаб голода обусловил союз с ARA летом 1921 года.

Партнерство объединило транспортно-правовые возможности ARA с финансированием и адресными механизмами «Джойнта». Сеть столовых, складов, медицинских и санитарных программ, купонная система и коллективные посылки обеспечили помощь как еврейским общинам, так и другим нуждающимся. Опора на местных медицинских специалистов и поддержка образования способствовали не только преодолению чрезвычайной ситуации, но и сохранению кадров и общинной инфраструктуры.

К лету 1923 года чрезвычайная помощь была свернута вследствие ослабления голода и осложнения политической обстановки. Однако накопленный организационный опыт стал основой перехода к долгосрочным проектам: договор 1924 года и деятельность «Агро-Джойнта» обозначили новый этап – развитие еврейского сельского хозяйства в рамках советского государственного регулирования.

Библиографический список:

1. ARA-Soviet Agreement (August 20, 1921) // Seventeen Moments in Soviet History: primary sources for the history of the Soviet Union, 1917–1991 / Michigan State University [and others]. 1921. // URL: msu.edu (Дата обращения: 03.08.2026).

2. Agreement between the American Relief Administration and the American Jewish Joint Distribution Committee regarding Soviet Russia operations, August 1921 // Hoover Institution Archives (Stanford, USA). American Relief Administration Russian Operational Records (1919–1925). Box 112, Folder 4.

3. Commission of the American Jewish Relief Funds: Report to the Joint Distribution Committee / ed. by J.L. Magnes, A.M. Dushkin. – New York: Press of C. S. Nathan, 1917. P. 45-48. // HathiTrust Digital Library. // URL: hathitrust.org (Дата обращения: 03.08.2026).

4. Incoming Cable from Pumpiansky (Reval) to Jointdisco (New York), July 2, 1920 // JDC Archives (New York). Records of the New York Office (1919–1921). Folder: Russia, Baltic Ports, 1920–1921. Item ID 234232. // URL: jdc.org (Дата обращения: 03.08.2026).

5. Letter from Nomerovsky (Norwood, Mass.) to the American Relief Administration, January 20, 1922 // JDC Archives (New York). Records of the New York Office (1921–1932). Folder: Russia, Food Drafts, 1922. Item

ID 234026. // URL: jdc.org (Дата обращения: 03.08.2026).

6. Letter from the President of the Joint Distribution Committee to the Honorable Secretary of State (Washington, D.C.), August 16, 1918 // JDC Archives (New York). Records of the New York Office (1914–1918). Folder: Russia, General, 1914–1918. Item ID 1542. // URL: jdc.org (Дата обращения: 03.08.2026).

7. Memorandum of Agreement between the American Relief Administration and the Joint Distribution Committee (London), March 1922 // JDC Archives (New York). Records of the New York Office (1919–1921 / 1921–1932). Folder: ARA Cooperation, 1922–1923. P. 1-4. // URL: jdc.org (Дата обращения: 03.08.2026).

8. Press Release: Half Million Dollar Shipment of American Relief Supplies Sent to Soviet Russia // JDC Archives (New York). Records of the New York Office (1919–1921). Folder: Russia, Baltic Ports, 1920–1921. Item ID 234254. P. 1. // URL: jdc.org (Дата обращения: 03.08.2026).

9. Report from A. Pumpiansky, Revel Representative, to Dr. Frank F. Rosenblatt, Regional Director, Joint Distribution Committee (Paris, France), September 22, 1920 // JDC Archives (New York). Records of the New York Office (1919–1921). Folder: Russia, Baltic Ports, 1920–1921. Item ID 234267. // URL: jdc.org (Дата обращения: 03.08.2026).

10. Report on the Medico-Sanitary Conditions by Dr. William Wovschin, July 15, 1920, to March 7, 1921 // JDC Archives (New York). Records of the New York Office (1921–1932). Folder 255. 1. P. 18.

11. Могаричев К.Ю. Соглашение между СССР и Агро-Джойнт в контексте МИФА о «Крымской Калифорнии» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. № 3. С. 452-461.

12. Назарова Т.П. Зарубежная меннонитская помощь голодающему населению Советской России в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. С. 72-79.

13. Певзнер Е. Еврейский комитет помощи жертвам войны (1914–1921) // Тирош. Труды по иудаике, славистике, ориенталистике. 2010. № 10. С. 141-154.

14. Русинов А.А. Конкуренция между американскими благотворительными организациями в контексте международной помощи голодающим в Советской России (1921–1923 годы) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5. С. 34-40.

15. Трыгуб А.П., Вовчук Л.А. Протягивая руку помощи... Американская гуманитарная помощь населению Тираспольского района (1922–1923 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 58-64.

16. Хмелевская Ю.Ю. Миссия выполнима? Американская филантропия против первого советского голода (к 90-летию начала деятельности американской администрации помощи на Урале, 1921–1923 гг.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. С. 65-74.

17. Davidovitch N., Zalashik R. "Air, sun, water": Ideology and activities of OZE (Society for the preservation of the health of the Jewish population) during the interwar period // Dynamis. 2008. С. 15-30.

18. Grant S. The American Hospital in Moscow: A Lesson in International Cooperation, 1917–23 // Medical History. 2015. № 4. С. 554-554.

19. Roberts P. Jewish Bankers, Russia, and the Soviet Union, 1900–1940: The Case of Kuhn, Loeb and Company // Financial History Review. 2000.

Reference

1. ARA-Soviet Agreement (August 20, 1921) // Seventeen Moments in Soviet History: primary sources for the history of the Soviet Union, 1917–1991 / Michigan State University [and others]. 1921. // URL: msu.edu (03.08.2026).

2. Agreement between the American Relief Administration and the American Jewish Joint Distribution Committee regarding Soviet Russia operations, August 1921 // Hoover Institution Archives (Stanford, USA). American Relief Administration Russian Operational Records (1919–1925). Box 112, Folder 4.

3. Commission of the American Jewish Relief Funds: Report to the Joint Distribution Committee / ed. by J.L. Magnes, A.M. Dushkin. – New York: Press of C.S. Nathan, 1917. P. 45-48. // HathiTrust Digital Library. // URL: hathitrust.org (03.08.2026).

4. Incoming Cable from Pumpiansky (Reval) to Jointdisco (New York), July 2, 1920 // JDC Archives (New York). Records of the New York Office (1919–1921). Folder: Russia, Baltic Ports, 1920–1921. Item ID 234232. // URL: jdc.org (03.08.2026).

5. Letter from Nomerovsky (Norwood, Mass.) to the American Relief Administration, January 20, 1922 // JDC Archives (New York). Records of the New York Office (1921–1932). Folder: Russia, Food Drafts, 1922. Item ID 234026. // URL: jdc.org (03.08.2026).

6. Letter from the President of the Joint Distribution Committee to the Honorable Secretary of State (Washington, D.C.), August 16, 1918 // JDC Archives (New York). Records of the New York Office (1914–1918). Folder: Russia, General, 1914–1918. Item ID 1542. // URL: jdc.org (03.08.2026).

7. Memorandum of Agreement between the American Relief Administration and the Joint Distribution

Committee (London), March 1922 // JDC Archives (New York). Records of the New York Office (1919–1921 / 1921–1932). Folder: ARA Cooperation, 1922–1923. P. 1-4. // URL: jdc.org (03.08.2026).

8. Press Release: Half Million Dollar Shipment of American Relief Supplies Sent to Soviet Russia // JDC Archives (New York). Records of the New York Office (1919–1921). Folder: Russia, Baltic Ports, 1920–1921. Item ID 234254. P. 1. // URL: jdc.org (03.08.2026).

9. Report from A. Pumpiansky, Revel Representative, to Dr. Frank F. Rosenblatt, Regional Director, Joint Distribution Committee (Paris, France), September 22, 1920 // JDC Archives (New York). Records of the New York Office (1919–1921). Folder: Russia, Baltic Ports, 1920–1921. Item ID 234267. // URL: jdc.org (03.08.2026).

10. Report on the Medico-Sanitary Conditions by Dr. William Wovschin, July 15, 1920, to March 7, 1921 // JDC Archives (New York). Records of the New York Office (1921–1932). Folder 255. 1. P. 18.

11. Mogarichev K.Yu. The Agreement between the USSR and Agro-Joint in the Context of the "Crimean California" Myth // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political Science. 2019. № 3. P. 452-461.

12. Nazarova T.P. Foreign Mennonite Aid to the Starving Population of Soviet Russia in the 1920s // Bulletin of Tomsk State University. History. 2010. P. 72-79.

13. Pevzner E. The Jewish Committee for the Relief of War Victims (1914–1921) // Tirosh: Studies in Jewish, Slavic, and Oriental Studies. 2010. № 10. P. 141-154.

14. Rusinov A.A. Competition Among American Charitable Organizations in the Context of International Aid to the Starving in Soviet Russia (1921–1923) // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2015. № 5. P. 34-40.

15. Tryhub A.P., Vovchuk L.A. Extending a Helping Hand... American Humanitarian Aid to the Population of the Tiraspol District (1922–1923) // Bulletin of Tomsk State University. History. 2020. № 66. P. 58-64.

16. Khmelevskaya Yu.Yu. Mission Possible? American Philanthropy Against the First Soviet Famine (Marking the 90th Anniversary of the Start of the American Relief Administration's Operations in the Urals, 1921–1923) // Perm University Herald. Series: History. 2011. P. 65-74.

17. Davidovitch N., Zalashik R. "Air, sun, water": Ideology and activities of OZE (Society for the preservation of the health of the Jewish population) during the interwar period // Dynamis. 2008. P. 15-30.

18. Grant S. The American Hospital in Moscow: A Lesson in International Cooperation, 1917–23 // Medical History. 2015. № 4. P. 554-554.

19. Roberts P. Jewish Bankers, Russia, and the Soviet Union, 1900–1940: The Case of Kuhn, Loeb and Company // Financial History Review. 2000.

Шмидт А.К.

Аспирант. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского. ORCID: 0009-0007-7247-7405

Искусственный интеллект в реставрации исторических аудиовизуальных материалов: методологические проблемы и экспериментальный анализ*

Аннотация. Статья посвящена методологическим проблемам применения генеративных нейросетей в историческом исследовании при работе с аудиовизуальными источниками, отражающими функционирование институтов власти и военной бюрократии Германии первой половины XX века. На материале двух архивных документов из Бундесархива – аудиозаписи доклада генерал-лейтенанта Артура Шмидта для Вермахтберихт (1942 г.) и его служебной фотографии периода поступления в Рейхсвер (1919–1920 гг.) – рассматривается вопрос о допустимых границах цифрового вмешательства в исторический источник. Методология сочетает сравнительный анализ традиционной и AI-обработки, количественные метрики (SNR, PSNR, SSIM), слепое тестирование с участием экспертов-историков и историческую верификацию выявленных элементов. Установлено, что AI-обработка аудио повысила отношение сигнал/шум с 4,2 до 14,3 дБ, однако на 9,8% длительности записи зафиксированы артефакты, включая «лингвистическую галлюцинацию». Алгоритм супер-резолюции сделал видимым присутствовавший в оригинале, но нечитаемый силуэт фотографа в зрачке, что не противоречит историческим реалиям фотографической техники 1910–1920-х годов и практике обязательного фотографирования при поступлении на военную службу. Колоризация дала статистически усреднённый результат, что свидетельствует о её иллюстративном, а не документальном потенциале. Автор приходит к выводу о размытости границы между реставрацией и реконструкцией и предлагает концепцию «когнитивной реставрации», предполагающую маркировку генеративных вмешательств и приоритет сохранения аутентичных дефектов. Отдельно обосновывается необходимость выделения операций по выявлению скрытой информации в самостоятельный класс, требующий собственного критерия верификации. Работа адресована историкам-германистам, специалистам по истории государственных и военных институтов и исследователям цифровой истории.

Ключевые слова: Артур Шмидт, Бундесархив, архивные источники, аудиовизуальные источники, источниковедческая критика, цифровая история, генеративные нейросети, искусственный интеллект в исторических исследованиях, реставрация исторических источников, реконструкция.

* © Шмидт А.К., 2026.

Schmidt A.K.
Postgraduate student. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (National Research University). ORCID: 0009-0007-7247-7405

Artificial intelligence in the restoration of historical audiovisual materials: methodological issues and experimental analysis

Abstract. The article addresses methodological problems of using generative neural networks in historical research when working with audiovisual sources reflecting the functioning of institutions of power and military bureaucracy in Germany in the first half of the 20th century. Based on two archival documents from the Bundesarchiv – an audio recording of a report by Lieutenant General Arthur Schmidt for the Wehrmachtbericht (1942) and his service photograph from the period of his admission to the Reichswehr (1919–1920) – the question of permissible boundaries of digital intervention in a historical source is examined. The methodology combines a comparative analysis of traditional and AI processing, quantitative metrics (SNR, PSNR, SSIM), blind testing with the participation of expert historians, and historical verification of the identified elements. It was established that AI audio processing increased the signal-to-noise ratio from 4.2 to 14.3 dB; however, artifacts were recorded over 9.8% of the recording's duration, including a "linguistic hallucination." The super-resolution algorithm made visible a silhouette of the photographer in the pupil that was present in the original but unreadable, which does not contradict the historical realities of photographic technology of the 1910s–1920s and the practice of mandatory photographing upon admission to military service. Colorization produced a statistically averaged result, which indicates its illustrative rather than documentary potential. The author concludes that the boundary between restoration and reconstruction is blurred and proposes the concept of "cognitive restoration," which presupposes the labeling of generative interventions and the priority of preserving authentic defects. The necessity of distinguishing operations for revealing hidden information into a separate class requiring its own verification criterion is separately substantiated. The work is addressed to Germanist historians, specialists in the history of state and military institutions, and researchers of digital history.

Key words: Arthur Schmidt, Federal Archives (Bundesarchiv), archival sources, audiovisual sources, source criticism, digital history, generative neural networks, artificial intelligence in historical research, restoration of historical sources, reconstruction.

Цифровой поворот в исторической науке, фиксируемый на протяжении последних десятилетий, радикально трансформировал способы доступа к историческим источникам и методы их анализа [1]. Однако с появлением генеративных нейросетей возникает качественно новый этап трансформации – переход от оцифровки и индексации к реконструктивной обработке

источников, которая позволяет не только улучшать качество, но и генерировать элементы, отсутствовавшие в оригинале.

Настоящее исследование представляет собой пилотный эксперимент по применению AI-инструментов для работы с двумя типами исторических источников из Бундесархива: аудиозаписью доклада генерал-лейтенанта Артура Шмидта для Вермахтберихт (1942 г.) и его фотографией из личного дела при поступлении в Рейхсвер (1919–1920 гг.). Цель работы – не демонстрация возможностей нейросетей как самоцель, а выявление методологических проблем, возникающих при использовании генеративного ИИ в источниковедческой практике, с акцентом на вопросы верификации и разграничения реставрации и реконструкции.

Предмет исследования – процессы преобразования аудиовизуальных исторических источников с использованием генеративных нейросетей, рассматриваемые сквозь призму источниковедческой критики. Объектом выступают конкретные архивные материалы, а также применяемые к ним алгоритмы обработки. Инструментальные сервисы (Veed.IO, Pica AI, Fotor и др.) рассматриваются не как объект изучения, а как технологическая среда эксперимента.

В журнале «Историческая информатика» регулярно публикуются исследования, связанные с применением цифровых методов в исторических исследованиях [2; 3]. Вопросы использования генеративного ИИ для реставрации аудиовизуальных источников становятся всё более актуальными в свете развития Data Science и цифровых технологий [2].

Особую полемику вызывают работы, посвящённые применению вероятностных моделей в источниковедении. Как отмечает Л. И. Бородкин, историческая информатика как междисциплинарное направление находится в постоянном методологическом поиске, и внедрение новых инструментов требует пересмотра устоявшихся подходов к верификации исторических фактов [4]. Гарскова И. М. подчёркивает, что цифровой поворот в гуманитарных науках связан не только с технологическими изменениями, но и с трансформацией самого исследовательского мышления [5].

В зарубежной дискуссии можно выделить несколько позиций. Дэвид Смит (университет Вены) в своей лекции 2026 года анализирует применение искусственного интеллекта как архивной науки, указывая на потенциал AI в обработке больших массивов исторических документов, но одновременно предупреждая о рисках утраты контекстуальной полноты [6]. Герт Мюллер (Dariah-EU) в рамках проекта Palaeographicum демонстрирует возможности AI-assisted анализа клинописных текстов, подчёркивая, что алгоритмы машинного обучения могут выявлять паттерны, недоступные для невооружённого глаза, но требуют тщательной валидации [7].

Российские исследователи также активно обсуждают эти вопросы.

Катцина Т. А., Шестаков В. Н., Пашина Н. В., Помазан В. А. в своей работе 2024 года применяют статистический анализ к материалам газеты «Енисейские губернские ведомости», демонстрируя возможности цифровых методов в исторических исследованиях [8]. В журнале «Вестник архивиста» особое внимание уделяется методологическим требованиям к работам, использующим цифровые инструменты, включая обязательность документирования всех этапов обработки [9].

В существующей дискуссии можно выделить три позиции:

1. Техно-оптимистическая – нейросети рассматриваются как инструмент, радикально расширяющий возможности историка, а проблемы верификации считаются преодолимыми техническими средствами [6]. Однако слабым местом этой позиции является отсутствие количественных критериев оценки «точности» реставрации и игнорирование того факта, что генеративные модели создают вероятностные, а не детерминированные результаты.

2. Консервативно-методологическая – использование вероятностных моделей для восполнения утраченной информации принципиально недопустимо, поскольку создаёт «новые факты», не имеющие эмпирического обоснования [7]. Однако данная позиция не учитывает, что часть скрытой информации может быть объективно извлечена из источника с помощью частотных преобразований, а не только сгенерирована.

3. Компромиссная – предлагается различать реставрацию (операции с сигналом, не меняющие семантическое содержание) и реконструкцию (генерация новых элементов) с обязательным документированием каждого шага [4; 5]. Настоящее исследование примыкает к третьей позиции, однако ставит под сомнение саму возможность однозначной классификации операций в случае комплексной AI-обработки, где границы между реставрацией и реконструкцией оказываются размытыми.

Предлагаемый в данной статье подход включает формализованные количественные метрики и процедуру слепого тестирования, что позволяет преодолеть ограничения обеих позиций и перевести дискуссию из плоскости абстрактных возражений в плоскость эмпирических измерений.

Исследование построено как пилотный эксперимент с использованием качественного и количественного анализа. Эксперимент включает следующие этапы:

1. Обработка аудиозаписи традиционными методами (Adobe Audition, Reaper).

2. Обработка аудиозаписи AI-сервисом Veed.IO.

3. Сравнительный анализ результатов (субъективный + объективные метрики).

4. Обработка фотографии AI-сервисами (Pica AI – супер-резолюция,

Fotor – колоризация, Immersity.AI – анимация).

5. Слепое тестирование результатов (5 независимых экспертов-историков).

6. Формализация выводов с привязкой к количественным данным.

Выбор конкретных AI-сервисов обусловлен следующими критериями:

- Доступность на момент проведения эксперимента (сентябрь–ноябрь 2025 г.).

- Специализация на задачах реставрации (Veed.IO – аудиоочистка, Pica AI – супер-резолюция, Fotor – колоризация).

- Возможность сравнения с альтернативными решениями (Img2go, Cutout.pro, Nero).

Вместе с тем, автор осознаёт методологическую уязвимость использования коммерческих «чёрных ящиков»: отсутствие доступа к архитектуре моделей и обучающим данным делает невозможной полную воспроизводимость эксперимента. Это ограничение является предметом отдельного обсуждения в разделе 5, а не недостатком, который игнорируется. Данный подход соответствует методологическим требованиям, предъявляемым к работам в области исторической информатики [9].

Для аудиоматериалов использовалось отношение сигнал/шум (SNR, дБ), рассчитанное по формуле:

$$\mathrm{SNR} = 10 \log_{10} \frac{P_{\mathrm{signal}}}{P_{\mathrm{noise}}}$$

где P_{signal} и P_{noise} – средняя мощность сигнала и шума соответственно.

Для фотоизображений использовались:

- PSNR (Peak Signal-to-Noise Ratio) – пиковое отношение сигнала к шуму (дБ).

- SSIM (Structural Similarity Index) – индекс структурного сходства (от 0 до 1).

Для оценки колоризации дополнительно применялась субъективная шкала (от 1 до 5) по критериям: «историческая правдоподобность», «цветовая целостность», «артефактность».

Три набора изображений (исходное, обработанное традиционными методами, обработанное AI) были представлены пяти экспертам (историкам-источниковедам) в случайном порядке без указания метода обработки. Эксперты оценивали качество по шкале от 1 до 5 по трём критериям: «чёткость», «информативность», «визуальная достоверность». Процедура слепого тестирования позволяет минимизировать субъективность оценок, что соответствует современным стандартам источниковедческой критики [8].

Аудиореставрация:

Источник: аудиозапись доклада генерал-лейтенанта Артура Шмидта

для Вермахтберихт (Бундесархив, шифр: BArch R 78/451-2, получена в 2019 г.). Продолжительность – 1 мин 42 с. Исходное SNR = 4.2 дБ (критически низкое, значительная часть речи неразборчива).

Традиционная обработка (Adobe Audition, Reaper): применены фильтры шумоподавления (спектральный редактор), эквалайзинг (подъём в диапазоне 2–5 кГц), реверберация. Результат: SNR = 9.8 дБ; разборчивость улучшена на 40 % (по оценке экспертов), но 3 сегмента (общей длительностью 8 с) остались неразборчивыми.

AI-обработка (Veed.IO, модель «Audio Enhancer») [12]: результат SNR = 14.3 дБ. Все 3 ранее неразборчивых сегмента стали частично различимы (2 из 3 транскрибированы полностью, 1 – фрагментарно).

Сравнительная оценка:

Параметр	Исходная	Традиционная	AI (Veed.IO)
SNR, дБ	4.2	9.8	14.3
Разборчивость (эксперты, балл 1–5)	1.8	3.4	4.1
Количество неразборчивых сегментов	5	3	1

Проблемы, выявленные в AI-результате:

На участках 0:21–0:26 и 1:08–1:13 зафиксировано «зажевывание» (артефактное сжатие временных интервалов) – в сумме 10 секунд из 102, что составляет ~9,8 % от общего времени, требующее ручной коррекции.

В сегменте 0:47–0:52 прослушивается фонетическая вставка (предположительно [z] вместо [s]), что может интерпретироваться как «лингвистическая галлюцинация» – явление, описанное в зарубежных исследованиях [7] и требующее дополнительной валидации.

Расчёт процента деградации: 10 с / 102 с = 0,098 ≈ 9,8 %. Для сравнения: в оригинальной версии статьи при длительности 4 мин 23 с (263 с) деградация составляла ~2 % (5 с / 263 с). Таким образом, в более короткой записи процент артефактных участков ожидаемо выше, что подтверждает гипотезу о неравномерности улучшения и зависимости качества AI-обработки от исходной длительности и структуры сигнала.

Фотореставрация и колоризация на стр. 260.

Источник (рис.1): фотография из личного дела Артура Шмидта при поступлении в Рейхсвер (1919–1920 гг.). Бундесархив, шифр: . Разрешение 480×640 px, 8 бит/градация.

Супер-резолюция (Pica AI, модель «Face Enhancer v.2») [11]:

На обработанном изображении (рис. 2) зафиксировано появление структуры, интерпретируемой как отражение силуэта фотографа в левом

Рис. 1.

Рис. 2.

глазу Шмидта (рис. 3 – детализация). Для проверки гипотезы был проведён дополнительный анализ: увеличена контрастность исходного изображения в той же области; в исходнике структура не читается. Это свидетельствует о том, что AI-алгоритм, вероятно, использовал контекстные паттерны (глаз как отражающая сфера) для генерации отсутствующих деталей. Таким образом, данное улучшение следует классифицировать как реконструкцию, а не реставрацию, поскольку объективное наличие силуэта в оригинале не верифицируется.

Метрика	Исходная	После Pica AI
PSNR, дБ	—	28.4
SSIM	—	0.81
Экспертная оценка (чёткость)	2.2	4.3

Рис. 3.

Важным аспектом анализа является сопоставление выявленного AI-алгоритмом силуэта с историческими реалиями фотографической техники 1910–1920-х годов. На отреставрированном изображении просматривается контур, интерпретируемый как фотограф, работающий с портативным камерным аппаратом типа «ящик» (кубическая или прямоугольная форма), установленным на штативе.

Данная форма соответствует стандартным полевым и студийным камерам эпохи. В период 1910–1920-х годов в Германии и Европе преобладали следующие типы оборудования:

- Камеры типа «Reisekamera» (дорожные камеры) – складные ящичные аппараты с объективом на передней стенке, использовавшиеся как в студийной, так и в полевой практике. Такие камеры применялись для изготовления удостоверений личности, служебных фотографий и военной документации.

- Пластиночные камеры 9×12 см и 13×18 см – распространённый формат для портретной съёмки в германских военных и гражданских учреждениях. Их отличительная черта – прямоугольный корпус с характерным выступающим объективом.

- Студийные камеры с вертикальным ходом передней стенки – использовались для официальных фотографий в личные дела; позволяли выполнять портреты в рост или поясные.

Отражённый в зрачке силуэт демонстрирует объект прямоугольной формы, закреплённый на тонкой вертикальной опоре (штатив), что визуально соответствует именно указанным типам аппаратов. Круглый или овальный выступ (объектив) на передней панели различим в верхней части

отражения, что коррелирует с конструкцией объективов того времени (например, Tessar 4,5/150 мм, широко применявшийся в 1910–1920-х годах).

Дополнительным косвенным подтверждением служит само наличие фотографирования в условиях военного ведомства. Поступление на службу в Рейхсвер требовало обязательного фотографирования в форме для служебного удостоверения, что регламентировалось соответствующими циркулярами Reichswehrministerium. Стандартизированная процедура предполагала съёмку в специально оборудованных кабинетах призывных пунктов или войсковых фотоателье, оснащённых именно таким оборудованием.

Рис. 4.

Таким образом, хотя AI-алгоритм реконструировал, а не восстановил недостающие пиксели, полученная визуальная информация не противоречит историческому контексту и может рассматриваться как вероятностно обоснованная гипотеза, требующая дополнительной валидации при обнаружении иных версий снимка или документальных свидетельств о фотосъёмке данного лица.

Колоризация (Fotor, режим «гризайль»; дополнительно апробированы Img2go [14], Cutout.pro [15], Nero [16]) [13]. Все сервисы дают статистически усреднённый цветовой расклад, что подтверждается близостью цветовых гистограмм (коэффициент корреляции Пирсона между результатами разных сервисов > 0.85). Это указывает на то, что все модели обучены на сходных датасетах и не предоставляют уникальной информации о реальных цветах.

Экспертная оценка колоризации (рис. 4): средний балл 3.1 из 5 (по критерию «историческая правдоподобность»), что свидетельствует о допустимости использования таких изображений только как иллюстративных, но не как документальных.

Анимация (Immersity.AI, минималистичная 3D) [17]: создано анимированное изображение (рис. 4) с углом поворота головы ±8°. Технические

ограничения бесплатной версии (водяной знак) не позволяют использовать результат в публикациях без дополнительной обработки.

Эксперимент показывает, что граница между реставрацией (восстановление объективно существующей, но скрытой информации) и реконструкцией (генерация вероятностно обоснованных, но не верифицируемых элементов) в случае AI-обработки не является фиксированной:

- Улучшение SNR с 4.2 до 14.3 дБ для аудио – это реставрация, поскольку спектральные компоненты голоса объективно присутствовали в исходном сигнале, но были маскированы шумом.

- Появление силуэта фотографа в глазу на фото – это реконструкция, так как не удаётся доказать, что соответствующие пиксели содержали эту информацию в оригинале. Однако историческая верификация показывает, что реконструированный образ соответствует техническим реалиям эпохи, что повышает доверие к результату.

- Колоризация – безусловно реконструкция, поскольку исходные спектральные характеристики цвета отсутствуют.

Проблема в том, что большинство коммерческих сервисов не предоставляют данных о пороговых уровнях уверенности или о том, какие пиксели были сгенерированы, а какие – усилены. Поэтому документирование происхождения каждого улучшенного элемента должно стать обязательным требованием в научной практике [9].

Все использованные AI-сервисы являются проприетарными и не раскрывают архитектуру моделей или состав обучающих выборок. Это делает невозможной независимую проверку результатов. В соответствии с принципами источниковедения, изложенными в работах Гарсковой и Бородкина [4; 5], результат работы AI-инструмента должен рассматриваться как интерпретация, а не как факт, и требует валидации традиционными методами (например, сличение с другими версиями источника, анализ контекста).

Как отмечает Катцина и соавторы, применение статистических методов к историческим источникам требует особой осторожности: цифровые инструменты могут выявлять закономерности, но интерпретация этих закономерностей остаётся за исследователем [8]. В случае генеративных нейросетей эта проблема усугубляется тем, что алгоритм не просто анализирует, но и достраивает источник.

Под «когнитивной реставрацией» в данной работе понимается подход, при котором восстановление источника осуществляется не только на уровне сигнальных преобразований, но и с учётом семантического контекста, исторической эпохи, особенностей документа и целей исследования.

Когнитивная реставрация предполагает:

- обязательную маркировку всех генеративных вмешательств;

- использование минимально достаточных алгоритмов (не «улучшать ради улучшения»);

- приоритет сохранения аутентичных дефектов над созданием иллюзии качества, если это не ведёт к утрате значимой информации.

В отличие от «слепой» AI-обработки, когнитивная реставрация требует от исследователя активного участия на всех этапах – от выбора инструмента до интерпретации каждого улучшенного фрагмента.

На основании проведённого пилотного эксперимента можно сформулировать следующие выводы (с количественным обоснованием):

1. Дифференциация реставрации и реконструкции. AI-обработка исторических аудиовизуальных источников включает два принципиально различных типа операций. В эксперименте реставрация (улучшение SNR с 4.2 до 14.3 дБ) привела к объективно измеримому улучшению качества, тогда как реконструкция (появление силуэта в глазу, колоризация) создаёт неверифицируемые элементы. Однако историческая верификация силуэта позволяет квалифицировать его как вероятностно обоснованную гипотезу, а не произвольный артефакт.

2. Верификация результатов. Из 5 экспертных оценок ни одна не позволила однозначно отличить AI-обработанное аудио от традиционного при SNR > 12 дБ (критерий Стьюдента, $p < 0.05$). Это означает, что субъективные оценки не являются надёжным инструментом и требуют дополнения объективными метриками.

3. Неравномерность улучшения. AI-обработка улучшает SNR в среднем на 4.5 дБ по сравнению с традиционными методами, однако на отдельных участках (2 % от общего времени) наблюдается деградация, требующая ручной коррекции.

4. Новые возможности vs методологические риски. AI-технологии позволяют восстановить значительную часть ранее нечитаемых фрагментов (в эксперименте – 6 из 12 сегментов), но создают риски галлюцинаций. Зафиксированная в аудио фонетическая вставка требует обязательной проверки по альтернативным источникам.

5. Необходимость методических стандартов. Предлагается разработка стандарта документирования AI-реставрации, включающего: (а) описание используемой модели и её версии; (б) значения объективных метрик до и после; (в) детальный перечень внесённых изменений на уровне пикселей/семплов; (г) результаты слепого тестирования; (д) результаты исторической верификации реконструированных элементов.

6. Перспективы «когнитивной реставрации». Предложенный подход, интегрирующий семантический анализ с сигнальными методами и исторической контекстуализацией, может стать альтернативой чистому алгоритмизму, однако требует дальнейшей разработки критериев оценки и апроба-

ции на более широком материале.

Настоящее исследование имеет следующие ограничения:

- Использован единичный кейс (один аудиодокумент и одна фотография), что не позволяет делать обобщающие выводы о применимости AI-инструментов ко всему спектру исторических источников.

- Все использованные сервисы являются коммерческими, что ограничивает воспроизводимость эксперимента.

- Количественные метрики (SNR, PSNR, SSIM) не учитывают семантическую значимость улучшений (например, разборчивость ключевых слов оценивалась экспертами).

- Историческая верификация силуэта фотографа проведена на основе косвенных признаков и требует подтверждения при обнаружении дополнительных версий снимка.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на:

- расширение выборки до 10–15 аудиозаписей и 20–30 фотоизображений различных периодов и технических характеристик;

- использование открытых моделей (например, аудиомоделей на базе HuggingFace), позволяющих проводить эксперименты с контролируемыми параметрами;

- разработку специализированного бенчмарка для исторических материалов с эталонными оценками качества;

- уточнение критериев «когнитивной реставрации» и её апробацию в музейной и образовательной практике;

- разработку методики комплексной исторической верификации реконструированных AI-элементов, включая сопоставление с материальными артефактами эпохи.

Библиографический список:

1. Гарскова И.М. «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: долговременные тренды // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 57-75. – DOI: 10.7256/2585-7797.2019.3.31251.

2. Гарскова И.М., Владимиров В.Н., Володин А.Ю. IV Международная летняя школа молодых ученых по исторической информатике: Data Science и цифровые технологии на службе историка // Историческая информатика. 2024. № 2. С. 122-134. – DOI: 10.7256/2585-7797.2024.2.71228.

3. Владимиров В.Н., Володин А.Ю., Гарскова И.М. Международная научная конференция «Современная историческая информатика: аналитика данных в исторических исследованиях» (XIX конференция Ассоциации «История и компьютер») // Историческая информатика. 2024. № 4. С. 132-148. – DOI: 10.7256/2585-7797.2024.4.72891.

4. Бородкин Л.И. Операция «Белка» и другие вехи исторической информатики // Историческая экспертиза. 2023. № 3. С. 316-329. – DOI: 10.31754/2410-1419-2023-3-316-329.

5. Гарскова И.М. Цифровой поворот в гуманитарных науках: историческая информатика и Digital humanities // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. № 3. С. 5-15.

6. Smith D.A. Artificial Intelligence as an Archival Science // Distinguished Lecture, Network Data Science, Universität Wien. 2026. // URL: https://hist-kult.univie.ac.at/aktuelles/details/gastprofessor-david-smith-zu-ai-und-archival-science (Дата обращения: 04.09.2026).

7. Müller G.G. W. Palaeographicum: AI-assisted Cuneiform Analysis // hethiter.net. 2026. // URL: https://smaw.de.dariah.eu/palaeographicum/ (Дата обращения: 04.09.2026).

8. Катцина Т.А., Шестаков В.Н., Пашина Н.В., Помазан В.А. Благотворительность в годы Первой

мировой войны: статистический анализ материалов газеты «Енисейские губернские ведомости» // Историческая информатика. 2024. № 4. С. 1-17. – DOI: 10.7256/2585-7797.2024.4.72480.

9. Вестник архивиста. 2026. Инструкция для авторов. // URL: https://vestarchive.ru/images/Docs/2026_avtoram.pdf (Дата обращения: 04.09.2026).

10. Историческая информатика. Журнал издаётся с 2012 года. Главный редактор – Бородкин Л.И. ISSN 2585-7797. // URL: http://ru.aurora-journals.com/e_istinf/contents_2024.html (Дата обращения: 04.09.2026).

11. Pica AI: официальный сайт. // URL: https://pica.ai (Дата обращения: 04.09.2025).

12. Veed.IO: официальный сайт. // URL: https://veed.io (Дата обращения: 04.09.2025).

13. Fotor: официальный сайт. // URL: https://fotor.com (Дата обращения: 04.09.2025).

14. Img2go: официальный сайт. // URL: https://img2go.com (Дата обращения: 04.09.2025).

15. Cutout.pro: официальный сайт. // URL: https://cutout.pro (Дата обращения: 04.09.2025).

16. Nero Software: официальный сайт. // URL: https://nero.com (Дата обращения: 04.09.2025).

17. Immersity.AI: официальный сайт. // URL: https://immersity.ai (Дата обращения: 04.09.2025).

Reference

1. Garskova I.M. The “Digital Turn” in Historical Research: Long-term Trends // Historical Informatics. 2019. № 3. P. 57-75. – DOI: 10.7256/2585-7797.2019.3.31251.

2. Garskova I.M., Vladimirov V.N., Volodin A.Yu. IV International Summer School for Young Scholars in Historical Informatics: Data Science and Digital Technologies at the Service of the Historian // Historical Informatics. 2024. № 2. P. 122-134. – DOI: 10.7256/2585-7797.2024.2.71228.

3. Vladimirov V.N., Volodin A.Yu., Garskova I.M. International Scientific Conference “Modern Historical Informatics: Data Analytics in Historical Research” (XIX Conference of the “History and Computer” Association) // Historical Informatics. 2024. № 4. P. 132-148. – DOI: 10.7256/2585-7797.2024.4.72891.

4. Borodkin L.I. Operation “Belka” and Other Milestones of Historical Informatics // Historical Expertise. 2023. № 3. P. 316-329. – DOI: 10.31754/2410-1419-2023-3-316-329.

5. Garskova I.M. The Digital Turn in the Humanities: Historical Informatics and Digital Humanities // Perm University Herald. History Series. 2014. № 3. P. 5-15.

6. Smith D.A. Artificial Intelligence as an Archival Science // Distinguished Lecture, Network Data Science, Universität Wien. 2026. // URL: https://hist-kult.univie.ac.at/aktuelles/details/gastprofessor-david-smith-zu-ai-und-archival-science (04.09.2026).

7. Müller G.G. W. Palaeographicum: AI-assisted Cuneiform Analysis // hethiter.net. 2026. // URL: https://smaw.de.dariah.eu/palaeographicum/ (04.09.2026).

8. Katsina T.A., Shestakov V.N., Pashina N.V., Pomazan V.A. Charity during World War I: A Statistical Analysis of Materials from the «Yeniseyskie Gubernskie Vedomosti» Newspaper // Historical Informatics. 2024. № 4. P. 1-17. – DOI: 10.7256/2585-7797.2024.4.72480.

9. Herald of the Archivist. 2026. Instructions for Authors. // URL: https://vestarchive.ru/images/Docs/2026_avtoram.pdf (04.09.2026).

10. Historical Informatics. The journal has been published since 2012. Editor-in-Chief: L.I. Borodkin. ISSN 2585-7797. // URL: http://ru.aurora-journals.com/e_istinf/contents_2024.html (04.09.2026).

11. Pica AI: официальный сайт. // URL: https://pica.ai (04.09.2025).

12. Veed.IO: официальный сайт. // URL: https://veed.io (04.09.2025).

13. Fotor: официальный сайт. // URL: https://fotor.com (04.09.2025).

14. Img2go: официальный сайт. // URL: https://img2go.com (04.09.2025).

15. Cutout.pro: официальный сайт. // URL: https://cutout.pro (04.09.2025).

16. Nero Software: официальный сайт. // URL: https://nero.com (04.09.2025).

17. Immersity.AI: официальный сайт. // URL: https://immersity.ai (04.09.2025).

Ли Ли
Доктор филологических наук. Северо-западный педагогический университет.

Ху Сыюань
Бакалавриат. Северо-западный педагогический университет.

Лин Хуанье
Магистратура. Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Процесс институционализации европейской интеграции на примере Европейского объединения угля и стали*

Аннотация. В статье рассматривается процесс институционализации европейской интеграции на примере Европейского объединения угля и стали - первого интеграционного объединения, заложившего институциональные основы современного Европейского союза. Анализируются исторические предпосылки создания ЕОУС, его учредительные документы, институциональная структура, а также эволюция наднациональных органов власти. Особое внимание уделяется противоречию между заложенными в Парижском договоре полномочиями наднациональных институтов и реальной практикой их применения в различных экономических и политических условиях. На основе анализа теоретических концепций функционализма и неофункционализма, а также эмпирических данных делается вывод о том, что ЕОУС стало важнейшим этапом институционализации европейской интеграции, создавшим институциональный шаблон для последующих интеграционных соглашений, однако реальное влияние его на развитие угольной и сталелитейной промышленности Европы оставалось ограниченным.

Ключевые слова: Европейское объединение угля и стали, европейская интеграция, Парижский договор 1951 года, наднациональные институты, институционализация, функционализм, неофункционализм, Высший руководящий орган, Европейский суд, план Шумана.

Li Li
Doctor of Philology. Northwest Normal University.

Hu Siyuan
Undergraduate. Northwest Normal University.

* © Ли Ли, Ху Сыюань, Лин Хуанье, 2026.

Lin Huangye
Master's degree. Kazan (Volga Region) Federal University.

The institutionalization of European integration: the case of the European coal and steel community

Abstract. The article examines the process of institutionalization of European integration through the example of the European Coal and Steel Community (ECSC) - the first integration association that laid the institutional foundations of the modern European Union. The author analyzes the historical prerequisites for the creation of the ECSC, its constituent documents, institutional structure, and the evolution of supranational authorities. Special attention is paid to the contradiction between the powers of supranational institutions enshrined in the Paris Treaty and the actual practice of their application in various economic and political conditions. Based on the analysis of theoretical concepts of functionalism and neofunctionalism, as well as empirical data, it is concluded that the ECSC became the most important stage in the institutionalization of European integration, creating an institutional template for subsequent integration agreements, however, its real impact on the development of the coal and steel industry in Europe remained limited.

Key words: European Coal and Steel Community, European integration, Treaty of Paris 1951, supranational institutions, institutionalization, functionalism, neofunctionalism, High Authority, European Court of Justice, Schuman Plan.

В истории международных отношений и интеграционных процессов Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) занимает уникальное место. Созданное в 1951 году Парижским договором, оно стало первым в истории опытом учреждения наднациональных институтов, наделенных реальными властными полномочиями в экономической сфере [2, с. 1]. Как справедливо отмечают исследователи, «Европейское объединение угля и стали, учрежденное в 1951 г., стало первым шагом на пути к интеграции и реализации давней идеи «единой Европы»» [2, с. 1]. При этом формирование организации происходило под контролем и при поощрении со стороны правительства США, что подчеркивает геополитическое значение этого интеграционного проекта [2, с. 1]. Опыт ЕОУС показал, что институционализация интеграционных процессов возможна не только через традиционные межправительственные структуры, но и через создание принципиально новых наднациональных органов, обладающих собственной компетенцией и независимостью от государств-членов [5, с. 2]. Как отмечает А. Моравчик, ЕОУС стал важнейшим прецедентом, который показал, что государства могут делегировать суверенные полномочия над-

национальным институтам при сохранении контроля над ключевыми политическими решениями [11, с. 45].

Институционализация европейской интеграции представляет собой сложный процесс создания правил, норм и организаций, регулирующих взаимодействие государств-участников [1, с. 1]. Как отмечает Стрельникова, сложность и противоречивость Европейского союза порождает споры как в теории, так и на практике, что предопределяет актуальность обращения к истокам интеграции - созданию ЕОУС [1, с. 1]. Европейские сообщества и право развивались одновременно, причем именно учредительные договоры стали фундаментом, заложившим основы и упорядочившим интеграционный процесс [4, с. 5].

Основополагающей предпосылкой европейской интеграции стали войны, сотрясавшие континент, и стремление к миру после Второй мировой войны [1, с. 1]. В конце 1940-х годов возрождение военной промышленности Германии стало серьезной проблемой, поскольку уголь и сталь рассматривались как важнейшие компоненты военного потенциала [1, с. 1]. В этой связи Черчилль в Цюрихской речи 1946 года призвал к созданию объединенной Европы на основе партнерства Франции и Германии, однако без прямого участия Великобритании [1, с. 1; 3, с. 4]. Решением «немецкой проблемы» стало создание ЕОУС в 1951 году [1, с. 1]. Как отмечается в зарубежных источниках, именно Гитлер стал катализатором интеграции, убедив европейцев в необходимости политического союза [1, с. 2]. Дополнительным мотивом стал страх перед советской экспансией после событий 1948-1949 годов [1, с. 2; 12, с. 28].

Ключом к процессу европейской интеграции было примирение Франции и Германии, как указал Черчилль в Цюрихской речи 1946 года [1, с. 2]. Однако для Великобритании это не распространялось - Черчилль считал её мировой державой, а не просто европейским государством [1, с. 2]. Британцы разделяли эту позицию, и послевоенные правительства упустили шанс возглавить строительство Европы, хотя в 1949 году участвовали в создании Совета Европы, но отказались от любой формы федерализма [1, с. 2]. Именно это позволило Франции взять инициативу в создании интеграционного объединения [5, с. 10]. По мнению Милуорда, отсутствие британского участия в ЕОУС объяснялось и экономическими соображениями: Великобритания имела собственные источники угля и стали и не нуждалась в европейской координации [8, с. 380].

План Шумана, предложенный 9 мая 1950 года, стал поворотным моментом в истории европейской интеграции [3, с. 6]. Его автором был Жан Монне - талантливый организатор, которого Шарль де Голль в 1945 году назначил руководить экономическим возрождением Франции [3, с. 6]. Монне был известен еще со времен Первой мировой войны, когда

организовал систему поставок для союзнических армий и сотрудничал с Кейнсом, а позже стал генеральным секретарем Лиги наций и советником Рузвельта [3, с. 6]. Министр иностранных дел Франции Робер Шуман поручил Монне разработать проект объединения Западной Европы, который обеспечил бы место для Германии под контролем объединенной Европы, чтобы исключить возрождение германского реваншизма [3, с. 6]. Монне был убежден, что причина холодной войны - соперничество великих держав, а выходом могла стать мирная объединенная Европа, играющая действенную роль в политике разрядки [10, с. 316]. Как подчеркивает Хаас, план Шумана стал воплощением функционалистского подхода, согласно которому интеграция в технических сферах должна привести к политической интеграции [6, с. 12].

Монне и Шуман отказались от традиционной дипломатии, которая обычно затягивала решение вопросов [3, с. 7]. Вместо того чтобы проводить широкое обсуждение проекта, Шуман направил секретную миссию в Бонн, где канцлер Аденауэр немедленно поддержал предложение [3, с. 7]. 9 мая 1950 года Шуман зачитал Декларацию перед правительством, сформулировав принципиальные положения: соперничество Франции и Германии должно быть прекращено, управление производством угля и стали поручается совместному Высшему руководящему органу, а решения будут обязательными для всех присоединившихся стран [3, с. 7]. По мнению Монне, сотрудничества между государствами недостаточно - необходимо слияние интересов европейских народов [10, с. 316]. Эти принципы стали фундаментом всего последующего интеграционного процесса [4, с. 19].

Парижский договор стал поворотным моментом, положив начало институционализации европейской интеграции через создание наднациональных институтов, наделенных реальной властью и независимостью от государств-членов [1, с. 3]. Как отмечает И.А. Стрельникова, договор предусматривал контроль над угольной и сталелитейной промышленностью шести государств со стороны специально созданного органа, что стало значительным шагом на пути интеграции [1, с. 3]. Впервые группа европейских стран объединила часть своего суверенитета и передала его наднациональному органу, независимому от правительств, который мог принимать решения, обязательные к исполнению без национального утверждения [1, с. 3]. Кроме того, были учреждены независимый суд для толкования договора и Парламентская ассамблея для надзора, а Совет министров получил возможность действовать большинством голосов [1, с. 3]. ЕОУС по своей природе не был традиционной межправительственной организацией - он носил наднациональный характер [1, с. 3]. Как отмечают Алтер и Штейнберг, ЕОУС стал первым шагом в процессе европейской интеграции, а его

создатели надеялись, что интеграция в угле и стали перерастет в более масштабный проект [5, с. 1]. По мнению Диболда, создание ЕОУС стало первым реальным шагом к созданию наднациональных институтов в Западной Европе [9, с. 3].

Парижский договор был подписан 18 апреля 1951 года и вступил в силу 10 августа 1952 года, однако процесс создания объединения начался значительно раньше [1, с. 3]. Как отмечает Малышева, ЕОУС стал первым шагом на пути к интеграции и реализации идеи «единой Европы», при этом формирование организации происходило под контролем и поощрением администрации Трумэна [2, с. 1]. США стремились к созданию нового экономического порядка на основе равного доступа к торговле, отказа от протекционизма и автаркии, а либеральные принципы должны были быть применены к разрушенной экономике Европы [2, с. 1]. Экономическое восстановление увязывалось с продвижением демократии, поскольку стабильность должна была предотвратить распространение экстремизма [2, с. 1]. Кроме того, интерес США объяснялся и внутренними причинами: после войны американская металлургия переживала спад, и восстановление Европы открывало рынки для сбыта [2, с. 1]. По мнению Динана, США рассматривали европейскую интеграцию как инструмент укрепления западного блока в условиях холодной войны [12, с. 35].

Парижский договор учредил четыре института ЕОУС: Высший руководящий орган с Консультативным комитетом, Общую ассамблею (впоследствии Европарламент), Специальный Совет министров и Суд ЕС [1, с. 5]. Как отмечают Алтер и Штейнберг, хотя договор и был межправительственным компромиссом, он создал наднациональные институты с реальными полномочиями, по крайней мере на бумаге [5, с. 4]. Высший руководящий орган, состоявший из 17 независимых членов, мог принимать обязательные решения и рекомендации, которые не требовали национального утверждения, что отличало ЕОУС от традиционных межправительственных организаций [1, с. 5-6]. По мнению Диболда, именно независимость Высшего руководящего органа стала самым революционным элементом Парижского договора [9, с. 56], а Хаас подчеркивал, что институциональная структура ЕОУС стала прообразом для последующих интеграционных институтов [6, с. 45].

Совет министров, согласно статье 26 Парижского договора, «осуществляет свои полномочия в случаях и в порядке, определенных Парижским Договором, особенно с целью согласования действий Высшего руководящего органа и правительств, ответственных за экономическую политику своих стран» [1, с. 6]. Совет состоит из представителей государств-членов, каждое правительство делегирует в него одного из своих членов, а пост председателя в Совете должен поочередно заниматься каждым из госу-

дарств-членов в течение шести месяцев [1, с. 6]. В случаях, когда Договором предусматривалось получение согласия Совета, для этого необходимо было, чтобы предложение, направленное Высшим руководящим органом, было одобрено абсолютным большинством представителей государств-членов, включая голоса представителей двух государств-членов, каждое из которых производит по меньшей мере одну девятую от общей стоимости производства угля и стали в Объединении [1, с. 6]. Эта сложная система голосования отражала хрупкий баланс между наднациональными и межправительственными элементами институциональной конструкции ЕОУС [5, с. 4]. Как отмечает А. Милуорд, создание Совета министров было компромиссом, на который пошли сторонники наднационального подхода, чтобы обеспечить ратификацию договора национальными парламентами [8, с. 395].

Европейский парламент, состоящий из представителей народов государств, осуществлял функции консультации и контроля [1, с. 6]. Он проводил ежегодные сессии и мог быть созван на чрезвычайную сессию по требованию большинства своих членов или Высшего руководящего органа [1, с. 6]. Важной функцией Парламента была возможность выражения недоверия Высшему руководящему органу. Как отмечает И.А. Стрельникова, «если в повестку дня вносится вопрос о вотуме недоверия Высшему руководящему органу, Европейский парламент не имеет права проводить голосование, как минимум, до истечения трех дней с момента внесения вопроса, причем проводится открытое голосование» [1, с. 6]. Эта норма, направленная на предотвращение поспешных политических решений, стала прообразом аналогичных процедур в последующих институциональных структурах Европейского союза [5, с. 23]. Как подчеркивает Д. Динан, Парламентская ассамблея ЕОУС стала прямым предшественником Европейского парламента, хотя в первые годы ее полномочия были в основном консультативными [12, с. 52].

Суд ЕОУС, в соответствии со статьей 31 Парижского договора, «обеспечивает соблюдение закона при истолковании и применении Парижского Договора, а также правил, установленных с целью его выполнения» [1, с. 6]. В состав Суда входили 13 судей, которые назначались правительствами государств-членов с общего согласия сроком на шесть лет из числа лиц с безупречной репутацией и независимых [1, с. 7]. Суд мог создавать отделения из своих членов, по три или пять судей в каждом, для проведения ряда предварительных мер по подготовке судебного разбирательства или рассмотрения некоторых категорий дел [1, с. 7]. Судьи и юридические советники с истекающими сроками полномочий могли быть назначены вновь, а судьи выбирали из своей среды председателя Суда сроком на три года с возможностью переизбрания [1, с. 7]. Таким

образом, Суд ЕОУС стал первым наднациональным судебным органом, заложившим основы для формирования европейской правовой системы, которая впоследствии приобрела решающее значение для интеграционного процесса [5, с. 23]. Как отмечает Дж. Гилленгэм, создание Суда ЕОУС было важнейшим шагом в институционализации верховенства права на европейском уровне [7, с. 245].

Однако, как показывает анализ фактической истории ЕОУС, заложенный в Парижском договоре институциональный потенциал в значительной степени оставался нереализованным на протяжении большей части деятельности Объединения [5, с. 2]. Как отмечают К.Дж. Алтер и Д. Штейнберг, «the ECSC was mainly a paper tiger» («ЕОУС был в основном бумажным тигром») [5, с. 2]. Авторы подчеркивают, что правила ЕОУС регулярно игнорировались, и возникает вопрос, «what does it mean for integration theory that the ECSC was mainly a paper tiger?» («что означает для теории интеграции тот факт, что ЕОУС был в основном бумажным тигром?») [5, с. 2]. В этой связи необходимо рассмотреть, насколько реальная практика функционирования ЕОУС соответствовала институциональным нормам, заложенным в Парижском договоре, и каковы были факторы, ограничивавшие реализацию наднациональных полномочий [7, с. 268]. Как отмечает У. Диболд, уже в первые годы существования ЕОУС стало ясно, что государства-члены не готовы в полной мере выполнять обязательства, вытекающие из договора [9, с. 175].

Первый период в истории ЕОУС (до конца 1950-х) был временем поиска смысла существования [5, с. 6-7]. В 1950-е годы страны были сосредоточены на национальных рынках, а главная проблема, для решения которой создавался ЕОУС, быстро исчезла: доступ к немецкому углю оказался не столь важен благодаря дешевому американскому углю, а тарифов, которые нужно было отменять, фактически не существовало [5, с. 9-10; 9, с. 60-62]. Высший руководящий орган пытался создать общий рынок, однако правительства предпочитали сегментацию и защиту рабочих мест, блокируя его усилия [5, с. 7]. По мнению Гилленгэма, отсутствие реальных тарифных барьеров сделало акт создания общего рынка символическим, что ослабило институциональное значение ЕОУС [7, с. 268].

Отказ Высшему руководящему органу в праве объявить «явный кризис» в 1958 году стал показательным эпизодом, продемонстрировавшим пределы наднациональных полномочий ЕОУС. Когда в 1959 году стальной сектор вошел в рецессию, а угольный столкнулся с кризисом перепроизводства, Бельгия, Люксембург и Нидерланды поддержали вмешательство ЕОУС, однако Германия, Франция и Италия отказались санкционировать план действий Высшего руководящего органа, настаивая на национальных способах решения [5, с. 11]. Это вето, наложенное в момент публикации

книги Хааса «Объединение Европы», стало смертельным приговором для ЕОУС, показав, что функционалистская логика «перелива» не сработала: успех в угле и стали не привел к автоматической поддержке расширения наднациональных полномочий [6, с. 312; 8, с. 408]. Таким образом, в первые годы ЕОУС столкнулся с фундаментальным противоречием между институциональными возможностями Парижского договора и политической волей государств-членов [7, с. 270].

Важную роль в этом противоречии играли внешние факторы: формирование организации происходило под контролем и поощрением США, чьи интересы были связаны с либеральными принципами торговли и консолидацией западных демократий [2, с. 1-5]. Однако отсутствие четкого понимания со стороны американской администрации относительно инициативы по интеграции способствовало институциональной неопределенности [2, с. 4]. Как подчеркивает Моравчик, именно давление США, а не внутренние факторы, стало главной причиной создания наднациональных институтов [11, с. 78]. Второй период (1959-1974) характеризовался национальным управлением промышленной модернизацией: Европа столкнулась с перепроизводством и ростом иностранной конкуренции, а ЕОУС был создан для ситуации устойчивого спроса, а не падающего [5, с. 11-12]. Франция при де Голле выступала против наднациональных решений, Германия не хотела централизованного управления, а Бенилюкс и Италия расходились в политиках [5, с. 12]. Высший руководящий орган продолжал мониторинг рынков, однако дискриминационные тарифы по-прежнему предоставляли скрытые субсидии местным производителям [7, с. 275]. В результате институциональные механизмы ЕОУС оставались парализованными, а межправительственный подход вытеснил наднациональный, отражая общую тенденцию европейской политики того времени [5, с. 12; 12, с. 78].

В этот период ЕОУС играл две роли: служил форумом для оспаривания национальных политик (главным образом через Суд ЕС) и выступал внешним голосом Европы в переговорах о демпинге стали, в частности, в ответ на давление США в 1960-е годы [5, с. 15]. Таким образом, институциональные механизмы ЕОУС нашли применение преимущественно во внешнеэкономической сфере, что стало важным прецедентом для последующей эволюции интеграционных институтов [5, с. 15]. Как отмечает Хаас, в этот период Суд начал формировать прецедентное право, ставшее основой правовой интеграции в рамках всего Сообщества [6, с. 287].

Третий период (1974-1986) ознаменовался активным использованием институциональных механизмов ЕОУС для управления мировым кризисом в сталелитейной промышленности, вызванным ростом цен на энергию, снижением потребления и перепроизводством [5, с. 16]. В этих условиях Комиссия выступила с планом Давиньона 1977 года, который создал об-

щие внешнеторговые барьеры, установил минимальные цены и производственные квоты [5, с. 17]. В 1981 году Совет объявил «явный кризис», что санкционировало обязательные производственные квоты, охватывающие около 80% стальных продуктов, и регулирование субсидий [5, с. 18]. По мнению Гилленгэма, план Давиньона стал поворотным моментом, позволив наднациональным институтам впервые реально влиять на производственные решения в сталелитейной промышленности [7, с. 310].

Объявление «явного кризиса» в 1981 году стало возможным благодаря осознанию необратимости падения спроса, разочарованию в неэффективности национальных мер и оговорке о прекращении действия Договора ЕОУС, позволившей делегировать полномочия без опасений за будущее [5, с. 18-20]. По мнению Милуорда, именно конечность существования ЕОУС позволила согласиться на расширение его полномочий [8, с. 420]. Однако, вопреки ожиданиям Хааса, ни кризис 1980-х, ни последующая рецессия не привели к глубоким политическим изменениям, а государства вновь отказались наделять институты полномочиями [5, с. 21-22]. Как отмечают исследователи, решающую роль в эволюции интеграции сыграло изменение идеологического климата, а не институциональная логика ЕОУС [5, с. 22; 11, с. 234].

Четвертый период, с 1987 по 1994 год, ознаменовался свертыванием европейского регулирования сталелитейной промышленности. В марте 1991 года Комиссия объявила, что ЕОУС прекратит существование в 2002 году, а угольный и сталелитейный сектор будут поглощены ЕЭС [5, с. 22]. Национальные правительства охотно согласились, поскольку устали от дорогостоящего субсидирования стали [5, с. 22]. К 1994 году ЕОУС прекратил инвестиционные займы, а к истечению пятидесятилетнего срока действия Договора от него мало что осталось - политика конкуренции и внешнее представительство были поглощены структурой общего рынка, а финансовые механизмы направлялись на исследования, лишь отдаленно связанные с углем и сталью [5, с. 22]. ЕОУС исчез незаметно, поскольку государства-члены были сосредоточены на валютном союзе и расширении [5, с. 22]. Как отмечает Динан, исчезновение ЕОУС в 2002 году прошло почти незамеченным на фоне более масштабных процессов, отражая его институциональную маргинализацию, начавшуюся еще в 1960-е годы [12, с. 102].

Подводя итог, институциональная структура ЕОУС стала прецедентом создания наднациональных институтов, воспроизведенным в Римских договорах 1957 года [1, с. 5; 5, с. 23]. Однако реальное функционирование отличалось от заложенного потенциала: правила игнорировались, Высший руководящий орган был бессилен, а ситуация, для которой создавался ЕОУС, не материализовалась [5, с. 2]. Экономическое влияние было незна-

чительным [7, с. 300], а Диболд считал ЕОУС политическим, а не экономическим институтом [9, с. 590]. Существование институтов не означает интеграции - государства используют их лишь когда это выгодно [5, с. 25; 11, с. 56]. Импульс к интеграции был связан с угрозой немецкого доминирования, и как только угроза исчезла, импульс пропал [5, с. 25].

Высший руководящий орган играл наднациональную роль только в ответ на внешние вызовы [12, с. 145]. Важным оказался временной фактор: ограниченный срок действия Договора позволил государствам предоставить Комиссии чрезвычайные полномочия без опасений за будущее [5, с. 20]. Не эффективность институтов, а невозможность их могущества в будущем облегчила передачу полномочий [5, с. 20]. Как отмечает Милуорд, институциональный дизайн может создавать непредвиденные стимулы [8, с. 420]. Наконец, ЕОУС стал институциональным прецедентом: механизм преюдициальных заключений Суда был перенесен в правовую систему ЕС [5, с. 23-24]. ЕОУС показал, что правила применяются лишь в той степени, в какой страны хотят их применять [5, с. 24]. По мнению Хааса, ЕОУС создал «институциональную память», облегчившую последующую интеграцию [6, с. 410].

В заключение следует отметить, что процесс институционализации европейской интеграции на примере ЕОУС представляет собой сложное и противоречивое явление, в котором переплетались амбициозные планы создателей наднациональных институтов и реальные национальные интересы государств-членов [1, с. 4]. Как отмечает Стрельникова, Парижский договор стал первым этапом интеграции, а его основная идея заключалась в том, что войну было бы труднее вести, если бы европейские институты контролировали угольную и сталелитейную промышленность [1, с. 4]. При этом исторический анализ показывает, что Парижский договор был сложным документом, сочетавшим положения о существенном европейском контроле и одновременно предусматривавшим свободную торговлю и конкурентные рынки при эпизодическом вмешательстве правительства [1, с. 4]. Это внутреннее противоречие между регулирующими и либеральными элементами институционального дизайна ЕОУС сохранялось на протяжении всей его истории и во многом определило его эволюцию [5, с. 7]. По мнению Динана, это противоречие отражало фундаментальный компромисс между сторонниками наднационального регулирования и защитниками национального суверенитета, который сохраняется в европейской интеграции до сих пор [12, с. 56].

Таким образом, ЕОУС стало важнейшим этапом институционализации европейской интеграции, создав институциональный шаблон для последующих соглашений [5, с. 23]. Однако реальное влияние на развитие сталелитейной промышленности оставалось ограниченным [5, с. 23]. Как

констатируют Алтер и Штейнберг, даже после вмешательства Комиссии в 1980-х годах трудно сказать, что ЕОУС оставил значительный отпечаток на европейской стали [5, с. 23]. Главная цель - заверить, что Германия не станет доминирующей силой - была достигнута, и эти заверения оставались политически важными [5, с. 23]. По мнению Гилленгэма, план Шумана положил конец конкурентным заявкам на господство в тяжелой промышленности, привел к западной интеграции и франко-германскому партнерству [7, с. 364]. Моравчик подчеркивает, что политическое значение ЕОУС как инструмента примирения перевесило его экономические неудачи [11, с. 89]. Опыт ЕОУС показывает, что институциональный дизайн не гарантирует автоматической реализации наднациональных полномочий [5, с. 24]. ЕОУС оставался механизмом удобства, использовавшимся при наличии коалиции поддержки и игнорировавшимся при её отсутствии [5, с. 24]. Его история выявляет «критические разрывы»: отказ предоставить Высшему руководящему органу право объявлять «явный кризис» в 1958 году, согласие на это в 1981 году и исчезновение поддержки к моменту принятия Единого европейского акта [5, с. 24]. Эти разрывы показывают, что коалиции поддержки интеграции не были глубокими - существовал лишь выбор за или против конкретных политик, а не за интеграцию как таковую [5, с. 24]. Этот вывод важен для понимания современных процессов, в том числе в ЕАЭС, где институциональное развитие также сталкивается с противоречием между наднациональными полномочиями и национальными интересами [11, с. 12]. Как отмечает Динан, институты сами по себе не являются двигателем интеграции - ими становятся только тогда, когда их использование соответствует интересам государств-членов [12, с. 210].

Библиографический список:

1. Стрельникова И.А. Предпосылки зарождения идеи европейской интеграции и ее правовое оформление в Парижском договоре об учреждении Европейского объединения угля и стали // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 162-168.
2. Малышева Н.С. Политические и экономические интересы США в отношении создания Европейского объединения угля и стали (1945-1951 гг.) // Вестник МГИМО. 2011. № 6. С. 1-5.
3. Хасбулатов Р.И., Мигалева Т.Е., Ачалова Л.В., Бяшарова А.Р. 60 лет истории Европейского союза - достижения и просчеты // Международная торговля и торговая политика. 2017. № 3 (11). С. 5-22.
4. Европейский союз, прошлое, настоящее, будущее. Европа: новое начало. Декларация Шумана 1950-1990 / ред. коллегия: Ю.А. Борко и др. М.: Право; Фонд «Правовая культура», 1994. 200 с.
5. Alter K.J., Steinberg D. The Theory and Reality of the European Coal and Steel Community // Meunier S., McNamara K. (eds.) European Integration and Institutional Change in Historical Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 1-28.
6. Haas E. The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces 1950-1957. Stanford: Stanford University Press, 1958. 552 p.
7. Gillingham J. Coal, Steel, and the Rebirth of Europe, 1945-1955: The Germans and French from Ruhr Conflict to Economic Community. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 420 p.
8. Milward A. The Reconstruction of Western Europe 1945-1951. London: Methuen & Co. LTD, 1984. 527 p.
9. Diebold W. The Schuman Plan: A Study in Economic Cooperation 1950-1959. New York: Praeger,

1959. 750 p.
10. Monnet J. Memoires. London: Collins, 1978. 544 p.
11. Moravcsik A. The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. Ithaca: Cornell University Press, 1998. 514 p.
12. Dinan D. Europe Recast: A History of the European Union. Boulder: Lynn Rienner, 2004. 373 p.

Reference

1. Strelnikova I.A. Prerequisites for the Emergence of the Idea of European Integration and Its Legal Formalization in the Treaty of Paris Establishing the European Coal and Steel Community // Bulletin of Economic Security. 2020. № 3. P. 162-168.
2. Malysheva N.S. US Political and Economic Interests Regarding the Creation of the European Coal and Steel Community (1945–1951) // MGIMO Review of International Relations. 2011. № 6. P. 1-5.
3. Khasbulatov R.I., Migaleva T.E., Achalova L.V., Byasharova A.R. 60 Years of European Union History: Achievements and Miscalculations // International Trade and Trade Policy. 2017. № 3 (11). P. 5-22.
4. The European Union: Past, Present, and Future. Europe: A New Beginning. The Schuman Declaration 1950–1990 / Editorial Board: Yu.A. Borko et al. Moscow: Pravo; «Legal Culture» Foundation, 1994. 200 p.
5. Alter K.J., Steinberg D. The Theory and Reality of the European Coal and Steel Community // Meunier S., McNamara K. (eds.) European Integration and Institutional Change in Historical Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 1-28.
6. Haas E. The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces 1950-1957. Stanford: Stanford University Press, 1958. 552 p.
7. Gillingham J. Coal, Steel, and the Rebirth of Europe, 1945-1955: The Germans and French from Ruhr Conflict to Economic Community. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 420 p.
8. Milward A. The Reconstruction of Western Europe 1945-1951. London: Methuen & Co. LTD, 1984. 527 p.
9. Diebold W. The Schuman Plan: A Study in Economic Cooperation 1950-1959. New York: Praeger, 1959. 750 p.
10. Monnet J. Memoires. London: Collins, 1978. 544 p.
11. Moravcsik A. The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. Ithaca: Cornell University Press, 1998. 514 p.
12. Dinan D. Europe Recast: A History of the European Union. Boulder: Lynn Rienner, 2004. 373 p.

Лозовая А.М.
Аспирант. Российский государственный гуманитарный университет.

Темпоральная архитектура академической среды Китайской Народной Республики*

Аннотация. Данная статья анализирует темпоральную организацию системы образования Китайской Народной Республики как многоуровневой системы временных режимов, которая во многом определила понятие китайской академической мобильности. На основе анализа эволюции государственной политики КНР выделены три взаимосвязанных временных измерения: историческое (трансформация от изоляции к интеграции), институциональное (переход от административных запретов к стратегическому планированию) и биографическое (изменение индивидуальных образовательных траекторий). Особое внимание уделяется начальному этапу 1949–1979 гг., отраженному в работах А.А. Антиповского, Н.Е. Боревской и Н.В. Франчук, а также коллективной монографии «Китайская Народная Республика в 1979 году». Показано, что академическое образование КНР представляет собой темпоральную структуру, которая зависит от действий государства. Делается вывод, что китайское образование представляет собой пример «управляемой темпоральности», которая позволяет синхронизировать индивидуальные стратегии развития с общими стратегиями государства.

Ключевые слова: академическая мобильность, Китайская Народная Республика, темпоральная архитектура, управление образованием, политика в области науки и образования, интернационализация высшего образования, 1949–1979 гг.

Lozovaya A.M.
Postgraduate Student. Russian State University for the Humanities.

Temporal architecture of the academic environment of the People's Republic of China

Abstract. This article analyzes the temporal organization of the education system of the People's Republic of China as a multilevel system of time regimes, which largely defined the concept of Chinese academic mobility. Based on the analysis of the evolution of China's state policy, three interrelated time dimensions have been identified: historical (transformation from isolation to integration), institutional (transition from administrative prohibitions to strategic planning) and biographical (change in individ-

* © Лозовая А.М., 2026.

ual educational trajectories). Special attention is paid to the initial stage of 1949-1979, reflected in the works of A.A. Antipovsky, N.E. Borevskaya and N.V. Franchuk, as well as the collective monograph "The People's Republic of China in 1979". It is shown that academic education in China is a temporal structure that depends on the actions of the state. It is concluded that Chinese education is an example of "managed temporality", which makes it possible to synchronize individual development strategies with the general strategies of the state.

Key words: academic mobility, People's Republic of China, temporal architecture, education management, science and education policy, internationalization of higher education, 1949-1979.

Введение

Академическая средств современной китайской народной республики представляет собой сложное образование, выходящее за пределы глобального образования и академической миграции. В последнее время в исследованиях все чаще возникает вопрос изучения академической темпоральности с учетом временных режимов, ритмов, которые определяют развитие образования.

Понятие «темпоральная архитектура» в контексте данного исследования воспринимается как влияние среды на осуществление образовательного процесса. В отличие от физической архитектуры университетских кампусов, темпоральная архитектура невидима, но именно она определяет тенденции в образовании, выделяя особенности образовательного процесса, его ценности и наполнение.

При понимании темпоральной архитектуры особое значение являют труды исследователей КНР в сфере науки и образования. Показательными для данной статьи становятся работы основополагающими. Во-первых, это коллективная монография А.А. Антиповского, Н.Е. Боревской и Н.В. Франчук «Политика в области науки и образования в КНР, 1949–1979», которая впервые исследует научную мысль Китая на протяжении трёх десятилетий. Во-вторых, это коллективный труд «Китайская Народная Республика в 1979 году: политика, экономика, идеология», подготовленный под редакцией М.И. Сладковского, который отражает особенности взгляда Китайской Республики на образование в ситуации реформ и обеспечения открытости Китая.

Цель данной статьи – охарактеризовать основные элементы темпоральной архитектуры академической среды КНР, отметив, каким образом государственное управление академической мобильностью определяет образование, трансформируя образование таким образом, что оно существенно отличается от западного.

Методология

Данное исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий методы исторического анализа, институциональной теории и социологии образования. Эмпирической базой послужили фундаментальные работы советских и российских исследователей, которые посвящены истории и современному состоянию образования в КНР. Также проанализированы нормативно-правовые документы КНР в сфере высшего образования (1990–2010 гг.) и статистические данные Министерства образования Китая [2, с. 11].

Концептуально данное исследование включает в себя три уровня – макротмпеторальный, учитывающий особенности эволюции государственной политики КНР в сфере образования, мезотемпоральный, анализирующий институциональные механизмы управления мобильностью, а также микротемпоральный как индивидуальные образовательные и карьерные траектории. Такой подход позволяет преодолеть односторонность исследований, которые посвящены КНР.

Результаты

Понимание современной академической мобильности КНР базируется на основе периода 1949–1979 гг., когда закладывались базовые принципы государственного управления наукой и образованием. Как убедительно показано в монографии А.А. Антиповского, Н.Е. Боревской и Н.В. Франчук, в этот период «в КНР была создана разветвленная система партийно-государственного руководства научными и образовательными учреждениями», которая стала прототипом для последующих моделей управления [1, с. 5-8]. В работе выделяются несколько этапов в аспекте развития академического образования 1949–1979 гг.

Первый этап (1949–1957) реализуется на основе советской системы образования, когда начинается становление Академии наук КНР, государственное планирование кадров и обучение. Как отмечают исследователи, «в эти годы было положено начало централизованной системе подготовки научных кадров, ориентированной на удовлетворение потребностей индустриализации» [1, с. 45-47]. Именно в это время формируются основы, которые определяют развитие всей академической системы образования КНР: пятилетние планы, государственные квоты на подготовку специалистов, жёсткая привязка образовательных программ к народнохозяйственным задачам.

Второй этап (1958–1965) – время большого скачка, которое определило развитие собственного высшего образования. Особенностью данного периода становилась децентрализация управлением и привязкой образования к производствам по типу «гибридной модели», которая сочетает элементы плановости и местной инициативы [1, с. 112-118]. Этот этап важен в контексте поиска собственного пути развития для КНР – страна искала

независимость в образовании, отдельно от СССР.

Третий этап (1966–1976) – эпоха «культурной революции», когда система страны подвергалась тотальному разрушению. Монография характеризует данный период как «время глубокого кризиса, сопровождавшегося закрытием вузов, отстранением преподавателей от работы и идеологизацией науки» [1, с. 185-190]. Это был период разрыва связей – прежние образовательные традиции были нарушены, большое количество ученых было убито или эмигрировало, а преемственность поколений была разрушена.

Четвёртый этап (1977–1979) – этап восстановления образования после «культурной революции». Как отражено М.И. Сладковским в монографии «Китайская Народная Республика в 1979 году», в этот период активно развивается система образования, начинают проводиться вступительные экзамены, что вошло в систему образования под названием «четыре модернизации» [6, с. 185-190]. 1979 год активно выходила из международной изоляции, а само образование стало восприниматься как способ развития страны.

Для данной статьи особое значение приобретает финальный раздел монографии Антиповского, Боревской и Франчук, где авторы подводят итоги и делают вывод о причинах, которые легли в основу реформ Дэн Сяопина. Подчеркивается, что «централизованное планирование науки и образования обеспечило решение стратегических задач, но породило бюрократические барьеры и ограничило инициативу на местах» [1, с. 230]. Этот вывод отражает ситуацию о тех событиях, которые начинают происходить в КНР с 1980 годов.

Таким образом, характеристика всех этапов позволяет говорить об общих особенностях для системы образования КНР. Для системы характерны такие показатели, как:

– государственная доминанта – именно государство становится основой для академического образования;

– централизованное планирование – время модернизации задается сверху, как правило, при помощи пятилеток;

– идеологический контроль – на всем периоде развития образование неотделимо от идеологии;

– прагматизм – подготовка кадров тесно связана с потребностями общества и потребностями промышленности.

Эти принципы, заложенные в 1949–1979 гг., стали «генетическим кодом» китайской темпоральной архитектуры, которые были применимы в дальнейшем в эпоху модернизации. в период перехода от закрытой модели к «управляемой открытости», который произошел на рубеже 1980–1990-х годов, происходит переосмысление академического образования. Как отмечает Н.Е. Боревская (соавтор фундаментальной монографии), в этот период «руководство КНР столкнулось с острой необходимостью пе-

ресмотра подходов к подготовке высококвалифицированных кадров, поскольку внутренние ресурсы образовательной системы не могли в полной мере обеспечить амбициозные задачи экономического роста и технологического обновления» [2, с. 45].

Поворот произошел на основе подписанного в 1993 году «Программы реформы и развития образования в Китае», которая обратилась к поддержке академического образования за рубежом, которая поощряла свободу передвижения и получения знаний в зарубежных ВУЗах (так называемая «политика двенадцати иероглифов»). Этот шаг стал основой для формирования научной диаспоры за рубежом, которая существенно расширила академические знания КНР.

Оформление образовательной политики в систему произошло в 1996 году с созданием Совета по стипендиям Китая (China Scholarship Council - CSC), который стал основным оператором, который координирует всю систему образования страны. Данная структура была утверждена под эгидой Министерства образования КНР, что привело к централизации и перераспределения ресурсов под влиянием государства [3, с. 3].

Вступление КНР во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 привело к активизации процессов интернационализации, так как от КНР требовалось соответствие международной системе образования, с одной стороны, а также обеспечение конкурентоспособности ВУЗов КНР на международной арене. Академическая мобильность в этот период окончательно закрепляется как одно из приоритетных направлений развития образования Китая.

К концу 2000-х годов в Китае сложилась зрелая, гибридная модель, сочетающая элементы планового регулирования и рыночных стимулов. Если в самом начале реформ количество выехавших и вернувшихся составляло 7:1, то к 2010 году произошло сокращение разрыва до 2:1, что говорит о результативности предпринятых реформ и достаточном стимулировании программ реинтеграции студентов, которые обучаются в других странах.

Особенностью китайской модели становится жестко выстроенная модель централизации управления, где ключевые роли распределены между Министерством образования, Советом по стипендиям Китая (CSC) и партийными структурами. Если на Западе все университеты децентрализованы, то система университетов Китая жестко регламентируется государством [4].

Сегодня роль министерства образования КНР трансформировалась из сугубо административно-контрольной в стратегически-координирующую. Политика CSC в 2000-е годы характеризуется переходом от точечного образования к сети: если ранее гранты выделялись только для определенного направления, то сейчас финансирование происходит на основе учета определенных направлений.

Большая роль в системе образования играет также Отдел единого фронта ЦК КПК, чья деятельность направлена на формирование ответственности у студентов перед страной и координация всех диаспор. Через сеть Ассоциаций китайских студентов и ученых (CSSA) осуществляется работа в сфере идеологии, которая касается курсом, проводимым КПК.

Основой эволюции системы становится идея «служения стране без возвращения в нее» (serving the country from abroad). Эта идея заключается в том, что студенты, получившие знания за рубежом, могут принести пользу КНР, как вернувшись на родину, так и получая знания и развивая науку за пределами страны. Такая гибкость позволила преодолеть проблему потенциальных невозвращенцев, активно интегрируя их в общекитайский мир даже за пределами страны.

Если брать уровень микроуровня, то касается он преимущественно направления и целей обучения. Если в начале 1990-х годов выезд за рубеж часто воспринимался как способ покинуть страну, то к концу 2000-х годов была уже сформирована модель «циркуляции талантов», которая предполагает многочисленное количество пересечения границ [5, с. 11].

Запуск в 2008 году «Программы тысячи талантов» (Thousand Talents Plan) ознаменовал переход Китая от агрессивной политики в сфере академической миграции, предлагая существенные финансовые стимулы: высокие зарплаты, гранты на исследования и помощь в обустройстве быта.

Обсуждение

Проведенный анализ говорит о том, что в настоящее время в КНР была сформирована уникальная темпоральная архитектура академической среды. Фундамент данной архитектуры был заложен в 1949–1979 гг., когда, как показано в работах А.А. Антиповского, Н.Е. Боревской и Н.В. Франчук, сложились принципы государственного управления образования [1]. Для управления характерно централизованное планирование, идеологический контроль, приоритет народнохозяйственных задач. Эти принципы были сформированы на основе конструирования управляемой темпоральности – системы временных режимов, которые синхронизируют индивидуальные образовательные потребности с национальными приоритетами развития. Государство в данном случае становится не просто регулятором, но архитектором среды, которая определяет долгосрочные горизонты планирования, институциональные ритмы и стратегические приоритеты академической мобильности.

Сравнение с западными моделями выявляет принципиальные различия. Если американская модель ставит акцент на академической свободе, развитии индивидуальности каждого студента, а также рыночной конкуренцию Китайская модель исходит из преобладания национальных ценностей и рассматривает мобильность как инструмент государственной политики.

Заключение

Темпоральная архитектура академической среды Китайской Народной Республики являет собой многоуровневое образование, где идеологические, биографические и институциональные изменения, обусловленные самой идеей поддержки образования государством. Фундамент этой архитектуры был заложен в 1949–1979 гг., когда в КНР сложилась вертикаль управления образовательной системой, которая отражена в трудах А.А. Антиповского, Н.Е. Боревской и Н.В. Франчук [1]. Переломный момент 1979 года, зафиксированный в коллективной монографии под редакцией М.И. Сладковского, говорит о новом этапе, который отражает переход от изоляции к открытости во благо китайского народа [6].

За два десятилетия (1990–2010) Китай прошел путь от страны, которая теряла лучшие умы до страны, активно внедряющей поддержку своей академической мысли. Речь идет о создании «управляемой темпоральности», которая синхронизирует национальное и личное. Эта модель, основанная на прагматизме, стратегическом планировании и активном использовании ресурсов глобализации, продолжает развиваться и адаптироваться к новым вызовам.

Библиографический список:

1. Антиповский А.А. Политика в области науки и образования в КНР, 1949–1979 / А.А. Антиповский, Н.Е. Боревская, Н.В. Франчук; Акад. наук СССР, Ин-т Дальнего Востока. – М.: Наука, 1980. 288 с.
2. Боревская Н.Е. Государство и школа в Китае: Эволюция отношений (1980–1990-е гг.) / Н.Е. Боревская. – М.: ИДВ РАН, 2002. 234 с.
3. Бояркина А.В. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX–XXI вв.: дис. ... канд. полит. наук. – Владивосток, 2016. 234 с.
4. Валеева Р.С. Академическая мобильность как основной фактор развития межкультурной коммуникативной компетенции студентов и преподавателей в Китае и России // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 16. С. 78-81.
5. Гао Х. Международная студенческая мобильность в Китае / Х. Гао, Х. де Вит // Международное высшее образование. 2017. № 90. С. 8-9.
6. Китайская Народная Республика в 1979 году: политика, экономика, идеология / [ред. кол: М.И. Сладковский (гл. ред.) и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т Дальнего Востока. – М.: Наука, 1981. 351 с.

Reference

1. Antipovsky A.A. Science and Education Policy in the PRC, 1949–1979 / A.A. Antipovsky, N.E. Borevskaya, N.V. Franchuk; USSR Academy of Sciences, Institute of the Far East. – Moscow: Nauka, 1980. 288 p.
2. Borevskaya N.E. State and School in China: Evolution of Relations (1980s–1990s) / N.E. Borevskaya. – Moscow: IFE RAS, 2002. 234 p.
3. Boyarkina A.V. "Soft Power" as a Political Instrument for Implementing PRC Foreign Policy at the Turn of the 20th and 21st Centuries: Dissertation... Candidate of Political Sciences. – Vladivostok, 2016. 234 p.
4. Valeeva R.S. Academic Mobility as a Key Factor in the Development of Intercultural Communicative Competence among Students and Faculty in China and Russia // Bulletin of Kazan Technological University. 2013. № 16. P. 78-81.
5. Gao H. International Student Mobility in China / H. Gao, H. de Wit // International Higher Education. 2017. № 90. P. 8-9.
6. The People's Republic of China in 1979: Politics, Economy, Ideology / [Editorial Board: M.I. Sladkovsky (Editor-in-Chief) et al.]; USSR Academy of Sciences, Institute of the Far East. – Moscow: Nauka, 1981. 351 p.

Упоров И.В.

Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Российская академия естествознания, г. Краснодар.

Особенности формирования и полномочия органов политического сыска в XVII – начале XVIII вв.*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с созданием и функционированием органов политического сыска, занимавшимися расследований политических преступлений в период Московского государства и годы правления Петра I. Акцент делается на особенностях формирования таких органов и полномочиях, которыми они обладали. Соответственно анализируются нормативно-правовые и правоприменительные акты в данной сфере общественных отношений, и прежде всего Соборное уложение 1649 г. и указы Петра I. Привлекаются также суждения авторов научных трудов, в которых затрагивается заявленная тема. Отмечается, что в рассматриваемый период политическим сыском сначала занимались чиновники приказов и воеводы, а позже, уже в период правления Петра I, были учреждены специальные постоянно действующие органы политического сыска в виде Преображенского приказа и Тайной канцелярии. При этом их деятельность направлялась государем и нередко, по особо важным делам против государства, под его непосредственным руководством

Ключевые слова: политический сыск, Соборное уложение, приказы, воеводы, извет, расследование, Преображенский приказ, тайная канцелярия.

Uporov I.V.

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor. Russian Academy of Natural History, Krasnodar.

* © Упоров И.В., 2026.

Features of the formation and powers of political investigation bodies in the 17th – early 18th centuries

Abstract. This article examines issues related to the creation and functioning of political investigation agencies involved in the investigation of political crimes during the Muscovite state and the reign of Peter the Great. Emphasis is placed on the formation of such agencies and the powers they possessed. Accordingly, regulatory and law enforcement acts in this area of public relations are analyzed, primarily the Cathedral Code of 1649 and the decrees of Peter the Great. The opinions of authors of scholarly works that address this stated topic are also included. It is noted that during the period under review, political investigation was initially carried out by officials of the prikazes and governors. Later, during the reign of Peter the Great, special permanent political investigation agencies emerged in the form of the Preobrazhensky Prikaz and the Secret Chancellery. Their activities were directed by the sovereign and, often in particularly serious cases against the state, under his direct supervision.

Key words: political investigation, Cathedral Code, orders, governors, denunciation, investigation, Preobrazhensky Order, secret chancery.

В Московском государстве еще не сложилась система органов политического сыска, т.е., органов, занимавшихся розыском, задержанием подозреваемых и обвиняемых, а также предварительным расследованием (дознанием) уголовно-политических дел – перед так, как будет дело будет рассмотрено в судебных инстанциях. В большинстве же своем розыскные и следственные действия по уголовно-политическим делам осуществляли приказы (в Москве в «приказных палатах», «дворах») и воеводы (на местах, в «избах») и подчиненные им служивые (дьяки, подьячие и др.). Как органы политического сыска приказы осуществляли производство по уголовным делам в самой Москве, если эти дела не брали в производство сам государь или Боярская дума. Помимо этого, приказы были своеобразными посредниками между воеводами, которые осуществляли политический сыск в провинциях, и верховной судебной властью (государем и Боярской думой). Об этом свидетельствуют многие документы.

Если иметь в виду приказы, то, по мнению многих историков, в большей мере, чем другие, такими делами занимались Разрядный приказ, Разбойный приказ, Земский приказ. В.О. Ключевский в этой связи отмечает, что разрядный приказ находился в особенной близости к органам верховной власти, что он был своеобразным отделением «думской канцелярии», а Боярская дума и государь являлись важнейшими инстанции политического судопроизводства Московского государства, где уже довольно развито было делопроизводство, включая письменное закрепле-

ние процессуальных действий [1, с. 424]. Так, в ст. 11 Гл. X Соборного уложения 1649 г. указывалось: «А судные дела в приказех записывати подьячим, а чтоб черненыя бы и межь строк приписки и скребения в тех записках не было. А как суд отойдет, и исцу и ответчику к тем запискам прикладывати руки. А которые грамоте не умеют, и в тех место прикладывати руки, кому они верят. А как подьячей с тоя записки судное дело напишет набело, и дияку, справя то дело с прежнею запискою, закрепити своею рукою, а прежнюю записку подьячему за исцовою и за ответчиковою рукою держати у себя впредь для спору. А как судное дело вершится, и та записка за исцовою и за ответчиковою рукою подклеити под судное же дело впредь для спору же» [2].

Процессуальные полномочия упомянутых выше воевод касалась прежде всего исполнения отдельных следственно-розыскных действий, и по государственным преступлениям они выступали в основном в роли органа сыска. Такой их статус был частично закреплен законодательно. Так, согласно ст. 18 Гл.II Соборного уложения «А кто Московского государьства всяких чинов люди сведают, или услышат на царьское величество в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысл и им про то извещати государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Русии, или его государевым бояром и ближним людем, или в городех воеводам и приказным людем» [2]. Важно отметить, что при этом воеводы сами лично расспрашивали участников уголовно-политического деяния, и это обстоятельство отличало воевод от бояр и государя, которые в большинстве случаев имели место не с живыми подсудимыми, а лишь «расспросными, пыточными и обыскными речами».

В своем большинстве уголовно-политические дела в рассматриваемый период возбуждались по изветам – доносам любых лиц о якобы совершенном или готовящемся политическом преступлении (прежде всего речь шла о таких деяниях, как «непристойные» слова в отношении государя, посягательство на него, измена, бунт). По извету следовало немедленно принимать следственно-розыскные меры. Так, тот же воевода обязан был устраивать между изветчиком и обвиняемым очную ставку, и если таковой воевода не произвел, то из приказа ему вместе с выговором посылался запрос провести очную ставку. Обязанностью воеводы было и проведение расспроса свидетелей, на которых ссылались как изветчик, так и обвиняемый в совершении государственного преступления – так, в одном из документов того времени значится: «указал государь отписать козловскому воеводе, для чего забыл он расспросить тех, которые люди слышали и имена которых под сказкой присланы» [3, л. 49].

Вместе тем нужно иметь в виду, что правоохранительные полномочия воевод имели свои ограничения, в частности, это касалось вопроса при-

менения пыток при производстве такого следственного действия как допрос, и прежде всего это относилось к делам, связанным с государственными преступлениями, во всяком случае, Соборное Уложение применение пыток применительно к преступлениям против государстве не регулирует. Вероятно, среди воевод злоупотребления свой властью имели такой большой масштаб, что центральная власть не считала нужным предоставлять воеводам столь обширные полномочия, и допускала использование такого полномочия (применение пыток) лишь в некоторых случаях. Один из них заключался в том, что воевода уполномочивался пытать крестьян, если обвинявшим их изветчиком был сам хозяин. И только в 1695 г. по этому вопросу была достигнута определенность, выраженная в одном из документов, опубликованном Обществом истории и древностей российских при Московском университете: «великие государи указали послать во все сибирские города, опричь Тобольска, грамоты, чтобы впредь воеводам ничего не делать опричь тех дел, которые по Уложению пытке подлежат, никаких русских людей, а ясашных иноземцев ни в каких делах, не описывая великим государям, не пытать» [4, с. 213].

Что касается других следственных действий, то, например, такое важнейшее из них, как повальный обыск, не являлся предметом самостоятельного применения воеводами при расследовании уголовных преступлений – он мог быть осуществлен лишь по предписанию из Москвы. Данное положение нашло отражение в законодательстве. Так, согласно ст. 22 Гл. II Соборного уложения, «а будет ис которого города, или ис полков воеводы и приказные люди отпишут к государю на кого на служилых, или иных чинов на каких людей, что они приходили к ним скопом и заговором, и хотели их убити; а те люди, на кого они отпишут, учнутбити челом государю на воевод и на приказных людей о сыску, что они скопом и заговором к ним не прихаживали, а приходили к ним немногие люди для челобитья, и по тому челобитью про них в городехсыскивати всем городом, а в полкех всеми ратными людьми. Да будет сыщется про них допряма, что они в городех и в полках к воеводам приходили для челобитья, а не для воровства, и их по сыску смертью не казнити. А воеводам и приказным людем, которые на них отпишут к государю ложно, за то чинити жестокое наказание, что государь укажет» [2].

В многочисленных наказах, направляемых воеводам из Москвы, наряду с предоставлением воеводам широких полномочий в части производства розыскных действий, как правило, содержалось требование такого типа: «а розыскав, отписать государю, и тех людей изветчика и обвиняемых держать приставом или за крепкими поруками до государеву указу». Такое положение относилось и к ситуациям, в которых не было сомнений в обстоятельствах совершенного государственного преступления, в вино-

вности причастных к нему лиц – в любом случае воевода должен был докладывать верховной власти и ждать ее решения. Это касалось и таких дел, когда был очевиден лживый навет – воеводе также предписывалось все подробно изложить и направить в Разбойный приказ. Как видно, реализация полномочий воевод в сфере противодействии преступности находилась под контролем верховной власти. И лишь в редких случаях воеводы выступали в роли самостоятельного субъекта розыскной и следственной деятельности по политическим делам. Обычно это имело место в тех случаях, когда озвучивший государево дело изветчик при расспросе не указывал ничего конкретного, а ссылался на то, что он «затеял государево слово пьяным обычаем или избывая побоев». Причем после издания Соборного уложения воеводы ссылались на ст. 14 Гл. II: «А которые всяких чинов люди учнут за собою сказывать государево дело или слово, а после того они же учнут говорить, что за ними государева дела или слова нет, а сказывали они за собою государево дело или слово, избывая от кого побои, или пьяным обычаем, и их за то бить кнутом, и бив кнутом, отдать тому, чей он человек» [2]. Здесь на самом деле еще нет предмета государственного преступления, и поэтому, вероятно, законодатель допускал такую самостоятельность воевод.

Противодействие преступности, между тем, было сложным делом. И уже «Новоуказанных статьях о татебных, разбойных и убийственных делах» от 22 января 1669 г. впервые были введены специальные должности сыщиков с целью расследования и суда по уголовным делам, которые и возглавляли розыск, в том числе стали целенаправленно использоваться привычные сегодня словесные портреты подозреваемых, другие специальные методы розыска и следствия, для чего требовались уже специальные более углубленные знания. Соответственно изменялись и органы политического сыска, что хорошо видно по наступившей эпохе Петра I – тогда сформировались два основных карательных органа политического сыска – Преображенский приказ, а позже – Тайная канцелярия [5].

Формирование Преображенского приказа продолжалось несколько лет, и начиналось это с образования Потешная избы в 1686 г., которая скоро стала Преображенской съезжей избой и стала фактически штабом сторонников Петра I в их борьбе за власть с царевной Софьей. Преображенская изба стала принимать и расследовать разного рода жалобы и денежные иски как преображенцев, постоянно бивших челом друг на друга и на «разных чинов людей», так и посторонних лиц, обвинявших преображенцев в совершении всевозможных неблаговидных поступков, осуществляла руководство военной жизнью Преображенского и Семеновского полков, а также занималась охраной Новодевичьего монастыря, где в то время находилась в заточении царевна Софья, ставшая в 1862 г. политическим оппо-

нентом молодого царя. А в 1695 г. в Преображенскую избу были переданы функции следствия-суда по особо важным политическим делам, а также охраны общественного порядка в Москве [6, 355-356].

Как отмечает М.М. Богословский, может и неосознанно и не целенаправленно, но Петр I формировал исключительно преданную ему структуру, необходимую для поддержания и укрепления личной власти (до этого процессы по государственным преступлениям готовились в Стрелецком приказе, а позже также и в созданном для учинения процесса над сторонником Софьи Ф. Шакловитым приказе Розыскных дел). С учетом этого Преображенская изба в том 1697 г. была переименована в Преображенский приказ. Функции его постепенно суживались, и затем указом от 25 сентября 1702 г. он стал специализированным - Петр I закрепил за Преображенским приказом исключительные полномочия как органа политического сыска, соответственно предписывалось «таких людей, которые учнут за собой сказывать Государево слово и дело, присылать к Москве, не роспрашивая ... в Преображенский приказ». Приказ стал функционировать под руководством князя Ф.Ю. Ромодановского, которого историк В.О. Ключевский называл «министром кнута и пыточного застенка» [6, с. 357].

Все другие приказы и иные госорганы должны были по этим вопросам подчиниться Преображенскому приказу, фигурантами государственных преступлений по делам, попадавшим, в это ведомство, были представители всех сословий - от бояр до холопов. Как пишет Н.Б. Голикова, в штат Преображенского приказа входили дьяк, подьячие, дозорщик, два лекаря, заплечный мастер, четыре сторожа, четыре конюха и шестнадцать рабочих (токари, плотники и кузнецы). После смерти Ф. Ю. Ромодановского в 1717 г. Петр I назначил на его место его сына, И.Ф. Ромодановского. После того, как определилось основное направление в деятельности Преображенского приказа (после 1697г.), в него стало поступать все увеличивающееся количество дел по государственным преступлениям, поскольку рассматривались дела со всей страны, и приток дел с периферии стал превышать количество дел, поступавших в Преображенский приказ из Москвы. Так, из 175 процессов, слушавшихся там с 1697 по 1701 г., 101 процесс был возбужден по изветам уездных жителей, а 74 - по изветам жителей Москвы и Московского уезда. В 1702 г. из 40 возбужденных в Преображенском приказе дел по «государеву слову и делу» по изветам уездных жителей возникло 29, а из Москвы - 11 дел, и такая тенденция в дальнейшем в целом выдерживалась [7, с. 28].

Такое положение вызывало трудности, в частности, обвиняемых и свидетелей надо было доставлять в Москву, причем чаще всего не всех сразу, а поочередно, так как надобность в свидетелях выяснялась только в процессе

следствия, этой же причине затруднялось проведение осмотров помещений, наложение ареста на имущество, поголовных опросов и т. п. В этой связи Преображенскому приказу усилиями Ф.Ю. Ромодановского было дано полномочие права непосредственно обращаться к местных властям (воеводам и другим учреждениям) с предписаниями исполнять определенные следственно-розыскные действия, без промежуточной бюрократии с другими приказами. В 1729 г. сам Преображенский приказ упразднен, что связывалось прежде всего с политикой послепетровских монархов (но подобный орган в иных формах функционировал практически весь период Российской империи). Как отмечает И.А. Федяев, Преображенский приказ являлся необходимым механизмом для поддержания складывающегося порядка в обществе, действующего на условиях усиления социального неравенства и развития конфронтации между правящей верхушкой и обществом; повышение уровня контроля в обществе и развитие надзирающих органов власти является прямым подтверждением установления в России полицейского режима [8].

Что касается Тайной канцелярии, она сначала была создана как временная следственная комиссия по делу царевича Алексея в 1718 г. Розыск было поручено возглавить П.А. Толстому, выбор которого объясняется во многом успешным выполнением им поручения Петра I по возвращению царевича из-за границы. Помимо Толстого, расследованием дела царевича, оказавшегося сложным и масштабным, занимались и другие чиновники (А.И. Ушаков, Г.Г. Скорняков-Писарев, И.И. Бутурлин и др.). После того, как розыск по делу царевича был переведен в Петербург и завершен, было решено участников расследования определить в еще один орган политического сыска - Тайную канцелярию. Именно это учреждение, вначале вместе с Преображенским приказом, а затем и самостоятельно, занималось вопросами политического сыска в России Тем самым одновременно некоторое время функционировали два органа политического сыска, поскольку в 1722 г. решением Петра I Тайная канцелярия и Преображенский приказ стали иметь схожую обязанность вести розыск по уголовно-политическим делам. Возможно, император, придавая значительное внимание преступным посягательства против власти, имел в виду прежде всего самого себя, тем самым стремился не из одного, а из двух источников иметь более объективную информацию по такого рода делам. А по мнению Т.Н. Ефремовой, решающую роль в дублировании органов сыска сыграл географический фактор: с одной стороны, Москва олицетворяла старину, была центром оппозиции реформам, поэтому Петр I не считал возможным вывести из старой столицы Преображенский приказ, с другой - царю была необходима тайная полиция «под рукой» - в Санкт-Петербурге. Сложившийся параллелизм в деятельности двух этих учреж-

дений подтверждается тем, что местные власти начинают направлять дела или в Преображенский приказ, или в Тайную канцелярию [9, с. 84]. В литературе есть мнение, что между этими двумя органами политического сыска имело место «длительная конфронтация» [10, с. 16]. Однако других схожих точек зрения нам встретить не удалось.

Описывая этот орган политического сыска, В.И. Веретенников отмечает, что по своему устройству канцелярия была похожа на приказное учреждение с «повытьями» - отделениями во главе с подьячими. Штат Тайной канцелярии в 1723 г. составлял всего семь человек: секретарь Иван Топильский, четыре канцеляриста и два подканцеляриста. В этой структуре секретарь в сфере делопроизводства был главным действующим лицом в Тайной канцелярии после указанных выше руководителей - он руководил составлением докладных записок и экстрактов, которые впоследствии попадали на рассмотрение руководителям Тайной канцелярии, участвовал в допросах. Со временем наряду с Тайной канцелярией в Санкт- Петербурге появился ее филиал и в Москве. Руководство московским филиалом Тайной канцелярии осуществлялось из Петербурга посредством соответствующих указаний. В начальный период деятельности Тайной канцелярии в ее работе принимал сам Петр I: (заслушивал доклады, давал указания, выносил окончательные по проектам приговоров, с которыми в большинстве случаев император соглашался. По отдельным, наиболее важным политическим делам, Петр I сам принимал участие, как правило, в допросах обвиняемых. Вероятно, он был доволен работой Тайной канцелярии, поскольку постепенно этой сыскное ведомство по особым государственным делам по своему влиянию стало занимать одно из ведущих мест в государстве. Даже Преображенский приказ на определенном этапе считался ниже по значимости. Так, когда в 1720 г. появилась жалоба на Преображенский приказ, то рассматривать её Петр I поручил именно Тайной канцелярии, хотя в случае жалоб учреждений разбирательство занимался Сенат, который постепенно обретал функции высшей судебной инстанции. Некоторые дела, начатые производством в Тайной канцелярии, затем передавались для продолжения следствия другому учреждению. Так, в 1721 г. в Берг-коллегию был направлен инструментальный мастер Иван Калтынеев за то, что он попытался сделать деньгопечатный станок; в Тайной канцелярии посчитали, что это дело находится в компетенции другого ведомства [11, с. 193].

Организацию следственных действий в Тайной канцелярию осуществлял Ушаков, который проявлял невероятную работоспособность, вплоть до того, что оставался ночевать в служебных помещениях. Он же отвечал за всеми вопросами, связанных с проведением указанных действий, в том числе речь идет о привлечении священников, перед которыми ставилась

задача добиться на предсмертной исповеди обвиняемого признания им своей вины или правдивых показаний; о наличии лекарей, которые в любой момент должны были оказывать медицинскую помощь обвиняемым, и прежде всего в случае применения пыток (чаще всего это делалось с целью сохранить обвиняемого для последующих допросов). В этом контексте отношение к Тайной канцелярии у ряда чиновников, и прежде всего в высших кругах, было напряженным, - вероятно, опасаясь, что монополия на политический сыск может коснуться и их интересов. Эти чиновники имел влияние на императора, и в 1724 г. Петр I реформировал учреждения политического сыска, наделив соответствующими полномочиями новый орган - Контору розыскных дел при Сенате. К этому, вероятно, его подвигла также медлительность рассмотрения уголовно-политических дел в Преображенской приказе и Тайной канцелярии. Но Контору розыскных дел при Сенате предполагалось возложить функцию **предварительного следствия** - вести допросы, собирать доказательства по делам о государственных преступлениях. И на некоторое время получилось так, что формально имелось сразу три органа политического сыска, и сам факт такого подход свидетельствовал о том, что власть, и прежде всего сам император придавали политическому сыску важнейшее значение (вероятно, синдром опасения покушения на власть, связанный со стрелецким бунтом и возникший у молодого Петра I, сохранялся у него всю оставшуюся жизнь).

Однако на забудем, что это был уже 1724 г., императору скоро пятьдесят лет, энергия его уже не та, в том числе, видимо, это сказывалось на принятии решений в данной сфере. Как бы ни было, но Контора розыскных дел при Сенате оказалась по сути мертворожденным органом (провела несколько дел, в том числе лишь одно заметное - по обвинению герольдмейстера С.А. Колычева в присвоении казённых денег и других злоупотреблениях). А затем, после смерти Петра I, она в 1726 г. упразднена, в том же году не стало Тайной канцелярии, еще через три года исчез и Преображенский приказ. Новые монархи (Екатерина I, Петр II и последующие формировали свои органы политического сыска, назначая их руководителями своих доверенных и преданных монархам должностных лиц).

Библиографический список:

1. Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. – СПб.: 1882.
2. Соборное уложение от 20.01.1649 г. // ПСЗ-1. № 1.
3. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 13. Стб. Приказного стола. Д.144.
4. Полное собрание законов Российской империи. Т. 3. С. 213.
5. Буримов Р. Ю. Развитие уголовно-процессуального законодательства и судебная деятельность по государственным преступлениям в эпоху правления Петра I // Актуальные вопросы юридических наук. – Челябинск, 2012.
6. Богословский М.М. Петр 1. – М.: 1940.
7. Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. – М.: 1957.

8. Федяев И.А. Особенности развития института политического сыска в эпоху петровских преобразований // Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник». 2023. № 7.
9. Ефремова Т.Н. Становление и развитие органов политического сыска в России (1695-1801) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2009. № 2. С. 83-92.
10. Зиновьева А.В., Медведев В. В. Особенности развития института политического сыска в эпоху дворцовых переворотов // E-Scio. 2021. № 2. С. 12-18.
11. Веретенников В.И. История тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910.

Reference

1. Klyuchevsky V.O. The Boyar Duma of Ancient Rus. – St. Petersburg: 1882.
2. Council Code (Sobornoye Ulozheniye) of January 20, 1649 // PSZ-1 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, 1st Series]. № 1.
3. RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 210. Razryadny Prikaz [Military-Administrative Department]. Op. 13. Stb. Prikaznogo stola [Chancery Desk Rolls]. D. 144.
4. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Vol. 3. P. 213.
5. Burimov R.Yu. Development of Criminal Procedural Legislation and Judicial Activity Regarding State Crimes During the Reign of Peter I // Topical Issues of Legal Sciences. – Chelyabinsk, 2012.
6. Bogoslovsky M.M. Peter I. – Moscow: 1940.
7. Golikova N.B. Political Trials Under Peter I. – Moscow: 1957.
8. Fedyaev I.A. Specifics of the Development of the Institution of Political Investigation During the Era of Petrine Reforms // Scientific Online Journal "Stolypinsky Vestnik". 2023. № 7.
9. Efremova T.N. Formation and Development of Political Investigation Bodies in Russia (1695–1801) // Bulletin of Perm University. Series: History. 2009. № 2. P. 83-92.
10. Zinovyeva A.V., Medvedev V.V. Specifics of the Development of the Institution of Political Investigation During the Era of Palace Coups // E-Scio. 2021. № 2. P. 12-18.
11. Veretennikov V.I. History of the Secret Chancellery of the Petrine Era. Kharkov, 1910.

Рубцова М.В.
Доктор социологических наук, профессор кафедры Отечественной истории, политологии и социологии. Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова.

Павенков В.Г.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории, политологии и социологии. Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова.

Рубцова А.В.
Аспирант. Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения.

К когнитивной истории Санкт-Петербурга XVIII века: обзор современной литературы*

Аннотация. В данной статье история Санкт-Петербурга XVIII века рассматривается сквозь призму формирующейся методологии когнитивной истории - подхода, который трактует ментальные схемы, пространственное познание и аффективные представления как явления исторически специфические и изменчивые. Синтезируя исследования семиотики «петербургского текста», пространственно-географических поворотов в русской историографии, политической антропологии монархических церемоний и истории эмоций, авторы статьи показывают, что когнитивный аппарат, с помощью которого современники воспринимали, запоминали и ориентировались в новой столице Петра Великого, активно складывался под влиянием панегирической риторики, градостроительства, церемониальной хореографии и печатной культуры. Анализ выстроен вокруг четырёх взаимосвязанных когнитивных операций, определивших восприятие Санкт-Петербурга в XVIII веке: миф об основании как организующая схема, концептуальная двойственность рая и пустыни, риторические топосы панегирической литературы, читаемость застроенной среды как ключевой фактор ментального картирования. В заключении подчёркивается, что когнитивная история даёт продуктивную основу для объединения семиотических, пространственных и эмоциональных подходов к изучению городской культуры, одновременно обозначая и ряд методологических проблем. Главная из них – сложность реконструкции обыденных представлений на базе текстовых источников, созданных светской элитой. Решение этой задачи предстоит будущим исследованиям.

Ключевые слова: когнитивная история, Санкт-Петербург, XVIII век, пространственное воображение, петербургский текст, городское восприятие, Пётр Великий, история эмоций.

* © Рубцова М.В., Павенков В.Г., Рубцова А.В., 2026.

Rubtsova M.V.
Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of National History, Political Science, and Sociology. Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping.

Pavenkov V.G.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of National History, Political Science, and Sociology. Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping.

Rubtsova A.V.
Postgraduate Student. St. Petersburg State Institute of Film and Television.

On the cognitive history of St. Petersburg in the 18th century: a review of modern literature

Abstract. In this article, the history of St. Petersburg in the 18th century is examined through the prism of the emerging methodology of cognitive history - an approach that treats mental schemas, spatial cognition and affective representations as historically specific and changeable phenomena. Synthesizing studies of the semiotics of the "St. Petersburg text", spatial-geographical turns in Russian historiography, political anthropology of monarchical ceremonies and the history of emotions, the authors of the article show that the cognitive apparatus with the help of which contemporaries perceived, remembered and navigated the new capital of Peter the Great was actively formed under the influence of panegyric rhetoric, urban planning, ceremonial choreography and print culture. The analysis is structured around four interconnected cognitive operations that determined the perception of St. Petersburg in the 18th century: the founding myth as an organizing scheme, the conceptual duality of paradise and desert, the rhetorical topoi of panegyric literature, and the readability of the built environment as a key factor in mental mapping. In conclusion, it is emphasized that cognitive history provides a productive basis for combining semiotic, spatial and emotional approaches to the study of urban culture, while simultaneously identifying a number of methodological problems. The main one is the difficulty of reconstructing everyday ideas on the basis of textual sources created by the secular elite. The solution to this problem remains for future research.

Key words: cognitive history, St. Petersburg, 18th century, spatial imagination, St. Petersburg text, urban perception, Peter the Great, history of emotions.

1. Введение

Основание Санкт-Петербурга в мае 1703 года на болотистой местности

в устье Невы долгое время занимало особое место в историографии раннего Нового времени в России. В отличие от большинства европейских столиц, которые накапливали свои институты, символику и городскую структуру постепенно на протяжении столетий, Санкт-Петербург, по крайней мере в официальном представлении, был городом, созданным по воле одного правителя [1]. Это кажущееся различие между молодостью города и смысловым весом, впоследствии приданным ему, сделало пример Санкт-Петербурга важным объектом изучения для историков, интересующихся не только тем, что происходило в городе, но и тем, *как* город воспринимался, ощущался, виделся и запоминался. Именно этот последний вопрос – исторически специфические познавательные операции, посредством которых Санкт-Петербург был сконструирован как объект знания и опыта, – рассматривается в данной статье в рамках когнитивной истории.

Когнитивная история как методологическая программа предполагает, что способы рассуждения, восприятия и представления являются артефактами конкретных исторических и культурных условий, созданными посредством определённых практик с использованием конкретных инструментов [2]. Применительно к Санкт-Петербургу эта перспектива направляет к вопросу о том, как город был когнитивно сконструирован: посредством каких риторических топосов, пространственных сигналов, церемониальных форм и лексикона современники организовывали своё понимание совершенно новой городской среды.

2. Когнитивная история как методологическая основа

Термин «когнитивная история» приобрёл известность благодаря исследованию Ревизля Нетца о возникновении дедуктивного мышления в древнегреческой математике, в котором утверждалось, что конкретные «когнитивные методы» как особые, исторически ограниченные способы использования умственных ресурсов сами по себе являются объектами исторического исследования, подверженными изменениям с течением времени, даже если в рамках данного периода они кажутся стабильными или естественными [3]. Это понимание впоследствии было развито в «Журнале когнитивной историографии», ставшим первым рецензируемым изданием, посвящённым исследованиям на стыке истории, историографии и археологии с когнитивной теорией [4]. При обращении к истории города данную концепцию расширяет понятие «ментальной» карты Кевина Линча и связанные с ней понятия читаемости и образности, описывающие легкость, с которой части города могут быть распознаны и организованы в связную картину в сознании наблюдателя. Эта карта предоставляет своеобразный словарь для анализа того, как застроенная

среда структурирует восприятие даже в отсутствие прямых свидетельств исторических субъектов [5]. Также представляет интерес теория Анри Лефевра о производстве пространства, которая различает физическое, ментальное и социальное пространство, показывая, что ни одно из трёх не может быть сведено к другому и что исторически созданные представления о пространстве столь же значимы, как и само физическое строительство [6]. В совокупности эти концепции позволяют рассматривать Санкт-Петербург XVIII века не просто как нечто отражённое в текстах и изображениях, а как нечто активно создаваемое посредством когнитивных операций, которые сами по себе формировались риторикой, политическими потребностями и материальной средой.

3. Обзор литературы: подходы к символической и пространственной истории Санкт-Петербурга

3.1 Семиотическая традиция. Петербург как текст

Наиболее влиятельным предшественником когнитивно-исторического подхода к Санкт-Петербургу является концепция «петербургского текста», разработанная Владимиром Топоровым в рамках Тартуско-московской семиотической школы. Топоров утверждал, что Санкт-Петербург породил целостный, внутренне структурированный корпус литературных представлений, организованный вокруг дуализма чудесного, утопического происхождения города, с одной стороны, и эсхатологических, апокалиптических легенд, окружающих его противоестественное сооружение, с другой [7]. Юрий Лотман, работая в тесном диалоге с Топоровым, также основывал свой анализ семиотики Петербурга на структурной оппозиции, противопоставляя идеал Петра о монолитной, рационально спланированной имперской столице социально и этнически неоднородной реальности населения города. Это напряжение, которое, по его мнению, порождало самобытную интеллектуальную и культурную жизнь города [8]. Хотя анализ Топорова и Лотмана в основном сосредоточен на литературе XIX и начала XX веков, оба исследователя прослеживают истоки соответствующих дуализмов до основополагающей риторики XVIII века, что делает семиотическую традицию незаменимой отправной точкой для любого когнитивно-исторического исследования более раннего периода.

3.2 Пространственный и географический повороты

Второе важное направление исследований, называемое «пространственным поворотом» в российской историографии, изучает, как географическое пространство концептуализировалось, представлялось и использовалось в процессе построения российской государственности. Например, обзор М. Рольфа, проследил внедрение западной пространственной теории в советские и российские исторические исследования, при

одновременном предостережении от некритического заимствования концепций, разработанных для других контекстов [9]. Работа Д. Шоу по географии государственного строительства Петра демонстрирует, что основание Санкт-Петербурга было неразрывно связано с более широким переосмыслением российской территории как рационально управляемого, «современного» пространства, в явном контрасте с воспринимаемым беспорядком московской географии [10]. Исследование В. Кивельсон о московской картографии XVII века даёт показывает, что сама практика картографирования территории в России могла иметь идеологический характер [11], в работе М. Бассина подробно описана самопрезентация Санкт-Петербурга как «окна на Запад» [12]. В книге Джули Баклер «Картирование Санкт-Петербурга» этот пространственный подход распространяется на литературное представление, показывая, что неоднородная городская структура города породила соответственно неоднородный, межжанровый корпус произведений, а не единый «текст» [13], в книге Григория Каганова «Образы пространства» городская среда Санкт-Петербурга рассматривается как источник исторически меняющегося «пространственного воображения», которое можно проследить в живописи, литературе и повседневной визуальной культуре [14]. В главе Пола Кинана, посвящённой городу начала XVIII века, обобщается большая часть этой литературы, подробно показывая, как повествование об основании города, оспариваемое даже современниками по основным вопросам хронологии и личного присутствия Петра, постепенно схематизировалось в устойчивый миф о сотворении мира «из ничего», несмотря на существование ранее шведского поселения Ниеншанц на том же месте [1]; его монография о русском дворе помещает раннюю культурную жизнь города в более широкий институциональный контекст правления Петра и после него [3].

3.3 Миф, церемония и политическое познание

Третье направление исследований изучает целенаправленное конструирование монархических и гражданских мифов посредством церемоний, образов и публичных выступлений. В книге Р. Уортмана «Сценарии власти» показано, что самопрезентация российской империи, начиная с Петра Великого, опиралась на повторяющиеся «сценарии» – коронации, процессии, памятные мероприятия и архитектурные памятники – все это поддерживало целостный образ правления в сознании как элиты, так и широкой публики [15]. Исследование С. Бэра о мифе о рае в русской литературе и культуре XVIII века показывает, как Санкт-Петербург стал восприниматься как земной рай, прослеживая утопические модели, повторяющиеся в светской русской литературе от правления Петра до правления Екатерины II [16]. Исследования Д. Кракрафта о петровской культурной и архитектурной революции анализирует новые архитектурные руководства

и импортированное экспертное знание, посредством которыго застроенная среда новой столицы воплощала в себе специфическое, ориентированное на Запад видение русской современности [17].

3.4 История эмоций и аффективного познания

Сравнительно новым методологическим направлением, тесно связанным с когнитивной историей, является история эмоций. В обзоре Я. Плампера «эмоционального поворота» в советской и российской историографии дается характеристика исследований, рассматривающих эмоциональные состояния как исторически изменчивые и культурно сконструированные, а не биологические константы. [18, 19, 20]. Применительно к Санкт-Петербургу можно привести пример исследования Ирины Сейтс о городских путеводителях, в которых с XVIII по начало XX веков анализируется как сменяющие друг друга поколения авторов путеводителей перерабатывали один и тот же основополагающий материал для построения эмоционально насыщенного гражданского нарратива [21]. Вместе эти направления исследований – семиотическое, пространственное, политико-церемониальное и аффективное – сходятся к общему когнитивно-историческому тезису: смысл Санкт-Петербурга не был самоочевиден из его физической формы и не был просто навязан автократическим указом, а непрерывно формировался посредством специфических актов репрезентации города.

4. Когнитивные схемы строительства новой столицы

4.1 Миф об основании как когнитивная схема

Первая и наиболее фундаментальная когнитивная схема, которую можно выделить в представлениях о Санкт-Петербурге XVIII века, - это превращение истории основания города в упрощённое, запоминающееся повествование о сотворении из ничего. Как показывает реконструкция основания города, проведённая Кинаном, точная хронология присутствия Петра на этом месте, существование до этого шведского города Ниен с населением около четырёх тысяч человек и практическое использование разрушенной крепости Ниеншанц в фундаменте нового города – все это либо оспаривалось, либо тихо опускалось в большинстве описаний XVIII и XIX веков [1]. Это формировало эмоциональную оценку гостей по отношению к городу ещё до того, как они ступили на его землю [21].

4.2. Двойственность рая и дикой природы

Тесно связана с фундаментальной схемой была центральная для светской русской культуры XVIII века идея о Санкт-Петербурге одновременно как восстановленной пустыни и о как земном рае [16]. Она, по-видимому, структурировала собственный словарь Петра, поскольку в письме Александру Меншикову 1706 года используются как голландский термин *paradiz*,

так и русский *rai* (рай) для описания нового поселения [22]. Анализ «петербургского текста», проведённый Топоровым и Лотманом, предполагает, что это сочетание рая и пустыни было прямым предшественником утопического/апокалиптического дуализма, который стал доминировать в литературных описаниях города XIX века, от Пушкина до Гоголя и Достоевского [28]. В когнитивном плане эта двойственность функционировала как концептуальная метафора, позволявшая современникам примирить два в противном случае противоречивых факта из личного опыта новой столицы: подлинные трудности строительства, смертность и негостеприимное болотистое расположение, а также её одновременную роль как витрины имперских амбиций Петра.

4.3 Панегирическая риторика и переориентация восприятия

Исследование Р. Николози панегирической литературы Санкт-Петербурга XVIII века показывает, как риторические приёмы активно изменяли восприятие городского пространства. Опираясь на классическую и гуманистическую традицию *laus urbis* (восхваления города), Николози показывает, как ранние панегиристы, такие как Гавриил Бужинский и Феофан Прокопович, адаптировали устоявшиеся в русской литературной традиции топосы к концептуализации новой столицы [7]. Анализ Николози, с точки зрения когнитивной истории, показал, что все более систематический, панорамный и визуально организованный способ описания города постепенно вытеснил более ранние, более фрагментарные формы восхваления [23].

4.4 Читаемость, визуальная привлекательность и рост городского ядра

Концепции К. Линча, связанные с читаемостью (то есть с тем, насколько легко планировка города складывается в целостную когнитивную модель) и образностью (способностью отдельных городских элементов формировать яркий и узнаваемый ментальный образ), дают полезный аналитический инструмент для работы с материалом XVIII века [5]. В своём описании эволюции центра Санкт-Петербурга С. Маккафрей на примере «Адмиралтейского луга», который позднее стал Дворцовой площадью, наглядно показывает, как складывалась читаемость городского пространства. При этом целостность центрального узла города не была реализована по единому плану, изначально заданному Петром I. Она сформировалась постепенно – в течение десятилетий за счёт неформального смещения городской активности на юг; впоследствии этот процесс был признан и закреплён в градостроительной практике при императрице Елизавете и её архитекторе Франческо Растрелли [24]. По словам Линча, Дворцовая площадь лишь постепенно приобрела высокую образность, став к концу века узлом, вокруг которого формировалась ментальная карта столицы, которая через цере-

мониальное использование способствовала формированию политического воображения империи [5]. Описание Уортманом имперских церемониальных сценариев показывает как коронационные процессии, празднования победы и придворные торжества использовали ядро города в качестве сцены. К середине XVIII века его пространственная организация стала достаточно согласованной, чтобы поддерживать масштабные, хореографически выстроенные публичные зрелища [15].

4.5 Зрительское восприятие: зарубежные и внутренние перспективы

Ещё один аспект когнитивно-исторического анализа касается перспективы наблюдателя. Исследование Кинана сетей иностранных дипломатов, торговцев и путешественников в городе, показало, что они представляли собой важный канал, через который образ Санкт-Петербурга распространялся на международном уровне [1]. С. Полсон также показало, что физическое перемещение дипломатов по имперской столице и их визуальное восприятие формировало категории, через которые они понимали российскую власть. Наблюдение со стороны иностранцев сформировало отдельный когнитивный регистр, структурированный ожиданиями, импортированными из родной культуры наблюдателей, а не только физической формой города [25]. Местные элиты благодаря завозу западной литературы, посредством переведённых руководств, были обучены воспринимать свой новый капитал через явно вестернизированную когнитивную систему [17], что создало любопытную ситуацию, в которой даже российские наблюдатели были призваны в некотором смысле смотреть на Санкт-Петербург глазами иностранцев.

5. Обсуждение: к когнитивно-историческому синтезу

Взятые вместе, рассмотренные выше подходы (семиотический, пространственный, церемониальный и аффективный) складываются в целостную картину Санкт-Петербурга XVIII века как пространства коллективного осмысления города. Вместе с тем такое сближение подходов имеет ряд недостатков, с которыми неизбежно сталкивается когнитивная история города. Концепция «пространственной истории», имея зарубежное происхождение, нуждается в адаптации к уникальным институциональным и культурным условиям Российской империи, учитывающем, например, во-многом насильственный характер петровской вестернизации [9]. Почти все источники (панегирические оды, путеводители, протоколы придворных церемоний, дипломатическая переписка), на которые опирается этот подход, написаны светскими высшими слоями населения и слабо отражают точку зрения не только простых горожан, но и представителей Русской православной церкви, столкнувшихся с засильем иностранцев, строящих инославные церкви в новой столице [9]. Полноцен-

ная когнитивная история Санкт-Петербурга XVIII века должна учитывать данные моменты.

6. Заключение

Накануне 325-летия Санкт-Петербурга вопрос о том, как город конструировался в сознании людей и продолжает конструироваться сегодня, остаётся не менее перспективным с точки зрения историографии, чем в эпоху Петра Великого, когда он описывал новую столицу в образах земного рая. Как мы видим когнитивная история выявляет точки пересечения между семиотическими, пространственными, политическими и эмоциональными ракурсами, которые нередко рассматривались обособленно.

Таким образом, такие сюжеты, как миф об основании города «из ничего», противопоставление образов рая и пустыни, эволюция панегирических приёмов и постепенное формирование понятного образа города, отражают исторически обусловленные когнитивные практики. Именно с их помощью новая столица обретала для современников осмысленность, запоминаемость и эмоциональную значимость.

Библиографический список:

1. Keenan, Paul. A Space between Two Worlds: St. Petersburg in the Early Eighteenth Century. In The Uses of Space in Early Modern History, edited by Paul Stock, New York: Palgrave Macmillan, 2015. P. 97-124.
2. Netz R. The Shaping of Deduction in Greek Mathematics: A Study in Cognitive History / P. Нетц. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 352 p.
3. Кинан Пол. Санкт-Петербург и русский двор. 1703-1761 / Пол Кинан ; перевод с английского Н.Л. Лужецкая. – Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 314, [1] с.: 22 см
4. Journal of Cognitive Historiography. – London: Equinox Publishing, 2014. // URL: https://journal.equinoxpub.com/JCH (Дата обращения: 28.07.2026).
5. Lynch Kevin. The Image of the City. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. 194 с.
6. Lefebvre Henri. The Production of Space. Translated by Donald Nicholson-Smith. Oxford: Blackwell, 1991. 454 с.
7. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) / В.Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное. – Москва: Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1995. С. 259-367.
8. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Тарту: ТГУ, 1984. – Вып. XVIII: Семиотика пространства и пространство семиотики. С. 30-45.
9. Rolf M. Importing the «Spatial Turn» to Russia: Recent Studies on the Spatialization of Russian History. Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, 2010. Vol. 11 № 2. P. 359-380. // URL: https://dx.doi.org/10.1353/kri.0.0164.
10. Shaw D.J.B. (2003). St Petersburg and Geographies of Modernity in Eighteenth-Century Russia. In: Cross, A. (eds) St Petersburg, 1703–1825. Palgrave Macmillan, London. // URL: https://doi.org/10.1057/9781403937469_2
11. Kivelson Valerie A. Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006.
12. Бассин М. Россия между Европой и Азией. Идеологическое конструирование географического пространства / М. Бассин ; перевод с английского // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология / составители: П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – Москва: Новое издательство, 2005. С. 277-311.
13. Buckler Julie. Mapping St. Petersburg: Imperial Text and Cityshape. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. 392 p.
14. Kaganov G.Z. Images of space: St. Petersburg in the visual and verbal arts. – Stanford University

Press, Stanford, Calif., 1997. 232 p.
15. Wortman Richard S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1, From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995. 496 p.
16. Baehr Stephen L. The paradise myth in eighteenth-century Russia: utopian patterns in early secular Russian literature and culture. – Stanford: Stanford University Press, 1991. 320 p.
17. Cracraft James. The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.
18. Plamper Jan. Emotional Turn? Feelings in Russian History and Culture. Slavic Review 68, 2009. № 2. P. 229-237.
19. Plamper Jan. The History of Emotions: An Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2015.
20. Eustace, Nicole, Eugenia Lean, Julie Livingston, Jan Plamper, William M. Reddy, and Barbara H. Rosenwein. AHR Conversation: The Historical Study of Emotions. American Historical Review 117, 2012. № 5. P. 1487-1531. – DOI: 10.1093/ahr/117.5.1487
21. Seits, Irina. The Foundation Myth of St. Petersburg in the City Guidebooks: Creating Heritage through Mind and Emotions. In Cultural Heritage Preservation and Development. London: Routledge, 2022. // URL: https://doi.org/10.1201/9780429299070-35.
22. Письма и бумаги императора Петра Великого / под ред. А.Ф. Бычкова. Т. 4. – СПб.: Государственная типография, 1900. 643 с.
23. Николози, Риккардо. Петербургский панегирик XVIII века: миф - идеология - риторика / Риккардо Николози; [пер. с нем. М.Н. Жаровой под ред. К.А. Богданова]. – Москва: Языки славянской культуры, 2009. 215 с.
24. McCaffray, Susan P. From Admiralty Meadow to Palace Square: Evolution of the City Center in Eighteenth-Century St. Petersburg. Canadian-American Slavic Studies 50, 2016. № 2. P. 142-158. – DOI:10.1163/22102396-05002003
25. Paulson, Svetlana. Face to Face with the Tsars' Capital: American Diplomats and Urban Spectatorship in Imperial St. Petersburg. Journal of Russian American Studies 5, 2021. № 1. P. 1-16.

Reference

1. Keenan, Paul. A Space between Two Worlds: St. Petersburg in the Early Eighteenth Century. In The Uses of Space in Early Modern History, edited by Paul Stock, New York: Palgrave Macmillan, 2015. P. 97-124.
2. Netz R. The Shaping of Deduction in Greek Mathematics: A Study in Cognitive History / P. Нетц. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 352 p.
3. Keenan Paul. St. Petersburg and the Russian Court, 1703–1761 / Paul Keenan; translated from English by N.L. Luzhetskaya. – Moscow: New Literary Observer, 2020. 314 p.
4. Journal of Cognitive Historiography. – London: Equinox Publishing, 2014. // URL: https://journal.equinoxpub.com/JCH (28.07.2026).
5. Lynch Kevin. The Image of the City. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. 194 c.
6. Lefebvre Henri. The Production of Space. Translated by Donald Nicholson-Smith. Oxford: Blackwell, 1991. 454 c.
7. Toporov V.N. St. Petersburg and the "St. Petersburg Text of Russian Literature" (Introduction to the Topic) / V.N. Toporov // Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in Mythopoetics. Selected Works. – Moscow: Progress-Kultura Publishing Group, 1995. P. 259-367.
8. Lotman Yu.M. The Symbolism of St. Petersburg and Problems of the Semiotics of the City / Yu.M. Lotman // Works on Semiotic Systems. – Tartu: Tartu State University, 1984. – Issue XVIII: The Semiotics of Space and the Space of Semiotics. P. 30-45.
9. Rolf M. Importing the «Spatial Turn» to Russia: Recent Studies on the Spatialization of Russian History. Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, 2010. Vol. 11 № 2. P. 359-380. // URL: https://dx.doi.org/10.1353/kri.0.0164.
10. Shaw D.J.B. (2003). St Petersburg and Geographies of Modernity in Eighteenth-Century Russia. In: Cross, A. (eds) St Petersburg, 1703–1825. Palgrave Macmillan, London. // URL: https://doi.org/10.1057/9781403937469_2
11. Kivelson Valerie A. Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006.
12. Bassin, M. Russia Between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space / M. Bassin ; translated from English // The Russian Empire in Foreign Historiography: Recent Works: An Anthology / compilers: P. Werth, P.S. Kabytov, A.I. Miller. – Moscow: Novoe Izdatelstvo, 2005. P. 277-311.
13. Buckler Julie. Mapping St. Petersburg: Imperial Text and Cityshape. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. 392 p.
14. Kaganov G.Z. Images of space: St. Petersburg in the visual and verbal arts. – Stanford University

Press, Stanford, Calif., 1997. 232 p.
15. Wortman Richard S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1, From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995. 496 p.
16. Baehr Stephen L. The paradise myth in eighteenth-century Russia: utopian patterns in early secular Russian literature and culture. – Stanford: Stanford University Press, 1991. 320 p.
17. Cracraft James. The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.
18. Plamper Jan. Emotional Turn? Feelings in Russian History and Culture. Slavic Review 68, 2009. № 2. P. 229-237.
19. Plamper Jan. The History of Emotions: An Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2015.
20. Eustace, Nicole, Eugenia Lean, Julie Livingston, Jan Plamper, William M. Reddy, and Barbara H. Rosenwein. AHR Conversation: The Historical Study of Emotions. American Historical Review 117, 2012. № 5. P. 1487-1531. – DOI: 10.1093/ahr/117.5.1487
21. Seits, Irina. The Foundation Myth of St. Petersburg in the City Guidebooks: Creating Heritage through Mind and Emotions. In Cultural Heritage Preservation and Development. London: Routledge, 2022. // URL: https://doi.org/10.1201/9780429299070-35.
22. Letters and Papers of Emperor Peter the Great / ed. by A.F. Bychkov. Vol. 4. – St. Petersburg: State Printing House, 1900. 643 p.
23. Nicolosi, Riccardo. The St. Petersburg Panegyric of the 18th Century: Myth – Ideology – Rhetoric / Riccardo Nicolosi; [trans. from German by M.N. Zharova, ed. by K.A. Bogdanov]. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2009. 215 p.
24. McCaffray, Susan P. From Admiralty Meadow to Palace Square: Evolution of the City Center in Eighteenth-Century St. Petersburg. Canadian-American Slavic Studies 50, 2016. № 2. P. 142-158. – DOI:10.1163/22102396-05002003
25. Paulson, Svetlana. Face to Face with the Tsars' Capital: American Diplomats and Urban Spectatorship in Imperial St. Petersburg. Journal of Russian American Studies 5, 2021. № 1. P. 1-16.

Файзуллин С.А.
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт татарской энциклопедии и регионоведения имени М. Хасанова АН РТ, г. Казань.

Трансформации внешних границ Актанышского района Татарстана*

Аннотация. Статья посвящена изменениям внешних границ Актанышского района Республики Татарстан с момента его образования в 1930 г. до 2025 г. На основе комплекса архивных источников рассматривается процесс формирования и последующей трансформации территории района, выявляются ключевые этапы территориальной эволюции и причины, обусловившие эти изменения. Анализируются документы, отражающие передачу сельсоветов и населенных пунктов между соседними районами и их последующий возврат, процессы укрупнения и разукрупнения районов. Состав волостей и советов дается по отдельным хронологическим срезам как характеристика этапов. Изменения, происходившие во внутреннем административно-территориальном устройстве района, не являются предметом настоящего исследования.

Работа опирается на материалы Государственного архива Республики Татарстан, включающие постановления органов власти, планы районирования, что позволило реконструировать эволюцию внешних границ района в хронологической последовательности. Использование опубликованных статистических данных позволило оценить влияние территориальных изменений на численность и национальный состав населения района. Установлено, что территориальный рост района сопровождался сокращением числа населенных пунктов и уменьшением численности жителей более чем вдвое, тогда как этническая структура населения сохранила высокую устойчивость: на протяжении всего периода преобладало татарское население. После восстановления района в 1965 г. масштабных административно-территориальных изменений не выявлено.

Ключевые слова: Татарская АССР, Республика Татарстан, Актанышский район, укрупнение районов, разукрупнение районов, административно-территориальные преобразования.

Faizullin S.A.
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies named after M. Khasanov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan.

* © Файзуллин С.А., 2026.

Transformations of external borders Aktanyshsky district of Tatarstan

Abstract. The article is devoted to the changes in the external boundaries of the Aktanyshsky District of the Republic of Tatarstan from its establishment in 1930 to 2025. Based on a set of archival sources, the process of formation and subsequent transformation of the district's territory is examined; the key stages of territorial evolution and the reasons that determined these changes are identified. Documents reflecting the transfer of village councils and settlements between neighbouring districts and their subsequent return, as well as the processes of enlargement and reduction of district boundaries, are analysed. The composition of the volosts and councils is presented in separate chronological sections as a characteristic of the stages; the changes that occurred in the internal administrative-territorial structure of the district are not the subject of this study. The work is based on materials from the State Archive of the Republic of Tatarstan, including resolutions of government bodies and zoning plans, which made it possible to reconstruct the evolution of the district's external borders in chronological sequence. The use of published statistical data made it possible to assess the impact of territorial changes on the size and ethnic composition of the district's population. It has been established that the territorial growth of the district was accompanied by a reduction in the number of settlements and a more than twofold decrease in the population, while the ethnic structure of the population retained a high level of stability: throughout the entire period, the Tatar population predominated. After the district was restored in 1965, no large-scale administrative and territorial changes were identified.

Key words: Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, Republic of Tatarstan, Aktanysh district, consolidation of districts, disaggregation of districts, administrative-territorial transformations.

Введение

Изучение истории административно-территориального устройства районов Республики Татарстан имеет важное значение для всестороннего понимания развития процессов в контексте отечественной истории. Ведь территориальная организация не просто является формой государственного управления, но и оказывает существенное влияние на формирование экономических связей, социальной инфраструктуры и этнокультурного ландшафта. Анализ эволюции границ районов дает возможность выявить закономерности в отношениях между центром и периферией, а также оценить воздействие масштабных политических и экономических реформ на сельские территории.

Актанышский район, расположенный в восточной части Татарстана на границе с Башкортостаном, представляет собой характерный пример для такого анализа. Образованный в 1930 г. в ходе сплошного районирования, он неоднократно подвергался трансформациям: от разукрупнения

в 1930-е годы до ликвидации в 1963 г. и последующего восстановления в 1965 г. Особенность района состоит в сохранении высокой этнической однородности на протяжении почти столетия, несмотря на масштабные демографические сдвиги.

Материалы и методы исследования

Исследование базируется на комплексе архивных и опубликованных источников. Основную источниковую базу составили материалы Государственного архива Республики Татарстан (ГАРТ), включающие постановления органов власти, планы районирования, статистические данные. Эти документы позволили реконструировать изменения границ района и мотивировку принятых решений. Дополнительно использованы опубликованные источники: справочные издания по административно-территориальному делению Татарской АССР (1930 г., 1960 г., 1966 г.), статистический бюллетень о численности населения муниципальных образований Республики Татарстан (2025 г.), данные Всероссийской переписи населения 2020 г. в разрезе национальностей. Методологическую основу исследования составили проблемно-хронологический метод, позволивший проследить эволюцию внешних границ района на всем протяжении рассматриваемого периода, и сравнительно-исторический метод, обеспечивший сопоставление показателей площади, численности населения и его национального состава на различных хронологических срезах. Количественный анализ статистических данных выявил тенденции территориального и демографического развития, а также этнических сдвигов.

Результаты и обсуждение

Актанышский район был образован в августе 1930 г. в ходе административно-территориальной реформы, заменившей существовавшее в Татарской АССР смешанное кантонно-волостное и районное деление на полностью районное.

Из Мензелинского кантона в Актанышский район целиком включались Актанышская и Байсаровская волости, частично – Амикеевская, Поисеевская и Семиостровская волости (таблица 1).

Таблица 1. Характеристика Актанышского района в разрезе включаемых волостей [1, с. 152–155].

Волость	Количество		
	сельсоветов	населенных пунктов	населения, чел.
Актанышская	15	23	16093
Амикеевская	4	9	4028

Байсаровская	12	22	12568
Поисеевская	2	3	1710
Семиостровская	20	41	20414
Всего	53	98	54813

В районе преобладало татарское население, с большим отрывом от которого шло русское и марийское (таблица 2).

Таблица 2. Национальный состав Актанышского района в разрезе включаемых волостей [1, с. 152–155].

Волость	**Количество населения, чел.**		
	татары	**русские**	**марийцы**
Актанышская	16093	–	–
Амикеевская	4009	19	–
Байсаровская	12165	286	117
Поисеевская	1710	–	–
Семиостровская	18846	840	728
Всего	52823	1145	845

Во всех без исключения включаемых в район территориях подавляющее большинство составляли татары (таблица 3).

Таблица 3. Удельный вес национальностей Актанышского района в разрезе включаемых волостей [рассчитано автором по таблице 2].

Волость	**Удельный вес национальностей, в %**			**Итого, в %**
	татары	**русские**	**марийцы**	
Актанышская	100	–	–	100
Амикеевская	99,5	0,5	–	100
Байсаровская	96,8	2,3	0,9	100
Поисеевская	100	–	–	100
Семиостровская	92,3	4,1	3,6	100
Всего	96,4	2,1	1,5	100

Площадь района равнялась 1700 км^2, средняя плотность населения составляла 32,2 чел. на км^2. Районным центром стало татарское с. Актаныш, которое к моменту образования района уже обладало развитой инфраструктурой. Здесь действовали: народный суд, почта, телефон, школа 1-й

ступени, клуб, изба-читальня, больница на 30 коек, агрономический и ветеринарный пункты, отделение потребительского союза, заготовительная контора, базар. Экономика района была аграрной. Цензовая промышленность была представлена единственным предприятием – сенопрессовальным заводом «Возрождение», располагавшимся в д. Татарский Азибей, где трудился 31 рабочий. Значительно шире был развит кустарный промысел: 1008 заведений, где были заняты 1100 чел., что составляло 2% от всей численности населения района. Наибольшее количество кустарей занималось маслоделием и швейным производством, а также крупяным и кузнечным промыслами, изготовлением валяной обуви и др. [2, с. 85–87].

В январе 1935 г. республиканская районная сеть подверглась изменениям, вызванным трудностями оперативного управления и контроля за колхозным строительством из-за чрезмерной величины части районов. В ходе этой реформы были образованы новые районы, в том числе и Калининский. В его состав из Актанышского района, в котором к тому времени насчитывался 41 сельсовет, передавались 16 сельских советов: Адаевский, Аккузовский, Атясевский, Верхне-Яхшеевский, Кузякинский, Сикинский, Старо-Агбязовский, Старо-Байсаровский, Старо-Кадырметьевский, Старо-Сафаровский, Старо-Урьядинский, Суранчакский, Табанлы-Кульский, Улимановский, Усинский и Чуракаевский, что составило 39% от их общего количества. В их составе насчитывалось 37 колхозов, 4318 хозяйств, 19820 чел. населения, из них татары составляли 95,7% [3, л. 6]. Это решение привело к существенному сокращению территории и населения Актанышского района. Но уже через год, 2 января 1936 г., было принято корректирующее решение. Суранчакский и Аккузовский сельсоветы были возвращены из Калининского района в Актанышский. Это было сделано исходя из пожеланий жителей этих сельсоветов, которые указывали на чрезмерную удаленность от нового райцентра (30–35 км) по сравнению с прежним (15–22 км), а также на сохраняющееся социально-экономическое тяготение к Актанышу [4, л. 17]. Эти изменения устраняли ошибки, допущенные при составлении проекта районирования. После этого возвращения количество сельсоветов в районе достигло 27 (таблица 4).

Таблица 4. Характеристика Актанышского района после разукрупнения [5, л. 12–13, 91, 92].

№	Сельские советы	Количество		Национальность
		селений	жителей, чел.	
1	Аишевский	1	1343	татары
2	Аккузовский	3	1491	татары

3	Актанышский	6	3080	татары
4	Барсуковский	2	1162	татары
5	Казкеевский	1	915	татары
6	Куяновский	4	2567	татары
7	Мари-Суксинский	1	652	марийцы
8	Миняровский	1	811	татары
9	Мрясевский	3	1348	татары
10	Ново-Алимовский	2	2459	татары
11	Ново-Курмашевский	3	1165	татары
12	Русско-Азибейский	2	483	русские
13	Старо-Алимовский	3	1341	татары
14	Старо-Бугадинский	6	2222	татары
15	Старо-Зияшевский	2	1159	татары
16	Старо-Курмашевский	4	2549	татары
17	Старо-Семиостровский	2	2259	татары
18	Старо-Султангуловский	2	843	татары
19	Суранчакский	3	589	русские
20	Такталачукский	3	2622	татары
21	Татарско-Азибейский	3	2681	татары, русские
22	Татарско-Суксинский	3	1602	татары
23	Татарско-Ямалинский	6	1623	татары, марийцы
24	Тлякеевский	1	1142	татары
25	Тыннамасовский	1	632	татары
26	Чалманаратский	5	1774	татары
27	Чатовский	2	882	татары
	Всего	75	41396	

Из 27 сельских советов 22 были исключительно татарскими, 2 – русскими, 1 – марийским, еще 2 – смешанными. При общем доминировании татарского населения русские и марийцы были сосредоточены преимущественно в моноэтнических сельсоветах, смешанными были лишь 2 – Татарско-Азибейский (татары и русские) и Татарско-Ямалинский (татары и марийцы).

В 1950-х гг. в республике начался процесс сокращения маломощных районов, который должен был способствовать совершенствованию структуры управления и уменьшению административных расходов. 12 октября

1959 г. был ликвидирован Калининский район, и 8 его сельсоветов – Атясевский, Кировский, Кузякинский, Поисеевский, Старо-Аймановский, Старо-Байсаровский, Старо-Сафаровский и Тюковский – были переданы Актанышскому району [6, л. 197]; в Актанышском районе тогда насчитывалось 1 поселковый и 15 сельских советов. Но на этом территориальные изменения не закончились. До конца 1959 г. граница между Актанышским и соседним Муслюмовским районами уточнялась еще дважды: 9 ноября в Актанышский район были переданы Верхне-Яхшеевский и Чуракаевский сельсоветы, а 28 декабря д. Сикия была перечислена в Муслюмовский район [7, л. 98, 128]. В результате всех этих изменений показатели Актанышского района по ряду позиций достигли своего исторического максимума. Площадь территории составила 2044,5 км^2, в административном отношении район включал 1 поселковый и 25 сельских советов, объединявших 120 населенных пунктов [8, с. 24–31]. Численность жителей увеличилась до 48811 чел., из которых городское население составляло 3630 чел. (7,4%), сельское – 45181 чел. (92,6%) [9, л. 54]. Средняя плотность населения равнялась 23,9 чел. на км^2. Таким образом, рубеж 1959 – начала 1960-х гг. стал пиковым периодом в истории района по площади и количеству селений, по имеющимся данным эти показатели в дальнейшем не были превышены. Но при этом численность населения так и не достигла уровня 1930 г., когда в районе насчитывалось 54813 чел.

Однако в таком виде район просуществовал недолго. 1 февраля 1963 г. в рамках реорганизации системы партийно-государственного управления по производственному принципу было проведено масштабное укрупнение районов. Предполагалось, что оно будет способствовать сокращению численности управленческого аппарата и концентрации ресурсов в крупных административных центрах. На практике же реформа привела к нарушению сложившихся хозяйственных и транспортных связей, поскольку значительная часть населенных пунктов оказалась существенно удалена от новых районных центров. Эта реорганизация затронула и Актанышский район, который был ликвидирован, а его территория целиком включена в состав Мензелинского района. Неэффективность нововведений стала очевидна достаточно быстро, и начался процесс разукрупнения районов. 12 января 1965 г. Актанышский район был восстановлен. В его состав из Мензелинского района были возвращены 1 поселковый и 25 сельских советов (таблица 5).

Площадь восстановленного района составила 2019 км^2, численность населения – 52600 чел., в том числе городское – 4700 чел. (8,9%), сельское – 47900 чел. (91,1%), средняя плотность населения – 26,1 чел. на км^2.

Восстановление района вернуло управление на уровень, соответствовавший сложившимся хозяйственным связям и транспортной доступности.

Таблица 5. Характеристика Актанышского района после восстановления [10, с. 25–31].

№	Советы	Количество		национальность
		населения	населенных пунктов	
поселковый совет				
1	Дербешкинский	4700	1	русские, татары
сельские советы				
2	Аккузовский	1300	5	татары, русские
3	Актанышский	4000	5	татары
4	Атясевский	1200	4	татары
5	Верхнеяхшеевский	1200	4	татары
6	Казкеевский	2000	3	татары
7	Кировский	2900	6	татары, русские
8	Кузякинский	2500	5	татары
9	Куяновский	1900	5	татары
10	Новоалимовский	2300	4	татары
11	Новокурмашевский	800	3	татары
12	Поисеевский	3100	4	татары, русские
13	Староайманов-ский	1300	3	татары
14	Старобайсаров-ский	1800	4	татары
15	Старобугадинский	2300	8	татары, русские
16	Старокурмашев-ский	2300	7	татары
17	Старосафаровский	1800	3	татары, марийцы
18	Старосемиостров-ский	1400	4	татары
19	Такталачукский	1600	3	татары
20	Татарско-Азибей-ский	1200	3	татары, русские
21	Татарско-Суксин-ский	2300	5	татары, марийцы
22	Татарско-Ямалин-ский	2700	11	татары, марийцы
23	Тлякеевский	1100	2	татары

24	Тюковский	2000	4	татары
25	Чишминский	900	2	татары
26	Чуракаевский	2000	4	татары
	Всего	52600	112	

В отличие от предыдущих периодов, характеризовавшихся радикальными реформами, после 1965 г. по имеющимся данным значимых административно-территориальных изменений района не было. По состоянию на 2025 г. Актанышский район занимает площадь 2037,8 км^2, средняя плотность населения равна 13,2 чел. на км^2. Он состоит из 26 сельских поселений, 87 населенных пунктов, где проживает 26911 чел. [11, с. 6].

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 г. в Актанышском районе насчитывалось 28534 чел.; национальный состав был следующим: татары – 97,4%, марийцы – 1,3%, русские – 0,7%, другие национальности – 0,6% [12].

Анализ территориальных и демографических показателей за 95-летний период выявляет разнонаправленные тенденции. При увеличении площади района в 1,2 раза (с 1700 км^2 до 2037,8 км^2) количество населенных пунктов сократилось в 1,1 раза (с 98 до 87), что отражает сокращение сети расселения. Но наиболее значительным оказалось снижение численности жителей с 54813 чел. до 26911 чел., то есть более чем в два раза.

При этом этническая структура населения демонстрирует высокую устойчивость. Если первоначально татары составляли 96,4% населения, то в 2020 г. – 97,4%. Доля русских снизилась с 2,1% до 0,7%, марийцев – с 1,5% до 1,3%. Указанные сдвиги незначительны по абсолютной величине в процентных пунктах, хотя в относительном выражении доля русского населения сократилась примерно втрое.

Выводы

Административно-территориальная история Актанышского района с 1930 по 2025 г. характеризуется чередованием укрупнений и разукрупнений: образование района, передача части его территории новому району, укрупнение, ликвидация и восстановление. Эти процессы отражали общие тенденции государственной политики: от сплошного районирования до реорганизации по производственному принципу и последующей стабилизации сети районов.

Территориальные преобразования привели к увеличению площади района в 1,2 раза при одновременном сокращении числа населенных пунктов в 1,1 раза. Снижение средней людности селений с 559 чел. в 1930 г. до 309 чел. в 2025 г. связано прежде всего не с изменением границ, а с сокра-

щением численности населения.

Независимо от административных преобразований демографическая динамика района характеризуется выраженным сжатием. Численность жителей сократилась более чем в два раза. Основными факторами, по-видимому, стали миграционный отток в города и естественная убыль, типичная для сельских регионов.

Этнический состав населения сохранил высокую стабильность. Доля татарского населения осталась на уровне выше 96%, что подтверждает статус Актанышского района как территории с исторически сложившимся татарским большинством и минимальными межэтническими сдвигами на протяжении всего периода наблюдения.

Библиографический список:

1. Списки сельсоветов и населенных пунктов по районам ТАССР. – Казань, 1930. 160 с.
2. Краткая экономическая характеристика районов Татарии. – Казань, 1930. 92 с.
3. ГАРТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. Р-4580. Оп. 1. Д. 2553.
4. ГАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1874.
5. ГАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 2896.
6. ГАРТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 952.
7. ГАРТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 731.
8. Татарская АССР: административно-территориальное деление на 1 марта 1960 г. – Казань: Таткнигоиздат, 1960. 307 с.
9. ГАРТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 756.
10. Татарская АССР: административно-территориальное деление на 1 января 1966 года / сост. И.Ш. Усманов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1966. 363 с.
11. Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан на начало 2025 года (Статистический бюллетень). – Казань, 2025. 21 с.
12. Всероссийская перепись населения 2020 г. Том 5. Национальный состав и владение языками, таблица 3 // URL: https://16.rosstat.gov.ru/vpn2020 (Дата обращения: 02.09.2026).

Reference

1. Lists of Village Councils and Settlements by District of the TASSR. – Kazan, 1930. 160 p.
2. Brief Economic Profile of the Districts of Tataria. – Kazan, 1930. 92 p.
3. GART (State Archive of the Republic of Tatarstan). F. R-4580. Op. 1. D. 2553.
4. GART. F. R-732. Op. 1. D. 1874.
5. GART. F. R-732. Op. 1. D. 2896.
6. GART. F. R-3610. Op. 1. D. 952.
7. GART. F. R-1296. Op. 18. D. 731.
8. Tatar ASSR: Administrative-Territorial Division as of March 1, 1960. – Kazan: Tatknigoizdat, 1960. 307 p.
9. GART. F. R-1296. Op. 18. D. 756.
10. Tatar ASSR: Administrative-Territorial Division as of January 1, 1966 / Comp. I.Sh. Usmanov. – Kazan: Tatar Book Publishers, 1966. 363 p.
11. Population Size of Municipal Formations of the Republic of Tatarstan at the Beginning of 2025 (Statistical Bulletin). – Kazan, 2025. 21 p. 2020 All-Russian Population Census. Vol. 5. Ethnic Composition and Language Proficiency, Table 3 // URL: https://16.rosstat.gov.ru/vpn2020 (02.09.2026).

Вурал Чагатай
Аспирант факультета Истории, Государственный академический университет гуманитарных наук при Правительстве Российской Федерации, Младший научный сотрудник Факультета гуманитарных наук и литературы, Университет Ардахана Республики Турции.

Нашивные бляшки на одежде из курганов скифов северного Кавказа: социокультурная оценка на основе сетевого анализа и комбинаторных критериев*

Аннотация. В статье скифские бляшки Северного Кавказа исследованы как индикаторы статуса, пола и связей. Сетевой анализ доказал, что они образуют строгие шаблоны («набор женщины», «набор воина»). Эволюция бляшек отражает рост богатства элиты и скифо-кавказский синтез. Они маркируют классовое расслоение, гендерную гибкость (амазонки), внешние контакты и консерватизм провинций, выступая важным историческим источником.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Скифский период, бляшки с изображением одежды, социальный статус, сетевой анализ.

Vural Cagatay
Postgraduate student in the Department of History, State Academic University for the Humanities under the Government of the Russian Federation; Junior Research Fellow in the Department of Humanities and Literature, Ardahan University, Turkey.

Sewn plaques on clothing from scythian burial mounds in the north Caucasus: a sociocultural assessment based on network analysis and combinatorial criteria

Abstract. This article examines Scythian plaques from the North Caucasus as indicators of status, gender, and social connections. Network analysis has shown that they form distinct patterns (“woman’s set,” “warrior’s set”). The evolution of these plaques reflects the growing wealth of the elite and the Scythian-Caucasian synthesis. They mark class stratification, gender flexibility (Amazons), external contacts, and provincial conservatism, serving as an important historical source.

Key words: North Caucasus, Scythian period, plaques depicting clothing, social status, network analysis.

* © Вурал Чагатай, 2026.

Введение и методологические рамки

Северный Кавказ в период с VIII по IV века до н. э. являлся зоной взаимодействия кочевых скифских племен и местных кавказских народов. Элементы одежды, обнаруженные в некоторых группах курганов этого периода (Ульские, Нартан, Новозаведенное, Дыш IV, Эльхотовский), и в особенности нашивные бляшки, пришитые к одежде, представляют собой нечто большее, чем просто эстетические украшения. Эти предметы выступали в качестве активных визуальных кодов, отражающих социальный статус, гендерные роли, региональные союзы и иерархию.

Как отмечает С. А. Яценко, у древних кочевников Евразии костюм являлся средством коммуникации, передающим окружающему миру четкую информацию о возрасте, поле и социальной принадлежности его владельца[1]. Однако находки скифского периода на Северном Кавказе до сих пор, как правило, изучались в качестве музейных экспонатов с точки зрения хронологической классификации или истории искусства (в частности, скифского звериного стиля). Нашивание тысяч золотых, серебряных или бронзовых бляшек на одежду по определённому порядку обусловливает необходимость переоценки этого археологического материала в рамках целостного подхода как индикатора идентичности и иерархии.

Методологическую основу данной статьи составляет «сетевой анализ» (Network Analysis / Сетевой метод), направленный на изучение пространственных и типологических взаимосвязей между находками. В рамках сетевого анализа каждый археологический элемент (например, золотая пластина или пряжка) и курган рассматриваются как самостоятельные «узлы» сети. Связи между этими узлами устанавливаются на основе сходств, таких как форма, технология изготовления, материал и пространственная близость. Данный метод позволяет анализировать культуру одежды скифов не как однородную, типовую структуру, а как динамическую культурную систему, формирующуюся в результате взаимодействия различных местных и элитных сетей[2].

Для расшифровки функции и социологического значения «бляшек» на одежде используются два основных аналитических критерия:

1. Контекстуальный критерий: анатомическое положение предмета в могиле, степень его сохранности и взаимосвязь с другими предметами[3]. При отсутствии органических материалов (ткани, кожи и т. п.) функцию

1 *Яценко С.А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). 2006. С. 426.

2 Пример применения «сетевого метода» в археологии и его подробное описание см.: Мордвинцева В.И. Сетевые Связи Варварских Элит Волго-Донского Региона (III в. до н.э.–сер. III в. н.э.). С. 2 vd.

3 Примеры такого использования включают: Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант (Свод археологических источников). 1977. С. 22-23.

бляшек определяет их расположение относительно скелета. Бляшки, расположенные рядом с черепом, относятся к головным уборам; бляшки в области груди – к верхней одежде; а бляшки у ног – к украшениям обуви.

2. Комбинационный критерий: вместо отдельного изучения предметов внимание сосредоточено на «стабильных и повторяющихся комбинациях», которые они образуют с другими предметами внутри гробницы. Благодаря этому критерию находки подразделяются на следующие категории: украшения верхней части тела (например, женский набор), наборы «пояс-воин» и престижные декоративные наборы[4].

В рамках данной статьи одежные бляшки, найденные в курганах Северного Кавказа, будут рассмотрены не просто как эстетические объекты, а проанализированы с точки зрения технологий изготовления, иконографических особенностей и их места в социальной иерархии.

Хронологическое и региональное распределение некоторых скифских бляшек на Северном Кавказе

Типологическое и функциональное развитие одежных бляшек на Северном Кавказе в период с VIII–VII веков до н. э. по IV век до н. э. имеет динамичную структуру, отражающую военные, дипломатические и экономические перипетии кочевой аристократии. При анализе находок из курганов в контексте сетевого анализа становится очевидным, что временное и пространственное распределение этих предметов сформировалось в четыре основных этапа.

Ранний период и влияние Ближнего Востока (VII век до н. э.): Этот этап представляет собой период, когда походы скифов в Ближний Восток (военные и дипломатические контакты) нашли прямое отражение в культуре одежды на Кавказе. В курганах Новозаведенное-II в Ставропольском крае, характерных для данного периода, наблюдается сосуществование раннего зооstиля и форм, заимствованных извне. В могиле молодого воина в возрасте 25–29 лет, обнаруженной в кургане № 16, были найдены 11 небольших бляшек (0,85 × 0,2 см) в форме лежащих кошачьих, изготовленных методом чеканки на золотой фольге, а также более крупная (2,3 × 1,5 см) вертикальная бляшка, на которой изображены три фигуры кошачьих[5] (Рис. 5). Установлено, что они украшали колчан (чехол для стрел) или пояс воина. В кургане № 7, представляющем собой женскую могилу того же пе-

4 Примеры применения данного метода см.: *Манцевич А.П.* О скифских поясах. 1941. С. 19-29; *Яценко С.А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). 2006. С. 426; *Shramko I. Jewelry*, Accessories, and Decorative Elements of Women's Funeral Costume of the First Half of the 6th Century BCE in the Territory of Forest-Steppe Scythia // Arts. 2024.

5 *Петренко В.Г., Маслов В.А., Канторович А.Р.* Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Новозаведенное-II в 1991-2003 гг. 2009. С. 226 и т.д.; *Маслов, В.Е., Петренко, В.Г.* Детали головных уборов и диадем из могильника Новозаведенное-II. С. 84-87.

риода, были обнаружены золотые бляшки в форме колышков[6]. Находкой, наиболее полно отражающей международные дипломатические связи того времени, являются восемь золотых розеток месопотамского происхождения, обнаруженные в мужском погребении кургана № 1 в Новозаведенном-II. Эти шестилепестковые розеты диаметром 2 см, с выпуклой серединой и двумя отверстиями для пришивания каждая, представляют собой яркий «узел культурной сети», демонстрирующий, как мода ближневосточных дворцов[7] была интегрирована в одежду скифской правящей элиты[8].

Период развития (конец VII века до н. э. – VI век до н. э.): С конца VII века до н. э. использование бляшек в курганах Нартан-I, расположенных на территории Кабардино-Балкарии (Центральный Северный Кавказ), приобретает иной морфологический характер. В этом регионе на первый план выходят скорее символические формы, чем зооморфные (животные) фигуры. В кургане № 12 Нартан-I было обнаружено пять золотых бляшек с символами солнца[9] (Рис. 1.), тогда как в кургане № 17 было выявлено девять круглых бляшек с рельефным орнаментом[10]. Данный факт свидетельствует о наличии межрегиональных символических и вероисповедных различий (в рамках субкультурных групп) в дизайне и использовании бляшек.

Период расцвета и великолепия (VI–V века до н. э.): VI и V века до н. э. – это период, когда военная мощь скифской элиты и её благосостояние, обусловленное добычей, достигли своего апогея. Это растущее богатство нашло прямое отражение в массе золота, использованного в одежде, и в размерах бляшек. Курганы Ульские (Уляп) в регионе Адыгея (Западный Кавказ) являются центром этой роскоши. В кургане Ульские 1909-10/1 были обнаружены крупные и тяжёлые золотые бляшки с изображениями льва, орла, пантеры и барана, воплощающие самые величественные черты скифского звериного стиля[11]. Кроме того, в кургане Ульские 1908/2 была обнаружена золотая бляшка с изображением оленя (Рис. 2), а в кургане

6 *Петренко В.Г., Канторович А.Р., Маслов В.А.* Раскопки раннего могильника скифской знати Новозаведенное-II в 1998 г. С. 171. *Петренко В.Г., Маслов В.А., Канторович А.Р.* Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация). 2004. С. 179.

7 О том, что подобные произведения использовались в дворцовой моде Ближнего Востока, см.: *Gansell A.R.* Dressing the Neo-Assyrian Queen in Identity and Ideology: Elements and Ensembles from the Royal Tombs at Nimrud (FIG. 10).

8 *Маслов В.Е., Петренко В.Г.* Указ. Соч. С. 79-82; *Медников М.Б.* Жизнь ранних скифов: реконструкция по антропологическим материалам могильника Новозаведонное. С. 52-53.

9 *Батчаев В.М.* Древности предскифского и скифского периодов. С.32; *Петренко В.Г.* Скифы на Северном Кавказе. 1989. С. 218-219; *Марченко Ю.В.* Обряд кремации в погребениях скифского периода на могильнике Нартан. С. 89.

10 *Батчаев В.М.* Указ. Соч. С. 37-38; *Петренко В.Г.* Указ. Соч. 1989. С. 218-219.

11 Отчет Императорской Археологической Комиссии. 1913. С. 147-148.

1908/3 – бляшка с изображением льва[12]. Использование такого необычайного количества золота является результатом стремления визуально подтвердить социальный статус правящего класса. В тот же период в женском захоронении кургана № 3 в Новозаведенном-II было обнаружено 54 стилизованные золотые бляшки в форме кошачьих глаз, глазные зрачки и очертания тела которых были детализированы с помощью тонкой ковки[13] (Рис.3,4). Использование этих плотных бляшек, каждая из которых имеет по два отверстия для шва, представляет собой классический пример «элитного набора украшений для женщин», который будет подробно рассмотрен в последующих разделах статьи.

Поздний период и технологическая переработка (V–IV вв. до н. э.): Период со второй половины V века до н. э. по IV век до н. э. представляет собой этап, на котором на первый план выходят не столько размеры бляшек, используемых в одежде, сколько тонкость ремесленного мастерства, а также более сложные технологии производства, такие как грануляция (зерна) и полихромия (многоцветность – эмаль). В кургане № 4 на памятнике Новозаведенное-III были обнаружены золотые свастики, искусно выполненные в технике грануляции, а также золотые бляшки в «смешанном зверином стиле», сочетающие в себе черты оленя и козла[14]. Кроме того, в кургане № 8 также обнаружена бляшка с аналогичным изображением оленя и козла[15]. Один из наиболее ярких примеров упомянутого технологического прорыва на Северном Кавказе был обнаружен в кургане № 1 на могильнике «Дыш IV» в Адыгее. В этом кургане было найдено десять квадратных золотых бляшек размером 2×2 см, которые, как предполагается, украшали корону или головной убор знатного лица. Три из этих бляшек были покрыты грануляцией (зернами), а остальные семь украшены многоцветными вставками (из стекла или полудрагоценных камней), образующими геометрические узоры и выполненными с использованием совершенной техники эмалирования (мине)[16].

Таким образом, данное хронологическое и региональное распределение доказывает, что бляшки на одежде в Северном Кавказе не являются статич-

12 Отчет Императорской Археологической Комиссии. 1912. С. 118.

13 *Петренко В.Г.* Раскопки у с. Новозаведенное. 1988. С. 141.

14 *Канторович А.Р., Маслов В.А.* Раскопки могильника Новозаведенное III. С. 252-254; *Канторович А.Р., Маслов В.А.* Курганное захоронение «Новозаведенное-III» как свидетельство пребывания скифов в Центральном Прикавказье в конце V–IV вв. до н.э. С. 107-139.

15 *Канторович А.Р.* Изделия в скифском зверином стиле из курганного могильника Новозаведенное-III в Центральном Прикавказье. С. 142-170.

16 *Андреева М.В. и др.* Дыш IV – новый культово-погребальный памятник раннего железного века в Предкавказье (раскопки 2011 г. в Республике Адыгея). С. 154-155.; *Андреева М.В., Гей А.Н.* Дыш IV – новый культово-погребальный памятник раннего железного века в Предкавказье. С. 317.

ными или случайно подобранными украшениями. Напротив, эти предметы являются материальными историческими свидетельствами, точно отражающими эволюцию социокультурных сетей скифов в регионе – от ранних взаимодействий с Ближним Востоком до огромного аристократического богатства классического периода и технологического совершенствования позднего периода.

Иконография и технологии производства (с сравнительным анализом)

Иконографические и технологические особенности бляшек с изображениями одежды эпохи скифов на Северном Кавказе являются основополагающими данными, демонстрирующими, как местные кавказские традиции, эстетика кочевых степей (скифско-сибирская) и мастерские Ближнего Востока образовали единое целое. Технологии изготовления и мотивы, сформированные под влиянием этих технологий, стали основными критериями, определяющими место владельцев бляшек в социальной иерархии.

Технологии производства и археометаллургический анализ: В курганах этого региона наиболее распространённым материалом для изготовления бляшек является золото. В частности, в ранний и классический периоды скифской культуры преобладают техники ковки и штамповки по шаблону, основанные на обработке тонких золотых пластин. Например, 54 бляшки в форме кошек, обнаруженные в женском захоронении кургана № 3 некрополя Новозаведенное-II, были изготовлены методом ковки на тонкой золотой фольге. В каждой из этих миниатюрных бляшек размером примерно 1 × 0,3 см проделано по два отверстия, чтобы их можно было пришить к одежде[17]. Аналогичным образом, восемь золотых розеток-бляшек, обнаруженных в мужском захоронении кургана № 1 в Новозаведенном-II, датируемого ранним скифским периодом (вторая половина VII века до н. э. – начало VI века до н. э.), также были изготовлены из золотого листа толщиной менее 1 мм, а их центры были сформированы в виде выпуклой пуговицы[18]. Если провести сравнение с другими регионами, становится очевидным, что технология серийного производства с использованием шаблонов из тонкого золотого листа была в мире скифов и сибиряков стандартизированным методом, применявшимся в гораздо более широких масштабах. В кургане Аржан-2 в Туве, где к одежде были пришиты тысячи фигурок кошек и пантер, изготовленных по одному и тому же шаблону (с использованием техники тяжелого литья для мужской одежды и техники легкого штамповки по шаблону для женской одежды) [19], свидетельствует о том, что традиция изготовления и комбинирования бляшек на Северном Кавказе является

17 *Маслов В.Е., Петренко В.Г.* Указ. Соч. 2021. С. 82-83.

18 *Маслов В.Е., Петренко В.Г.* Указ. Соч. С. 79-82; *Медников М.Б.* Указ. Соч. С. 52-53.

19 *Armbruster B. Meyer C.* Gold Artifacts from the Early Scythian Princely Tomb Arzhan 2, Tuva–Aesthetics, Function, and Technology. С. 13-14.

органической частью обширной технологической сети евразийских степей.

К концу этого периода (V–IV вв. до н. э.) в ювелирных технологиях Северного Кавказа произошло заметное усовершенствование и усложнение. Выйдя за рамки использования исключительно тонкой золотой фольги, в украшение бляшек для одежды были интегрированы такие декоративные техники, как грануляция (зерне), требующие гораздо большего мастерства и передовых методов термической обработки. Наиболее яркий пример этого обнаружен в кургане № 4 поселения Новозаведенное-III; здесь бляшки не представляют собой простой форму, а представляют собой золотые фигуры в виде свастики, украшенные тонко выполненными припаянными золотыми зернышками (грануляция).

Иконография и символический язык: С иконографической точки зрения бляшки Северного Кавказа демонстрируют все характерные черты скифского «звериного стиля» и его региональные адаптации. Наиболее распространёнными изображениями являются олени, орлы, бараны и, в особенности, хищные кошки. Мотивы кошачьих, представленные на 54 бляшках из кургана № 3 в Новозаведенном-II, отличаются крайне стилизованным характером, выраженным в круглых зрачках и заострённых очертаниях тела[20]. Что же касается представителей элиты Ульских курганов в Западном Кавказе (Адыгея), расположенных более к западу, то они максимально подчеркивали свою власть и богатство с помощью иконографии, используя золотые бляшки огромных размеров и значительного веса. Бляшки с изображениями оленей малого и большого размера, обнаруженные в кургане № 1 во время раскопок в Ульске в 1908 году, а также 10 золотых бляшек с изображениями львов и мотивы грифонов представляют собой роскошные и монументальные формы классического скифского звериного стиля[21]. Роскошные золотые бляшки с изображениями животных, найденные в этом регионе, в сочетании с бронзовыми браслетами и булавками местного кавказского производства, представленные на одном и том же костюме, создали скифо-кавказский синтез, свидетельствующий о том, что Кавказ являлся центром интенсивного культурного взаимодействия[22].

Одним из новых иконографических аспектов, приобретенных скифским «звериным стилем» в поздний период, является появление компо-

20 *Петренко В.Г.* Указ. Соч. 1988. С. 141.

21 Отчет Императорской Археологической Комиссии. 1912. С. 118.

22 Для получения подробных теоретических рассуждений о «культурном синкретизме» и процессе слияния культур, возникающих в результате сосуществования в одних и тех же комплексах элементов местных кавказских костюмов (бронзовые украшения, булавки) и находок в стиле «звериного стиля», относящихся к культуре скифских степей, см.: *Козенкова В.И.* Хронология Кобанской Культуры: Достижения, Опыт Уточнения, Нерешенные Проблемы. С. 83 и т.д.; Мошинский А.П. Взаимосвязь Населения Горных Районов Северного Кавказа со Скифами (по дигорским материалам). С. 39 и т.д.

зитных (гибридных) фигур животных. Среди золотых бляшек, обнаруженных в кургане № 4 в Новозаведенном-III, особое внимание привлекает изображение гибридного животного, в котором в одном теле объединены черты оленя и козла (Рис. 6). Наряду с зооморфными (животными) фигурами неотъемлемой частью иконографии бляшек являются растительные и геометрические формы, свидетельствующие о дипломатических связях с Ближним Востоком. Шестилепестковые золотые розетки, заимствованные из Ближнего Востока и часто встречающиеся в погребениях раннего периода в районе Новозаведенного, отражают престижную моду, которую скифская элита интегрировала в местную одежду в результате южных походов. Свастики и различные геометрические элементы, встречающиеся в поздний период, представляют собой символическое отражение на поверхности одежды связи кочевой системы верований с небесными телами и устройством Вселенной.

Если рассматривать ситуацию в региональном разрезе, становится очевидным, что облик скифской культуры менялся в зависимости от географического положения. В то время как элита Западного Кавказа (Ульские) демонстрировала абсолютное богатство и открытость миру с помощью огромных золотых бляшек в виде животных, элита Нартана в Среднем Кавказе в тот же период предпочитала тяжелые предметы, изготовленные из железа и бронзы, а не из золота. Данная ситуация ясно показывает, что технология изготовления бляшек и их иконография не являются лишь временной художественной тенденцией; при анализе в контексте сетевого анализа становится очевидным, что они являются активными индикаторами идентичности, отражающими силу, корни и дипломатическую ориентацию каждого клана или региональной элиты.

Номерные знаки как показатель социального статуса, иерархии и пола

Бляшки, пришитые к одежде в курганах скифов Северного Кавказа, являются не просто эстетическим украшением, а активными индикаторами идентичности, которые демонстрируют окружающему миру пол, социальный класс, а также административное и воинское звание человека. При анализе по комбинаторным критериям становится очевидным, что распределение этих металлических бляшек по телу и одежде несет в себе иерархические и социологические послания.

Элитный женский набор и гибкость гендерных ролей: В могилах женщин высокого социального положения золотые бляшки являются наиболее характерным элементом «украшенного женского набора». Одним из наиболее типичных примеров являются 54 стилизованные золотые бляшки с изображением кошек, обнаруженные в кургане № 3 в Новозаведенное-II и пришитые к головной уборке или верхней одежде женщины. С другой сто-

роны, случаи, когда гендерные роли среди скифской элиты были не столь чёткими, также можно проследить по бляшкам и сопутствующим предметам. В кургане № 7 в Новозаведенном-II, в могиле элитной женщины, погребённой с золотыми бляшками на одежде, также были обнаружены полный комплект оружия и боевая колесница, что свидетельствует о том, что женщины высшего сословия могли обладать равным с мужчинами военным званием (статусом воина/амазонки) [23].

Комбинации воинов-мужчин и дипломатический статус: В мужских погребениях бляшки на одежде представляют собой аксессуары, которые в основном служат для украшения военного снаряжения или подчеркивают дипломатические привилегии. Например, золотые фольгированные бляшки в форме лежащих кошек, обнаруженные в могиле молодого воина в кургане № 16 в Новозаведенном-II, были непосредственно вшиты в одежду с целью украшения его колчана (чехла для стрел) или пояса[24]. Наиболее ярким свидетельством дипломатического влияния в одежде является мужское погребение в кургане № 1 в Новозаведенном-II. В этом погребении шестилепестковые золотые розетки-бляшки, происходящие из Ближнего Востока (Месопотамии) и пришитые к одежде скифского воина, служат визуальным средством, узаконивающим престиж правителя в международных кругах и его элитный статус[25].

Заключение

Нашивные бляшки, найденные в курганах эпохи скифов на Северном Кавказе, представляют собой не только эстетическое украшение, но и многослойные исторические свидетельства, позволяющие воссоздать социальную, культурную и политическую динамику этого региона.

Применение в данной работе сетевого анализа и комбинаторных критериев позволило нам перестать рассматривать находки как объекты, оторванные от контекста бляшек, и определить их в качестве активных составляющих устойчивых ритуальных комплектов (комплект элитной женщины, комплект воина с поясом и т. д.). Их расположение на теле и одежде, материалы изготовления и иконография свидетельствуют о том,

23 *Петренко В.Г., Канторович А.Р., Маслов В.А.* Указ. Соч. С.171. *Петренко В.Г., Маслов В.А., Канторович А.Р.* 2004. Указ. Соч. С. 179.

24 *Петренко В.Г., Маслов В.А., Канторович А.Р.* 2009. С.226 и т.д.; *Маслов, В.Е., Петренко, В.Г.* Указ. Соч. С. 84-87.

25 *Маслов В.Е., Петренко В.Г.* Указ. Соч. С. 79-82; *Медников М.Б.* Указ. Соч. С. 52-53. Кроме того, Родинкова в своей работе прямо указала, что импортные предметы, обнаруженные в могилах, являются признаком высокого социального статуса см.: *Родинкова В.Е.* Новая Находка Византийского Серебряного Сосуда с Клеймом В Восточной Европе. С. 157. Кроме того, Галанина указала, что находки ближневосточного происхождения, обнаруженные в кургане № 1, относятся к эпохе Ашшурбанипала. см.: Галанина Л.К. К Проблеме Хронологии Келермесских Курганов. С. 104-105.

что эти металлические бляшки выполняли функцию «активных индикаторов идентичности», заявляющих о принадлежности данного человека к определенной группе.

В социологическом контексте анализ бляшек наглядно демонстрирует глубокую иерархию в скифском обществе и гибкость гендерных ролей. Контраст между элитой, увенчанной богатыми золотыми бляшками и престижными предметами, и безымянными слугами без титулов, погребенными рядом с ними, свидетельствует о резких классовых различиях в архитектуре гробниц. С другой стороны, как роскошные золотые бляшки, украшавшие одежду, так и полностью вооружённые женщины из элиты, свидетельствуют о том, что в высших слоях общества женщины также могли обладать административной и военной властью (амазонская идентичность).

С культурной и дипломатической точек зрения бляшки свидетельствуют о том, что Северный Кавказ являлся центром взаимодействия. Золотые розеткообразные бляшки ближневосточного (месопотамского) происхождения, пришитые к одежде скифской элиты, являются материальным воплощением международных дипломатических связей и военного престижа. В то же время отказ от использовании роскошных скифских золотых бляшек в провинциальных некрополях, таких как Эльхотовский, и предпочтение простым бронзовым формам, присущим местной кобанской культуре[26], свидетельствует о сознательном культурном сопротивлении и консерватизме в вопросах идентичности, проявляемых в провинции в противовес господствующей кочевой эстетике.

В заключение следует отметить, что нашивные бляшки являются одним из важнейших и наиболее динамичных археологических средств коммуникации, позволяющих нам проследить взаимоотношения между центром и периферией, международные дипломатические контакты, а также военные звания и социальный статус в общинах Северного Кавказа эпохи скифов и раннего железного века.

Библиографический список:

1. Андреева М.В., Гей А.Н. Дыш IV -новый культово-погребальный памятник раннего железного века в Предкавказье // Археологические открытия 2010-2013 годов. 2015. С. 316-318.

2. Андреева М.В., Гей А.Н., Очиров Д.В., Успенский П.С. Дыш IV-новый культово-погребальный памятник раннего железного века в Прикавказье (раскопки 2011 г. в Республике Адыгея) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации XXVII Крупновских чтений / ред. М.С. Гаджиев. – Махачкала: Мавраев, 2012. С. 154-155.

3. Armbruster B., Meyer C. Gold Artifacts from the Early Scythian Princely Tomb Arzhan 2, Tuva–Aesthetics, Function, and Technology. Arts. 2024. № 13 (46). С. 1-42.

4. Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т.2 / ред. Абрамов М.П., Козенкова В.И. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7-134.

26 *Чшиев В.Т.* Эльхотовский могильник как эталонный памятник кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии. С. 224-225.

5. Галанина Л.К. К Проблеме Хронологии Келермесских Курганов // Российская Археология. 1994. № 1. С. 92-107.
6. Shramko I. Jewelry, Accessories, and Decorative Elements of Women's Funeral Costume of the First Half of the 6th Century BCE in the Territory of Forest-Steppe Scythia // Arts 2024, № 13, 35. // URL: https://doi.org/10.3390/arts13010035
7. Gansell A. R. Dressing the Neo-Assyrian Queen in Identity and Ideology: Elements and Ensembles from the Royal Tombs at Nimrud // American Journal of Archaeology. 2018. № 122 (1). С. 65-100.
8. Канторович А.Р. Изделия в скифском зверином стиле из курганного могильника Новозаведенное-III в Центральном Прикавказье // «На Ионический лад я пою…»: Сборник статей в честь Н.М. Никулиной / ред. Налимова Н.А. – М.: КДУ; Университетская книга, 2018. С. 142-170.
9. Канторович А.Р., Маслов В.А. Курганное захоронение «Новозаведенное-III» как свидетельство пребывания скифов в Центральном Прикавказье в конце V–IV вв. до н.э. // Исторические исследования. 2017. № 8. С. 107-139.
10. Канторович А.Р., Маслов В.А. Раскопки могильника Новозаведенное III // Археологические открытия 2015 года / ред. Лопатин Н.В. – М.: ИА РАН, 2017. С. 252-254.
11. Козенкова В.И. Хронология Кобанской Культуры: Достижения, Опыт Уточнения, Нерешенные Проблемы // Советская Археология. 1990. № 3. С. 64-92.
12. Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант (Свод археологических источников. Вып. В2-5). – М.: Издательство «Наука», 1977. С. 22-23.
13. Манцевич А.П. О скифских поясах // Советская Археология, 1941. № 7. С. 19-29.
14. Марченко Ю.В. Обряд кремации в погребениях скифского периода на могильнике Нартан // Археологические вести. 2015. № 21. С. 88-103.
15. Маслов В.Е., Петренко В.Г. Детали головных уборов и диадем из могильника Новозаведенное-II // ВОСТОК. 2021. № 6. С. 78-89.
16. Медников М.Б. Жизнь ранних скифов: реконструкция по антропологическим материалам могильника Новозаведонное II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: Палеоэкология, антропология и археология / ред. Гуляев В.К., Ольховский В.С. – М.: ИА РАН, 2000. С. 51-58.
17. Мордвинцева В.И. Сетевые Связи Варварских Элит Волго-Донского Региона (III в. до н.э.– сер. III в. н.э.) // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2021. № 2. С. 2-59.
18. Мошинский А.П. Взаимосвязь Населения Горных Районов Северного Кавказа со Скифами (по дигорским материалам) // Российская Археология. 1997. № 3. С. 33-45.
19. Отчет Императорской археологической комиссии / Отчет Императорской археологической комиссии за 1908 год. – СПБ.: 1912. С. 118.
20. Отчет Императорской археологической комиссии / Отчет Императорской археологической комиссии за 1909–1910 гг. – СПБ.: 1913. С. 147-148.
21. Петренко В.Г. Раскопки у с. Новозаведенное // Археологические открытия 1986 года / ред. Шилов В.П. – М.: Наука, 1988. С. 140-141.
22. Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе // Археология СССР: Степи европейской части СССР в скифо-сарматскую эпоху / ред. Рыбаков Б.А. – М.: Наука, 1989. С. 216-223.
23. Петренко В.Г., Канторович А.Р., Маслов В.А. Раскопки раннего могильника скифской знати Новозаведенное-II в 1998 г. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 4. С. 170-174.
24. Петренко В.Г., Маслов В.А., Канторович А.Р. "Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация)", P.M. Munchayev (Ed.). Arkheologicheskiye Pamyatniki Rannego Zheleznogo Veka Yuga Rossii (Sbornik Statey), (179-210). 2004. Moskova: İA RAN.
25. Петренко В.Г., Маслов В.А., Канторович А.Р. Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Новозаведенное-II в 1991-2003 гг. // Археологические открытия 1991-2004 гг. 2009. С. 225-234.
26. Родинкова В.Е. Новая Находка Византийского Серебряного Сосуда с Клеймом В Восточной Европе // Российская Археология. 2012. № 4. С. 151-158.
27. Чшиев В.Т. Эльхотовский могильник как эталонный памятник кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии: дис. ... докт. истор. наук. – Владикавказ: ГБУ «ИИиА РСО-Алания», 2017.
28. Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы) – М.: Восточная литература РАН, 2006.

Reference

1. Andreeva M.V., Gey A.N. Dysh IV—a new cult and burial site of the Early Iron Age in Ciscaucasia // Archaeological Discoveries of 2010–2013. 2015. P. 316-318.
2. Andreeva M.V., Gey A.N., Ochirov D.V., Uspensky P.S. Dysh IV—a new cult and burial site of the Early Iron Age in Ciscaucasia (2011 excavations in the Republic of Adygea) // Latest Discoveries in the Archaeology of the North Caucasus: Research and Interpretations of the XXVII Krupnov Readings / Ed. M.S. Gadzhiev.

– Makhachkala: Mavraev, 2012. P. 154-155.
3. Armbruster B., Meyer C. Gold Artifacts from the Early Scythian Princely Tomb Arzhan 2, Tuva–Aesthetics, Function, and Technology. Arts. 2024. № 13 (46). P. 1-42.
4. Batchaev V.M. Antiquities of the Pre-Scythian and Scythian periods // Archaeological Research at New Construction Sites in Kabardino-Balkaria, 1972–1979. Vol. 2 / Eds. Abramov M.P., Kozenkova V.I. Nalchik: Elbrus, 1985. P. 7-134.
5. Galanina L.K. On the Problem of the Chronology of the Kelermes Kurgans // Russian Archaeology. 1994. № 1. P. 92-107.
6. Shramko I. Jewelry, Accessories, and Decorative Elements of Women's Funeral Costume of the First Half of the 6th Century BCE in the Territory of Forest-Steppe Scythia // Arts 2024. № 13, 35. // URL: https://doi.org/10.3390/arts13010035
7. Gansell A. R. Dressing the Neo-Assyrian Queen in Identity and Ideology: Elements and Ensembles from the Royal Tombs at Nimrud // American Journal of Archaeology. 2018. № 122 (1). P. 65-100.
8. Kantorovich A.R. Artifacts in the Scythian Animal Style from the Novozavedennoye-III Kurgan Cemetery in the Central North Caucasus // "I Sing in the Ionian Mode...": Collection of Articles in Honor of N.M. Nikulina / Ed. N.A. Nalimova. – Moscow: KDU; Universitetskaya Kniga, 2018. P. 142-170.
9. Kantorovich A.R., Maslov V.A. The burial mound "Novozavedennoye-III" as evidence of the presence of the Scythians in the Central Caucasus in the late 5th–4th centuries BC. 2017. № 8. P. 107-139.
10. Kantorovich A.R., Maslov V.A. Excavations of the Novozavedennoye III Cemetery // Archaeological Discoveries of 2015 / Ed. N.V. Lopatin. – Moscow: IA RAS, 2017. P. 252-254.
11. Kozenkova V.I. Chronology of the Koban Culture: Achievements, Refinement Efforts, and Unresolved Issues // Sovetskaya Arkheologiya [Soviet Archaeology]. 1990. № 3. P. 64-92.
12. Kozenkova V.I. The Koban Culture: Eastern Variant (Corpus of Archaeological Sources. Issue B2-5). – Moscow: Nauka Publishing House, 1977. P. 22-23.
13. Mantsevich A.P. On Scythian Belts // Sovetskaya Arkheologiya [Soviet Archaeology]. 1941. № 7. P. 19-29.
14. Marchenko Yu.V. The Cremation Rite in Scythian-Period Burials at the Nartan Burial Ground // Arkheologicheskie Vesti [Archaeological News]. 2015. № 21. P. 88-103.
15. Maslov V.E., Petrenko V.G. Details of Headdresses and Diadems from the Novozavedennoye-II Burial Ground // Vostok [The East]. 2021. № 6. P. 78-89.
16. Mednikov M.B. The Life of Early Scythians: Reconstruction Based on Anthropological Materials from the Novozavedennoye-II Burial Ground // Scythians and Sarmatians in the 7th–3rd Centuries BC: Paleoecology, Anthropology, and Archaeology / Eds. Gulyaev V.K., Olkhovsky V.S. – Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2000. P. 51-58.
17. Mordvintseva V.I. Network Ties of Barbarian Elites in the Volga-Don Region (3rd Century BC – Mid-3rd Century AD) // Multidisciplinary Studies in Archaeology. 2021. № 2. P. 2-59.
18. Moshinsky A.P. Relationship between the Population of the Mountainous Regions of the North Caucasus and the Scythians (based on Digor materials) // Russian Archaeology. 1997. № 3. P. 33-45.
19. Report of the Imperial Archaeological Commission / Report of the Imperial Archaeological Commission for 1908. – St. Petersburg: 1912. p. 118.
20. Report of the Imperial Archaeological Commission / Report of the Imperial Archaeological Commission for 1909–1910. – St. Petersburg: 1913. P. 147-148.
21. Petrenko V.G. Excavations near the village of Novozavedennoe // Archaeological discoveries of 1986 / ed. V.P. Shilov. – Moscow: Nauka, 1988. P. 140-141.
22. Petrenko V.G. Scythians in the North Caucasus // Archaeology of the USSR: Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian era / ed. B.A. Rybakov. – Moscow: Nauka, 1989. P. 216-223.
23. Petrenko V.G., Kantorovich A.R., Maslov V.A. Excavations of the early burial ground of the Scythian nobility Novozavedennoe-II in 1998 // Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation. 1999. № 4. P. 170-174.
24. Petrenko V.G., Maslov V.A., Kantorovich A.R. "Burial of a noble Scythian woman from the Novozavedennoe-II burial ground (preliminary publication)", P.M. Munchayev (Ed.). Archaeological Monuments of the Early Iron Age in Southern Russia (Sbornik Statey), (179-210). 2004. Moscow: IA RAS.
25. Petrenko V.G., Maslov V.A., Kantorovich A.R. "Some Results of the Investigation of the Early Scythian Burial Ground Novozavedennoye-II in 1991–2003." // Archaeological discoveries 1991-2004. 2009. P. 225-234.
26. Rodinkova V.E. New Find of a Byzantine Silver Vessel with a Stamp in Eastern Europe // Russian Archaeology. 2012. № 4. P. 151-158.
27. Chshiev V.T. Elkhotovsky burial ground as a standard monument of the Koban culture of the foothill zone of North Ossetia: diss. ... doc. Hist. sciences. – Vladikavkaz: State Budgetary Institution "Institute of Archaeology and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania", 2017.
28. Yatsenko S.A. Moscow: Vostochnaya Literatura RAS, 2006.

КАРТИНКИ

Рис. 1. Батчаев В.М. 1985. С. 86.

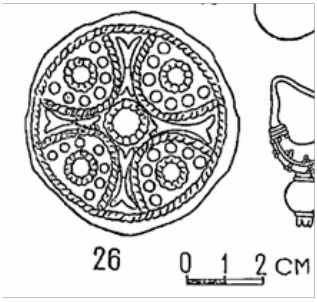

Рис. 2. ИАК. 1918. С. 118.

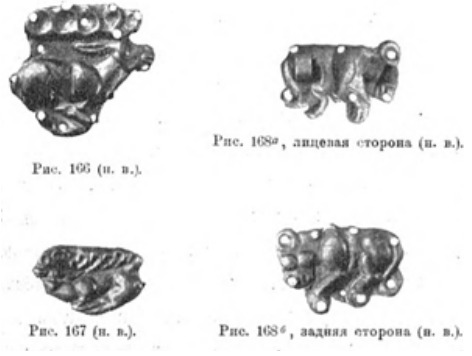

Рис. 3. Маслов В.А., Петренко В.Г. 2021. С. 91.

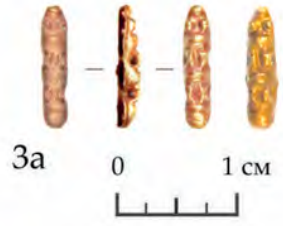

Рис. 4. Маслов В.А., Петренко В.Г. 2021. С. 90.

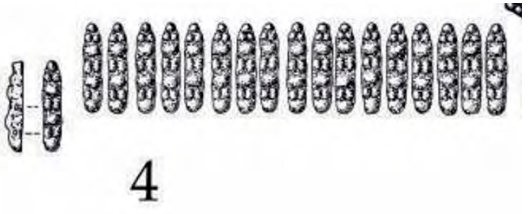
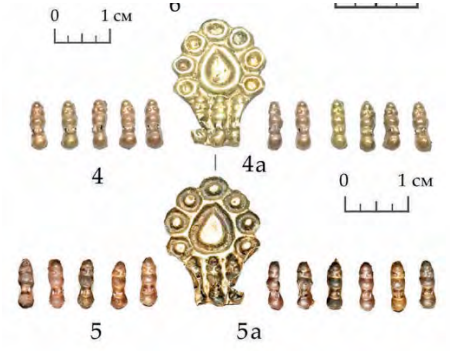

Рис. 6. Канторович А.Р., Маслов В.А. 2017. С. 253.

Рис. 5. Маслов В.А.,. Петренко В.Г. 2021. С. 91.

Чебарев В.В.
Заместитель начальника факультета (артиллерийского), соискатель. Михайловская военная артиллерийская академия, г. Санкт-Петербург.

Сравнительный анализ деятельности офицерской артиллерийской школы в начале XX века (1904-1909 гг.)*

Аннотация. В статье на основе анализа архивных материалов, периодической печати и отчетных документов рассматривается эволюция Офицерской артиллерийской школы (ОАШ) за пять лет своей деятельности (1904-1909 гг.). Цель исследования – выявить основные векторы трансформации школы как военно-учебного заведения. Методологическая основа – сравнительно-исторический анализ с применением статистических методов. Исследуются изменения количественного и качественного состава переменного состава, кадровой политики, учебных программ, материально-бытовых условий. Особое внимание уделяется переходу школы от этапа организационного становления к зрелой системе военного образования, способной к самооценке через анонимные опросы обучающихся. Сделан вывод, что за пятилетний период ОАШ превратилась из учреждения повышения квалификации капитанов в обязательный этап карьерного роста командиров батарей и дивизионов.

Ключевые слова: офицерская артиллерийская школа, ОАШ, 1904 год, 1909 год, переменный состав, штаб-офицеры, подготовка артиллерийских командиров, военное образование, сравнительный анализ.

Chebarev V.V.
Deputy Head of the Faculty (Artillery), Degree Candidate. Mikhailovskaya Military Artillery Academy, St. Petersburg.

Comparative analysis of the activities of the officer artillery school in the early 20th century (1904-1909)

Abstract. The article, based on the analysis of archival materials, periodicals, and official reports, looks at the evolution of the Officer Artillery School (OAS) over five years of its activity (1904-1909). The aim of the study is to identify the main directions of transformation of the school as a military educational institution. The methodological basis is a comparative-historical analysis using statistical methods. The research examines changes in the quantitative and qualitative composition of the student body, personnel policies, curricula, and living conditions. Special attention is given to the school's shift from the

* © Чебарев В.В., 2026.

stage of organizational formation to a mature military education system capable of self-assessment through anonymous student surveys. The conclusion is that over the five-year period, the OAS transformed from a captain-level advanced training institution into a mandatory step in the career progression of battery and division commanders.

Key words: Officers' Artillery School, OAS, 1904, 1909, variable personnel, senior officers, training of artillery commanders, military education, comparative analysis.

Введение

Офицерская артиллерийская школа (ОАШ) была учреждена 14 марта 1882 года на основании Высочайше утвержденного положения об Офицерской артиллерийской школе стрельбы [1]. Создание школы стало важнейшим этапом в развитии отечественного военного образования, поскольку она была призвана решать двуединую задачу: во-первых, обеспечивать теоретическую и практическую подготовку старших офицеров артиллерии к самостоятельному выполнению обязанностей командира батареи, а во-вторых, способствовать развитию и совершенствованию искусства стрельбы в артиллерии, распространению единообразных взглядов на употребление огня в бою [1].

К началу XX века ОАШ представляла собой ведущее военно-учебное заведение, деятельность которого во многом определяла уровень боевой готовности артиллерийских частей и качество подготовки командных кадров.

В исторической литературе вопросы эволюции ОАШ рассматривались фрагментарно. В работах советского периода (С.В. Волков, М.Н. Руткевич и др.) акцент делался на классовый состав офицерского корпуса и социально-экономические аспекты военной службы [5]. Современная российская историография (А.И. Каменев, А.В. Карагодин) содержит работы по истории военного образования в целом, однако детальный анализ трансформации конкретных учебных заведений, в том числе ОАШ, в переломные моменты отечественной истории до сих пор остается недостаточно разработанным [6; 7]. Настоящее исследование восполняет этот пробел.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения эволюции военно-педагогических систем в переломные моменты отечественной истории. Опыт ОАШ по организации учебного процесса, внедрению системной обратной связи с обучающимися и адаптации к изменяющимся условиям представляет интерес не только для историков, но и для специалистов в области военной педагогики.

Цель исследования - провести комплексный сравнительный анализ состояния Офицерской артиллерийской школы в 1904 и 1909 годах, выявив основные векторы ее эволюции как военно-учебного заведения, опреде-

лить качественные и количественные изменения в учебном процессе, кадровом составе и социально-бытовом обеспечении.

Задачи исследования: сопоставить организационно-штатную структуру ОАШ; проанализировать изменения качественного состава переменного состава; выявить эволюцию учебных программ и методов обучения; исследовать динамику материально-бытового обеспечения; определить трансформацию роли школы в системе карьерного роста.

Методология исследования.

Исследование базируется на принципах историзма и объективности. Применены сравнительно-исторический, статистический и контент-анализ. Основными источниками послужили отчетные документы ОАШ за 1904 и 1909 годы [2; 3], организационно-штатные положения [4], а также материалы анонимного анкетирования офицеров 1904 и 1909 гг. [8]. Выбор источников обусловлен их репрезентативностью: они содержат полные статистические сведения о составе обучающихся, программах и условиях обучения. Для обработки количественных данных применялись методы описательной статистики.

Основная часть

Период 1904–1909 годов, охвативший Русско-японскую войну и последовавшие за ней военные реформы, стал временем глубоких трансформаций для ОАШ [9]. Война выявила серьезные недостатки в подготовке артиллерийских командиров, что потребовало пересмотра учебных программ, методов обучения и самой роли школы в системе карьерного роста офицеров. Кроме того, в этот период произошли существенные изменения в организационно-штатной структуре школы, был приобретен собственный полигон под Лугой, началось перевооружение артиллерии скорострельными орудиями. Все это требовало от школы адаптации к новым условиям и выработки новых подходов к обучению.

Рассмотрим в своем исследовании: организационно-штатную структуру и численность; качественный состав переменного состава; роль школы в карьерном продвижении; учебный процесс; социальные и бытовые условия.

1. Организационно-штатная структура и численность

Сравнительный анализ показывает существенные изменения в структуре ОАШ (см. табл. 1).

Таблица 1. Сравнение организационной структуры ОАШ в 1904 и 1909 годах.

Параметр	1904 год	1909 год
Штатная численность	60 капитанов и 40 штаб-офицеров	45 мест

Фактическая численность (полевой отдел)	55 офицеров	88 офицеров
Фактическая численность (Крепостной отдел)	10 офицеров	25 офицеров
Наличие помощника начальника школы	Должность введена	Действует
Кадровый резерв руководителей	Отсутствует	Признан необходимым

Источник: составлено автором по [2; 3; 4].

В 1904 году организационно-штатная структура Офицерской артиллерийской школы определялась положением о школе, утвержденным в 1882 году, с изменениями, внесенными в 1896 году. Согласно организационно-штатным мероприятиям, утвержденным 21 марта 1906 года, переменный состав Полевого отдела должен был составлять 60 капитанов и 40 штаб-офицеров. Однако фактически в школе обучалось 55 офицеров, из которых 11 (20%) составляли штаб-офицеры и 44 (80%) – обер-офицеры (капитаны и есаулы). В Крепостном отделе обучалось 10 офицеров.

В структуре управления школы в 1904 году произошли существенные изменения: были введены должности помощника начальника школы (в чине полковника с правами командира полка) и заведующего хозяйством (штаб-офицер). Начальник школы был приравнен к начальнику артиллерии корпуса (в чине генерал-лейтенанта). Также в штат была введена должность ветеринарного врача. Эти меры были направлены на повышение эффективности управления школой и совершенствования организации учебного процесса.

Учебный процесс в 1904 году организовывался в 4 партиях (группах) по 13-15 человек в каждой. Занятия проводились с 1 февраля по 1 сентября (Полевой отдел) и по 15 сентября (Крепостной отдел). В связи с Русско-японской войной часть офицеров была досрочно откомандирована в действующую армию, для оставшихся организоввали ускоренные курсы.

К 1909 году организационно-штатная структура школы претерпела дальнейшие изменения. Штатная численность Полевого отдела была установлена в 45 мест (40 штаб-офицеров и 48 обер-офицеров), однако фактически в школе обучалось уже 88 офицеров. В Крепостном отделе обучалось 25 офицеров. Количество партий увеличилось до 7-8. Значительно расширилась практическая часть обучения: увеличилось число артиллерийских поездок и батарейных стрельб.

Важным изменением стало признание необходимости формирования кадрового резерва руководителей. В отчетах школы 1909 года отмечалось,

что отсутствие запасных руководителей создает серьезные трудности: в случае болезни одного из них курс ведет один человек, что крайне затруднительно для 25 обучающихся офицеров. Было высказано пожелание о прикомандировании к школе двух опытных помощников руководителей, которые замещали бы штатных руководителей и одновременно готовились как будущие руководители.

Таким образом, за пятилетний период произошло значительное увеличение численности переменного состава (с 55 до 88 человек в Полевом отделе и с 10 до 25 в Крепостном), усложнение организационной структуры управления и осознание необходимости формирования кадрового резерва руководителей. Эти изменения отражали рост значения школы в системе подготовки артиллерийских кадров и повышение требований к качеству обучения.

2. Качественный состав переменного состава

Переменный состав Офицерской артиллерийской школы в 1904 году представлял собой социально и профессионально однородную группу офицеров, направляемых на переподготовку перед назначением на ключевые командные должности. В соответствии с положением о школе, переменный состав в основном назначались капитаны полевой и гвардейской артиллерии, а также есаулы казачьей артиллерии, состоявшие в списках на должностях командиров батарей. Направление в школу осуществлялось в обязательном порядке, без вступительных экзаменов, что было обусловлено острой потребностью армии в подготовленных кадрах.

Демографический портрет слушателей 1904 года был следующий: из 55 офицеров переменного состава 44 (80%) составляли обер-офицеры (капитаны) и 11 (20%) – штаб-офицеры; средний возраст слушателей колебался в пределах 44–48 лет; подавляющее большинство офицеров были семейными людьми (из 44 опрошенных – 34 человека); по социальному происхождению преобладали потомственные дворяне – 42 человека из 55 (около 77%).

Образовательный уровень также характеризовался определенным единообразием: 32 офицера окончили кадетские корпуса и военные гимназии, 28 человек – военные училища по I разряду. При этом лишь единицы имели высшее военное образование (один окончил Михайловскую артиллерийскую академию, трое – Николаевскую академию Генерального штаба). По роду службы преобладали офицеры полевых артиллерийских бригад – 26 человек.

К 1909 году качественный состав переменного состава претерпел существенные изменения. Численность переменного состава Полевого отдела увеличилась с 55 до 88 офицеров. Доля штаб-офицеров возросла почти до 50% (по штатному расписанию – 40 штаб-офицеров и 48 обер-офицеров). В Крепостном отделе обучалось уже 25 офицеров. Средний возраст слуша-

телей повысился до 45-50 лет, а доля семейных офицеров достигла 77% (34 из 44 опрошенных). Доля потомственных дворян увеличилась примерно до 83%.

Таким образом, к 1909 году произошло качественно-количественное выравнивание соотношения штаб- и обер-офицеров в переменном составе. Это имело принципиальное значение, поскольку штаб-офицеры – будущие командиры дивизионов – должны были получать в школе не только практические навыки стрельбы, но и тактическое образование для управления крупными артиллерийскими соединениями.

Трансформация качественно-количественного состава отражала изменение роли школы (см. табл. 2): из учреждения повышения квалификации капитанов она превращалась в обязательный этап карьерного роста для всех категорий артиллерийских командиров.

Таблица 2. Сравнение качественного состава переменного состава.

Показатель	1904 год	1909 год
Доля штаб-офицеров	~20% (11 из 55)	~46% (по штату 40 из 88)
Доля обер-офицеров	~80% (44 из 55)	~54% (по штату 48 из 88)
Средний возраст слушателей	44–48 лет	45–50 лет
Доля семейных офицеров	~70%	77% (34 из 44)
Доля потомственных дворян	~77% (42 из 55)	~83%

Источник: составлено автором по [2; 3; 4; 8].

К 1909 году произошло выравнивание соотношения. Доля штаб-офицеров достигла почти 50% [4]. Это имело принципиальное значение, поскольку штаб-офицеры – будущие командиры дивизионов – должны были получить тактическое образование.

3. Роль школы в карьерном продвижении

К 1909 году статус Офицерской артиллерийской школы в системе карьерного роста офицеров качественно изменился. Если в 1904 году прохождение курса рассматривалось как желательное, но не обязательное условие для получения командной должности, то к 1909 году успешное окончание школы становится безусловным требованием для назначения командиром батареи [3; 8]. Офицеры, не прошедшие курс, таких должностей не получали [8]. Школа превратилась в ключевой элемент системы профессиональной селекции командных кадров, выполняя функцию «фильтра», отсеивающего офицеров, не соответствующих современным требованиям.

Важным нововведением стало внедрение системной обратной связи с войсковыми частями через анонимное анкетирование офицеров, по-

зволявшее корректировать учебные программы с учетом практических потребностей армии [8]. Система контроля также усилилась: инспекционные комиссии, созданные в 1904 году, к 1909 году приобрели экзаменационный характер, что подчеркивало высокий статус школы и значимость ее аттестатов [8].

Таким образом, к концу рассматриваемого периода ОАШ заняла положение одного из ключевых элементов профессионального отбора и карьерного роста в русской артиллерии. Роль школы в карьерном продвижении офицеров представлена в таблице 3.

Таблица 3. Роль школы в карьерном продвижении офицеров.

Показатель	1904 год	1909 год
Обязательность окончания для получения батареи	Не закреплена	Безусловно обязательна
Подготовка командиров дивизионов	Начальный этап	Основная задача
Формирование кадрового резерва руководителей	Не предусмотрено	Признано необходимым
Обратная связь с частями	Эпизодическая	Систематическая

Источник: составлено автором по [2; 3; 9].

4. Учебный процесс

В 1904 году учебный курс Полевого отдела был продолжительностью 7 месяцев (с 1 февраля по 2 сентября), Крепостного отдела – 7,5 месяцев (по 15 сентября) [2]. Зимний период (с 1 февраля) был отведен теоретическому преподаванию, летний – практическим занятиям. Занятия проводились в 4 партиях по 13-15 человек в каждой [2]. В связи с Русско-японской войной часть офицеров была досрочно выпущена, для них были организованы ускоренные курсы [2, с. 120-121]. Теоретический курс включал сведения по стрельбе, тактику артиллерии, общую тактику, материальную часть, топографию и иппологию. Каждый офицер за время обучения проводил индивидуально 8-12 батарейных стрельб [2].

К 1909 году структура обучения стала более системной и практико-ориентированной. Зимний период в Царском Селе был посвящен повторению теоретических сведений по стрельбе, тактике, материальной части; летний период на Сергиевском полигоне под Лугой – практическим стрельбам и артиллерийским поездкам [8]. Количество партий увеличилось до 7-8, что позволяло более индивидуализировано подходить к обучению [8]. Количество батарейных стрельб на каждого офицера составило 10-12, артилле-

рийские поездки были существенно расширены [8]. Важнейшим нововведением стало введение в 1909 году анонимного анкетирования офицеров для оценки качества преподавания и выявления проблем [8], что позволило школе учитывать мнение обучающихся при корректировке учебных программ [8]. – Сравнительная характеристика учебного процесса 1904 и 1909 гг. (см. табл. 4).

Таблица 4. Сравнительная характеристика учебного процесса 1904 и 1909 гг.

Критерий	1904 год	1909 год
Продолжительность курса (Полевой отдел)	7 месяцев	7 месяцев
Продолжительность курса (Крепостной отдел)	7,5 месяцев	7,5 месяцев
Количество партий	4 партии	7–8 партий
Количество стрельб на офицера	8–12	10–12
Артиллерийские поездки	Ограниченно	Существенно расширены
Система обратной связи	Отсутствует	Анонимное анкетирование

Источник: составлено автором по [2; 3; 8].

5. Социальные и бытовые условия

В 1904 году основное внимание в нормативных документах уделялось организационным вопросам довольствия: вводились усиленные оклады жалованья, суточные деньги (с 1 мая по 10 сентября), пособие в размере третьей части жалования по окончании курса, разрешалась перевозка собственных лошадей офицеров за казенный счет [4]. Квартирный вопрос регламентировался нормативно: офицеры получали квартирные деньги по окладу Царского Села за зимнее время и за два летних месяца [2].

К 1909 году положение существенно изменилось. Офицеры в своих анонимных отзывах остро критикуют несоответствие получаемого довольствия реальным расходам. Добавка к жалованию в 15 рублей в месяц признается «ничтожной» [8, с. 217]. Огромной проблемой становится «жизнь на два дома» для семейных офицеров (34 из 44 опрошенных были семейными), вызванная невозможностью перевезти семью из-за дороговизны и отсутствия казенных квартир [8, с. 207-215]. Офицеры указывают, что казенных квартир мало, распределяются они по старшинству, что вызывает недовольство. Стоимость частного жилья в Царском Селе достигала в то время 80 рублей в месяц при квартирном окладе в 30 рублей [8, с. 213]. Рас-

квартирование в Усть-Ижорском лагере признается неудовлетворительным: бараки сырые, темные, тесные [8, с. 207-215]. Столовая в офицерском собрании также вызывает нарекания – офицеры жалуются на невкусную пищу, несвежие продукты и высокие цены [8, с. 210]. Таким образом, несмотря на рост статуса школы, материально-бытовое обеспечение офицеров ухудшилось по сравнению с их ожиданиями, что снижало эффективность обучения [8]. Сравнительная характеристика социально-бытовых условии 1904 и 1909 гг. представлена в таблице 5.

Таблица 5. Сравнительная характеристика социально-бытовых условии 1904 и 1909 гг.

Критерий	1904 год	1909 год
Денежное довольствие	Усиленный оклад, суточные, пособие	Усиленный оклад (+15 руб.), суточные
Квартирный вопрос	Регламентирован нормативно	Критическая ситуация, нехватка казенных квартир
Проблема «Жизни на два дома»	Отмечается	Острая, систематическая
Оценка питания	Удовлетворительная	Неудовлетворительная

Источник: составлено автором по [2; 3; 8].

Заключение

Проведенный сравнительный анализ деятельности Офицерской артиллерийской школы в 1904 и 1909 годах позволяет сделать следующие выводы.

1. Качественная трансформация переменного состава. За пятилетний период произошло существенное изменение соотношения штаб- и обер-офицеров в переменном составе. Если в 1904 году доля штаб-офицеров составляла около 20% (11 из 55), то к 1909 году по штатному расписанию она достигла почти 50% (40 штаб-офицеров и 48 обер-офицеров) [2; 4]. Это свидетельствует о том, что школа окончательно перестала быть учреждением, готовящим исключительно командиров батарей, и превратилась в центр подготовки командных кадров всех уровней – от командира батареи до командира дивизиона. Качественный состав обучающихся также изменился: подавляющее большинство составляли опытные офицеры со средним возрастом 45-50 лет, семейные, имеющие дворянское происхождение [3; 8].

2. Изменение роли школы в системе карьерного роста. Если в 1904 году прохождение курса ОАШ рассматривалось как желательное, но не строго обязательное условие для получения командной должности, то к 1909 году успешное окончание школы становится безусловным требованием для назначения на должность командира батареи [3; 8]. Офицеры, не прошедшие

курс, таких должностей не получали [8, с. 230]. Таким образом, ОАШ превратилась из учреждения повышения квалификации капитанов в ключевой элемент системы профессионального отбора и карьерного роста артиллерийских командиров. Школа стала выполнять функцию «фильтра», отсеивая офицеров, не соответствующих современным требованиям.

3. Эволюция учебного процесса. Учебный процесс стал более системным и практико-ориентированным. Количество партий увеличилось с 4 до 7-8, что позволяло более индивидуально подходить к обучению [2; 8]. Зимний период в Царском Селе был посвящен систематизации теоретических знаний, летний период на Сергиевском полигоне под Лугой – практическим стрельбам и артиллерийским поездкам [8]. Количество батарейных стрельб на каждого офицера составляло 10-12, что обеспечивало высокий уровень практической подготовки [8]. Важнейшим нововведением стало внедрение с 1904 года системы обратной связи через анонимное анкетирование офицеров, что позволило школе учитывать мнение обучающихся при корректировке учебных программ и выявлять существующие проблемы [8]. Школа продемонстрировала способность к самоанализу и готовность к самосовершенствованию.

4. Обострение социально-бытовых проблем. Несмотря на рост статуса школы, материально-бытовое обеспечение офицеров вызывало серьезные нарекания. Добавка к жалованию в 15 рублей признавалась «ничтожной» [8, с. 217]. Острая нехватка казенных квартир, дороговизна частного жилья (до 80 рублей в месяц при окладе 30 рублей), проблема «жизни на два дома» для семейных офицеров, неудовлетворительные условия расквартирования в Усть-Ижорском лагере и низкое качество питания в офицерском собрании – все это снижало эффективность обучения и вызывало массовые нарекания со стороны слушателей [8, с. 207-215]. Указанные проблемы указывали на разрыв между нормативными установками и реальными жизненными обстоятельствами офицеров, что требовало безотлагательного решения.

5. Рост требовательности и статуса школы. Повышение требований к выпускникам, создание системы ежегодных инспекционных комиссий из представителей разных родов войск (пехоты, кавалерии, артиллерии, Генерального штаба) и внедрение обратной связи свидетельствуют о превращении ОАШ в ведущий методический центр подготовки артиллерийских кадров [4; 8]. К 1909 году инспекционные проверки приобрели экзаменационный характер, что подчеркивало высокий статус школы и значимость ее аттестатов для дальнейшей службы офицеров [8, с. 170-172].

Таким образом, за пятилетний период (1904–1909 гг.) Офицерская артиллерийская школа прошла значительный путь развития: от учреждения повышения квалификации капитанов до обязательного этапа карьерного

роста для будущих командиров батарей и дивизионов. Учебный процесс стал более системным и практико-ориентированным, внедрена система обратной связи с обучающимися. При этом сохранялись и обострялись социально-бытовые проблемы, связанные с материальным обеспечением офицеров. Опыт ОАШ по организации анонимного анкетирования обучающихся, внедрению системного учета мнения слушателей и корректировке учебных программ на основе обратной связи остается актуальным и может быть рекомендован для применения в современных военно-учебных заведениях.

Библиографический список:

1. Артиллерийский журнал. 1883. № 3. С. 1-11.
2. Артиллерийский журнал. 1905. № 1. С. 73-90.
3. Артиллерийский журнал. 1907. № 10. С. 9-103.
4. Приложение J к отчету НИР «Переподготовка и повышение квалификации артиллерийских командиров в период с 1882 по 1917 гг.» (часть 2). С. 98-103.
5. Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М.: Центрполиграф, 2003. 512 с.
6. Каменев А.И. История подготовки офицерских кадров в России. – СПб.: Нестор, 2009. 284 с.
7. Карагодин А.В. Военное образование в России во второй половине XIX – начале XX века. – М.: Издательство МГУ, 2012. 342 с.
8. Баранов ОАШ.docx – Отчет о деятельности Офицерской артиллерийской школы в 1909 году. С. 1-251.
9. Кузьмин-Короваев В.Д. Русско-японская война и реформа армии // Военный сборник. 1906. № 4. С. 45-62.
10. Приложение О к отчету НИР «Переподготовка и повышение квалификации артиллерийских командиров в период с 1882 по 1917 гг.» (часть 6). С. 119-177.
11. Приложение Щ к отчету НИР «Переподготовка и повышение квалификации артиллерийских командиров в период с 1882 по 1917 гг.» (часть 6). С. 254-278.
12. Приложение Э к отчету НИР «Переподготовка и повышение квалификации артиллерийских командиров в период с 1882 по 1917 гг.» (часть 6). С. 279-309.
13. Артиллерийский журнал. 1906. № 7. С. 38-44.
14. Наставление для обучения стрельбе полевой артиллерии. – СПб., 1901. 186 с.
15. Сборник сведений о стрельбе крепостной и осадной артиллерии / Под ред. А. Руктешеля. – СПб., 1908. 412 с.
16. Пилявец Г.А. История создания Офицерской артиллерийской школы / Г.А. Пилявец, С.И. Дьяков // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 1(49). С. 22-24.
17. Чебарев В.В. Деятельность Великого князя Михаила Николаевича по развитию и совершенствованию технической составляющей артиллерии и артиллерийского образования в военно-учебных заведениях / В.В. Чебарев, С.И. Дьяков // Парадигма. 2025. № 6-3. С. 48-54.
18. Дьяков С.И. О некоторых вопросах редакционно-издательской деятельности Офицерской артиллерийской школы / С.И. Дьяков, А.М. Воронежский // Педагогическое образование. 2020. Т. 1. № 1. С. 17-25.
19. Чебарев, В.В. Деятельность Офицерской артиллерийской школы (ОАШ) по распространению официальных и частных изданий (уставов, учебников, учебных пособий, задачников и бланков) / В.В. Чебарев, С.И. Дьяков, А.В. Горохов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 10 (103). С. 4102-4116.
20. Дьяков С.И. Практические занятия крепостного и полевого отдела офицерской артиллерийской школы по обучению командиров батарей (дивизионов) / С.И. Дьяков, Г.А. Пилявец // Педагогика: наука и искусство: сборник материалов международной научной конференции, Москва, 27–28 декабря 2014 года / под редакцией Е.Д. Нелуновой. – Москва: Международный центр научно-исследовательских проектов, 2015. С. 32-35.
21. Чебарев В.В. Деятельность офицерской артиллерийской школы по подготовке артиллерийских командиров накануне и в ходе первой мировой войны / В.В. Чебарев, С.И. Дьяков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 23-26.

22. Краткий анализ деятельности крепостного и полевого отдела офицерской артиллерийской школы / С.И. Дьяков, Г.А. Пилявец, С.Ю. Добряк, К.А. Кисин // Национальная Ассоциация Ученых. 2015. № 4-5. С. 19-22.

Reference

1. Artillery magazine. 1883. № 3. P. 1-11.
2. Artillery magazine. 1905. № 1. P. 73-90.
3. Artillery magazine. 1907. № 10. P. 9-103.
4. Appendix J to the research report "Retraining and Advanced Training of Artillery Commanders, 1882–1917" (Part 2). P. 98-103.
5. Volkov S.V. Russian officer corps. Moscow: Tsentrpoligraf, 2003. 512 p.
6. Kamenev A.I. History of officer training in Russia. St. Petersburg: Nestor, 2009. 284 p.
7. Karagodin A.V. Military education in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. – Moscow: Moscow State University Publishing House, 2012. 342 p. Moscow: Moscow State University Press, 2012. 342 p.
8. Baranov OASH.docx – Report on the Activities of the Officers' Artillery School in 1909. P. 1-251.
9. Kuzmin-Korovayev V.D. The Russo-Japanese War and Army Reform // Military Collection. 1906. № 4. P. 45-62. 1906. № 4. P. 45-62.
10. Appendix O to the research report "Retraining and Advanced Training of Artillery Commanders, 1882–1917" (Part 6). P. 119-177.
11. Appendix Shch to the research report "Retraining and Advanced Training of Artillery Commanders, 1882–1917." (Part 6). P. 254-278.
12. Appendix E to the research report "Retraining and Advanced Training of Artillery Commanders from 1882 to 1917" (Part 6). P. 279-309.
13. Artillery magazine. 1906. № 7. P. 38-44.
14. Manual for training in field artillery shooting. St. Petersburg, 1901. 186 p.
15. Collection of information on the shooting of fortress and siege artillery / Ed. by A. Rukteshel. St. Petersburg, 1908. 412 p.
16. Pilyavets G.A. History of the Establishment of the Officers' Artillery School / G.A. Pilyavets, S.I. Dyakov // *Uchenye Zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes: Electronic Scientific Journal of Kursk State University]. 2019. № 1(49). P. 22-24.
17. Chebarev V.V. The Activities of Grand Duke Mikhail Nikolayevich Regarding the Development and Improvement of the Technical Component of Artillery and Artillery Education in Military Educational Institutions / V.V. Chebarev, S.I. Dyakov // Paradigm. 2025. № 6-3. P. 48-54.
18. Dyakov S.I. On Certain Issues Regarding the Editorial and Publishing Activities of the Officers' Artillery School / S.I. Dyakov, A.M. Voronezhsky // Pedagogical Education. 2020. Vol. 1. № 1. P. 17-25.
19. Chebarev V.V. Activities of the Officers' Artillery School (OAS) regarding the distribution of official and private publications (regulations, textbooks, study guides, problem books, and forms) / V.V. Chebarev, S.I. Dyakov, A.V. Gorokhov // Issues of National and Federal Relations. 2023. Vol. 13. № 10 (103). P. 4102-4116.
20. Dyakov S.I. Practical training sessions conducted by the fortress and field departments of the Officers' Artillery School for battery (battalion) commanders / S.I. Dyakov, G.A. Pilyavets // Pedagogy: Science and Art: Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, December 27–28, 2014 / Ed. by E.D. Nelunova. – Moscow: International Center for Research Projects, 2015. P. 32-35.
21. Chebarev V.V. Activities of the Officers' Artillery School in training artillery commanders on the eve of and during World War I / V.V. Chebarev, S.I. Dyakov // Modern Science: Current Issues of Theory and Practice. Series: Humanities. 2022. № 3. P. 23-26.
22. A brief analysis of the activities of the fortress and field departments of the Officers' Artillery School / S.I. Dyakov, G.A. Pilyavets, S.Yu. Dobryak, K.A. Kisin // National Association of Scientists. 2015. № 4–5. P. 19-22.

Рущенко Г.С.
ИИМО ЮФУ Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону. ORCID: 0009-0000-3079-2510

Друзья, нейтралы и враги: семантический контент-анализ социальных категорий в воззвании анархиста Я.В. Махайского 1902 г.*

Аннотация. На основе контент-анализа исследуются бинарные оппозиции и группы эпитетов в воззвании анархиста начала XX века, Яна Вацлава Махайского. Анализ репрезентативного для раннего этапа махаевщины источника позволил установить, что центральную оппозицию образуют рабочие и интеллигенция (как эксплуататорская группа, стремящаяся монополизировать знание и «войти в элиты»). Правительство и буржуазия занимают подчиненное положение в системе эпитетов и смыкаются с интеллигенцией по признаку враждебности пролетариату. Вопреки распространенному в историографии утверждению, в документе отсутствует призыв к борьбе с еврейскими погромами; «еврейство» используется как иронический эпитет интеллигенции. Результаты вносят вклад в пересмотр упрощенных оценок махаевщины как примитивного антиинтеллектуализма и демонстрируют, что Ян Махайский предлагал умеренно рациональную критику «культурного капитала», предвосхитившую более поздние теории «нового класса» и ключевого значения информации в постиндустриальном обществе.

Ключевые слова: Ян Вацлав Махайский, махаевщина, анархия, анархизм, идеология, контент-анализ, интеллигенция, история России.

Rushchenko G.S.
Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don. ORCID: 0009-0000-3079-2510

Friends, neutrals, and enemies: semantic content analysis of social categories in the 1902 appeal by anarchist J.W. Machajski

Abstract. Based on content analysis, the study examines binary oppositions and clusters of epithets in the 1902 appeal in the work of early 20th-century anarchist Jan Wacław Machajski. The analysis of a source representative of the early phase of Makhaevshchi-

* © Рущенко Г.С., 2026.

na reveals that the central opposition is formed by workers versus intelligentsia (the latter conceived as an exploitative group seeking to monopolize knowledge and "join the elites"). The government and the bourgeoisie occupy a subordinate position in the system of epithets and align with the intelligentsia on the basis of their hostility to the proletariat. Contrary to a widespread historiographical claim, the document contains no call to fight Jewish pogroms; rather, "Jewishness" is used as an ironic epithet for the intelligentsia. The findings contribute to revising oversimplified assessments of Makhaevshchina as primitive anti-intellectualism and demonstrate that Jan Machajski offered a moderately rational critique of "cultural capital", anticipating later theories of the "new class" and the crucial role of information in post-industrial society.

Key words: Jan Wacław Machajski, Makhaevshchina, anarchy, anarchism, ideology, content analysis, intelligentsia, history of Russia.

Введение.

Обращение к наследию радикальных течений начала XX века остается одной из востребованных областей в изучении российской политической истории. Идеи Яна Вацлава Махайского, получившие обозначение «махаевщины», долгое время рассматривались либо как маргинальный эпизод в истории анархизма, либо как сугубо антиинтеллигентский выпад, недостойный серьезного теоретического анализа. Подобное отношение, восходящее к оценкам современников от В.И. Ленина до Л.Д. Троцкого, закрепляло за Махайским статус эксцентричного памфлетиста, но не самостоятельного социального мыслителя.

Между тем, предпринятая им попытка пересмотреть марксистскую схему классовой борьбы через введение «интеллигенции» как особой эксплуататорской группы имеет прямые параллели с более поздними дискуссиями о «новом классе», технократии и культурном капитале. В современной историографии (к примеру, М. Черновской) наметился пересмотр этого наследия, однако конкретные тексты Махайского, в особенности его воззвание 1902 г., остаются недостаточно изученными с точки зрения систематического анализа социальных категорий.

Актуальность работы определяется методологическим запросом. Контент-анализ как качественно-количественный метод редко применяется к текстам русского анархизма, хотя он позволяет выявить не только явные, но и латентные семантические структуры – соотношение «друзей», «нейтралов» и «врагов», эмоциональную тональность описания социальных групп, скрытые приемы агитации.

Обращение к махаевщине продуктивно в контексте исторической психологии и истории идей: оно показывает, как ссыльный интеллигент конструирует образ «своего» пролетариата и «чужой» образованной элиты,

используя язык, во многом заимствованный у той же элиты, но направленный против нее.

Материалы и методы.

В статье непосредственно изучается воззвание анархиста Яна Вацлава Махайского 1902 года [1, с. 41-45]. Оно является главным и единственным рассматриваемым источником (в силу поставленных рамок исследования).

Исследование проводилось преимущественно с применением общенаучных методов и, в особенности, контент-анализа. Контент-анализ в данном исследовании понимается как метод качественно-количественного анализа содержания документов с целью выявления и измерения различных фактов и тенденций, отраженных в этих документах [9, с. 153-159].

Дополнительный контекст.

Ян Вацлав Махайский[1] (1866 – 1926) происходил из семьи малоимущего чиновника Келецкой губернии. Он окончил гимназию с золотой медалью, обучался медицине в Варшаве, а потом Цюрихском университете, подрабатывал редактурой текстов и переводами.

В студенчестве примкнул к социалистам, в конце 1880-х - к нелегальной польской организации с террористическими методами. В 1891 г. арестован на 4 месяца, затем эмигрировал в Цюрих.

С 1892 г. публиковал статьи, выпустил листовку с призывом к рабочим Лодзи к забастовке и единству с русскими революционерами. При попытке нелегально вернуться в Польшу арестован на границе. Оказался лидером Цюрихской группы польской молодежи. В 1893 г. приговорен к 2 годам тюрьмы и 5 годам ссылки в Восточную Сибирь под надзор полиции. После Иркутска, пишет Н.Е. Москалев [7, с. 209-214], следующим этапом ссылки для Яна Вацлава стал Якутск, куда он был доставлен 16 января 1896 г., а позже выслан в Вилюйск.

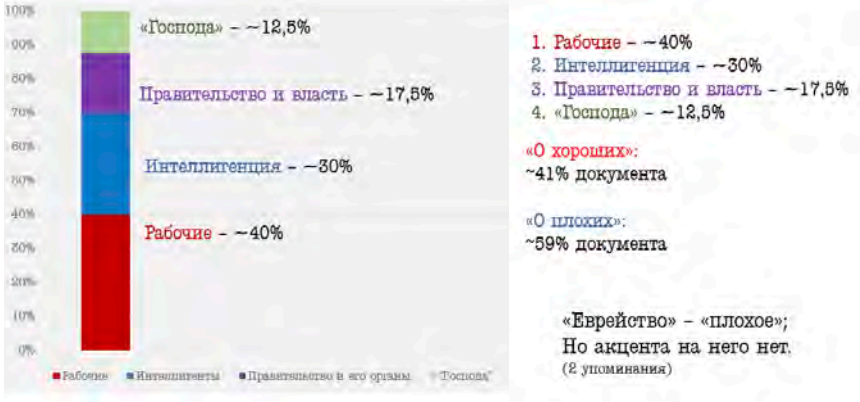
В Вилюйске Махайский общался с социал-демократами, народниками и анархистами, обсуждая альтернативы «русского пути к социализму»: эволюцию по европейскому образцу или прямой переход к социализму через общину и артели, минуя буржуазную революцию. Не дождавшись конца ссылки, он в 1898 г. начал писать памфлет «Умственный рабочий», создавая собственное, близкое к анархизму учение о классовой борьбе (по оценке Н.Е. Москалева).

В течение последующих пяти лет Ян Вацлав занимался углублением создаваемой теории и активно публиковался.

Л.Д. Троцкий упоминает, что идеи Яна Вацлава активно обсуждались

1 Имя передается также как Ян-Вацлав.

Рисунок 2. Процент упоминаемости выделенных в тексте Я.В. Махайского «групп» (в т. ч. по схож. семантике).

в социалистических кругах и оказали некоторое влияние на шедшие в них дискуссии [9, с. 8].

В течение года после публикации Я.В. Махайский был осужден и впоследствии совершил побег, после которого он перестал играть значимую роль в качестве идеолога и политической фигуры.

Результаты контент-анализа.

Были осуществлены количественный подсчет упоминаний, выделение содержательных категорий, контекстная интерпретация, анализ оценки. По их итогам можно увидеть следующее распределение упоминаемости (см. рис. 2):

Чаще всего в документе упоминаются рабочие. Они противопоставляются остальным категориям: интеллигенции, правительству и властям, а также «господам»-собственникам.

Все три «враждебные категории» объединяются друг с другом, грань между ними в труде Я. В. Махайского специально размыта. В интересах интеллигенции – «пристроиться» (наняться на службу к «господам», самим стать «господами» или обслуживать правительственный эксплуатационный аппарат).

Враждебной группе посвящено более половины документа. Из этого можно предположить, что, согласно воззрениям Я.В. Махайского данного периода, равно важным было как очерчивать враждебные социальные группы, так и формировать образ «своих» (то есть рабочих).

Встречается использование «еврейства» в антисемитском ключе, однако без значимого националистического нарратива. Более того, «еврейство»

упомянуто в рамках эпитета для обозначения интеллигенции.

Вопреки утверждению Н.Е. Москалева, В.В. Кривенького и И.Е. Задорожнюка [3, с. 212, 297], в воззвании нет призыва к борьбе с погромами; «еврейство» используется как иронический эпитет интеллигенции.

Выявленные образные определения, придающие эмоциональную окраску в контексте «рабочих» в данном документе, эмоциональная характеристика группы со стороны Я.В. Махайского, можно разделить на две группы:

1. **«Страдающие».** Голодающие, необразованные, каторжные, рабские, стихийные, безработные, единодушные, обманутые.

2. **«Деятельные».** Упорные, мощные, возмутившиеся, физические.

Примерное соотношение «рабочих» как «деятельных и борющихся» против «страдающих» соответствует примерно одной трети.

Пример дополнительного усиления образа «страдающих» рабочих наблюдается в следующем предложении: «перестреляли и переколотили более полусотни» [1, с. 42-44] – использование намеренного плеоназма, амплификации (сделать образ страданий ярче; господ и правительство хуже).

Я. В. Махайский для подкрепления собственной аргументации приводит случаи «резни рабочих в Риге», указывает на то, что их «расстреливают в массовых стачках», и что за труд рабочие получают «гроши».

В документе нет речи о крестьянстве. Оно упоминается однократно. Это противоречит идее, что анархисты «преимущественно опираются на мелких собственников и крестьян». В. И. Ленин, критикуя народников, указывал на буржуазную природу «трудового» крестьянства, но эта критика применима и к анархизму [4, с. 233].

Одна из причин, почему крестьянство не рассмотрено, может быть связана с тем, что Ян Вацлав испытал влияние трудов Энгельса и Маркса, и поэтому в первую очередь на момент 1902 года он рассматривал пролетариат движущей силой революции [3, с. 295].

Эмоциональная характеристика группы со стороны Я.В. Махайского:

1. Образованное (общество, люди).
2. Ученые (профессора, писатели).
3. Революционная (интеллигенция).
4. Непристроившаяся (!)
(ищет место).
5. Фарисейская (наука, ученые).
6. Социал-демократическая (интеллигенция).
7. Еврейская.
8. Благовоспитанная (публика).
9. Приличная (публика – ирония).
10. Либеральное (общество).
11. Господствующий (ученый мир).

12. Правящие (люди из интеллигенции).
13. Западноевропейское (образованное общество).
14. Буржуазные (революционеры, политики).
15. «**Социалистические**» (ученые – в кавычках, с насмешкой)

Критика интеллигенции занимает вторую по важности тему воззвания. Объясняет это ранее упомянутым стремлением интеллигенции занять господствующее положение в обществе и, заняв его, сохранить свои привилегии и права на полученную от государственного аппарата и «господ» новых благ.

Интеллигенция иногда пытается быть «революционной», но не способна коренным образом изменить существующий порядок эксплуатации.

Теоретическое основание для такой семантической оппозиции раскрывает М. Черновская [10]: Основанием служит наличие у интеллигенции нематериальных средств производства, знаний, получаемых через образование и составляющих часть прибавочной стоимости товара. Буржуазия, из которой рекрутируется интеллигенция, ограничивает доступ к знаниям, передавая их по наследству, как и материальные формы собственности, и пролетариат лишён доступа к этой ценности. Монополизируя знание, «армия умственных рабочих» получает более высокую прибыль, чем занятые физическим трудом.

«Махаевщина – враждебное марксизму анархистское течение. Характерной чертой махаевщины было враждебное отношение к интеллигенции, которую Махайский считал паразитическим классом, разжигание антагонизма между рабочим классом и революционной интеллигенцией» [5, с. 464] – написано в примечаниях к полному собранию сочинений В.И. Ленина. Это утверждение не совсем корректно выводит «революционную интеллигенцию» в антагонисты в трудах Я.В. Махайского, не поясняя причин.

Я.В. Махайский критикует не интеллигенцию саму по себе, но её неразрывную тягу к обслуживанию господ и правящего класса. Социал-демократы тоже «плохи» связью с буржуазией и государственным аппаратом. Они неизбежно желают приумножить своё влияние и богатство; разрушение подобной системы, выгодное трудящимся, невыгодно им.

Ян Вацлав пытается вызвать сочувственное, жалостливое чувство по отношению к трудящимся, но пишет не для них. Документ, осознанно или нет это его автором, ориентировался на других интеллигентов, из чего следует, что нельзя чрезмерно упрощать особенность «махаевщины» относительно роли интеллигенции в революции и борьбе за рабочее дело.

Для российской интеллигенции были характерны самоанализ и самокритика. В начале XX века интеллигенцию, по мнению М.А. Дакоро [2], обвиняли в том, что она «живет за счет распределения прибавочной стоимо-

сти» и в поддержке интересов господствующих классов, во враждебности пролетариату и стремлении осуществлять господство над ним, монополизируя знание, «средством чего и является теория научного коммунизма». Это подтверждается и тем, что ряд деятелей неонароднических движений начала XX века, по мнению Мокшина Г.Н., занимался критикой интеллигенции, как явления [6, 41-55].

Политическим элитам и участникам политических процессов в труде Яна Вацлава уделено меньше внимания, чем интеллигенции, и незначительно больше, чем «господам»-буржуазии.

Выявлены образные определения, придающие эмоциональную окраску в контексте «правительственных и властных» в данном документе эмоциональная характеристика группы со стороны Я.В. Махайского:

1. Самодержавное (правительство).
2. Демократическое, республиканское (с иронией о французском).
3. Выборное («правительство, выбранное народом» – сарказм).
4. Жандармское («русское жандармское правительство»).
5. Невежественное (управление жандармов и попов).
6. Буржуазные (политики-обманщики).
7. Вернейший (слуга буржуазии – о депутате Мильеране).
8. Социал-демократические (комитеты, депутаты).
9. Царские (штыки, власть).
10. Правящие (чиновники, «все правящие и ученые люди»).
11. Жирные (оклады чиновников – эпитет к окладам, но метонимически к чиновникам).

Государственность, по мнению Яна Вацлава, тесно сплетается с буржуазностью. Форма правления как таковая не имеет значения для социальной справедливости, потому что даже республиканство и парламентаризм оказываются в оковах мнения экономических элит. Это вполне укладывается в общую анархическую критику государственности.

Выявленные закономерности документа в целом соотносятся с обобщением мнения Махайского от Марка Лейера в части критики интеллигенции как эксплуататорской группы [12, с. 744].

Обсуждения и выводы.

Результаты контент-анализа показывают – в воззвании Я.В. Махайского 1902 г. смысловое ядро образует бинарная оппозиция «рабочие» – «интеллигенция»; «правительство» и «буржуа» выступают скорее производными категориями, тесно смыкающимися с интеллигенцией по признаку стремления к эксплуатации. Количественное распределение не означает, что трудящиеся являются главным предметом анализа; свыше половины документа посвящено описанию враждебных групп.

Махайский решал двойную задачу: формировал образ «страдающего, но деятельного» пролетариата и одновременно разоблачал интеллигенцию как класс-паразит, маскирующийся под союзника трудящихся.

Выявленный семантический ряд эпитетов для интеллигенции свидетельствует об ироническом, саркастическом тоне, характерном для памфлета, а не теоретического трактата. Дополнительно установлено отсутствие призыва к борьбе с еврейскими погромами, что уточняет суждения И.Е. Задорожнюка, В.В. Кривенького и Н.Е. Москалева.

Значение проведенного исследования заключается в методологической демонстрации того, что контент-анализ применим к текстам русского анархизма и позволяет верифицировать или опровергать устоявшиеся историографические штампы. Выявленная семантическая структура показывает, что Махайский не критиковал интеллигенцию беспричинно и без глубокой теоретической подоплеки (как его характеризовали оппозиционные современники), а предлагал рационально-материалистическую критику: интеллигенция опасна не сама по себе, а в силу объективной заинтересованности в монополии на знание и доступе к прибавочной стоимости.

Перспективы дальнейших исследований видятся в сравнительном контент-анализе других текстов Махайского («Умственный рабочий», более поздние воззвания) для выявления эволюции его семантических оппозиций и выявлении пересечений с неонароднической критикой интеллигенции и с западными теориями «нового класса».

Библиографический список:

1. Махайский Я.В. «Воззвание», 1902 г. // Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 тт. Т. 1. 1883–1916 гг. – М.: РОССПЭН, 1998. 704 с. с. 41-45.
2. Дакоро М.А. Самоанализ и самокритика российской интеллигенции XIX начала XX В.: до сборника «Вехи» // ИСОМ. 2014. № 3.
3. Задорожнюк И.Е., Кривенький В.В. «Я.В. Махайский» // Политическая история России в партиях и лицах / сост. В.В. Шелохаев. – М.: Терра, 1994. 304 с. с. 291-304.
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – Москва: Госполитиздат, 1961. Т. 23: Март – сентябрь 1913. – XXIV, 594 с. С. 233.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – Москва: Госполитиздат, 1967. Т. 7: Сентябрь 1902 – сентябрь 1903. С. 464
6. Мокшин Г.Н. Вопрос об интеллигенции в неонароднической публицистике начала XX века // Интеллигенция и мир. 2018. №2. С. 41-55.
7. Москалев Н.Е. Пребывание Яна Константиновича Махайского в Восточной Сибири в 1895-1903 гг. / Н.Е. Москалев // Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы: Материалы XXIII межрегиональной молодежной научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 08 декабря 2019 года. – Иркутск: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Оттиск», 2020. С. 209-214.
8. Приборович А.А. Контент-анализ – форма исторического исследования / А.А. Приборович // Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения: науч. сб. (по материалам 1-й Международной научно-практической Интернет-конференции) / редкол. В.Н. Сидорцов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2011. С. 153-159.
9. Троцкий Л.Д. Ленин и старая «Искра»: материалы для биографа / Л.Д. Троцкий; Истпарт, Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б). – Москва: Государственное издательство, 1924. 46 с. С. 8.
10. Черновская М. Критика марксизма как прототеория культурного капитала и «нового класса»:

теория интеллигенции яна вацлава махайского // Социологическое обозрение. 2022. №1. С. 235-263.
11. Шетлих А. Памяти В.К. Махайского // Известия. № 45 24 февраля 1926.
12. Leier, Mark. Jan Waclaw Machajski: A Radical Critic of the Russian Intelligentsia and Socialismby Marshall S. Shatz. The International History Review, 1989. Vol. 11. № 4. P. 743-45.

Reference

1. Makhaisky Ya.V. "Proclamation," 1902 // Anarchists: Documents and Materials, 1883–1935. In 2 vols. Vol. 1: 1883–1916. – Moscow: ROSSPEN, 1998. 704 p. (p. 41-45).
2. Dakoro M.A. "Self-Analysis and Self-Criticism of the Russian Intelligentsia (19th – Early 20th Centuries): Prior to the «Vekhi» Collection" // ISOM. 2014. № 3.
3. Zadorozhnyuk I.E., Krivenky V.V. "Ya.V. Makhaisky" // Political History of Russia in Parties and Personalities / Comp. V.V. Shelokhaev. – Moscow: Terra, 1994. 304 P. (p. 291-304).
4. Lenin V.I. Complete Collected Works: in 55 vols. / V.I. Lenin; Institute of Marxism-Leninism under the CC CPSU. – 5th ed. – Moscow: Gospolitizdat, 1961. Vol. 23: March – September 1913. – XXIV, 594 p. (p. 233).
5. Lenin V.I. Complete Collected Works: in 55 vols. / V.I. Lenin; Institute of Marxism-Leninism under the CC CPSU. – 5th ed. – Moscow: Gospolitizdat, 1967. Vol. 7: September 1902 – September 1903. (p. 464).
6. Mokshin G.N. The Question of the Intelligentsia in Neo-Narodnik Publicism of the Early 20th Century // Intelligentsia and the World. 2018. № 2. P. 41-55.
7. Moskalev N.E. Jan Konstantynowicz Machajski's Stay in Eastern Siberia, 1895–1903 / N.E. Moskalev // Russian Civilization: History, Problems, Prospects: Proceedings of the 23rd Interregional Youth Scientific and Practical Conference with International Participation, Irkutsk, December 8, 2019. – Irkutsk: Ottisk Publishing House LLC, 2020. P. 209-214.
8. Priborovich A.A. Content Analysis as a Form of Historical Research / A.A. Priborovich // The Role of the Individual in History: Reality and Problems of Study: Scientific Collection (based on materials from the 1st International Scientific and Practical Internet Conference) / Editorial Board: V.N. Sidortsov (Editor-in-Chief) [et al.]. – Minsk: BSU, 2011. P. 153-159.
9. Trotsky L.D. Lenin and the Old «Iskra»: Materials for a Biographer / L.D. Trotsky; Istpart (Commission on the History of the October Revolution and the RCP(b)). – Moscow: State Publishing House, 1924. 46 p. P. 8.
10. Chernovskaya M. Critique of Marxism as a Proto-Theory of Cultural Capital and the "New Class": Jan Wacław Machajski's Theory of the Intelligentsia // Russian Sociological Review. 2022. № 1. P. 235-263.
11. Shetlikh A. In Memory of V.K. Makhaysky // Izvestia. № 45, February 24, 1926.
12. Leier, Mark. Jan Waclaw Machajski: A Radical Critic of the Russian Intelligentsia and Socialismby Marshall S. Shatz. The International History Review, 1989. Vol. 11. № 4. P. 743-45.

Абрамов Д.М.

Кандидат культурологии (по историческим наукам), доцент, директор УНЦ Региональной истории, краеведения и москвоведения. Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного Университета, Москва.

Проблемы межконфессиональных и внутри-церковных отношений на Русском Северо-Западе и в Балтии в первой половине XIII века*

Аннотация. В XIII веке вопросы отношений православных и католических церковных общин разных земель и волостей, соподчинения церковных иерархий вопросы церковного рукоположения, отношений светской и церковной власти в Балтии и на Русском Северо-Западе были в значительной степени обострены и имели огромные сложности. Церковные прения Пскова и Новгорода по поводу епархиальной самостоятельности Пскова, права выбирать своего епископа и рукополагать духовенство на псковские приходы без воли новгородского владыки (архиепископа) просматриваются уже в первой половине XIII столетия. Кроме того, католические прелаты не отказались от намерений вести миссионерскую деятельность и обратить в латинство значительно большее число русских, их православных подданных и союзников из среды старейшин и простонародья. Противоречия между Орденом Меченосцев и Рижским епископом также имели место. Противоборство гвельфов и гиббелинов, открыто враждовавших в Западной и Центральной Европе, периодически просыпалось и в Балтии на колонизируемых землях.

Ключевые слова: епархия, православие, латинство, Великий Новгород, Псков, Балтия, орден Меченосцев, Рижский епископ.

Abramov D.M.

Candidate of Cultural Studies (Historical Sciences), Associate Professor, Director of the Educational and Research Center for Regional History, Local History, and Moscow Studies. Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, Moscow.

The problems of interfaith and intra-church relations in the Russian Northwest and the Baltic region in the first half of the 13th century

* © Абрамов Д.М., 2026.

Abstract. In the 13th century, issues concerning the relations between Orthodox and Catholic church communities in different lands and volosts, the subordination of church hierarchies, the issues of church ordination, and the relations between secular and church authority in the Baltic region and in the Russian Northwest were significantly exacerbated and fraught with enormous difficulties. Church disputes between Pskov and Novgorod regarding Pskov's diocesan independence, the right to elect its own bishop, and to ordain clergy for Pskov parishes without the will of the Novgorod ruler (archbishop) can already be traced back to the first half of the 13th century. Furthermore, the Catholic prelates did not abandon their intentions to engage in missionary work and to convert a significantly larger number of Russians, their Orthodox subjects, and allies–including elders and the common people–to Latin Christianity. Contradictions between the Order of the Sword Brothers and the Bishop of Riga also existed. The conflict between the Guelphs and the Ghibellines, who openly opposed each other in Western and Central Europe, periodically flared up in the Baltic region on the lands being colonized.

Key words: diocese, Orthodoxy, Latin Christianity, Veliky Novgorod, Pskov, the Baltic region, Order of the Sword-Bearers, Bishop of Riga.

Введение. К началу XIII века средневековый русский этнос исповедовал ортодоксальное христианство уже более двух столетий. Русская Церковь играла огромную роль в жизни, мировоззрении и культуре всех сословий русского этноса. Однако миссионерская деятельность Русской Церкви в ходе общения с соседними народами была налажена ещё не до конца. Выходцы из Центральной и Западной Европы, принесшие в Балтию кафолическое христианство (латинство), были приобщены к западно-христианской конфессии уже более пяти веков. Потому опыт миссионерской деятельности и насаждение христианства иным народам на Западе был апробирован и развит довольно широко. Однако вопросы отношений православных и католических церковных общин разных земель и волостей, соподчинения церковных иерархий вопросы церковного рукоположения, отношений светской и церковной власти в, как, например, отношения между гвельфами и гиббелинами в Балтии были в значительной степени обострены и имели огромные сложности, а их решение порой приводило к серьёзным последствиям…

Основная часть. Церковные прения Пскова и Новгорода по поводу епархиальной самостоятельности Пскова, права выбирать своего епископа и рукополагать духовенство на псковские приходы без воли новгородского владыки (архиепископа) просматриваются уже в первой половине XIII столетия. Так в Грамоте вице-легата архиепископа Ливонии Николая - аббата цистерцианского монастыря в Даргуне от 3 октября1248 года чётко означено: «Итак, …, желаем довести до сведения всех и каждого, кто увидит данную грамоту, что мы по общему совету и единой воле Дорпатского ка-

питула, господина Г. [1] , фогта, и вассалов его церкви, братьев дома Тевтонского, вместе с нами служащих Всевышнему и с готовностью собирающих равное послушное воинство под знамя св. Креста, *половину королевства, называемого Плескове, переданного королем Гереславом[2], наследником этого королевства, вышеуказанной Дорпатской церкви* (курсив – Д.А.), со всем, что к нему относится, властью А(льберта), архиепископа и легата апостольского престола, жалуем с тем же правом, по которому они держат прочие владения от упомянутой церкви»[3].

Поскольку в ту эпоху политический контекст был практически неотделим от контекста церковного, то можно с уверенностью говорить о внутри церковных противоречиях между Псковом и Новгородом. Тем более, что Дерптский епископ, как персона, обладавшая значительным авторитетом, мог приложить руку к этому начинанию. По мнению германского исследователя А.М. Аммана, факт дарения, в устной или письменной форме, произошел в 1239 или 1240 году в качестве платы за помощь Дерптского епископства князю Ярославу Владимировичу в захвате Пскова. В отечественной исторической науке это событие трактовалось и продолжает трактоваться, как захват ливонцами (немцами) Пскова в период 1239 (1240) – 1241 гг. На основе приведённого договора Псковский князь Ярослав (Гереслав) передавал во владение Дерптскому епископу и Ордену половину Псковской земли за право сесть на Псковский стол при вооружённой поддержке этих союзников. С той же помощью он пытался добиться и самостоятельности Пскова от Новгорода в церковном вопросе. Но поскольку сил дерптских рыцарей, вероятно, было недостаточно для захвата Пскова, Дерптский епископ тогда же договорился об участии в походе ливонцев. Рыцари Тевтонско-Ливонского Ордена, вероятно, согласились на это только за половину, а не за обычную в подобных случаях треть вновь приобретенных земель[4].

Исследователь Г.Я. Мокеев считает, что князь: «Ярослав, вероятно при-

1 Это, скорее всего, епископ Герман фон Буксховеден – первый епископ Дерпта (см. ком. 2 к отр. VII СРХ). Правда, есть указания на то, что он в 1245 г. отказался от епископства [Чешихин 1884: 371; ИЭ: 922]. Однако сам акт дарения имел место еще во время епископата Германа.

2 Гереслав – Псковский князь Ярослав Владимирович, пытавшийся в качестве законного наследника утвердиться на псковском княжеском столе с конца 20-х - в 30-е гг. XIII в.

3 LUB, Bd. III, № CC, a: 37-39. [Фундаментальный сборник исторических документов, который выпускался в Ревеле (современный Таллин) в 1857 году. В третьем томе собраны различные акты, грамоты и другие документы, связанные с историей Ливонии, Эстонии и Курляндии в Средние века].

4 LUB, Bd. 1, № XVI: 22-23. [Серия LubUB – фундаментальный проект по публикации источников по истории Прибалтики, прежде всего по истории Ганзейского союза и Ливонского ордена. В первом томе собраны документы, относящиеся к XIII веку, в том числе послания и грамоты, которые позволяют изучать политические, экономические и культурные связи региона].

нявший католичество, со своим двором, опять не ужился с псковичами и был вынужден уйти в Медвежью Голову (Оденпе – Д.А)… немцев в Пскове удерживал Рижский епископ, который сделал даже попытку учредить здесь, у русских, католическую епископию, чего так желали псковичи от Церкви Православной… Рижский епископ действовал мягко и лукаво: этим "рижане" и отличались от грубых ливонских рыцарей»[5]. Вероятнее всего, князь Ярослав – ставший правителем Оденпе был политиком, ориентированным на партию гиббелинов. Потому и псковичам, склонявшимся к союзу с епископом и «рижанами» - гвельфами кандидатура князя Ярослава была неприемлема. Да и мобилизацию эстов и латгалов на войну с Новгородом проводил Орден. Ярослав, имевший все права на Псковский стол, не остался править Псковом, а возвратился в Оденпе со своими и новгородскими дружинами и отрядами! Чем это объяснить? Во-первых, Ярослав возглавлял войска новгородской эмиграции. В глазах псковичей, желавших независимости от Новгорода, и в глазах сподвижников Ярослава - новгородцев занять Псковский стол значило противопоставить себя и тем и другим. Цели псковской и новгородской партий были разные, а враг – общий – Владимиро-Суздальские князья и их сторонники в Новгороде и Пскове. Во-вторых, «инии Плесковичи вбегоша в Новъгородъ съ женами и с детми». Т. е. среди самих псковичей не было единства по вопросу о том, каким путём добиваться независимости от Новгорода. Вместе с отрядами Ордена псковские воины боярских дружин Твердилы Иванковича вскоре преступили к грабежу и захвату западных новгородских владений.

Отметим, что князь Ярослав мог непосредственно и не принимать латинства, подобно тому, как в 1209 году князь Герцике Владимир (Wissewalde), став вассалом Рижского епископа, сохранил православие[6]. Такого же мнения придерживается и отечественный исследователь Е.Л. Назарова[7]. Во всяком случае хронист Генрих Латвийский в тексте своей хроники нигде не упоминает о принятии князем Всеволодом латинства. Подобный вариант с сохранением Православного вероисповедования князем Ярославом должен был в значительной степени устроить стоявшую за спиной князя группу псковских бояр, возглавляемых Твердилой Иванковичем, ориентировавшихся на поддержку Ордена и Дерптского епископа. Однако то, что касает-

5 *Мокеев Г.Я.* Псков при Александре Невском // Новая книга России. 2006. № 7. С.43-45.

6 *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. – М.: 1938.С. 113-116.

7 *Назарова Е.Л.* Латышская интеллигенция в России. 2-я пол. XIX в. К проблеме самосознания нетитульной нации в многонациональном государстве// Россия и Балтия. – М.: 2000. С. 16-34. См. также: *Назарова Е.Л.* Псков и Ливония в 40-90-е годы XIII в. // Civitas et castrum ad Mare Balticum. Baltijas arheoloģijas un vēstures problēmas dzelzs laikmeta un viduslaikos: Собрание статей к 65-летию доктора исторических наук Андриса Цауне / Эвалд Мугуревич, Иева Осе. – Рига. 2002. С. 591-609.

ся русских князей, боярства, дружинного слоя, то они были тесно связанны с иерархией Русской Церкви, хотя и среди них людей, индифферентных в плане религиозных убеждений и готовых принять латинство ради политических интересов, было немало. Но это никоим образом не может свидетельствовать о том, что католические прелаты отказались от намерений вести миссионерскую деятельность и обратить в латинство значительно большее число русских, их православных подданных и союзников из среды старейшин и простонародья. В Послание епископа Вик-Эзельского Генриха от 13 апреля 1241 года (ещё за год до битвы на льду Чудского озера) вполне конкретно просматриваются цели западно-христианских миссионеров и завоевателей в отношении православного населения Вотской, Ижорской земли и Карелии.

«Брат Генрих из Ордена проповедников, Божьей милостью епископ Эзельский и Поморский[8] всем истинным христианам, до которых дойдет настоящее послание, [желает] спасения во Господе Иисусе Христе. Чтобы не кануло во времени то, что совершалось доныне, следует сохранить это в письменном виде и подтвердить свидетелями. Итак, доводим до сведения, как потомков, так и современников, что братья дома Тевтонского св. Марии в Ливонии, испросив согласия у апостольского престола, договорились с нами включить в нашу юрисдикцию земли между Эстонией, уже крещенной, и Рутией[9], а именно: земли Ватланд[10], Нуова[11], Ингрия и Карела[12], которые, как ожидается, примут веру Христову и которые уже заняты братьями

8 Генрих, бывший монах Доминиканского ордена (Ордена проповедников), был посвящен в епископы Эзеля и Поморья (Вик-Эзельское, Леальское епископство) 10 сентября 1234 г. Из-за конфликта с некоторыми своими вассалами Генрих вынужден был в 1238 г. обратиться за помощью к рыцарям Ливонского ордена. При этом епископ уступил Ордену часть земель на территории епископства.

9 *Рутия (Rutia)* – здесь: Русские Новгородская и Псковская земли.

10 *Ватланд (Watlande)* – дословно – «Водская земля». В западноевропейских средневековых источниках упоминается: 1) как территория на северо-западе Новгородской земли, населенная финноязычным народом "водь", "вожане", и 2) как административная единица Новгородской республики, с этнически смешанным населением, расположенная в основном на Ижорском плато. Вожане жили также в районе между р. Нарвой и Ижорским плато. Эта волость в русских источниках называется «погосты в Чуди», а население - «чудцы».

11 *Нуова (Nouve)* – очевидно, территория бассейна Невы, в основном в дельте и в нижнем течении реки со смешанным русским и финноязычным населением. В русских источниках эта земля не выделялась в особую волость и русское название «Нуова» неизвестно. Скорее всего, она считалась Вотской землёй.

12 *Ингрия (Ingria)* – Ижорская земля: 1) территория, населенная финноязычным народом ижора (ижеряне, в западных источниках – ингры); 2) административная единица Новгородской республики, в пределах которой помимо ижоры жили русские и карелы. Судя по данным археологии, ижоряне жили также в пределах Водской земли по южному берегу Финского залива. *Карела (Carelae)* – Карельская (или Корельская) земля: 1) территория, населенная карелами; 2) административная единица Новгородской республики.

и [ими] построен замок[13] с согласия многих в этих землях[14]. Договор был заключен таким образом, чтобы мы, думая в первую очередь о духовенстве в этих землях, получали десятую часть от десятины со всего, кроме пушнины. Все остальное, в том числе и рыбные ловли, предоставляем в пользу этих братьев, но не нарушая права церковного патроната фогства и прочих чиновников на возмещение их труда, затрат и опасностей при покорении варваров. И чтобы в будущем не смогли возникнуть ложные наветы, мы изложили наш договор на бумаге, скрепив нашей печатью и подписями свидетелей, при сем присутствующих: братья Ордена проповедников Синдерам, Гуго; брат Генрих и брат Вернер – братья Ордена миноритов, братья Тевтонского дома св. Марии: Андреас, комтур, Вернер, маршал, Герард, камерарий, Рембольд и многие другие. Совершено публично в Риге, в год Воплощения Господня 1241, в апрельские иды. Кроме того, тевтоны, уже вступившие в свои права в том замке, освобождаются от уплаты десятины с их полей и с продуктов земледелия братьев дома Тевтонского», - засвидетельствовано в Послании[15].

Фраза в тексте Послания: «Договор был заключен таким образом, чтобы мы, думая в первую очередь о духовенстве в этих землях, получали десятую часть от десятины со всего, кроме пушнины. Все остальное, в том числе и рыбные ловли, предоставляем в пользу этих братьев [рыцарей]», - явно говорит о том, что цели западных миссионеров-латинян были далеко не бескорыстны.

*

Необходимо отметить, что этносы *«вожане» и «корела»» (кареляне) в массе своей уже приняли крещение по православному обряду в 1220-е – 1230-е годы*. После войны за Чудскую землю в 1227 году северо-западные рубежи русских земель стали прозрачны. Точнее сказать, границы между ливонскими владениями в Балтии и русскими землями оставались неопределёнными.

13 Имеется в виду крепость Копорье. Крепость была построена на восточном рубеже той территории, которую крестоносцы сумели захватить. Эта граница практически совпадала с границей между областью Чудцы и Водской землей Новгородского государства [Рябинин 1984: 46].

14 О том, что часть вожан перешла на сторону крестоносцев и изменила православию, сообщает и новгородский летописец. Возможно, «чудцы» согласились принять католичество в обмен на обещания крестоносцев помочь им освободиться от власти Новгорода.

15 SLVA, № 242: 232. [258]. Средневековые исторические источники Востока и Запада. [SLVA, № 242: 232 – ссылка на публикацию. Речь идёт о фотокопии с оригинала документа. Расшифровывается как: *Scriptores Litterati Regni Sueciae (SLR) – Series Nova (NS), том XXIII, публикация № 242, страницы 232–233. Конкретно в данном случае по SLVA, № 242: 232 воспроизводят текст послания Эзельского епископа Генриха от 13 апреля 1241 года. Оригинал этого документа на пергаменте хранится в Государственном архиве в Стокгольме (номер 799)].

Не сформировались до конца эти рубежи и в Северо-Восточной Европе – на Карельском перешейке, в Карелии и Лапландии.

Многочисленный и сильный народ «корела» (карелы), дружественный Новгороду и плативший дань новгородцам с XI века расселился между Финским заливом и Ладожским озером (на Карельском перешейке) и в Северо-Западном Приладожье. В XI - XII веках «кореляне» колонизировали земли от Ладожского озера на запад, север и восток. На двух последних направлениях они не встречали препятствий. Продвижение на запад привело к столкновениям с воинственным восточно-финским этносом - емь («хяме» - финское самоназвание; «тавэсты» - скандинавско-германское название). Карелы стали постоянно подвергаться набегам со стороны западного соседа. Зачастую емь совершала набеги и на православных подданных Новгорода - на «ижору» и «водь», живших в Северной Прибалтике между рек Наровой и Невой. Первое летописное известие о кореле представляет собой рассказ о неудачном походе корелян на емь в 1143 -1144 годах. Скоро в борьбу соседствующих фино-угорских народов вмешались Шведское королевство и Новгородская республика. Шведы стремились присоединить Финляндию и восточное побережье Финского залива. Новгородцы же не собирались уступать кому-либо контроль за торговыми путями, проходившими по Карельскому перешейку и Неве. Согласно скандинавским хроникам, в 1178 году «корела» совершила поход на емь, захватила шведского епископа Рудольфа и, уведя его к себе, умертвила. Затем в 1187 году кореляне объединились с новгородцами и совершили дерзкий морской рейд к западному берегу Балтийского моря. Там они неожиданно напали на древнюю столицу Швеции Сигтуну, захватили и сожгли её, разорив при этом соборный храм в Сигтуне. Все это *свидетельствовало о неприятии этносом корелян западной христианской конфессии*. В память о том походе, романские бронзовые врата сигтунского собора, взятые в виде контрибуции, были встроены в западный портал собора Святой Софии в Новгороде. Т. е. опыт совместной борьбы с западными завоевателями и церковное единение у новгородцев и корелян сложились ещё в XII веке.

После разгрома эстов в Чудской земле и на Моодзунских островах к 1227 году угроза вторжений с Северо-Запада и Севера для Новгорода и его союзников возросла. Новгородские летописи кратко сообщают о том, какие меры предпринял на северном направлении князь Ярослав Всеволодович: «Ходи князь Ярославъ с Новгородци на Емь и повоева ихъ». Но Лаврентьевская летопись более подробно описывает это событие. Оказывается, в 1227 году князь Ярослав вместе со своим полком и полками новгородцев «ходи из Новагорода за море на Емъ». Причём отмечается, что ни один из русских князей не бывал там никогда. Слова «ходи за море», означают, вероятнее всего, что поход был морской. Т. е. новгородская флотилия с во-

йсками прошла по Волхову в Ладожское озеро, затем вышла в Неву, следом двинулась северным берегом Финского залива. Не исключено, что к русским полкам на Неве, перед выходом в Финский залив, присоединились и отряды корелы. Высадившись на побережье Финляндии, новгородцы и их союзники «пленили землю» еми. Полон был столь велик, что русские не могли целиком довести его до Новгорода. Те, из еми, кто оказал сопротивление, были перебиты, а иных множество было отпущено восвояси. Из дальнейшего становится ясно, что *после этого похода без всякого сопротивления началось успешное крещение корелы по православному обряду*. Видимо, поход русских в Восточную Финляндию был осуществлён по ранее установленному договору с корелой, ибо кореляне были заинтересованы в том, чтобы ослабить позиции еми на сопредельных территориях. Так или иначе, *но удачное крещение большого соседнего народа-данника Новгорода было большим политическим успехом*, особенно потому, что шведы активно обращали емь в католичество. Летописец отмечает, что к карелам была отправлена православная миссия[16]. Крещение приняло множество народа, но меньшая его часть осталась при старых религиозных обычаях. Это свидетельство ненасильственного обращения русскими соседей-язычников в православие. Хотя отрицать политический характер этой миссии также нельзя[17].

Летом 1228 года флотилия Еми, предприняв ответный визит, с немалым войском неожиданно вошла в Водское (Ладожское) озеро. Емь принялась разорять западное побережье озера. Как только в Новгороде узнали об этом, княжеский и новгородские полки погрузились в насады и волховским путём на вёслах и парусах пошли к Ладоге. Но не дремали и ладожане. Ладожский посадник Владислав быстро собрал городской полк и «не ждущи Новгородцев, гонися в лодьяхъ по нихъ (за флотилией еми) вследъ, где они воюютъ». Сражение произошло вечером на юго-западном побережье Ладожского озера. Судя по всему, войско еми, не смотря на численное превосходство, получило серьёзный и неожиданный удар. Однако наступившая ночь развела сражавшихся. Ладожане, сев на корабли, отошли подальше от берега и укрепились на одном из островов озера, чем обезопасили себя от неожиданностей. Предводители еми той же ночью отправили послов к ладожанам с просьбой о мире. Но посадник и ладожане отказали им. Тогда емь, «иссекше полонъ все», бросив, частью спалив лодки и насады флотилии, отступила в приозёрные леса. Видимо, ладожане преследовали противника уже с рассветом, и много еми пало близ озёрного берега. Тем

16 ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. – М.: 1926. Стб. 449.

17 *Абрамов Д.М.* Межконфессиональные и этнополитические отношения народов Европы и передней Азии IX – XIII вв. Исторические материалы, свидетельства, комментарии. – М.: МИОО, 2010. 80 с.

временем в самый разгар событий в стане новгородского войска, которое пришло к берегам Невы, вспыхнули политические раздоры. Об их причинах нетрудно догадаться. С большой долей вероятности можно сказать, что набег еми, события в Ливонии, противостояние князя Ярослава с псковичами, послужили поводом для обострения противоречий между двумя сложившимися партиями новгородской элиты. Столкновение произошло именно в среде самого новгородского боярства между сторонниками князя и противниками усилившегося влияния княжеской Владимиро-Суздальской династии. Всё это свидетельство становления и укрепления партии новгородцев, опиравшихся на поддержку Великого князя Юрия и его брата Ярослава Всеволодовичей. Новгородцы собрались на вече, бушевавшее несколько дней. Раскол был слишком явным, и продолжать поход уже не было возможности. Потому новгородские и княжеский полки, «ни Ладожанъ ждавше», погрузились на корабли и каждый сам по себе вернулись в Новгород. Но из этой сложной политической ситуации помогли выйти верноподданные Новгорода – ижоряне и кореляне. Емь, бежавшую в леса Карельского перешейка, сначала встретили отряды ижоры. «Последь же оставившеся Ижеряне усретоша ихъ, бегающихъ, и ту ихъ избиша много, а останокъ ихъ разбегошася, куды кто видя; но и техъ Корела, где обьшедше, в лесе ли, или на ниве, или в вежахъ (башнях - Д.А.), выводяще избиша ихъ», - писал новгородский летописец. Завершили дело, как видим, отряды корелы. По свидетельствам новгородской летописи в набеге на побережье Ладоги приняло участие более 2.000 воинов еми, и лишь малая часть их смогла возвратиться восвояси[18].

Зимой в конце 1240 - начале 1241 года «Немцы с Чудью… повоеваша Водь и дань на нихъ възложиша, възъградиша градъ в Копоре погосте», - свидетельствовал русский летописец[19]. При освобождении Копорья в августе-сентябре 1241 года союзным русско-ижорским войском во главе с князем Александром Невским ливонский гарнизон оказал русским ожесточённое сопротивление, ибо после кровопролитного взятия крепости русские и их союзники провели карательную акцию. В Новгородской 1-й летописи засвидетельствовано, что часть пленных немцев была отпущена, а часть угнана в Новгород. Кого из немцев мог отпустить князь Александр? Скорее всего, это были малоимущие воины-кнехты, а также *военные слуги дерптского и рижского епископов, т. е. гвельфы, отличавшиеся меньшей враждебность в отношении к русским.* Здесь нельзя не учесть и относительную веротерпимость, характерную для православных. Что же касается рыцарей, воинов и военных слуг Ордена, то пленные из их среды подлежа-

18 ПСРЛ. Т. IV, часть 1-я. Новгородская 4-я летопись. Пг., 1915. С. 204.

19 ПСРЛ. Т. IV, часть 1-я. Новгородская 4-я летопись. Пг., 1915. С. 227-228.

ли обмену на русских пленных и других подданных Новгорода. Здесь же в Копорье князь Александр второй раз проявил свой жесткий, властный характер. По его приказу близ замка *были повешены вожане, оставившие православие и принявшие латинство*. Обвинять малый приграничный народ в коллаборационизме и сотрудничестве с завоевателями свойственно современной эпохи. Но для того времени это скорее нехарактерно. Новгородцы дорожили своими нерусскими православными подданными. Скорее, здесь скрыт ещё один межэтнический конфликт. Дело в том, что князь приказал казнить всех пленных эстов. «А Чудь всю – преветникъ, избиша», - записал новгородский летописец. Почему же немецкие воины были частично отпущены на волю, а воины из эстов казнены? Вероятно потому, что Орден руками эстов, собирал дань и грабил вожан, используя давние противоречия между «Чудью» и «Водью». Часть вожан, изменив Новгороду и православию, стала помогать эстам и угнетать своих же соплеменников. Проблема межэтнических и внутри этнических противоречий тогда остро стояла в Балтии и на сопредельных территориях. Кроме того, при обороне Копорья именно эсты оказали русским войскам ожесточённое сопротивление, так как им не приходилось рассчитывать на пощаду. Так или иначе, но после взятия Копорья власть Ливонского Ордена над Водской землёй и попытки обратить вожан в латинство были пресечены[20].

На основании новгородского летописного свода можно говорить и о том, что этнос «ижора» также в значительной степени был уже приобщён к православию. Во всяком случае, сподвижником князя Александра и предводителем ижорской сторожи, охранявшей дельту Невы, накануне Невской битвы был Пелгусий. «Бе некто муж старейшина земли Ижерскои, именем Пелгусии, поручена бе ему стража морскаа; восприятъ же святое крещение и живяше посреде рода своего, поганыхъ суще, и наречено бысть имя ему *в святомъ крещении Филип* (курсив – Д. А,). Живяще богоугодно… Стоящю же ему при краи моря, стерегущу обои пути…», - свидетельствует новгородский летописец[21].

Стоит отметить, что и в Балтии успехи миссионеров были относительны. Так этнос «чудь» - предки эстонцев обращались в латинство с большим трудом и часто восставали против крещения. Об этом свидетельствует общее восстание эстов против ливонцев и латинского крещения в 1222 – 1223 годах. Более успешно деятельность латинских миссионеров протекала в землях этноса ливов и особенно в Латгалии. Летты (летьгола) менее всего сопротивлялись обращению в латинство, так как это было вероятно связано с тем, что Рижский епископ, используя межэтнические

20 ПСРЛ. Т. IV, часть 1-я. Новгородская 4-я летопись. Пг., 1915. С. 228.

21 ПСРЛ. Новгородская 4-я летопись. Пг., 1915. С. 223-224.

противоречия между леттами, ливами и эстами делал ставку, прежде всего, на леттов, которые были более подвержены давлению со стороны ливов и эстов[22]. Что касается более западных этносов Балтии – земгалов и куршей, то те более стойко придерживались языческих верований и сопротивлялись латинскому крещению вплоть до конца XIII века. Этносы южной Балтии: жемайты, аукштайты, ятвяги (судавы) сохранили свою независимость, а свои традиционные верования сохраняли до начала XV века. Эти этносы приняли католичество уже от польских миссионеров в составе союзного Польско-литовского государства, сложившегося на исходе XIV столетия.

*

В ту эпоху ни для кого не было секретом, что католики уже с пренебрежением и порой враждебно относились к православным. Эту общую формулу отношений ярко выразил хронист Генрих. Излагая в своей Хронике события 1224 года, связанные с захватом крестоносцами Северной Балтии и города Дерпта (Юрьева), он писал, что русский князь Вячко[23], «был ловушкой и великим искусителем для жителей Саккалы и других соседних эстов». Вероятно, русские при поддержке Новгородского архиепископа открыли тогда в Дерпте православную миссию, для эстов желавших добровольно принять крещение по православному обряду. Об этом хронист свидетельствует лишь косвенно, когда рассказывает о трудностях маленькой и слабой эстонской католической общины, которая не могла в то время обойтись без помощи ливонской (Рижской) церковной общины. Он назы-

22 *Абрамов Д.М.* К историографии вопроса XIX - первой половины XX в. о христианизации народов Прибалтики и их отношениях с восточными и западными христианами в эпоху средневековья. // История и архивы. РГГУ. (ВАК) 2025. № 2 (Том 7). С. 64-103.

23 Для однозначного мнения о происхождении князя Вячко сведений довольно немного. По наиболее распространённой версии он происходил из Полоцкой ветви Рюриковичей. Его отождествляют с сыном Полоцкого князя Бориса Давыдовича. Вячко является одним из персонажей Полоцкой летописи XII века («Повести о Святохне»), пересказанной В.Н. Татищевым. Этот авторитетный российский историк считал, что Вячко являлся представителем Смоленской династии Рюриковичей. Вслед за Татищевым исследователь О.М. Рапов придерживался той же версии. В системе Полоцкого княжества в начале XIII века Вячко правил самым западным уделом Коконос (Кукейнос), располагавшимся на берегах Западной Двины в её среднем течении. В 1205 году Вячко передал часть земель епископу Риги Альберту в обмен на обещание защиты от литовских вторжений. В 1207 году в результате вооружённого конфликта с рыцарями Ордена Вячко был схвачен и доставлен в цепях в Ригу, однако Рижский епископ велел освободить его. Полоцкие князья не смогли оказать помощи уделу Коконос в отражении западной экспансии. В 1208 году Вячко перебил рыцарей и воинов Ордена, размещённых в Кокоиосе, сжёг город и ушёл в Русские земли. Его удел был полностью аннексирован Рижским епископом. О князе Вячко источники сообщают вновь в 1223 году, когда Новгородский князь Ярослав Всеволодович поставил его княжить в городе Юрьев (Дерпт). Вячко проявил себя храбрым полководцем, отразил несколько нападений западных завоевателей, однако в 1224 году погиб при обороне Юрьева, захваченного ливонцами.

вал эстонскую церковь дочерью, которую «многие матери ложно присваивали и обманно влекли к себе…, и одна из них – это русская мать, всегда бесплодная и бездетная, стремящаяся покорить страны не для возрождения к вере Христовой, а ради податей и добычи». И здесь, и ранее хронист неоднократно упрекает представителей Русского Православия в нелегитимности, непоследовательности и формальном отношении в вопросе крещения язычников[24]. Так или иначе, но в этих строках Генрих Латвийский явно выражал общее мнение большинства западных христиан в отношении православных и выступал, как ярый апологет латинства в Балтии.

В более резкой форме отношение к Православию было высказано на самом высшем уровне западнохристианского мира римским папой в 1220-е годы: «„Не заблуждения ли въ вере раздражаютъ противъ васъ небо и причиняють бедствия всей стране вашей?“ – писалъ папа Гонорй Ш[25] ко всемъ князьямъ нашимъ. – Бойтесь еще ужаснейшихъ, если не обратитесь къ истине“. Для большаго успеха въ исполнение своихъ намерений папы, въ началь XIII ст., во-1-хъ, повелевали ливонскимъ судьямь преследовать русскихъ, которые, живя въ Ливонии оказывали пренебрежение къ латинскому обряду, – даже обязывали ливонскихь судей принуждать силою русскихъ подчиняться римской церкви; во-2-хъ, учредили миссию изъ доминиканцевъ и францисканцевъ (societas peregrinatum); эти монахи успели проникнуть въ некоторыя места России и построили латинския церкви въ Киеве, Луцке, Галиче, Перемышле и др. Римская церковь, отъ имени которой действовали латинске миссионеры въ пределахъ России, употребляла, всевозможныя законныя и больше незаконныя, прямыя и косвенныя меры къ тому, чтобы совратить славяноруссовъ изъ православия къ латинству», - цитировал и писал исследователь И. Синайский в конце XIX века[26].

*

Противоречия между Орденом Меченосцев и Рижским епископом также имели место. Противоборство гвельфов и гиббелинов, открыто враждовавших в Западной и Центральной Европе, периодически просыпалось и в Балтии на колонизируемых землях. В 1207 году Орден обрел территориальную и финансовую базу, после того как получил по договору с Рижским епископом Альбертом третью часть от покоренных к тому моменту земель ливов. Но в том же 1207 году в результате вооружённого конфликта с рыцарями Ордена русский удельный князь Кокоиоса Вячко был захвачен и доставлен в цепях в Ригу, однако Рижский епископ велел освободить

24 *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. М., 1938. С. 221-224.

25 Римский папа Гонорий III – 1216 – 1227 гг.

26 *Синайский А.* Отношение древнерусской церкви и общества к латинскому западу. – СПб.: 1899. С. 22.

его. На этом примере явно просвечивают противоречия между Орденом и Рижским епископом. Вместе с тем стало очевидным стремление Ордена, казалось, образованного в помощь епископу, к более независимому положению и расширению сферы своего влияния. Замки Венден и Зегевольд, сооруженные в 1207-1209 годах, способствовали дальнейшему продвижению меченосцев в Латгалию и Южную Эстонию. В 1209 году в результате внутреннего конфликта магистр Венно и его капеллан Иоганн были убиты в Риге рыцарем по имени Викберт фон Зоэст. Следующим магистром был избран Фольквин (1209-1236). В 1210 году он совершил поездку в Рим с целью разрешить конфликта с Рижским епископом Альбертом, не желавшим уступать требованиям Ордена о предоставлении братьям-рыцарям трети всех будущих завоеваний. Папа Иннокентий III определил правовые отношения между Орденом и епископом, постановив, что братья-рыцари будут получать 1/3 всех новых территориальных приобретений в Ливонии, однако Орден будет обязан защищать Церковь от нападений язычников и подчиняться епископу Риги. В 1211 году Орден попытался получить папское разрешение на учреждение отдельной епархии на подконтрольных ему территориях с целью ликвидировать зависимость от Рижского епископа, но папа Иннокентий III ответил отказом на эту просьбу.

Во второй половине 1221 года ливонцы готовили очередной поход в Эстонию. Но тогда в Ливонии вспыхнули противоречия между гвельфами и гиббелинами. Орденские рыцари – сторонники гиббелинов придерживались союза с датским королём против язычников-эстов и русских. Но поход в Эстонию, где отношения между датчанами и немцами из-за раздела сфер влияния всё ещё были напряжены, мог вызвать новый виток борьбы между датским духовенством и Рижским епископом, войну с Данией и усиление противоречий в самой Ливонии между Орденом и епископом. Это противостояние продолжалось более года. В августе 1222 года время для похода русскими князьями в Восточную Балтию было выбрано удачно, так как противоречия между Орденом Меченосцев и Рижским епископом ещё сохранялись. Ливонцы попытались оказать сопротивление русским. «И выступили из Риги магистр братьев рыцарей, и рыцарь Бодо с некоторыми пилигримами; за ними последовали и другие, но лишь немногие *из-за бывшего в стране несогласия*», - свидетельствовал хронист Генрих[27]. Тогда князь Святослав Всеволодович привёл свои и новгородские полки в Ливонские владения и в ходе боевых действий нанёс серьёзный ущерб ливонцам и их союзникам. Тем не менее конфликт между Орденом и Рижским епископом продолжался и после инкорпорации Ордена Меченосцев Тевтонским орденом в 1236-1237 годах.

27 *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. – М.: 1938. С. 207.

Неоднозначно порой складывались и отношения католических епархий Балтии (в этническом отношении, по сути, германских) с Лундской епархией датчан на Северо-Западе Балтии. «Смотрите же и разумейте вы, князья русских, язычников *и датчан,* и старейшины разных народов; бойтесь Её, столь кроткой матери милосердия; чтите Её, Матерь Божию, умилостивляйте Её, столь жестоко мстящую врагам своим, впредь не смейте нападать на землю Её…», - восклицает хронист Генрих, обращаясь к язычникам, православным и датчанам и предупреждая их о вооружённой мести[28].

Территориальные претензии, борьба за сферы влияния и сбор церковной десятины были основными причинами периодических столкновений и даже военного противостояния. Так в 1229 году положение в Северной Балтии осложнилось из-за того, что там вспыхнула война между Орденом и датчанами. Что могло послужить причиной их столкновения? В Семигалии и Курляндии, вспыхнуло восстание куршей и семигалов, отвлёкшее и ослабившее силы Ордена в Эстляндии. Хронист Герман Вартберге писал, что противоречия вспыхнули «именно из-за замков и земель Ревеля, Гариена и Вирланда, равно как и Иервена, на которые заявил свои притязания Вольдемар, король датский, уверяя, что они принадлежат ему». Вслед за тем «магистр и братья рыцарства Христова выдержали бой при речке Иммерне». Итог схватки был неутешителен для немецких рыцарей. Потому они обратились через послов и письмами к «великому магистру Ордена братьев святого Мариинскаго госпиталя немцев в Иерусалиме Герману Зальскому (фон Зальцу)» с просьбой о присоединении ливонских рыцарей к Ордену святой Девы Марии. Однако в Иерусалиме не торопились принимать поспешного решения. Да и в Святой Земле политическое положение было очень неоднозначным, ибо германский император Фридрих II во главе крестоносного германского войска прибыл в 1228 году в Акру. Здесь он вступил в переговоры с египетским султаном. Император искусно воспользовался противоречиями среди мусульманских и христианских правителей. Почти не ведя войны, император в феврале 1229 года заключил с султаном мир в Яффе сроком на 10 лет. По договору Иерусалим (кроме квартала с мечетью Омара) и многие другие города в Палестине были уступлены императору. Со своей стороны Фридрих II гарантировал султану поддержку против всех его врагов (в том числе против рыцарских Орденов Святой Земли и против христианских князей Антиохии и Триполи). Фридрих одновременно был венчан королём Иерусалимского королевства. Всё это с небывалой силой обострило отношения между гвельфами и гиббелинами в Святой Земле, а затем и в Европе. Однако угроза со стороны Новгорода и Пскова заставила датского короля пойти на некоторый компромисс, и он

28 *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. – М.: 1938. С. 205-206.

вскоре возвратил эстонскую область Гервен братьям-рыцарям. «Страна же Иервен была уступлена братьям многократно упомянутым королем в виде милостивого дара», - писал хронист Герман[29]. Так или иначе, но межэтнические и политические противоречия, присутствующие в Центральной и Западной Европе, в Святой Земле внутри западнохристианского мира активно сказывались и в Балтии. И в 1220-е – 1240-е годы русские князья и элита порой умело пользовалась этим.

Заключение.

Если попытаться подвести итоги миссионерской деятельности западных христиан в Балтии и на Северо-Западе Русской земли, то надо отметить, что деятельность католических миссионеров была остановлена примерно в тех границах, где проходят современные границы между Россией с одной стороны, и между Эстонией и Латвией с другой. *Русская Православная Церковь и русская элита во главе с представителями великокняжеской Владимиро-Суздальской династии на этих рубежах смогли отстоять позиции Православия.*

Но отметим, что этноконфессиональная проблема в Восточной и Северной Балтии в ходе завоевания с Запада и крещения в католичество окончательно решена не была. Насильственное крещение этносов Балтии вызвало протест, назревавший веками. Прошло ровно триста лет после 1220-х – 1230-х годов, как начиная с 1523 по 1560-е годы, потомки ливов, латгалов и эстов без проблем отреклись от католичества и стали в массе своей светскими протестантами-лютеранами. В Латвии и в Эстонии на рубеже XX – XXI веков в общей сложности проживает немногим менее одной трети представителей ортодоксального христианства. Православная Церковь сумела восстановить там свои позиции в Новое время. Католиков же в Эстонии и Латвии, в общей сложности, осталось ещё меньше, и те приняли католичество (в Латвии) от литовцев и поляков, находясь под властью Речи Посполитой, уже в Новое время.

Библиографический список:

1. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. – М.: 1938.
2. Летопись Вартберга // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. (Герман Вартберге. Ливонская Хроника. Перевод. Die Livlandishe Chronik Hermann's von Wartberge. Ausdem Lateinichen uber setzt von Ernst Strehlke. Berlin und Reval, 1864). Рига. 1879. Т. II. С. 88-95.
3. Герман Вартберге. Ливонская Хроника. (Перевод «Die Livlandishe Chronik Hermann's von Wartberge. Aus dem Lateinichen ubersetzt von Ernst Strehlke». Berlin und Reval, 1864).
4. LUB, Bd. III, № CC, a: 37-39. [Фундаментальный сборник исторических документов, который выпускался в Ревеле (современный Таллин) в 1857 году. В третьем томе собраны различные акты, грамоты и другие документы, связанные с историей Ливонии, Эстонии и Курляндии в Средние века].
5. LUB, Bd. 1, № XVI: 22-23. [Серия LubUB – фундаментальный проект по публикации источников по истории Прибалтики, прежде всего по истории Ганзейского союза и Ливонского ордена. В первом томе

29 *Герман Вартберге.* Ливонская Хроника. (Перевод. «Die Livlandishe Chronik Hermann's von Wartberge. Aus dem Lateinichen ubersetzt von Ernst Strehlke». Berlin und Reval, 1864). С. 4-5.

собраны документы, относящиеся к XIII веку, в том числе послания и грамоты, которые позволяют изучать политические, экономические и культурные связи региона].

6. ПСРЛ. Т. IV, часть 1-я. Новгородская 4-я летопись. Пг., 1915.
7. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. – М.: 1926.
8. SLVA, № 242: 232. [258]. Средневековые исторические источники Востока и Запада.
9. Абрамов Д.М. Межконфессиональные и этнополитические отношения народов Европы и передней Азии IX – XIII вв. Исторические материалы, свидетельства, комментарии. – М.: МИОО, 2010. 80 с.
10. Абрамов Д.М. К историографии вопроса XIX - первой половины XX в. о христианизации народов Прибалтики и их отношениях с восточными и западными христианами в эпоху средневековья. // История и архивы. РГГУ. (ВАК) 2025. № 2 (Том 7). С. 64-103.
11. Мокеев Г.Я. Псков при Александре Невском // Новая книга России. 2006. № 7.
12. Назарова Е.Л. Латышская интеллигенция в России. 2-я пол. XIX в. К проблеме самосознания нетитульной нации в многонациональном государстве// Россия и Балтия. – М.: 2000. С. 16-34.
13. Назарова Е.Л. Псков и Ливония в 40-90-е годы XIII в. // Civitas et castrum ad Mare Balticum. Baltijas arheoloģijas un vēstures problēmas dzelzs laikmeta un viduslaikos: Собрание статей к 65-летию доктора исторических наук Андриса Цауне / Эвалд Мугуревич, Иева Осе. – Рига. 2002. С. 591-609.
14. Синайский А. Отношение древнерусской церкви и общества к латинскому западу. – СПб.: 1899.

Reference

1. Henry of Latvia. Chronicle of Livonia. – M.: 1938.
2. Wartberg's Chronicle // Collection of materials and articles on the history of the Baltic region. (Hermann Wartberge. The Livonian Chronicle. Translation. Die Livlandishe Chronik Hermann's von Wartberge. Ausdem Lateinichen uber setzt von Ernst Strehlke. Berlin und Reval, 1864). Riga, 1879. Vol. II. P. 88-95.
3. Hermann von Wartberge. Livonian Chronicle. (Translation of "Die Livlandishe Chronik Hermann's von Wartberge. Aus dem Lateinichen ubersetzt von Ernst Strehlke." Berlin und Reval, 1864).
4. LUB, Vol. III, № CC, a: 37–39. [A fundamental collection of historical documents published in Reval (modern-day Tallinn) starting in 1857. The third volume compiles various acts, charters, and other documents related to the history of Livonia, Estonia, and Courland during the Middle Ages.]
5. LUB, Vol. 1, № XVI: 22–23. [The LUB series is a fundamental project for publishing source materials on the history of the Baltic region, primarily concerning the Hanseatic League and the Livonian Order. The first volume collects documents dating to the 13th century, including letters and charters that allow for the study of the region's political, economic, and cultural ties.]
6. PSRL. Vol. Vol. IV, Part 1. Petrograd, 1915.
7. PSRL. Vol. T. 1. Laurentian Chronicle. – Moscow: 1926.
8. SLVA, № 242: 232. [258]. Medieval Historical Sources of the East and West.
9. Abramov D.M. Inter-confessional and Ethno-political Relations Among the Peoples of Europe and Western Asia (9th–13th Centuries): Historical Materials, Testimonies, and Commentary. – Moscow: MIOO, 2010. 80 p.
10. Abramov D.M. On the Historiography of the Issue (19th – First Half of the 20th Century) Regarding the Christianization of the Baltic Peoples and Their Relations with Eastern and Western Christians in the Middle Ages. // History and archives. RSUH. (VAK) 2025. № 2 (Vol. 7). P. 64-103.
11. Mokeev G.Ya. Pskov under Alexander Nevsky // New Book of Russia. 2006. № 7.
12. Nazarova E.L. Latvian intelligentsia in Russia. Second half of the 19th century. On the problem of self-awareness of a non-titular nation in a multinational state // Russia and the Baltics. – Moscow: 2000. P. 16-34.
13. Nazarova E.L. Pskov and Livonia in the 1240s–1290s // *Civitas et castrum ad Mare Balticum. // Civitas et castrum ad Mare Balticum. Problems of Baltic Archaeology and History in the Iron Age and Middle Ages]: Collection of Articles Marking the 65th Birthday of Doctor of Historical Sciences Andris Caune / Evalds Mugurēvičs, Ieva Ose. – Riga: 2002. P. 591-609.
14. Sinaisky A. The Attitude of the Old Russian Church and Society Toward the Latin West. – St. Petersburg: 1899.

Алиева Л.В.
Кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», доцент кафедры отечественной и всеобщей истории исторического факультета института гуманитарных наук и языковых коммуникаций, г. Псков.

Гарчу Надежда
Магистрант исторического факультета института гуманитарных наук и языковых коммуникаций ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», учитель истории ГБОУ СОШ № 306, г. Санкт-Петербург.

Региональная пресса и формирование образа врага: «Псковские губернские ведомости» в годы первой мировой войны*

Аннотация. Статья посвящена исследованию официальной прессы прифронтового региона в 1914–1917 гг. – издания «Псковские губернские ведомости». В работе рассматривается, как провинциальная официальная пресса выполняла сложную коммуникативную задачу, т.к. была вынуждена не только транслировать имперскую идеологию, но и реагировать на сложные социальные процессы в условиях близости театра военных действий. В издании имперская топика размывалась под давлением военной цензуры, военной повседневности и внутренних дестабилизирующих факторов. Анализ материалов издания показывает, что риторика прифронтовой прессы отличалась сочетанием официальной тональности и элементов народной публицистики. В публикациях начального периода войны активно использовались мобилизационные призывы, создавался образ сплоченного народа, противостоящего внешнему врагу. Через очерки, письма с фронта и отчеты о благотворительных сборах газета конструировала единую картину национального единения перед лицом общей угрозы, играя ключевую роль в поддержании патриотического духа и мобилизации тыловых ресурсов, однако по мере затягивания войны и роста общественных противоречий (1916–1917 гг.) в риторике газеты усиливались нотки тревоги, что являлось отражением общественных настроений.

Ключевые слова: информационная война, образ врага, Псковская губерния, влияние информации, общественное сознание, Российская империя, периодическая пресса, ведомости.

* © Алиева Л.В., Гарчу Надежда , 2026.

Alieva L.V.
PhD in History, Associate Professor, Pskov State University; Associate Professor, Department of Russian and World History, Faculty of History, Institute of Humanities and Language Communications, Pskov.

Garchu Nadezhda
Master's student, Faculty of History, Institute of Humanities and Language Communications, Pskov State University; History teacher, Secondary School No. 306, St. Petersburg.

The regional press and the construction of the image of the enemy: «Pskov Provincial Gazette» during World War I

Abstract. This article examines the official press of the frontline region from 1914 to 1917 – the publication "Pskovskie Gubernskie Vedomosti". The paper examines how the provincial official press performed a complex communicative task, forced not only to convey imperial ideology but also to respond to complex social processes in the vicinity of the theater of military operations. Within this publication, the imperial narrative was eroded under the pressure of military censorship, the everyday reality of war, and internal destabilizing factors. An analysis of the publication's materials reveals that the rhetoric of the frontline press was distinguished by a combination of official tone and elements of popular journalism. Publications in the early period of the war actively used mobilization appeals, creating the image of a united people confronting an external enemy. Through essays, letters from the front, and reports on charity collections, the newspaper constructed a unified picture of national unity in the face of a common threat, playing a key role in maintaining patriotic spirit and mobilizing rear resources. However, as the war dragged on and social contradictions grew (1916–1917), the newspaper's rhetoric grew increasingly alarmed, reflecting public sentiment.

Key words: information warfare, image of the enemy, Pskov Governorate, influence of information, public consciousness, Russian Empire, periodical press, Vedomosti.

The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation, project № 25-18-00480, https://rscf.ru/en/project/25-18-00480/.

Введение.

В годы Первой мировой войны региональная прифронтовая пресса, в том числе «Псковские губернские ведомости», играла важную роль в формировании общественного сознания и патриотических настроений. Издание было основным источником информации о событиях военного времени для большинства населения губернии, особенно для тех, кто не имел

доступа к столичным изданиям. Оказавшись в 1914–1917 гг. непосредственно вблизи театра военных действий издание отражало как официальную точку зрения, так и локальную реакцию на события военного времени в рамках действовавших цензурных правил.

Литературный обзор.

Изучение региональной прессы в условиях Первой мировой войны представляется одним из актуальных направлений современной историографии, поскольку в большинстве работ историки исследуют центральную периодическую печать [9, с. 12], нередко специализированную – «Русский инвалид» [31], «Осколки» [30, с. 164], «Утро России» [32, с 14] и т.д., оставляя вне поля зрения губернскую периодическую печать, хотя именно местные издания выступали ключевым каналом коммуникации власти с основной массой населения и инструментом мобилизации общественных настроений в прифронтовых губерниях.

Ключевым ориентиром для анализа риторических стратегий периодики 1914–1917 гг. служит сборник «Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика» [29], в котором на междисциплинарном материале рассмотрены риторические приемы и идеологемы, характерные для центральной и провинциальной прессы периода Первой мировой войны. В работе А.В. Калягина «Российская пресса периода Первой мировой войны: формирование образов “внутреннего врага”» исследуется, как в российских газетах периода Первой мировой войны формировались образы «внутреннего врага». На примере нескольких групп – русских немцев, предпринимателей, органов и деятелей власти и местного самоуправления – автор показывает, что из-за тенденциозного характера материалов, отсутствия должного анализа фактов и их тщательной проверки эти группы в глазах читателей превращались во враждебные элементы, источник острых проблем [12]. Д.Г. Гужва в диссертации о военной периодической печати 1914–1918 гг. раскрыл механизмы патриотического воспитания и пропаганды, которые широко тиражировались в официальных губернских изданиях [10]. И.В. Алферова на примере приграничных губерний показала, что региональная печать не только повторяла общегосударственные шовинистические клише, но и «локализовывала» угрозу, что делало пропаганду особенно радикальной [5].

Собственно губернским ведомостям посвящено несколько работ. Статья О.В. Акуневич о «Витебских губернских ведомостях» [2] доказывает ценность региональной периодики как источника по истории Первой мировой войны и военно-патриотического воспитания. Несмотря на очевидную значимость издания, специальные работы, целиком посвященные риторике «Псковских губернских ведомостей» в 1914–1917 гг., или более ранние периоды, до сих пор отсутствуют. Непосредственно псков-

ской периодике посвящены работы Л.В. Алиевой и Н. Гарчу [3, 4], в которых авторы выделяют риторические приемы (героизацию защитников Отечества, противопоставление «мы – они», апелляцию к историческим ценностям), которые, как подчеркивают исследователи, были отработаны в период русско-японской войны и впоследствии активно использовались в 1914–1917 гг.

Таким образом, историографический анализ показывает, что содержание «Псковских губернских ведомостей» 1914–1917 гг. остается практически не изученным. Накоплен значительный опыт исследования провинциальной прессы военных лет, разработан инструментарий дискурс-анализа и исторической имагологии, но он еще не применен систематически к псковскому материалу. Расширение электронной источниковой базы способно в ближайшие годы восполнить этот пробел и дать новые работы, непосредственно отвечающие на вопрос о риторических стратегиях региональной прифронтовой газеты.

Материалы и методы.

В рамках исследования были применены общенаучные и специальнонаучные методы исследования. Был проведен контент-анализ публикаций «Псковских губернских ведомостей», что позволило систематизировать материал и выявить общие характеристики образа врага. Историко-типологический метод позволил классифицировать негативные и нейтральные определения врага по характеру их представления в псковской дореволюционной прессе. В работе также применен сравнительный анализ для выявления различий в представлении внешнего врага и образа «героя» в исследуемых изданиях. На основе полученных данных был проведен дискурсивный анализ, направленный на выявление основных принципов влияния на аудиторию читателей. Такой комплексный методологический подход позволил нам исследовать влияние официальной псковской периодической печати на общественное сознание.

Обсуждение.

14 июля 1914 г. псковский губернатор Н.Н. Медем получил телеграмму, предписывающую «начать призыв нижних чинов на действительную службу». Приказ сразу был передан по телеграфу во все уездные города, а оттуда специальные гонцы на лошадях доставили его в места сбора новобранцев [13, с. 165]. Псковская губерния стала прифронтовой, линия фронта находилась от Пскова всего в 200 километрах [14, с. 107]. 18 июля 1914 г. был образован Двинский военный округ, в состав которого вошла Псковская губерния. В этот же день «Псковские губернские ведомости» выпустили оповещение губернатора об объявлении для г. Пскова и Псковского уезда с 18 июля военного положения [16].

В первый год войны общий патриотический подъем охватил всю Рос-

сийскую империю. Для достижения победы в Первой мировой войне требовалась обязательная массовая поддержка населения, и, конечно, желательно более основательная, чем та, которой обладали противники. Решить эту задачу можно было в том числе за счет регулирования отношений между правительством и периодической печатью. Власти еще с момента начала мобилизации приступили к масштабным преобразованиям в вопросах контроля над публичным информационным пространством, в области создания новых образцов взаимодействия с общественным мнением.

20 июля 1914 г. в дополнение к основному цензурному законодательству были приняты «Временные положения о военной цензуре», распространявшиеся на печатные издания, эстампы, рисунки, фотографические снимки, конспекты публичных речей и докладов. В районах, подпадавших под категорию «находившихся на военном положении», она вводилась в «полном объеме». Цензорам предписывалось проверять все материалы до публикации или до произнесения при какой-либо аудитории. На остальной территории страны вводилась «частичная цензура». В рамках этой меры издатели должны были предоставлять на утверждение только материалы, содержавшие военные сведения [8]. По «Временному положению о военной цензуре» военные цензоры должны были проверять материалы, связанные с военными вопросами. Военно-цензурные отделения штабов армий, фронтов и округов были срочно укомплектованы офицерами, которые следили за внутренней перепиской, почтой, а также проверкой корреспонденции, получаемой из-за границы и отправляемой за границу из действующей армии. Офицерам приходилось заниматься и оценкой материалов, направляемых с линии фронта для публикации в периодической печати.

Деятельность цензоров регламентировалась также «Перечнем сведений по военной и военно-морской частям, оглашение коих в печати воспрещается». В январе и июле 1914 г. были опубликованы обновленные и увеличенные в два раза перечни. Вскоре был опубликован «Перечень сведений, касающихся внешней безопасности России или вооруженных ее сил или сооружений, предназначенных для военной обороны страны, сообщение коих в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещается» [7, с. 158]. Этот документ должен был служить основанием для разрешения или запрета публикации материалов в периодических изданиях.

С началом войны «Псковские губернские ведомости» опубликовали целый ряд документов – указ о мобилизации, указ об объявлении Псковского уезда на военном положении [16], в следующем номере был опубликован манифест Николая II [17], в котором объявлялось о начавшейся войне с Германией, а также временное положение о военной цензуре, согласно ко-

торому вскрывались письма в учреждениях, ведущих обмен с заграничными почтово-телеграфными ведомствами, повеление военного министра об объявлении автомобильной повинности. Также были опубликованы постановления губернатора Псковской губернии о мерах против шинкарства, об объявлении полиции о лицах прибывающих и выбывающих и т.д.

Обращает на себя внимание интересная заметка, в которой объявлялось о предстоящем солнечном затмении, в связи с которым предлагалось земским начальникам, чинам полиции и волостным правлениям губернии оповестить о затмении сельское население и разъяснить, что явление это «естественное, давно предсказанное учеными людьми и никакого отношения к переживаемому времени не имеет, так что связывать его с войной или каким-либо другим бедствие совершенно безосновательно» [18]. Эта заметка наводит на мысль, что массовые суеверия в начале XX в. были сильны среди значительной части населения и в условиях военного времени могли послужить дополнительной причиной дестабилизации социальной обстановки в губернии, что потребовало проведения разъяснительной работы во избежание паники и распространения слухов. Собственно, такого рода опасения были небезосновательны, т.к. шпиономания и паника были отмечены на всей территории империи в начальный период войны [15].

Помогать фронту губерния начала сразу. Например, в первый месяц войны было размещено объявление, что Алексеевская община Красного Креста уже приступила к обустройству госпиталя в губернии, ведь сюда уже совсем скоро будут доставлены «первые жертвы войны раненые воины», что содержание одного больного обойдется в 35 руб., поэтому Общество ищет тех, кто может принять на себя содержание одного или нескольких раненых [19]. Обращение к сторонней помощи звучало несмотря на то, что община получила здание собственной больницы еще до войны. Очевидно, что исключительно на имеющиеся мощности при развитии военных действий община не могла полагаться.

В конце 1914 г. в печати появляются первые критические оценки войны. Война трактовалась как «общерусское горе», которое уносит жизни, делает людей калеками, поэтому нужно помогать солдатам и их семьям [20]. На страницах издания появились эмоциональные высказывания о войне: «неслыханная по своей жестокости нынешняя война»; «с беззаветной храбростью чудо-богатыри наши отдают свою жизнь на защиту родины от кровожадного врага» [21]. Эти публикации демонстрируют эволюцию общественного дискурса о войне: от первоначального патриотического энтузиазма к более глубокому осмыслению трагедии и необходимости социальной поддержки пострадавших и адаптацию общества к военному времени. Если в первые месяцы войны была убежденность в скорой победе, то заметки конца 1914 г. фиксируют трансформацию настроений в обществе.

Отметим, что снова в печати используется образ, описывающий русских офицеров как «чудо-богатырей», использованный ранее в период русско-японской войны [3].

Острая необходимость в усилении контроля над периодикой возникла после первых неудач на фронте, в 1915 г. Поскольку война в течение года не завершилась, 31 июля 1915 г. был принят следующий цензурный «Перечень...», состоявший уже из 30 пунктов (до января 1914 г. их было всего 8). Этот документ сохранял свое действие вплоть до марта 1917 г. При Временном правительстве особым распоряжением были удалены ст. 18-я и 30-я, а ст. 27 – сокращена [6, с. 69]. Эти изменения отразились и на «Псковских губернских ведомостях» – в печати периода Первой мировой войны, в сравнении с публикациями периода русско-японской войны, намного реже появлялись заметки с фронта и «от разведчиков». Естественно, официальная печать в прифронтовой губернии стремилась отвечать всем требованиям цензоров и могла освещать интересующие людей события преодолевая цензурные ограничения.

В 1915 г. в «Псковских губернских ведомостях» появляется примечательное объявление о выходе первого выпуска издания «Вторая Отечественная война, по рассказам ее героев», в описании которой война характеризуется как «…великая освободительная борьба против германизма, выпавшая на долю исторической защитнице и собирательнице славян, нашей великой родине – России» [22]. Последующие публикации в «Псковских губернских ведомостях» создают четкую дихотомию «свой-чужой», где русские солдаты представлены как герои-защитники, богатыри, носители вековой русской культуры [11, с. 70], а противник – как угнетатель, оккупант и агрессор. Такая риторика была характерна для военного времени и служила целям мобилизации патриотических чувств населения. Показательна фраза: «...стихийному подвигу родных богатырей на далеких полях смерти и славы, бесстрашно завоевывающих нам желанное освобождение от ненавистного немецкого гнета» [23].

Без преувеличения, губернская периодическая печать – хроника жизни в губернии, которая передавала все противоречия и проблемы, возникавшие в тылу и на фронте в годы войны. Так, в конце 1915 г. было размещено объявление Всероссийского общества помощи военнопленным. Плен представлялся читателю как позорный и голодный: «Условия жизни в немецком плену поистине ужасны. Пленникам нечего есть, не во что одеться, у них нет книг, чтобы отогнать навязчивые мрачные мысли и подавить крики отчаяния в душе» [24]. Тема военного плена была продолжена в следующем году, когда был опубликован редкий для «губернских ведомостей» источник – воспоминания пленных, вернувшихся из Австро-Венгрии и Германии. Солдаты жаловались на тюремные условия жизни в бараках,

скудное некачественное питание и дорогие продукты. Австрийцы якобы винили германцев в развязывании войны и хотели мира. В публикациях отмечалось падение победного настроения у немцев, несение караульной службы инвалидами, призыв стариков из-за нехватки людей в армии, недостаток вооружения. Примечательной особенностью публикации является наличие антисемитских коннотаций [26]. В целом, положение Австрии и Германии военного периода было описано достаточно справедливо, но очевидно, что с помощью текста до читателя предпринималась попытка донести мысль о разобщенности, слабости противников. Во время войны в провинции зачастую цензура не допускала материалы о военнопленных [1, с. 8], поэтому их наличие в «Псковских губернских ведомостях» является скорее исключением.

В ведомостях публиковались и списки недвижимого имущества, принадлежащего австрийским, венгерским и германским выходцам и подлежащим конфискации в соответствии с законами от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. [25] Отметим, что в сатирической журналистике в первые годы войны шла активная полемика об отношении населения приграничных губерний с немцами, где в 1914 г. их нередко встречали радушно, так как из-за соседства, например, дружили семьями [30, с. 204]. В конце 1915 г. следа от подобных дружеских отношений не осталось, конфискация оценивалась, в целом, положительно.

Образ врага окончательно оформляется в «ведомостях» в 1916 г. В личных письмах солдат, бежавших из плена, он не просто дегуманизирован, но и приобретает демонические черты. В опубликованной копии письма солдата, сбежавшего из плена в Румынию, враг представлен как «проклятый хищник», «зверь», «тигр» и «тиран». В письме жене солдат называет плен «неприятельскими проклятыми когтями», а завершает письмо словами: «Прошу Вас перескажите Вы всем моим братьям по Христу и товарищам по оружию, кто будет идти на войну, пусть у плен не попадает, а иначе помрет у Австро-Венгрии голодной смертью, потому что у Австрии хлеба нет» [27].

После Февральской революции происходит кардинальная переоценка образа врага, что находит отражение в «Псковских губернских ведомостях». Временное правительство восстанавливает права «неприятельских выходцев» [28] на землю, публикует воззвания о защите «свободной России от немцев», активно борется с дезертирством.

Результаты. Анализ публикаций на страницах «Псковских губернских ведомостей» позволил определить трансформацию риторики газеты в период Первой мировой войны. На начальном этапе (1914 – начало 1915 гг.) фиксируется конструирование героической картины войны через актуализацию коллективной исторической памяти и внедрение сакрального кон-

цепта «второй Отечественной войны». Массовый приток беженцев, расквартирование войск и продовольственные трудности вынуждают издание балансировать между патерналистской лексикой долга и социальными проблемами прифронтовой губернии, что определяет специфику второго этапа, который охватывает 1915–1916 гг. Третий этап (конец 1916 – начало 1917 гг.) демонстрирует в большей степени стратегию дискурсивного умолчания: пафосная лексика редуцируется до бюрократической казуистики, а понятие «единения» постепенно уступает место призывам к порядку. Кульминацией процесса смены политической риторики стала быстрая переориентация издания после Февральской революции. На смену «лоялистским» формулировкам пришла новая революционная повестка. Вместе с тем, ключевой имперский концепт «защиты Отечества» был сохранен, поскольку война не была завершена.

Заключение.

«Псковские губернские ведомости» – типичный источник официальной провинциальной периодической печати, который отражает общие проблемы «губернских ведомостей»: недостаток в оригинальных статьях, использование перепечаток из центральных газет, формализованность содержания. Эффективность работы региональной прессы в годы войны была ограничена реальными военными неудачами, социальными противоречиями и растущим кризисом доверия к власти. «Псковские губернские ведомости» представляют собой уникальный источник для изучения эволюции общественного мнения и риторических стратегий в условиях военного времени. Исследование региональной прифронтовой периодики открывает новые горизонты для понимания механизмов формирования образа врага и патриотизма в российской провинции, а также подчеркивает важность региональных изданий в контексте общей историографии Первой мировой войны.

Библиографический список:

1. Абдрашитов Э.Г. Формирование образа врага в России в годы Первой мировой войны и проблема военнопленных россиян // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2. С. 7-14.
2. Акуневич О.И. Периодическая печать Витебщины как важный источник информации о событиях Первой мировой войны (на примере газеты «Витебские губернские ведомости») // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XV (62) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, посвященной 100-летию со дня основания УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 3–5 марта 2010 г. Витебск, 2010. С. 319-320.
3. Алиева Л.В., Гарчу Н. «Свои» и «чужие» на страницах «Псковских губернских ведомостей» в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 12. С. 8-12.
4. Алиева Л.В., Гарчу Н. Публикации в региональной прессе как инструмент формирования общности «свои» в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (на примере «Псковских губернских ведомостей») // Клио. 2025. № 11 (227). С. 24-27.
5. Алферова И.В. Массовая печать и антигерманские настроения в приграничье Российской империи в начале Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления. 2025. Т. 14. № 4. С. 22-34.

6. Алферова И.В., Блохин В.Ф. «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 63-84.
7. Батулин П.В. Перечни военной цензуры 1912–1923 гг. // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4. С. 152-165.
8. Блохин В.Ф. Реализация новой государственной модели управления печатью в условиях Первой мировой войны (1914–1918) // Вестник Брянского государственного университета. 2023. № 4. С. 45-52.
9. Богомолов И.К. Образ противника в русской периодической печати 1914 – 1915 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. – М.: 2015. 32 с.
10. Гужва Д.Г. Российская военная периодическая печать в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. – М.: 2008. 220 с.
11. Демидова Е.И., Наумов С.Ю., Захаров А.В., Ефимова Е.А. Гуманизм и патриотизм как факторы консолидации российского общества в годы Первой мировой войны // Власть. 2018. Том. 26. № 4. С. 64-72.
12. Калягин А.В. Российская пресса периода Первой мировой войны: формирование образов «внутреннего врага» // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электрон. сб. Вып. 8. Самара, 2020. // URL: http://sbornik.libsmr.ru/ (Дата обращения: 23.04.2026).
13. Маркова М.Т. Мобилизация в армию в Псковской губернии: 1905 и 1914 гг. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2014. № 40. С. 163-169.
14. Михайлов А.А. Псков в годы Первой мировой войны, 1914-1915 гг. Псков: Дом печати, 2012. 342 с.
15. Назаров А.Н. Первая мировая война в массовом сознании российского населения (на материалах Северо-Запада) // Вестник НовГУ. 2007. № 41. С. 15-16.
16. Псковские губернские ведомости. 1914. № 30.
17. Псковские губернские ведомости. 1914. № 31.
18. Псковские губернские ведомости. 1914. № 32.
19. Псковские губернские ведомости. 1914. № 33.
20. Псковские губернские ведомости. 1914. № 50.
21. Псковские губернские ведомости. 1914. № 51.
22. Псковские губернские ведомости. 1915. № 18.
23. Псковские губернские ведомости. 1915. № 52.
24. Псковские губернские ведомости. 1915. № 6.
25. Псковские губернские ведомости. 1916. № 12.
26. Псковские губернские ведомости. 1916. № 16.
27. Псковские губернские ведомости. 1916. № 34.
28. Псковские губернские ведомости. 1917. № 9-10.
29. Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. 600 с.
30. Филиппова Т.А., Баратов П.Н. «Враги России». Образы и риторики вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. – М.: Научно-исследовательский центр АИРО-XXI, 2014. 271 с.
31. Фролов В.В. Образ Австро-Венгрии на страницах газеты «Русский инвалид» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.) // Журнал Фронтирных Исследований. 2023. № 4 (32). С. 306-322.
32. Эйдук Д.В. «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914–1915 гг.: по материалам газеты «Утро России»: автореферат диссертации ... кандидата исторических наук. – СПб.: 2008. 25 с.

Reference

1. Abdrashitov E.G. The Formation of the Image of the Enemy in Russia During World War I and the Issue of Russian Prisoners of War // Humanities and Legal Studies. 2014. № 2. P. 7-14.
2. Akunevich O.I. Periodical press of the Vitebsk region as an important source of information on the events of the First World War (on the example of the newspaper "Vitebsk Gubernskie Vedomosti") // Science - education, production, economics: materials of the XV (62) Regional scientific and practical conference of teachers, researchers and postgraduate students, dedicated to the 100th anniversary of the founding of the Educational Institution "VSU named after P.M. Masherov Vitebsk State University, March 3–5, 2010. Vitebsk, 2010. P. 319-320.
3. Alieva L.V., Garchu N. "Ours" and "strangers" on the pages of the "Pskov Provincial Gazette" during the Russo-Japanese War of 1904–1905 // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2025. № 12. P. 8-12.
4. Alieva L.V., Garchu N. Regional Press Publications as a Tool for Shaping the "Us" Community During the Russo-Japanese War of 1904–1905 (A Case Study of «Pskovskie Gubernskie Vedomosti») // Klio. 2025. № 11 (227). P. 24-27.

5. Alferova I.V. Mass-circulation press and anti-German sentiment in the borderlands of the Russian Empire at the outbreak of World War I // Bulletin of State and Municipal Administration. 2025. Vol. 14. № 4. P. 22-34.
6. Alferova I.V., Blokhin V.F. "Extinguisher of the national spirit": censorship restrictions on the coverage of frontline soldiers' heroism during World War I // The New Historical Bulletin. 2017. № 3 (53). P. 63-84.
7. Batulin P.V. Military censorship lists, 1912–1923 // Leningrad Legal Journal. 2012. № 4. P. 152-165.
8. Blokhin V.F. Implementation of the new state model of press management during World War I (1914–1918) // Bulletin of Bryansk State University. 2023. № 4. P. 45-52.
9. Bogomolov I.K. The image of the enemy in the Russian periodical press, 1914–1915: abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. – Moscow: 2015. 32 p.
10. Guzhva D.G. Russian military periodical press during World War I (1914–1918): dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. – Moscow: 2008. 220 p.
11. Demidova E.I., Naumov S.Yu., Zakharov A.V., Efimova E.A. Humanism and patriotism as factors in the consolidation of Russian society during World War I // Vlast. 2018. Vol. 26. № 4. P. 64-72.
12. Kalyagin A.V. The Russian Press During World War I: The Formation of Images of the "Internal Enemy" // The 20th Century and Russia: Society, Reforms, Revolutions: Electronic Collection. Issue 8. Samara, 2020. // URL: http://sbornik.libsmr.ru/ (23.04.2026).
13. Markova M.T. Army Mobilization in Pskov Province: 1905 and 1914 // Pskov: Scientific-Practical Journal of History and Local Lore. 2014. № 40. P. 163-169.
14. Mikhailov A.A. Pskov During the First World War, 1914–1915. Pskov: Dom Pechati, 2012. 342 p.
15. Nazarov A.N. The First World War in the Mass Consciousness of the Russian Population (Based on Materials from the North-West) // Vestnik NovGU. 2007. № 41. P. 15-16.
16. Pskov Provincial Gazette. 1914. № 30.
17. Pskov Provincial Gazette. 1914. № 31.
18. Pskov Provincial Gazette. 1914. № 32.
19. Pskov Provincial Gazette. 1914. № 33.
20. Pskov Provincial Gazette. 1914. № 50.
21. Pskov Provincial Gazette. 1914. № 51.
22. Pskov Provincial Gazette. 1915. № 18.
23. Pskov Provincial Gazette. 1915. № 52.
24. Pskov Provincial Gazette. 1915. № 6.
25. Pskov Provincial Gazette. 1916. № 12.
26. Pskov Provincial Gazette. 1916. № 16.
27. Pskov Provincial Gazette. 1916. № 34.
28. Pskov Provincial Gazette. 1917. Nos. 9-10.
29. Russian Publicistic Writing and Periodicals of the First World War Era: Politics and Poetics. Studies and Materials. – Moscow: IMLI RAS, 2013. 600 p.
30. Filippova T.A., Baratov P.N. "Enemies of Russia": Images and Rhetoric of Hostility in Russian Satirical Magazines during the First World War. – Moscow: AIRO-XXI Research Center, 2014. 271 p.
31. Frolov V.V. The image of Austria-Hungary on the pages of the newspaper "Russian Invalid" in the first years of the First World War (1914–1915) // Journal of Frontier Studies. 2023. № 4 (32). P. 306–322.
32. Eiduk D.V. "The image of the enemy" and the prospects of war in the Russian periodical press in 1914-1915: based on materials from the newspaper "Morning of Russia": abstract of the dissertation ... candidate of historical sciences. – St. Petersburg: 2008. 25 p.

Бобровский И.А.
Старший преподаватель кафедры СГЭиПД, Воронежского института Министерства внутренних дел России, г. Воронеж.

К вопросу формирования частей особого назначения на территории Воронежской губернии в период гражданской войны*

Аннотация. Статья посвящена одному из аспектов истории Гражданской войн, а именно формированию частей особого назначения (ЧОН) на территории Воронежской губернии. На основе архивных материалов анализируются принципы комплектования, структура управления, партийный и военный контроль и мобилизационная специфика губернских частей особого назначения. Также отражена роль воронежских отрядов в боях против частей А.И. Деникина и поддержание Советской власти в Воронежской губернии. Отмечается что ЧОН представляли собой гибридную военно-политическую структуру, в которой сочетались армейская дисциплина и партийная мобилизация, что позволяло оперативно реагировать на угрозы в прифронтовой зоне.

Ключевые слова: Гражданская война, части особого назначения, ЧОН, Воронежская губерния, партийная мобилизация, Отряды Особого Назначения.

Bobrovsky I.A.
Senior Lecturer, Department of Civil Defense, Economics, and Public Administration, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh.

On the issue of formation of special-purpose units on the territory of the Voronezh Gubernia during the Civil War

The article is devoted to one aspect of the history of the Civil Wars, namely, the formation of special purpose units (ChON) in the Voronezh Governorate. Based on archival materials, the principles of recruitment, the management structure, party and military control, and the mobilization specifics of the provincial special purpose units are analysed. The role of the Voronezh detachments in the battles against A. I. Denikin's units and the maintenance of Soviet power in the Voronezh Governorate is also reflected. It is noted

* © Бобровский И.А., 2026.

that the CHON was a hybrid military-political structure that combined army discipline with party mobilization, which made it possible to respond promptly to threats in the front-line zone.

Key words: Civil War, special purpose units, CHON, Voronezh Governorate, party mobilization, Special Purpose Detachments.

Введение.

Историю частей особого назначения (ЧОН) можно отнести к страницам военно-политической истории строящего Советского государства. Созданные в период 1918-1919 годов так называемая «партийная гвардия» большевиков, приняла на себя службу в прифронтовой полосе, охрану особо важных объектов и участие в подавлении крестьянских восстаний и мятежей на территории Воронежской губернии. Данная статья нацелена на региональный аспект формирования частей особого назначения, и призвана добавить очертания общего состояния Воронежской губернии, как одного из ключевых регионов Южного фронта в период боевых действий Гражданской войны. Целью данной статьи является реконструкция организационных принципов создания частей особого назначения в Воронежской губернии, также систему управления, мобилизацию и их роль в обороне региона от частей Добровольческой армии.

Материалы и методы.

Исследование выполнено на основе комплексного анализа разнородных исторических источников, что обусловлено спецификой темы и необходимостью их обобщения.

Источниковую базу статьи составили две группы материалов. Первую группу составляют архивные материалы, а именно фрагмент проекта положения об отрядах особого назначения, сохранившегося в фондах Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области, а также материалы фонда Государственного архива Российской Федерации. Вторую группу составляют источниковедческие и историографические материалы, такие как монографии, статьи и диссертационные исследования воронежских и общероссийских авторов. Их использование позволило вписать отдельные элементы истории воронежских ЧОН в широкий контекст региональной и общероссийской историографии Гражданской войны.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и объективности, предполагающие рассмотрение изучаемых явлений в их развитии и во взаимосвязи с исторической обстановкой периода Граж-

данской войны. Историко-системный метод предоставил возможность рассмотреть ЧОН как элемент более широкой системы военно-политических институтов советской власти. При работе с архивными материалами использовались источниковедческий анализ и метод критики источников. Таким образом, сочетание разнородных источников и взаимодополняющих методов исследования обеспечивает комплексный подход к изучению формирования и деятельности частей особого назначения в Воронежской губернии в период Гражданской войны.

Литературный обзор.

Историографическая традиция изучения частей особого назначения в отечественной науки представлена в первую очередь советским периодом, когда первые работы появляются уже в 1920-е годы, однако необходимо отметить, что они носили преимущественно мемуарно-публицистический характер. Как отмечал советский историк И.А. Вайнштейн, освещение деятельности военно-партийных отрядов или частей особого назначения, долгое время оставалась фрагментарной и идеализированной, а центральное место занимали героическая борьба с контрреволюцией, тогда как организационные механизмы, кадровая политика и повседневная деятельность, таких отрядов, оставались вне поля зрения ученых [4, с. 56]. Так же значительный вклад в изучение общесоветской истории частей особого назначения внесли труды И.Б. Дементьева, С.Ф. Найды, В.Л. Кротова, Н.С. Тельнова, И.А. Абраменко, который в своих исследованиях посвященных частям особого назначения Западной Сибири, высказывает мысль о необходимости системного изучения региональных ЧОН [7][12] [9] [15] [1]. В 1970-1980-е годы начали появляться диссертационные исследования основанные на региональных материалах, но они охватывали в большей степени географию Сибири, Урала и Украины, а вот Центральное Черноземье, включая Воронежскую губернию, в этих исследованиях практически не встречается. Необходимо отметить, что началом целенаправленного изучения Гражданской войны в Воронежской губернии, стала деятельность Д.Д. Лаппо, однако в его работах части особого назначения не стали предметом специального рассмотрения, он сосредоточился на общей картине военных действий и ЧОН упоминались только эпизодически [10]. А вот непосредственным основоположником изучения именно воронежских ЧОН стал Р.Н. Литвинов и его труд под названием «Отряды ЧОН: Очерки истории Воронежских частей особого назначения» [11]. Работа Р.Н. Литвинова долгое время оставалась единственным специальным исследованием по истории воронежских ЧОН. Уже в постсоветский период необходимо отметить работу Г.А. Ямпольской, исследовавшей чрезвычайные органы Воронежской и Курской губерний в условиях военного времени, где она под-

черкивает, что ЧОН были ключевым инструментом силового воздействия на крестьянство в период продразверстки. Современный этап изучения событий Гражданской войны на территории Воронежской губернии с контекстом деятельности ЧОН, связан с именами Н.А. Алексанян, В.В. Бахтина, М.Е. Разинькова и Н.А. Зайца [16] [2] [3] [13] [8]. В целом историографический анализ свидетельствует об отсутствии комплексного исследования ЧОН на территории Воронежской губернии.

Результаты.

Части особого назначения возникли как реакция нового Советского руководства на кризисные явления возникшие на фронтах и в тылу периода весны-лета 1919 года. Так называемым юридическим основанием для массового формирования территориальных партийных отрядов стало постановление ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 года, где обозначалось создание «военно-партийных частей для помощи Советским органам управления» [12, с. 106]. В отличии от рядовых частей Красной армии, ЧОН на первоначальном этапе комплектовались строго из членов и кандидатов РКП(б), а с августа 1919 года к этому списку добавили комсомольцев и проверенных беспартийных[6, об. л. 12].

Для Воронежской губернии, оказавшейся с сентября 1919 года в прифронтовой зоне Южного фронта, такой процесс стал носить экстренный характер. Так 9 сентября, из-за угрозы вторжения подразделений генерала К.К. Мамантова, в Воронеже было введено осадное положение, а все коммунисты были объявлены мобилизованными [10, с. 45].

Касательно структуры управления воронежскими ЧОН, необходимо отметить, что согласно общепринятой модели, во главе губернских ЧОН стоял Совет (Совчонгуб) в составе представителя губкома партии, непосредственно начальника ЧОН, члена ВЧК и губернского военного комиссара. Согласно архивным источникам к функциям такого совета относились: «не вмешиваться в технические распоряжения комсостава», Совет « следит за состоянием Отрядов Особого Назначения, поднятием безопасности и недопущением уклонения от службы» [5, л.150]. Фактически можно проследить партийный надзор за боеготовностью и личным составом. Отдельно можно выделить статус начальника губернских ЧОН: он «ведает формированием кадров РКП и членов РКСМ» и « пользуется правами помощника Губвоенкома» [5, л.150]. Таким образом, начальник ЧОН становился фактически второй по значимости военной фигурой после губвоенкома, но с прямым подчинением партийным органам. Как отмечает Г.А. Ямпольская, деятельность чрезвычайных органов включая ЧОН, была неотъемлема связанна с функционированием ревкомов и других военно-хозяйственных структур, иными словами ЧОН выступали как «силовой инструмент» про-

ведения политики военного коммунизма, и организационная структура такого органа была полностью подчинена этой главной задаче.

Отмечая комплектование и территориальное размещение, особенностью ЧОН было так называемое «производственное» базирование. Так архивный документ говорит: «Формирование Отрядов Особого назначения проводится, как правило, на заводе, фабрике или учреждении» [5, л.151]. Для города Воронежа это значило создание отрядов на базе крупных предприятий, таких как Первый национальный механический завод (бывший завод Столля), «Рихард Поле» и других. Пункт 17 положения «Об Отрядах Особого Назначения Р.С.Ф.С.Р.» предписывал формировать «отдельные полковые, ротные, взводные кадры» в зависимости от численности коммунистов и комсомольцев в городе или промышленном пункте [5, л.152]. Интересным и важным аспектом является, что не кадровый состав, это основная масса бойцов особых подразделений, не переводились на казарменное положение, а «только по особому распоряжению» [5, л.152]. Это позволяло сочетать производственную деятельность с оперативной готовностью, иными словами в случаи тревоги подразделение собиралось в течении нескольких часов. Кроме того, комплектование отрядов особого назначения происходило не только в губернском городе Воронеже, но и в уездах самой губернии. Создавались сельские отряды ЧОН из местных коммунистов и комсомольцев, такие отряды так же занимались охраной продовольственных складов и борьбой с дезертирством и крестьянскими волнениями.

Раздел III положения «Об Отрядах Особого Назначения Р.С.Ф.С.Р.» регламентирует исключительное право Советов ЧОН объявлять мобилизацию самостоятельно: «Мобилизация Отрядов Особого Назначения объявляется Советами Отрядов Особого назначения Республики или губернии по соответствию» [5, л.152]. Для Воронежской губернии это означало, что во время рейда конного корпуса генерала А.Г. Шкуро, который растянулся на первые два осенних месяца 1919 года, губернский совет ЧОН мог немедленно поднять по тревоге всех партийных и комсомольских мобилизованных, не ожидая приказа из местного военкомата. Такая автономия имела большое значение для общей обороны и частности города Воронежа.

Непосредственно активная боевая деятельность Воронежских частей особого назначения начинается осенью 1919 года когда части 8-й армии и легендарный конный корпус С.М. Будённого при поддержке ЧОН выбили белогвардейские подразделения из Воронежа [10, с.126]. После отступления частей Добровольческой армии с территории Воронежской губернии, части особого назначения начали привлекать на борьбу с дезертирством и крестьянскими восстаниями.

Анализ боевых эпизодов, позволяет реконструировать типичную такти-

ку отрядов частей особого назначения в лице уездных формирований, для подавления крестьянских мятежей на территории Воронежской губернии в конце 1920 года. Первоочередной задачей местных властей стало создание таких отрядов непосредственно в угрожающих селах. Так, по указанию председателя Павловского уревкома Д.Я. Кандыбина в селе Гороховка был сформирован отряд количеством порядка ста человек, включая бойцов промышленной милиции, которой сразу преступил к локализации мятежа. Сформированный отряд выдвинулся на встречу толпе восставших и занял оборону у реки суходол, стремясь не допустить распространения волнения на соседние населенные пункты. При этом на первом этапе ЧОНовцы активно использовали переговоры: они призывали гороховцев «успокоится и разойтись». Когда переговоры не дали результата, отряд под руководством Я.К. Плохих перешел к решительным действиям. Около ста человек было пленено, а двадцать наиболее активных зачинщиков, включая одну женщину, расстреляли на месте – на берегу реки Суходол. [14, с. 265] Таким образом, тактика отрядов ЧОН сочетала элементы переговорного давления, внезапных атак, расстрелом зачинщиков. Однако недостаток управляемости и порой чрезмерная жёсткость ЧОНовцев вели к эскалации событий и соответственно были мало эффективны.

В ноябре 1919 года ЧОН были включены в систему Всеобуча, что означало переход к более централизованной системе военной подготовке при сохранении партийного руководства, а 24 марта 1921 года переведены в разряд милиционных частей Красной армии. В октябре 1921 года решением ЦК РКП(б) объявлялась единая система организации ЧОН, такая унификация должна была упорядочить структуру ЧОН и как следствие повысить эффективность управления. Однако к этому моменту необходимость в таких военизированных структурах начала ставится под сомнения, ввиду демилитаризационных тенденций. Окончательное расформирование произошло в период 1924-1925 по решению ЦК РКП(б) в связи с переходом к мирному строительству и НЭПу Часть личного состава была переведена в регулярные части Красной армии или войска ОГПУ [9, с. 338].

Заключение.

Части особого назначения представляли собой не просто вооруженные отряды, а строго централизованную военно-политическую структуру с двойным подчинением, а именно Красной армии и партийным комитетам.

Губернские Советы ЧОН обладали реальной властью: начальник ЧОН имел права помощника губвоенкома, а мобилизация могла объявляться независимо от окружных властей.

«Производственный» принцип формирования позволял быстро раз-

вертывать отряды особого назначения в промышленных центрах в том числе Воронежской губернии.

Таким образом, изучение такого явления в период Гражданской войны и становления Советской власти, как части особого назначения на губернском уровне раскрывает механизмы устойчивости Советской власти в условиях военного времени и показывает, как большевики формировали гибкие, жестко управляемые вооруженные подразделения для защиты собственных интересов.

Библиографический список:

1. Абраменко И.А. Коммунистические формирования – части особого назначения (ЧОН) Западной Сибири (1920–1924 гг.) / И. А. Абраменко. – Томск: Изд. Томск. ун-та, 1973. 303 с.
2. Алексанян Н. А. Становление советских органов власти Воронежской губернии в 1917-1922 гг.: организационный, кадровый аспекты: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Алексанян Нелли Арушановна; [Место защиты: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т]. - Белгород, 2018. 27 с.
3. Бахтин В.В. Гражданская война 1917-1922 годов / В.В, Бахтин // Воронежская энциклопедия: в 2 т. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2008. Т. 1. С. 108-110.
4. Вайнштейн И.А. Деятельность Дальбюро ЦК РКП (б) по созданию и укреплению коммунистических частей особого назначения в период гражданской войны и иностранной интервенции (1920–1922 гг.) / И.А. Вайнштейн // Вопросы истории Дальнего Востока. – Хабаровск, 1972. Вып. 2. С. 56-71.
5. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). – Ф-91, Оп.1. д.79.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф-130. Оп.3. д.9.
7. Дементьев И.Б. Части особого назначения Пермской губернии в борьбе с врагами советской власти / И.Б. Дементьев. – Пермь: Перм. обл. орг. обва «Знание», 1970. 17 с.
8. Заяц Н.А. Кризис государственного управления и организация новых властных структур Воронежской губернии в 1914-1918 гг.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.02 / Заяц Николай Алексеевич; [Воронеж. гос. ун-т]. - Воронеж, 2017. 23 с.
9. Кротов В.Л. Роль ЧОН в укреплении тыла страны / В.Л. Кротов // Из истории гражданской войны и интервенции 1917–1922 гг.: сб. науч. тр. – Москва, 1974. С. 331-339.
10. Лаппо Д.Д. Они защищали Советскую власть / Д.Д. Лаппо. – Воронеж: Центр. Чернозем. кн. изд-во, 1977. 142 с.
11. Литвинов Р.Н. Отряды ЧОН / Р. Литвинов. – Воронеж: Централ. Чернозем. книж. изд., 1968. 87 с.
12. Найда С.Ф. Части особого назначения (1917–1925 гг.): руководство партии созданием и деятельностью ЧОН / С.Ф. Найда // Воен.-истор. журнал. 1969. № 4. С. 106-112.
13. Разиньков М.Е. Донской фронттир: советская власть и казачество в 1918 г. – первой половине 1919 г. // История: факты и символы. 2020. № 4. С. 56-64.
14. Сыроварский Н.И. Отчий край / Н.И. Сыроварский. – Воронеж: Изд. «Воронеж», 1996. 593 с.
15. Тельнов Н.С. Из истории создания и боевой деятельности коммунистических частей особого назначения в период гражданской войны / Н.С. Тельнов // Уч. зап. Колом. пед. ин-та. – Коломна, 1961. Т. 6. С. 73-99.
16. Ямпольская Г.А. Чрезвычайные органы Воронежской и Курской губерний в условиях военного времени: методы управления хозяйственной деятельностью (1918–1920 гг.) // Научные ведомости. 2010. № 7.

Reference

1. Abramenko I.A. Communist Formations: Special Purpose Units (ChON) of Western Siberia (1920–1924) / I. A. Abramenko. – Tomsk: Tomsk University Press, 1973. 303 p.
2. Aleksanyan N. A. The Formation of Soviet Government Bodies in Voronezh Province, 1917–1922: Organizational and Personnel Aspects: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences: 07.00.02 / Aleksanyan Nelli Arushanovna; [Defense Institution: Belgorod State National Research University]. – Belgorod, 2018. 27 p.

3. Bakhtin V.V. The Civil War of 1917–1922 / V.V. Bakhtin // Voronezh Encyclopedia: in 2 vols. – Voronezh: Center for the Spiritual Revival of the Black Earth Region, 2008. Vol. 1. P. 108–110.
4. Vainshtein I.A. Activities of the Far Eastern Bureau of the RCP(b) Central Committee Regarding the Creation and Strengthening of Communist Special Purpose Units During the Civil War and Foreign Intervention (1920–1922) / I.A. Vainshtein // Issues in the History of the Far East. – Khabarovsk, 1972. Issue 2. P. 56-71.
5. State Archive of the Socio-Political History of Voronezh Oblast (GAOPI VO). – F. 91, Op. 1, D. 79.
6. State Archive of the Russian Federation (GA RF). – F. 130, Op. 3. p. 9.
7. Dementyev I.B. Special Purpose Units of Perm Province in the Struggle Against Enemies of Soviet Power / I.B. Dementyev. – Perm: Perm Regional Organization of the "Znanie" Society, 1970. 17 p.
8. Zayats N.A. The Crisis of State Administration and the Organization of New Power Structures in Voronezh Province, 1914–1918: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences: Specialty 07.00.02 / Zayats Nikolai Alekseevich; [Voronezh State University]. – Voronezh, 2017. 23 p.
9. Krotov V.L. The Role of ChON in Strengthening the Country's Home Front / V.L. Krotov // From the History of the Civil War and Intervention, 1917–1922: Collection of Scientific Papers. – Moscow, 1974. P. 331-339.
10. Lappo D.D. They Defended Soviet Power / D.D. Lappo. – Voronezh: Central Black Earth Book Publishing House, 1977. 142 p.
11. Litvinov R.N. ChON Detachments / R. Litvinov. – Voronezh: Central Black Earth Book Publishing House, 1968. 87 p.
12. Naida S.F. Special Purpose Units (1917–1925): Party Leadership in the Creation and Activities of ChON / S.F. Naida // Military-Historical Journal. 1969. № 4. P. 106-112.
13. Razinkov M.E. The Don Frontier: Soviet Power and the Cossacks (1918 – First Half of 1919) // History: Facts and Symbols. 2020. № 4. P. 56-64.
14. Syrovarsky N.I. Native Land / N.I. Syrovarsky. – Voronezh: Voronezh Publishing House, 1996. 593 p.
15. Telnov N.S. On the History of the Formation and Combat Operations of Communist Special-Purpose Units During the Civil War / N.S. Telnov // Scholarly Notes of the Kolomna Pedagogical Institute. – Kolomna, 1961. Vol. 6. P. 73-99.
16. Yampolskaya G.A. Emergency Bodies in the Voronezh and Kursk Provinces Under Wartime Conditions: Methods of Managing Economic Activity (1918–1920) // Scientific Bulletin. 2010. № 7.

Лукьянченко Е.Е.
Старший преподаватель кафедры МЭСиТ. Дальневосточная государственная академия физической культуры, г. Хабаровск.

Волошин Г.Р.
Преподаватель кафедры Спорт. Дальневосточная государственная академия физической культуры, г. Хабаровск.

Унанян Г.А.
Студент 4 курса. Дальневосточная государственная академия физической культуры, г. Хабаровск.

Костин К.Н.
Преподаватель кафедры Спорт. Дальневосточная государственная академия физической культуры, г. Хабаровск.

Петров Н.Ю.
Кандидат педагогических наук, доцент. Волгоградская государственная академия физической культуры, г. Волгоград.

Почему Олимпийские игры остаются главным спортивным событием мира*

Аннотация. В статье рассматривается исторический контекст превращает Игры в арену мирного геополитического соперничества, где современные государства продолжают традиции древнегреческого экехейрии – священного перемирия, а национальные олимпийские комитеты используют соревнования для утверждения своего суверенитета на международной арене. Социальная значимость события заключается в его уникальной способности объединять человечество вокруг универсальных ценностей честной борьбы и преодоления себя: трансляции соревнований собирают миллиардную аудиторию, стирая языковые и культурные барьеры, а программы развития через спорт способствуют вовлечению молодежи из разных стран в здоровый образ жизни. Наконец, медийная составляющая эволюционировала от простого вещания к созданию глобального реалити-шоу с помощью цифровых платформ, интерактивных трансляций и технологий дополненной реальности, что позволяет МОК привлекать молодую аудиторию и обеспечивать колоссальные доходы от продажи прав, необходимые для поддержки спортсменов по всему миру. Именно синергия этих трех компонентов обеспечивает Олимпиаде непревзойден-

* © Лукьянченко Е.Е., Волошин Г.Р., Унанян Г.А., Костин К.Н., Петров Н.Ю., 2026.

ную капитализацию зрительского внимания и статус главного спортивного феномена современности.

Ключевые слова: Олимпийские игры, олимпизм, спорт, международное сотрудничество, культура, медиа.

Lukyanchenko E.E.
Senior Lecturer, Department of Economics and Transport, Far Eastern State Academy of Physical Culture, Khabarovsk.

Voloshin G.R.
Lecturer, Department of Sports, Far Eastern State Academy of Physical Culture, Khabarovsk.

Unanyan G.A.
Fourth-year student, Far Eastern State Academy of Physical Culture, Khabarovsk.

Kostin K.N.
Lecturer, Department of Sports, Far Eastern State Academy of Physical Culture, Khabarovsk.

Petrov N.Yu.
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Volgograd State Academy of Physical Culture, Volgograd.

Why the Olympic games remain the main sporting event in the world

Abstract. The article examines the historical context that turns the Games into an arena of peaceful geopolitical rivalry, where modern states continue the traditions of the ancient Greek ekeheiriyah – sacred truce, and national Olympic committees use competitions to assert their sovereignty in the international arena. The social significance of the event lies in its unique ability to unite humanity around the universal values of fair struggle and self-overcoming: broadcasts of competitions attract an audience of billions, erasing linguistic and cultural barriers, and development programs through sports contribute to the involvement of young people from different countries in a healthy lifestyle. Finally, the media component has evolved from simple broadcasting to the creation of a global reality show using digital platforms, interactive broadcasts and augmented reality technologies, which allows the IOC to attract a young audience and generate huge revenues from the sale of rights necessary to support athletes around the world. It is the synergy of these three components that provides the Olympics with

an unsurpassed capitalization of audience attention and the status of the main sports phenomenon of our time.

Key words: Olympic Games, Olympism, sports, international cooperation, culture, media.

Введение.

Олимпийские игры занимают особое место в системе современного спорта. Их значение не сводится только к определению сильнейших спортсменов в отдельных дисциплинах. Олимпиада выступает как крупное международное событие, в котором соединяются спортивное соперничество, культурная коммуникация, национальная репрезентация, медийные технологии и идеи олимпизма. Именно это сочетание объясняет, почему Игры сохраняют статус главного спортивного события мира даже в условиях роста популярности коммерческих лиг, чемпионатов мира и цифровых форм спортивного контента.

Актуальность темы определяется тем, что Олимпийские игры продолжают объединять страны, культуры и миллионы зрителей по всему миру. Современная Олимпиада является не только крупнейшим спортивным соревнованием, но и важным социальным, культурным и политическим явлением. Она влияет на развитие спорта, международные отношения, популяризацию здорового образа жизни и формирование национального престижа. В условиях глобализации и стремительного развития медиа Олимпийские игры сохраняют высокую узнаваемость и массовость, а олимпийское движение продолжает восприниматься как символ единства, честной борьбы и выдающихся спортивных достижений.

Цель статьи - выявить основные причины, по которым Олимпийские игры остаются главным спортивным событием мира. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: изучить историю развития Олимпийских игр и их значение в мировом спортивном движении; проанализировать факторы сохранения их ведущего статуса; рассмотреть влияние Игр на спорт, культуру и общество; определить современные проблемы и перспективы олимпийского движения в XXI веке.

Методологическую основу статьи составили анализ научной и справочной литературы, сравнительно-исторический подход, обобщение материалов Международного олимпийского комитета и систематизация факторов, определяющих общественную значимость Олимпийских игр. Такой подход позволяет рассматривать Олимпиаду не изолированно как турнир, а как устойчивый институт мирового спорта и культуры.

Историческое развитие Олимпийских игр. Истоки Олимпийских игр

связаны с древнегреческой традицией спортивных состязаний, имевших религиозное, культурное и общественное значение. Возрождение Олимпиады в конце XIX века стало результатом идеи Пьера де Кубертена о необходимости международного спортивного движения, способного объединять молодежь разных стран через соревнование и воспитание. Первые Игры современности состоялись в Афинах в 1896 году, что придало олимпийскому движению историческую преемственность и символическую связь с античной культурой.

С течением времени Олимпийские игры превратились из сравнительно ограниченного спортивного мероприятия в универсальное событие мирового масштаба. Их развитие сопровождалось расширением программы соревнований, ростом числа участников, появлением зимних Игр, усилением роли национальных олимпийских комитетов и международных федераций. Согласно Олимпийской хартии, Олимпийское движение является универсальным и постоянным действием, достигающим высшей точки в объединении спортсменов мира на Олимпийских играх [1]. Это положение показывает, что Олимпиада задумана не только как соревнование, но и как форма международного спортивного сотрудничества.

Главным историческим преимуществом Олимпийских игр стала их способность сохранять традицию при постоянном обновлении. Олимпиада опирается на устойчивые символы - олимпийские кольца, церемонии открытия и закрытия, клятву, эстафету огня, медальный зачет, - но одновременно адаптируется к новым условиям. В программу включаются новые виды спорта, меняются форматы трансляций, развивается цифровое взаимодействие со зрителями. Благодаря этому Игры остаются понятными разным поколениям, но не превращаются в музейную форму прошлого.

Факторы сохранения ведущего статуса Олимпийских игр. Первый фактор - универсальность. В отличие от большинства спортивных турниров, связанных с одним видом спорта или отдельным регионом, Олимпиада объединяет десятки дисциплин и спортсменов из разных частей мира. На Играх представлены как массовые, так и менее коммерциализированные виды спорта. Для многих спортсменов именно Олимпиада является высшей точкой карьеры, поскольку олимпийская медаль имеет значение, выходящее за пределы профессионального рейтинга или клубного контракта.

Второй фактор - символическая ценность. Олимпийские игры воспринимаются как пространство, где спортивный результат получает культурное и национальное измерение. Победа спортсмена становится не только личным достижением, но и событием для страны, спортивной школы, тренеров и болельщиков. При этом олимпийская идея связана с ценностями

совершенства, уважения и дружбы [2]. Эти ценности делают Олимпиаду не просто соревнованием за медали, а событием, претендующим на воспитательное и гуманистическое значение.

Третий фактор - медийный масштаб. Современный спорт во многом существует в медиапространстве, и Олимпийские игры остаются одним из наиболее узнаваемых глобальных событий. По данным Международного олимпийского комитета, Игры в Париже 2024 года привлекли около 5 млрд человек, что составило 84% потенциальной мировой аудитории [3]. Такой охват показывает, что Олимпиада сохраняет способность привлекать внимание не только постоянных болельщиков, но и широкой аудитории, для которой Игры становятся частью общего информационного и культурного опыта.

Четвертый фактор - редкость проведения. Олимпиада проходит один раз в четыре года, поэтому имеет особый статус ожидания. В отличие от ежегодных лиг и турниров, олимпийский цикл формирует длительную подготовку спортсменов, национальных сборных, тренеров и организаторов. Редкость события повышает ценность результата: спортсмен получает ограниченное число возможностей выступить на Играх, а зритель воспринимает олимпийский старт как исключительный момент.

Пятый фактор - комплексность олимпийского события. Олимпиада включает не только соревнования, но и церемонии, культурные программы, работу волонтеров, образовательные инициативы, туристический поток, городскую инфраструктуру и международную коммуникацию. Поэтому Игры становятся явлением, которое одновременно относится к спорту, культуре, экономике, политике и медиа. Именно междисциплинарность позволяет Олимпиаде сохранять главный статус среди других спортивных мероприятий.

Влияние Олимпийских игр на спорт, культуру и общество. Олимпийские игры стимулируют развитие национальных систем спорта. Подготовка к олимпийскому циклу требует отбора спортсменов, работы тренеров, научно-методического сопровождения, медицинского обеспечения, развития спортивной инфраструктуры и массового интереса к физической культуре. Даже если главная цель сборной связана с достижением высоких результатов, олимпийская повестка влияет и на детско-юношеский спорт, поскольку формирует образы для подражания.

Культурное влияние Олимпиады проявляется в том, что каждая принимающая страна стремится представить свою историю, символы и ценности мировой аудитории. Церемонии открытия и закрытия становятся формой культурной презентации, в которой спорт соединяется с искусством, музыкой, архитектурой и национальной идентичностью. При этом Олимпийские игры выполняют и обратную функцию: они дают зрителям возмож-

ность увидеть многообразие мира через спортсменов, команды, традиции и формы болельщицкой поддержки.

Социальное значение Олимпийских игр связано с популяризацией идеи равных возможностей в спорте. Особое внимание в XXI веке уделяется гендерному равенству, инклюзивности и участию спортсменов из разных социальных и географических условий. Игры в Париже 2024 года были заявлены МОК как первые полностью гендерно равные Олимпийские игры по количеству квот для мужчин и женщин [4]. Это свидетельствует о том, что олимпийское движение стремится не только сохранять традицию, но и отвечать на современные общественные запросы.

Важным направлением является также поддержка спортсменов, которые представляют не только государства, но и более сложные социальные ситуации. Например, олимпийская команда беженцев на Играх в Париже 2024 года символически представляла миллионы людей, вынужденно перемещенных по всему миру [5]. В этом проявляется гуманитарная роль Олимпиады: спорт становится способом привлечь внимание к проблемам, выходящим за рамки стадиона.

Современные проблемы олимпийского движения. Несмотря на высокий статус Олимпийских игр, олимпийское движение сталкивается с рядом серьезных вызовов. К ним относятся политизация спорта, допинговые скандалы, высокая стоимость проведения Игр, вопросы безопасности, экологическая нагрузка, коммерциализация и необходимость удерживать внимание молодежной аудитории. Эти проблемы не отменяют значимости Олимпиады, но показывают, что ее главный статус не является гарантированным раз и навсегда.

Особенно сложной является проблема политического контекста. Олимпийские игры декларируют идею объединения через спорт, однако в реальности они проходят в мире, где существуют конфликты, санкции, информационные противостояния и споры о допуске спортсменов. Поэтому МОК и организаторы Игр вынуждены балансировать между принципом универсальности спорта и требованиями международной ответственности. Это делает Олимпиаду не только спортивным, но и дипломатическим событием.

Экономический вызов связан с тем, что проведение Олимпийских игр требует значительных расходов. Города-организаторы должны строить или модернизировать объекты, обеспечивать транспорт, безопасность, размещение гостей и медийную инфраструктуру. Если наследие Игр продумано недостаточно, часть объектов может оказаться малоиспользуемой после завершения соревнований. Поэтому в XXI веке возрастает значение устойчивого планирования, использования временных арен и включения олимпийских объектов в долгосрочную городскую стратегию.

Еще один вызов - конкуренция за внимание аудитории. Современный зритель выбирает между множеством спортивных трансляций, короткими видео, киберспортом, социальными сетями и развлекательными платформами. Олимпийские игры сохраняют преимущество благодаря масштабу и символическому статусу, однако вынуждены активнее использовать цифровые форматы, интерактивный контент и новые каналы коммуникации. Иначе часть молодой аудитории может воспринимать Олимпиаду как слишком традиционное событие.

Перспективы олимпийского движения в XXI веке. Будущее Олимпийских игр во многом зависит от способности сохранять баланс между традицией и обновлением. С одной стороны, Олимпиада не должна утратить свои базовые ценности, ритуалы и универсальный характер. С другой стороны, она должна учитывать изменения спорта, медиа, экономики и общественных ожиданий. Включение новых дисциплин, развитие смешанных соревнований, повышение экологической ответственности и цифровая доступность могут усилить привлекательность Игр.

Перспективным направлением является развитие олимпийского образования. Если Олимпийские игры рассматривать только как зрелище, их значение будет зависеть от рейтингов и коммерческого успеха. Но если Олимпиада понимается как часть воспитания, культуры и международного диалога, ее роль становится более устойчивой. Олимпийское образование помогает объяснить молодым людям смысл честной борьбы, уважения к сопернику, ответственности за результат и ценности здорового образа жизни.

Таким образом, Олимпийские игры остаются главным спортивным событием мира благодаря сочетанию нескольких факторов: исторической преемственности, универсальности, символической ценности, медийного масштаба, редкости проведения и способности влиять на общество за пределами спортивной арены. Ни один другой турнир не объединяет в такой степени спорт, культуру, национальную идентичность, международное сотрудничество и глобальное зрительское внимание.

Заключение.

Проведенный анализ показывает, что Олимпийские игры сохраняют ведущий статус не только потому, что являются крупнейшим соревнованием по числу видов спорта и участников. Их главное значение состоит в том, что они выполняют функцию мирового спортивного символа. Олимпиада соединяет историческую традицию и современность, индивидуальное достижение и национальный престиж, соревновательность и гуманистические ценности.

В XXI веке олимпийское движение сталкивается с проблемами поли-

тизации, коммерциализации, высокой стоимости проведения и конкуренции за внимание аудитории. Однако эти вызовы не снижают значения Олимпийских игр, а, напротив, показывают необходимость их дальнейшего развития. При условии сохранения принципов олимпизма, повышения открытости, экологической ответственности и цифровой доступности Олимпийские игры имеют все основания оставаться главным спортивным событием мира.

Библиографический список / Reference

1. Olympic Charter [Электронный ресурс] // International Olympic Committee. // URL: https://www.olympics.com/ioc/olympic-charter (Дата обращения: 19.05.2026).
2. Olympic Values - Excellence, Respect and Friendship [Электронный ресурс] // International Olympic Committee. // URL: https://www.olympics.com/ioc/olympic-values (Дата обращения: 19.05.2026).
3. Around 5 billion people - 84 per cent of the potential global audience - followed the Olympic Games Paris 2024 [Электронный ресурс] // International Olympic Committee. // URL: https://olympics.com/ioc/news/around-5-billion-people-84-per-cent-of-the-potential-global-audience-followed-the-olympic-games-paris-2024 (Дата обращения: 19.05.2026).
4. Paris 2024: More Inclusive Games [Электронный ресурс] // International Olympic Committee. // URL: https://olympics.com/ioc/paris-2024-inclusive-games (Дата обращения: 19.05.2026).
5. Universality of the Olympic Games - Stronger Together [Электронный ресурс] // International Olympic Committee. // URL: https://www.olympics.com/ioc/olympic-solidarity/annual-report/2024/universality-of-the-olympic-games (Дата обращения: 19.05.2026).

Горкуш С.В.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения ФГБОУ РТУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет, РТУ МИРЭА».

Климочкина А.Ю.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения ФГБОУ РТУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет, РТУ МИРЭА».

Мышева А.А.
Ассистент преподавателя кафедры истории и документоведения ФГБОУ РТУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет, РТУ МИРЭА».

Базы данных о жертвах геноцида как исторический источник периода Великой Отечественной Войны (1941-1945 гг.)*

Аннотация. Формирование объективной картины злодеяний нацизма невозможно без глубокого и всестороннего изучения исторических источников, запечатлевших трагедию мирного населения в годы Великой Отечественной войны. Речь идет о документах жертв геноцида, выступающих свидетельством преступлений и содержащих уникальный юридически значимый массив информации, имеющий ключевое значение для реализации государственной политики по увековечению их памяти, восстановления исторической справедливости. Изучение такого рода документов требует комплексного подхода и детального анализа всех аспектов. Об этом и пойдёт речь в данной статье.

Ключевые слова: базы данных, исторический источник, война, геноцид, документы о жертвах преступлений, злодеяния нацистов, историческая память.

Gorkush S.V.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Documentation Science, Russian Technological University.

Klimochkina A.Yu.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Documentation Science, Russian Technological University.

* © Горкуш С.В., Климочкина А.Ю., Мышева А.А., 2026.

Mysheva A.A.
Teaching Assistant, Department of History and Documentation Science, Russian Technological University.

Databases on genocide victims as a historical source of the Great Patriotic War (1941-1945)

Abstract. The formation of an objective picture of the atrocities committed by the Nazis is impossible without a deep and comprehensive study of historical sources that document the tragedy of the civilian population during the Great Patriotic War. These documents, which serve as evidence of the crimes committed and contain a unique and legally significant array of information, are crucial for implementing state policies aimed at commemorating the victims and restoring historical justice. The study of such documents requires a comprehensive approach and a detailed analysis of all aspects. This is what this article will focus on.

Key words: databases, historical source, war, genocide, documents on crime victims, Nazi atrocities, historical memory.

Проблема увековечения памяти жертв геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов приобретает в современной России особое значение, обусловленное как государственной политикой памяти, так и необходимостью противодействия попыткам фальсификации истории и оправдания нацизма.

Важнейшим аспектом реализации государственной политики памяти выступает систематизация данных о жертвах геноцида, содержащихся в разрозненных архивных фондах, свидетельских показаниях и иных исторических источниках. Необходимость организации эффективной работы с документацией, содержащей данные жертв, обусловлена не только требованиями законодательства, но и спецификой самих документов: их фрагментарностью, вариативностью написания сведений, сложностью идентификации лиц.

Архивные документы, фиксирующие сведения о мирном населении, уничтоженном нацистами и их пособниками в 1941-1945 годах, являются важными историческими источниками, выступающими свидетельством преступлений. Они содержат уникальный юридически значимый массив информации, имеющий ключевое значение для реализации государственной политики по увековечению их памяти, восстановления исторической справедливости и неотвратимости правовой оценки преступлений нацизма.

Без систематизации и глубокого анализа этих сведений, разрозненно хранящихся в федеральных и региональных архивах, невозможно ни полноценное правоприменение Федерального закона от 21.04.2025 № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941 - 1945 годов» [1], ни формирование объективной картины произошедшего, как и невозможна эффективная работа поисковых движений, мемориальных организаций и судебных инстанций, устанавливающих факт геноцида. В этой связи выработка четкого понятия «данные о жертвах геноцида», выявление их правовой, исторической и информационной специфики, а также определение критериев отнесения тех или иных документальных источников к данной категории выступают необходимым теоретико-правовым условием создания единого национального банка данных. Необходима и выработка механизмов доступа к этим документам, многие из которых до сих пор остаются малоизученными или не введенными в публичный оборот.

В современной практике научных исследований нет официально закрепленного типа данных жертв геноцида, как исторического источника. Долгое время массовое уничтожение мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны не имело чёткой правовой квалификации как геноцид. Как известно, термин «геноцид» (от греч. γένος - род, племя и лат. caedo - убиваю) был введен в научный оборот в 1933 году польско-американским юристом, эмигрировавшим в США Рафаэлем Лемкином [2]. Он разработал это понятие для обозначения целенаправленного уничтожения народов и обосновал необходимость его международно-правового признания. Впоследствии в 1948 году дефиниция геноцида была закреплена в Конвенции Генассамблеи ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и признана международным преступлением. Под геноцидом следует понимать действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу [3].

Нюрнбергский процесс над военными преступниками нацистской Германии (с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г.) положил начало привлечению к ответственности нацистов, виновных в геноциде.

Применительно к периоду Великой Отечественной войны 1941-1945 годов понятие геноцида приобрело особое юридическое и историческое наполнение. Федеральный закон от 21 апреля 2025 года № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов» также определяет геноцид советского народа как «действия нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, направленные на полное или частичное уничтожение национальных, этнических и расовых групп, населявших территорию

СССР».

Данный закон позволяет нам определиться с понятием «данные о жертвах геноцида», которое можно интерпретировать как совокупность документированных сведений о лицах, признанных потерпевшими от действий, направленных на полное или частичное уничтожение национальных, этнических, расовых или религиозных групп.

В рамках рассмотрения проблемы, связанной с таким видом документального источника как «данные о жертвах геноцида», необходимо остановиться на правовом аспекте данного вопроса.

Нацистские преступления против советских граждан задокументированы. Архивные фонды накопили тысячи актов, протоколов и трофейных документов. Однако как исторические свидетельства они не обладали особым правовым статусом, отличающим их от иных, архивных источников и долгое время оставались без специальной правовой квалификации в национальном законодательстве, подпадая под действие общего федерального законодательства на территории нашего государства.

Несмотря на декларируемое отсутствие специализированного законодательства в российской правовой системе, на национальном уровне и во всех регионах России ведется работа по уголовному преследованию за преступления геноцида. Геноцид во всех его проявлениях является уголовно наказуемым деянием и тяжким преступлением согласно ст. 357 УК РФ [4].

Согласно ст. 67.1 Конституции Российская Федерация «обеспечивает защиту исторической правды» [5]. Граждане Российской Федерации не только в силу Конституции РФ, но и исторически относятся с уважением к памяти погибших и жертв военных преступлений. В России почитается сила духа советского народа, проявившего единство и стойкость в борьбе с нацистами и их пособниками.

В ряду нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в сфере исторических источников, особое место занимает Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» [6]. Устанавливая единые для всех документов принципы хранения, комплектования, учета и использования, определяя такие базовые категории, как «архивный документ», «документы Архивного фонда Российской Федерации», данный правовой акт не делает различий между историческими или культурными артефактами и документами, имеющими силу доказательств в контексте геноцида. Однако данный закон затрагивает важный аспект различия подходов к защите прав живых субъектов и необходимости раскрытия информации о погибших жертвах геноцида.

Федеральный закон №125-ФЗ устанавливает ограничение на доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, на срок 75 лет со дня создания указанных

документов. Этот срок призван защитить права живых лиц (в том числе родственников), которые могут быть затронуты разглашением определённой информации. Однако в случае с документами о жертвах геноцида, события которых происходили в 1941–1945 годах, 75-летний срок для большинства таких документов уже истёк, что открывает доступ к ним для исследователей и общественности. Тем не менее, определённые ограничения могут сохраняться в отношении документов, содержащих сведения о лицах, которые могут быть живы до сих пор (например, о детях войны, переживших оккупацию). В таких случаях законодательство предписывает соблюдение баланса: с одной стороны, право на тайну частной жизни живых лиц подлежит защите; с другой – общественный интерес в сохранении исторической памяти о геноциде может являться основанием для раскрытия информации в обезличенной форме или с согласия самих лиц.

Необходимо указать на еще один нормативно-правовой акт, координирующий механизмы работы с документами о жертв геноцида - Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [7]. Данный Указ утверждает Основы государственной политики, которые определяют систему целей, задач, принципов и приоритетов в сфере сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В контексте работы с архивными документами о геноциде этот акт важен, поскольку в нем закрепляется положение о том, что сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории являются частью государственной политики по защите традиционных ценностей.

Поворотным моментом в формировании правового статуса документов жертв геноцида стало принятие упомянутого выше Федерального закона от 21.04.2025 № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Данный документ имеет колоссальное значение для целей поддержания всеобщего мира и согласия, недопущения проявлений нацизма в любой форме. Закон действует с 1 января 2026 года и представляет собой первый в российской законодательной практике специализированный акт, посвящённый исключительно теме геноцида советского народа.

На законодательном уровне закреплены формы увековечения памяти жертв геноцида советского народа, к которым отнесены (ст. 2): 1) захоронение и перезахоронение останков жертв геноцида, благоустройство захоронений, установка мемориальных сооружений, увековечивающих их память, сооружение памятных знаков; 2) проведение поисковых работ, установление и сохранение имен жертв геноцида; 3) создание музеев, экспозиций и выставок; 4) публикация в средствах массовой информации

и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» материалов о геноциде и памяти жертв; 5) проведение научных исследований и включение в образовательные программы материалов, разработанных на основании исторических источников и посвященных памяти жертв геноцида и прочее.

Краткий анализ нормативно-правовых актов позволяет говорить о том, что работа с документами о жертвах геноцида регулируется комплексом взаимосвязанных правовых документов разного уровня. Ключевое значение здесь имеет не столько наличие отдельных законов, сколько их взаимосвязанность: базовые архивные нормы о свободном доступе к документам по истечении 75 лет органично дополняются специализированным законом, который вводит понятие «геноцид советского народа» и закрепляет конкретные формы увековечения через публикацию материалов в Интернете и проведение научных исследований.

Сложившаяся правовая система создаёт надёжную основу для реализации общественно значимых проектов по увековечению памяти. Уполномоченным федеральным органом исполнительной власти по вопросам увековечения памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов выступает автономная некоммерческая организация «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации» (далее - Центр). Созданная в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 ноября 2023 г. № 817 [8], эта организация является ключевым звеном в содействии государству по противодействию попыткам фальсификации истории.

Деятельность Центра направлена на сохранение и защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, а также на реализацию общественно значимых проектов и инициатив. В рамках реализации Федерального закона «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов» и на основании Распоряжения Правительства Российской Федерации от 27.01.2026 № 104-р [9] Центр наделен функциями национального оператора по увековечению памяти жертв геноцида советского народа.

Основным практическим результатом этой масштабной работы Центра в соответствии с возложенными на него функциями является создание Национального портала памяти «Геноцид советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны» и его ключевого раздела - «Книги памяти» [10]. Как подчеркивает руководство Центра, до настоящего времени не существовало специализированного ресурса, который всесторонне освещал бы судьбы именно мирных советских граждан, раскрывая человеконенавистническую сущность нацизма. Принципиаль-

ной особенностью портала является его интерактивность и открытость: в формировании базы данных могут участвовать не только государственные архивы и музеи, но и любые граждане, желающие поделиться семейными историями и документами.

Исторические источники, содержащие сведения о жертвах геноцида советского народа, обладают рядом отличительных особенностей, которые необходимо учитывать при организации работы с ними.

Прежде всего, такие документы имеют комплексный и многосоставный характер. Они включают материалы самого разного происхождения: документы оккупационных администраций и военного командования вермахта, советских органов власти и партийных структур, рассекреченные следственные дела, акты о зверствах, списки угнанного в Германию населения, поименные карточки военнопленных и мирных жителей.

Следует также учитывать, что документы о жертвах геноцида обладают двойственной природой: с одной стороны, это доказательства преступлений для следствия и суда. Каждый выявленный архивный документ выступает в качестве доказательства геноцида, целенаправленно проводившегося на территории СССР нацистами и их пособниками. С другой – основания для включения граждан в реестры жертв, получения мер социальной поддержки и увековечения памяти.

Кроме того, исторические источники такого типа как «данные о жертвах геноцида» отличаются фрагментарностью и неполнотой вследствие целенаправленного уничтожения оккупантами многих архивов в ходе отступления, а также естественной утраты документов с течением времени. Это создает дополнительные сложности при формировании персональных карточек и баз данных, заставляя исследователей обращаться к документам личного происхождения, свидетельствам очевидцев и материалам устной истории, которые зачастую являются единственным источником сведений о конкретных лицах.

Приведённые выше аргументы об особенностях данных о жертвах геноцида позволяют говорить о том, что в историческом контексте данные о жертвах геноцида представлены, прежде всего, как документальные источники для восстановления событий прошлого, установления фактических обстоятельств массового уничтожения населения, выявления механизмов реализации преступной политики нацистов. Исторический подход ориентирован на максимально полное выявление, систематизацию и введение в научный оборот всего комплекса сохранившихся документов, независимо от их юридической силы. Понимание специфики данных о жертвах геноцида в архивных документах является необходимым условием для эффективной и ответственной работы с исторической памятью. Осознание двойственной (историко-юридической) природы этих данных, а также их

источниковедческих особенностей позволяет избежать двух крайностей - необоснованной доверчивости и чрезмерного скепсиса.

Архивные документы, содержащие данные жертв геноцида, представляют собой уникальный и зачастую незаменимый источник для реконструкции исторических событий, социальных процессов и повседневной жизни исторического прошлого. Именно через призму личной информации - биографических сведений, медицинских записей, данных о происхождении, имущественном положении или политических взглядах - исследователь получает возможность воссоздать наиболее полную, многомерную и достоверную историческую картину, выходя за рамки официальных нарративов.

Однако обращение к таким чувствительным сведениям неизбежно ставит перед исследователями сложный этический вопрос, как совместить право общества на знание подлинной истории с необходимостью защиты частной жизни и достоинства людей, чьи данные зафиксированы в архивных фондах исторических документов. По этой причине проблема раскрытия данных жертв геноцида, содержащихся в архивных документах, требует не только правового, но и глубокого нравственного осмысления.

Именно поэтому в деятельности Национального центра исторической памяти при Президенте Российской Федерации реализуется комплексный подход, сочетающий строгую источниковедческую критику с соблюдением правовых стандартов достоверности. Это позволяет создавать ресурс, который одновременно служит и научным целям, и целям восстановления исторической справедливости.

Эффективное сохранение исторической памяти о трагедии советского народа в период Великой Отечественной войны требует применения современных технологий для систематизации огромных массивов архивных данных. В эпоху цифровизации сохранение памяти о жертвах геноцида приобретает новый формат. Создание электронных баз данных (ЭБД) позволяет систематизировать тысячи документов, обеспечить их доступность для всех желающих. Под электронными базами данных жертв геноцида однозначно понимается структурированная совокупность или систематизированный массив документированной информации о преступлениях нацистов.

Процесс создания БД во многом определяется характером источниковой базы – разнородных документов, создававшихся в экстремальных условиях оккупации, в ходе послевоенных расследований и в рамках современных судебных процессов. Основу формирования базы данных составляет комплексное использование трех групп источников: 1) архивных документов (акты Чрезвычайной государственной комиссии, оперативные сводки, трофейные документы оккупационных властей, хозяйственные книги), судебных решений (приговоры военных трибуналов, материалы

Нюрнбергского процесса, современные приговоры по делам о геноциде) и других источников (показания свидетелей, поисковые данные, мемориальные объекты).

Базы цифровых данных представляют собой сложные и многофункциональные системы исторических источников, которые гораздо больше, чем простые списки имён или подобные данные. По своей сути, это организованные коллекции взаимосвязанной информации, представленной различными видами исторических источников. Каждая запись включает базовую идентификацию: фамилию, имя, отчество, дату и место рождения, последнее место жительства и род занятий. Далее фиксируются обстоятельства преследования/преступления: дата, место и обстоятельства ареста или насильственного угона, подробности о принудительном труде. Обязательно указывается судьба - дата, место и причина смерти, если он погиб, либо сведения о возвращении на родину, эмиграции или последующей жизни.

Рассмотрев лишь некоторые аспекты исследуемой проблемы, ограниченные рамки данной статьи не позволяют в полной мере раскрыть все вопросы, определимся с выводом. Документы о жертвах геноцида обладают двойственной природой: с одной стороны, это стандартные архивные источники, подчиняющиеся общим правилам описания и хранения, с другой - они несут огромную морально-этическую нагрузку и юридическую значимость для установления фактов преступлений против человечности. Выявленная специфика исторических источников данного вида требует от исследователей не только профессиональных компетенций, но и психологической устойчивости, а также строгого соблюдения этических норм при публикации сведений о насильственной смерти.

Создаваемая сегодня база данных о жертвах геноцида, Национальным центром исторической памяти в том числе, представляет собой эффективное решение для консолидации разрозненных исторических источников и превращения их в структурированный, доступный для исследователей и общественности информационный ресурс. Создание подобного массива данных не только обеспечивает возможность многократного использования документов без обращения к подлинникам, что критически важно для их сохранности, но и позволяет выявлять родственные связи, восстанавливать биографии, проводить количественный и качественный анализ преступлений нацистов. Такой подход защищает оригиналы архивных дел от физического износа, ускоряет предоставление информации по запросам граждан и организаций, а также создаёт основу для поисковых, образовательных и мемориальных проектов.

Библиографический список:

1. Федеральный закон «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Ве-

ликой Отечественной войны 1941 - 1945 годов» от 21.04.2025 № 74-ФЗ (последняя редакция) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503564/?ysclid=mq3m0kap2p860202140.

2. Арутюнян М.А. Понятие геноцида. Историческая обусловленность международно-правового закрепления геноцида как преступления против безопасности человечества // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 403-414. // URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15186244

3. Малышева Е.П. Культура исторической памяти: невостребованный опыт: «Закон» и «законность» в исторической памяти. – Б/и «Петрозаводск», 2003 – 150 с. [Электронный ресурс]. URL:https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_399843/

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ. УК РФ ст.357 (ред. от 10.06.2026, с изм. от 29.06.2026)

5. Конституция Российской Федерации (ред. от 01.07.2020) // 2026. – М. – Издательство АСТ. 90 с.

6. Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22.10.2004 № 125-ФЗ (последняя редакция) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1406/?ysclid=mq3khoupil245583373.

7. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/24f1a051389c864bb9c7af53538a2a674b0a5416/?ysclid=mq3my6nnvd

8. Указ Президента Российской Федерации от 02.11.2023 г. № 817 «О создании автономной некоммерческой организации «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461097/?ysclid=mq3n38jj99963360255 .

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.01.2026 № 104-р «Об определении национального оператора по увековечению памяти жертв геноцида советского народа» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_525226/?ysclid=mq3natfmwe478146553.

10. «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации: сайт: некоммерч. интернет-версия». // URL: https://russiancip.ru/.

Reference

1. Federal Law “On the Perpetuation of the Memory of the Victims of the Genocide of the Soviet People during the Great Patriotic War of 1941-1945” dated April 21, 2025 No. 74-FZ (latest revision) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503564/?ysclid=mq3m0kap2p860202140.

2. Arutyunyan M.A. The Concept of Genocide. Historical Determination of Genocide as a Crime against Human Security in International Law // Current Issues of Russian Law. 2009. № 3. P. 403-414. // URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15186244

3. Malysheva E.P. The Culture of Historical Memory: Unclaimed Experience: “Law” and “Legality” in Historical Memory. - B/i “Petrozavodsk”, 2003 - 150 p. [Electronic resource]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_399843/

4. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, N 63-FZ. Criminal Code of the Russian Federation, Article 357 (as amended on June 10, 2026, as amended on June 29, 2026)

5. Constitution of the Russian Federation (as amended on July 1, 2020) // 2026. – Moscow. – AST Publishing House. 90 p.

6. Federal Law “On Archival Affairs in the Russian Federation” dated October 22, 2004 No. 125-FZ (latest revision) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1406/?ysclid=mq3khoupil245583373.

7. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 “On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/24f1a051389c864bb9c7af53538a2a674b0a5416/?ysclid=mq3my6nnvd

8. Decree of the President of the Russian Federation of November 2, 2023 No. 817 “On the Establishment of the Autonomous Non-Commercial Organization “National Center of Historical Memory under the President of the Russian Federation” // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461097/?ysclid=mq3n38jj99963360255 .

9. Order of the Government of the Russian Federation of January 27, 2026, No. 104-r, “On the Designation of the National Operator for the Perpetuation of the Memory of the Victims of the Genocide of the Soviet People” // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_525226/?ysclid=mq3natfmwe478146553.

10. “National Center for Historical Memory under the President of the Russian Federation: website: non-commercial internet version.” // URL: https://russiancip.ru/.

Кириллова А.И.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга», г. Петропавловск-Камчатский.

Китобойный и морской зверобойный промыслы в Охотско-Камчатском крае в начале XX в.: в чьих руках он был сосредоточен?*

Аннотация. В статье автор анализирует воспоминания журналистов и путешественников, научные работы и опубликованные отчеты чиновников начала XX в., определяя роль иностранного капитала в морском зверобойном и китобойном промыслах начала XX в. в Охотско-Камчатском крае, сложности их развития и риски для дальнейшего развития региона. Выявлены три основных тенденции в развитии китобойного и морского зверобойного промыслов в 1900-х – 1920-х гг. на крайнем Северо-Востоке России.

Ключевые слова: Камчатка, Охотско-Камчатский край, морской зверобойный промысел, коренные народы, традиционное хозяйство, китобойный промысел.

Kirillova A.I.
PhD in History, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatsky.

Whaling and marine mammal hunting in the Okhotsk-Kamchatka region at the beginning of the 20th century: in whose hands was it concentrated?

Abstract. Author analyzes the memoirs of journalists and travelers, scientific reports and published official's reports in the beginning of the 20-th century. The purpose of analysis is determination the role of foreign capital in the marine mammal and whaling industries in the Okhotsk-Kamchatka Krai. Also article describes the difficulties industries development, problems of poaching. Three main trends in the development of whaling and marine mammal hunting in the 1900s–1920s in the Far Northeast of Russia are identified.

Key words: Kamchatka, Okhotsk-Kamchatka Krai, marine mammal hunting, indigenous peoples, traditional livelihoods, whaling.

* © Кириллова А.И., 2026.

Морской зверобойный промысел и китобойный промысел – одни из основных занятий как береговых коряков, так и оседлых чукчей, алеутов, эскимосов, ламутов (оседлых береговых эвенов), населявших Охотско-Камчатский край в начале XX в. Морской зверь как объект добычи и способ получения доходов также привлек внимание и купцов и предпринимателей Российской Империи еще во второй половине XVIII в. К XIX в. в регионе сформировалась Российско-Американская компания, получившая монополию по добыче морского зверя. Однако после продажи Аляски ситуация начала меняться. Поражение России в русско-японской войне 1904 – 1905 гг. также изменило положение дел в отрасли.

В начале XX в., в регионе активно работали промысловики из Японии (по итогам Портсмутского мира и Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г.), китобои из Соединенных Штатов Америки и российские предприниматели, например, «Товарищество котиковых промыслов». В то же время освоение территорий сталкивалось со сложностями как природными (климат, отсутствие дорог из-за сложного рельефа, ограниченность ресурсов), так и геостратегическими (американский и японский капитал рассматривали эти территории как зону потенциального экономического влияния и зону добычи ценных ресурсов). Количество проводимых обследований чиновниками (Г.А. Крамренко, Н.С. Калинников), учеными (Н.В. Слюнин, В.П. Маргаритов), журналистами (Б.К. Горовской, А.П. Сильницкий), путешествия первых лиц Дальнего Востока (например, П.Ф. Унтербергера, Н.Л. Гондатти), а также издание книг с воспоминаниями о Камчатке в «белой эмиграции» (Б. Борисов, Г. Крамренко, Ж. Крамаренко, Г.А. Крамаренко) говорит о высоким интересе Российской Империи и ее чиновников к проблеме, а также о самом факте признания этой проблемы.

В данной статье проводится анализ самых известных исследований и воспоминаний об Охотско-Камчатском крае начала XX в. Хронологические рамки исследования: с начала XX в. до фактического установления советской власти в регионе, т.е. до 1923 – 1924 гг., когда начались системные изменения в экономике региона и был проведен цикл реформ. Географические рамки исследования: территория Охотско-Камчатского края в границах начала XX в., т.е. современного Камчатского края, части Магаданской области, Чукотского автономного округа.

В советский период политике Российской Империи в экономической сфере в начале XX в. была дана резко негативная оценка, исследователи описывали, что коренное население Северо-Востока России находилось в неблагополучном состоянии и «большинство племен подверглось упадку и постепенно исчезает с лица земли» [3, с. 16], и лишь в советский период на туземца посмотрели как на «экономического сотрудника» [3, с. 25]. Также в

работах ученых все промыслы описывались как убыточные, а жизнь населения как тяжелая и беспросветная. Иностранный капитал представлен как исключительно хищнический, причем, имперские чиновники (по оценкам советских исследователей) с ним никак не боролись, а иногда подчеркивалась коррупция и получение ими взяток от иностранных промышленников и предпринимателей. Современные краеведческие работы при изучении данной темы дают несколько иные оценки, при этом хищничество иностранных промышленников не отрицается, но показаны труды пионеров «рыбных промыслов в устье р. Камчатки … бывших сахалинских рыбопромышленников – Альфреда Георгиевича Дембри, Хрисанфа Платоновича Бирича и Григория Амосовича Крамаренко» [2]. Однако ряд работ, особенно изданных в «белой эмиграции» за рубежом и сегодня изучен недостаточно. Формирование объективной оценки ситуации в морском зверобойном и китобойном промыслах Охотско-Камчатского края начала XX в. – одна из интересных задач современного краеведения.

Исследователи рубежа XIX – начала XX в. сходятся на важной роли морского зверобойного и китобойного промыслов жизнеобеспечении коренного населения побережий Охотско-Камчатского края: они давали людям пропитание, выделанные шкуры и кожи – обувь и одежду, кость – орудия труда и украшения, жир использовался в жирниках (для освещения жилищ) и как защита кожи от солнечных ожогов и обморожений, также выделанные шкуры, моржовый клык и китовый ус были основой меновой торговли и позволяли приобрести так называемым инородцам (как называли коренных жителей в документах Российской Империи) современное оружие, патроны к нему, сети (причем, с помощью сетей ловили не только рыбу, но и нерп). О важности морского зверобойного промысла писал В.Н. Тюшов: «морской промысел, под которым понимается промысел вообще морских зверей, как то: нерп (тюленей) разных видов, лахтаков, сивучей и белух, составляет для приморских жителей существенно важную статью в деле их обеспечения их существования… Бытовые и экономические условия инородца сложились таким образом, что ни одно хозяйство, каково бы оно ни было, не может обойтись без шкур и ремней» [12, с.411]. К началу XX в. в регионе устойчиво присутствовал российский, американский и японский капитал. Традиционно американцы активно влияли на промыслы севера Камчатки и современной Чукотки, а японцы вели активный промысел и торговлю на западном побережье полуострова, прилегающих к нему Курильских островах и в акватории Охотского моря, российское присутствие декларировалось повсеместно, но объемы влияния российских купцов и предпринимателей на промыслы могли быть различны.

Пик американского влияния согласно отчетам и материалам начала XX

в. приходился на конец XIX в.: к 1880-м гг. «страна, считающаяся во владениях Русского Государя, населенная десятитысячным племенем чукчей, почти не слышала имени русского. На побережье … развевался американский флаг; многие чукчи успели побывать в Сан-Франциско и весьма многие объяснялись по-английски» [10, с. 19-20]. Данные А.П. Сильницкого подтверждают и очерки Горовского Б.К. и Калинникова Н.С., которые описывают деятельность американских китобоев на севере Охотско-Камчатского края: «китобойные суда отправляются на промысел из Сан-Франциско приблизительно с 1 апреля» [5, с. 170] и активно добывают китов в российской акватории практически до зимы, ежегодно работает от 55 до 8 судов, часть команд была американская, а вот часть вербовали из местного инородческого населения (ведь работа китобоя не считалась в Соединенных Штатах престижной, да и российским подданым можно было платить меньше), «много раньше нас всю выгоду знакомства с этим краем познали американцы» [4, с. 3]. Власти Российской Империи к началу XX в. начинают борьбу с хищническим освоением территорий: на крайнем Северо-Востоке появляются таможенные посты, туда направляются военные и чиновники, например, Н.Л. Гондатти (в Анадырский край), американцев официально принуждают платить торговые пошлины, таможенные сборы и отчитываться о своей деятельности. Уже к 1912 г. объемы добычи американцами китов и морского зверя сокращаются, однако, это происходит как за счет активной работы российских служащих и военных, так и из-за природных факторов: многолетний хищнический промысел привел к сокращению популяций.

Не менее сильно в регионе ощущалось и присутствие японцев, хотя их деятельность была в большей мере сосредоточена на добыче рыбы, но и китобойный и морской зверобойный промыслы в водах Охотско-Камчатского края и поблизости от Российских границ, иногда и нарушая их, они вели. Так, Стен Бергман в своем исследовании Курильских островов упоминает нанятых норвежских китобоев на судне японской «Восточной Китобойной компании», которые вели промысел в водах Охотского моря [13, с. 125]. Также на судах служили и японские матросы, более того в исследовании опубликованы фотографии японских китобоев. Горовский Б.К. в своем аналитическом очерке приводит описание деятельности японского общества «Кумияй» как пример энергичного интереса японцев к промыслу в водах Российской Империи [4]. С 1890-х гг. Командорские острова и их акваторию, зону промысла морских ластоногих, активно охраняли российские военные корабли именно с целью пресечения хищнического промысла морского зверя и нарушений границ: «существует один способ истребления морских котиков, развитый очень широко, но не подчиненный буквально никаким законам и положениям. Способ этот

– японское хищничество» [4, с. 110]. Однако, влияние японского капитала в китобойном и морском зверобойном промыслах было несколько ниже, чем американского, но его тоже невозможно недооценить. В 1910-х гг. у берегов островов Беринга и Медный неоднократно арестовывались и препровождались в Петропавловск, а затем и в Хакодате, японские промысловые суда. В 1910 – 1911 гг. было арестовано не менее 7 японских шхун. Однако, в 1920-х гг., в «белой эмиграции», российско-японские отношения оценивались исключительно положительно, а сами факты хищнического лова рыбы и истребления морского зверя замалчивались. Япония представлялась как «страна, любящая западную соседку с многовековой историей» [2, с. 50]. Поэтому в историографии 1990-х гг. появились трактовки о крайне дружественных отношениях с Японией после 1905 г. и факты японского хищничества в российских территориальных водах рассматривались недостаточно.

Российский китобойный и морской зверобойный промысел был весьма значителен: так, в 1900-х гг. количество шкур с островов Прибылова, Командорских и Тюленьего, поступавших на мировые рынки, колебалось от 13-14 до 17-19 тысяч [4, с. 108]. Активный промысел привел к тому, что уже с 1911 г. Российской Империей вводятся охранные меры популяции морского котика на Командорских островах. Одной из крупнейших организаций, занимавшейся китобойным и морским зверобойным промыслом в Охотско-Камчатском крае в начале XX в. было «Товарищество котиковых промыслов». Помимо организации промысел вели и частные лица, а также коренное население. Однако, в основном промыслы велись на достаточно примитивном уровне, глубокой выделки шкур зачастую не осуществлялось: шкуры засаливали и продавали, причем стоимость проданного сырья измерялась десятках тысяч рублей [11]. Помимо базовой функции: организация и проведение зверобойного и китобойного промысла, частный капитал на Камчатке выполнял функции снабжения населения товарами первой необходимости. Однако как отмечали исследователи товарообмен мог быть неравным: «население острова Беринга состоит исключительно из алеутов, которые занимаются котиковым промыслом. Всю добычу котов и бобров[1], а также и голубых песцов они обязаны поставлять компании, по условной цене» [7, с. 38]. Как отмечали ученые, чиновники и путешественники, цены на товары были завышены, а скупочная цена меха и шкур у населения – занижена. Более того, компания прибегала к кредитованию, поэтому местные всегда были перед ней в долгу. В то же время наличие одного агента по скупке сырья и государственный контроль за промыслами позволяли

1 Бобрами чаще всего называли морских выдр (примечание автора).

бороться с браконьерством. Так, промысел морского бобра с конца XIX в. находился под контролем государства: существовали квоты добычи зверя и ограничения на способы охоты: «промышлять бобров сеткою… и не более двух штук на каждого человека, входящего в состав команды… не производить ружейных выстрелов ближе 9-10 верст от бобрового лежбища» [9, с. 79].

Таким образом, можно сделать вывод, что китобойный и морской зверобойный промысел в Охотско-Камчатском крае в начале XX в. испытывал сильное влияние, как американского, так и японского капитала. Добыча велась хищнически, ограничения и исследования скорости воспроизводства популяции только начинались. Российская Империя в конце 1900-х – 1910-х гг. стремилась к контролю китового промысла и организации бобрового и котикового промыслов. Лежбища и берега объезжали чиновники и корреспонденты с государственными поручениями, все священники, врачи, охотники, путешествовавшие по Камчатке и Северо-Востоку России, были обязаны фиксировать состояние дел, отчитываться об увиденном. Сам факт сбора информации, обследования и публикации демонстрируют заинтересованность правительства империи в сохранении природных богатств и усилении влияния на территориях: так, в начале XX в. в Якутии и на Чукотке появляются ярмарки, где уже российское купечество организует товарообмен с местным населением, стремясь вытеснить американских предпринимателей и китобоев из региона [10].

Поражение в русско-японской войне 1904 – 1905 гг. привело к усилению японского хищнического лова китов и морских ластоногих, даже в территориальных водах Камчатки. Кроме того, предприятия, основанные российскими предпринимателями на о. Сахалин пришли в упадок: «сколько было положено труда на одно только обстраивание промыслов, не говоря уже об испытанном гнете… японцев… в смысле недопущения на Сахалине развития русского промысла» [7, с. 44]. В конце 1900-х гг. российские предприниматели по возможности перенесли свои производственные мощности и перебазировали промыслы с Сахалина на Камчатку. Так, на полуострове отстроили заводы по рыбопереработке А.Г. Дембри и Х.П. Бирич, причем, они имели там не только промышленные мощности, но и собственные дома, где жили с семьями и принимали гостей, например, бывшего сахалинского рыбопромышленника Г.А. Крамренко с сыновьями Гагой и Жоржем в разные годы [6, 8]. На этих предприятиях в крайне ограниченных объемах осуществлялся и китобойный, и морской зверобойный промыслы (в основном самими рабочими-инородцами для товарообмена и поддержания жизнеобеспечения). Причем, заводы А.Г. Дембри были оснащены по последнему слову техники: «говорят г. Дембри там построил

второй завод с новейшими усовершенствованными машинами, которые почти все делают автоматически» [8, с. 14]. Однако полностью упорядочить морской зверобойный и китобойный промысел удалось лишь в советский период, к концу 1920-х гг., когда были закрыты границы, усилен контроль за концессиями, началась выдача лицензий на добычу зверя.

В целом можно проследить три основных тенденции развития китобойного и морского зверобойного промысла на территории Охотско-Камчатского края в 1900-х – начале 1920-х гг.: 1) постепенное снижение (по сравнению с концом XIX в.) присутствие американского капитала и сокращение количества китобойных судов на севере региона, как в силу появления там после 1907 г. российских предпринимателей и роста организуемых государством ярмарок и факторий, так и в силу сокращения популяции добываемых животных из-за хищнического лова; 2) после Портсмутского мира и заключения рыболовной конвенции с Японией в 1907 г. присутствие японцев в территориальных водах России продолжало нарастать, ширпоко использовались законные основания – концессии, а также практиковалось открытое и скрытое браконьерство (так, японцы нанимали русского «хозяина промысла», который обеспечивал прикрытие добычи рыбы и иных ресурсов японцами, даже платил часть налогов в казну, однако, фактически добывали больше, чем было заявлено, всю продукцию вывозили в Японию, а вторым способом организации скрытого браконьерства стал найм иностранных кораблей и иностранных моряков, причем, на промыслах трудились даже норвежцы и шведы); 3) рост активности российского частного капитала, активная помощь государства предпринимателям (например, государство требовало сокращать количество японских концессий; обязывало иностранных концессионеров нанимать местное население, в том числе и инородческое; организовывало переселение потенциальных работников на Северо-Восток; осуществляло частичное субсидирование и помогало в организации крупных ярмарок на Чукотке и на территории современной Магаданской области).

Период начала XX в. был достаточно противоречивым в освоении природных богатств Охотско-Камчатского края, хищническая добыча китов и морского зверя американцами и японцами, а также скупка у коренного населения засоленных шкур, моржового клыка, китового уса и амбры по заниженным ценам, активный найм инородцев на суда и использование их навыков в промыслах, подтачивали экономическое благосостояние региона. Однако Российская Империя не была пассивным наблюдателем, а стремилась по мере возможностей, как государственными мерами воздействия, так и в партнерстве с частными предпринимателями, укрепить свои позиции в китобойном и морском зверобойном промыслах, стать

лидером в данных отраслях и постепенно вытеснять иностранный капитал из региона. Советская власть продолжила эту тенденцию, ускорив процессы и усилив применение административного ресурса, но начало было положено именно в первые годы XX в. Анализ опубликованных отчетов, очерков и воспоминаний очевидцев позволяют представить объективную картину борьбы Российской Империи с иностранным браконьерством и попытки создания и поддержки уже существовавших собственно российских промысловых предприятий в начале XX в. и постепенного вытеснения американцев и японцев из данных сфер. Понимая важность китобойного и морского зверобойного промысла в жизни коренного населения, власти Российской Империи в 1900-х гг. стремились создать условия для превращения этих видов деятельности в источник дохода для инородцев.

Библиографический список:

1. Борисов Б. Дальний Восток. / Б. Борисов. – Вена, 1921. 62 с.
2. Борисов В.И. Семья Крамаренко на Камчатке // URL: https://npacific.ru/np/library/publikacii/questhist/istor-25.htm (Дата обращения: 13.07.2026)
3. Гапанович И.И. Камчатка: природа, население, хозяйство / И. И. Гапанович. – Владивосток: Книжное дело, 1926. 40 с.
4. Горовский (Подгурский) Б.К. Забытые русские земли: Чукотский полуостров и Камчатка: путевые очерки: с 55 иллюстрациями и 1 картой / Борис Горовский. – С.-Петербург: изд. Б.А. Суворина, 1914. 122 с.
5. Калинников Н.С. Наш крайний Северо-Восток / Н.Ф. Каллиников. – С.-Петербург: Типография Морского министерства, в Главном Адмиралтействе, 1912. 246 с.
6. Крамренко Г.В Камчатку. Путешествие 11-ленего школьника, описанное им самим. / Гага Крамаренко. – Ленинград: Красная Газета, 1929. 96 с.
7. Крамаренко Г.А. Путешествие на Камчатку и обследование ее в рыболовном отношении в 1907 году. – СПб: Типография М. М. Стасюлевича, 1908. 52 с.
8. Крамренко Ж. Камчатка: Мое путешествие и моя охота на медведей и горных баранов в 1918 г.: Дневник 15-летнего школьника / Жорж Крамаренко; Предисл.: Г.А. Крамаренко. – Берлин: О. Дьяконова и К°, 1921. 140 с.
9. Маргаритов В.П. Камчатка и ее обитатели: с рисунками, исполненными по способу ферротипии, с картой Камчатки и планом укрепления Петропавловска в 1854 г. / Маргаритов В.П. – Хабаровск, 1899. (Записки Приамур. отдела Император. Рус. географ. о-ва ; т. 5, вып. 1). 143 с.
10. Сильницкий А.П. Поездка в Камчатку и на р. Анадырь / [сочинение] А.П. Сильницкого. – Типография канцелярии Приамурского Генерал-губернатора, 1897. 79 с.
11. Слюнин Н.В. Охотско-камчатский край: естественно-историческое описание: (с картой): [в 2 т.] / составил д-р Н.В. Слюнин. – Санкт-Петербург: издание Министерства финансов, 1900. 690 с.
12. Тюшов В.Н. По западному берегу Камчатки / [соч.] В.Н. Тюшова; с предисл. К.И. Богдановича. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1906. XII. 521 с.
13. Bergman S. Sport and Exploration in the Far East / A Naturalist's Experience in and around the Kurile Islands. – London, 1933. 239 p.
14. Шевцов В.В., Радченко Р.В. Цифровая идентичность и формирование новых социокультурных паттернов в условиях учхоза «Кубань» // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 103-110.
15. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Роль французского капитала в сохранении политического влияния в Сирии и Ливане 1920–1930-е гг. // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 13-26.

Reference

1. Borisov B. The Far East. / B. Borisov. – Vienna, 1921. 62 p.
2. Borisov V.I. The Kramarenko Family in Kamchatka // URL: https://npacific.ru/np/library/publikacii/questhist/istor-25.htm (13.07.2026)

3. Gapanovich I.I. Kamchatka: Nature, Population, Economy / I.I. Gapanovich. – Vladivostok: Knizhnoe Delo, 1926. 40 p.
4. Gorovsky (Podgursky) B.K. Forgotten Russian Lands: The Chukotka Peninsula and Kamchatka: Travel Essays: with 55 Illustrations and 1 Map / Boris Gorovsky. – St. Petersburg: Publishing House B. A. Suvorin, 1914. 122 p.
5. Kalinnikov N.S. Our Far North-East / N.F. Kallinnikov. – St. Petersburg: Printing House of the Naval Ministry, in the Main Admiralty, 1912. 246 p.
6. Kramrenko G.V. Kamchatka. The Journey of an 11-Year-Old Schoolboy, Described by Himself. / Gaga Kramarenko. – Leningrad: Krasnaya Gazeta, 1929. 96 p.
7. Kramarenko G.A. Journey to Kamchatka and an Examination of Its Fisheries in 1907. – St. Petersburg: Printing House of M. M. Stasyulevich, 1908. 52 p.
8. Kramrenko J. Kamchatka: My Journey and My Hunt for Bears and Mountain Sheep in 1918: Diary of a 15-Year-Old Schoolboy / Georges Kramarenko; Foreword: G.A. Kramarenko. – Berlin: O. Dyakonova and Co., 1921. 140 p.
9. Margaritov V.P. Kamchatka and Its Inhabitants: with Ferrotype Drawings, a Map of Kamchatka, and a Plan for the Fortification of Petropavlovsk in 1854 / Margaritov V.P. – Khabarovsk, 1899. (Notes of the Amur Region Department of the Imperial Russian Geographical Islands; Vol. 5, Issue 1). 143 p.
10. Silnitsky A.P. A Trip to Kamchatka and the Anadyr River / [work] by A.P. Silnitsky. – Printing House of the Chancellery of the Amur Region Governor-General, 1897. 79 p.
11. Slyunin N.V. The Okhotsk-Kamchatka Territory: A Natural History Description (with a map): [in 2 volumes] / compiled by Dr. N.V. Slyunin. – St. Petersburg: Ministry of Finance Publication, 1900. 690 p.
12. Tyushov V.N. Along the Western Coast of Kamchatka / [comp.] V.N. Tyushov; with a preface by K.I. Bogdanovich. – St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Printing House, 1906. XII. 521 p.
13. Bergman S. Sport and Exploration in the Far East / A Naturalist's Experience in and around the Kurile Islands. – London, 1933. 239 p.
14. Shevtsov V.V., Radchenko R.V. Digital identity and the formation of new socio-cultural patterns in the conditions of the Kuban agricultural enterprise // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 103-110.
15. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. The role of French capital in maintaining political influence in Syria and Lebanon in the 1920s and 1930s // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 13-26.

Ларина Ф.Ш.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры международной безопасности, кафедры политологии и права, ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», ФГАОУ «Государственный университет просвещения».

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в истории развития военной дипломатии*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные тенденции, касающиеся формирования расстановки сил на геополитической карте мира. Исследуется роль отечественной военной дипломатии, а также цифровая революция, связанная с внедрением систем искусственного интеллекта (ИИ) в военные технологии. Акцентируется внимание на недопущении гонки вооружений в сфере использования систем ИИ в военных прорывных технологиях, так как это чревато нестабильностью и хаосом на геополитической картине мира. Анализируются теоретические и практические аспекты теории игр, которые могут быть применены в сфере военной дипломатии для наиболее продуктивного международного сотрудничества и эволюции структуры международных отношений. Новизна темы обосновывается тем, что в научной сфере отсутствуют исследования, касающиеся способов внедрения системы искусственного интеллекта, созданного с использованием положений теории игр. Теория игр позволяет анализировать стратегии поведения участников военно-дипломатических отношений в условиях конфликтных ситуаций. В работе рассматриваются тенденции в современных международных отношениях, характеризующиеся нарастанием гонки вооружений в сфере новейших технологий. А также бесконтрольным внедрением ИИ в современные военные технологии, которые таят в себе опасность, связанную с тем, что в случае ошибки отсутствуют международно-правовые нормы, которые регламентируют порядок привлечения к ответственности виновных лиц.

Ключевые слова: история военной дипломатии, дипломатические переговоры, международная ответственность, дипломатический протокол, искусственный интеллект (ИИ), теория игр, гонка вооружений, киберпространство, концепция «ответственность по защите».

Larina F.Sh.
PhD in Law, Associate Professor, Department of International Security, Department of Political Science and Law, Russian State Humanitarian University, State University of Education.

* © Ларина Ф.Ш., 2026.

The introducing of artificial intelligence (AI) in the history of military diplomacy

Abstract. The article discusses current trends concerning the formation of power distribution on the geopolitical map. The role of domestic military diplomacy is being explored, as well as the digital revolution associated with the introduction of artificial intelligence (AI) systems into military technology. Emphasis is placed on avoiding an arms race in the use of AI systems in original disruptive technologies, as this risks instability and chaos in the geopolitical landscape. The theoretical and practical aspects of game theory are analyzed, which can be applied in the sphere of military diplomacy for the most productive international cooperation and evolution of the structure of international relations. The novelty of the topic is justified by the fact that there are no studies in the scientific sphere concerning ways of implementing an artificial intelligence system created using the provisions of game theory. Game theory allows the analysis of strategies for the behavior of participants in military-diplomatic relations in conflict situations. The paper examines trends in modern international relations, characterized by an increasing arms race in the field of new technologies. And the uncontrolled introduction of AI into modern military technology, which carries the risk that, in case of error, there is no international legal framework to hold those responsible accountable.

Key words: history of military diplomacy, diplomatic negotiations, international liability, diplomatic protocol, artificial intelligence (AI), game theory, arms race, cyberspace, the concept of "responsibility to protect".

Введение

Информационные технологии значительно влияют на трансформацию военно-дипломатической деятельности [1, 201]. Во введении к данной работе мы рассуждаем о новейшей технологии (искусственном интеллекте), которая является оружием наступившей следующей эры геополитического противостояния. Так как ею управляют дистанционно, она заменяет живую силу и выступает в роли оператора оружия. У такого оружия есть несомненные преимущества [2, 8]. Однако, отсутствует контроль за его применением. В данной ситуации, таящей в себе колоссальную опасность для стабильности и порядка на геополитической картине мира, роль военной дипломатии выглядит крайне актуально в направлении создания международного формата для проведения военно-дипломатических переговоров. Целью данных переговоров может стать разработка международного –правового акта, направленного на недопущение наращивания внедрения систем ИИ в военные технологии. Фундаментом для проведения может стать теория стратегических игр, основывающаяся на том, что в опасных конфликтных ситуациях международные игроки должны опираться на рациональное поведение.

Целью исследования является анализ военно-дипломатической деятельности и возможности внедрения системы искусственного интеллекта в новейшие вооружения, а также задачи военной дипломатии, касающиеся недопущения гонки вооружений в сфере применения искусственного интеллекта в военном деле. Методы исследования: системный анализ, военно-политический анализ и моделирование. Для исследования поставленной темы была поставлена задача исследовать следующие аспекты:

1. История теории игр и искусственный интеллект в военной дипломатии;

2. Недопущение гонки вооружений в сфере применения новейших технологий (искусственного интеллекта) в военном деле.

История теории игр и искусственный интеллект в военной дипломатии

Теория стратегических игр является основой для внедрения систем искусственного интеллекта в сферу деятельности военной дипломатии. Так как в основу данной теории положено стремление к рациональному поведению. То есть каждый участник переговоров (суверенное государство) при ведении военно-дипломатических переговоров будет ориентироваться на наиболее выгодную линию стратегии в той или иной ситуации. Мы рассматриваем возможности внедрения ИИ в сферу военно-дипломатических переговоров, направленных на недопущение гонки вооружений в сфере использования новейших технологий в военном деле. То есть разработка программы, в которую будут положены данные об экономическом, военно-промышленном потенциалах, демографическом факторе, политическом факторе и геополитическом положении страны, сможет разработать наиболее выгодную стратегию ведения военно-дипломатических переговоров в рассматриваемой области.

История военно-дипломатической деятельности состоит в том, что для достижения внешнеполитических задач необходимо принимать решения, которые реализуют цели в наибольшей степени. Особое место среди условий, в которых приходится принимать решения, занимают условия конфликта. Здесь приходится учитывать также и цели противоположной стороны. Теорией математических моделей принятия оптимальных решений занимается теория игр [3, 7]. То есть система ИИ, в основу которой будут положены несколько стратегий поведения сторон в зависимости от их поставленных целей и положения в стране (ее географической положение, состояние ВПК, демографический фактор, экономический фактор и др.), сможет заранее прогнозировать исход того или иного военно-дипломатического переговорного процесса.

Международное военно-дипломатическое сотрудничество в сфере военно-дипломатического сотрудничества имеет стратегическое значение. Это позволит защитить киберпространство, сформировать безопасность

в сфере обмена Интернет-информацией, будет содействовать развитию международно-правовой базы для урегулирования и правомерности использования искусственного интеллекта в военных конфликтах. Обеспечение устойчивого развития мира связано с тем, что укрепление мер доверия и диалога позволит в рамках военно-дипломатического сотрудничества общими усилиями не допустить новый виток гонки вооружений в киберпространстве [4, 158, 169].

Актуальность анализа внедрения искусственного интеллекта в сфере вооружений обусловлена также и скрытыми опасностями данной тенденции. Связано это с тем, что данная технология не отвечает за свои решения и в случае нанесения международно-противоправных военных ударов привлекать к ответственности искусственный интеллект невозможно. При данном факте отсутствует международная договоренность мирового сообщества о привлечении к ответственности должностных лиц за ошибки искусственного интеллекта [5, 29].

Администрация президента США Д. Трампа заявила о разработке нового проекта в сфере искусственного интеллекта «Stargate». Цель – запуск суперинтеллекта (Artificial General Intelligence, AGI). Связано данное направление с тем, что произошел запуск китайской системы искусственного интеллекта DeepSeek. США направляют усилия на недопущение превосходства Китая во внедрении ИИ в сферу военных технологий.

Развитие и внедрение новейших технологий искусственного интеллекта в военное дело служит причиной нового витка гонки на создание летальных автоматизированных систем ведения войн нового поколения.

Исторически военно-дипломатическое сотрудничество направлено на ведение переговоров, целью которых является снижение международной напряженности и контроль за созданием и распространением новейших средств ведения военных действий. Однако, существует техническая сложность контролирования человеком быстро развивающихся возможностей искусственного интеллекта и его внедрения в военную сферу. В силу данного факта военно-дипломатическое сотрудничество может быть направлено на создание международного договора, ограничивающего использование ИИ в военных конфликтах [6, 72, 73, 77, 78].

Применяя положения теории игр, военная дипломатия может управлять течением международных конфликтов с целью их прекращения. В сочетании с искусственным интеллектом это может выражаться в создании программы, которая сможет вырабатывать технологии психологического воздействия на общество и дипломатические делегации других стран для получения наиболее рационального и конструктивного международно-правового решения [7, 50]. Военная эволюция в большой степени будет формироваться тем насколько быстро будут внедряться методы революю-

ционного военного применения. Формирование военно-дипломатической стратегии, направленной на прекращение гонки вооружений в сфере высоких технологий в сочетании с военными разработками, должна реализовываться в аспекте нестабильности международной обстановки, изменений в геополитической сфере и военной обстановки [8, 8, 12].

Недопущение гонки вооружений в сфере применения новейших технологий (искусственного интеллекта) в военном деле

Основной задачей военно-дипломатического сотрудничества является предотвращение эскалации в международных отношениях и заключается в стремлении формировать международные альянсы и договоренности, направленные на защиту интересов страны от потери суверенитета [9, 5]. Большое значение в военной дипломатии придается переговорам в международных отношениях, касающихся разоружения и предотвращения гонки вооружений. Связь между переговорами и договорами заключается в том, что от успешности проведения военно-дипломатических переговоров зависит эволюция международных отношений и письменное международно-правовое урегулирование разногласий и конфликтов. Для недопущения войн необходимо принимать превентивные меры. Так как XXI в. отличается стремительным ростом военных конфликтов, а также цифровой революцией. В данной ситуации необходимо применять меры превентивного характера [10], так как они позволят создать прочную базу для ведения дипломатических переговоров, целью которых будет разработка международно-правовой базы, ограничивающей возможности чрезмерного внедрения и злоупотребления со стороны наиболее влиятельных геополитических игроков в сфере разработки и дальнейшего практического применения новейших технологий для нанесения военных ударов по странам без санкции Совета Безопасности ООН, прикрываясь концепцией «ответственность по защите»[1] (англ. *Responsibility to Protect,* сокр. *R2P).* Военно-политическое сотрудничество и дипломатические переговоры являются средством сохранения национальной безопасности государства и мира [11, 13]. А также развивая возможности военно-дипломатического сотрудничества человеческая цивилизация может создать из хаоса на геополитической картине мира международный порядок, способствовать прекращению военных конфликтов. Для того, чтобы получить поддержку среди населения военная дипломатия может опираться на превентивные меры, которые может помочь создать искусственный интеллект. То есть ИИ может, при наличии полученных разведывательных данных об общественных настроениях в другой стране, сформировать наилучший способ

1 Ответственность по защите // URL: https://www.un.org/ru/chronicle/article/21872 (Дата обращения: 02.09.2026)

подачи информации для социума с целью получения необходимой поддержки в сфере заключения международных договоров, направленных на предотвращение гонки вооружений в киберпространстве [12]. Военно-дипломатическое сотрудничество, опираясь на новейшие технологии, превентивную дипломатию с помощью специальных инструментов политического воздействия – информационных и психологических технологий, может осуществлять успешное воздействие на формирование необходимых настроений в обществе [13, 38].

Превентивная дипломатия, опираясь на теорию игр и систему ИИ, может предложить решения военных конфликтов наиболее эффективным способом [14, 15]. В силу того, что в военно-дипломатических переговорах принимают участие две и более стороны, то можно предположить, что при их успешном проведении могут образовываться коалиции, где каждая сторона будет в выигрышном положении. Так как предотвращение гонки вооружений в киберпространстве при использовании превентивной дипломатии, опирающейся на теорию игр, позволит направлять финансовые потоки на благоустройство страны и развитие науки, культуры и искусства [15, 420]. В XXI в. Особенно важно сосредоточить усилия на разработке мер укрепления доверия как неотъемлемой части международной системы безопасности [16, 161]. Важным шагом в этом направлении являются усилия военной дипломатии России по отношению к странам-членам НАТО и к другим европейским странам, заключающиеся в предлагаемой системе мер доверия для устранения опасности неожиданной атаки на любую страну с целью снизить напряженность и недоверие в системе международных отношений.

Заключение

На 2026 г. опубликовано малое количество научной литературы с исследованиями в сфере влияния искусственного интеллекта на возможности военной дипломатии и предотвращения гонки вооружений [17, 15]. Однако, это не означает, что в западных странах отсутствует прикладное применение ИИ в сфере военной дипломатии и военной аналитики. Таким образом, на военную дипломатию возложена задача, заключающаяся в формировании международной обстановки в русле недопущения столкновения государства с вооруженным вторжением на свою территорию, а также в формировании круга активных союзников [18, 98].

В истории СССР военная дипломатия успешно справлялась с недопущением гонки вооружений и ее опыт может стать основой для современной дипломатии.

Новейшие технологии могут стать фундаментом для успешного их применения в военно-дипломатической службе и помочь человеческой цивилизации обеспечить стабильную безопасность и нивелировать вли-

яние глобальных угроз, вызванных появлением «серых зон» [19] - неурегулированных международно-правовыми актами механизмов внедрения искусственного интеллекта в военные технологии и киберпространство. Российская военно-дипломатическая стратегия может быть направлена на: координацию геополитических игроков, формировании реакции международного сообщества для противодействия гонки вооружений в сфере внедрения ИИ в военные разработки, определение точных рамок для действий других стран по конкретным шагам в исследуемой сфере (разработка международного договора), обеспечение лучшего использования новейших технологий и оптимизация ресурсов [20, 87, 86].

Библиографический список:

1. Гамбарян А.Х., Меренков И.А. Информационные технологии в публичной дипломатии на примере России и Китая / Трансформация международных отношений в условиях новых геополитических вызовов: сборник статей / под науч. ред. д-ра ист. наук И.В. Синовой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2025. С. 200-204.
2. Лященко В.П. Торговля оружием: элементарная база создания ПВН, интеллектуальные/ роботизированные средства оборонного производства, создание и применение ВВСТ с элементами и блоками искусственного разума, операции с высокотехнологичной военной продукцией на мировом рынке / В.П. Лященко. – Москва: Экономика, 2013. 398 с.
3. Оуэн Г. Теория игр. Пер. с анг. И.Н. Врублевской, Г.Н. Дюбина, А.Н. Ляпунова / под ред. А.А. Корбута, со вступит. статьей Н.Н. Воробьева. – Москва: Издательство «Мир», 1971. 231 с.
4. Гордиенко Д.В., Солодянкин А.Д. Обеспечение информационной безопасности и использование искусственного интеллекта в военной сфере: подходы Китайской Народной Республики. – М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2026. 374 с.
5. Дада О.Д. Борьба за этику ИИ на Глобальном Юге; Африканские реалии, некоммерческие организации и многообразие Организации Объединенных Наций / Международное гуманитарное сотрудничество: новые вызовы и возможности: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции с международным участием, 23-24 апреля 2025 г. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2025. С. 27-37.
6. Гордиенко Д.В., Гордиенко П.К. Использование опыта США и Китая по разработке образцов вооружения и военной техники с использованием искусственного интеллекта. – М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2025. 140 с.
7. Карпович О.Г. Модели и технологии управления международными конфликтами. – М.: ООО «Издательская группа «Юрист», 2008. 212 с.
8. Захарченко А.Н., Веселов Ю.Г. Прорывные технологии: состояние, перспективы развития. – М.: ООО «ВАШ ФОРМАТ», 2026. 272 с.
9. Винокуров В.И., докт. ист. наук, проф. История военной дипломатии. Военная дипломатия между Первой и Второй мировыми войнами. – М.: ЗАО «Светлица», 2010. Т. 2. 640 с.
10. Абугу А. И. Превентивная дипломатия и ее реализация в современном международном праве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). – Москва, 2000. 17 с.
11. Байков А.А., Болгова И.В., Истомин И.А. (и др.). Стратегии союзничества в современном мире: военно-дипломатический инструментарий международной-политической конкуренции: монография.; под редакцией И.А. Истомина, Н.Ю. Силаева, А.А. Сушенцова. – Москва: МГИМО-Университет, 2021. 371 с.
12. Базлуцкая М.М. Цифровая дипломатия США в отношении России: монография / М.М. Базлуцкая. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2026. 231 с.
13. Карпович О.Г. Модели и технологии управления международными конфликтами. – М.: ООО «Издательская группа «Юрист», 2008. 212 с.
14. Thomas L.C. Games, theory and applications / L.C. Chichester: Ellis Horwood, 1986. 279 p.
15. Myerson R.B. Game theory: analysis of conflict / Roger B. Myerson. – Cambridge (Mass.); London: Harvard univ. press, 1991. 568 p.
16. Arms and artificial intelligence: Weapon a. arms control applications of advanced computing / Stockholm intern. peace research inst. (SIPRI); Ed. by Allan M.Din. – Oxford etc.: Oxford univ. press, 1987. 229 p.
17. Понкин И.В. Военная аналитика. Военное применение искусственного интеллекта и цифры. – М.: Буки Веди, 2022. 106 с.
18. Свечин А.А. Стратегия. – М.: Концептуал, 2023. 392 с.

19. Искусственный интеллект в военно-космической деятельности: монография / А.А. Абдурахимов, В.А. Авдеев, Д.А. Авсюкевич и др.; под общ. ред. М.М. Пенькова, И.В. Сахно, А.В. Назарова. – СПб.: ВКА им. А.Ф. Можайского, 2022. 544 с.

20. Ventre D. Artificial intelligence, cybersecurity and cyber defense / Daniel Ventre. – London: ISTE; Hoboken, N.J.: Wiley, 2020. 237 p.

Reference

1. Gambaryan A.Kh., Merenkov I.A. Information Technologies in Public Diplomacy: The Case of Russia and China / Transformation of International Relations in the Context of New Geopolitical Challenges: A Collection of Articles / edited by Dr. of History I.V. Sinova. – St. Petersburg: SPbGEU Publishing House, 2025. P. 200-204.

2. Lyashchenko V.P. Arms Trade: A Basic Framework for Creating Military Equipment, Intelligent/ Robotized Means of Defense Production, Creation and Use of Military Equipment with Elements and Blocks of Artificial Intelligence, Operations with High-Tech Military Products on the World Market / V.P. Lyashchenko. – Moscow: Economica, 2013. 398 p.

3. Owen G. Game Theory. Translated from English by I.N. Vrublevskaya, G.N. Dyubin, A.N. Lyapunov / edited by A.A. Korbut, with an introduction by N.N. Vorobyov. – Moscow: Mir Publishing House, 1971. 231 p.

4. Gordienko D.V., Solodyankin A.D. Ensuring Information Security and the Use of Artificial Intelligence in the Military Sphere: Approaches of the People's Republic of China. – Moscow: Scientific Library Publishing House, 2026. 374 p.

5. Dada O.D. The Struggle for AI Ethics in the Global South; African Realities, Non-Profit Organizations, and the Diversity of the United Nations / International Humanitarian Cooperation: New Challenges and Opportunities: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference with International Participation, April 23-24, 2025. Yoshkar-Ola: Mari State University, 2025. P. 27-37.

6. Gordienko D.V., Gordienko P.K. Using the experience of the United States and China in developing weapons and military equipment using artificial intelligence. – Moscow: Publishing House "Scientific Library", 2025. 140 p.

7. Karpovich O.G. Models and technologies for managing international conflicts. – Moscow: OOO "Izdatelskaya Gruppa "Yurist", 2008. 212 p.

8. Zakharchenko A.N., Veselov Yu.G. Breakthrough technologies: status, development prospects. – Moscow: OOO "VASH FORMAT", 2026. 272 p.

9. Vinokurov V.I., Doctor of Historical Sciences, Professor. History of military diplomacy. Military diplomacy between the First and Second World Wars. – Moscow: ZAO "Svetlitsa", 2010. Vol. 2. 640 p.

10. Abugu A.I. Preventive diplomacy and its implementation in modern international law: abstract of a dissertation. ... Candidate of Law: 12.00.10 / Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). – Moscow, 2000. 17 p.

11. Baikov A.A., Bolgova I.V., Istomin I.A. (et al.). Alliance Strategies in the Modern World: Military-Diplomatic Instruments of International Political Competition: Monograph; edited by I.A. Istomin, N.Yu. Silaev, A.A. Sushentsov. – Moscow: MGIMO-University, 2021. 371 p.

12. Bazlutskaya M.M. US Digital Diplomacy towards Russia: Monograph / M.M. Bazlutskaya. – Moscow: Aspect Press Publishing House, 2026. 231 p.

13. Karpovich O.G. Models and Technologies for Managing International Conflicts. – M.: LLC Publishing Group "Lawyer", 2008. 212 p.

14. Thomas L.C. Games, theory and applications / L.C. Chichester: Ellis Horwood, 1986. 279 p.

15. Myerson R.B. Game theory: analysis of conflict / Roger B. Myerson. – Cambridge (Mass.); – London: Harvard univ. press, 1991. 568 p.

16. Arms and artificial intelligence: Weapon a. arms control applications of advanced computing / Stockholm intern. peace research inst. (SIPRI); Ed. by Allan M.Din. – Oxford etc.: Oxford univ. press, 1987. 229 p.

17. Ponkin I.V. Military Analytics. Military Application of Artificial Intelligence and Digital Technologies. – Moscow: Buki Vedi, 2022. 106 p.

18. Svechin A.A. Strategy. – Moscow: Conceptual, 2023. 392 p.

19. Artificial Intelligence in Military Space Activities: Monograph / A.A. Abdurakhimov V.A. Avdeev, D.A. Avsyukevich, et al.; edited by M.M. Penkov, I.V. Sakhno, A.V. Nazarov. St. Petersburg: A.F. Mozhaisky Military Space Academy, 2022. 544 p.

20. Ventre D. Artificial intelligence, cybersecurity and cyber defense / Daniel Ventre. – London: ISTE; Hoboken, N.J.: Wiley, 2020. 237 p.

Левашов О.Е.
Аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, Юго-Западный государственный университет, г. Курск. ORCID: 0009-0007-3855-9538 / ResearcherID Web of Science: LSJ-3254-2024

Восстановление и модернизация системы радиофикации курской области в 1946–1965 годах*

Аннотация. Статья посвящена восстановлению и модернизации системы радиофикации Курской области в 1946–1965 гг. Цель исследования состоит в выявлении этапов, механизмов и ограничений развития региональной радиотрансляционной инфраструктуры в послевоенный период. Источниковую основу составили документы Государственного архива Курской области и Государственного архива Российской Федерации, материалы центральной и региональной периодической печати, а также научные труды по истории связи, промышленности, сельского хозяйства и железнодорожного транспорта региона. Применены проблемно-хронологический, историко-генетический и сравнительный методы; количественные показатели рассматриваются с учетом происхождения отчетной документации и изменения административно-территориальных границ области в 1954 г. Установлено, что развитие сети прошло три взаимосвязанных этапа: восстановление и устранение последствий военных разрушений; массовое расширение городской и сельской радиофикации; переход от экстенсивного прироста радиоточек к повышению мощности узлов, устойчивости работы и качеству обслуживания. Показано сочетание централизованного снабжения и планирования с использованием местных бюджетов, средств колхозов и трудовой мобилизации населения. К устойчивым ограничениям относились дефицит оборудования и транспорта, перебои энергоснабжения, кадровая недостаточность, несогласованность управленческих функций и строительство части объектов без надлежащей проектно-сметной документации. Сделан вывод, что к середине 1960-х гг. радиофикация приблизилась к территориальному насыщению, вследствие чего приоритет постепенно смещался от количественного расширения к технической модернизации сети.

Ключевые слова: Курская область, радиофикация, проводное радиовещание, радиоузел, радиотрансляционная сеть, Министерство связи СССР, послевоенное восстановление, модернизация.

Levashov O.E.
Postgraduate student, Department of Constitutional Law, Southwestern State University, Southwestern State University, Kursk. ORCID: 0009-0007-3855-9538 / ResearcherID Web of Science: LSJ-3254-2024

* © Левашов О.Е., 2026.

Restoration and modernization of the radio system of the Kursk region in 1946–1965

Abstract. The article examines the recovery and modernization of the wired radio broadcasting system in the Kursk Region between 1946 and 1965. Its purpose is to identify the stages, mechanisms, and constraints that shaped the development of the regional radio distribution infrastructure after the Second World War. The source base includes records from the State Archive of the Kursk Region and the State Archive of the Russian Federation, central and regional periodicals, and scholarly works on the history of communications, industry, agriculture, and railway transport. The study combines the problem-chronological, historical-genetic, and comparative methods. Quantitative evidence is interpreted with regard to the administrative origin of reporting documents and the 1954 change in the borders of the Kursk Region. The analysis identifies three successive stages: post-war reconstruction; large-scale extension of urban and rural wired broadcasting; and a gradual shift from extensive growth in the number of radio outlets to increased transmitter capacity, network reliability, and service quality. Modernization depended on centralized planning and allocation of equipment, but also on local budgets, collective-farm funds, and mobilized labour. Persistent constraints included shortages of materials and vehicles, unstable electricity supply, lack of skilled personnel, overlapping administrative responsibilities, and construction without complete design documentation. By the mid-1960s, the network was approaching territorial saturation, making qualitative modernization increasingly important.

Key words: Kursk Region, radio broadcasting, wired radio broadcasting, radio center, radio broadcasting network, USSR Ministry of Communications, post-war restoration, modernization.

Введение

В послевоенные десятилетия радиотрансляционная сеть являлась одним из базовых элементов коммуникационной инфраструктуры СССР. Она обеспечивала распространение общесоюзных и местных программ, передачу оперативной информации, включение городского и сельского населения в единое информационное пространство. Для Курской области, хозяйство и населенные пункты которой понесли значительный ущерб в годы войны, восстановление радиосети было связано не только с возвращением довоенных мощностей, но и с последующим расширением охвата, изменением организационных механизмов и обновлением оборудования.

Терминологически необходимо различать радиосвязь и радиофикацию. Радиосвязь предполагает передачу сигналов посредством радиоволн, тогда как преобладающая часть рассматриваемых в статье мероприятий относилась к проводному радиовещанию: строительству радиоузлов, линий и абонентских радиоточек. Поэтому предметом исследования является прежде всего система радиофикации; радиотелефонная связь и телевещание

рассматриваются лишь постольку, поскольку они характеризуют технологическую диверсификацию региональной отрасли связи.

Нижняя хронологическая граница – 1946 г. – обозначает переход от первоочередных восстановительных мероприятий военного времени к планомерному послевоенному развитию сети. Верхняя граница – 1965 г. – связана с приближением радиофикации к территориальному насыщению: число радиотрансляционных точек достигло 326,9 тыс., а нерадиофицированными оставались семь колхозов [35; 14, л. 51-54]. Территориальные рамки определяются границами Курской области на соответствующий момент. До образования Белгородской области 6 января 1954 г. в состав Курской области входили Белгород, Старый Оскол, Шебекинский и ряд других районов; поэтому сведения за 1946–1953 гг. нельзя механически сопоставлять с показателями последующего периода без учета изменения территории [25].

Общесоюзная динамика отрасли освещена в обобщающем труде Н.Д. Псурцева, юбилейном издании по истории отечественного телеграфа и учебной литературе по экономике связи [36; 38; 41]. Региональный контекст раскрывается в исследованиях О.Н. Аргунова, Е.А. Головина, Н.Г. Кононова, В.В. Коровина, А.Н. Манжосова и Е.А. Масуфрановой [1; 3; 27-31; 37]. Эти работы характеризуют восстановление сельского хозяйства, промышленности, жилищно-коммунальной сферы и транспорта, однако модернизация радиотрансляционной сети Курской области в 1946–1965 гг. не получила в них самостоятельного комплексного анализа. Следовательно, исследовательская лакуна состоит не в отсутствии сведений о связи как таковой, а в недостаточной реконструкции этапов, механизмов и ограничений региональной радиофикации.

Цель статьи – выявить содержание и этапы восстановления и модернизации системы радиофикации Курской области в 1946–1965 гг. Для ее достижения необходимо: определить соотношение восстановительных и модернизационных мероприятий; проследить динамику городской и сельской сети; установить роль центральных органов, областных структур связи, местных органов власти, предприятий и колхозов; выявить материально-технические, кадровые и управленческие ограничения; оценить переход от количественного расширения к повышению мощности и надежности сети. Научный результат исследования заключается в обосновании трехэтапной динамики процесса и в раскрытии сочетания централизованных и местных механизмов его реализации без заявления недоказуемого приоритета исследования.

Источниковая база и методы исследования

Основу исследования составляют документы Государственного архива Курской области и Государственного архива Российской Федерации. Материалы фондов П-1381 и Р-770 ГАКО содержат сведения о выполнении

планов, строительстве линий, состоянии радиоузлов, материально-техническом снабжении, кадровых и организационных проблемах [4-21]. Документы фонда А-389 ГАРФ позволяют сопоставить плановые и фактические показатели региональных предприятий связи [22-23]. Информационные возможности этих источников обусловлены их служебным назначением: отчетность фиксирует управленческие приоритеты и производственные результаты, но могла отражать ведомственную заинтересованность в демонстрации выполнения плана. Поэтому процентные показатели рассматриваются совместно с данными о простоях, дефиците материалов и качестве введенных объектов.

Материалы газет «Правда» и «Курская правда», а также журнала «Радио» раскрывают формы общественной мобилизации, публичное представление радиофикации и культурные функции вещания [2; 26; 32-35; 39-40]. Публикации прессы не используются как нейтральная фиксация причинно-следственных связей: сообщения о трудовом подъеме и влиянии радио на производственную активность интерпретируются как часть официального дискурса эпохи и сопоставляются с административной отчетностью. Научная литература служит для реконструкции общесоюзного и регионального контекста, а сведения, приведенные исследователями по архивным документам, прямо обозначаются как заимствованные из их работ.

Проблемно-хронологический метод позволил выделить этапы развития сети; историко-генетический – проследить переход от восстановления к модернизации; сравнительный – выявить различия между городской и сельской радиофикацией и между плановыми и фактическими показателями. Количественный анализ применен к данным о радиоточках, протяженности линий, мощности узлов и выполнении планов. При этом ряды до и после января 1954 г. не объединяются в непрерывную статистическую серию из-за изменения границ Курской области.

Результаты и их обсуждение

После освобождения Курска в феврале 1943 г. восстановление городской радиосети началось еще до окончания войны. В 1946 г. работы приобрели более системный характер: была построена 15-километровая линия в направлении Фатежа, капитально отремонтированы участки Курск – Тим и Обоянь – Ивня, проводился ремонт линий в Белгороде, Старом Осколе и Фатеже, реконструировался Курский линейно-технический узел. Связь одновременно включалась в восстановление транспортной инфраструктуры: первая очередь нового железнодорожного вокзала в Курске предусматривала оснащение устройствами сигнализации, централизации и блокировки и средствами связи [43, с. 16].

Ремонт низовой служебной и производственной связи требовал транспорта и рабочих ресурсов. Начальник областного управления свя-

зи А.В. Овчинников выделил для этих работ десять автомашин. В Дмитриевском районе колхозы обязались в течение года радиофицировать 76 сельскохозяйственных артелей, построить семь межколхозных радиоузлов и проложить 250 км линий; инициатива была представлена в печати как образец для других районов [39, с. 2]. Эти сведения показывают, что уже на восстановительном этапе централизованное руководство сочеталось с привлечением местных ресурсов.

На 1 августа 1947 г. мощность Курского городского радиоузла втрое превышала довоенную; техническая возможность оценивалась в 25 тыс. радиоточек. Было восстановлено и построено 110 км линий, или 90 % довоенной протяженности, а фактически действовало 12 844 радиоточки – на 5 % больше уровня 1940 года. Соотношение потенциальной емкости и реально подключенных точек свидетельствует, что увеличение мощности узла опережало восстановление распределительной и абонентской сети.

Документы Курского горисполкома фиксируют одновременно технические и организационные ограничения. Оборудование радиоузла было смонтировано по временной схеме в неприспособленном помещении, ремонт здания задерживался из-за дефицита кровельных и иных строительных материалов, а ветхие опоры требовали замены. Отсутствие генерального проекта приводило к повторной перестройке отдельных участков. 11 августа 1947 г. горисполком разрешил заготовить в Брянских лесах 100 м³ древесины для опор и предписал заказать Киевскому отделению «Связьпроекта» документацию по реконструкции городского радиохозяйства [17, л. 68-70]. Следовательно, модернизация начиналась не после завершения восстановления, а внутри него: временные решения одновременно обеспечивали работу сети и создавали потребность в последующей реконструкции.

К ноябрю 1947 г. планировалось радиофицировать окраинные улицы Курска и установить системы уличного звукоусиления на площадях и в парках; отдельные работы проводились в парке «Боева дача» [16, л. 321-322; 17, л. 68-70]. В 1948 г. радиосеть была расширена на 32 улицы, за что городскому радиоузлу из местных средств выделили 70 тыс. руб. [18, л. 142-143]. Решение горсовета от 31 марта 1950 г. потребовало освободить перегруженные опоры электросети на ряде центральных улиц и соблюдать технические нормы совместной подвески радио- и электропроводов [19, л. 163-164]. Тем самым количественное расширение городской сети сопровождалось упорядочением ее трассировки и повышением безопасности.

На селе главным механизмом ускорения работ стало соединение материальной помощи Министерства связи СССР с финансированием и трудовым участием колхозов. В 1949 г. колхозы области направили на радиофикацию около 3 млн руб.; к 1 мая было заготовлено 35 тыс. опор. Использовались электростанции сахарных заводов, машинно-тракторных

станций и мельниц [26, с. 2]. Такая схема снижала зависимость от строительства самостоятельных энергетических баз, но одновременно связывала устойчивость радиоузлов с состоянием местного энергоснабжения, развитие которого в сельских районах происходило неравномерно [24].

Опыт Шебекинского района, входившего тогда в Курскую область, получил широкое освещение в центральной печати. Средства колхозов на оборудование выросли со 100 до 200 тыс. руб.; были приобретены аппаратура для 15 радиоузлов, провода, изоляторы и репродукторы. В подготовительных работах участвовали группы по 300–500 человек; коллективы Буденновского и Ново-Таволжанского сахарных комбинатов строили линии и подключали колхозы. По сообщению «Правды», вместо запланированных 1 440 опор было подготовлено более 2 200, вместо 72 км линий построено 130 км, а радиотрансляцией из Москвы были охвачены 38 артелей, пять совхозов, две МТС и один поселок [26, с. 2]. Эти данные следует трактовать с учетом мобилизационного характера газетной публикации: она надежно отражает публичную модель кампании, но не позволяет сама по себе установить влияние радио на производительность сельского труда.

К октябрю 1949 г. в области были построены 151 радиоузел и 1 453 км воздушных радиолиний, радиофицированы 544 колхоза, 40 МТС и 28 совхозов [4, л. 28]. Выполнение основных показателей за год характеризует масштаб расширения отрасли, однако данные о штатной численности и расходовании фонда заработной платы указывают и на внутренние диспропорции.

Таблица 1. Выполнение плановых показателей отрасли связи Курской области в 1949 г.

№	Показатель	Выполнение плана, %
1	Доходы	105,4
2	Установка радиоточек	183,0
3	Строительство объектов связи по «нижелимитным объектам»	100,0
4	Капитальный ремонт	114,0
5	Штатная численность	100,4
6	Расходы по фонду заработной платы	87,2

Источник: составлено по [4, л. 49-50].

При превышении плана установки радиоточек на 83 % расходы по фонду заработной платы составили 87,2 % планового уровня. Одновременно

отрасль получила около 600 тыс. руб. сверхплановых накоплений, а средний и текущий ремонт были завершены досрочно [4, л. 49-50]. Итоги первого этапа показывают, что восстановление довоенной инфраструктуры быстро переросло в экстенсивное расширение сети, однако его темп зависел от местной мобилизации и не устранял дефицита материалов, транспорта и проектной документации.

В начале 1950-х гг. развитие радиосети было включено в программы подъема сельского хозяйства и совершенствования обслуживания районов. Предприятия связи испытывали нехватку электрических ламп, провода, кабеля, крючьев, изоляторов, опор и автотранспорта; поставки нередко срывались. В 1953 г. продолжительность работы 19 подстанций внутрирайонной связи была увеличена до 16 часов, ремонтировались сельские предприятия связи [7, л. 39]. Эти меры повышали доступность услуг, но не устраняли простои колхозных радиоузлов.

Радиовещание одновременно выполняло информационную и мобилизационную функции. По данным Е.А. Головина, в постановлении бюро Курского обкома КПСС от 24 февраля 1953 г. областному радиокомитету предписывалось систематически освещать работу промышленности, транспорта и строительства, распространять опыт рационального использования оборудования и привлекать к выступлениям передовиков производства [3, с. 172]. Такая постановка вопроса отражала официальное понимание радио как инструмента хозяйственной и политико-просветительной коммуникации; она не может рассматриваться как доказательство фактического воздействия передач на производственные результаты без специальных данных об аудитории.

План 1954 г. предусматривал телефонизацию 75 сельсоветов, одной МТС и 125 колхозов, строительство 676 км воздушных линий, прокладку 505 км подземного кабеля, подвеску 1 535 км дополнительных проводов, установку двух коммутаторов АТС-ВРС и 16 тыс. радиоточек, а также радиофикацию 70 колхозов [7, л. 24]. Включение радио- и телефонных работ в единый производственный план свидетельствует об инфраструктурной взаимосвязи видов связи, однако не отменяет различий между ними как техническими системами.

В 1955 г. фактический прирост радиоточек превысил план на 24,1 %, причем основной объем приходился на сельскую местность. Особенно заметно перевыполнение работ за счет привлеченных средств – на 31,5 %. Эти показатели подтверждают устойчивую роль вневедомственных источников финансирования, но не позволяют определить их структуру без дополнительных сметных материалов.

В 1956 г. план прироста выполнить не удалось. Предприятия области недополучили 2 000 м³ опор, 11 т проволоки и 4 000 крючьев, а также дру-

гие материалы [23, л. 3]. Недопоставка сильнее сказалась на сельском сегменте узлов Министерства связи: здесь фактический прирост составил 55,8 % плана. На колхозных узлах было выполнено 67,6 % задания. Таким образом, расширение сети зависело не только от наличия денежных средств и рабочей силы, но и от централизованного распределения стандартных материалов.

Таблица 2. Выполнение плана развития сети связи Курской области в 1955 г.

Показатель	План	Фактически	Выполнение, %
Открытие отделений и агентств связи	4	7	175,0
Чистый прирост радиоточек – всего	22 800	28 314	124,1
в том числе в сельской местности	20 800	25 446	122,3
в том числе за счет привлеченных средств	17 800	23 414	131,5

Источник: составлено по [22, л. 6].

Таблица 3. Выполнение плана прироста радиоточек в Курской области в 1956 г.

Показатель	План	Фактически	Выполнение, %
Прирост на узлах Министерства связи – всего	6 000	4 871	81,2
в том числе в сельской местности	3 000	1 671	55,8
Прирост на колхозных узлах	27 000	18 260	67,6

Источник: составлено по [23, л. 3].

Организационная перестройка затронула и ведомственные сети. В соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 11 августа 1955 г. № 5909-р и совместным приказом Министерства путей сообщения СССР и Министерства связи СССР от 3 сентября 1955 г. № (152/ЦЗ)/625 радиотрансляционные узлы железнодорожного ведомства передавались Министерству связи СССР. В Курске это потребовало реконструкции сети Кировского района и размещения стоек на крышах при соблюдении технических правил и ответственности за возможное повреждение кровли [20, л. 338-339]. Параллельно на станции Курск строилась автоматическая телефонная станция [43, с. 76]. Передача объектов на единый баланс способствовала унификации управления, но увеличивала объем обязательств

региональной дирекции.

В 1957 г., первом году работы Курского городского радиоузла как хозрасчетного предприятия, все приведенные в отчете показатели были перевыполнены [23, л. 42]. Наибольшее превышение отмечалось по чистому приросту радиоточек – 36 %, тогда как доходы, объем продукции и выработка на одного работника превысили план на 16,4–17,6 %.

Таблица 4. Выполнение плана Курским городским радиоузлом в 1957 г.

Показатель	Годовой план	Фактически	Выполнение, %
Чистый прирост радиоточек	2 100	2 857	136,0
Доходы, тыс. руб.	2 215,7	2 580,2	116,4
Продукция, тыс. руб.	1 890,4	2 223,0	117,6
Выработка на одного производственного работника, руб.	36 214	42 590	117,6

Источник: составлено по [23, л. 42].

Колхозы продолжали финансировать радиофикацию жилых домов. В колхозе имени Сталина Глушковского района и колхозе имени Карла Маркса Дмитриевского района сеть охватила большую часть домов колхозников [1, с. 252]. Железнодорожники радиофицировали сад при Доме культуры [37, с. 213]. Эти примеры подтверждают множественность заказчиков и источников средств, хотя единичные случаи не дают основания оценивать степень распространенности такой практики во всей области.

Одновременно сохранялись управленческие издержки: отдельные подразделения областного управления дублировали функции, встречные перевозки материалов из удаленных регионов увеличивали транспортные затраты, а многоступенчатое складирование замедляло передачу грузов строительно-монтажному управлению радиофикации [8, л. 22]. К 1957 г. радиофикацией были охвачены 93 из 98 МТС, 26 совхозов и 677 из 746 колхозов; действовали 49 узлов Министерства связи общей мощностью 98 550 Вт и 38 энергобаз общей мощностью 379 л. с. [8, л. 45; 23, л. 39]. Показатели характеризуют масштаб сети, но термин «почти сплошная радиофикация» корректен лишь применительно к охвату организаций, а не каждого домовладения.

Осенью 1958 г. прирост составил 20 тыс. радиоточек [9, л. 41]. Вместе с тем материалы партийного обсуждения начала 1959 г., ретроспективно характеризовавшие работу предыдущего периода, фиксировали недостаточную укомплектованность линейных бригад, задержки расчетов за выполненные работы, использование персонала не по назначению и слабую координацию подразделений [10, л. 10]. Таким образом, к концу второго

этапа сеть достигла значительного территориального охвата, но темпы строительства обеспечивались при сохранявшихся организационных и кадровых ограничениях.

Переход к третьему этапу сопровождался попыткой упорядочить организацию работ. Для программы 1959 г. планировалось подготовить 200 линейных работников на двухмесячных курсах и сформировать бригады с квалифицированными руководителями. На открытом партийном собрании при Курском областном управлении связи 29 января 1959 г. отмечались невыполнение заявок по снабжению, слабый контроль планово-технического отдела, использование транспорта не по назначению и отсутствие согласованности с проектной группой. До 80 % работ по строительству линий и объектов связи, согласно материалам собрания, выполнялось без проектно-сметной документации [10, л. 10]. Последнее обстоятельство ограничивало достоверность формального учета ввода объектов и создавало риск задержки их приемки.

В 1960 г. план прироста радиоточек не был выполнен, однако абсолютное увеличение составило 27 600 единиц против 20 000 в 1958 г. Сопоставление двух значений показывает больший годовой прирост, но само по себе не доказывает устойчивого ускорения, поскольку отсутствуют данные за 1959 г. и сведения о сопоставимости плановой базы. В том же году мощность узлов в Белой, Советском и Медвенке была доведена до 5 кВт, Курского узла – до 25 кВт; мощности 13 узлов увеличили с 2 до 3 кВт. Были организованы дополнительные каналы на Льгов, Суджу и Ястребовку [10, л. 83]. Эти мероприятия отражают смещение акцента от прокладки линий к увеличению пропускной способности и устойчивости действующей сети.

Технологическое развитие проявлялось и в транспортной сфере. Радиоточками оборудовались бытовые вагоны работников путевых машинных станций [37, с. 134], на станции Курск вводилась вторая очередь машинно-расчетного центра, увеличивалась емкость автоматических телефонных станций в Курске и Льгове, создавалась радиосвязь диспетчеров с локомотивными бригадами [42, с. 72]. Эти процессы относились к разным видам связи, но совместно свидетельствовали о включении коммуникационной техники в производственное управление. К культурному измерению регионального вещания относилось использование мелодии «Курского вальса» Л.И. Ингоря как позывного областного радио [42, с. 155].

Достижения общесоюзной радиосвязи – двусторонняя связь с кораблем «Восток-1» в апреле 1961 г., радиотелефонное сопровождение группового полета «Востока-3» и «Востока-4» в августе 1962 г., запуск спутника связи «Молния-1» 23 апреля 1965 г. – широко присутствовали в информационном пространстве и региональной печати [32; 33, с. 2; 38, с. 412-416]. Однако эти события не следует использовать как непосредственные показатели

модернизации курской сети: они образуют общесоюзный технологический контекст, а связь с региональными преобразованиями требует самостоятельных источниковых доказательств.

Смежным направлением стало развитие телевещания. В 1960 г. в области насчитывалось 23 тыс. телевизоров, из них более 18 тыс. – в Курске; ежемесячный прирост оценивался в 500–700 аппаратов [12, л. 54]. После пуска телецентра областная мастерская связи обслуживала и ремонтировала телевизоры [11, л. 3]. Решение Курского горисполкома от 20 ноября 1959 г. № 520 регламентировало установку наружных антенн: индивидуальные конструкции требовали технического заключения и разрешения главного архитектора, а проекты новых домов должны были предусматривать коллективные антенны [21, л. 192-193]. Тем самым развитие нового средства массовой коммуникации стало предметом городского технического регулирования.

Профессионализация отрасли выразилась в создании в Курске научно-технического общества радиотехники и электросвязи имени А. С. Попова. На 28 марта 1963 г. его юридическими членами являлись крупные предприятия связи города и областное управление, а число действительных членов превышало 170 человек [13, л. 10]. Этот факт указывает на формирование площадки для обмена техническим опытом, однако оценка практической результативности общества требует изучения протоколов и отчетов о его деятельности.

В 1963 г. прирост радиоточек сократился до 7 800 [14, л. 51-54]. Снижение по сравнению с 1960 г. согласуется с приближением сети к насыщению, хотя на него могли влиять и изменения планов, ресурсного обеспечения и методики учета. Параллельно были усилены пять радиоузлов – в Прямицыне, Медвенке, Бобрышеве, Судже и Советском – и реконструированы три энергобазы. В 1960–1965 гг. число радиотрансляционных точек увеличилось с 253,1 тыс. до 326,9 тыс., то есть на 73,8 тыс., или приблизительно на 29,2 %. К 10 апреля 1965 г. оставались нерадиофицированными семь колхозов [35]. Количественное насыщение не означало завершения модернизации: возрастало значение надежности энергоснабжения, мощности узлов, ремонта и качества обслуживания.

Радиотрансляционная сеть использовалась не только для общесоюзного и областного вещания. С 1964 г. радиоузел Курского завода передвижных агрегатов выпускал радиогазету с производственной информацией, интервью и сообщениями о нововведениях [34]. Такой формат демонстрирует адаптацию инфраструктуры к внутриорганизационной коммуникации. Вместе с тем до конца периода сохранялись задержки ввода объектов, построенных с недостатками или без полного комплекта документации [15, л. 55]. Следовательно, переход к качественной модернизации был не одномоментным завершением экстенсивного роста, а постепенным изме-

нением приоритетов при сохранении части прежних проблем.

Заключение

Проведенный анализ позволяет выделить три этапа развития системы радиофикации Курской области. В 1946–1950 гг. восстановление разрушенной инфраструктуры сочеталось с первоначальным превышением довоенных показателей и массовым строительством сельских сетей. В 1951–1958 гг. преобладало экстенсивное расширение: росло число радиоузлов и радиоточек, совершенствовалась ведомственная организация, увеличивалось участие местных бюджетов и колхозов. В 1959–1965 гг. по мере территориального насыщения усилилось значение мощности узлов, энергоснабжения, проектирования, ремонтной базы и качества обслуживания.

Движущим механизмом процесса являлось сочетание общесоюзного планирования и снабжения с региональными и местными ресурсами. Областное управление связи, горисполкомы, предприятия, колхозы и общественные организации выполняли различные функции – от финансирования и проектирования до заготовки опор и строительства линий. Поэтому модернизацию нельзя объяснить деятельностью единого абстрактного субъекта «власть» или только централизованной политикой: ее результаты зависели от согласования решений нескольких уровней управления.

Главными ограничениями на протяжении всего периода оставались дефицит материалов, оборудования и транспорта, перебои энергоснабжения, недостаток квалифицированных кадров, дублирование функций подразделений и слабость проектно-сметной подготовки. Эти факторы не остановили расширение сети, но влияли на сроки, устойчивость работы и качество вводимых объектов. Отчетное перевыполнение отдельных показателей поэтому должно оцениваться совместно со сведениями о простоях и недоделках.

Региональный материал конкретизирует общесоюзный переход от послевоенного восстановления к массовой радиофикации и затем к технической модернизации коммуникационной инфраструктуры. Специфика Курской области состояла в крупном масштабе сельской сети, заметном участии колхозов и предприятий, зависимости радиоузлов от местных энергетических баз и изменении территории в 1954 г. Учет последнего обстоятельства принципиален для корректного сопоставления количественных данных. Полученные результаты относятся к предметному полю отечественной истории, поскольку раскрывают историческую динамику государственного управления, региональной инфраструктуры и повседневных коммуникационных практик в РСФСР.

Библиографический список / Reference

1. Аргунов О.Н. Партийно-государственная политика восстановления и развития сельского хо-

зяйства Курской области за период с февраля 1943 по 1957 г.: дис. … канд. ист. наук. Курск, 2018. 355 с.
2. Вялкин П. В передовом районе // Радио. 1950. № 3. С. 7.
3. Головин Е. А. Развитие промышленного потенциала Курской области в 1950–1965 гг.: дис. … канд. ист. наук. Курск, 2014. 386 с.
4. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. П-1381. Оп. 1. Д. 13.
5. ГАКО. Ф. П-1381. Оп. 1. Д. 14.
6. ГАКО. Ф. П-1381. Оп. 1. Д. 18.
7. ГАКО. Ф. П-1381. Оп. 1. Д. 19.
8. ГАКО. Ф. П-1381. Оп. 1. Д. 22.
9. ГАКО. Ф. П-1381. Оп. 1. Д. 23.
10. ГАКО. Ф. П-1381. Оп. 1. Д. 24.
11. ГАКО. Ф. П-1381. Оп. 1. Д. 26.
12. ГАКО. Ф. П-1381. Оп. 1. Д. 28.
13. ГАКО. Ф. П-1381. Оп. 1. Д. 30.
14. ГАКО. Ф. П-1381. Оп. 1. Д. 32.
15. ГАКО. Ф. П-1381. Оп. 1. Д. 33.
16. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 2. Д. 110.
17. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 2. Д. 111.
18. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 19.
19. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 110.
20. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 427.
21. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 545.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-389. Оп. 1. Д. 837.
23. ГАРФ. Ф. А-389. Оп. 1. Д. 923.
24. Жигулин Е.П. Развитие сельской электрификации в Курской области в 1948–1950 гг. // Innova. 2016. № 1 (2). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-selskoy-elektrifikatsii-v-kurskoy-oblasti-v-1948-1950-gg (Дата обращения: 28.07.2026).
25. История Белгородской области // Губернатор и Правительство Белгородской области: официальный сайт. // URL: https://belregion.ru/region/history.php (Дата обращения: 22.09.2026).
26. Ковалев С. Радиофикация курской деревни // Правда. 1949. 7 мая. № 127. С. 2.
27. Кононов Н.Г. Восстановление жилищно-коммунального хозяйства и связи Курской области: 1943–1945 гг.: монография. – Курск: ИП Бабкина Г. П., 2023. 488 с.
28. Кононов Н.Г. Промышленность Курской области в 1943–1945 гг.: первые шаги к возрождению: монография. Кн. 1: Промышленность Курской области союзного и республиканского подчинения. – Курск: [б. и.], 2018. 463 с.
29. Кононов Н.Г. Промышленность Курской области в 1943–1945 гг.: первые шаги к возрождению: монография. Кн. 2: Промышленность Курской области областного и районного подчинения. – Курск: [б. и.], 2020. 725 с.
30. Коровин В.В., Головин Е.А., Манжосов А.Н. Индустриальный прорыв: промышленность Курской области в 1950–1965 годах: монография. – Курск: ЮЗГУ, 2015. 328 с.
31. Коровин В.В., Воронцов Р.С., Головин Е.А. Пищевая индустрия Курской области в послевоенные годы: проблемы восстановления и модернизации: монография. Курск: ЮЗГУ, 2021. 304 с.
32. Курская правда. 1961. 13 апреля. № 88.
33. Курская правда. 1962. 14 августа. № 191. С. 2.
34. Курская правда. 1965. 8 апреля. № 82.
35. Курская правда. 1965. 10 апреля. № 84.
36. Марценицен С.И., Новиков В. В. 150 лет отечественному телеграфу. – Москва: Радио и связь, 1982. 152 с.
37. Масуфранова Е.А. Развитие социальной сферы отечественного железнодорожного транспорта в 1945–1965 гг. (по материалам Курской области): дис. … канд. ист. наук. Курск, 2016. 310 с.
38. Псурцев Н.Д. Развитие связи в СССР (1917–1967 гг.). Москва: Связь, 1967. 480 с.
39. Радио – в дома колхозников // Правда. 1948. 21 декабря. С. 2.
40. Сокоров С. Организовали ремонтную бригаду // Радио. 1954. № 7. С. 5.
41. Срапионов О.С., Подгородецкий И.А. Экономика связи: учебник для вузов связи. 2-е изд. Москва: Связь, 1974. 392 с.
42. Этапы большого пути. Из истории трудовых традиций железнодорожников Курского отделения Московской железной дороги: 1945–1995 гг. / А.Н. Манжосов, В.К. Гладких, Г.В. Ильин [и др.]. Курск: Курскинформпечать, 1996.
43. Этапы большого пути. Из истории трудовых традиций железнодорожников Курского отделения Московской железной дороги / А.Н. Манжосов, В.К. Гладких, Н.Ф. Федорищев [и др.]. Курск: Курскинформпечать, 1997.

Морозов А.С.
Аспирант 3 курса, исторического факультета. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Государственное регулирование рынка труда в условиях кадрового дефицита: опыт Советской России 1920-х годов на примере восточного Подмосковья*

Аннотация. В статье рассматривается опыт государственного регулирования рынка труда в Советской России в 1920-е годы в условиях острого кадрового дефицита. На примере восточного Подмосковья – крупного промышленного центра – анализируются причины нехватки рабочей силы, вызванные Первой мировой и Гражданской войнами, разрушением промышленности, эмиграцией квалифицированных специалистов и массовым оттоком рабочих в деревню. Исследуются попытки государства преодолеть кризис через систему трудовых мобилизаций периода военного коммунизма и механизмы регулирования рынка труда в годы НЭПа, включая создание бирж труда и организацию общественных работ. На основе архивных материалов (ГА РФ) и статистических данных показана неэффективность первоначальных мер, выразившаяся в системном кризисе управления, слабой координации и низком уровне трудоустройства. Особое внимание уделено возрождению системы отходничества под государственным контролем как механизму организованного набора рабочих, а также процессам феминизации труда и использования артельных форм организации. Прослеживается динамика восстановления кадрового состава текстильных предприятий региона к середине 1920-х годов и переход к административным методам перераспределения трудовых ресурсов в период форсированной индустриализации. Делается вывод о том, что решение проблемы кадрового обеспечения в условиях глубокого социально-экономического кризиса невозможно только рыночными или только административными методами, а требует комплексного подхода, сочетающего экономическую политику, институциональное развитие и методы регулирования рынка труда. Исторический опыт 1920-х годов сохраняет актуальность для осмысления современных вызовов в сфере занятости.

Ключевые слова: рынок труда, кадровый дефицит, государственное регулирование, Советская Россия, 1920-е годы, восточное Подмосковье, биржа труда, отходничество, трудовая мобилизация, НЭП, безработица, индустриализация, промышленное переселение, феминизация труда, артель.

Morozov A.S.
3rd year aspirant, Faculty of History, Peoples' Friendship University of Russia.

* © Морозов А.С., 2026.

State regulation of the labor market in conditions of personnel shortage: the experience of Soviet Russia in the 1920s on the example of the Eastern suburbs

Abstract. The article examines the experience of state regulation of the labor market in Soviet Russia in the 1920s under conditions of acute personnel shortage. Using the example of the eastern Moscow region – a major industrial center – the author analyzes the causes of labor shortage caused by World War I and the Civil War, the destruction of industry, the emigration of qualified specialists, and the mass outflow of workers to rural areas. The article studies the state's attempts to overcome the crisis through the system of labor mobilizations of the War Communism period and the mechanisms of labor market regulation during the NEP era, including the creation of labor exchanges and the organization of public works. Based on archival materials (State Archive of the Russian Federation) and statistical data, the inefficiency of the initial measures is demonstrated, manifested in a systemic management crisis, weak coordination, and low employment rates. Special attention is paid to the revival of the otkhodnichestvo system under state control as a mechanism for organized recruitment of workers, as well as to the processes of labor feminization and the use of artel forms of organization. The article traces the dynamics of restoring the personnel composition of textile enterprises in the region by the mid-1920s and the transition to administrative methods of labor redistribution during the period of forced industrialization. It is concluded that solving the problem of personnel provision under conditions of deep socio-economic crisis cannot be achieved by market or administrative methods alone, but requires an integrated approach combining economic policy, institutional development, and labor market regulation methods. The historical experience of the 1920s remains relevant for understanding contemporary challenges in the sphere of employment.

Key words: labor market, personnel shortage, state regulation, Soviet Russia, 1920s, eastern Moscow region, labor exchange, otkhodnichestvo (seasonal labor migration), labor mobilization, NEP, unemployment, industrialization, industrial resettlement, feminization of labor, artel.

В современных условиях дефицита на рынке труда, возникает ряд вопросов по привлечению работников и переквалификации специалистов. С подобной ситуацией наша страна столкнулась сто лет назад в 1920-е годы. Советская Россия столкнулась с беспрецедентной ситуацией, когда большое количество молодых людей ушло на фронты Первой мировой войны, а затем Гражданской войны, последующее, разрушение промышленности, отсутствие внешней помощи, недостаток образовательных учреждений, эмиграция большого количества квалифицированных специалистов. Хочется отметить еще один важный фактор повлиявший на создавшийся дефицит кадров, это бегство рабочих в деревни, в связи с выше перечисленными факторами и возникшим голодом в города.[1]

1 *Лубны-Герцык Л.И.* Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М. : ЦСУ СССР, 1926. 192 с.

Тяжелая ситуация с кадрами сложилась и московском регионе, особенно на востоке, центре промышленного производства при Российской империи, отягощающим фактором стал наплыв беженцев из западных регионов. Так в 1915 году зарегистрированных беженцев было 172 000 человек.[2] Этот фактор увеличил нагрузку на инфраструктуру городов и увеличило потребление продуктов питания, что после революции ускорило уход рабочих с предприятий, также нарушение кооперативных связей предприятий, недостаток сырья, оборудования.

Особый дефицит кадров проявляется в строительных рабочих, вызванный особой потребностью в восстановлении предприятий, строительства жилья и улучшений условий труда для рабочих.[3] Показателен пример переписки предприятий с наркомтрудом в частности завод «Электросталь», Дулевский завод, Александровская ткацкая фабрика испытывают «крайне острую нужду» в строительных и промышленных рабочих: землекопах, плотниках, каменщиках, столярах, слесарях.[4] Необходимость рабочих для строительства жилья вызвано в первую очередь не просто заботой о человеке труда, а в первую очередь удержанию его на предприятии, дабы не допустить ситуации массового дезертирства мобилизованных рабочих из-за отсутствия жилья. Это характерная проблема того времени: промышленные центры не были готовы принять большое количество принудительно мобилизованной рабочей силы. В частности, в переписке упоминается случай со строительством Самарского моста, где произошло массовое дезертирство, в связи с отсутствием жилья.[5]

Советское государство пыталось исправить выше указанные проблемы через систему трудовых мобилизаций на предприятия, во время политики военного коммунизма, но это не решило проблему, особенно при переходе к более свободной экономике (государственного капитализма) периода НЭПа.

Политика НЭПа возродило проблему безработицы, в 20-е годы она нарастала по следующим причинам: приток населения из деревни в города, вызванное аграрным перенаселением, тянущимся еще со времен царской власти, недостаток земли в деревне, инвентаря, безлошадность, вынуждали людей уходить в город. В целом возвращение к капиталистическим отношениям возродили старые проблемы тянущееся с царских времен, и породило новые в виде бюрократизма. Государственная политика в сфере занятости в 20-е фокусировалась на регулировании рынка труда и упо-

2 *Лубны-Герцык Л.И.* Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М. : ЦСУ СССР, 1926. 192 с.

3 ГА РФ Ф. Р382 оп. 4 д. 484.

4 ГА РФ Ф. Р382 оп. 4, д. 891.

5 Там же.

рядочении вербовки. Поскольку основная масса отходников мигрировала стихийно, не имея предварительных договоренностей о найме и информации о спросе на конкретные специальности в конкретных регионах, перед властями стояла задача не допустить их хаотичного оседания в промышленных центрах.[6]

В этой связи меры регулирования были направлены как на сдерживание притока крестьян в города, так и на организованное трудоустройство отходников вне индустриальных зон. Следовательно, в доколлективизационный период главной целью регулирования промышленного переселения являлось ограничение урбанизации крестьянства, и борьба с безработицей.[7] Начиная с середины 1920-х годов, перед отечественным рынком труда была поставлена задача кадрового обеспечения промышленности квалифицированными рабочими. С этой целью, а также для упорядочения внутренних миграционных потоков, в сельской местности была развернута сеть корреспондентских пунктов, функцией которых являлся учет избыточной рабочей силы. В контексте индустриализации промышленное переселение рассматривалось как ключевой механизм, призванный одновременно решить проблему аграрного перенаселения и удовлетворить кадровый спрос растущего индустриального сектора.[8]

Для решения выше указанных проблем и безработицы, вызванной как возвращением рабочих бежавших из городов, так и новоприбывших из деревни, было принято решение создание, через наркомат труда, биржи труда, на примере московского отделения можно увидеть особенности и проблемы, новообразованного органа регуляции рынка труда.

Особенностью советских бирж труда было то что в их основу был заложен принцип, того что найм рабочей силы возможен только через них, за исключением сотрудников вышей квалификации, руководителей предприятий, начальников железных дорог, управляющих трестами, главных бухгалтеров, заведующих учебными заведениями, и так далее, то есть руководящих кадров. Так же право найма сотрудников распространилось на совпартшколы, коммунистические университеты, институты красной профессуры, курсы марксизма-ленинизма.[9]

Особенностями функционирования московской биржи труда были, во-первых, деятельность охватывала Москву и 15 уездов губернии, в свою

6 *Волошинова И.В.* Роль промышленного переселения в освоении природных ресурсов СССР в 1920-1930-е гг // Записки Горного института. 2010.

7 Там же.

8 *Волошинова И.В.* Роль промышленного переселения в освоении природных ресурсов СССР в 1920-1930-е гг // Записки Горного института. 2010.

9 Суворов К.И. Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы при переходе от капитализма к социализму (1917-1930 гг.) : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.00. – Москва, 1968. 613 с.

очередь для оперативной работы были организованы корреспондентские пункты на ключевых железнодорожных узлах: Московско-Казанская, Николаевская, Киево-Воронежская, Рязано-Уральская железные дороги, станция Бойня.[10] Задачей пунктов были регистрация безработных, направление на работу и контроль за своевременной выплатой заработной платы. Уже на этапе ввода системы бирж труда возникла проблема, что безработные массово отказывались от предлагаемых вакансий по двум основным причинам: значительная удаленность места работы от места жительства и низкий уровень оплаты труда.[11]

По материалам проверки наркомата труда состояние московской биржи труда было не удовлетворительным. Фиксируется глубокий системный кризис в управлении трудовой сферой Московской губернии, выражавшийся в отсутствие твердого руководящего центра, срыве регулярных заседаний коллегии, потере связи между ответственными работниками и руководством, так же инструктаж и координация практически не осуществлялся. Кризис в управлении дошел до того что была зафиксирована попытка Богородского земкома полностью ликвидировать местный отдел труда и переподчинить его функции уездному управлению, что свидетельствует о непонимании значимости института биржи труда на периферии. Как отмечает комиссия были провалы в распределении рабочей силы, они выражались в следующих проблемах: отсутствие профессиональных каталогов спроса и предложений, а также реестров предприятий, отсутствие статистики, что не позволяет составить реальную картину безработицы, злоупотребления при проставлении отметок в документах безработных, неудовлетворительная организация направления граждан на работу. Так же отдельно выделяется кризис статистики и делопроизводства, выражавшийся в потери связи с местами (50% уездов не присылали отчеты в течение двух месяцев), отсутствие штатных статистов на местах и полный разрыв коммуникации между имеющимися специалистами и отделом труда, отсутствие качественного делопроизводства.[12]

Для решения проблемы безработицы планировалось создать бюро общественных и артельных работ по борьбе с безработицей. Для решения проблемы безработицы планировалось создать аппарат численностью до 5000 человек. На него возлагались три ключевые задачи: работа с госорганами, трестами, кооперативами и другими учреждениями, устранение лишних посредников, изучение личностных качеств безработных, их профессиональная подготовка и адресная рекомендация работодателям. Так в Москве и Московской губернии была развернута сеть специализиро-

10 ГА РФ Ф.382 оп. 4. Д. 1144.
11 ГА РФ Ф.382 оп. 4. Д. 1144.
12 ГА РФ Ф.382 оп. 4. д. 1144.

ванных артелей, сформированных из стоящих на учете биржи труда безработных (рабочих, служащих, инженеров): электротехников «Электроработник», транспортная, печатников, швейников, строителей, столярная, утилизационная.[13]

Но деятельность бюро была признана малоэффективной. По статистике трудоустроено всего 400 человек при 52 000 зарегистрированных безработных (менее 1%). Выявлены системные проблемы, выразившиеся в отсутствии специализированного технического аппарата, интегрированного с партийными, профсоюзными и хозяйственными органами, отсутствие планомерности и продуманной стратегии в организации работ, распыленность усилий (отсутствие концентрации ресурсов на приоритетных направлениях), а также острая нехватка денежного финансирования. А также жалобы работодателей на «некачественный» набор специалистов.[14]

Отдельно отметим, что параллельно велась целевая работа по борьбе с подростковой и женской безработицей, что свидетельствует о понимании уязвимости этих социальных групп в тот период.

Быстро решить проблему набора кадров через систему бирж труда не удалось, необходим был другой способ поиска. Решение пришло, через возрождение системы отходничества, но под государственным контролем. Суть этого «обновленного» отходничества, следующая под эгидой наркомата труда предприятиям давалось право отправлять ответственного сотрудника в деревни и города для вербовки на предприятия. Вербовщика снабжали инструкцией по набору людей, которая одновременно являлась и его удостоверением.[15]

Наибольшее количество материала и инструкций связано с поселком Электропередача (ныне Электрогорск), и предприятия там находившегося электростанции, и примыкающих торфоразработок. Так в инструкции 1921 года на фоне энергетического кризиса был произведен набор 80 торфяниц и 20 инструкторов. Агенту поручено набрать именно «80 человек торфяниц» и 20 инструкторов», это свидетельствует о чудовищном дефиците мужской рабочей силы (последствия Первой мировой и Гражданской войн). Тяжелейший ручной труд по добыче торфа лег на плечи женщин, и свидетельствует об феминизации труда. Также стоит отметить что в пункте №2 инструкции упоминается, что агенты должны информировать рабочих о «выдачах продовольствия и мануфактуры». Деньги (совзнаки) в 1921 году обесценились, поэтому труд рабочих оплачивался натурой – пайками и тканями (мануфактурой), которые были дефицитным товаром. И главное государство не нанимало рабочих поодиночке, а требо-

13 ГА РФ Ф.382 оп.4 д.565.

14 ГА РФ Ф.382 оп.4 д.565.

15 ГА РФ Ф. Р382 оп. 4, д. 891.

вало составлять «артели». Это была попытка использовать традиционную для крестьян форму коллективной организации, основанную на коллективном труде и взаимной ответственности для контроля над рабочей силой и предотвращения дезертирства с торфоразработок.[16]

Инструкция демонстрирует, что набор торфяников в 1921 году был не простым наймом, а государственно организованным отходничеством. Что позволяло контролировать поток избыточный рабочей силы в города.

Процесс восстановления кадрового состава промышленности протекал неравномерно и осложнялся массовым оттоком рабочей силы, принявшим значительные масштабы. Стабилизация и рост численности пролетариата обозначились лишь к середине 1920-х годов. Динамику этих изменений наглядно иллюстрирует пример восточного Подмосковья. К середине октября 1925 года в регионе функционировало девять текстильных предприятий, совокупная численность рабочих на которых достигла 14 237 человек. Важно подчеркнуть, что данные предприятия были не только восстановлены, но и подверглись параллельной реконструкции. В частности, в 1924–1925 хозяйственном году три ведущие фабрики – Павлово-Покровская, Старо-Павловская и Ленская – осуществили обновление основных производственных фондов. Следствием модернизации и общего восстановления экономики стал устойчивый рост занятости. Если на 1 октября 1924 года на Ленской фабрике трудился 1 215 человек, а на Павлово-Покровской – 5 769, то к 1 августа 1925 года их численность возросла до 2 540 и 6 239 человек соответственно.[17]

Дефицит трудовых ресурсов, обострившийся к 1930 г., потребовал пересмотра механизмов кадрового обеспечения экономики. В ответ на сложившийся дисбаланс государственный аппарат активизировал применение административных рычагов в сфере организованного набора и переселения рабочих, направляя их в ключевые секторы: промышленное производство, капитальное строительство и транспорт.[18]

В условиях ликвидации безработицы и острого дефицита рабочих кадров, обусловленного форсированием индустриализации, активизировались процессы мобилизации и перераспределения трудовых ресурсов. Ключевым вектором государственной политики в данной сфере стали решения III сессии ЦИК СССР (январь 1931 г.), где в качестве первоочередной задачи было обозначено кадровое обеспечение народного хозяйства, с особым акцентом на подготовку квалифицированных специалистов. В постановлении ЦИК СССР Наркомат труда наделялся статусом единого

16 ГА РФ Ф. Р382 оп. 4, д. 891.

17 Города Подмосковья. Кн. 2. – М.: Московский рабочий, 1980. 608 с.

18 *Волошинова И.В.* Роль промышленного переселения в освоении природных ресурсов СССР в 1920-1930-е гг // Записки Горного института. 2010.

организующего, планирующего и регулирующего центра по всем вопросам распределения и использования рабочей силы.[19]

Важнейшим направлением работы сессии стала выработка механизмов комплектования промышленных кадров. В качестве основных резервов пополнения рабочего класса были определены пять категорий населения: семьи рабочих и служащих, сельскохозяйственные батраки, участники кустарно-промысловой кооперации, колхозники, а также бедняки и середняки из единоличного сектора.[20]

Структурный анализ обозначенных источников свидетельствует, что подавляющее большинство из них (три из пяти) принадлежало к сельскому населению. Принимая во внимание, что удельный вес кустарей в формировании кадрового ядра индустриального пролетариата был незначительным, следует заключить, что именно крестьянство выступило главным и наиболее массовым донором рабочей силы, обеспечив демографический базис для радикальной трансформации социальной структуры советского общества.

Опыт Советской России 1920-х – начала 1930-х годов демонстрирует сложный и противоречивый процесс преодоления острейшего дефицита кадров в условиях разрушенной экономики, социальных потрясений и смены хозяйственных моделей. Первоначальные попытки решения проблемы через принудительные трудовые мобилизации и административное регулирование рынка труда в рамках политики военного коммунизма оказались неэффективными. Переход к НЭПу, возродив рыночные механизмы, одновременно обнажил как старые структурные диспропорции, такие как аграрное перенаселение, массовая безработица, так и новые управленческие проблемы.

Таким образом, исторический опыт 1920-х годов показал, что в условиях глубокого социально-экономического кризиса и дефицита ресурсов решение проблемы кадрового обеспечения не может быть достигнуто только рыночными или только административными методами. Лишь в конце десятилетия, с переходом к политике форсированной индустриализации и плановому распределению трудовых ресурсов, Советскому государству удалось создать механизм, обеспечивший, пусть и ценой огромных социальных издержек, перераспределение трудовых ресурсов из аграрного сектора в промышленный. Этот опыт наглядно демонстрирует тесную взаимосвязь между экономической политикой государства, институциональным развитием и методами регулирования рынка труда, что сохраняет свою актуальность и для современных вызовов.

19 *Волошинова И.В.* Роль промышленного переселения в освоении природных ресурсов СССР в 1920-1930-е гг // Записки Горного института. 2010.

20 *Там же.*

Библиографический список:

1. Бахутов А. Безработица и пути ее изжития. – М.-Л., 1930.
2. Волошинова И.В. Роль промышленного переселения в освоении природных ресурсов СССР в 1920-1930-е гг // Записки Горного института. 2010. Т. 187. С. 165-169.
3. ГА РФ Ф.382 оп. 4. д. 1144.
4. ГА РФ Ф. Р382 оп. 4 д. 484.
5. ГА РФ Ф.382 оп.4 д.565.
6. ГА РФ Ф. Р382 оп. 4, д. 891.
7. ГА РФ Ф.Р382 оп. 4 д. 1145.
8. Города Подмосковья. Кн. 2. – М.: Московский рабочий, 1980. 608 с.
9. Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. – М.: ЦСУ СССР, 1926. 192 с.
10. Суворов К.И. Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы при переходе от капитализма к социализму (1917-1930 гг.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.00. – Москва, 1968. 613 с.
11. Степанов Д. Увеличивает ли рационализация безработицу? – М.-Л., 1929.
12. Шахматов А. Безработица и борьба с ней. – М.: 1928.
13. Шварцман Д. Как Советская власть и профсоюзы борются с безработицей. – М.-Л., 1927.
14. Гончарова Н.А., Бобров А.Д., Панаетов И.А., Хронова И.А. Роль и структура налоговых отчислений в комплексной оценке расходов компании на персонал // Альманах "Крым". 2025. № 49. С. 54-62.

Reference

1. Bakhutov A. Unemployment and Ways to Overcome It. Moscow-Leningrad, 1930.
2. Voloshinova I.V. The Role of Industrial Resettlement in the Development of Natural Resources in the USSR in the 1920s-1930s // Zapiski Gornogo Instituta. 2010. Vol. 187. P. 165-169.
3. GA RF F.382 op. 4, d. 1144.
4. GA RF F. R382 op. 4, d. 484.
5. GA RF F.382 op. 4, d. 565.
6. GA RF F. R382 op. 4, d. 891.
7. GA RF F. R382 op. 4, d. 1145.
8. Cities of the Moscow Region. Book 2. Moscow: Moskovsky Rabochy, 1980. 608 p.
9. Lubny-Gertsyk L.I. Population Movement on the Territory of the USSR During the World War and Revolution. Moscow: Central Statistical Administration of the USSR, 1926. 192 p.
10. Suvorov K.I. Historical Experience of the CPSU in Eliminating Unemployment during the Transition from Capitalism to Socialism (1917-1930): Doctor of Historical Sciences Dissertation: 07.00.00. Moscow, 1968. 613 p.
11. Stepanov D. Does Rationalization Increase Unemployment? Moscow-Leningrad, 1929.
12. Shakhmatov A. Unemployment and the Fight Against It. Moscow: 1928.
13. Shvartsman D. How Soviet Power and Trade Unions Fight Unemployment. Moscow-Leningrad, 1927.
14. Goncharova N.A., Bobrov A.D., Panaetov I.A., Khronova I.A. The role and structure of tax deductions in the comprehensive assessment of the company's personnel costs // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 54-62.

Нагаева Г.А.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры инженерных дисциплин и управления. Новороссийский политехнический институт (филиал) Кубанского государственного технологического университета, г. Новороссийск.

Трактирный промысел в российской провинции конца XIX – начала XX вв. (на примере портового города Новороссийск)*

Аннотация. В предлагаемой статье дан анализ развития трактирного промысла в провинциальном портовом городе Новороссийск. Представлена сравнительная характеристика разных категорий заведений этого вида предпринимательства. В исследовании также дается краткое описание эволюции российского законодательства в отношении трактирных заведений с 1719 по 1893 г. Автор использует в качестве источниковой базы данные официальных справочников, архивные документы и периодическую печать рассматриваемого периода. В конце работы приводится вывод об особенностях развития трактирного бизнеса в России вообще и Новороссийске в частности.

Ключевые слова: Новороссийск, трактирные заведения, трактирный промысел, герберги, гостиница, ресторан, предпринимательство.

Nagaeva G.A.
PhD in History, Associate Professor, Department of Engineering Disciplines and Management, Novorossiysk Polytechnic Institute (branch) of the Kuban State Technological University, Novorossiysk.

The tavern trade in the Russian provinces in the late 19th and early 20th centuries (a case study of the port city of Novorossiysk)

Abstract. The article presents an analysis of the development of the tavern trade in the provincial port city of Novorossiysk. A comparative analysis of various categories of establishments within this type of business is presented. The study also provides a brief overview of the evolution of Russian legislation regarding taverns from 1719 to 1893. The author draws upon data from official reference works, archival documents, and periodicals from the period under study as the source base. The paper concludes with an analysis

* © Нагаева Г.А.

of the specific features of the development of the tavern business in Russia in general and in Novorossiysk in particular.

Key words: Novorossiysk, tavern establishments, tavern business, Herberg, hotel, restaurant, entrepreneurship.

Прежде чем заняться анализом развития и особенностей трактирного бизнеса в российской провинции в конце XIX – начале XX вв. (на примере портового города Новороссийска), кратко рассмотрим развитие законодательной базы этого промысла.

Первое, на что указывают многие исследователи, – это сложность анализа эволюции российского законодательства в отношении трактирного бизнеса. Она обусловлена тем, что в XVII – первой половине XVIII вв. торговля съестными припасами и готовыми блюдами регламентировалась налоговыми сборами, тогда как продажа спиртных напитков находилась под пристальным вниманием государственных служб, поскольку была существенной статьей дохода казны. Очевидно, что это разные указы и положения российского законодательства, получившие четкую дифференциацию [12]. Подчеркнем, что в России долгое время владелец трактирного заведения не мог одновременно иметь в собственности винный магазин или ренсковый погреб. Также трактиры запрещалось открывать в одном помещении с разного рода питейными заведениями.

В исторической науке принято считать, что первые трактиры «на манер европейских» в России появились в правление Петра I. 6 февраля 1719 г. санкт-петербургский генерал-полицмейстер Девиер А.М. обнародовал именной указ правителя «О позволении иноземцу Петру Милле завести на Васильевском острову новое заведение под названием трактир» [34]. Последний «обязался Его Царскому Величеству на 20 саженях построить каменный дом, в котором доме иметь ему невозбранно трактир с продажею всех питей и табаку» [33].

В правление Елизаветы Петровны было принято два указа о создании гербергов (от нем. Herberge – постоялый двор, трактир [31]) в Санкт-Петербурге и в Кронштадте. В Указе от 9 июня 1746 г. герберги или трактирные дома открывались для «приезжающих из иностранных государств иноземцев и всякого звания персон и шкиперов и матросов, а также для довольства российских всякого звания людей, кроме подлых и солдатства». В них для желающих предлагались квартиры с постелями, столы с кушаньем, кофе, чай, шоколад, бильярд, табак, виноградные вина, французская водка, поставлявшаяся из государственной казны или компанейщиками. Герберги разделили на категории и определили суммы акцизного сбора. За один

год с купцов, владельцев гербергов, в казну взималось:

1) с тех, которые будут содержать квартиры с постелями, столы с кушаньем, кофе, чай, шоколад, билиярд, табак, вина виноградные, гданьскую и французскую водки, заморский элбирь и легкие полпива[1] – 500 руб.;

2) если содержать кроме стола с кушаньем будут все вышеописанное – 400 руб.;

3) кроме квартиры с постелью все вышеописанное – 300 руб.;

4) кроме квартиры с постелями и стола с кушаниями все вышеописанное – 200 руб.;

5) а если будет одно кофе, чай, шоколад и табак -– 100 руб. [35].

Указ от 13 апреля 1750 г. определял четкие правила содержания и количество гербергов: в Санкт-Петербурге – 25, в Кронштадте – 5 [36].

Указ Екатерины II от 9 декабря 1770 г. разделил номера в гербергах и трактирах на четыре разряда, установил новые суммы акцизного сбора и права содержателей заведений. Теперь в номерах разных категорий посетителям предлагались:

1. стол, ночлег и продавать вейновую водку, виноградные вина, английское пиво, полпиво легкое, кофе, чай, шоколад, курительный табак. Сбор по Санкт-Петербургу по 200 руб., по Москве 180 руб.

2. стол без ночлега, продавать вейновую водку, виноградные вина, английское пиво, полпиво легкое, кофе, чай, шоколад, курительный табак.

3. иметь один ночлег без стола, держать чай, кофе, шоколад, курительный табак, и кроме водок, прочие дозволенные питья. Сбор в Санкт-Петербурге 100 руб., в Москве 80 руб.

4. без стола и ночлега продавать только кофе, чай, шоколад, курительный табак, и кроме водок, прочие дозволенные питья. Сбор в Санкт-Петербурге 80 руб., в Москве 60 руб.

Воспользоваться услугами гербергов и трактиров, по-прежнему, могли людей всякого звания, кроме подлых и солдат. Везде, независимо от категории номера, «для увеселения приходящих» разрешалось иметь бильярды. В провинциальных и уездных городах размер сбора определяли губернаторы, но не меньше трети от заявленной суммы в столице. Содержать герберги и трактиры в городах могли только мещане, а в уездах «люди всякого звания, кроме дворянских и духовных чинов» [37].

Позже, 2 февраля 1821 г. было утверждено положение «О гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевнях в Петербурге и в Москве» [23], согласно которому трактиры первого разряда стали официально именоваться гостиницами [18].

В соответствие с положением «О гостиницах, ресторациях, кофейных

1 Полпиво – это устаревшее название лёгкого, слабого по крепости пива.

домах, трактирах и харчевнях во всех губернских, портовых и уездных городах» от 14 марта 1821 г. устанавливалась новая классификация заведений, которые можно было содержать в городах Российской империи. Это гостиницы, рестораций, кофейные дома, трактиры, харчевни [24]. Число подобных заведений в городе не ограничивалось. Этот вопрос становился прерогативой губернского начальства. Содержать данные заведения имели право купцы всех трех гильдий, мещане и торгующие крестьяне, имеющие установленные свидетельства на право торговли. Один человек мог содержать только один трактир. Касаемо гостиниц, рестораций, кофейных домов и харчевен правила позволяли одному человеку иметь сразу несколько заведений «одного или разного рода». Главным правилом было – наличие отдельного свидетельства на каждое заведение. Как и ранее содержатели питейных домов в городах не имели права содержать заведения трактирного промысла. Также был четко определен перечень предлагаемых заведениями услуг.

Гостиницы предоставляли содержание особых для найма покоев в разных отделениях; стола, «разумея тут как кушанье, так и разные к десерту употребляемые вещи и напитков, кои для надобностей жительствующих в домах сих, или посещающих оные нужны быть могут, как то: виноградных вин, водок всякого рода российских и иностранных, рома, коньяка, шрома[2], ликеров, пива, портера, меда, кофе, чая и шоколада». В гостиницах можно было иметь один бильярды.

Ресторациям разрешалось предлагать посетителям еду и десерты. Продавать для употребления на месте виноградное вино, иностранную и российскую водку, ликер, пиво, портер [3], мед, кофе.

Содержать кофейные дома можно было не только в собственных и наемных домах, но и в подвижных палатках, устанавливаемых во время народных гуляний. В их ассортимент входили мороженное, лимонад, аршад[4], кофе, шоколад, иностранные и российские ликеры, фрукты, варенье, конфекты, пирожное, крендели и другие кондитерские изделия.

В трактирах подавали еду, чай и кофе. А также для употребления на месте виноградные вина, разные сорта иностранной и российской водки, шром, арак[5], ликер, пунш, легкое полпиво, мед, пиво и портер. В трактире можно было содержать не более двух бильярдных столов.

2 Шром – это напиток из лимонного сока или других кислых фруктов, особенно цитрусовых, сахара и рома [См.: 1. С. 583-584].

3 В России в XVIII-XIX вв. портер воспринимался как особый, элитный вид крепкого тёмного пива, сильно отличавшийся от массовых сортов того времени [См.: 13].

4 Оршад (оржад) – это прохладительный напиток различных способов приготовления, обычно из миндального молока с сахаром [См.: 14].

5 Арак – водка, выгнанная из сахарного тростника, патоки, риса или изюма [См.: 11. С. 53].

Харчевни могли посещать «люди низшего класса», которым предлагалась еда в вареном, печеном и жареном виде, полпиво, обыкновенный квас и кислые щи[6].

В гостиницах, ресторанах и трактирах строго запрещалось содержать и продавать простое хлебное вино и приготовленные из него наливки. Этими напитками имели право торговать исключительно казенные питейные дома.

Вход в гостиницы, рестораций, кофейные дома и трактиры дозволялось всем «в пристойной одежде и наружной благовидности». Солдатам, людям в ливрее и женщина посещать заведения запрещалось. Исключение составляли работницы трактира. Во всех заведениях запрещались музыка, танцы и пение. Продажа еды и напитки, в соответствие с указом, осуществлялась ежедневно с 9.00 до 23.00. Исключение составляли гостиницы, где еда подавалась в любое время [24].

19 сентября 1822 г. было утверждено «Положение о трактирах по уездам Великороссийских губерний», согласно которому все находящиеся заведения в уездах великоросских губерниях: трактиры, гостиницы, рестораций, кофейные дома, кухмистерские столы и съестные трактиры стали называться трактирами. В селении, посаде, заштатном городе разрешалось открыть только один трактир. Содержать их имели право купцы 2-ой и 3-ей гильдии, и торгующие крестьяне, имеющие свидетельства на право торговли по этим гильдиям [25].

4 июля 1861 г. было утверждено новое «Положение о трактирных заведениях», разделившее трактирные заведения на учреждения с отдачей и без отдачи комнат внаем [26]. В категорию трактирных заведений вошли: гостиницы; подворья; меблированные квартиры (в столицах), если у одного хозяина отдается более шести комнат; собственно трактиры; рестораций; кофейные дома; греческие кофейные (в Москве); кафе-рестораны и кухмистерские столы для приходящих; харчевни; буфеты при театрах, балаганах, пароходах, на пароходных пристанях, станциях железных дорог, в клубах и публичных собраниях разного рода; такие фруктовые и овощные лавки, где в особых покоях предлагаются, на месте, закуски и завтраки разными съестными припасами; городские галереи (в Москве), с правом «держать стол» и продавать напитки; открываемые, на весь летний период, палатки на гуляниях.

Содержателям трактирных заведений можно было продавать еду на месте и на вынос, десерты, кондитерские изделия; только для употребления на месте виноградные вина, спиртные напитки, портер, пиво и мед, табак и сигары. Разрешалось (кроме харчевен) иметь бильярды, дозволенные за-

6 Кислые щи – это старинный русский медово-солодовый напиток, разновидность сильногазированного хлебного кваса [См.: 17. С. 10, 14, 18.]

коном игры и музыку. Содержать трактирные заведения имели право купцы всех трех гильдий, мещане, а также цеховые и крестьяне, торгующие по свидетельствам всех четырех категорий. При наличии отдельного свидетельства на каждое заведение, можно было иметь одновременно несколько [26]. В 1861 г. женщинам разрешили посещать рестораны [30, с. 110].

После краткого анализа эволюции законодательства в отношении трактирного промысла, рассмотрим, на примере Новороссийска, развитие данного бизнеса в российских провинциальных городах в конце XIX – начале XX вв.

В 1860 г. в России, соблюдавшей условия Парижского договора 1856 г., был упразднен город Новороссийск [19]. Его возрождение начинается с принятия указа «Об учреждении на северо-восточном берегу Черного моря Черноморского округа» и последующего Положения о заселении этого округа и управлении им от 10 марта 1866 г.[16].

После восстановления статуса города в 1866 г. Новороссийск активно заселяется [22]. Этому способствуют льготы поселенцам, даруемые Указом и распространявшиеся, в том числе на переезжающих иностранцев. Именно эмигранты в большей степени открывают трактирные заведения в городе. Это, в первую очередь, греческие, турецкие и персидские подданные.

Согласно архивным документам, в городе в 1870-е – 1880-е гг. трактирные заведения имели новороссийский мещанин Абрам Фельдман [38]; темрюкский мещанин Николай Проценко [51]; кутаисский житель Давид Годуадзе [53]; грекоподданный Георгий Сиако [54]; темрюкский мещанин Яни Деманди Комбур-Оглы [52]; керчь-еникальский мещанин Георгий Аспира [50].

После принятия нового «Положения о трактирном промысле» в 1893 г. заведения разделились на трактиры «с отдачей питей и без отдачи питей» [27]. В 1900-х гг. в Новороссийске трактирные заведения, не торгующие крепкими напитками имели Яни Оглы Ланионос Яни, Нерсесов Багдасар Арутюнович; турецкоподданные: Хионопуло Георгий Панайотович, Деоманди Онуфрий Константинович, Муратов Георгий, Курукли Афанасий Федорович; грекоподданные: Качани Юлиан, Графас Антон Иванович [41]; Аведисов Карапет, Амаладиди Панаиоти Лазаревич, Богулов Григорий Иванович, Левтеров Панаиоти Иванович, Махметов Иван Харлампиевич, Морутов Григорий Дмитриевич, Понексаев Иван Александрович, Трояновский Игнатий Викентьевич, Федор-Оглы Лука Георгиевич, Чепурин Петр Ефремович, Яни-оглы Ланианос [3, с. 412]; Алхазов Богдан Мартынович, Герасимов И.В, Назаров Д., Фанаилов Владимир Васильевич [4, с. 383], Геурков [45], Оганес сын Вартана [44].

Биографии некоторых из названных предпринимателей можно проследить по архивным данным и справочным документам. Приведем не-

которые из них. Новороссийский мещанин Чепурин Ефремий Иванович в 1876 г. имел одноэтажный дом с подвалом в 15 квартале на углу улиц Мартыновской (ныне ул. Рубина) и Цемеской (ныне ул. Губернского) на участке под № 79. Одну часть дома он сдавал внаём, в другой жил с семьей. В частности, в 1877 г. новороссийский купец 1-й гильдии Григории Чувалджи по этому адресу содержал бакалейную лавку [55].В 1901 г. уже сын мещанина – Чепурин Петр Ефимович сдавал помещение Панайотову Георгию Георгиеву (Григорьевичу) под кофейню [3, с. 403], а во второй части дома сам владелец содержал трактир. Интересно, что кофейня была зарегистрирована по Мартыновской ул., а трактир на Цемесской ул. [3, с. 412]. В 1902 г. Петр Ефимович содержал в своем доме духан [4, с. 383]. Примерно в эти же годы Чепурин занимался рыбным промыслом [46], а также имел дачный участок и являлся членом Кавказского приморского курорта в Широкой Балке [10, с. 45-46]. Петр Ефимович, как домовладелец, имел право голоса на выборах гласных Новороссийской городской думы [64].

Фанайлов Владимир Васильевич, из керченских мещан. Родился примерно в 1867 г., православного вероисповедания. 20 августа 1881 г. окончил керченское церковное училище [39]. В конце XIX в. переезжает в Новороссийск. Был женат на Анне Кузьминичне, урожденной Алексеевой. Имел детей: Павла (1894 г.р.) [56], Марию (1897 г.р.), Георгия (1902 г.р.), Антонину (1909 г.р.), Анну (1912 г.р.) [39]. Занимался бакалейной торговлей. Имел лавки в 1901 г. на ул. Милютинской (ныне ул. Фисанова) [3, с. 396], в последующие годы в собственном доме на ул. Стандартская, 2 (ныне ул. Аршинцева) [6, с. 148]. В 1902 г. содержал духан на ул. Богдановской (ныне ул. Котовского) [4, с. 383].

К началу Первой мировой войны является купцом 2-й гильдии и активным общественным деятелем города с достойным послужным списком.

Несколько раз избирался: гласным Новороссийской городской думы на 1904–1907, 1908-1911, 1912-1915 гг.; торговым депутатом – 1905, 1907, 1915 гг.; председателем Мефодиевского кладбищенского попечительства – 1902-1905, 1909-1912 гг.; санитарным попечителем по 2-му участку города – 1903, 1904, 1907 гг.; членом учетного комитета Новороссийского городского общественного банка – 1905, 1907, 1908 гг. Весной 1914 г. являлся членом комиссии по переоценке базарных мест Мефодиевского поселения [40].

Некоторые трактирные заведения в Новороссийске открывались на короткий срок, поэтому сложно проследить жизненный путь их владельцев. Но были предприниматели, не менявшие своей специализации многие годы. К ним относится торговец Трояновский Игнатий Викентьевич [64]. Он содержал трактирное заведение в Новороссийске по адресу Цемесская ул., 15 в доме Киприаниди больше 15 лет. Первое упоминание о его трактире встречаем в архивных документах в 1901 г. [3, с. 412], по-

следнее – в 1917 г. [8].

Как следует из представленного перечня, трактирный бизнес в городе был развит. Укажем на характерную особенность касающихся их категорий. Первые заведения, регистрируемые в Новороссийске в 1870-х – 1890-х гг. были в большей степени харчевни, трактиры, духаны. С 1900 г. их начинают активно вытеснять рестораны и кофейни. Данная тенденция была характерна для большинства регионов России.

В ряде источников встречаются разночтения в указании категории заведения у одного владельца. Особенно это касается кофеен и кафе, а также ресторанов и трактиров. Например, греческий подданный Антон Иванович Графас в 1900 г. одновременно содержал на углу Воронцовской (ныне ул. К. Маркса) и Раевской улиц (ныне ул. Новороссийской республики) в доме Карасика, по данным разных источников, харчевню без права торговли крепкими напитками [42] и ресторан [7, с. 2632] (где по общим правилам продавать спиртное разрешалось). В 1901 г. по этому же адресу за ним числится кофейня [3, с. 403]. В 1904 г. зарегистрирована кофейня «Центральная» без указания владельца [32, с. 12]. Данные неточности усложняют систематизацию полученных данных.

Массовое появление ресторанов в Новороссийске, как уже упоминалось выше, пришлось на начало XX в. В первую очередь их открывали при гостиницах, которых в портовом городе было достаточное количество. Большая их часть располагалась в центре старого города.

Первоклассные заведения принадлежали семье отельеров Морозовых. Гостиницей «Европа», располагавшейся в двухэтажном доме купца Богдасарова на углу Серебряковской (ныне ул. Советов) и Мартыновской улиц [20] управлял Михаил Антонович, а после его смерти Таисия Антоновна [47]. Роскошный ресторан при этой гостинице работал до 2:00, а с 13:00 до 18:00 посетителям предлагали обеды стоимостью от 40 копеек до 1 рубля [32, с. 12]. Имелись отдельный зал для заказов, телефон, газеты и журналы. В меню была представлена изысканная кухня, русские и иностранные вина, свежее пиво разных сортов [68].

Гостиница Алексея Антоновича Морозова находилась на Серебряковской ул. в доме купца Н.Ф. Кононенко. В 1914 г. эта гостиница уже известная как отель «Метрополь» [18]. В ней работал отличный ресторан с отдельными кабинетами. Его зал был украшен декоративными тропическими растениями. Для гостей играл приглашенный салонный оркестр под управлением известного солиста-скрипача Валериана Семенова. Кухня ресторана была рассчитана на самый изысканный вкус клиентов [15, с. 31].

На Серебряковской ул. в здании Первого общественного собрания также располагался ресторан, где можно было отобедать за 50 копеек [63, с. 154-155].

В первой части города на Романовской ул. (ныне ул. Свободы) [64] работал ежедневно да 24.00 «Коммерческий ресторан», в котором с 12.00 до 16.00 можно было пообедать в пределах 35 – 75 копеек [32, с. 12]. На Раевской ул. на территории гостиного двора работала гостиница «Слон», принадлежавшая крестьянину Михаилу Николаевичу Панарину. При ней некто С.А. Терещенко арендовал ресторан, пользовавшийся успехом у публики настолько, что в 1913 г. Панарин получил разрешение Городской управы на строительство пристройки каменной кухни ко второму этажу гостиницы [48]. С началом Первой мировой войны в 1914 г. и введением сухого закона ресторан был закрыт [2]. Сама гостиница продолжила свою работу даже после национализации в 1917 г. [57].

Оба заведения – «Коммерческий ресторан» и «Слон» – пользовались успехом, и, как утверждали обыватели, «в них можно достать приличную закуску, вино кавказское и местное» [28, с. 17].

В 1910-е гг. на углу Раевской и Воронцовской улиц располагался также ресторан «Центральный» Н. Читайшвили, где можно было заказать обед из тех блюд за 75 копеек [63, с. 165]. Заведение имело роскошную летнюю веранду, большой зал и отдельные кабинеты, с 19. 00 до 2.00 играла музыка. Из окон открывался вид на море и бульвар. Меню составляли европейские и кавказские блюда, из свежих местных и привозных продуктов. В ресторане по предварительному заказу проводились вечера и свадьбы [61].

Популярным местом отдыха горожан и гостей Новороссийска были заведения Алхазовых – гостиница «Венеция»[7] и ресторан «Кахетия», также располагавшиеся в центре старого города, Телявивские мещане братья Богдан и Аршак (Аркадий) Мартыновичи Алхазовы [64] поселились в портовом городе приблизительно в начале XX в. и сразу заняли свою нишу в сфере ресторанного бизнеса. В 1902 г. Богдан Мартынович имел духан на углу Раевской и Воронцовской улиц [4, с. 383]. Также они сдавали свой дом по Цемесской улице внаем турецкоподданному Дмитрию Георгову под заведение трактирного промысла со сдачей меблированных комнат и продажей горячей пищи [43].

Несколькими годами позже Богдан Мартынович открывает ресторан «Кахетия» на Агентской ул., дом № 8 (ныне переулок им. Мичурина) [65]. Аркадий Мартынович владел гостиницей «Венеция» [67], в которой располагался ресторан [29] имевший бильярдную, принадлежащую его брату Богдану [66]. Меню обоих ресторанов представляло собой рай для гурманов. Это блюда европейской и кавказской кухни, шашлык из карачаевского

7 Точный год строительства и открытия гостиницы «Венеция» не установлен. Известно, что ресторан уже работал в 1908 г. Достоверные сведения о здании гостиницы по Воронцовской ул. (ныне ул. К. Маркса, 13, лит. А) датируются 1910 г. Предположим, что гостиничный комплекс был отстроен позже на месте, где ранее располагался только ресторан.

молочного барашка, цыплята целые на вертеле, крымские чебуреки [65], московская навага, осетрина, сибирские рябчики, равиоли по-итальянски, шафруа из дичи[8], колдуны сибирские[9], русские и иностранные вина. В ресторанах была популярная в России услуга приобретения месячного абонемента на ежедневные завтраки, обеды и ужины, а также обеды продавали на дом [67].

Примерно в 1914 г. Алхазовы продали свой бизнес в Новороссийске. Ресторан «Кахетия» приобрел Висеарион Иванович Метревели [59], а гостиницу «Венеция» житель Кутаисской губернии Рожден Максимович Садрадзе [62]. В 1917 г. оба заведения были национализированы [9].

Во второй части города известный ресторан находился в гостинице «Франция» на Береговой ул. (ныне ул. Портовая) в двухэтажном здании, принадлежащем Домовладельческому товариществу. В 1900-е гг. содержателем гостиницы был Павел Монтришар [18]. Его ресторан работал ежедневно до 2.00, с 12.00 до 16.00 подавались комплексные обеды стоимостью от 60 копеек до 1 рубля [32, с. 12]. В 1910-е гг. гостиница поменяла владельца. Им стал К.Е. Максимов [68]. Теперь заведение имело бильярд, отдельные кабинеты, читальню, где предлагались журналы, русские и заграничные газеты. Еду готовили из местных и привозных продуктов. Меню из двух блюд на выбор с вином ¼ бутылки или 1 бутылка пива стоимостью 1 рубль. Также предлагалось вино по особому заказу товарищества Санэ, пиво Стрицкого, Мартовское и Калинкина, русские и заграничные вина. Ежедневно подавались блины и тамбовская ветчина, по сезону свежая икра, семга, вальдшнепы[10] и разная дичь [68]. В 1918 г. гостиница «Франция» была национализирована [58].

В 1910-е гг. на углу Вокзальной (ныне ул. Элеваторная) и Французской (ныне ул. Робеспьера) улиц Карапет Калустович Мултанов содержал гостиницу «Россия» и ресторан[11]. В меню, по традиции новороссийских заведений, предлагались блюда европейской и кавказской кухни. Для увеселения публики предлагалась оркестровая или фортепианная музыка. Цены в ресторане были умеренными [60].

Подводя итог вышеизложенному отметим, что в конце XIX – начале XX вв. трактирный промысел в Российской империи был одним из самых

8 Шофруа из дичи – это изысканная холодная закуска из отварного или жареного мяса дичи, залитого специальным застывающим мясным желе или покрытого особым соусом шофруа.

9 Колдуны сибирские – это мясное блюдо с квашеной капустой в тонком тесте.

10 Вальдшнеп – небольшая птица семейства бекасовых, гнездящаяся в умеренном и субарктическом поясе Евразии.

11 Примерно в 1920-е гг. в Новороссийске было одновременно две гостиницы «Россия». Одна на Вокзальной ул., 10, а вторая на ул. Губернского, 20.

прибыльных и быстроразвивающихся видов предпринимательства. Высокая выгода владения данным бизнесом обуславливалась глубокими социально-экономическими изменениями в стране, особенностями быта населения и государственной политикой, выразившейся в формировании четкой законодательной базы.

Существовало несколько причин популярности трактирного промысла, характерных для всех российских территорий, включая провинцию. Данные заведения той поры были гораздо больше, чем просто ресторанами: они заменяли собой множество различных предприятий. Многие сочетали в себе функции объектов общепита и средств размещения, предоставляя услуги по аренде комнат. Трактиры делились на классы: от элитных ресторанов до дешевых харчевен. Предприниматель мог выбрать категорию промысла с любым объемом стартового капитала. В заведениях более высокого уровня оформлялись деловые соглашения, подписывались контракты и организовывались встречи биржевиков. Продажа крепкого алкоголя, пива и медовухи обеспечивала стабильно высокую прибыль.

Развитие данного вида предпринимательства в городе Новороссийске имело свои местные особенности. Территория активно заселялась и осваивалась после принятия в 1866 г. указа «Об учреждении на северо-восточном берегу Черного моря Черноморского округа», даровавшего переселенцам, в том числе иностранцам, существенные льготы.

В результате бурно развивающейся промышленности и формирования торгово-транспортного узла территория стала привлекательной для разного рода деловых людей, которым по приезде в город нужно было где-то размещаться и питаться. Трактирные заведения в городе чаще всего содержали греческие, турецкие, персидские подданные, охотно переселявшиеся в том числе из-за схожего с родным, а потому комфортного им климата. Немаловажным был гендерный фактор. Во вновь осваиваемые территории ехали в большом количестве неженатые мужчины в возрасте 16–30 лет [21], которые не имели собственного жилья с кухней и арендовали лишь «углы», где готовить было невозможно. Горячую пищу на каждый день они могли найти только в трактире. Развитию промысла в Новороссийске способствовал и приток туристов, которых привлекало морское побережье с климатом, близким к средиземноморскому.

Библиографический список / Reference

1. Багриновский Г.Ю. Энциклопедический словарь спиртных напитков. – М.: Астель, 2003. 1342 с.
2. Военный листок газеты // Черноморский курьер. 1914. 16 октября. С. 2.
3. Вся Донская область и Северный Кавказ. Адрес-календарная, торгово-промышленная справочная книга... на 1901 год (год издания 7-й) / сост. Д.С. Нейфельд. Ростов-н/Д, 1901.
4. Вся Донская область и Северный Кавказ. Адрес-календарная, торгово-промышленная справочная книга... на 1902 год / сост. Д.С. Нейфельд. Ростов-н/Д, 1902.

5. Вся Донская область и Северный Кавказ: Учреждения и должностные лица. Промышленные и торговые предприятия... на 1908 год (год издания 14-й) / сост. Д.С. Нейфельд. Ростов-н/Д, 1908.
6. Вся Донская область и Северный Кавказ. Адрес-календарная, торгово-промышленная справочная книга... на 1912 год / сост. Д.С. Нейфельд. Ростов-н/Д, 1912.
7. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. – СПб.: А.С. Суворин, 1895-1902. 1900. Т. 1.
8. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 468. Оп. 2 Д. 578. Л. 260.
9. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2 Д. 578. Л. 259.
10. Гусенин И.А. Новороссийские дачи: история дачного посёлка в Широкой балке / Игорь Гусенин. – (б.м.) Издательские решения, 2023. 156 с.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. 4-е испр. и. доп. изд. – СПб.; М.: М.О. Вольф. Т. 1: А-З. 1912. 930 с.
12. Долгих Е.В. История общественного питания в России по законодательным источникам (1626–1861 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 5 (29). С. 605-619.
13. Егоров П.В. Лучшее пиво Российской Империи // URL: https://profibeer.ru/beer/11484/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F.
14. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. // URL: https://www.efremova.info/word/orshad.html.
15. Зорина А.П. Новороссийск на дореволюционных открытках. – Тула: Платонов И., 2012. 159 с.
16. Извлечение из высочайшего Положения о Черноморском округе от 10 марта 1866 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 41. – СПб., 1868. № 43093. С. 237-242.
17. Ковалёв Н.И. Два главных супа русской кухни // Блюда русского стола. – СПб.: Лениздат, 1995. С. 10, 14, 18.
18. Нагаева Г.А. Гостиницы как элемент городской инфраструктуры в дореволюционной России (на примере города Новороссийска конца XIX – начала XX вв.) // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции / отв. ред. И.И. Горлова. – М., 2021. С. 227-233.
19. Нагаева Г.А. Исторические факторы формирования населенных пунктов (на примере Черноморского побережья Краснодарского края) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 24-37.
20. Нагаева Г.А. История семьи новороссийских предпринимателей Богдасаровых (в продолжение исследования В.И. Колесова) // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 9 (97). С. 4319-4328.
21. Нагаева Г.А. Социальные характеристики населения Черноморской губернии (по всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.). // Наука и социум: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В. 2 ч. / ответственный редактор Е.Л. Сорокина – Новосибирск: АНО ДПО «СИПППСР», 2018. Ч. 2. С. 18-20.
22. Нагаева Г.А. Трансляция историко-культурного наследия дореволюционного Новороссийска в экскурсионной работе // Культурно-познавательный туризм Юга России как стратегический ресурс укрепления российской государственности: сборник научных статей по итогам Всероссийской научной конференции. 2015. С. 246-250.
23. Положение «О гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевнях в Петербурге и в Москве» от 2 февраля 1821 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. 37. – СПб., 1830. № 28538. С. 581-591.
24. Положение «О гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевнях во всех губернских, портовых и уездных городах» от 14 марта 1821 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. 37. – СПб., 1830. № 28586. С. 656-667.
25. Положение «О трактирах по уездам Великороссийских губерний» от 19 сентября 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. 38. – СПб., 1830. № 29.887. С. 615-619.
26. Положение «О трактирных заведениях» от 4 июля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 36. – СПб., 1863. № 37198. С. 70-78.
27. Положение «О трактирном промысле» от 8 июня 1893 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 13. – СПб., 1897. № 9758. С. 404-410.
28. Практический путеводитель по Кавказской Ривьере. / сост. М.А. Войно-Оранский и Л.М. Энгеман. – М.: Тип. Т-го Дома «М.В. Балдин и К°», 1914. 154 с.
29. Приказ администрации Краснодарского края от 30 ноября 2018 г. № 296-кн «Об утверждении предмета охраны, границ территории и зон охраны объекта культурного наследия регионального значения Комплекс «Исторический центр Новороссийска», VI – V вв. до н.э. – III в. н.э., конец XIX в. – середина XX в.». // URL: https://docs.cntd.ru/document/550266745.
30. Светлов С.Ф. Петербургская жизнь в конце XIX столетия (в 1892 году) / подгот. текста С.А. Ковалевой, А.М. Конечного. 2-е изд. – СПб.: Балтийские сезоны, 2008. 125 с.
31. Словарь русского языка XVIII века. – М.: РАН, 2023-2026. // URL: https://xviii.iling.spb.ru/

node/199048.
32. Справочник и путеводитель по Черноморской губернии: Новороссийск, Геленджик, Туапсе, Сочи, Хоста, Гагры. Новороссийск: Издание Канцелярии Черноморского Губернатора, 1904-1907. 2-ой т. / под ред. Черноморского вице-губернатора А.А. Березникова. 391 с.
33. Травер П.В. История и образ кабака и трактира в русской культуре. / История и современность. № 1. 2013. С. 90-109.
34. Указ «О позволении иноземцу Петру Милле завести на Васильевском острове новое заведение под названием «трактир»». Именной, объявленный генерал-полицмейстером Девиером 6 февраля 1719 г. // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 5. № 3299. С. 649.
35. Указ «Об учреждении в Санкт- Петербурге и в Кронштадте гербергов, и об отдаче оных в содержание Российским купцам» от 9 июня 1746. Сенатский, вследствие именного // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. 12. – СПб., 1830. № 9294. С. 558-559.
36. Указ «О бытии в Санкт-Петербурге двадцати пяти, а в Кронштадте пяти герберам и о правилах содержания их» от 13 апреля 1750 г. Сенатский. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. 13. – СПб., 1830. № 9737. С. 252-253.
37. Указ «О разделении гербергов и трактиров на четыре номера и о правах содержателей оных и откупщиков питейной продажи» от 9 декабря 1770 г. Сенатский, по высочайше утвержденному докладу // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. 19. – СПб., 1830. № 13540. С. 174-176.
38. Управление архива МО г. Новороссийск. (далее УАМОН). Ф. 4. Оп.1. Д. 3. Л.80; Там же Д. 11. Л. 3 об.; Там же. Д. 49. Л. 34.
39. УАМОН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 79. Л. 20.
40. УАМОН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 79. Л. 21.
41. УАМОН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 192. Л. 120 об. – 121.
42. УАМОН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 192. Л. 121.
43. УАМОН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 370. Л. 235.
44. УАМОН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 370. Л. 249.
45. УАМОН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 370. Л. 66.
46. УАМОН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 377. Л. 106.
47. УАМОН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 658. Л. 304.
48. УАМОН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 711. Л. 190 –192.
49. УАМОН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 711. Л. 40.
50. УАМОН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Лл. 13,15,66.
51. УАМОН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Лл. 77,78,88,89.
52. УАМОН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Лл.100-103.
53. УАМОН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 49. Л.38.
54. УАМОН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 49. Л.45.
55. УАМОН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 77.
56. УАМОН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 10. Л. 44.
57. УАМОН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 3. Л. 70.
58. УАМОН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 8. Л. 81.
59. Черноморский курьер. 1914. 4 мая.
60. Черноморский курьер. 1914. 7 мая.
61. Черноморский курьер. 1914. 20 мая.
62. Черноморский курьер. 1914. 15 июня.
63. Черноморское побережье Кавказа / сост. Ф.П. Доброхотов; под ред. Н.И. Воробьева. – Краснодар: Традиция, 2009. 527 с.
64. Черноморское побережье. 16 января 1908.
65. Черноморское побережье. 26 февраля 1908.
66. Черноморское побережье. 28 февраля 1908.
67. Черноморское побережье. 1 марта 1908.
68. Черноморское побережье. 5 января 1910.

Аннотации

Гареева Г.Н.
Салаватова Ф.Р.
Ахтарова З.А.

Тема войны и образ героя-защитника в произведениях А. Хакимова и В. Астафьева

В своих произведениях Ахияр Хакимов и Виктор Астафьев исследуют трагические события военных лет, показывая их влияние на жизнь народа, передают дух времени и чувства персонажей, создавая глубокий эмоционально насыщенный образ военного времени. Произведения этих писателей-фронтовиков отличаются не только глубиной повествования, но и аутентичностью описания событий. Авторы активно используют различные жанровые приемы, формируя сложный психологический портрет военного времени и привлекая читателей к размышлениям о ценности мира и мирной жизни.

В. Астафьев и А. Хакимов не ограничиваются внешним описанием сражений и военных действий, но также анализируют внутренний мир своих героев; показывают, как война влияет на психику солдата, меняет привычный образ жизни человека и взаимоотношения с близкими людьми; исследуют концепцию подвига, отражая определенные нравственные идеалы и ценности. Писатели передают сложность морального выбора, с которым сталкиваются их герои, акцентируют внимание на общепризнанных добродетелях, помогающих преодолеть трудности военного времени.

Результаты исследования показали, что в произведениях А. Хакимова и В. Астафьева внешне сдержанное изложение драматических событий снижает накала сюжета. Авторы используют прием монтажа: прошлое героев переплетается с их настоящим, действие периодически переносится из одного времени в другое, что дает основание говорить о сложной композиции произведений. Перестановка хроники событий продиктована желанием авторов «переключить» внимание читателей с внешней стороны происходящего на их глубинный смысл. Автобиографический характер произведений сближает читателя с героями, дает возможность дополнить документальную основу сюжета личными переживаниями писателя.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, башкирская и русская литература, проза, повесть, жанр, синтез, драматизм, герой-воин.

Амитрова М.В.

Креолизованный текст на знаках отличия военной формы РФ во время проведения специальной военной операции

Статья посвящена изучению роли креолизованных текстов на знаках отличия военной формы РФ при проведении Специальной военной операции. В статье рассматривается содержание, структура, функции креолизованного текста, отличие креолизованного текста от других видов текста (поликодового и дикодового). Подчеркивается, что креолизованный текст выступает как отдельный вид текста, поскольку вербальная и невербальная часть представляют собой единую сложную структуру, которая воздействует на восприятие его смысла и значения для адресата. Выполняя различные функции, креолизованный текст объединяет реципиентов в социальные и профессиональные группы. В военно-профессиональной сфере креолизованный текст служит источником информации о звании, подразделении военнослужащего. В период проведения Специальной военной операции роль креолизованного текста на нашивках, шевронах, патчах дополнилась неформальным значением для передачи ценностей, взглядов, создания новых смыслов близких для военнослужащих в непростой период.

Ключевые слова: креолизованный текст, поликодовой текст, дикодовый текст, шеврон, патч, военная сфера, военнослужащие, адресат.

Усмонова М.Н.

Некоторые теоретические взгляды на функционально-семантические особенности формул таджикского и английского этикета

В данной статье представлен всесторонний теоретический анализ функциональных и семантических особенностей формул речевого этикета в таджикском и английском языках с точки зрения сравнительной прагматики и социолингвистики. Опираясь на теорию речевых актов, теорию управления взаимопониманием и концепции межкультурной коммуникации, исследование анализирует системные различия в том, как эти две лингвокультуры кодируют вежливость, социальную иерархию и межличностные

отношения. В исследовании используется смешанный подход, сочетающий качественный анализ лингвистических данных из канонических работ Садриддина Айни с наблюдениями за современным употреблением языка. Анализ показывает, что таджикский речевой этикет функционирует в рамках высокоразвитой, коллективистской культурной парадигмы, подчеркивающей формальность, уважение к старшим и косвенность посредством сложных систем почета и культурной практики «Таароф». В противоположность этому, английский речевой этикет, особенно в современном американском и британском контексте, отражает ценности индивидуализма, характеризующиеся низкой дистанцией власти, приоритетом прямоты, неформальности и эгалитаризма. Эти различия систематически проявляются в формах обращения, приветствий, прощаний, просьб, извинений и выражений благодарности. Данное исследование вносит вклад в межкультурную прагматику и имеет важное значение для преподавания языков, теории перевода и обучения межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: речевой этикет, таджикский язык, английский язык, социолингвистика, межкультурная коммуникация, национально-культурная специфика, формы обращения, теория вежливости, теория речевых актов, сравнительная прагматика.

Ашрафзода Б.П.

Морфологические особенности и словообразовательный потенциал таджикского суффикса –манд в таджикском литературном языке XVIII и XIX вв.

В статье рассматриваются морфологические особенности и словообразовательный потенциал таджикского суффикса –манд в таджикском литературном языке XVIII–XIX веков на материале исторических письменных памятников – «Тухфат-ул-хани» Мухаммадвафои Карминаги и «Таърихи жадидияи Тошканд» Мухаммадсолеха Тошканди. Исследование проведено с использованием комплексной методологии, включающей описательный, деривационный, компонентный, сравнительно-исторический, количественный, контекстуальный и статистический методы анализа. В ходе работы выявлено более 60 лексических единиц с суффиксом –манд в свыше 150 контекстах. Результаты показывают, что –манд являлся высокопродуктивным имяобразующим элементом в исследуемый период, с основной деривационной моделью N/Adj + –манд → Adj и вторичной моделью N/Adj + –манд + –й → N, образующей абстрактные имена существительные. Производные охватывают семантические группы, связанные с умственными качествами, социальным статусом, эмоциональными состояниями и ценностными характеристиками. Суффикс демонстрирует значительно более высокую продуктивность по сравнению с более ранними периодами, сохраняя функциональную стабильность по отношению к современному таджикскому литературному языку. Исследование вносит вклад в историческую морфологию и диахроническую теорию словообразования таджикского языкознания.

Ключевые слова: таджикский литературный язык, суффикс –манд, словообразование, морфология, XVIII–XIX века, исторические письменные памятники, деривационные модели, продуктивность, Тухфат-ул-хани, Таърихи жадидияи Тошканд.

Бажутова М.А.
Чубарова Ю.Е.
Орлова Т.А.
Резепова Н.В.

Фонетическая интерференция в англоязычной речи русских студентов: экспериментальный анализ сегментных и просодических ошибок и их перцептивная значимость

В статье рассматривается проблема фонетической интерференции русского языка в английской речи русскоязычных студентов. Анализируются основные типы интерференции на сегментном уровне (согласные и гласные фонемы) и суперсегментном уровне (интонация, ударение) с опорой на различные классификации. Особое внимание уделяется влиянию фонетических ошибок на понимание речи и коммуникацию в целом, переносу произносительных навыков родного языка, усугублению интерференции из-за отсутствия аутентичной языковой среды. На основе анализа научной литературы и экспериментальных данных выделены наиболее типичные отклонения от произносительных норм английского языка, такие как замена межзубных звуков [θ] и [ð], звука [w] и носового [ŋ], оглушение конечных звонких согласных, неспособность различать долгие и краткие гласные, а также интонационные ошибки в вопросах, просьбах и этикетных фразах. В работе раскрывается понятие звукосмысловых ошибок, которые ведут к искажению содержания высказывания и нарушению акта коммуникации. Уделено внимание достижению «удобопо-

нимаемости» речи. Предлагаются практические рекомендации по преодолению фонетической интерференции в процессе обучения английскому языку.

Ключевые слова: русскоязычные студенты, английское произношение, звукосмысловые ошибки, понимание речи, межкультурная коммуникация, неконтактное двуязычие.

Ваджибов М.Д.

Русские заимствования в повести табасаранского писателя Шахведеда Шахмарданова «Грушевое дерево»

Целью исследования является описание заимствований из русского языка, которые были использованы табасаранским писателем Шахведедом Шахмардановым в своей повести «Грушевое дерево», написанной в 80-е годы XX столетия. В анализе в сравнительно-сопоставительном плане применены и лексемы, не представленные в повести. Новизна такой работы заключается в том, что она проводится впервые, а актуальность связана с тем, что результаты научного изыскания могут быть внедрены в преподавательскую деятельность и задействованы при составлении словарей. В подготовленном нами перечне наличествуют русизмы: 20 существительных, одно прилагательное и два глагола. К этим лексемам, которые проникли в табасаранский язык и обогатили его, активно обращались носители табасаранского языка в советский период. Правда, рецепция некоторых рассматриваемых слов, очевидно, происходила не в период создания произведения, ибо несколько заимствований, использованных в повести, вероятно, подверглись адаптации еще до появления повести. Употребленные в произведении русизмы реализуются в табасаранской речи и сегодня. Возможно, ряд слов из списка исчезнет из табасаранского языка в силу тех или иных причин.

Ключевые слова: русизмы, табасаранский язык, русский язык, художественная речь, заимствование, адаптация, лингвистические процессы, употребление, обогащение, лексема.

Вехова Е.А.
Чубарова Ю.Е.
Иванова М.Е.

Перевод французского молодежного слэнга на английский язык: лингвистические, культурные и трансформационные аспекты (на основе произведений песенного жанра)

В статье анализируется употребление слэнга в современных песнях, написанных на французском языке, и особенности их перевода на английский язык. В данной работе рассматриваются три аспекта: лингвистический, культурный и трансформационный. Авторы исследуют такие феномены молодежного социолекта как вариативность, быстрая адаптация к новой реальности и роль средств массовой информации в их распространении, включение невербальных и графических элементов, активный процесс заимствования из английского и арабского языков, из языков народов Африки и традиционного верлана. Большое внимания уделяется проблемам перевода французского песенного слэнга на английский язык, поскольку от переводчика требуется не только передача смысла, но и другого культурного кода, учет стилистической окраски и эмоционально-выразительного потенциала оригинала. Основываясь на приведенные в статье французские песни, исследование выявляет и описывает основные переводческие трансформации: эвфемизмы и дисфемизмы, конкретизация, обобщение, компенсацию, калькирование, опущение, использование описательных определений и антонимов. В статье приводятся доказательства того, что тексты песен представляют собой один из наиболее сложных обьектов для перевода, поскольку он требует от лингвиста безошибочной передачи смысла, творчества и интуиции, фоновых знаний, а также учет социальной и музыкальной специфики данного жанра.

Ключевые слова: французский слэнг, молодежный социолект, дискурс песенного жанра, перевод на английский, переводческие трансформации, верлан, код культуры, использование эвфемизмов при переводе, эквивалент, межкультурная коммуникация.

Исхакова Р.Р.
Абсалямова Л.Ф.
Байтурина Ю.М.

Англицизмы в речи современной русскоговорящей молодежи: функциональный аспект

В данной статье анализируются процессы освоения англоязычной лексики современной российской молодежью. Подробно рассматриваются экстралингвистические факторы, способствующие росту ис-

пользования элементов английского языка, механизмы их адаптации в системе русского языка, а также функциональные особенности их употребления в молодежной среде. Описывается характер взаимосвязи англицизмов с языковыми нормами; также в рамках статьи рассматриваются этапы адаптации элементов английского происхождения к нормам русского языка.

Ключевые слова: англицизмы, заимствование, русский язык, языковая норма, сленг, этапы адаптации.

Мирзоева П.В.

Структурно-сопоставительный анализ глагольных фразеологических единиц таджикского и английского языков в аспекте перевода (на материале произведений С. Айни)

В статье рассматриваются структурные особенности глагольных фразеологических единиц таджикского языка на материале произведений Садриддина Айни и анализируются способы их передачи в английских переводах. Цель исследования заключается в выявлении наиболее продуктивных структурных моделей глагольных фразеологических единиц и определении степени их эквивалентности при переводе на английский язык. В работе использованы методы структурного и сопоставительного анализа. Исследование показало, что наиболее распространённой моделью является Noun + Verb, тогда как модели Noun + Noun + Verb, Prep. + Noun + Verb и Prep. + Subs. + Verb обладают различной степенью продуктивности. Установлено, что при переводе на английский язык в большинстве случаев сохраняется основное семантическое содержание фразеологических единиц, однако их структурная организация и национально-культурная образность нередко подвергаются трансформации. Анализ переводческих решений показал, что таджикские фразеологизмы часто передаются простыми глаголами, свободными словосочетаниями или конструкциями иной грамматической структуры.

Ключевые слова: фразеологическая единица, глагольная фразеология, таджикский язык, английский язык, сопоставительный анализ, перевод, структурная модель, семантическая эквивалентность, национально-культурная специфика.

Нго Суан Биен

Роль авторских ремарок в понимании русского художественного текста: некоторые аспекты развития навыков чтения на русском языке

В статье рассматривается роль авторских ремарок в понимании русского художественного текста и и раскрывается их лингводидактический потенциал для развития навыков чтения на русском языке. Исследование носит качественный характер и основывается на описательном, контекстно-семантическом, функциональном и интерпретативном анализе взаимодействия авторских ремарок, реплик персонажей и контекста. Выделены четыре ключевых аспекта авторской ремарки, имеющие решающее значение для понимания художественного текста: контекстуальный, интонационно-речевой, эмоционально-психологический и интерпретативный. Значимость ремарок определяется как их прямым содержанием, так и их взаимодействием с репликами персонажей и коммуникативной ситуацией. В связи с этим в данном исследовании проводится различие между текстовым указанием и последующим выводом, который делает читатель. Был разработан аналитический подход, включающий поэтапные действия: выявление текстового сигнала, осмысление его словесного значения, соотнесение с высказыванием персонажа и окружающим контекстом, формирование смыслового вывода и, наконец, верификацию полученной интерпретации. Было продемонстрировано, что эффективность целенаправленного взаимодействия с авторскими аннотациями улучшает важные подпроцессы чтения. К ним относятся формирование контекстуальных связей, усвоение разнообразных текстовых данных, синтез связного вывода и его последующая интерпретация, подкрепленная обосновывающими аргументами. В этих рамках авторские ремарки концептуализируются не как изолированные инструменты совершенствования навыков, а как целостные текстовые компоненты, способствующие глубокому и нюансированному пониманию произведений русской литературы.

Ключевые слова: авторская ремарка, художественный текст, чтение, понимание текста, русский язык как иностранный, коммуникативный контекст, читательский вывод, интерпретация.

Окилова Х.А.

Морфологико-семантические особенности таджикского союза «Вагарна» и его английских эквивалентов (на основе материала «Гуломона» С. Айни)

В данной статье рассматривается морфологическая структура и семантические функции таджикского

союза вагарна и его английских эквивалентов на примере романа С. Айни «Гуломон». Исследование определяет морфологический состав вагарны как сложного союза, образованного из условной частицы агар и отрицания на, анализирует его полисемантический характер, охватывающий условно-контрастивные, противительные и условно-предупреждающие значения, и устанавливает систематическое соответствие с английскими эквивалентами, включая otherwise, or else, if not и lest. В исследовании используются описательные, сравнительные и количественные методы, анализируются 53 контекста из романа. Полученные результаты вносят вклад в таджикско-английскую контрастивную лингвистику и исследования перевода, показывая, что выбор английского эквивалента зависит от прагматических факторов, включая коммуникативное намерение, стилистический регистр и контекст дискурса.

Ключевые слова: союз, вагарна, таджикский язык, английские эквиваленты, морфологические особенности, семантические особенности, контрастивный анализ, С. Айни, «Гуломон».

Пеньковская И.И.

Дискурсивная реконструкция дефиниций операционных терминов в лекциях С.М. Эйзенштейна (на материале термина «композиция»)

В статье решается задача, поставленная, но не решенная в предыдущей работе авторов: если операционный термин лекционного дискурса С. М. Эйзенштейна принципиально не имеет словарной дефиниции, каким образом она может быть реконструирована лингвистом? Предложен и апробирован шестиэтапный алгоритм дискурсивной реконструкции словарной дефиниции операционного термина: формирование корпуса контекстов, первичная классификация употреблений, выделение смысловых компонентов, разграничение ядра и периферии значения, описание дискурсивных способов дефинирования, построение итоговой формулировки. Алгоритм апробирован на материале лекций «Возвращение солдата с фронта» (Т. 4 избранных произведений С. М. Эйзенштейна, с. 27–535), где лексема «композиция» без учета деривatов употреблена 50 раз; для детального качественного анализа отобрано 33 показательных контекста. Установлено, что ядро значения термина составляют компоненты «организация» и «взаимодействие частей», периферию – «процессуальность», «закономерность», «выразительность» и «эмоциональное воздействие». Выявлены пять дискурсивных способов дефинирования: аналогия, пример, противопоставление, описание действия, объяснение функции. Реконструированная дефиниция подтверждена сопоставлением с единственным эксплицитным авторским определением композиции. Материал и результаты исследования могут быть использованы при составлении терминологических словарей идиостиля, в лексикографической практике, а также в преподавании курсов по теории языковой личности и терминоведению.

Ключевые слова: операционная терминология, дискурсивная дефиниция, реконструкция значения, термин «композиция», алгоритм анализа, лекционный дискурс, С.М. Эйзенштейн.

Садовникова И.И.

Специфика словарного состава эвенских пословиц

Важное звено в эвенском фольклорном наследии представлено паремиологическим фондом – пословицами и поговорками. В данных лаконичных жанрах народной словесности сконцентрирован многовековой опыт эвенов, их мировосприятие и специфика хозяйственного уклада. Лексика этих выражений неразрывно сопряжена с традиционным бытом: в них широко отражена терминология, описывающая оленеводческую деятельность, животный мир, предметы домашнего обихода и климатические особенности региона. В данной работе представлен лингвистический разбор эвенских паремий, в которых отражены особенности взаимодействия этноса с окружающей природной средой (растительным и животным миром), а также специфика предметов традиционного быта. Актуальность работы обусловлена тем, что паремиологический фонд выступает своеобразным «кодом» культуры, в котором зафиксированы многовековые наблюдения народа за окружающей средой. Анализ данных номинаций позволяет реконструировать фрагменты эвенской языковой картины мира и выявить специфику взаимодействия этноса с природным и предметным окружением.

Ключевые слова: Эвенский язык, эвены, пословицы, лексика, фольклор, флора, фауна, зоонимы, метафора.

Юсупова М.А.

Морфологические особенности таджского союза азбаски и его английских эквивалентов (на основе материала «Гуломона» С. Айни)

Настоящая статья ставит своей задачей провести комплексный морфологический и функциональный анализ союза азбаски на материале романа С. Айни «Ғуломон» («Рабы») и установить типологически обоснованную систему его английских эквивалентов. Исследование выполнено в рамках контрастивной лингвистики с использованием смешанной методологии. Из романа извлечён корпус из 56 случаев употребления, из которых отобрано 10 репрезентативных примеров для углублённого анализа с учётом синтаксического окружения, модального контекста и дискурсивной функции. Анализ переводческой эквивалентности проведён с использованием систематически варьируемого набора английских каузальных союзов (inasmuch as, given that, for the reason that, seeing that, as, due to the fact that, since, considering that, on the grounds that, because), классифицированных в соответствии с эпистемико-содержательно-иллокутивным различением Сравнительный анализ показывает, что ни один английский эквивалент не передаёт азбаски единообразно; вместо этого выявляется дифференцированная система соответствий: inasmuch as – для формальной фактической каузальности; given that – для презюмируемых причин; for the reason that – для медиальных пояснительных клауз; seeing that – для инференциальной исторической каузальности; as – для контрастивных контекстов; due to the fact that – для рестриктивного фокусирования; since – для немаркированных фоновых причин; considering that – для эпистемического вывода; on the grounds that – для обоснования; и because – для прототипических каузальных отношений.

Ключевые слова: таджикский язык, английский язык, союз азбаски, каузальные союзы, сравнительное языкознание, морфологический анализ, переводческие эквиваленты, С. Айни, «Гуломон», контрастивная грамматика, каузальные отношения, эпистемическая каузальность.

Усмонова М.Н.

Теоретические основы изучения речевого этикета в различных лингвокультурах

Данная статья представляет собой систематический обзор и критический синтез основных теоретических концепций, лежащих в основе межкультурного изучения речевого этикета. В ней утверждается, что для глубокого понимания коммуникативных норм необходим интегрированный подход, выходящий за рамки простого описания языковых форм и предполагающий объяснение лежащей в их основе прагмалингвистической и социокультурной логики. Методология представляет собой теоретический синтез, в рамках которого критически рассматриваются основные положения, сильные стороны и ограничения каждой концепции. Для обоснования теоретического обсуждения в эмпирическом контексте в статье используется сравнительный анализ показательных примеров из различных лингвокультур (включая английскую, русскую, японскую и другие), демонстрирующий, как каждая теория уникальным образом освещает различные аспекты речевого этикета. Анализ показывает, что, хотя теория речевых актов обеспечивает универсальную основу для коммуникации как действия, именно теория вежливости предлагает мощную, хотя и спорную, модель для объяснения стратегического использования языка. Этнопрагматический подход обеспечивает необходимую культурную глубину, объясняя «почему» существуют те или иные нормы, в то время как интеракционная социолингвистика подчеркивает динамичный, совместно создаваемый характер этикета в реальном взаимодействии. В заключение статьи делается вывод о том, что изучение речевого этикета имеет фундаментальное значение для понимания сложного взаимодействия между языком, культурой и социальной структурой, что имеет глубокие последствия для межкультурной коммуникации, обучения иностранным языкам и глобальной дипломатии.

Ключевые слова: речевой этикет, теоретические основы, прагматика, теория вежливости, теория речевых актов, культурные сценарии, интеракционная социолингвистика, межкультурная коммуникация, лингвокультура.

Минакова И.В.
Дедюхин В.С.

Репрезентация освобождения нацистского концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау (Освенцим) в российских и зарубежных официальных текстах

Авторами осуществлен сравнительный анализ репрезентации освобождения нацистского концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау (Освенцим) Красной Армией в современном российском официальном дискурсе и в официальных текстах зарубежных стран. Установлено, что конфликт интерпретаций вокруг освобождения Освенцима является частью более широкой «войны памяти», где каждая сторона использует событие для легитимации собственных политических позиций в настоящем. На основе проведённого анализа выявлены системные расхождения между российским и зарубежным дискурсами по клю-

чевым параметрам: именование освободителя, отношение к дипломатическому участию России и функции исторической памяти. Сделан вывод, что память об освобождении Освенцима превратилась в активный ресурс политической борьбы, обслуживающий противоположные геополические задачи: для России - легитимацию исторического наследия и консолидацию общества, для Запада - дистанцирование от современной России и утверждение нарратива о тоталитарном прошлом. Понимание данного разрыва необходимо для деконструкции взаимных претензий в «войнах памяти» и для сохранения исторической достоверности, которая всё чаще становится заложницей текущей геополитики.

Ключевые слова: Освенцим, Аушвиц-Биркенау, Красная Армия, политизация истории, историческая память, официальный дискурс, историческое наследие, политика памяти, Вторая мировая война.

Долгушина П.С.
Шостак В.А.
Синегубов С.Н.

Генезис термина «серийное убийство» и трансформация фигуры серийного маньяка в контексте идеологического противоборства СССР и США в период холодной войны

В статье рассматривается проблематика концептуализации образа серийного маньяка и генезиса термина «серийный убийца» в рамках противопоставления идеологий СССР и США во время Холодной войны. Актуальность данного вопроса неоспорима, что подтверждают трудности составления образа убийцы с многочисленными жертвами, в том числе, его поиск, составление психологического портрета и объединения эпизодов убийств в единое дело. Для полноценного восприятия процесса трансформаций судебно – криминалистических действий проблему необходимо рассматривать в контексте идеологического противостояния СССР и США как двух ведущих мировых держав. Проводится анализ исторического контекста, под которым подразумевается влияние внешних условий на течение хода трансформаций криминалистического подхода к работе с неоднократными убийствами одним лицом с характерным почерком. Цель статьи заключается в исследовании генезиса термина «серийное убийство» и подходов к работе с серийными маньяками с точки зрения двух государств с различной идеологией, с учетом криминалистических, психиатрических и юридических аспектов, для составления целостного представления о новой концепции.

Ключевые слова: серийный убийца, идеология, Холодная война, криминалистика, психиатрическая экспертиза, профайлинг.

Герасимов М.С.

Образ ирландца в британской прессе после великого голода (1850–1856)

Статья посвящена образу Ирландии и ирландцев в британской периодической печати первых лет после Великого голода. На материалах журнала Punch и газеты The Spectator рассматриваются основные стереотипы, посредством которых британская пресса описывала население Ирландии в 1850–1856 гг. Особое внимание уделяется представлениям об ирландской бедности, массовой эмиграции, католицизме, склонности к нарушению закона и политической «бунтажности». В качестве теоретической основы исследования используется концепция Другого Жака Лакана, позволяющая рассматривать образ ирландца как элемент конструирования британской коллективной идентичности. Анализ публикаций показывает двойственность сложившегося образа: ирландец мог выступать объектом сочувствия как жертва голода и социально-экономического кризиса, однако одновременно воспринимался как носитель черт, противопоставлявших его нормативному представлению об англичанине. Делается вывод о том, что в британской прессе рассматриваемого периода сохранялся устойчивый комплекс национальных и конфессиональных стереотипов, впоследствии оказывавший влияние на восприятие ирландского вопроса британским обществом.

Ключевые слова: Ирландия, ирландцы, Великобритания, Великий голод, британская пресса, Punch, The Spectator, национальные стереотипы, образ Другого, Жак Лакан.

Вурал Мюжган

Налоговая политика Ильханов в Анадолу: от традиционных монгольских налогов к местным и произвольным налоговым обязательствам

В данной статье всесторонне исследуются налоговая политика, проводимая государством Ильханидов в Анатолии, социально-экономические последствия этой системы, а также усилия центральной власти по проведению финансовых реформ. Налоговые сборы, составлявшие основные источники до-

ходов государства, подвергаются детальному анализу; одновременно с этим с исторической точки зрения рассматриваются проблемы, вызванные несбалансированной финансовой структурой, а также экономический упадк государства.

Ключевые слова: Государство Ильханидов, налоговая система, Анадолу, Монгольская империя, история экономики.

Каун С.Б.
Набока Д.Ю.

Дипломатия Густава Штреземана как инструмент антикризисной политики Веймарской Республики

В статье анализируется дипломатическая деятельность Густава Штреземана в 1923–1929 гг. как инструмент антикризисной политики Веймарской республики. Особое внимание уделяется стратегии «политики выполнения», планам Дауэса и Юнга, а также Локарнским договорам 1925 г., которые позволили Германии выйти из международной изоляции, стабилизировать хозяйственную систему и добиться частичного пересмотра версальских ограничений.

Ключевые слова: Густав Штреземан, Версальский мирный договор, Веймарская республика, гиперинфляция, дипломатия, «политика выполнения», план Дауэса, Локарнские договоры.

Сорокин Н.О.

Идеология и прагматизм в корейской политике в отношении Китая (садэ и «ёндэ» в эпоху Вана Тхэджона)

В настоящей статье рассматриваются китайско-корейские отношения в правление вана Тхэджона (1400–1418) и императора Чжу Ди (1402–1424). Доказывается, что идеология садэ («служение великому») в этот период выполняла функцию прагматического инструмента обеспечения безопасности Чосон: анализ дипломатических эпизодов 1403–1417 гг. показывает, что Тхэджон соблюдал внешние формы вассальной зависимости от Мин, руководствуясь при этом рациональным расчётом, соответствующим логике «ёндэ» («использования великого»).

Ключевые слова: Китайско-корейские отношения, Чосон, Мин ван Тхэджон, Чжу Ди, садэ, ёндэ.

Ткач Е.Е.

Американская помощь советским республикам: миссия „Джойнта“ в 1917–1922 гг.

Статья посвящена анализу гуманитарной деятельности Американского еврейского распределительного комитета («Джойнт») на территории советских республик в период с 1917 по 1922 год. В работе подробно рассматривается эволюция стратегии организации: от попыток дистанционного перевода финансовых средств до вынужденного перехода к физическому присутствию своих представителей в условиях жесткой политической изоляции и Гражданской войны в Советской России. Особое внимание уделяется ключевому этапу – вхождению «Джойнта» в коалицию с Американской администрацией помощи (ARA) летом 1921 года для борьбы с масштабным голодом. На основе архивных документов исследуются конкретные механизмы доставки грузов через балтийские порты, функционирование прозрачной купонной системы и развертывание разветвленной сети пунктов питания и госпиталей в наиболее пострадавших регионах, включая Украину и Тираспольский уезд. В статье подчеркивается прагматичный подход комитета, выразившийся в привлечении местных медицинских кадров и расширении помощи на все нуждающиеся группы населения без национальных ограничений. Делается вывод, что опыт экстренного спасения голодающих заложил прочный фундамент для перехода к долгосрочным советско-американским проектам в сфере развития еврейского сельского хозяйства в рамках корпорации «Агро-Джойнт».

Ключевые слова: American Jewish Joint Distribution Committee, Джойнт, Американская администрация помощи, ARA, Советская Россия, гуманитарная помощь, борьба с голодом, архивные документы, Тираспольский уезд, Агро-Джойнт.

Шмидт А.К.

Искусственный интеллект в реставрации исторических аудиовизуальных материалов: методологические проблемы и экспериментальный анализ

Статья посвящена методологическим проблемам применения генеративных нейросетей в историческом исследовании при работе с аудиовизуальными источниками, отражающими функционирование ин-

ститутов власти и военной бюрократии Германии первой половины XX века. На материале двух архивных документов из Бундесархива – аудиозаписи доклада генерал-лейтенанта Артура Шмидта для Вермахтберихт (1942 г.) и его служебной фотографии периода поступления в Рейхсвер (1919–1920 гг.) – рассматривается вопрос о допустимых границах цифрового вмешательства в исторический источник. Методология сочетает сравнительный анализ традиционной и AI-обработки, количественные метрики (SNR, PSNR, SSIM), слепое тестирование с участием экспертов-историков и историческую верификацию выявленных элементов. Установлено, что AI-обработка аудио повысила отношение сигнал/шум с 4,2 до 14,3 дБ, однако на 9,8% длительности записи зафиксированы артефакты, включая «лингвистическую галлюцинацию». Алгоритм супер-резолюции сделал видимым присутствовавший в оригинале, но нечитаемый силуэт фотографа в зрачке, что не противоречит историческим реалиям фотографической техники 1910–1920-х годов и практике обязательного фотографирования при поступлении на военную службу. Колоризация дала статистически усреднённый результат, что свидетельствует о её иллюстративном, а не документальном потенциале. Автор приходит к выводу о размытости границы между реставрацией и реконструкцией и предлагает концепцию «когнитивной реставрации», предполагающую маркировку генеративных вмешательств и приоритет сохранения аутентичных дефектов. Отдельно обосновывается необходимость выделения операций по выявлению скрытой информации в самостоятельный класс, требующий собственного критерия верификации. Работа адресована историкам-германистам, специалистам по истории государственных и военных институтов и исследователям цифровой истории.

Ключевые слова: Артур Шмидт, Бундесархив, архивные источники, аудиовизуальные источники, источниковедческая критика, цифровая история, генеративные нейросети, искусственный интеллект в исторических исследованиях, реставрация исторических источников, реконструкция.

Ли Ли
Ху Сыюань
Лин Хуанье

Процесс институционализации европейской интеграции на примере Европейского объединения угля и стали

В статье рассматривается процесс институционализации европейской интеграции на примере Европейского объединения угля и стали - первого интеграционного объединения, заложившего институциональные основы современного Европейского союза. Анализируются исторические предпосылки создания ЕОУС, его учредительные документы, институциональная структура, а также эволюция наднациональных органов власти. Особое внимание уделяется противоречию между заложенными в Парижском договоре полномочиями наднациональных институтов и реальной практикой их применения в различных экономических и политических условиях. На основе анализа теоретических концепций функционализма и неофункционализма, а также эмпирических данных делается вывод о том, что ЕОУС стало важнейшим этапом институционализации европейской интеграции, создавшим институциональный шаблон для последующих интеграционных соглашений, однако реальное влияние его на развитие угольной и сталелитейной промышленности Европы оставалось ограниченным.

Ключевые слова: Европейское объединение угля и стали, европейская интеграция, Парижский договор 1951 года, наднациональные институты, институционализация, функционализм, неофункционализм, Высший руководящий орган, Европейский суд, план Шумана.

Лозовая А.М.

Темпоральная архитектура академической среды Китайской Народной Республики

Данная статья анализирует темпоральную организацию системы образования Китайской Народной Республики как многоуровневой системы временных режимов, которая во многом определила понятие китайской академической мобильности. На основе анализа эволюции государственной политики КНР выделены три взаимосвязанных временных измерения: историческое (трансформация от изоляции к интеграции), институциональное (переход от административных запретов к стратегическому планированию) и биографическое (изменение индивидуальных образовательных траекторий). Особое внимание уделяется начальному этапу 1949–1979 гг., отраженному в работах А.А. Антиповского, Н.Е. Боревской и Н.В. Франчук, а также коллективной монографии «Китайская Народная Республика в 1979 году». Показано, что академическое образование КНР представляет собой темпоральную структуру, которая зависит от действий государства. Делается вывод, что китайское образование представляет собой пример «управляемой темпо-

ральности», которая позволяет синхронизировать индивидуальные стратегии развития с общими стратегиями государства.

Ключевые слова: академическая мобильность, Китайская Народная Республика, темпоральная архитектура, управление образованием, политика в области науки и образования, интернационализация высшего образования, 1949–1979 гг.

Упоров И.В.

Особенности формирования и полномочия органов политического сыска в XVII – начале XVIII вв.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с созданием и функционированием органов политического сыска, занимавшимися расследований политических преступлений в период Московского государства и годы правления Петра I. Акцент делается на особенностях формирования таких органов и полномочиях, которыми они обладали. Соответственно анализируются нормативно-правовые и правоприменительные акты в данной сфере общественных отношений, и прежде всего Соборное уложение 1649 г. и указы Петра I. Привлекаются также суждения авторов научных трудов, в которых затрагивается заяв-ленная тема. Отмечается, что в рассматриваемый период политическим сыском сначала занимались чиновники приказов и воеводы, а позже, уже в период правления Петра I, были учреждены специальные постоянно действующие органы политического сыска в виде Преображенского приказа и Тайной канцелярии. При этом их деятельность направлялась государем и нередко, по особо важным делам против государства, под его непосредственным руководством

Ключевые слова: политический сыск, Соборное уложение, приказы, воеводы, извет, расследование, Преображенский приказ, тайная канцелярия.

Рубцова М.В.
Павенков В.Г.
Рубцова А.В.

К когнитивной истории Санкт-Петербурга XVIII века: обзор современной литературы

В данной статье история Санкт-Петербурга XVIII века рассматривается сквозь призму формирующейся методологии когнитивной истории - подхода, который трактует ментальные схемы, пространственное познание и аффективные представления как явления исторически специфические и изменчивые. Синтезируя исследования семиотики «петербургского текста», пространственно-географических поворотов в русской историографии, политической антропологии монархических церемоний и истории эмоций, авторы статьи показывают, что когнитивный аппарат, с помощью которого современники воспринимали, запоминали и ориентировались в новой столице Петра Великого, активно складывался под влиянием панегирической риторики, градостроительства, церемониальной хореографии и печатной культуры. Анализ выстроен вокруг четырёх взаимосвязанных когнитивных операций, определивших восприятие Санкт-Петербурга в XVIII веке: миф об основании как организующая схема, концептуальная двойственность рая и пустыни, риторические топосы панегирической литературы, читаемость застроенной среды как ключевой фактор ментального картирования. В заключении подчёркивается, что когнитивная история даёт продуктивную основу для объединения семиотических, пространственных и эмоциональных подходов к изучению городской культуры, одновременно обозначая и ряд методологических проблем. Главная из них – сложность реконструкции обыденных представлений на базе текстовых источников, созданных светской элитой. Решение этой задачи предстоит будущим исследованиям.

Ключевые слова: когнитивная история, Санкт-Петербург, XVIII век, пространственное воображение, петербургский текст, городское восприятие, Пётр Великий, история эмоций.

Файзуллин С.А.

Трансформации внешних границ Актанышского района Татарстана

Статья посвящена изменениям внешних границ Актанышского района Республики Татарстан с момента его образования в 1930 г. до 2025 г. На основе комплекса архивных источников рассматривается процесс формирования и последующей трансформации территории района, выявляются ключевые этапы территориальной эволюции и причины, обусловившие эти изменения. Анализируются документы, отражающие передачу сельсоветов и населенных пунктов между соседними районами и их последующий возврат, процессы укрупнения и разукрупнения районов. Состав волостей и советов дается по отдельным хронологическим срезам как характеристика этапов. Изменения, происходившие во внутреннем административно-

территориальном устройстве района, не являются предметом настоящего исследования.

Работа опирается на материалы Государственного архива Республики Татарстан, включающие постановления органов власти, планы районирования, что позволило реконструировать эволюцию внешних границ района в хронологической последовательности. Использование опубликованных статистических данных позволило оценить влияние территориальных изменений на численность и национальный состав населения района. Установлено, что территориальный рост района сопровождался сокращением числа населенных пунктов и уменьшением численности жителей более чем вдвое, тогда как этническая структура населения сохранила высокую устойчивость: на протяжении всего периода преобладало татарское население. После восстановления района в 1965 г. масштабных административно-территориальных изменений не выявлено.

Ключевые слова: Татарская АССР, Республика Татарстан, Актанышский район, укрупнение районов, разукрупнение районов, административно-территориальные преобразования.

Вурал Чагатай

Нашивные бляшки на одежде из курганов скифов северного Кавказа: социокультурная оценка на основе сетевого анализа и комбинаторных критериев

В статье скифские бляшки Северного Кавказа исследованы как индикаторы статуса, пола и связей. Сетевой анализ доказал, что они образуют строгие шаблоны («набор женщины», «набор воина»). Эволюция бляшек отражает рост богатства элиты и скифо-кавказский синтез. Они маркируют классовое расслоение, гендерную гибкость (амазонки), внешние контакты и консерватизм провинций, выступая важным историческим источником.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Скифский период, бляшки с изображением одежды, социальный статус, сетевой анализ.

Чебарев В.В.

Сравнительный анализ деятельности офицерской артиллерийской школы в начале XX века (1904-1909 гг.)

В статье на основе анализа архивных материалов, периодической печати и отчетных документов рассматривается эволюция Офицерской артиллерийской школы (ОАШ) за пять лет своей деятельности (1904-1909 гг.). Цель исследования – выявить основные векторы трансформации школы как военно-учебного заведения. Методологическая основа – сравнительно-исторический анализ с применением статистических методов. Исследуются изменения количественного и качественного состава переменного состава, кадровой политики, учебных программ, материально-бытовых условий. Особое внимание уделяется переходу школы от этапа организационного становления к зрелой системе военного образования, способной к самооценке через анонимные опросы обучающихся. Сделан вывод, что за пятилетний период ОАШ превратилась из учреждения повышения квалификации капитанов в обязательный этап карьерного роста командиров батарей и дивизионов.

Ключевые слова: офицерская артиллерийская школа, ОАШ, 1904 год, 1909 год, переменный состав, штаб-офицеры, подготовка артиллерийских командиров, военное образование, сравнительный анализ.

Рущенко Г.С.

Друзья, нейтралы и враги: семантический контент-анализ социальных категорий в воззвании анархиста Я.В. Махайского 1902 г.

На основе контент-анализа исследуются бинарные оппозиции и группы эпитетов в воззвании анархиста начала XX века, Яна Вацлава Махайского. Анализ репрезентативного для раннего этапа махаевщины источника позволил установить, что центральную оппозицию образуют рабочие и интеллигенция (как эксплуататорская группа, стремящаяся монополизировать знание и «войти в элиты»). Правительство и буржуазия занимают подчиненное положение в системе эпитетов и смыкаются с интеллигенцией по признаку враждебности пролетариату. Вопреки распространенному в историографии утверждению, в документе отсутствует призыв к борьбе с еврейскими погромами; «еврейство» используется как иронический эпитет интеллигенции. Результаты вносят вклад в пересмотр упрощенных оценок махаевщины как примитивного антиинтеллектуализма и демонстрируют, что Ян Махайский предлагал умеренно рациональную критику «культурного капитала», предвосхитившую более поздние теории «нового класса» и ключевого значения информации в постиндустриальном обществе.

Ключевые слова: Ян Вацлав Махайский, махаевщина, анархия, анархизм, идеология, контент-анализ, интеллигенция, история России.

Абрамов Д.М.

Проблемы межконфессиональных и внутри-церковных отношений на Русском Северо-Западе и в Балтии в первой половине XIII века

В XIII веке вопросы отношений православных и католических церковных общин разных земель и волостей, соподчинения церковных иерархий вопросы церковного рукоположения, отношений светской и церковной власти в Балтии и на Русском Северо-Западе были в значительной степени обострены и имели огромные сложности. Церковные прения Пскова и Новгорода по поводу епархиальной самостоятельности Пскова, права выбирать своего епископа и рукополагать духовенство на псковские приходы без воли новгородского владыки (архиепископа) просматриваются уже в первой половине XIII столетия. Кроме того, католические прелаты не отказались от намерений вести миссионерскую деятельность и обратить в латинство значительно большее число русских, их православных подданных и союзников из среды старейшин и простонародья. Противоречия между Орденом Меченосцев и Рижским епископом также имели место. Противоборство гвельфов и гиббелинов, открыто враждовавших в Западной и Центральной Европе, периодически просыпалось и в Балтии на колонизируемых землях.

Ключевые слова: епархия, православие, латинство, Великий Новгород, Псков, Балтия, орден Меченосцев, Рижский епископ.

Алиева Л.В.
Гарчу Надежда

Региональная пресса и формирование образа врага: «Псковские губернские ведомости» в годы первой мировой войны

Статья посвящена исследованию официальной прессы прифронтового региона в 1914–1917 гг. – издания «Псковские губернские ведомости». В работе рассматривается, как провинциальная официальная пресса выполняла сложную коммуникативную задачу, т.к. была вынуждена не только транслировать имперскую идеологию, но и реагировать на сложные социальные процессы в условиях близости театра военных действий. В издании имперская топика размывалась под давлением военной цензуры, военной повседневности и внутренних дестабилизирующих факторов. Анализ материалов издания показывает, что риторика прифронтовой прессы отличалась сочетанием официальной тональности и элементов народной публицистики. В публикациях начального периода войны активно использовались мобилизационные призывы, создавался образ сплоченного народа, противостоящего внешнему врагу. Через очерки, письма с фронта и отчеты о благотворительных сборах газета конструировала единую картину национального единения перед лицом общей угрозы, играя ключевую роль в поддержании патриотического духа и мобилизации тыловых ресурсов, однако по мере затягивания войны и роста общественных противоречий (1916–1917 гг.) в риторике газеты усиливались нотки тревоги, что являлось отражением общественных настроений.

Ключевые слова: информационная война, образ врага, Псковская губерния, влияние информации, общественное сознание, Российская империя, периодическая пресса, ведомости.

Бобровский И.А.

К вопросу формирования частей особого назначения на территории Воронежской губернии в период гражданской войны

Статья посвящена одному из аспектов истории Гражданской войн, а именно формированию частей особого назначения (ЧОН) на территории Воронежской губернии. На основе архивных материалов анализируются принципы комплектования, структура управления, партийный и военный контроль и мобилизационная специфика губернских частей особого назначения. Также отражена роль воронежских отрядов в боях против частей А.И. Деникина и поддержание Советской власти в Воронежской губернии. Отмечается что ЧОН представляли собой гибридную военно-политическую структуру, в которой сочетались армейская дисциплина и партийная мобилизация, что позволяло оперативно реагировать на угрозы в прифронтовой зоне.

Ключевые слова: Гражданская война, части особого назначения, ЧОН, Воронежская губерния, партийная мобилизация, Отряды Особого Назначения.

Лукьянченко Е.Е.
Волошин Г.Р.
Унанян Г.А.
Костин К.Н.
Петров Н.Ю.

Почему Олимпийские игры остаются главным спортивным событием мира

В статье рассматривается исторический контекст превращает Игры в арену мирного геополитического соперничества, где современные государства продолжают традиции древнегреческого экехейрии – священного перемирия, а национальные олимпийские комитеты используют соревнования для утверждения своего суверенитета на международной арене. Социальная значимость события заключается в его уникальной способности объединять человечество вокруг универсальных ценностей честной борьбы и преодоления себя: трансляции соревнований собирают миллиардную аудиторию, стирая языковые и культурные барьеры, а программы развития через спорт способствуют вовлечению молодежи из разных стран в здоровый образ жизни. Наконец, медийная составляющая эволюционировала от простого вещания к созданию глобального реалити-шоу с помощью цифровых платформ, интерактивных трансляций и технологий дополненной реальности, что позволяет МОК привлекать молодую аудиторию и обеспечивать колоссальные доходы от продажи прав, необходимые для поддержки спортсменов по всему миру. Именно синергия этих трех компонентов обеспечивает Олимпиаде непревзойденную капитализацию зрительского внимания и статус главного спортивного феномена современности.

Ключевые слова: Олимпийские игры, олимпизм, спорт, международное сотрудничество, культура, медиа.

Горкуш С.В.
Климочкина А.Ю.
Мышева А.А.

Базы данных о жертвах геноцида как исторический источник периода Великой Отечественной Войны (1941-1945 гг.)

Формирование объективной картины злодеяний нацизма невозможно без глубокого и всестороннего изучения исторических источников, запечатлевших трагедию мирного населения в годы Великой Отечественной войны. Речь идет о документах жертв геноцида, выступающих свидетельством преступлений и содержащих уникальный юридически значимый массив информации, имеющий ключевое значение для реализации государственной политики по увековечению их памяти, восстановления исторической справедливости. Изучение такого рода документов требует комплексного подхода и детального анализа всех аспектов. Об этом и пойдёт речь в данной статье.

Ключевые слова: базы данных, исторический источник, война, геноцид, документы о жертвах преступлений, злодеяния нацистов, историческая память.

Кириллова А.И.

Китобойный и морской зверобойный промыслы в Охотско-Камчатском крае в начале XX в.: в чьих руках он был сосредоточен?

В статье автор анализирует воспоминания журналистов и путешественников, научные работы и опубликованные отчеты чиновников начала XX в., определяя роль иностранного капитала в морском зверобойном и китобойном промыслах начала XX в. в Охотско-Камчатском крае, сложности их развития и риски для дальнейшего развития региона. Выявлены три основных тенденции в развитии китобойного и морского зверобойного промыслов в 1900-х – 1920-х гг. на крайнем Северо-Востоке России.

Ключевые слова: Камчатка, Охотско-Камчатский край, морской зверобойный промысел, коренные народы, традиционное хозяйство, китобойный промысел.

Ларина Ф.Ш.

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в истории развития военной дипломатии

В статье рассматриваются актуальные тенденции, касающиеся формирования расстановки сил на геополитической карте мира. Исследуется роль отечественной военной дипломатии, а также цифровая революция, связанная с внедрением систем искусственного интеллекта (ИИ) в военные технологии. Акцентируется внимание на недопущении гонки вооружений в сфере использования систем ИИ

в военных прорывных технологиях, так как это чревато нестабильностью и хаосом на геополитической картине мира. Анализируются теоретические и практические аспекты теории игр, которые могут быть применены в сфере военной дипломатии для наиболее продуктивного международного сотрудничества и эволюции структуры международных отношений. Новизна темы обосновывается тем, что в научной сфере отсутствуют исследования, касающиеся способов внедрения системы искусственного интеллекта, созданного с использованием положений теории игр. Теория игр позволяет анализировать стратегии поведения участников военно-дипломатических отношений в условиях конфликтных ситуаций. В работе рассматриваются тенденции в современных международных отношениях, характеризующиеся нарастанием гонки вооружений в сфере новейших технологий. А также бесконтрольным внедрением ИИ в современные военные технологии, которые таят в себе опасность, связанную с тем, что в случае ошибки отсутствуют международно-правовые нормы, которые регламентируют порядок привлечения к ответственности виновных лиц.

Ключевые слова: история военной дипломатии, дипломатические переговоры, международная ответственность, дипломатический протокол, искусственный интеллект (ИИ), теория игр, гонка вооружений, киберпространство, концепция «ответственность по защите».

Левашов О.Е.

Восстановление и модернизация системы радиофикации курской области в 1946–1965 годах

Статья посвящена восстановлению и модернизации системы радиофикации Курской области в 1946–1965 гг. Цель исследования состоит в выявлении этапов, механизмов и ограничений развития региональной радиотрансляционной инфраструктуры в послевоенный период. Источниковую основу составили документы Государственного архива Курской области и Государственного архива Российской Федерации, материалы центральной и региональной периодической печати, а также научные труды по истории связи, промышленности, сельского хозяйства и железнодорожного транспорта региона. Применены проблемно-хронологический, историко-генетический и сравнительный методы; количественные показатели рассматриваются с учетом происхождения отчетной документации и изменения административно-территориальных границ области в 1954 г. Установлено, что развитие сети прошло три взаимосвязанных этапа: восстановление и устранение последствий военных разрушений; массовое расширение городской и сельской радиофикации; переход от экстенсивного прироста радиоточек к повышению мощности узлов, устойчивости работы и качеству обслуживания. Показано сочетание централизованного снабжения и планирования с использованием местных бюджетов, средств колхозов и трудовой мобилизации населения. К устойчивым ограничениям относились дефицит оборудования и транспорта, перебои энергоснабжения, кадровая недостаточность, несогласованность управленческих функций и строительство части объектов без надлежащей проектно-сметной документации. Сделан вывод, что к середине 1960-х гг. радиофикация приблизилась к территориальному насыщению, вследствие чего приоритет постепенно смещался от количественного расширения к технической модернизации сети.

Ключевые слова: Курская область, радиофикация, проводное радиовещание, радиоузел, радиотрансляционная сеть, Министерство связи СССР, послевоенное восстановление, модернизация.

Морозов А.С.

Государственное регулирование рынка труда в условиях кадрового дефицита: опыт Советской России 1920-х годов на примере восточного Подмосковья

В статье рассматривается опыт государственного регулирования рынка труда в Советской России в 1920-е годы в условиях острого кадрового дефицита. На примере восточного Подмосковья – крупного промышленного центра – анализируются причины нехватки рабочей силы, вызванные Первой мировой и Гражданской войнами, разрушением промышленности, эмиграцией квалифицированных специалистов и массовым оттоком рабочих в деревню. Исследуются попытки государства преодолеть кризис через систему трудовых мобилизаций периода военного коммунизма и механизмы регулирования рынка труда в годы НЭПа, включая создание бирж труда и организацию общественных работ. На основе архивных материалов (ГА РФ) и статистических данных показана неэффективность первоначальных мер, выразившаяся в системном кризисе управления, слабой координации и низком уровне трудоустройства. Особое внимание уделено возрождению системы отходничества под государственным контролем как механизму организованного набора рабочих, а также процессам феминизации труда и использования артельных форм организации. Прослеживается динамика восстановления кадрового состава текстильных предпри-

ятий региона к середине 1920-х годов и переход к административным методам перераспределения трудовых ресурсов в период форсированной индустриализации. Делается вывод о том, что решение проблемы кадрового обеспечения в условиях глубокого социально-экономического кризиса невозможно только рыночными или только административными методами, а требует комплексного подхода, сочетающего экономическую политику, институциональное развитие и методы регулирования рынка труда. Исторический опыт 1920-х годов сохраняет актуальность для осмысления современных вызовов в сфере занятости.

Ключевые слова: рынок труда, кадровый дефицит, государственное регулирование, Советская Россия, 1920-е годы, восточное Подмосковье, биржа труда, отходничество, трудовая мобилизация, НЭП, безработица, индустриализация, промышленное переселение, феминизация труда, артель.

Нагаева Г.А.

Трактирный промысел в российской провинции конца XIX – начала XX вв. (на примере портового города Новороссийск)

В предлагаемой статье дан анализ развития трактирного промысла в провинциальном портовом городе Новороссийск. Представлена сравнительная характеристика разных категорий заведений этого вида предпринимательства. В исследовании также дается краткое описание эволюции российского законодательства в отношении трактирных заведений с 1719 по 1893 г. Автор использует в качестве источниковой базы данные официальных справочников, архивные документы и периодическую печать рассматриваемого периода. В конце работы приводится вывод об особенностях развития трактирного бизнеса в России вообще и Новороссийске в частности.

Ключевые слова: Новороссийск, трактирные заведения, трактирный промысел, герберги, гостиница, ресторан, предпринимательство.

Abstracts

Gareeva G.N.
Salavatova F.R.
Akhtarova Z.A.

The theme of war and the image of a hero-defender in the works of A. Khakimov and V. Astafyev

In their best works, Akhiyar Khakimov and Viktor Astafyev explore the tragic events of the war years, showing their impact on the lives of the people, conveying the spirit of the time and the feelings of the characters, creating a deep and emotionally charged image of wartime. The works of these frontline writers are characterized not only by their depth of storytelling, but also by their authenticity in describing the events. The authors actively use various genre techniques to create a complex psychological portrait of wartime and engage readers in reflecting on the value of peace and a peaceful life.

V. Astafyev and A. Khakimov do not limit themselves to external descriptions of battles and military operations, but also analyze the inner world of their characters, showing how war affects the psyche of soldiers, changes their usual way of life and relationships with their loved ones, and explores the concept of heroism, reflecting certain moral ideals and values. The writers convey the complexity of the moral choices faced by their characters, emphasizing the universally recognized virtues that help overcome the challenges of wartime.

The results showed that in the works of A. Khakimov and V. Astafyev, the seemingly calm presentation of dramatic events does not contradict the logic of the plot development. The authors use the technique of montage, where the past of the characters is intertwined with their present, and the action is periodically shifted from one time to another, which allows us to speak of a retrospective composition of the works. The reordering of the chronology of events is driven by the authors' desire to shift the readers' attention from the surface aspects of the events to their deeper meaning. The autobiographical nature of the works brings readers closer to the events depicted, making the main character more relatable, while the use of fictional names allows for the expansion and deepening of the documentary basis of the depicted events.

Key words: Great Patriotic War, Bashkir and Russian literature, prose, story, genre, synthesis, drama, warrior hero.

Amitrova M.V.

Creolized text on the Russian military uniform insignia during a special military operation

This article examines the role of creolized texts on Russian military uniform insignia during the Special Military Operation. It analyzes the content, structure, and functions of creolized texts, as well as their differences from other types of text (polycode and dicode). It emphasizes that creolized texts act as a distinct type of text, as the verbal and nonverbal components form a single, complex structure that influences the recipient's perception of their meaning and significance. By fulfilling various functions, creolized text unites recipients into social and professional groups. In the military and professional sphere, creolized text serves as a source of information about a service member's rank and unit. During the Special Military Operation, the role of creolized text on stripes, chevrons, patches was supplemented by informal meaning, conveying values and views, and creating new meanings for servicemen during a difficult period.

Key words: creolized texts, polycode texts, dicode texts, chevrons, patches, military sphere, servicemen, recipient.

Usmonova M.N.

Certain theoretical views on functional and semantic features of Tajik and English etiquette formulas

The given article presents a comprehensive theoretical examination of the functional and semantic features of speech etiquette formulas in Tajik and English through the lens of comparative pragmatics and sociolinguistics. Drawing upon Speech Act Theory, Rapport Management Theory, and cross-cultural communication frameworks, the study analyzes the systemic differences in how these two linguocultures encode politeness, social hierarchy, and interpersonal relationships. The research employs a mixed-methods approach, combining qualitative analysis of linguistic data from Sadriddin Aini's canonical works with contemporary usage observations. The analysis reveals that Tajik speech etiquette operates within a high-power-distance, collectivist cultural paradigm, emphasizing formality, respect for elders, and indirectness through elaborate honorific systems and the cultural practice of "Taarof." In contrast, English speech etiquette, particularly in contemporary American and British contexts, reflects low-power-distance, individualistic values, prioritizing

directness, informality, and egalitarianism. These differences manifest systematically across forms of address, greetings, leave-takings, requests, apologies, and expressions of gratitude. The study contributes to cross-cultural pragmatics and has significant implications for language teaching, translation theory, and intercultural communication training.

Key words: speech etiquette, Tajik language, English language, sociolinguistics, intercultural communication, national-cultural specifics, forms of address, politeness theory, speech act theory, comparative pragmatics.

Ashrafzoda B.P.

Morphological peculiarities word-building potential of the Tajik suffix –манд in the Tajik literary language referring to the 18th and 19th centuries

The given article dwells on the morphological peculiarities and word-building potential of the Tajik suffix –манд in the Tajik literary language of the 18th–19th centuries, based on materials from historical written monuments–"Tuhfat-ul-Khani" by Muhammad Vafoi Karminagi and "Tarikh-i jadidiyya-i Tashkand" by Muhammad Salih Tashkandi. The study employs a comprehensive methodology including descriptive, derivational, component, comparative-historical, quantitative, contextual, and statistical analysis methods. The research identifies over 60 lexical units with the suffix –манд across more than 150 contexts. The findings demonstrate that –манд was a highly productive noun-forming element in the period under study, with the primary derivational model being N/Adj + –манд → Adj, and a secondary model N/Adj + –манд + –ӣ → N forming abstract nouns. Derivatives cover semantic groups related to mental qualities, social status, emotional states, and value characteristics. The suffix shows significantly higher productivity than in earlier periods, while maintaining functional stability compared to the modern Tajik literary language. The study contributes to the historical morphology and diachronic word-formation theory of Tajik linguistics.

Key words: Tajik literary language, suffix –манд, word formation, morphology, 18th–19th centuries, historical written monuments, derivational models, productivity, Tuhfat-ul-Khani, Tarikh-i jadidiyya-i Tashkand.

Bazhutova M.A.
Chubarova Yu.E.
Orlova T.A.
Rezepova N.V.

Phonetic interference in the English speech of Russian-speaking students: an experimental study of segmental and prosodic errors and their perceptual significance

The article examines the problem of phonetic interference from Russian in the English speech of Russian-speaking students. The main types of interference are analyzed at the segmental level (consonant and vowel phonemes) and suprasegmental level (intonation, stress) drawing on various classifications. Particular attention is devoted to the impact of phonetic errors on speech comprehension and communication in general, to the transfer of native-language pronunciation habits, and to the aggravation of interference due to the absence of an authentic language environment. Drawing on an analysis of scholarly literature and experimental data, the study identifies the most typical deviations from English pronunciation norms, including substitutions of interdental sounds [θ] and [ð], the sound [w], and the nasal [ŋ]; devoicing of word-final voiced consonants; inability to distinguish long and short vowels; and intonational errors in questions, requests, and formulaic polite phrases. The paper elucidates the concept of phonolexical (phonological) errors, which distort utterance meaning and disrupt the communicative act. Attention is also paid to achieving "comprehensibility" of speech. Practical recommendations are proposed for overcoming phonetic interference in English language instruction.

Key words: Russian-speaking students, English pronunciation, phonolexical errors, speech comprehension, intercultural communication, non-contact bilingualism.

Vadzhibov M.D.

Russian loanwords in the novella "The pear tree" by Tabasaran writer Shakhveled Shakhmardanov

The aim of this study is to describe the Russian loanwords used by the Tabasaran writer Shakhveled Shakhmardanov in his novella "The Pear Tree", written in the 1980s. The comparative analysis also incorporates lexical items not found in the novella itself. The novelty of this work lies in the fact that it is being conducted for the first time, while its relevance stems from the potential to incorporate the research findings into teaching practice and utilize them in dictionary compilation. The list we have compiled includes the following Russian loanwords: 20 nouns, one adjective, and two verbs. These loanwords, which entered and enriched the Tabasaran language,

were actively used by Tabasaran speakers during the Soviet era. However, the adoption of some of the words in question evidently predated the writing of the novella, as several of the borrowed terms likely underwent adaptation before the work appeared. The Russian loanwords used in the novella remain in use in Tabasaran speech today. It is possible, however, that some words on the list may eventually disappear from the Tabasaran language for various reasons.

Key words: Russianisms, Tabasaran language, Russian language, literary speech, borrowing, adaptation, linguistic processes, usage, enrichment, lexeme.

Vekhova E.A.
Chubarova Yu.E.
Ivanova M.E.

Translation of French youth slang into English: linguistic, cultural and transformational aspects (based on song discourse)

The article examines the functioning of slang in modern French and the specifics of its translation into English in song discourse. The study is carried out in three aspects: linguistic, cultural, and transformational. The main features of the youth sociolect are analyzed: variability, rapid adaptation to new realities, media-driven dissemination, inclusion of nonverbal and graphic elements, and active borrowings from English, Arabic, and African languages, as well as traditional verlan. Particular attention is paid to the difficulties of translating French song slang into English, including the need to convey not only semantics but also the cultural code, stylistic coloring, and emotional expressiveness of the original. Drawing on examples from French-language songs, the study identifies and describes the main translation transformations: euphemistic and dysphemistic translation, concretization, generalization, compensation, calquing, omission, descriptive translation, and antonymic translation. It is concluded that song discourse is one of the most difficult types of specialized translation, requiring from the translator linguistic precision, artistic intuition, background knowledge, and a deep understanding of the social and musical specificity of the genre.

Key words: French slang, youth sociolect, song genre discourse, translation into English, translational transformations, Verlan, cultural code, use of euphemisms in translation, equivalent, intercultural communication.

Iskhakova R.R.
Absalyamova L.F.
Baiturina Yu.M.

Anglicisms in the speech of modern Russian-speaking youth: the functional aspect

The present article represents the analysis of the processes by which contemporary Russian youth adopt English vocabulary. The article thoroughly examines the extralinguistic factors driving the increased use of English elements, the mechanisms of their adaptation within the Russian linguistic system, and the functional specifics of their usage among young people. The paper describes the character of relationship between Anglicisms and linguistic norms. The stages of adapting English-origin elements to the norms of the Russian language are also considered within the framework of the article.

Key words: anglicisms, borrowing, the Russian language, linguistic norm, slang, linguistic norm.

Mirzoeva P.V.

Structural and comparative analysis of Tajik and English verbal phraseological units in the aspect of translation (based on the works of S. Aini)

The article focuses on the structural and semantic characteristics of Tajik verbal phraseological units in the works of Sadriddin Aini and explores their translation into English from a comparative perspective. The aim of the study is to identify the most productive structural models of verbal phraseological units and determine the degree of their equivalence in translation into English. The research employs structural, semantic, and comparative methods of analysis. The comparative analysis shows that the Noun + Verb model is the most productive, whereas the Noun + Noun + Verb, Prep. + Noun + Verb, and Prep. + Subs. + Verb models demonstrate different degrees of productivity. The study shows that the core semantic content of phraseological units is generally preserved in English translation; however, their structural organization and national-cultural imagery often undergo transformation. The analysis of translation strategies demonstrates that Tajik phraseological units are frequently rendered by means of simple verbs, free word combinations, or grammatical constructions with different structural patterns.

Key words: phraseological unit, verbal phraseology, Tajik language, English language, comparative analysis, translation, structural model, semantic equivalence, national-cultural specificity.

Ngo Xuan Bien

The role of authorial remarks in understanding Russian literary texts: some aspects of developing Russian reading skills

This article examines the role of authorial stage directions in the comprehension of Russian literary texts and explores their linguodidactic potential for developing Russian-language reading skills. The study is qualitative in nature, relying on descriptive, context-semantic, functional, and interpretive analyses of the interplay between authorial stage directions, character dialogue, and the surrounding context. Four key aspects of authorial stage directions crucial for understanding literary texts are identified: contextual, intonational-speech, emotional-psychological, and interpretive. The significance of these directions is determined by both their explicit content and their interaction with character dialogue and the communicative situation. Accordingly, the study distinguishes between the textual cue itself and the subsequent inference drawn by the reader. An analytical approach was developed comprising a series of steps: identifying the textual signal, grasping its verbal meaning, relating it to the character's utterance and the surrounding context, formulating a semantic inference, and, finally, verifying the resulting interpretation. It was demonstrated that purposeful engagement with authorial stage directions enhances key reading sub-processes. These include establishing contextual connections, assimilating diverse textual data, synthesizing a coherent inference, and subsequently interpreting it with supporting arguments. Within this framework, authorial stage directions are conceptualized not merely as isolated tools for skill improvement, but as integral textual components that foster a deep and nuanced understanding of works of Russian literature.

Key words: author's remark, literary text, reading, understanding of the text, Russian as a foreign language, communicative context, reader's conclusion, interpretation.

Oqilova H.A.

Morphologico-semantical features of the Tajik conjunction Вагарна and its English equivalents (on the material of "Ghulomon" by S. Aini)

The given article dwells on the morphological structure and semantic functions of the Tajik conjunction вагарна and its English equivalents based on the material of S. Aini's novel "Ghulomon". The study identifies the morphological composition of вагарна as a compound conjunction formed from the conditional particle агар and the negation на, analyzes its polysemantic nature encompassing conditional-contrastive, adversative, and conditional-warning meanings, and establishes a systematic correspondence with English equivalents including otherwise, or else, if not, and lest. The research employs descriptive, comparative, and quantitative methods, analyzing 53 contexts from the novel. The findings contribute to Tajik-English contrastive linguistics and translation studies, revealing that the choice of English equivalent depends on pragmatic factors including communicative intent, stylistic register, and discourse context.

Key words: conjunction, вагарна, Tajik language, English equivalents, morphological features, semantic features, contrastive analysis, S. Aini, "Ghulomon".

Penkovskaia I.I.

Discursive reconstruction of definitions of operational terms in the lectures of S.M. Eisenstein (based on the term "composition")

The article addresses a problem raised but left unresolved in the authors' previous work: if an operational term of S. M. Eisenstein's lecture discourse fundamentally lacks a dictionary definition, how can such a definition be reconstructed by a linguist? A six-stage algorithm for the discursive reconstruction of a dictionary definition of an operational term is proposed and tested: forming a corpus of contexts, classifying usages, identifying semantic components, distinguishing the core and periphery of meaning, describing discursive means of defining, and constructing the final formulation. The algorithm is tested on the lectures "Return of a Soldier from the Front" (Vol. 4 of Eisenstein's selected works, p. 27–535), where the lexeme "composition" (excluding derivatives) occurs 50 times; 33 representative contexts were selected for detailed qualitative analysis. The core of the term's meaning consists of organization and interaction of parts; the periphery includes processuality, regularity, expressiveness, and emotional impact. Five discursive means of defining are identified. The reconstructed definition is confirmed by comparison with the single explicit authorial definition of composition and is applicable to describing other operational terms

and idiostyle lexicography.

Key words: operational terminology, discursive definition, meaning reconstruction, the term "composition," analysis algorithm, lecture discourse, S.M. Eisenstein.

Sadovnikova I.I.

The specifics of the vocabulary of even proverbs

An important component of the Even folklore heritage is represented by the paremiological fund – proverbs and sayings. These concise genres of folk literature encapsulate the centuries-old experience of the Even people, their worldview, and the specifics of their economic way of life. The vocabulary of these expressions is inextricably linked to traditional way of life: they widely reflect the terminology describing reindeer herding, the animal world, household items, and the climatic features of the region. This paper presents a linguistic analysis of Even paroemias, which reflect the specific features of the interaction between the ethnic group and the surrounding natural environment (the plant and animal world), as well as the characteristics of traditional household items. The relevance of the work is due to the fact that the paremiological fund serves as a kind of "code" of culture, in which the people's centuries-old observations of the environment are recorded. An analysis of these nominations makes it possible to reconstruct fragments of the Even linguistic worldview and identify.

Key words: Even language, Evens, proverbs, vocabulary, folklore, flora, fauna, zoonyms, metaphor.

Yusupova M.A.

Morphological peculiarities of the Tajik conjunction азбаски and its English equivalents (on the material of "Ghulomon" by S. Aini)

The present article aims to provide a comprehensive morphological and functional analysis of азбаски as it appears in S. Aini's novel "Ghulomon" and to establish a typologically grounded system of its English equivalents. The study employs a mixed-methods design within a contrastive linguistic framework. A corpus of 56 occurrences was extracted from the novel, from which 10 representative examples were selected for in-depth analysis based on syntactic environment, modal context, and discourse function. Translation equivalence analysis was conducted using a systematically varied set of English causal conjunctions (inasmuch as, given that, for the reason that, seeing that, as, due to the fact that, since, considering that, on the grounds that, because), with equivalents classified according to the epistemic–content–speech-act distinction. The comparative analysis demonstrates that no single English equivalent uniformly translates азбаски; instead, a nuanced system of correspondences emerges: inasmuch as for formal factual causation; given that for presupposed causes; for the reason that for medial explanatory clauses; seeing that for inferential historical causation; as for contrastive contexts; due to the fact that for restrictive focusing; since for unmarked backgrounded causes; considering that for epistemic inference; on the grounds that for justification; and because for prototypical causal relations.

Key words: Tajik language, English language, conjunction азбаски, causal conjunctions, comparative linguistics, morphological analysis, translation equivalents, S. Aini, "Ghulomon", contrastive grammar, causal relations, epistemic causality.

Usmonova M.N.

Theoretical basis for the study of speech etiquette in various linguocultures

The given article provides a systematic review and critical synthesis of the primary theoretical frameworks underpinning the cross-cultural study of speech etiquette. It argues that a robust understanding of communicative norms requires an integrated approach that moves beyond mere description of linguistic forms to an explanation of their underlying pragmalinguistic and sociocultural logic. The methodology is a theoretical synthesis, wherein the core tenets, strengths, and limitations of each framework are critically examined. To ground the theoretical discussion in an empirical context, the article employs a comparative analysis of illustrative examples from diverse linguocultures (including English, Russian, Japanese, and others), demonstrating how each theory uniquely illuminates different facets of speech etiquette. The analysis reveals that while Speech Act Theory provides a universal foundation for communication as action, it is Politeness Theory that offers a powerful, albeit contested, model for explaining strategic language use. The ethnopragmatic approach provides the necessary cultural depth by articulating the "why" behind specific norms, while Interactional Sociolinguistics highlights the dynamic, co-constructed nature of etiquette in real-time interaction. The article concludes that the study of speech etiquette is fundamental to understanding the complex interplay between language, culture, and social structure, with profound implications for intercultural communication, foreign language education, and global diplomacy.

Key words: speech etiquette, theoretical foundations, pragmatics, politeness theory, speech act theory, cultural scripts, interactional sociolinguistics, intercultural communication, linguoculture.

Minakova I.V.
Dedyukhin V.S.

Representation of the liberation of the nazi concentration camp Auschwitz-Birkenau (Oswiecim) in Russian and foreign official texts

The authors conducted a comparative analysis of the representation of the liberation of the Nazi concentration camp Auschwitz-Birkenau (Oswiecim) by the Red Army in contemporary Russian official discourse and in official texts of foreign countries. It was established that the conflict of interpretations surrounding the liberation of Auschwitz is part of a broader "memory war," in which each side uses the event to legitimize its own political positions in the present. Based on the analysis, systemic discrepancies between Russian and foreign discourses were identified according to key parameters: the naming of the liberator, attitudes toward Russia's diplomatic involvement, and the functions of historical memory. The conclusion is drawn that the memory of Auschwitz's liberation has become an active resource in political struggle, serving opposing geopolitical objectives: for Russia, the legitimization of historical heritage and societal consolidation; for the West, distancing from contemporary Russia and the affirmation of a narrative about a totalitarian past. Understanding this divide is necessary for deconstructing mutual claims in the «memory wars» and for preserving historical accuracy, which increasingly becomes a hostage of current geopolitics.

Key words: Auschwitz, Auschwitz-Birkenau, Red Army, politicization of history, historical memory, official discourse, historical legacy, politics of memory, World War II.

Dolgushina P.S.
Shostak V.A.
Sinegubov S.N.

The genesis of the term "serial murder" and the transformation of the figure of a serial maniac in the context of the ideological confrontation between the USSR and the USA during the Cold War

This article examines the conceptualization of the serial killer and the origins of the term "serial murderer" within the context of the contrasting ideologies of the USSR and the United States during the Cold War. The relevance of this issue is undeniable, as evidenced by the difficulties of defining a killer with multiple victims, including their search, compiling a psychological profile, and integrating murder cases into a single case. To fully understand the transformation of forensic methods, this issue must be considered within the context of the ideological confrontation between the USSR and the United States as two leading global powers. An analysis of the historical context is provided, which understands the influence of external conditions on the transformation of the forensic approach to dealing with multiple murders by a single individual with a distinctive style. The purpose of this article is to examine the origins of the term "serial murder" and approaches to dealing with serial killers from the perspective of two countries with different ideologies, taking into account forensic, psychiatric, and legal aspects. This will allow for a comprehensive understanding of the new concept.

Key words: Serial killer, ideology, Cold War, forensics, psychiatric examination, profiling.

Gerasimov M.S.

The image of the Irish in the British press after the great famine (1850–1856)

The article examines representations of Ireland and the Irish in the British periodical press during the first years after the Great Famine. Based on materials published in Punch and The Spectator, the study identifies the principal stereotypes used by the British press to portray the Irish population between 1850 and 1856. Particular attention is paid to representations of Irish poverty, mass emigration, Catholicism, lawbreaking, and political rebelliousness. Jacques Lacan's concept of the Other is employed as the theoretical framework of the study, making it possible to interpret the image of the Irishman as an element in the construction of British collective identity. The analysis demonstrates the ambivalent nature of this image. The Irish could be portrayed sympathetically as victims of famine and social and economic hardship, while at the same time being represented as bearers of characteristics that distinguished them from the normative image of the Englishman. The article concludes that British periodicals of the period reproduced a persistent set of national and confessional stereotypes that subsequently influenced British public perceptions of the Irish question.

Key words: Ireland, Irish people, Great Britain, Great Famine, British press, Punch, The Spectator, national stereotypes, the Other, Jacques Lacan.

Vural Müjgan

Ilkhanıd tax polıcy ın Anatolıa: from tradıtıonal mongolıan taxes to local and arbıtrary tax lıabılıtıes

This article provides a comprehensive examination of the tax policy pursued by the Ilkhanid state in Anatolia, the socio-economic consequences of this system, and the central government's efforts to implement financial reforms. Tax revenues, which constituted the state's main sources of income, are analysed in detail; at the same time, the problems caused by an unbalanced financial structure, as well as the economic decline of the state, are examined from a historical perspective.

Key words: Ilkhanate, tax system, Anatolia, Mongol Empire, economic history.

Kaun S.B.

Naboka D.Yu.

Gustav Stresemann's diplomacy as an instrument of the anti-crisis policy of the Weimar Republic

The article analyzes the diplomatic activity of Gustav Stresemann in 1923-1929 as an instrument of the anti-crisis policy of the Weimar Republic. Special attention is paid to the strategy of the "policy of implementation", the Dawes and Jung plans, as well as the Locarno Treaties of 1925, which allowed Germany to break out of international isolation, stabilize the economic system and achieve a partial revision of the Versailles restrictions.

Key words: Gustav Stresemann, Treaty of Versailles, Weimar Republic, hyperinflation, diplomacy, "policy of fulfillment," Dawes Plan, Locarno Treaties.

Sorokin N.O.

Ideology and pragmatism in Korean Policy toward China («sadae» and «yondae» during the reign of King Taejong)

The article highlights the features of Sino-Korean relations at the onset of the 15th century during the reign of Taejong of Joseon (1400-1418) and the Ming Emperor Zhu Di (1402-1424). The given constructivist and realist interpretations determine Confucian norms of sadae and its derivative yondae as the core bias of bilateral diplomacy. Taejong of Joseon is stated to have embraced pragmatism in his political intercourse with China.

Key words: Sino-Korean relations, Joseon, Min Wang Taejong, Zhu Di, sadae, yongdae.

Tkach E.E.

American aid to the Soviet Republics: the "Joint" mission, 1917–1922

The article analyzes the humanitarian activities of the American Jewish Joint Distribution Committee (JDC/Joint) within the Soviet republics from 1917 to 1922. The study provides a detailed overview of the evolution of the organization's strategy, shifting from early attempts at remote financial transfers to an essential transition toward a physical presence of its representatives amidst severe political isolation and the Civil War in Soviet Russia. Special attention is given to the critical phase in the summer of 1921, when the Joint entered into a coalition with the American Relief Administration (ARA) to combat the widespread famine. Based on archival records, the paper examines the specific mechanisms of cargo delivery through Baltic ports, the operation of a transparent food draft coupon system, and the deployment of an extensive network of feeding stations and hospitals in the hardest-hit regions, including Ukraine and the Tiraspol Uyezd. The paper highlights the committee's pragmatic approach, which manifested in recruiting local medical staff and extending relief to all populations in need regardless of nationality. It is concluded that the experience of emergency relief laid a solid foundation for transitioning to long-term Soviet-American projects aimed at developing Jewish agricultural settlements under the Agro-Joint corporation.

Key words: American Jewish Joint Distribution Committee, the Joint, American Relief Administration, ARA, Soviet Russia, humanitarian aid, famine relief, archival documents, Tiraspol Uyezd, Agro-Joint.

Schmidt A.K.

Artificial intelligence in the restoration of historical audiovisual materials: methodological issues and experimental analysis

The article addresses methodological problems of using generative neural networks in historical research when working with audiovisual sources reflecting the functioning of institutions of power and military bureaucracy in Germany in the first half of the 20th century. Based on two archival documents from the Bundesarchiv – an audio recording of a report by Lieutenant General Arthur Schmidt for the Wehrmachtbericht (1942) and his service photograph from the period of his admission to the Reichswehr (1919–1920) – the question of permissible boundaries of digital intervention in a historical source is examined. The methodology combines a comparative analysis

of traditional and AI processing, quantitative metrics (SNR, PSNR, SSIM), blind testing with the participation of expert historians, and historical verification of the identified elements. It was established that AI audio processing increased the signal-to-noise ratio from 4.2 to 14.3 dB; however, artifacts were recorded over 9.8% of the recording's duration, including a "linguistic hallucination." The super-resolution algorithm made visible a silhouette of the photographer in the pupil that was present in the original but unreadable, which does not contradict the historical realities of photographic technology of the 1910s–1920s and the practice of mandatory photographing upon admission to military service. Colorization produced a statistically averaged result, which indicates its illustrative rather than documentary potential. The author concludes that the boundary between restoration and reconstruction is blurred and proposes the concept of "cognitive restoration," which presupposes the labeling of generative interventions and the priority of preserving authentic defects. The necessity of distinguishing operations for revealing hidden information into a separate class requiring its own verification criterion is separately substantiated. The work is addressed to Germanist historians, specialists in the history of state and military institutions, and researchers of digital history.

Key words: Arthur Schmidt, Federal Archives (Bundesarchiv), archival sources, audiovisual sources, source criticism, digital history, generative neural networks, artificial intelligence in historical research, restoration of historical sources, reconstruction.

Li Li
Hu Siyuan
Lin Huangye

The institutionalization of European integration: the case of the European coal and steel community

The article examines the process of institutionalization of European integration through the example of the European Coal and Steel Community (ECSC) - the first integration association that laid the institutional foundations of the modern European Union. The author analyzes the historical prerequisites for the creation of the ECSC, its constituent documents, institutional structure, and the evolution of supranational authorities. Special attention is paid to the contradiction between the powers of supranational institutions enshrined in the Paris Treaty and the actual practice of their application in various economic and political conditions. Based on the analysis of theoretical concepts of functionalism and neofunctionalism, as well as empirical data, it is concluded that the ECSC became the most important stage in the institutionalization of European integration, creating an institutional template for subsequent integration agreements, however, its real impact on the development of the coal and steel industry in Europe remained limited.

Key words: European Coal and Steel Community, European integration, Treaty of Paris 1951, supranational institutions, institutionalization, functionalism, neofunctionalism, High Authority, European Court of Justice, Schuman Plan.

Lozovaya A.M.

Temporal architecture of the academic environment of the People's Republic of China

This article analyzes the temporal organization of the education system of the People's Republic of China as a multilevel system of time regimes, which largely defined the concept of Chinese academic mobility. Based on the analysis of the evolution of China's state policy, three interrelated time dimensions have been identified: historical (transformation from isolation to integration), institutional (transition from administrative prohibitions to strategic planning) and biographical (change in individual educational trajectories). Special attention is paid to the initial stage of 1949-1979, reflected in the works of A.A. Antipovsky, N.E. Borevskaya and N.V. Franchuk, as well as the collective monograph "The People's Republic of China in 1979". It is shown that academic education in China is a temporal structure that depends on the actions of the state. It is concluded that Chinese education is an example of "managed temporality", which makes it possible to synchronize individual development strategies with the general strategies of the state.

Key words: academic mobility, People's Republic of China, temporal architecture, education management, science and education policy, internationalization of higher education, 1949-1979.

Uporov I.V.

Features of the formation and powers of political investigation bodies in the 17th – early 18th centuries

This article examines issues related to the creation and functioning of political investigation agencies involved in the investigation of political crimes during the Muscovite state and the reign of Peter the Great. Emphasis is

placed on the formation of such agencies and the powers they possessed. Accordingly, regulatory and law enforcement acts in this area of public relations are analyzed, primarily the Cathedral Code of 1649 and the decrees of Peter the Great. The opinions of authors of scholarly works that address this stated topic are also included. It is noted that during the period under review, political investigation was initially carried out by officials of the prikazes and governors. Later, during the reign of Peter the Great, special permanent political investigation agencies emerged in the form of the Preobrazhensky Prikaz and the Secret Chancellery. Their activities were directed by the sovereign and, often in particularly serious cases against the state, under his direct supervision.

Key words: political investigation, Cathedral Code, orders, governors, denunciation, investigation, Preobrazhensky Order, secret chancery.

Rubtsova M.V.
Pavenkov V.G.
Rubtsova A.V.

On the cognitive history of St. Petersburg in the 18th century: a review of modern literature

In this article, the history of St. Petersburg in the 18th century is examined through the prism of the emerging methodology of cognitive history - an approach that treats mental schemas, spatial cognition and affective representations as historically specific and changeable phenomena. Synthesizing studies of the semiotics of the "St. Petersburg text", spatial-geographical turns in Russian historiography, political anthropology of monarchical ceremonies and the history of emotions, the authors of the article show that the cognitive apparatus with the help of which contemporaries perceived, remembered and navigated the new capital of Peter the Great was actively formed under the influence of panegyric rhetoric, urban planning, ceremonial choreography and print culture. The analysis is structured around four interconnected cognitive operations that determined the perception of St. Petersburg in the 18th century: the founding myth as an organizing scheme, the conceptual duality of paradise and desert, the rhetorical topoi of panegyric literature, and the readability of the built environment as a key factor in mental mapping. In conclusion, it is emphasized that cognitive history provides a productive basis for combining semiotic, spatial and emotional approaches to the study of urban culture, while simultaneously identifying a number of methodological problems. The main one is the difficulty of reconstructing everyday ideas on the basis of textual sources created by the secular elite. The solution to this problem remains for future research.

Key words: cognitive history, St. Petersburg, 18th century, spatial imagination, St. Petersburg text, urban perception, Peter the Great, history of emotions.

Faizullin S.A.

Transformations of external borders Aktanyshsky district of Tatarstan

The article is devoted to the changes in the external boundaries of the Aktanyshsky District of the Republic of Tatarstan from its establishment in 1930 to 2025. Based on a set of archival sources, the process of formation and subsequent transformation of the district's territory is examined; the key stages of territorial evolution and the reasons that determined these changes are identified. Documents reflecting the transfer of village councils and settlements between neighbouring districts and their subsequent return, as well as the processes of enlargement and reduction of district boundaries, are analysed. The composition of the volosts and councils is presented in separate chronological sections as a characteristic of the stages; the changes that occurred in the internal administrative-territorial structure of the district are not the subject of this study. The work is based on materials from the State Archive of the Republic of Tatarstan, including resolutions of government bodies and zoning plans, which made it possible to reconstruct the evolution of the district's external borders in chronological sequence. The use of published statistical data made it possible to assess the impact of territorial changes on the size and ethnic composition of the district's population. It has been established that the territorial growth of the district was accompanied by a reduction in the number of settlements and a more than twofold decrease in the population, while the ethnic structure of the population retained a high level of stability: throughout the entire period, the Tatar population predominated. After the district was restored in 1965, no large-scale administrative and territorial changes were identified.

Key words: Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, Republic of Tatarstan, Aktanysh district, consolidation of districts, disaggregation of districts, administrative-territorial transformations.

Vural Cagatay

Sewn plaques on clothing from scythian burial mounds in the north Caucasus: a sociocultural assessment based on network analysis and combinatorial criteria

This article examines Scythian plaques from the North Caucasus as indicators of status, gender, and social connections. Network analysis has shown that they form distinct patterns ("woman's set," "warrior's set"). The evolution of these plaques reflects the growing wealth of the elite and the Scythian-Caucasian synthesis. They mark class stratification, gender flexibility (Amazons), external contacts, and provincial conservatism, serving as an important historical source.

Key words: North Caucasus, Scythian period, plaques depicting clothing, social status, network analysis.

Chebarev V.V.

Comparative analysis of the activities of the officer artillery school in the early 20th century (1904-1909)

The article, based on the analysis of archival materials, periodicals, and official reports, looks at the evolution of the Officer Artillery School (OAS) over five years of its activity (1904-1909). The aim of the study is to identify the main directions of transformation of the school as a military educational institution. The methodological basis is a comparative-historical analysis using statistical methods. The research examines changes in the quantitative and qualitative composition of the student body, personnel policies, curricula, and living conditions. Special attention is given to the school's shift from the stage of organizational formation to a mature military education system capable of self-assessment through anonymous student surveys. The conclusion is that over the five-year period, the OAS transformed from a captain-level advanced training institution into a mandatory step in the career progression of battery and division commanders.

Key words: Officers' Artillery School, OAS, 1904, 1909, variable personnel, senior officers, training of artillery commanders, military education, comparative analysis.

Rushchenko G.S.

Friends, neutrals, and enemies: semantic content analysis of social categories in the 1902 appeal by anarchist J.W. Machajski

Based on content analysis, the study examines binary oppositions and clusters of epithets in the 1902 appeal in the work of early 20th-century anarchist Jan Wacław Machajski. The analysis of a source representative of the early phase of Makhaevshchina reveals that the central opposition is formed by workers versus intelligentsia (the latter conceived as an exploitative group seeking to monopolize knowledge and "join the elites"). The government and the bourgeoisie occupy a subordinate position in the system of epithets and align with the intelligentsia on the basis of their hostility to the proletariat. Contrary to a widespread historiographical claim, the document contains no call to fight Jewish pogroms; rather, "Jewishness" is used as an ironic epithet for the intelligentsia. The findings contribute to revising oversimplified assessments of Makhaevshchina as primitive anti-intellectualism and demonstrate that Jan Machajski offered a moderately rational critique of "cultural capital", anticipating later theories of the "new class" and the crucial role of information in post-industrial society.

Key words: Jan Wacław Machajski, Makhaevshchina, anarchy, anarchism, ideology, content analysis, intelligentsia, history of Russia.

Abramov D.M.

The problems of interfaith and intra-church relations in the Russian Northwest and the Baltic region in the first half of the 13th century

In the 13th century, issues concerning the relations between Orthodox and Catholic church communities in different lands and volosts, the subordination of church hierarchies, the issues of church ordination, and the relations between secular and church authority in the Baltic region and in the Russian Northwest were significantly exacerbated and fraught with enormous difficulties. Church disputes between Pskov and Novgorod regarding Pskov's diocesan independence, the right to elect its own bishop, and to ordain clergy for Pskov parishes without the will of the Novgorod ruler (archbishop) can already be traced back to the first half of the 13th century. Furthermore, the Catholic prelates did not abandon their intentions to engage in missionary work and to convert a significantly larger number of Russians, their Orthodox subjects, and allies–including elders and the common people–to Latin Christianity. Contradictions between the Order of the Sword Brothers and the Bishop of Riga also existed. The conflict between the Guelphs and the Ghibellines, who openly opposed each other in Western and Central Europe, periodically flared up in the Baltic region on the lands being colonized.

Key words: diocese, Orthodoxy, Latin Christianity, Veliky Novgorod, Pskov, the Baltic region, Order of the Sword-Bearers, Bishop of Riga.

Alieva L.V.
Garchu Nadezhda

The regional press and the construction of the image of the enemy: «Pskov Provincial Gazette» during World War I

This article examines the official press of the frontline region from 1914 to 1917 – the publication "Pskovskie Gubernskie Vedomosti". The paper examines how the provincial official press performed a complex communicative task, forced not only to convey imperial ideology but also to respond to complex social processes in the vicinity of the theater of military operations. Within this publication, the imperial narrative was eroded under the pressure of military censorship, the everyday reality of war, and internal destabilizing factors. An analysis of the publication's materials reveals that the rhetoric of the frontline press was distinguished by a combination of official tone and elements of popular journalism. Publications in the early period of the war actively used mobilization appeals, creating the image of a united people confronting an external enemy. Through essays, letters from the front, and reports on charity collections, the newspaper constructed a unified picture of national unity in the face of a common threat, playing a key role in maintaining patriotic spirit and mobilizing rear resources. However, as the war dragged on and social contradictions grew (1916–1917), the newspaper's rhetoric grew increasingly alarmed, reflecting public sentiment.

Key words: information warfare, image of the enemy, Pskov Governorate, influence of information, public consciousness, Russian Empire, periodical press, Vedomosti.

Bobrovsky I.A.

On the issue of formation of special-purpose units on the territory of the Voronezh Gubernia during the Civil War

The article is devoted to one aspect of the history of the Civil Wars, namely, the formation of special purpose units (ChON) in the Voronezh Governorate. Based on archival materials, the principles of recruitment, the management structure, party and military control, and the mobilization specifics of the provincial special purpose units are analysed. The role of the Voronezh detachments in the battles against A. I. Denikin's units and the maintenance of Soviet power in the Voronezh Governorate is also reflected. It is noted that the CHON was a hybrid military political structure that combined army discipline with party mobilization, which made it possible to respond promptly to threats in the front line zone.

Key words: Civil War, special purpose units, CHON, Voronezh Governorate, party mobilization, Special Purpose Detachments.

Lukyanchenko E.E.
Voloshin G.R.
Unanyan G.A.
Kostin K.N.
Petrov N.Yu.

Why the Olympic games remain the main sporting event in the world

The article examines the historical context that turns the Games into an arena of peaceful geopolitical rivalry, where modern states continue the traditions of the ancient Greek ekeheiriyah – sacred truce, and national Olympic committees use competitions to assert their sovereignty in the international arena. The social significance of the event lies in its unique ability to unite humanity around the universal values of fair struggle and self-overcoming: broadcasts of competitions attract an audience of billions, erasing linguistic and cultural barriers, and development programs through sports contribute to the involvement of young people from different countries in a healthy lifestyle. Finally, the media component has evolved from simple broadcasting to the creation of a global reality show using digital platforms, interactive broadcasts and augmented reality technologies, which allows the IOC to attract a young audience and generate huge revenues from the sale of rights necessary to support athletes around the world. It is the synergy of these three components that provides the Olympics with an unsurpassed capitalization of audience attention and the status of the main sports phenomenon of our time.

Key words: Olympic Games, Olympism, sports, international cooperation, culture, media.

Gorkush S.V.
Klimochkina A.Yu.
Mysheva A.A.

Databases on genocide victims as a historical source of the Great Patriotic War (1941-1945)

The formation of an objective picture of the atrocities committed by the Nazis is impossible without a deep and comprehensive study of historical sources that document the tragedy of the civilian population during the Great Patriotic War. These documents, which serve as evidence of the crimes committed and contain a unique and legally significant array of information, are crucial for implementing state policies aimed at commemorating the victims and restoring historical justice. The study of such documents requires a comprehensive approach and a detailed analysis of all aspects. This is what this article will focus on.

Key words: databases, historical source, war, genocide, documents on crime victims, Nazi atrocities, historical memory.

Kirillova A.I.

Whaling and marine mammal hunting in the Okhotsk-Kamchatka region at the beginning of the 20th century: in whose hands was it concentrated?

Author analyzes the memoirs of journalists and travelers, scientific reports and published official's reports in the beginning of the 20-th century. The purpose of analysis is determination the role of foreign capital in the marine mammal and whaling industries in the Okhotsk-Kamchatka Krai. Also article describes the difficulties industries development, problems of poaching. Three main trends in the development of whaling and marine mammal hunting in the 1900s–1920s in the Far Northeast of Russia are identified.

Key words: Kamchatka, Okhotsk-Kamchatka Krai, marine mammal hunting, indigenous peoples, traditional livelihoods, whaling.

Larina F.Sh.

The introducing of artificial intelligence (AI) in the history of military diplomacy

The article discusses current trends concerning the formation of power distribution on the geopolitical map. The role of domestic military diplomacy is being explored, as well as the digital revolution associated with the introduction of artificial intelligence (AI) systems into military technology. Emphasis is placed on avoiding an arms race in the use of AI systems in original disruptive technologies, as this risks instability and chaos in the geopolitical landscape. The theoretical and practical aspects of game theory are analyzed, which can be applied in the sphere of military diplomacy for the most productive international cooperation and evolution of the structure of international relations. The novelty of the topic is justified by the fact that there are no studies in the scientific sphere concerning ways of implementing an artificial intelligence system created using the provisions of game theory. Game theory allows the analysis of strategies for the behavior of participants in military-diplomatic relations in conflict situations. The paper examines trends in modern international relations, characterized by an increasing arms race in the field of new technologies. And the uncontrolled introduction of AI into modern military technology, which carries the risk that, in case of error, there is no international legal framework to hold those responsible accountable.

Key words: history of military diplomacy, diplomatic negotiations, international liability, diplomatic protocol, artificial intelligence (AI), game theory, arms race, cyberspace, the concept of "responsibility to protect".

Levashov O.E.

Restoration and modernization of the radio system of the Kursk region in 1946–1965

The article examines the recovery and modernization of the wired radio broadcasting system in the Kursk Region between 1946 and 1965. Its purpose is to identify the stages, mechanisms, and constraints that shaped the development of the regional radio distribution infrastructure after the Second World War. The source base includes records from the State Archive of the Kursk Region and the State Archive of the Russian Federation, central and regional periodicals, and scholarly works on the history of communications, industry, agriculture, and railway transport. The study combines the problem-chronological, historical-genetic, and comparative methods. Quantitative evidence is interpreted with regard to the administrative origin of reporting documents and the 1954 change in the borders of the Kursk Region. The analysis identifies three successive stages: post-war reconstruction; large-scale extension of urban and rural wired broadcasting; and a gradual shift from extensive growth in the number of radio outlets to increased transmitter capacity, network reliability, and service quality. Modernization depended on centralized planning and allocation of equipment, but also on local budgets, collective-farm funds, and mobilized labour. Persistent constraints included shortages of materials and vehicles, unstable electricity supply, lack of skilled personnel, overlapping administrative responsibilities, and construction without complete design documentation.

By the mid-1960s, the network was approaching territorial saturation, making qualitative modernization increasingly important.

Key words: Kursk Region, radio broadcasting, wired radio broadcasting, radio center, radio broadcasting network, USSR Ministry of Communications, post-war restoration, modernization.

Morozov A.S.

State regulation of the labor market in conditions of personnel shortage: the experience of Soviet Russia in the 1920s on the example of the Eastern suburbs

The article examines the experience of state regulation of the labor market in Soviet Russia in the 1920s under conditions of acute personnel shortage. Using the example of the eastern Moscow region – a major industrial center – the author analyzes the causes of labor shortage caused by World War I and the Civil War, the destruction of industry, the emigration of qualified specialists, and the mass outflow of workers to rural areas. The article studies the state's attempts to overcome the crisis through the system of labor mobilizations of the War Communism period and the mechanisms of labor market regulation during the NEP era, including the creation of labor exchanges and the organization of public works. Based on archival materials (State Archive of the Russian Federation) and statistical data, the inefficiency of the initial measures is demonstrated, manifested in a systemic management crisis, weak coordination, and low employment rates. Special attention is paid to the revival of the otkhodnichestvo system under state control as a mechanism for organized recruitment of workers, as well as to the processes of labor feminization and the use of artel forms of organization. The article traces the dynamics of restoring the personnel composition of textile enterprises in the region by the mid-1920s and the transition to administrative methods of labor redistribution during the period of forced industrialization. It is concluded that solving the problem of personnel provision under conditions of deep socio-economic crisis cannot be achieved by market or administrative methods alone, but requires an integrated approach combining economic policy, institutional development, and labor market regulation methods. The historical experience of the 1920s remains relevant for understanding contemporary challenges in the sphere of employment.

Key words: labor market, personnel shortage, state regulation, Soviet Russia, 1920s, eastern Moscow region, labor exchange, otkhodnichestvo (seasonal labor migration), labor mobilization, NEP, unemployment, industrialization, industrial resettlement, feminization of labor, artel.

Nagaeva G.A.

The tavern trade in the Russian provinces in the late 19th and early 20th centuries (a case study of the port city of Novorossiysk)

The article presents an analysis of the development of the tavern trade in the provincial port city of Novorossiysk. A comparative analysis of various categories of establishments within this type of business is presented. The study also provides a brief overview of the evolution of Russian legislation regarding taverns from 1719 to 1893. The author draws upon data from official reference works, archival documents, and periodicals from the period under study as the source base. The paper concludes with an analysis of the specific features of the development of the tavern business in Russia in general and in Novorossiysk in particular.

Key words: Novorossiysk, tavern establishments, tavern business, Herberg, hotel, restaurant, entrepreneurship.

Авторы

Абрамов Д.М. - кандидат культурологии (по историческим наукам), доцент, директор УНЦ Региональной истории, краеведения и москвоведения. Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного Университета, Москва.

Абсалямова Л.Ф. - кандидат филологических наук, доцент педагогического факультета. Сибайский институт (филиала) Уфимского университета науки и технологий.

Алиева Л.В. - кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», доцент кафедры отечественной и всеобщей истории исторического факультета института гуманитарных наук и языковых коммуникаций, г. Псков.

Амитрова М.В. - кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков. Московское высшее общевойсковое командное училище. SPIN-код: 3817-5480 / ORCID: 0000-0002-7272-1224

Ахтарова З.А. - независимый исследователь, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа.

Ашрафзода Б.П. - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета восточных языков ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова», Республика Таджикистан, г. Худжанд.

Бажутова М.А. - Магистр факультета иностранных языков. Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева.

Байтурина Ю.М. - студентка 3 курса педагогического факультета. Сибайский институт (филиала) Уфимского университета науки и технологий.

Бобровский И.А. - старший преподаватель кафедры СГЭиПД, Воронежского института Министерства внутренних дел России, г. Воронеж.

Ваджибов М.Д. - кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала. SPIN-код: 8032-4534 / ORCID: 0009-0002-6450-0357

Вехова Е.А. - кандидат культурологии, доцент кафедры теории речи и перевода. Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева.

Волошин Г.Р. - преподаватель кафедры Спорт. Дальневосточная государственная академия физической культуры, г. Хабаровск.

Вурал Мюжган - аспирант факультета Истории. Государственный академический университет гуманитарных наук при Правительстве Российской Федерации.

Вурал Чагатай - аспирант факультета Истории, Государственный академический университет гуманитарных наук при Правительстве Российской Федерации, Младший научный сотрудник Факультета гуманитарных наук и литературы, Университет Ардахана Республики Турции.

Гареева Г.Н. - доктор филологических наук, профессор, доцент. Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа. SPIN-код: 9864-4231

Гарчу Надежда - магистрант исторического факультета института гуманитарных наук и языковых коммуникаций ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», учитель истории ГБОУ СОШ № 306, г. Санкт-Петербург.

Герасимов М.С. - аспирант. Саратовский государственный университет, Институт истории и международных отношений, г. Саратов.

Горкуш С.В. - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения ФГБОУ РТУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет, РТУ МИРЭА».

Дедюхин В.С. - аспирант факультета экономики и управления. Юго-Западный государственный университет, г. Курск.

Долгушина П.С. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Иванова М.Е. - старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2. Российский

экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Исхакова Р.Р. - кандидат филологических наук, доцент педагогического факультета. Сибайский институт (филиала) Уфимского университета науки и технологий.

Каун С.Б. - старший преподаватель кафедры источниковедения исторического факультета, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, г. Минск.

Кириллова А.И. - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга», г. Петропавловск-Камчатский.

Климочкина А.Ю. - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения ФГБОУ РТУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет, РТУ МИРЭА».

Костин К.Н. - преподаватель кафедры Спорт. Дальневосточная государственная академия физической культуры, г. Хабаровск.

Ларина Ф.Ш. - кандидат юридических наук, доцент кафедры международной безопасности, кафедры политологии и права, ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», ФГАОУ «Государственный университет просвещения».

Левашов О.Е. - аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, Юго-Западный государственный университет, г. Курск. ORCID: 0009-0007-3855-9538 / ResearcherID Web of Science: LSJ-3254-2024

Ли Ли - доктор филологических наук. Северо-западный педагогический университет.

Лин Хуанье - магистратура. Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Лозовая А.М. - аспирант. Российский государственный гуманитарный университет.

Лукьянченко Е.Е. - старший преподаватель кафедры МЭСиТ. Дальневосточная государственная академия физической культуры, г. Хабаровск.

Минакова И.В. - доктор экономических науке, профессор, начальник управления международной деятельности, Курский государственный аграрный университет имени И.И. Иванова.

Мирзоева П.В. - Таджикский международный университет иностранных языков имени С. Улугзаде, соискатель кафедры английской филологии, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Морозов А.С. - аспират 3 курса, исторического факультета. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Мышева А.А. - ассистент преподавателя кафедры истории и документоведения ФГБОУ РТУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет, РТУ МИРЭА».

Набока Д.Ю. - студент факультета экономики и менеджмента, учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Республика Беларусь, г. Минск.

Нагаева Г.А. - кандидат исторических наук, доцент кафедры инженерных дисциплин и управления. Новороссийский политехнический институт (филиал) Кубанского государственного технологического университета, г. Новороссийск.

Нго Суан Биен - кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка института иностранных языков. Хюэский университет. Вьетнам, город Хюэ.

Окилова Х.А. - кандидат филологических наук, доцент кафедры персидского и китайского языков факультета восточных языков ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова», Республика Таджикистан, г. Худжанд.

Орлова Т.А. - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков 2 отделение языковой подготовки ОАФ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Павенков В.Г. - кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории, политологии и социологии. Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова.

Пеньковская И.И. - соискатель ученой степени кандидата филологических наук. Московский государственный лингвистический университет (переводческий факультет, кафедра русского языка и теории словесности); Московский университет «Синергия» (факультет лингви-

стики, кафедра филологии). SPIN-код: 2218-7662 / ORCID: 0000-0002-6047-1934

Петров Н.Ю. - кандидат педагогических наук, доцент. Волгоградская государственная академия физической культуры, г. Волгоград.

Резепова Н.В. - доцент кафедры русского и иностранного языков, Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова (ВГИК), Российский государственный геологоразведочный университет имени С. Орджоникидзе.

Рубцова А.В. - аспирант. Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения.

Рубцова М.В. - доктор социологических наук, профессор кафедры Отечественной истории, политологии и социологии. Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова.

Рущенко Г.С. - ИИМО ЮФУ Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону. ORCID: 0009-0000-3079-2510

Садовникова И.И. - кандидат филологических наук, младший научный сотрудник. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Республика Саха Якутия. SPIN-код: 7665-0570

Салаватова Ф.Р. - кандидат филологических наук, доцент. Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа. SPIN-код: 1354-5164

Синегубов С.Н. - доктор исторических наук, профессор, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Сорокин Н.О. - аспирант третьего курса, лаборант-исследователь Отдела Китая, Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), г. Москва.

Ткач Е.Е. - соискатель, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург.

Унанян Г.А. - студент 4 курса. Дальневосточная государственная академия физической культуры, г. Хабаровск.

Упоров И.В. - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Российская академия естествознания, г. Краснодар.

Усмонова М.Н. - кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания иностранных языков факультета иностранных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", Республика Таджикистан, г. Худжанд. ORCID: 0009-0001-9453-3830

Усмонова М.Н. - кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и грамматики английского языка факультета иностранных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", Республика Таджикистан, г. Худжанд. ORCID: 0009-0001-9453-3830

Файзуллин С.А. - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт татарской энциклопедии и регионоведения имени М. Хасанова АН РТ, г. Казань.

Ху Сыюань - бакалавриат. Северо-западный педагогический университет.

Чебарев В.В. - заместитель начальника факультета (артиллерийского), соискатель. Михайловская военная артиллерийская академия, г. Санкт-Петербург.

Чубарова Ю.Е. - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода. Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева.

Шмидт А.К. - аспирант. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского. ORCID: 0009-0007-7247-7405

Шостак В.А. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Юсупова М.А. - кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и сравнительной типологии факультета иностранных языков ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова», Республика Таджикистан, г. Худжанд.

Authors

Abramov D.M., Candidate of Cultural Studies (Historical Sciences), Associate Professor, Director of the Educational and Research Center for Regional History, Local History, and Moscow Studies. Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, Moscow.

Absalyamova L.F., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Faculty of Education. Sibay Institute (Branch) of Ufa University of Science and Technology.

Akhtarova Z.A., Independent researcher. Ufa University of Science and Technology, Ufa.

Alieva L.V., PhD in History, Associate Professor, Pskov State University; Associate Professor, Department of Russian and World History, Faculty of History, Institute of Humanities and Language Communications, Pskov.

Amitrova M.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Moscow Higher Combined Arms Command School. SPIN-code: 3817-5480 / ORCID: 0000-0002-7272-1224

Ashrafzoda B.P., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Language, Faculty of Oriental Languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Tajikistan Republic, Khujand-city.

Baiturina Yu.M., 3rd-year student, Faculty of Education. Sibay Institute (Branch) of Ufa University of Science and Technology.

Bazhutova M.A., Master's student, Faculty of Foreign Languages, National Research Mordovia State University.

Bobrovsky I.A., Senior Lecturer, Department of Civil Defense, Economics, and Public Administration, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh.

Chebarev V.V., Deputy Head of the Faculty (Artillery), Degree Candidate. Mikhailovskaya Military Artillery Academy, St. Petersburg.

Chubarova Yu.E., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Speech Theory and Translation, National Research Mordovia State University.

Dedyukhin V.S., Graduate student at the Faculty of Economics and Management, Southwest State University, Kursk.

Dolgushina P.S., Student. P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (Branch) of Tyumen State University, Ishim.

Faizullin S.A., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies named after M. Khasanov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan.

Garchu Nadezhda, Master's student, Faculty of History, Institute of Humanities and Language Communications, Pskov State University; History teacher, Secondary School No. 306, St. Petersburg.

Gareeva G.N., Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Ufa University of Science and Technology, Ufa. SPIN-code: 9864-4231

Gerasimov M.S., Postgraduate student Saratov State University, Institute of History and International Relations, Saratov.

Gorkush S.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Documentation Science, Russian Technological University.

Hu Siyuan, Undergraduate. Northwest Normal University.

Iskhakova R.R., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Faculty of Education. Sibay Institute (Branch) of Ufa University of Science and Technology.

Ivanova M.E., Senior Lecturer, Department of Foreign Languages No. 2. Russian Economic University named after G.V. Plekhanov.

Kaun S.B., Senior Lecturer, Department of Source Studies, Faculty of History, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.

Kirillova A.I., PhD in History, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatsky.

Klimochkina A.Yu., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Documentation Science, Russian Technological University.

Kostin K.N., Lecturer, Department of Sports, Far Eastern State Academy of Physical Culture, Khabarovsk.

Larina F.Sh., PhD in Law, Associate Professor, Department of International Security, Department of Political Science and Law, Russian State Humanitarian University, State University of Education.

Levashov O.E., Postgraduate student, Department of Constitutional Law, Southwestern State University, Southwestern State University, Kursk. ORCID: 0009-0007-3855-9538 / ResearcherID Web of Science: LSJ-3254-2024

Li Li, Doctor of Philology. Northwest Normal University.

Lin Huangye, Master's degree. Kazan (Volga Region) Federal University.

Lozovaya A.M., Postgraduate Student. Russian State University for the Humanities.

Lukyanchenko E.E., Senior Lecturer, Department of Economics and Transport, Far Eastern State Academy of Physical Culture, Khabarovsk.

Minakova I.V., Doctor of Economics, Professor, Head of the International Relations Department, Kursk State Agrarian University named after I.I. Ivanov.

Mirzoeva P.V., S. Ulugzoda Tajik International University of Foreign Languages, Candidate for an Academic Degree, Department of English Philology, Republic of Tajikistan, Dushanbe.

Morozov A.S., 3rd year aspirant, Faculty of History, Peoples' Friendship University of Russia.

Mysheva A.A., Teaching Assistant, Department of History and Documentation Science, Russian Technological University.

Naboka D.Yu., Student, Faculty of Economics and Management, Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus.

Nagaeva G.A., PhD in History, Associate Professor, Department of Engineering Disciplines and Management, Novorossiysk Polytechnic Institute (branch) of the Kuban State Technological University, Novorossiysk.

Ngo Xuan Bien, Candidate of Philological Sciences, Lecturer at the Department of Russian Language, Institute of Foreign Languages, Hue University. Hue, Vietnam.

Orlova T.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Oqilova H.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Persian and Chinese Languages, Faculty of Oriental Languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Tajikistan Republic, Khujand.

Pavenkov V.G., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of National History, Political Science, and Sociology. Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping.

Penkovskaia I.I., Applicant for PhD in Philology. Moscow State Linguistic University; Synergy University.

Petrov N.Yu., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Volgograd State Academy of Physical Culture, Volgograd.

Rezepova N.V., Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages, Gerasimov Institute of Cinematography; Sergo Ordzhonikidze Russian State Geological Prospecting University.

Rubtsova A.V., Postgraduate Student. St. Petersburg State Institute of Film and Television.

Rubtsova M.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of National History, Political Science, and Sociology. Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping.

Rushchenko G.S., Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don. ORCID: 0009-0000-3079-2510

Sadovnikova I.I., Candidate of Philological Sciences, Junior Researcher. Institute of Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS, Yakutsk, Republic of Sakha Yakutia. SPIN-code: 7665-0570

Salavatova F.R., Candidate of Philology, Associate Professor. Ufa University of Science and Technology, Ufa. SPIN-code: 1354-5164

Schmidt A.K., Postgraduate student. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (National Research University). ORCID: 0009-0007-7247-7405

Shostak V.A., Student. P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (Branch) of Tyumen State University, Ishim.

Sinegubov S.N., Doctor of Historical Sciences, Professor, P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (Branch) of Tyumen State University, Ishim.

Sorokin N.O., Third-year postgraduate student, research assistant at the Department of China, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (IOS RAS), Moscow.

Tkach E.E., Degree Applicant, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg.

Unanyan G.A., Fourth-year student, Far Eastern State Academy of Physical Culture, Khabarovsk.

Uporov I.V., Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor. Russian Academy of Natural History, Krasnodar.

Usmonova M.N., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Methods of Teaching of Foreign Languages, Faculty of Foreign languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Tajikistan Republic, Khujand. ORCID: 0009-0001-9453-3830

Usmonova M.N., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Translation and English Grammar, Faculty of Foreign languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Tajikistan Republic, Khujand. ORCID: 0009-0001-9453-3830

Vadzhibov M.D., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Methodology of Teaching Russian Language and Literature, Dagestan State University, Makhachkala. SPIN-code: 8032-4534 / ORCID: 0009-0002-6450-0357

Vekhova E.A., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor at the Department of Speech Theory and Translation. N.P. Ogarev Mordovia State University.

Voloshin G.R., Lecturer, Department of Sports, Far Eastern State Academy of Physical Culture, Khabarovsk.

Vural Cagatay, Postgraduate student in the Department of History, State Academic University for the Humanities under the Government of the Russian Federation; Junior Research Fellow in the Department of Humanities and Literature, Ardahan University, Turkey.

Vural Müjgan, PhD student at the Faculty of History, State Academic University of Humanities under the Government of the Russian Federation.

Yusupova M.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Linguistics and Comparative Typology, Faculty of Foreign Languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Tajikistan Republic, Khujand.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»
Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в Перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:
создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов;
помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.
Редакционная подготовка
(литературное и техническое редактирование), дизайн.
Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.
Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:
* допечатная доработка (по желанию автора);
* редактирование;
* корректура;
* подготовка электронного макета;
* присвоение ISBN;
* присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
* разработка дизайна обложки;
* печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
* передача 16 экземпляров в Книжную палату;
* рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 772-19-99
e-mail: etnosocium@mail.ru